

Роберт Канигел

Джейн
Джекобс

|ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО|

Роберт Канигел

Глаза, устремленные на улицу

Жизнь Джейн Джекобс

Перевод с английского
Анны Васильевой
Под научной редакцией
Вячеслава Данилова

| Издательский дом ДЕЛО |
Москва | 2019

Robert Kanigel

Eyes on The Street

The Life Of Jane Jacobs

ALFRED A. KNOPF · NEW YORK · 2016

РАН и ГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ОБРАЗОВАНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 929
ББК 85.118
К19

Канигел, Роберт

К19 Глаза, устремленные на улицу. Жизнь Джейн Джекобс / пер. с англ. А. Васильевой; под науч. ред. В. Данилова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 496 с. (Интеллектуальная биография).

ISBN 978-5-7749-1409-8

«Глаза, устремленные на улицу» — это история феноменальной женщины, которая написала семь прорывных книг, спасала городские районы, участвовала в протестных кампаниях, остановила строительство шоссе через свой любимый Гринвич-Виллидж, дважды подвергалась аресту и участвовала в тысячах дискуссий, везде одержав победу. Книги, статьи, выступления Джейн Джекобс, ее идеи противостояли господству модернизма в урбанистике. Ее пытливый ум, непредубежденный взгляд и искренняя привязанность ко всему тому, что составляет яркую ткань городской жизни, бесповоротно изменили взгляд миллионов людей на то, что такое город и что делает его живым.

Эта биография вошла в топ-10 книг по искусству (Booklist), десятку лучших книг года по архитектуре (World Architecture) и лонг-лист Медали Эндрю Карнеги за достижения в жанре документальной прозы.

ISBN 978-5-7749-1409-8

УДК 929
ББК 85.118

EYES ON THE STREET: THE LIFE OF JANE JACOBS by Robert Kanigel
Copyright © 2016 by Robert Kanigel

This translation published by arrangement with Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group, a division of Penguin Random House, LLC.
© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019

Содержание

Предисловие · 9

ЧАСТЬ I. ЖЕНЩИНА БЕЗ ДИПЛОМА. 1916–1954

Глава 1. Хорошее место для жизни · 27

Глава 2. Вне закона · 47

Глава 3. Леди Гнезда сов и другие вехи образования
мисс Джейн Батцнер · 61

Глава 4. Этот большой ошеломляющий мир · 76

Глава 5. Морнингсайд-Хайтс · 93

Глава 6. Женский труд · 106

Глава 7. «Америка» · 119

Глава 8. Trushchoby · 134

ЧАСТЬ II. В БОЛЬШОМ МИРЕ. 1954–1968

Глава 9. Разочарование · 157

Глава 10. Десять минут в Гарварде · 177

Глава 11. Человек, с которым стоит поговорить · 188

Глава 12. Рукопись, чтобы было что показать · 211

Глава 13. Мамаша Джекобс с Гудзон-стрит · 239

Глава 14. Физическая ошибка · 248

Глава 15. Солдат Вест-Виллидж · 268

I. Уличный боец · 268

II. Мистер и миссис Макиавелли · 270

III. Спасите наши тротуары · 275

IV. Заклеваны насмерть утками · 277

V. Ни единого воробья · 289

Глава 16. Обед в Белом доме · 297

I. Приятный разговор минут
на девять, дорогая · 297

II. Обсидиановые дни · 301

III. Разноцветные мечты · 307

Глава 17. Противогазы в Пентагоне · 312

ЧАСТЬ III. НА ОЛБАНИ-АВЕНЮ. 1968–2006

Глава 18. Свой круг · 331

Глава 19. Обустройство · 347

Глава 20. Наша Джейн · 367

Глава 21. Сбита с толку · 379

Глава 22. Адам, Карл и Джейн · 391

Глава 23. Сети доверия · 405

I. Джейн и компания · 405

II. Честность или честь · 414

III. В поездке на Илиамну · 421

IV. Нemoшь старости · 426

Глава 24. Важные идеи · 430

I. Жизнь «Смерти и жизни» · 430

II. Аcolиты и вероотступники · 440

III. Подчинение природе · 449

Глава 25. Дитя цивилизации · 451

Слова благодарности · 473

Источники · 477

Сокращения · 479

Список литературы · 480

*Саре, Джесси, Дункану
и всей уличной банде
Калверт-стрит*

Предисловие

Стоит только задуматься, что вы хотите сказать о Джейн Джекобс, — и сразу же задаешься вопросом, как бы она на это среагировала.

Вам бы вряд ли захотелось ввязаться в спор с Джейн: она могла переспорить любого. В словесном поединке она была непобедима. В тридцать лет, то есть задолго до создания «Смерти и жизни больших американских городов», она написала провокационную статью для крупного журнала, издатель которого поинтересовался достоверностью ее информации. Когда они встретились, Джейн защищала свой текст, «перечисляя факты и наблюдения из первых рук»¹. Позже она спросила симпатизирующего ей коллегу, почему он не заступился за нее. Тот ответил: «А незачем. Бедняга [издатель] подумал, что попал под бензопилу».

Можно сказать, что Джейн Джекобс не выносила дураков, и это верно. Но нет — вы так не скажете, ведь это ужасное клише, а вам не захочется произносить клише перед Джейн. Вам захочется быть на высоте. Если ваши доводы неубедительны, вам не хватает точного примера, ваша точка зрения не ясна, — вы, вероятно, не пожелали бы это продемонстрировать. Потому что если бы вы это сделали — за кухонным столом в ее доме в Гринвич-Виллидж, или позже, в Торонто, или на общественных слушаниях, или среди ученых — она бы вас просто уничтожила. «Бывают поводы не соглашаться с Джейн Джекобс, но не так много, как кажется, — писал Роджер Сейл в *The Hudson Review* в 1970 году, — потому что, по ее собственным словам, она практически всегда права, и настоящие вопросы возникают, когда вы начинаете размышлять, а что же она упустила?»²

Джейн — как все ее звали, включая троих детей — написала семь книг, спасала городские районы, останавливала строительство скоростных дорог, ее дважды арестовывали, она нежилась в лучах обожания со стороны легионов поклонников, прове-

---

1. Dillon, p. 41.

2. Roger Sale, «Thinking About Cities», *Hudson Review* (spring 1970), p. 178.

ла миллион дискуссий и дебатов за кухонным столом, которые всегда выигрывала. По крайней мере в последние годы — хотя есть все основания полагать, что все это восходит еще к начальной школе, — она неизменно главенствовала в разговоре. Она слушала, отвечала, спорила. Она думала о том, что хотела сказать, и говорила это. Не приукрашивая, не смягчая. Просто говорила. Назовите ее хоть жестокой, хоть честной. Кто-то однажды сказал о ней: «Какой прекрасной, милой бабушкой ей никогда не бывать»³.

Джейн была совершенно нормальной, здоровой и счастливой во всех самых важных смыслах. У нее были друзья, которые ее любили. Она хорошо к ним относилась, была доброй и любящей. Она могла быть игривой и даже дурачиться: по меньшей мере однажды корчила смешные рожи на камеру. Когда вы с ней здоровались, она крепко вас обнимала. Она отрывала время у письма — самого важного занятия в ее жизни, — чтобы помочь своим детям, друзьям, соседям. Но она всегда *говорила то, что думала*; она не знала, как можно иначе. Однажды, когда Джейн в очередной раз сказала то, что думала, журналистам *The New York Times*, редактор журнала, в котором она работала, произнес: «Полагаю, вам действительно не следовало высказываться...»⁴

Итак, встает законный вопрос: всегда ли она была такой? Или это черта характера, развившаяся со временем? Может быть, она проявилась только после того, как первая книга ее прославила? Или после переезда в Торонто, когда она стала для этого города знаковой фигурой, перед которой преклонялись? Маска ли это, которую известная персона порой надевает на себя и с которой срастается с годами? Или она всегда была такой?

Джейн Джекобс написала семь книг, но помнят ее благодаря только одной из них, под названием «Смерть и жизнь больших американских городов». Она впервые была опубликована в 1961 году и с тех пор постоянно переиздавалась. Считается, что эта книга больше, чем что-либо иное, изменила общий взгляд на города и то, чего ожидают от них. Когда читатели говорили о ней, то порой признавались, что «Смерть и жизнь» была для них опытом, близким к религиозному. Что

3. *Matter*, p. 15. [Ссылки на ряд изданий и архивов, наиболее часто упоминаемых в книге, приведены в сокращенной форме; см. раздел «Сокращения» на с. 479 настоящего издания. — *Прим. ред.*]

4. Мемо, Doug Haskell to J.J., July 2, 1959, HaskellPap.

книга их изменила. С этих пор они *видели* все иначе. Их Чикаго, или Нью-Йорк, или Бостон изменился в их глазах, обрел новый баланс важного и неважного. Для многих сегодня, конечно, Джейн Джекобс — почти культовая фигура, а «Смерть и жизнь» — своего рода евангелие, как «Маленькая красная книжица» председателя Мао, или Библия, или Конституция США — вместилище окончательной истины. Я отношусь к тем, кто рано узнал о Джекобс и прочел ее «Смерть и жизнь» еще в начале 1970-х годов. Для нас настоящим откровением стала уверенность в том, каким город может быть в своих лучших проявлениях, и оправдание городской чувствительности наподобие того, которое я впитал, когда рос в Нью-Йорке, и позже видел в Париже и Сан-Франциско.

С тех пор прошло уже много лет, и предметом книги, которую вы сейчас читаете, являются не города, не городское планирование и не урбанистика. Эта книга предназначена не для того, чтобы собрать жизнеутверждающие истории обновления и возрождения городских улиц. Она не берет читателя за руку и не ведет его через возродившийся район Стэйшн-Норт в Балтиморе или облагороженный Уильямсбург в Бруклине; через старые склады и офисные здания, переделанные в жилье, или вновь ожившие даунтауны. Она не ликует в связи с устойчивым падением уровня преступности в Нью-Йорке и других городах. Не наслаждается сносом разрушающих город магистралей в Бостоне и Сан-Франциско. Все это, рассмотрев под правильным углом, можно положить к ногам Джейн Джекобс. И вы действительно найдете такие счастливые истории в книге. Но не они являются ее предметом.

Скорее это биография замечательной женщины, которая помогла воплотить подобные истории в жизнь. Эта книга возвращает нас к тем временам, когда редкие позитивные сообщения о жизни в городах были похоронены под кучами прессклизмов о новых проектах развития пригородов, строительстве новых междугородних автомагистралей, связанных клеверообразными развязками, и новых циклах корпоративного бегства в пригородные бизнес-парки. К тем временам, когда старые городские кварталы сносились, а на их месте возводились высотные здания; когда трущобы были трущобами и каждый точно знал или хотя бы представлял, что это такое; когда на любого, кто хотел жить в городе, смотрели как на слегка чокнутого. К тем временам, когда Джейн Джекобс вышла, оглянувшись вокруг и помогла людям увидеть город другими глазами.

К концу своей жизни и со времени смерти в 2006 году в возрасте восьмидесяти девяти лет она вызывала обожание, градус

которого заставляет поднимать брови. Джейн назвали «самым влиятельным урбанистическим мыслителем всех времен»⁵, ставя перед Фредериком Ло Олмстедом, Льюисом Мамфордом, Робертом Мозесом и Томасом Джефферсоном. Ее называли «гением здравого смысла»⁶, «крестной матерью городской Америки»⁷, «городским Торо» и «Рейчел Карсон⁸ мира экономики»⁹. Одна из ее книг, «Системы выживания» (*Systems of Survival*, 1992), считается «чертовски наблюдательной, подобно фильмам Вуди Аллена»¹⁰. В свою очередь, один из фильмов Вуди Аллена был описан как «транслирующий идеи Джейн Джекобс и ее жалобы... на степень отчуждения современной архитектуры и послевоенный урбанизм»¹¹. «Смерть и жизнь больших американских городов» сравнивалась с «листом бумаги, который Лютер прибил к Замковой церкви Виттенберга четыре века назад»¹². Человек, назвавшийся поклонником Джекобс, отправился туда, где она жила в Нью-Йорке и в Торонто, сказав, что для него, «городского сумасшедшего», «это было сродни путешествию в Грейсленд и Тупело»¹³ в штате Миссисипи»¹⁴. В статье «Общество Святой Джейн» Мариана Могилевич после смерти Джейн написала: «не удивительно, что процесс канонизации Джекобс начался сразу же, не было потеряно ни минуты времени»¹⁵. Когда протестующие захватили Уолл-Стрит, экономист Сэнди Икеда спросил: «Что бы сделала Джейн Джекобс?»¹⁶ И когда Стюарта Бранда, создателя «Каталога всей земли», библии

5. На веб-ресурсе *Planetizen* (2009), впереди Фредерика Ло Олмстеда, Льюиса Мамфорда, Роберта Мозеса, Ле Корбюзье, Ричарда Флориды, Джеймса Руса и Томаса Джефферсона.

6. Lang and Wunsch.

7. Vole, p. 22.

8. Рейчел Карсон (Rachel Louise Carson, 1907–1964) — американский биолог, эко-активист, популяризатор науки. Международную известность ей принесла книга «Безмолвная весна» (*Silent spring*, 1962), посвященная вредному воздействию промышленных химикатов на живую природу. — *Прим. ред.*

9. *Matter*, p. 205.

10. Ее «Системы выживания» описаны как «дьявольски наблюдательный платонический диалог, подобно фильмам Вуди Аллена» (*Matter*, p. 166).

11. Christopher Hawthorne, «How Woody Allen and Terence Malick Gave Their Summer Movies a Nostalgic Glow», *Los Angeles Times*, July 23, 2011. [Имеется в виду фильм Вуди Аллена «Полночь в Париже» (2011). — *Прим. ред.*]

12. Campanella, p. 143.

13. Тупело — город, где родился Элвис Пресли, Грейсленд — поместье, которое Элвис купил в 1957 году. — *Прим. пер.*

14. Dave Cieslewicz, «„Citizen Dave“: Stalking Jane Jacobs», <http://www.isthmus.com>.

15. Mariana Mogilevich, «„Society of Saint Jane“, review of „Block by Block“: *Jane Jacobs and the Future of New York*, книга и музейная выставка, *Next American City* (spring 2008).

16. Sandy Ikeda, «„Know Thine Enemy, Know Thyself“: What Would Jane Jacobs Do?», *Freeman*, October 4, 2011.

контркультуры 1960-х годов, спросили, кем он хотел бы быть, если бы не был собой, он выбрал Джейн Джекобс, «леди Венеция, XV век. Лучше не бывает»¹⁷.

По отдельности эти свидетельства могли бы быть интригующими, но все вместе они заставляют нас задуматься: можно восхищаться Джейн Джекобс, как я, и все же утомиться от такого нагромождения восхвалений или заподозрить что-то; попытка вникнуть в суть реального человека не выиграет от такого преувеличения. Сейчас нам не надо решать, действительно ли Джейн Джекобс «миссис Инсайт»¹⁸, действительно ли она самый влиятельный урбанистический мыслитель всех времен или заслуживает более приземленной, человеческой мерки. На самом деле, как мы увидим, множество ревизионистов ставят под вопрос те или иные грани наследия Джекобс. Мы можем обнаружить в такой героизации по крайней мере один прочный факт: среди тысяч архитекторов, урбанистических активистов, городских планировщиков, экономистов, жителей города в целом и светочей независимой мысли Джейн Джекобс видится персоной выдающейся; иногда то, что она сказала или как она это сказала, вызывает не спокойное, уважительное восхищение, а воодушевление и благоговение; многие, прочитав ее книги (или прослушав ее выступления) стали ее сторонниками или фанатичными поклонниками.

Это тем более удивительно, что Джейн Джекобс не могла похвастаться качествами, которые способствуют почитанию у публики. Начнем с того, что она не была мужчиной. Не была богатой. Не достигла сколько-нибудь значимого общественного признания до тех пор, пока ей не исполнилось пятьдесят. Никогда не была красивой. Не была даже незабываемо *некрасивой*; немалую часть периода своей общественной активности она была старушкой с одутловатым лицом, в несуразном свитере и кедах. Тембр ее голоса, порой на грани визга, не оказывал гипнотического воздействия. Она не избегала телевизионных интервью или других форм публичности в пользу книг или общественной нагрузки, но никогда к ним прямо не стремилась. После успеха своей первой книги она расскажет, что ей пришлось решать: стать звездой или писать, и она выбрала последнее. Остается только удивляться, как в таком случае она смогла околдовать столь многих?

Они попали под ее чары, я думаю, почти исключительно благодаря словам. Ее слова выражали идеи. А это были не про-

17. *Matter*, p. 201.

18. *Harvey*, p. 41.

сто хорошие идеи, они были новыми, свежими, увлекательными. Они были сформулированы в ярких афоризмах, подкреплялись несокрушимой логикой и неопровержимыми фактами и были приправлены чувством абсолютной *правоты*. К тому же многим читателям казалось, что она говорила именно то, что они и сами думали. Может быть, вы тоже совсем не хотели вслед за всеми остальными уезжать в пригород; тоже думали, что это нормально, или весело, или увлекательно — жить среди миллионов незнакомцев, анонимно, в городе. И вот — была леди, которая тоже так думала, понимала это и помогала вам *увидеть* ваш город и, возможно, даже по-новому увидеть вас самого и освободить вас.

Но было что-то еще: ее слова явно выражали определенную позицию, отражали некоторое восприятие, которое многие находили изумительным, привлекательным и убедительным. Да, она говорила просто, но нельзя оказать влияние на людей за счет одной лишь ясности. Порой ее язык был еще и разрушительным — агрессивным, даже злобным. И демонстративно независимым: она любила ссылаться на здравый смысл и подчеркивать, что не она одна так считает.

В классическом, получившем «Оскар» фильме «Филадельфийская история» есть сцена, где репортер желтой прессы (его играет Джимми Стюарт) и Трейси Лорд, до кончиков ногтей девушка из высшего общества (ее играет Кэтрин Хепбёрн), оба основательно разбитые, вероятно, на пороге романа, шепчутся друг с другом.

- Ты потрясающая девчонка! — говорит Стюарт.
- Думаешь?
- Уверен.
- Спасибо, профессор. Думаю, это не редкость.
- Ты...
- Я знаю много таких как я. Тебе надо больше общаться.

Конечно, каждый кадр фильма, каждое слово, произнесенное Трейси Лорд, каждый взгляд и жест, каждый звук ее мейнлайнского акцента подводят к заключению, что если кто и потрясающий, то именно она, и отрицать это можно лишь из ложной скромности, хотя, быть может, она на самом деле не отдает себе отчета в том, какова она, или в том эффекте, который она производит на окружающих.

Почти через шестьдесят лет что-то похожее на эту сцену произошло с Джейн Джекобс. В 1997 году канадский журналист спросил ее, почему так мало бунтарей, подобных ей. Нет, они существуют, ответила Джейн:

- Вы, должно быть, вращаетесь не в тех кругах, что я. Большинство знакомых мне людей думают за себя, это действительно так.
- Но вы замечательная женщина и привлекаете таких людей.
- Не настолько уж я и замечательная. Я медлительная. Я натыкаюсь на них [бунтарей] все время. Я обычный человек¹⁹.

И это такая же ложь, исходящая от Джейн Джекобс, как ложь Трейси Лорд.

И конечно, Джейн Джекобс не преминула добавить: «Зато я внятная».

Слова Джейн Джекобс доходили до ее поклонников не только через тексты. Многие ее приверженцы знали ее не по «Смерти и жизни» или менее известным книгам, а как городского активиста. Для них, особенно в 1960-е и начале 1970-х годов, *это* была ее основная работа. Однажды городские власти захотели провести дорогу прямо через парк, где играли дети Джейн. В другой раз они решили снести весь ее район Гринвич-Виллидж как трущобы, пустив его под равнодушный и жестокий нож Городского Обновления. Потом они собирались практически отрезать всю нижнюю часть Манхэттена большой автомагистралью, что наверняка уничтожило бы ее привычный мир.

Что ей оставалось делать, кроме как пытаться остановить все это? Поэтому она поднималась и выступала на общественных слушаниях. Она писала яркие, порой гневные письма. У нее были друзья-агенты среди городских властей. Она помогала организовывать протесты; однажды ее даже арестовали, и против нее было выдвинуто четыре обвинения в совершении преступлений. На стратегические совещания за ее кухонным столом приходили соседи, принимая решения о том, какие факты собрать и какие цифры привести, или как окружить какого-нибудь пожаловавшего в гости городского чиновника. Джейн не собирала подписи. Чаще она выступала в роли главного стратега, общественного лица протеста, вставая на слушаниях, чтобы урезонить планировщиков, или девелоперов, или городские власти, или еще какого-нибудь врага. Чаще всего она выигрывала, как в случае с владыкой городского планирования Нью-Йорка Робертом Мозесом, победив его проект автомагистрали на Нижнем Манхэттене. «Джейн занесла топор над Мозесом и убила его», как скажет ее давний издатель, Джейсон Эпштейн. И пусть соседней порой слегка пугали всесокрушающий напор ее стратегии в урбанистических битвах и яростная целе-

---

19. Интервью с Ханной Гартнер, СВС, 15 октября 1997 г., Burns, VHS03.

устремленность, с которой она вела свои войны, они все равно любили ее. Такой они ее и запомнили — заступницей и защитницей округа. Когда она прославилась, и журналам и газетам понадобилось как-то ее называть, они изображали ее «Барбарой Фричи трущоб»²⁰ или «мадам Дефарж, ведущей возмущенный народ на баррикады»²¹.

Некоторые из этих битв были насколько выдающимися — они сохранились в коллективной памяти благодаря книгам и статьям, почти автоматически сталкивающимися ее с Робертом Мозесом, как Давида с Голиафом, — что рассказы о них звучат так, будто это и *была* она, будто здесь, в этой работе на благо общества проявлялась настоящая Джейн Джекобс: организатор, активист, радикал, лидер людей, которые вышли с обшарпанных городских улиц на борьбу с мэрией. Она *была* и такой: хотя никогда в этом не признавалась, все же, должно быть, получала от этого удовлетворение. Гораздо чаще, впрочем, она продолжала в интервью говорить что-то вроде: «Меня возмущало, что я должна отвлекаться на войну, по большей части нелепую, навязанную мне и моим соседям». Послушать Джейн, так все это отрывало ее от *настоящей* работы.

Действительно, как только она справлялась с тем или иным официальным оппонентом, не похоже, чтобы она искала, какого бы еще дракона сразить; скорее, как Цинциннат, государственный деятель, который откладывает свой скипетр власти после того, как отразил очередной вызов Риму, Джейн возвращалась к работе, которую вынуждена была бросить в кризисный момент. Теперь она снова могла отрывать время у семьи, наказав мужу и детям никого к себе не впускать. И тогда, среди книг и статей, рядом с печатной машинкой, она снова начинает упорно читать, напряженно думать и неустанно работать над идеями и словами, сделавшими ее одной из главных интеллектуальных фигур XX века.

После «Смерти и жизни» Джейн написала много других книг, которые также были хорошо приняты, нашли серьезных читателей, рецензенты пели им осанну и каждая из них получила своих поклонников. Она писала, в частности, об экономике, особенно о том, от чего зависит экономическое здоровье городов и регионов. Среди авторитетных экономистов

20. Статья о Джейн Джекобс, *New York Herald Tribune*, January 31, 1965; записная книжка, Burns, box 23, folder 6. [Далее ссылки на архивные материалы даются в формате Burns, 23:6.—Прим. ред.]

21. *Matter*, p. 50.

не сложилось единого мнения об этих книгах: были ли они, как считают некоторые, по-настоящему гениальными или все-таки странными и неадекватными. Другие ее книги ведут нас в совершенно неожиданных направлениях. Она опубликовала книгу о двоюродной бабушке и ее приключениях на Аляске. Написала книгу для детей. Писала и философские работы, построенные как диалоги Платона.

Можно сказать, что все эти книги на разные «темы», основанные на разных наборах фактов, и их автор скачет от одной к другой. Но можно попробовать взглянуть на них как на работы, раскрывающие одну общую тему. Джейн рассказывала, как однажды, ребенком, она с отцом сидела на крыльце дома в Скрантоне, и разговор зашел о дубе, росшем во дворе. «Зачем он нужен?» — спросил отец²². Риторический вопрос, конечно. Он явно клонил к чему-то вроде философии. *Цель* дерева? К какой цели стремится дуб, правда? Он *живой*. «У меня готов ответ, — вспоминает Джейн, — цель жизни — жить». Она так и сказала отцу. «Да, — ответил он, — это дерево прилагает большие усилия, чтобы жить — любое здоровое живое существо так делает».

Мы привыкли смотреть на «Смерть и жизнь больших американских городов» как на книгу о городах, но может, лучше увидеть в ней книгу о смерти и жизни? То же самое рефреном повторяется во всех ее работах — жизнь в контрасте с упадком и смертью. Говоря о «Смерти и жизни», она признается, что никогда особенно не стремилась создать конкретно идеального города. Скорее Джейн «всего лишь хотела знать, как сохранить жизнь», бурлящую в нем, «что, по моему мнению, является целью жизни»²³. Эпиграф к книге содержит цитату из Оливера Уэнделла Холмса-младшего: «Жизнь самоценна, и стоит ли она того, чтобы ее прожить, определяется одним: достаточно ли ее у вас»²⁴. Статья Джейн о новых рабочих местах для женщин, написанная во время Второй мировой войны, как будто урчит счастливым шумом машин и индустриальной вибрации. Джейн видела, как отец лечил больных. Она была воспитана на рассказах о бьющей ключом энергии дяди Билла, о поездке двоюродной бабушки на Аляску. Ее очень расстраивал упадок, царивший в Скрантоне, и постепенное разрушение деревни в лесах Северной Калифорнии, куда она ездила подростком. Больше всего ее впечатляла в жизни больших го-

22. Wachtel, p. 42.

23. Matter, p. 17.

24. Джейн Джекобс, *Смерть и жизнь больших американских городов* (Москва: Новое издательство, 2011).

родов не только их многогранность, но и их энергия. Будто все время она искала необходимые для людей условия, позволяющие вести хорошую и насыщенную жизнь.

Когда Джейн подростком пошла в герлскауты, она попала в «то, что мы с друзьями считали лучшей герлскаутской группой в городе Скрантон в Пенсильвании»²⁵. Но группа стала слишком популярной, слишком большой, и руководство решило сформировать вторую группу. Они собирались в одной и той же церкви, только в разное время. Джейн осталась с изначальной группой, но скоро поняла, что она «скучная и апатичная». Так что однажды вечером они с подружкой пошли во вторую группу. «Вот так разница!» — подумала она: группа была полна энтузиазма, старшие девочки помогали младшим, все «искрилось жизнью». *Жизнь* — мера всех вещей. *Жизнь* — корни, ищущие воду, листья, ищущие солнца, города, взрывающиеся энергией, бизнес-бум, экономическое процветание, рождающиеся идеи. Почитайте Джейн Джекобс, и вы увидите одни и те же темы и образы, пропитывающие все ее работы. Она учила, что бессмысленно выяснять, почему города разрушаются, важно знать только, почему они процветают: «Самая простая точка зрения — самая поразительная. Нет причин стагнации. Нет причин нищеты. Есть только причины роста»²⁶.

Но живое никогда не остается неизменным. Мысли Джейн был противен любой намек на застой, даже если речь шла о том, чтобы красота оставалась красотой. «Задумайтесь, — писала она, — какой была бы жизнь, если бы все, что нам было нужно, это сохранять все по-прежнему, пассивно жить за счет того, что было создано в прошлом. В такой утопии жизнь была бы непереносимо скучна. Поддержание порядка и избитая рутина — это бремя, особенно если от них нет избавления»²⁷. Спокойная жизнь в неизменном повседневном мире в качестве гражданской или общественной добродетели была для нее немислимой. «Единственный путь, благодаря которому динамические системы могут оставаться живыми — это постоянное самообновление, — сказала Джейн. — Это касается человека, города, вида, биомассы, неважно». Вот слова Боба Дилана, которые могли быть и словами Джейн: тот, кто «не занят рождением, занят умиранием»²⁸.

25. *Ethics*, p. 294.

26. Из декабрьского черновика «Смерти и жизни» 1964 года, Burns, 8.

27. *Ethics*, p. 306.

28. Статья Фреда Каплана о Дж. Дж., *Boston Globe*, April 12, 2000.

Идеальные города и цивилизации для Джейн — те, что могут соперничать со свежестью и энергией ее внутреннего мира.

Джейн написала большую часть своих книг не в Нью-Йорке, где она жила с восемнадцати до пятидесяти, а в Торонто, в Канаде, куда с семьей переехала в 1968 году. Там она прожила последние тридцать восемь лет своей жизни. В год ее смерти, в 2006-м, Барри Уэллман, социолог из Университета Торонто, написал: «Торонто скорбит по своей Джейн и помнит о ней»²⁹, упрекая некоторые некрологи за ньюйоркоцентричность. Джейн приняла гражданство Канады, и для канадцев Джекобс стала одной из них. Не успели они обосноваться в Торонто, как она уже идет с мужем и детьми на защиту от атак на ее новый город и на здравый смысл, ровно от того, с чем она столкнулась еще в Нью-Йорке. В мгновение ока она оказалась в центре интеллектуальной и политической жизни своего города, вовлечена в гражданские дискуссии, дружбу с мэрами; даже когда Джейн постарела, люди продолжали приходить к ее двери, желая впитать крупицу мудрости.

«Мудрость», конечно, натянутое, старомодное слово, но именно за этим многие приходили к ней — как к источнику мудрости; ей посвящена книга, сборник научных статей под названием «Урбанистическая мудрость Джейн Джекобс»³⁰. С тех пор как «Смерть и жизнь» и ее вторая книга «Экономика городов» сделали ее заметной публичной фигурой, Джейн часто приходилось искать компромисс между необходимостью уделить время работе и нашествием желавших ее увидеть журналистов, студентов, экономистов, ученых, политиков, планировщиков, иногда даже школьников, приезжавших целыми классами в надежде встретиться с известной пожилой леди. Немного странно для женщины, с трудом закончившей среднюю школу.

Джейн Джекобс была невероятно начитанной, ее можно отнести к интеллектуалам, какое бы определение вы ни использовали; она была глубоким и смелым мыслителем, но пришла к этому определенно неортодоксальным путем. В возрасте двадцати двух лет, когда многие ее одноклассники уже окончили колледж, она начала ходить на курсы в Колумбийский университет, продолжив учебу. Через два года она написала книгу, которая выросла из одного из посещаемых ею курсов, и издала ее

29. Wellman, p. 2.

30. Sonia Hirt, Diane Zahm (eds), *The Urban Wisdom of Jane Jacobs*, New York: Routledge, 2012. — *Прим. ред.*

в *Columbia University Press*³¹. Она так и не получила степени в колледже, ей не удалось продвинуться за рамки второго курса.

Джейн напишет, что в Скрантоне она ходила в государственную школу, где «очень многому научилась у учителей первого и второго классов. Впоследствии, думаю, я по большей части училась сама»³². Один из ее учителей, как гласит история, утверждал, что города и села всегда возникают у водопадов³³. Юная Джейн подняла руку: «А Скрантон нет». Почему она так уверена? Что ж, взгляните: их маленький городок стоит на скромной речушке, но никакой водопад не играл никакой роли в его росте, так что вот так. Вот такой она была: наблюдала, читала, думала. Обладая сверхъестественным даром интеллектуальной независимости, она выясняла для себя какие-то вещи и высказывала их.

В самый разгар маккартизма Джейн должна была заполнить анкету, скрыто выясняющую ее лояльность властям. Отвечая на вопросы, она совершенно не старалась себя защитить, а наоборот, пыталась со свойственным ей патриотизмом пристыдить составителей. Ее первая большая книга опровергла то, что считалось профессиональным каноном. Она успешно сражалась с самыми влиятельными фигурами Нью-Йорка. На пике славы и влияния она собралась и уехала из Нью-Йорка и начала все заново в Канаде.

Но вот проблема: Джейн, казалось, с самого начала обладала подобной независимостью, или эксцентричностью, или бесстрашием — чем бы это ни было. (*С самого начала?* То есть это было заложено в ее генах? Удачи с защитой *этой* идеи.) Конечно, было *что-то*, что оставляло ее невосприимчивой к универсальным рецептам, передаваемым учителями, старшими, коллегами и авторитетными экспертами, *что-то*, что оставляло ей свободу спорить, спрашивать, думать самой, следовать за своей звездой. Если эта книга имеет своей целью осветить какую-либо тему, кроме жизни самой Джейн Джекобс, то эта тема — конфликт независимого рассудка с общепризнанным мнением.

Все, что сделала Джейн Джекобс, прежде чем стать знаменитой в возрасте сорока пяти лет, и позднее, в течение оставшейся жизни, она делала в промежутках между приготовлением

---

31. Имеется в виду следующий сборник, составленный Джейн Джекобс, в девичестве Батцнер: *Constitutional Chaff: Rejected Suggestions of the Constitutional Convention of 1787, with explanatory argument* (New York: Columbia University Press, 1941). — *Прим. ред.*

32. *Matter*, p. 3.

33. *Ibid.*, p. 26.

пищи, заботой о детях, сборкой пасхальных корзин и уходом за садом. Уже в первые часы работы в архиве Джейн Джекобс в Бостонском колледже я понял, что что-то, ээээ, *отличается* от всех прежних героев в моем новом объекте исследований. Я провел целый день среди личных вещей и корреспонденции человека, чей замечательный дар предвидения и интеллект проявлялись во всем, что она делала, в каждом написанном ею письме, каждой подготовленной ею книге, каждом собрании, на котором она выступала. Но все это разыгрывалось на фоне ее жизни как девушки, женщины, жены и матери. Джейн не была домохозяйкой, но ее жизнь не была и мужской жизнью. Эта «женская работа», с которой справлялась Джекобс, пока писала «Смерть и жизнь», «Экономику городов» и другие книги, сделала ее для меня, автора нескольких биографий «великих мужчин», чем-то новым, с чем тоже надо считаться.

В кратких биографиях и биографических справках Джейн обычно не называют феминисткой; по крайней мере, это не первое, что мы о ней думаем. Она не говорила ни на одном из разнообразных языков феминизма и не обращалась непосредственно к феминистским темам. И все же, как *не* думать о ней как о феминистке? Ее имя периодически упоминается в списках для чтения во время Месячника женской истории³⁴, в блогах по «историям женщин» и тому подобном. Она вошла в список «300 женщин, которые изменили мир» наряду с Рейчел Карсон и Бетти Фридан³⁵, женщинами-учеными, чьи фундаментальные работы появились почти в тот же момент, что и «Смерть и жизнь», точно так же повлиявшими на время, в котором мы живем. Когда представители власти спросили ее насчет профсоюзной деятельности, Джейн заявила, что выступает за «уравнивание платы между мужчинами и женщинами за схожую работу»³⁶. Это случилось в 1949 году. Через несколько лет она гордо написала о родственнице, которая, «веря в женские права и женские способности», обзавелась собствен-

34. Месячник женской истории (*Women's History Month*) — ежегодное мероприятие длиной в месяц, посвященное пропаганде роли женщин в истории и вкладу женщин в общественный прогресс. Постоянно проводится с 1987 года в США в марте, приурочен к Международному женскому дню; в Канаде месячник проводится с 1992 года и отмечается в октябре. — *Прим. ред.*

35. Бетти Фридан, урожд. Бетти Гольдштейн (Betty Friedan, Bettye Goldstein, 1921–2006) — американская феминистка, одна из ведущих фигур американского движения за права женщин. — *Прим. ред.*

36. «Answers to Interrogatory for Jane Butzner Jacobs»; в ответе на вопрос № 1, сопроводительное письмо Кэрролл Сент-Клэр от Дж. Дж., 22 июля 1949 года, Burns, 5:4.

ным печатным станком, чтобы издать свою работу, «не используя мужской псевдоним».

В книге «Сезоны в жизни мужчины» Дэниел Левинсон³⁷ писал о характерных этапах и моделях в трудовой жизни мужчин, странным образом схожих, будь эти мужчины рабочими, писателями или учеными. У женщин — и это уже отмечено неоднократно — все по-другому, «естественные» этапы и модели искажаются замужеством, рождением детей, их воспитанием, ведением домашнего хозяйства или иногда даже лишь их перспективой. Однажды в 1960 году мэр Нью-Йорка Джон Линдси позвонил Джейн в середине дня. Трубку взяла ее десятилетняя дочь Мэри, она и сообщила мэру, что с мамой «можно будет поговорить после 16:00»³⁸; этой истории, вероятно, не произошло бы вообще, будь Джейн мужчиной. Богатство или иные обстоятельства не защитили бы ее от тысячи мелочей повседневной домашней жизни. Как и многие образованные женщины, она занималась своим делом урывками, в промежутках. Неизбежная жизнь женщины в потоке семейной жизни, балансирующей между интересами и жонглирующей делами, удовлетворяющей нужды других без каких-либо послаблений и льгот, часто сопровождающих профессиональную жизнь мужчин, тоже является частью этой истории.

Конечно, нельзя сказать, что в карьере Джейн не было «траектории». Но это был не тот узнаваемый восходящий интеллектуальный и профессиональный импульс, который элитные университеты ищут в штатных преподавателях, а литературные и художественные агенты — в лучших молодых клиентах. Ее первые шаги были значительно скромнее — окончание школы, низкооплачиваемая работа секретаря, первая достойная работа среди «белых воротничков» в возрасте двадцати семи лет, десять лет в федеральной бюрократии, затем назад, в частную сферу, в число десятков других подобных ей, в профессиональный журнал среднего уровня. Траектория кого-то, кого у нас не будет причин запомнить, у кого могла бы сложиться самая незапоминающаяся карьера, кто был бы любим семьей и уважаем коллегами, но в любом случае не оказывал бы большо-

37. Дэниел Левинсон (Daniel J. Levinson, 1920–1994) — американский психолог, один из классиков возрастной психологии, автор теории возрастных кризисов. Один из соавторов, совместно с Теодором Адорно, книги «Исследования авторитарной личности» (*The Authoritarian Personality*, 1950). Наибольшую известность ему принесли работы «Сезоны в жизни мужчины» (*The Seasons of a Man's Life*, 1978) и «Сезоны в жизни женщины» (*The Seasons of a Woman's Life*, 1996). — Прим. ред.

38. *Matter*, p. 22.

го влияния на мир. Нельзя сказать, что она «удачно вышла замуж» в смысле Джейн Остин, хотя в самом важном смысле Джекобс вышла замуж именно удачно — за человека интеллигентного и с темпераментом, в высшей степени ей подходящим, кого она могла любить, уважать и кем могла наслаждаться всю жизнь. Она не была особенно амбициозна. Никакой влиятельный наставник никогда не выделял ее как подающую надежды и способную на высокие достижения в национальном масштабе. У нее не было раннего, взрывного карьерного успеха в двадцать два или двадцать семь, который вытолкнул бы ее в ряды тех, на кого следует обратить внимание. Она оставалась невидимой, неизвестной замужней женщиной, матерью троих детей, с любимой работой; жила над бывшим кондитерским магазином в нескольких кварталах от складов и доков на реке Гудзон, добиралась до работы в Среднем Манхэттене на велосипеде.

И так бы все и шло.

Если бы однажды в 1956 году, когда она уже четыре года работала на последней из своих постоянных работ, босс не попросил подменить его на конференции. Пойди туда и выступи с речью, ты же можешь, Джейн? Сам он не мог: собирался в Европу. Нет, сказала она, ей не нравится выходить и говорить перед людьми. Пожалуйста, сказал он, очень надо. Ну ладно, согласилась она, но только если можно говорить то, что она захочет.

Она так и сделала, и это изменило ее жизнь, и чуть позже изменит мир.

В первой части книги говорится об интересном и запутанном пути, который привел ее к этому.

Во второй — о том, что происходило после.

В третьей — о новой жизни на новой земле.

Часть I
Женщина без диплома
1916–1954

Глава 1

Хорошее место для жизни

БАБУШКА Джейн рассказывала ей, как зимними днями, когда она была маленькой, они катались возле дома на коньках по замерзшему на двадцать миль каналу. Еще в 1850-е годы, прежде чем канал уступил роль основной транспортной артерии железной дороге, по нему с шахт центральной Пенсильвании на рынки больших городов доставляли бездымный антрацит¹. Уголь загружали на мелкосидящие баржи, около 15 тонн на каждую, потом буксировали их вниз по каналу, шедшему вдоль северного рукава реки Саскуэханна, с помощью мулов по примыкающей тропе. Доллар за тонну, как вы понимаете, из Уилкс-Барре, центра угольного бассейна, в Филадельфию. Строить баржи и чинить их было местным промыслом. И с 1830-х годов главным центром всего этого был Эспи, городок с населением в несколько сот жителей, протянувшийся вдоль северного берега канала, где жили смотрители шлюза и работники канала, находились кожевенная и керамическая мастерские, кирпичный завод. С ранней весны, когда таял лед, до поздней осени, как гласят мемуары 1936 года, местные жители «задавали темп своей жизни бесконечным стуком копыт бредущих мулов». Мальчишки в городе с завистью смотрели на своих сверстников, управлявших мулами или развалившихся на палубе проплывающих мимо барж.

Эспи, запрятанный в гористой местности, выглядевшей на топографических картах скомканной и смятой, пришел в упадок на исходе XIX века. Но какое-то движение все еще со-

---

1. Columbia County Historical & Genealogical Society, библиотека, музей и вестник: карты, старые фотографии, вырезки и другие свидетельства о жизни в Эспи и Блумсберге; WPA Project 5175, 1936, включая записные книжки *Espy Notes*, содержащие *History of the North Branch Canal, 1828–1901*; статьи об Эспи: *Berwick Enterprise*, December 22, 1900; *Morning Press*, June 25, 1938; *Morning Press*, February 1937; «The Passing Throng», November 4, 1936; *Walk Bloomsburg: Self-guided Tours of the Historic District*; William M. Baillie, ed., *Discovering Bloomsburg: A Bicentennial History* (Bloomsburg, PA: Bloomsburg Bicentennial Commission, 2002).

хранялось в 1893 году, когда бабушка Джейн, Дженни Брис Робисон, и ее муж, Джеймс Бойд Робисон, купили дом на северной стороне главной дороги, идущей вдоль канала. Оба — уроженцы центральной Пенсильвании, из известных шотландских, североирландских и английских родов². У них было четверо сыновей (еще один умер в детстве) и четверо дочерей. Одной из них была Бесс Мэри, или Бесси, рожденная в 1879 году. Она станет матерью Джейн Джекобс и проживет 101 год.

Отец Бесс мистер Бойд, дедушка Джейн, был сыном местного торговца. Родившийся в соседнем более крупном городе Блумсберге, он посещал колледж Лафайетт, а позже занялся юриспруденцией. После атаки на форт Самтер, с которой началась Гражданская война, он почти тотчас же вступил в армейские ряды и был ранен в руку во втором сражении при Булл-Ран. «Для работы, — писал он домой, — мой палец насколько же бесполезен, как если бы его оторвало». На втором отрезке службы, в 1864 году, теперь уже офицером, Бойд попал в плен к конфедератам, и его держали в тюрьме Либби, кирпичном табачном складе в Ричмонде, которую переполняли в то время тысячи несчастных офицеров армии северян. После войны он вернулся в Блумсберг, начал адвокатскую практику и женился на Дженни Брис, школьной учительнице. На несколько лет молодая семья переехала на ферму Эстер Фернис в нескольких милях от города. Потом было возвращение в Блумсберг, участие в местной политике и, наконец, прекрасный дом в Эспи. В те годы, когда Бесси подрастала, капитан Дж. Бойд Робисон — адвокат, землевладелец, ветеран войны, прихожанин пресвитерианской церкви, бывший кандидат в Конгресс от партии гринбекеров, ма-сон-тамплиер — был известным общественным деятелем.

В 1895 году Бесси в возрасте шестнадцати лет поступила в педагогической колледж в Блумсберге, почти в двух милях от родного дома в Эспи. Вероятно, в те годы, когда еще не хо-

---

2. См.: Jane Jacobs, «Reading, Writing, and Love-Apples»; «Captain James Boyd Robison Found Dead», *Democratic Sentinel*, March 5, 1909; федеральная перепись населения 1870–1920; *Historical and Biographical Annals of Columbia and Montour Counties, Pennsylvania* (Columbia County, PA: J. H. Beers & Co., 1915); *Book of Biographies of the Seventeenth Congressional District* (Chicago: Biographical Publishing Company, 1899); Marc Fritz, «Robison Family Endured Un-Civil War», <http://www.robisonsuncivilwar.blogspot.com>, выдержки из: Gertrude Keller Johnston, *Dear Pa... And So It Goes* (Harrisburg, PA: Business Service Company, 1971); генеалогическое древо Робисонов и Батцнеров, собранное Бесс Робисон Батцнер, Burns, 4/7; *Souvenir Views of the State Normal School, Bloomsburg, PA*, и школьные каталоги этого периода; благодарим Роберта Дункельбергера, архивиста Блумсбергского университета, за то, что предоставил нам эту и другую информацию из архивов педагогического училища о Робисонах.

дили трамваи, это считалось достаточно близко, чтобы ходить на учебу пешком; в кампусе были общежития, но она там не жила. В Блумсберге, городе с населением семь тысяч человек, вырос ее отец, там он и занимался юридической практикой. Городской центр из двух- и трехэтажных кирпичных магазинов вдоль Мэйн-стрит вместе с расставленными тут и там поздневикторианскими административными зданиями в романском стиле придавал ему атмосферу аристократизма и солидности, ощутимую даже сегодня.

В начале Мэйн-стрит стоял педагогический колледж, официально называвшийся Блумсбергский литературный институт и Государственный педагогический колледж. Это был комплекс новых кирпичных зданий, оседлавших склон вдоль дороги на Эспи, что гарантировало вид, разрекламированный школой в своих публикациях: «лента реки разрезает равнину на юге и исчезает за большим ущельем в трех милях к юго-западу». Такие педагогические колледжи, как в Блумсберге, представляли собой отчаянные попытки добронамеренных деятелей просвещения XIX века повысить стандарты начальной школы и подготовить для этого учителей. Пятилетка вливания денег и усилий в начале 1890-х годов оставила колледжу новое четырехэтажное общежитие, а также общежитие для персонала, зал с «совершенной» акустикой на тысячу мест, с этим новым чудом, электричеством. Ко времени учебы Бесси там располагалась еще и экспериментальная школа, где на втором курсе они с однокурсниками могли пройти 21 неделю студенческой практики, как то предписывало законодательство штата. Также от студентов требовалось знание алгебры и геометрии, английской литературы, латинского языка, американской истории, риторики, музыки и географии. Не стоит свысока относиться к педагогическому колледжу Блумберга. Там, кажется, взялись за свою миссию серьезно, принося реальную пользу государству и ученикам.

В 1897 году, в возрасте восемнадцати лет, Бесси закончила колледж со степенью Б.Э. — бакалавр для начальной школы, где «Э» означало элементарный уровень преподавания, что позволяло ей работать учителем в Пенсильвании. Учетная запись 1900 года гласит: проживает в Эспи с родителями, род занятий: учитель. Именно этим она, как и большинство ее одноклассниц, и должна была заниматься в это время — как и ее собственная мать, Дженни, прежде чем вышла замуж за капитана Бойда.

Но здесь история Бесси делает поворот. Потому что в свои двадцать с небольшим, после шести лет учебы и работы, она бросает преподавание. Что срывает ее с намеченного пути? На-

доело ли ей, как предполагает один из членов семьи? Было ли ее решение спокойным и тщательно взвешенным или внезапным? Может, сыграло роль какое-то давление со стороны родных? Или это просто естественный порыв молодой девушки уехать как можно дальше из маленького городка в Пенсильвании? Что мы знаем наверняка, это что к началу 1904 года, через четыре года после того, как переписчик зашел в их дом в Эспи, Бесси была уже не учительницей, а медсестрой³. И жила она теперь вовсе не в Эспи, а в Филадельфии, в городе с населением полтора миллиона человек.

Молодая мать фигурирует в воспоминаниях Джейн как строгая провинциальная дама; да и чего ожидать, могла сказать Джейн, от девушки из Блумсберга и Эспи? Бесси стала хранительницей семейных альбомов, увлеченным садоводом, аккуратной прихожанкой — явно не тем человеком, кто, стремительно переключая скорости, рвет с прошлым, покидает провинцию и переезжает в большой город⁴. Как мы увидим, все не она, а старшая сестра Бесси, Марта, оказалась настоящим ураганом среди детей Робисона и могла стремиться оставить свой след в мире. Но сейчас был черед Бесси.

В апреле 1904 года в возрасте двадцати пяти лет Бесси получила диплом Поликлиники Филадельфийской школы подготовки медсестер, расположенной возле Риттенхаус-сквер в деловом районе Филадельфии; Поликлиника позже сольется с Университетом Пенсильвании. Образование медсестер становилось все более профессиональным: первые одно- и потом двухгодичные программы в Поликлинике предшествовали трехлетнему курсу, что требовало знания анатомии и физиологии, бактериологии и фармакологии вдобавок к работе в отделении. Один из внуков Бесс, врач, вспоминал, как, даже будучи уже пожилой женщиной, она иногда употребляла медицинские термины, оставшиеся с ее сестринских дней — *фрактура* вместо перелома, *карбункул*, а не нарыв. После 1904 года Бесс

3. *American Journal of Nursing* (1904), p. 555, сообщает: «Мисс Бесси Робисон принята в члены» Филадельфийской поликлинической ассоциации выпускников 3 марта 1904 года; «The Philadelphia Polyclinic and College for Graduates in Medicine», *Trained Nurse and Hospital Review* 32 (1904), p. 419: «29 апреля в госпитале были проведены выпускные экзамены Поликлинической школы медсестер». Дипломы были вручены пятнадцати молодым женщинам, включая Бесси М. Робисон; Roberta Mayhew West, *History of Nursing in Pennsylvania* (Pennsylvania State Nurses' Association, 1938), p. 623–627. В интервью покойная Кей Батцнер, невестка Джейн, сказала, что Бесси просто устала преподавать в сельской Пенсильвании и намеревалась устроить свою жизнь в большом городе.

4. Wachtel, p. 426.

стала дежурной ночной медсестрой в Поликлинике и встретила своего будущего мужа, отца Джейн.

Примерно в то время, когда Бесс вступила в ряды медсестер Поликлиники, Джон Декер Батцнер получил степень доктора медицины в Университете Виргинии и поехал на север в Поликлинику в полуторогодовую ординатуру. После этого, возможно в конце 1905 года, он мог недолго служить врачом в шахтерском городке в западной Виргинии⁵. К 1907 году он присоединился к существующей практике в Скрантоне, разделив офис на Вайоминг-авеню с местным доктором Роу. Как они с Бесс пересеклись в Филадельфии и как развивались их отношения, мы не знаем. В одной семейной истории говорится, что медсестрам часто приходилось стирать личное белье врачей, и Бесс постоянно получала кипу нижнего белья, выделявшееся из прочих тем, что было особенно изношенным, потертым и дырявым, что она зашивала его, латала, буквально *спасала* — и так привлекла внимание молодого доктора Батцнера⁶.

Доктор Батцнер был родом с фермы на деревенском юге⁷. Не из хлопкового края, не с Дальнего Юга великих плантаций, просто с юга — из округа Спотсилвейния, прибрежного региона северной Виргинии на полпути между Ричмондом и Вашингтоном. Всю жизнь он говорил с легким южным акцентом. Отцовская линия семьи, Батцнеры из Виргинии, происходила из Баварии. Материнская линия, Декеры, — янки, переехавшие к югу от Нью-Джерси в 1839 году. К 1846 году Джон Декер достаточно приунылся к южным обыкновениям, чтобы занять дюжину рабов: «Все рабыни, — гласит семейная история, — были большими женщинами, которых он купил на рынке во Фредериксберге, желая выращивать собственных негров»⁸. В конце войны мистер Декер владел семью участками недвижимости в округе Спотсилвейния общей площадью 2200 акров. В 1877 году его дочь Люси вышла замуж за Уильяма Джозефа Батцнера. Их сын, родившийся в следующем году, — это и есть наш врач из Поликлиники, Джон Декер Батцнер, которого всю жизнь называли Декер.

5. Chavez, Duer, and Fang, p. 46.

6. Интервью с Джимом Джекобсом.

7. Greene and Greene, Butzner Family History; см. также *Matter*, p. 150; Wachtel, p. 44; (Fredericksburg) *Free Lance*, April 27, 1915, о смерти Уильяма Дж. Батцнера; Garrett Epps, «The Fourth Circuit Court of Appeals Is Losing a Star: Uncle Billy's Boy», (Richmond) *Style Weekly*, January 1, 1980; «Office of Commonwealth's Attorney to be Filled by Billy Butzner», *Daily Star*, December 31, 1909; местопребывание молодого доктора Батцнера в Скрантоне прослеживается по городским справочникам тех лет; *Philadelphia Medical Journal*, May 28, 1904, p. 1049.

8. Greene and Greene, Butzner Family History, p. 79.

Всю Гражданскую войну сотни тысяч солдат армии северян и войск конфедератов маршировали, разбивали лагеря и сражались на полях и в лесах округа Спотсилвейния, в кровавом Чанселорсвилле или во Фредериксберге, рядом с границей округа, совсем недалеко от большей части владений Батцнера. Здесь после войны мало кто мог похвастаться благосостоянием, а вот обеспеченная семья Декера, можно сказать, «никогда не ощущала костлявую руку нужды, кроме суровых дней окончания Гражданской войны и сразу после нее». Но если Джейн изображала это время как годы нищеты и бедности, то со стороны Батцнеров семья никогда не опускалась ниже среднего достатка. Пока юный Декер рос, его отец, не обремененный какими-либо долгами, владел четырьмя сотнями акров пастбищ, поднимавшихся от реки Раппаханнок, где выращивали корм для скота, зерно, пшеницу, но особенной гордостью, по семейному преданию, были коровы галловейской породы.

Между тем состоятельный дядя Маршалл смог помочь Декеру и его братьям со школой. Декер с двумя братьями, Билли и Кельвином, посещали фермерскую школу, в одном классе которой занимались все дети родственников округи. Учительницей была обычно самая старшая незамужняя женщина в семье; когда она уходила по беременности, следующая по порядку молодая женщина занимала ее место. Потом Декер провел год в Академии Фредериксберга, не так давно основанной школе, которую содержали пресвитерианцы. Они с младшими братьями учились там хорошо, особенно Декер. В 1894 году он был одним из немногих учеников, кто получил за свои достижения золотую медаль, отличившись по английской литературе, немецкому, латыни, геометрии и физике. Затем он с братом Билли поступил в Университет Виргинии в Шарлотсвилле; смысленные мальчики Батцнеров некоторое время жили в кампусе по соседству друг с другом. В 1901 году Декер получил степень бакалавра и магистра, и в 1904 году получил медицинскую степень. Потом он отправился в Филадельфию, в ординатуру Поликлиники — и к Бесс.

Как бы ни развивались их отношения, очевидно, что несколько лет доктор Батцнер налаживал свою практику в Скрантоне, а Бесси вернулась в Филадельфию; в декабре 1908 года Бесси все еще получала там его письма⁹. В те годы,

---

9. President's Office, American National Red Cross, Pennsylvania State Branch to Bessie M. Robinson [sic], 1622 Summer Street, Philadelphia, December 12, 1908, Burns, 24:1.

когда Филадельфия находилась в трех часах езды на поезде от Скрантона, их отношения представляли собой что-то наподобие того, что сегодня мы называем отношениями на расстоянии¹⁰. Когда 24 марта 1909 года они наконец поженились, ему было тридцать, а ей двадцать девять — лет на семь старше среднестатистической невесты в те годы. Церемония прошла в доме ее матери напротив старого канала в Эспи. Всего за несколько недель до этого ее отец, капитан Бойд, внезапно умер в возрасте семидесяти четырех лет. Так что свадьба, как отмечает местная газета, «была тихой, присутствовали только члены семьи и несколько приглашенных»¹¹. После поездки на юг они вернулись в Скрантон, который и стал их домом.

Вскоре после свадьбы доктор Батцнер, все еще новичок во врачебной практике, купил автомобиль — чтобы легче было добираться к пациентам, объяснил он¹². Единственной проблемой было то, что он не предупредил об этих гигантских расходах Бесс, а просто взял и купил. Неуважение задело ее. В другой раз, еще в начале их брака, мать Декера рассказала Бесс секрет рецепта его любимого пирога¹³. Молодая миссис Батцнер на это ответила: это может быть хорошо и прекрасно на ферме, где все многочисленные ингредиенты под рукой; но с деньгами туго, так что, по крайней мере сейчас, она не собирается его печь, — и не испекла. Округ Спотсилвейния, о котором напоминал виргинский акцент мужа, мог показаться Бесс болотом, с его непристойными шутками и грязными словами. *Горячее как семь шлюх*, можно было услышать от спотсилвейнского мужчины; в Блумсберге так говорить было нельзя. Возникали небольшие разногласия, неизбежные в любом браке, но намекающие на то, что во вкусах и представлениях Бесс и Декера отнюдь не было совершенной гармонии.

И все же из этих двух несхожих натур, словно под воздействием какой-то алхимии, возникла здоровая процветающая семья, где велись живые разговоры, свободно задавали вопросы, радовались жизни, поддерживали уверенность в себе и поощряли независимость детей.

---

10. Электронное письмо от эксперта по железным дорогам Херба Харвуда. Он сообщает, что между Скрантоном и Филадельфией существовало «по меньшей мере два рейса в день в каждом направлении, каждый занимает примерно три часа».

11. *Columbian* (Bloomsburg, PA), March 25, 1909.

12. Интервью с Джимом Джекобсом.

13. Интервью с Джимом Джекобсом; см. также Sandra Martin, «An Urban Legend», p. 84.

Третий ребенок Декера и Бесс, дочь Джейн Изабель Батцнер, родилась 4 мая 1916 года в 22:35, доктор Батцнер сам присутствовал при родах. Место рождения: Электрик-стрит, 815, — название, зафиксировавшее претензии Скрантона считаться родиной первого электрического трамвая. Доктор Батцнер купил дом в 1910 году и записал его на имя Бесс в августе 1918 года за один доллар «и любовь и привязанность»¹⁴. В этом невзрачном домике на севере Скрантона, стоявшем на небольшом склоне по восточной стороне Данмор-хиллс, Джейн жила первые четыре года. Она запомнит, что у них было два трехколесных велосипеда, или «трицикла», как называла их мама. «Я рано научилась выходить из дома, чтобы предьявлять свои права»¹⁵, — скажет Джейн.

Сестра Бетти, старше Джейн на шесть лет, родилась в 1910 году — немалая разница в возрасте. Сын Джейн Джим предположил, что Бетти была «скорее частью мира взрослых, чем товарищем по играм для Джейн». Между ними был брат Уильям, родившийся в 1913 году; весной 1915 года, когда они ездили к бабушке с дедушкой в Виргинию, он выглядел хорошо, так что шок был тем более оглушительным, когда 3 августа он умер¹⁶. Джейн, родившаяся спустя девять месяцев практически в тот же самый день, намекает на возможный уговор между Декером и Бесс ответить новым ребенком на потерю сына.

В 1917 году родился Джон. Джейн, будучи на семнадцать месяцев старше, оставалась особенно близка ему всю жизнь. Когда годы спустя телефонный звонок принес весть о его смерти, она сказала: «Он был моим старинным другом». К 1920 году семья пополнилась еще: 10 ноября родился младший брат Джейн, Джим. Мать доктора Батцнера, Люси, жила с ними все время, так что дом на Электрик-стрит мог теперь показаться тесноватым. Через несколько месяцев, в феврале 1921 года доктор Батцнер купил дом по адресу Монро-авеню, 1712, в нескольких улицах к востоку от городской черты Скрантона в зеленом пригороде под названием Данмор¹⁷. Там Джейн жила следующие четырнадцать лет и встретила свою молодость.

14. Договор от 6 августа 1918 года между Джоном Д. Батцнером и Бесс Робисон Батцнер, ДВК по. 294, р. 228, книга учета сделок округа Лакаванна.

15. Wachtel, p. 41.

16. «Он был здоров и весел, как на картинке», *Free Lance* (Fredericksburg), August 10, 1951.

17. *Matter*, p. 33. С тротуара могло показаться, что в доме был настоящий третий этаж. Но, несмотря на фронтон, хорошо отделанный оконный проем и декоративный балкон, на самом деле это был всего лишь аттик.

Этот дом был больше любого другого из тех, в которых Джейн когда-либо жила, дом успешного врача, самый большой в квартале. Их соседями в 1930 году, когда Джейн исполнилось четырнадцать, были менеджер сантехнической компании, инженер-строитель и управляющий угольной шахты. Были и дома покрупнее в нескольких кварталах отсюда на Вашингтон-стрит: огромные, широко раскинувшиеся имения. Но дом Батцнеров был достаточно большим — широким и просторным, с колоннами на крыльчке, поддерживающими террасу на втором этаже, с мезонином, карнизами, неглубокими эркерами, садом за домом шириной около тридцати ярдов. Сын Джейн Джим, слышавший об этом доме от своей матери, представлял его «прекрасным, хорошим местом для жизни».

Вы входите с улицы, проходите по передней лужайке на широкое крыльцо с колоннами и попадаете в гостиную. Комната Джейн находилась в нескольких шагах от маленькой лестничной площадки второго этажа, куда вели два коротких лестничных пролета, первая дверь налево — возможно, самая маленькая из нескольких спален, выходящих в крошечную прихожую. Окно Джейн смотрело сквозь террасу с балюстрадой на тихую Монро-авеню. На первом этаже располагались кухня, столовая и кабинет доктора Батцнера, соседствующий с просторной гостиной с камином и лестницей наверх, которая находилась в центре событий; сложно было присесть там и не окунуться в жизнь семьи. «Там было весело, — скажет Джейн о доме. — Мы много разговаривали»¹⁸.

Вероятно, это было то еще зрелище, когда четверо детей Батцнера собирались все вместе, скажем, в начале 1930-х годов. На самом деле они были очень друг на друга похожи: головы одной и той же формы, узнаваемые батцнеровские черты, по-своему различные в каждом. Все высокие, особенно Джим. Все умные, и с ранних лет их поощряли к самостоятельному мышлению. «Четверо удивительных детей», — говорит о детях Батцнеров племянница Джейн, тоже по имени Джейн. Когда они собирались позднее, взрослые и обремененные семьей, то едва ли что-то изменилось, разве что теперь их было восемь — у каждого супруг или супруга, которые, казалось, подходили не только одному Батцнеру, но и всем им одновременно.

---

18. Wachtel, p. 41. Годы спустя ее друг, Дэвид Гурин, рассказал Джейн, что в его взрослой семье единственным обыкновением, сохранившимся у него с детства в семье иудейских ортодоксов, было проводить пятничные вечера без телевидения и радио, просто общаясь друг с другом. Джейн ответила: «Так я провожу каждый вечер».

Все они были друзьями, обсуждали книги, идеи, политику, повседневные проблемы и самые разные новости, которые приносит в их дом этот безумный мир. Годы спустя друг семьи будет говорить о почти сверхъестественном оптимизме Батцнеров-Джекобсов, взаимной поддержке, которая связывала их вместе: не просто доброта, а то чувство, что жизнь слишком хороша, слишком интересна, чтобы разменивать ее на всякие мелочи, капризы и невежество. Они были «милыми разумными нонконформистами, — сказал еще один друг, знавший семью более тридцати лет. — Отнюдь не злобствующими»¹⁹. Все они, говорит Кэрол, дочь сестры Бетти, «радовались жизни. Вечный праздник. Было весело. Каждый обед был в радость. Каждая прогулка — приключение». В семье не случалось «ни обид, ни ссор; не было такого, что ты должен делать то и не должен это».

Конечно, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Возможно, в их семье не хватало взаимной эмпатии или терпимости, чтобы внимательно относиться к чувствам и сомнениям друг друга или позволить скуке, раздражению или безделью испортить день; но это тоже было частью семейной культуры. Но, даже учитывая, как время смягчает воспоминания, как и некоторое семейное бахвальство в этих словах, определено в отношениях, сложившихся в семье Батцнер, было что-то здоровое и плодотворное. Бетти станет вице-президентом крупной нью-йоркской компании, занимающейся дизайном интерьеров, и будет принимать активное участие в работе Лиги эсперанто. Джон в течение многих лет будет судьей Апелляционного суда четвертого округа США, где в том числе будет принимать важные и трудные антисегрегационные решения. Джим большую часть своей взрослой жизни проведет в южном Нью-Джерси, сделает успешную карьеру химика-технолога в крупной нефтяной компании и, на гражданском фронте, поможет превратить крошечный местный колледж в истинное достояние общественности. Джейн будет писать книги и изменит мир. Каждый проведет со своим супругом всю жизнь — по большей части, кажется, счастливую. Все четверо столкнутся со множеством вещей, с которыми будут не согласны. Их голоса станут громче. Но, как рассказывают их дети, они получали удовольствие от жизни и никогда не тратили попусту шанс воспользоваться мельчайшей крупинкой радости, которую дарит этот интересный мир.

Однажды, когда Джейн было семь лет, сестра Бетти, к тому времени уже герлскаут, взяла ее с собой в поход. Джейн запо-

---

19. Интервью с Тошико Адильман.

мнила, как они жарили маршмеллоу на костре тем вечером, но гораздо ярче — тот момент, когда Бетти споткнулась о камень. «Вот пудингстоун!²⁰» — закричала Бетти²¹. «*Какое хорошее слово!*» — подумала Джейн, и что за интересная геологическая аномалия: много круглых камешков и гальки встроено в песчаную, похожую на цемент матрицу. Тогда, в семь лет, проявилась какая-то особое свойство интеллекта Джейн, некий двойственный взгляд: непреходящее удивление миру прямо перед ее носом — удивление первооткрывателя, журналиста, ученого; и вместе с тем удовольствие от языка и всех нюансов его звучания и значения.

В шесть или семь лет Джейн читала очень много, иногда бегая за мамой по всему дому с книгой в руке и спрашивая о словах, которых не понимала. Она любила детские стишки и народные песни, думала о том, что они означают. В стихотворении «Королевский пирог»²², где говорится о пироге, в начинку которого входило «сало в руку толщиной», Джейн увидела отвлечение к расточительству²³. Она любила «Трех мушкетеров». Она зарывалась в «Книгу знаний», детскую энциклопедию, популярную и веселую, — хоть и, по словам ее сына Джима, «расистскую и битком набитую очевидными нелепостями». Она открыла для себя и запоем прочитала «Историю Англии для юных» Диккенса:

И вот Юлий Цезарь повел восемьдесят судов с двенадцатью тысячами воинов к нашему острову. Отплыл он от мыса между Кале и Булонью, «ибо оттуда лежит кратчайший путь в Британию». Вот почему от этой же точки ежедневно отчаливают наши пароходы. Юлий Цезарь рассчитывал без труда завоевать Британию, но он ошибся²⁴.

В детстве Джейн не могла говорить об этом так открыто, но позже она часто рассказывала о беседах с историческими деятелями, которые вела в своем воображении²⁵. «Когда я была маленькой, я разговаривала с ними, просто чтобы не заскучать».

20. *Puddingstone* — конгломерат, дословно «каменный пудинг» (геол.). — *Прим. пер.*

21. Jane Jacobs, «What Would I Have Been if I Hadn't Been a Writer», ответ на редакционный опросник, 1994, Burns, 6:5.

22. Стихотворение *When Good King Arthur Ruled This Land* приводится в переводе С. Маршака. — *Прим. пер.*

23. Интервью с Джимом Джекобсом.

24. Цит. по: Чарльз Диккенс, *История Англии для юных* (Москва: Независимая газета, 2001), с. 9.

25. Warren, p. 16; Fulford, «Radical Dreamer».

Первым был Томас Джефферсон — то есть до тех пор, пока она «не исчерпала свои скудные знания о том, что может заинтересовать Джефферсона. Он всегда стремился окунуться в абстракции». Затем она обратилась к Бенджамину Франклину, который, как она сообщила однажды интервьюеру, интересовался «подробностями, практическими деталями, например, почему аллея, по которой мы идем, не вымощена, и кто мог бы ее замостить, если бы она была вымощена. Он интересовался *всем*». Она могла рассказать ему, как работает светофор, или наблюдать его удивление тем, как одеваются современные женщины.

Она никак не ограничивала свое воображение, и очевидно, никто не пытался сделать это за нее. «Там, где я выросла, в Пенсильвании, — писала она, — дети верили, что в августе по ночам озера переворачиваются»²⁶. Потом она лучше изучила этот вопрос, но тогда: «Я представляла себе это чудо: как в темноте, бурля, вздымаются и переливаются воды и сквозь них виднеется сверкающая рыба. Мы знали, когда это случилось, потому что потом находили плавающие обрывки водорослей и в верхнем слое воды в несколько футов, обычно таком чистом, — ошметки ила со дна и удушливый запах».

Довольно рано Джейн увлеклась поэзией. В 1950-х годах мать собрала ее юношеские работы и переплела около тридцати из них в маленькую книжечку. В шутку или всерьез, не ясно, они были «изданы» как работа Сабиллы Боден, одной из прародительниц по линии Бесси, жившей пять поколений назад²⁷. Стихотворения Джейн назывались «Мышь», «Стирка», «Зима» и соответствовали ее возрасту; они казались очень детскими, но ведь она и была ребенком. Чаще всего они были рифмованными: «До чего же интересно знать, / Любят ли зебры танцевать?» По большей части они были милые, порой очень ласковые. С другой стороны, поражало разнообразие тем и стилей. Джейн писала басни, как у Эзопа: их героями были мухи, блохи и мыши; коротенькие истории про Авраама Линкольна, пирата Черную бороду и французского поэта Франсуа Вийона. А вот теплые воспоминания о лагере герлскаутов: «В лунном сумеречном свете / Искры тают от костра / Листья шепчутся о лете, / Не устанут до утра...» А вот наслаждение игрой слов: «Плачет, плачет мой малыш: кошечка поймала мышь / Диньки, донки, дон...» Или: «Однажды верба вербная / Как воскресенье вербная / Увидела игривую / Простую / Рыбу рыбную / Рыба-

26. Ранний черновик «Экономики городов», Burns, 8:6.

27. Благодарю Декера Батцнера и Бургин Джекобс за то, что дали мне посмотреть сборник Сабиллы Боден.

чашую в море». Некоторые, чуть более сложные, приближают юную Джейн к нам: «Лужи песни сложат о дождливом дне. / Как сегодня в школу не идетя мне / Гром греми сильнее, ливень лей рекой, / Струями свободы мне лицо умой! / Ветер будет бесноваться, / Как тут дома оставаться?»

Что бы мы ни думали о ее детских текстах, она продолжала писать. Некоторые ее стихотворения были опубликованы — и когда она выросла, и тогда, пока была подростком: «Шлю вам поздравления из офиса *The American Girl*»²⁸, — написала издатель Элен Феррис десятилетней Джейн в январе 1927 года. «Мисс Йост [возможно, помощница Элен, возможно, учительница Джейн] только что прислала мне несколько ваших стихотворений, и я хочу сказать вам, что они мне нравятся». Все она, конечно, не могла напечатать, «но вы можете быть уверены, что я использую по меньшей мере часть ваших стихотворений, как только представится такая возможность». Джейн нечасто писала стихотворения, когда повзрослела, но всегда любила поэзию и декламировала стихи, за что кто-то из детей называл ее «бесконечным складом» Шекспира и Матушки Гусыни, Лонгфелло, Линдсея и Фроста²⁹.

Из родителей Джейн ближе был отец. Она вспоминала его как «очень любознательного, умного и независимого. Он был по местным меркам очень известным диагностом»³⁰, своего рода Шерлоком Холмсом телесных улик. Он умел смотреть и слышать. «Я любила слушать его истории о том, как он обнаружил то или это». Доктор Батцнер, лысый и с усами, всегда читал энциклопедию не для того, чтобы праздно накапливать занимательные факты, а чтобы погрузиться в ее содержательные статьи, иногда довольно длинные, часто обсуждая их со своей семьей. Джейн вспоминала, что ей было около семи, когда папа просил ее отыскать ему тот или иной том, на *Gr* или *Ro*. «И пока он листал страницы, а я рассматривала картинки и таблицы, он развлекал меня чем-то интересным» о греках и римлянах. «Больше всего мне понравилось, как варвары попросили три сотни фунтов перца у Рима в счет уплаты выкупа. Он сказал, что для выкупа это совершенно цивилизованная просьба».

Отношения Джейн с матерью были более сложными. Образ старой леди, забирающей волосы в аккуратный пучок, всегда аккуратно одетой и ухоженной, о которой внуки тепло вспоминали как о прекрасной рассказчице, садоводе, готовившей сыт-

28. Burns, 2:1.

29. Интервью с Джимом Джекобсом.

30. Wachtel, p. 42.

ные завтраки с вафлями, дружелюбной, интеллигентной, принципиальной, иногда веселой или игривой, но всегда глубоком и внимательном слушателе, — не вполне согласуется с образом той молодой женщины, что не так давно покинула пенсильванский Эспи, которую Джейн подростком знала как свою мать. Бесс могла стать более терпимой за 101 год; строгий республиканец, она ушла из Дочерей американской революции³¹, когда они осудили Джеки Кеннеди за то, что та послала рождественскую открытку UNICEF из Белого дома³². Уже взрослой Джейн признавала достоинства матери и могла объективно нарисовать ее точный портрет. Как она гуляла с Джейн по саду каждое утро, показывая тот или иной новый росток. Или как однажды во время забастовки шахтеров она плотно скрутила влажные газеты, одну к другой, чтобы сделать из них искусственные дрова³³. «Я все еще могу представить, — писала ей Джейн с любовью, — как ты окунаешь их в ведро воды и сушишь на заднем дворе». Джейн рассказывала, как мать «стала старшей ночной медсестрой в важной больнице в Филадельфии»³⁴, — настоящая гордость. Она могла рассказать, как ее мать испытывала сострадание. Когда та была медсестрой, большинство ее пациентов были бедняками. «Она рассказывала мне об их нелегкой жизни», их нищета *гложет* ее³⁵. В 1975 году, когда мать приблизилась к ста годам и все больше слабела, Джейн написала, что все еще «не может свыкнуться с мыслью, что дни этой прекрасной старой леди подходят к концу... Я привыкла к той, кем она была, [и] кроме того, на самом деле я люблю ее»³⁶.

Но это будет позже; в молодости же, в подростковом возрасте, а может быть и раньше, мать раздражала ее. Она была «довольно чопорной, — писала Джейн, — особенно в том, что касалось секса»³⁷. Даже в 1950-х годах Джейн писала издателю, что мать «до сего дня изумляет меня своей способностью осуждать все земное»³⁸. Я как-то представил Джейн читающей дома стихок, весьма распространенный после Первой мировой войны:

31. Дочери американской революции (*Daughters of the American Revolution*) — основанная в 1890 году женская некоммерческая организация, специализирующаяся на патриотическом воспитании, сохранении и изучении исторического наследия США. — *Прим. ред.*

32. Интервью с Джейн Хендерсон.

33. Дж. Дж. — своей матери, 30 декабря 1974 г., Burns, 4.

34. *Matter*, p. 11.

35. Wachtel, p. 44.

36. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 8 января 1975 г., Random House Papers, ColumbiaRare.

37. Wachtel, p. 44.

38. Дж. Дж. — Джону С. Зинсеру, 22 декабря 1950 г., Burns, 22:9.

Кайзер Билл на холм поднялся,
Над французами смеялся.
Тут же кайзеру-то Билли
Пулями портки набили.

Не читай это, возмутилась мать; «портки», конечно, означали подштанники, и Джейн не должна была упоминать их. Но, конечно, та продолжала: «пулями...», после чего Бесс перекинула Джейн через колено и отшлепала ее. «Но я собиралась сказать *штаны*», — вопила Джейн³⁹.

Джейн, наверное, представляла сознание своей матери настоящим минным полем предрассудков, унаследованных из маленького городка⁴⁰. Она вспоминала, как ей запретили играть с китайской девочкой по соседству. Ей сказали, что люди родом с Сицилии — нищоброды, по той единственной, хоть и неопровержимой, причине, что они были сицилийцами. Политически мать была гораздо консервативнее отца. В молодости она была убежденным сторонником движения за трезвость (каковых в стране было достаточно, чтобы довести Америку до «сухого закона»). Красное вино называли «красным итальяшкой», и единственным аргументом против него, конечно, служило то, что оно было итальянским. Когда доктор Батцнер получал от случая к случаю бутылку вина от шахтера-сицилийца, которого он лечил, миссис Батцнер переводила вино на уксус, если бутылка попадала к ней в руки, или просто выливала его в канаву.

Итак, как и многие подростки во все времена, Джейн препиралась с матерью. И даже хуже: она знала, что «должна молчать о том, что действительно хотела бы с ней обсудить»⁴¹. Подробные, многостраничные, полные аргументов и фактов письма Джейн писала матери гораздо позже: о сельском хозяйстве на Канарских островах, акупунктуре, «микробалансе природы», представленном божьими коровками, поедающими тлю — свидетельствующие о необходимости *сказать*, говорить, объяснять, а *также* о потребности в материнском внимании. Но опять же, это будет потом. Подростком, особенно в отношении более личных тем, она чувствовала, что не может рассчитывать на понимание матери.

Кажется, это приносило не больше проблем, чем то, как Джейн чувствовала себя дома. Вряд ли все обиды, которые она переживала, были для нее пустяком; ведь как такое мо-

39. Интервью с Джимом Джекобсом.

40. Интервью с Джимом Джекобсом.

41. Wachtel, p. 44.

жет быть? Просто на фоне того баснословного пейзажа, наполненного детьми и их родителями, немного из жизни Джейн на Монро-авеню намекает на скрытые страхи или стремится вырваться на свет.

В социально-экономическом отношении семья Джейн относилась к обеспеченному благополучному американскому среднему классу. Батцнерам по большей части хватало денег, правда, было их не слишком много. Джейн выросла в хорошем доме, на милой улочке с приличными домами, где жили представители верхних слоев среднего класса; у них даже была одна из первых посудомоечных машин. Но она не была полностью отрезана от тех, кому не настолько повезло. Она помнила одно местечко недалеко от их дома, вниз по холму, — закоулок, где не было тротуаров; «просто было понятно, когда идешь в закоулок, что это нищенское место»⁴². Джейн знала о мужчинах, которые работали в шахтах; некоторые из них были пациентами ее отца. Она слышала от матери о тех днях, когда та была медсестрой, и о ее пациентах-бедняках.

Ее детство было заполнено незаметным повседневным комфортом. Она ходила в пресвитерианскую церковь на улице Грин-Ридж в нескольких кварталах от дома. (Джейн «никогда не воевала с церковью, — скажет один из ее детей, — просто скучала там».) Обменивалась карточками с друзьями — кажется, с изображениями политиков, а не бейсболистов. Они играли в пиратов, проигравший шел по доске на старом пне⁴³, а еще в ковбоев и индейцев. Иногда она ездила в школу на роликах. У нее было потайное место в расщелине ближайшей скалы, где она прятала сокровища⁴⁴. Как и сестра, Джейн пошла в герлскауты: они ездили в лагеря, сплавились на плотках. Она помнила лето, когда Чатоква⁴⁵ приехала в Скрантон с большой детской программой⁴⁶. Джейн любила слушать, как родители и бабушка с дедушкой рассказывают о своем детстве: как бабушка для стирки делала мыло из жира и древесной золы; как мама, когда ей было восемь, повернула выключатель на первом городском электрическом фонаре. Она разыгрывала своих братьев и сестер: однажды подшутила над братом Джоном, вы-

42. Chavez, Duer, and Fang, p. 10.

43. Warren, p. 10.

44. *Смерть и жизнь*, с. 97.

45. Чатоква (*Chautauqua*) — американская просветительская организация, основанная в 1874 году. Пик ее деятельности приходится на конец XIX — начало XX века. — *Прим. ред.*

46. Дж. Дж. — Сюзан Уинн, 18 сентября 1997 г., Burns, 1:6.

бросив его любимую рубашку⁴⁷. На Рождество елку в гостиной ставили и обрезали таким образом, что она упиралась прямо в лестничную клетку на втором этаже, откуда Джейн и Джон, спрятавшись, могли тянуть за тонкие как паутинки нити, привязанные к ветвям, — соседских детей приглашали подивиться на елку, изгибающуюся и машущую ветвями от невидимого ветра⁴⁸.

Когда Джейн было четыре, они всей семьей отправились в путешествие в Виргинию, чтобы навестить родственников Батцнеров. По пути они останавливались, чтобы посетить Белый дом и посмотреть на овечек, щиплющих траву на аккуратной лужайке рядом.

Когда ей было одиннадцать, она написала в девичьем дневнике кузины: «Откусывай больше, чем сможешь прожевать — и потом жуй»⁴⁹, очевидно, не обращая внимания на банальность этого совета.

Как минимум однажды ребенком она летала на аэроплане, возможно, на биплане, как у Снупи.

Но детство Джейн Батцнер было шире и богаче, чем самый длинный список ежедневных соблазнов. Повседневная жизнь — особенно, как мы увидим, жизнь в школе — совсем не походила на то, о чем она читала в книгах. Не походила и на то, что она видела и слышала дома за кухонным столом или в гостиной. Бабушка по отцу, Люси, умерла, когда Джейн было десять; бабушка по матери, Дженни — когда ей было тринадцать; она никогда не знала своих дедушек. Но каким-то образом старые семейные истории и легенды доходили до Джейн, и у нее накопился целый том рассказов давно ушедших дней и сонм выдающихся персонажей. Не Джефферсоны и Франклины ее воображаемых диалогов, а члены ее собственной семьи, которые осмеливались отправляться в путешествия в далекие края, делали замечательные вещи и твердо верили в то, что делают.

Она знала, конечно, о дедушке по матери, капитане Бойде, умершем за несколько лет до ее рождения, его подвигах в Гражданскую войну, заключении на Юге, его популистских идеях, о том, что он баллотировался в Конгресс от партии гринбекеров. «Я рада видеть, как много идей, выдвинутых партией, в то время казавшихся странными, с тех пор стали законными

47. Замечание Декера Батцнера в «Memorial Ceremony and Portrait Unveiling in Honor of Honorable John D. Butzner, Jr.», *West's Federal Reporter*, vol. 464, F.3d, p. xxxix-xli.

48. Интервью с Джимом Джекобсом, Декером Батцнером, Кей Батцнер.

49. Мэри Робисон Фосетт — Дж. Дж., 1996 г., *Burns*, 44:2.

и уважаемыми, — напишет она, — и я горда, что мой дедушка рисковал жизнью ради них»⁵⁰.

Младший брат ее дедушки, дядя Билли, знаменитый одноглазый адвокат по уголовным делам, столь же полный, сколь и высокий, само красноречие и хитрость, брался за любые дела — бутлегеров, чернокожих, негодяев, жуликов — не важно. В одном известном деле он защищал мужа виргинской светской львицы, найденной зарубленной насмерть, успешно переложив вину на отвергнутую любовницу клиента; присяжные признали его подзащитного невиновным через тридцать шесть минут. В другой раз его клиента во время «сухого закона» привлекли к ответственности за две пинты контрабандной выпивки. Но когда на суде дядя Билли открыл бутылки и перелил их содержимое в мерную колбу, одолженную у городского аптекаря, до кварты — того предела, до которого строгое наказание не предусматривалось — не хватило всего нескольких капель. Его подзащитного отпустили. Как он узнал, что обвинение провалится? «Знаете, — ответил он, — в свое время я не раз имел дело с бутлегерами, и, поверьте мне, они всегда мошенничают»⁵¹.

Тетя матери Джейн, Ханна, была еще одной заметной фигурой в зале семейной славы. В возрасте сорока пяти лет эта правильная и внешне ничем не выделяющаяся женщина вдруг отправилась на Аляску учить алеутов и эскимосов. За четырнадцать лет она успела пожить у индейцев, карабкалась по скалам в пышных юбках и подъюбниках, путешествовала на каяке в наряде из медвежьих внутренностей. Тетя Ханна была истово религиозной и такой, что Джейн могла называть ее «неумолимый, упорный сторонник трезвости»⁵² — к тому же на свой манер поборник прав женщин. Для растущей Джейн «она несла в себе очарование сказочной героини».

И еще была старшая сестра ее матери, Марта, которая после обучения в Блумсбергском педагогическом колледже и активного участия в жизни местного прихода пресвитерианской церкви в возрасте сорока восьми лет практически ушла от цивилизации. В 1922 году, отправившись по поручению церкви в отдаленный горный район Северной Каролины, она так и осталась там жить в небольшой захолустной деревне под названием Хиггинс. Вместо того чтобы вернуться через несколько месяцев, тетя Марта все оставалась, и оставалась, годами при-

50. *Matter*, p. 170.

51. Интервью с Декером Батцнером.

52. *Alaska*, p. 10.

внося туда частицы тепла и радости современной жизни — дарила книги и вела уроки, помогала строить новые дома, создала центр ремесел и помогла укрепнуть местному приходу. Она жила там все те годы, пока Джейн росла на Монро-авеню.

Среди предков Джейн были, конечно, и законченные бездельники и ничтожества, как и приличные, но ничем не примечательные смертные. Не многое услышишь о брате отца Кельвине, неприветливой фигуре в комбинезоне, который остался жить на ферме у своей дровяной печи со своими собаками. Мать Джейн была одной из восьмерых детей, и не все они творили чудеса в Аппалачах, как тетя Марта; в то время, когда Джейн пошла в школу, брат Бесси Ирвин продавал машины, а ее сестра Эмили работала школьным библиотекарем; оба вернулись туда, откуда приехали, в Блумсберг. И все же существовало достаточно примеров семейного героизма и эффектных поступков, из которых Джейн могла резонно заключить, что вышла из отличной семьи.

Ее жизнь докажет свою созвучность судьбам семьи и предков. Но если и так, то что — что *именно?* — нам с этим делать? Если она вышла из «приличной семьи», значит ли это, что что-то редкое и драгоценное передается через ее ДНК? Или, что бы на нее ни снизошло, это случилось благодаря «культуре» семьи? Конечно, Джейн была наделена невероятным интеллектом; все, что она думала и говорила, свидетельствует об этом. Но мы можем сказать с равной уверенностью, что ей повезло родиться в необыкновенно сплоченной семье; и от тех социальных и семейных сил, что так часто разрушают детский дух, Джейн была милосердно освобождена. В детстве она не могла знать, как редко такое бывает. Потом, однако, она поняла: «Жить в семье, где меня не подавляли, — большая удача»⁵³.

Ей также повезло, что она выросла в удачные для женщин или, по крайней мере, относительно удачные времена, которые, в отличие от предшествовавшей викторианской эпохи или послевоенного времени, когда росли ее собственные дети, не препятствовали ей быть девушкой, женщиной, работать и мыслить. Те годы, скажет она, стали «островом надежды для женщин»⁵⁴. Конституционная поправка допустила женщин до выборов в 1920 году, когда Джейн было четыре года. Мысль, скажет она гораздо позже, «что женщины равны мужчинам и могут делать что захотят», была вполне жива. В герлскаутах, вспомнит

53. *Matter*, p. 13.

54. *Wachtel*, p. 45.

она, «у нас были все виды знаков отличия, не только касательно заботы о детях, того, чтобы быть хозяйшкой и все такое, но и по астрономии и определению деревьев и разным штукам. Все это было частью освобождающей идеологии для женщин. Мы были счастливы». Мир был прекрасным местом, где можно творить великие дела. У вас была сила. Вы могли кем-то стать. *Женщина* могла стать кем-то.

В общем, Джейн Батцнер не встречала особенного противодействия. Ей, кажется, никогда не мешали, не удерживали и не втискивали в какие-то рамки. «Я выросла с мечтой, что я смогу что-то сделать, — скажет она. — Ничто не остановит меня, если я чего-то захочу»⁵⁵.

---

55. *Matter*, p. 11. При этом сестра Джейн, Бетти, по меньшей мере однажды почувствовала себя в безвыходном положении. Она хотела стать архитектором, но доктор Батцнер ее отговаривал, посчитав это поле деятельности неподходящим для женщины. «Она находила это смешным», — сообщает дочь Бетти, Кэрол Биер. Но Бетти уступила и занялась дизайном интерьеров.

Глава 2

Вне закона

ЕСЛИ в этой замечательной картине и было что-то не так, то лишь ее исключительность, редкость, из-за чего ей, без сомнений, рано или поздно предстояло столкнуться с куда менее снисходительной реальностью мира за пределами Монро-авеню. В случае Джейн конфликт произошел рано — уже в школе: сначала в школе Джорджа Вашингтона в Данморе, затем в скрантонской Центральной средней школе.

Джейн рассказывает, что в классных комнатах «в те дни... был более строгий распорядок дня, чем теперь. Мы должны были сидеть там часами, делая то или это; говорить разрешалось, только если хочешь задать вопрос»¹. Некоторым одноклассникам это нравилось или, по крайней мере, они могли это вытерпеть. Для Джейн это была сущая мука: такое настолько не соответствовало ее жизни дома, настолько отупляло, что дорого ей обошлось. Джейн заметила в себе то, что она назовет «недоразумением»: страх, «что я не могу больше говорить, что у меня пропал голос»². И из него, в свою очередь, развилось то, «что можно назвать легким тиком. Я потихоньку сипела, пробовала голос, просто чтобы убедиться в том, что все еще могу говорить». В конце концов родители спросили, почему она так делает. Она не ответила: не хотела или не могла, «потому что мне казалось, что если бы я ответила, то открылась бы вся картина моих напряженных отношений с учителями».

Два года в школе Джорджа Вашингтона, расположенной в нескольких кварталах от дома, на углу улиц Грин-Ридж и Мэдисон-авеню, прошли хорошо. Но потом все покатилося под откос. Как Джейн рассказывала не раз и при разных обстоятельствах, слово «испытание» по отношению к школе можно отнести ко всем без исключения ступеням: третий класс, пятый класс, средняя школа — не важно. Позже она явно будет

---

1. Wachtel, p. 46.

2. Ibidem.

завидовать учебе отца в той виргинской школе в округе Спотсилвейния, в которой был всего один класс³. Она расскажет, что на уроках «не очень-то слушала учительницу. Я старалась, но мне быстро становилось скучно»⁴. У нее всегда что-то было спрятано под партой, например, «Мифология Булфинча»⁵ — гораздо интереснее всего, что монотонно бубнила учительница⁶. Она вспоминала, как их заставляли «самым ужасным образом бесконечно повторять», и даже годы спустя могла назвать все страны Южной Америки в алфавитном порядке, показывая в воздухе их местоположение на невидимой карте. «Сказать по правде, — признается она однажды интервьюеру, — я думала, что большинство моих учителей довольно глупы. Они верили во всякую чепуху. Я всегда их поучала, поэтому иногда мы ругались»⁷.

В третьем классе она умудрилась добиться исключения из школы⁸. И, по крайней мере, если верить тому, что она говорила, будучи взрослой, к этому привела именно огромная пропасть между живой и открытой атмосферой в семье и давлением в школе. Однажды вечером отец ей сказал, что обещать — это очень серьезно; никогда не давай обещание, если не уверена, что сможешь его сдержать. «Хорошо», — ответила Джейн, а на следующий день в школу пришел незнакомец, чтобы поговорить с ними о гигиене зубов. Представьте себе сцену, как будто сошедшую со страниц романов Синклера Льюиса об общественном здравоохранении и добродетели 1920-х годов: учеников собрали в актовом зале послушать хорошего джентльмена. Разумеется, он призывал их чистить зубы. Но он пошел еще дальше и здесь-то и попал в переделку с Джейн: «Он попросил каждого пообещать чистить зубы по утрам и вечерам» всю свою жизнь, и попросил всех поднять руки, чтобы подтвердить обещание.

Нет, прошептала Джейн одноклассникам, вы же не можете дать такое обещание? *Не делайте этого*. И вот «они опускали руки, едва успев поднять их», хотя от них ожидали совсем другого.

3. *Matter*, p. 150.

4. *Ibid.*, p. 11.

5. Популярный сборник мифов и легенд «Век сказаний» (*The Age of Fable*) американского писателя Томаса Булфинча, многократно переиздававшийся с 1855 года и получивший неофициальное название «Мифология Булфинча». — *Прим. ред.*

6. *Matter*, p. 15.

7. *Wachtel*, p. 46.

8. Люсия Джекобс, запись интервью Дж. Дж., 1992 год, с любезного разрешения проф. Джекобс; *Wachtel*, p. 46; *Matter*, p. 16.

Когда они вернулись в класс, учительница была в ужасе. Что, по вашему мнению, вы *делаете*? Кто-то указал на Джейн, и вскоре учительница вывела у нее всю историю, теперь уже потребовав у нее и остальных негодяев дать клятву всегда чистить зубы. Джейн отказалась, призывая к тому же других; когда она годы спустя разыгрывала в лицах сцену, как убеждает одноклассников не подчиняться, казалось, к ней возвращалась кипучая молодость: они *определенно* не могут сдержать подобное обещание. *Нечестно* говорить, что могут. «Что ж,— сказала учительница, повернувшись к Джейн, пытаясь подавить восстание,— я с тобой разберусь».

Они встретились наедине. «Все, что она от меня получила—это пререкания. Поэтому когда ее терпение кончилось, она меня исключила из школы».

Исключила?! «Я знала временно отстраненных, но никогда не знала никого, кого бы исключили». Это совсем другое. Это серьезно. «Ужасно. Это конец». Ее родителей вызовут в школу. «Я со всей отчетливостью осознала, что я вне закона»—чувство, которое вместе с нею перешагнет через годы в старость и никогда полностью не развеется.

Ее плохое поведение, кажется, подпитывало себя само и не могло быть пресечено родителями так, как того хотело школьное начальство. Однажды Джейн совсем разошлась, хлопая бумажными пакетами в столовой, и ее отправили прямиком к директору. Директор вызвал отца. Доктор Батцнер, как гласит семейная история, ответил: «Я занятый человек. Вы занятой педагог. Я позабочусь о своих проблемах. А вы позаботьтесь о своих»⁹.

«Когда мы были детьми,— писал скрантонский журналист, знавший Джейн с детства,— она была самостоятельной, умной, уморительно смешной и бесстрашной». Она плевала на лестничные перила и скатывалась вниз, чем несказанно радовала детсадовцев. Она бегала вверх по эскалатору, идущему вниз, в *Scranton Dry Goods*, главном торговом центре на Лакаванна-авеню. Она искала неприятностей словно из чистого удовольствия.

В четвертом или пятом классе, как рассказывает эту историю кто-то из детей Джейн, учительница изрекла мудрость: мол, ношение резиновых сапог приводит к болезни глаз¹⁰. Чепуха, возмутилась Джейн. Чепуха, подтвердил доктор Батцнер. Вскоре она ходила в резиновых сапогах в школу каждый день, выставляя их напоказ. *Видите мои глаза?* дразнила она учитель-

9. Интервью с Кей Батцнер.

10. Интервью с Джимом Джекобсом.

ницу и всех, кто ее слушался. *Посмотрите на них — они в полном порядке.*

В другой раз учительница задержала ее после школы и велела переписать две страницы из учебника по истории. «Какие две страницы?» — спросила Джейн¹¹. Не важно, ответила учительница. Джейн выбрала фронтиспис, на котором содержался только рисунок с подписью: «Высадка Колумба на острове Сан-Сальвадор». Нет, сказала учительница, так не пойдет, и задала ей еще две страницы. Джейн отказалась: она сделала в точности то, что велено. «Так что я сидела после школы за партой, и учительница сидела и занималась чем-то за своим столом, и мы сидели и сидели». В конце концов Джейн просто встала, взяла пальто и ушла.

Это было плохо. Сага о Джейн и ее учительницах — насмешка над знакомым сценарием: юношеское недовольство ограничениями в классе, плохое поведение, вызов родителей в школу, принятие мер, подчинение власти взрослых, восстановление гармонии в школе. И, разумеется, история заканчивается совсем не тем, что Джейн окончила школу с благодарностью за распорядок, который в конце концов научилась принимать; она так никогда и не приняла *его*. Скорее результатом стали недовольство и озлобленность в грядущие годы, война, прерываемая только временными перемириями. «Она всегда боялась учителей, и учителя всегда боялись ее», — вот та истина, которую кто-то из ее детей вывел из рассказов Джейн о школе¹².

Годы спустя, на двухдневной университетской конференции в 1987 году, посвященной отнюдь не детству Джейн Джекобс, а ее идеям, Джейн предложила собственную теорию о тех проблемных годах. В начальной школе «маленькие девочки, которые стараются, — это те, кто берет с учителя пример»¹³, представляя самих себя учительницами; в школе они маленькие ученицы, впитывающие принципы и ценности учителей. Она, конечно, такой не была, ни капельки. Но другие маленькие девочки «не очень-то заботились о том, чтобы стать учительницами» и не «считали образование столь же важным — [поскольку] сопротивлялись ему». *Это*, сказала Джейн, и была она. «Вот *такой* девочкой я была».

В начале 1962 года, выступая с публичным докладом в Нью-Йорке вскоре после издания «Смерти и жизни больших американских городов», Джейн Джекобс говорила, что ее книга

11. Harvey, p. 36.

12. Интервью с Джимом Джекобсом.

13. *Ethics*, p. 9.

выросла из несоответствия между тем, какими должны были стать крупные жилищные проекты, и тем, чем они обернулись на деле. Когда она спросила архитекторов и планировщиков, почему проекты так часто оказываются не столь жизнеспособными и успешными, как обещалось, все, что они могли ответить, — это назвать живущих там людей глупыми: мол, не могут или не хотят делать то, «что от них *ожидалось*»¹⁴. И тогда, как если бы фраза зацепилась за сеть нейронов в ее мозгу и потащила прямо на риторический риф, она сказала: «Я не знаю, почему люди не делали то, что от них *ожидалось*, но я хорошо знаю, — здесь она сделала многозначительную паузу, — что если люди вели себя не так, как *ожидалось*, значит, в теорию о том, как они *должны* себя вести, вкралась какая-то ошибка». И, уже зная о ее взрослом бунтарстве, сопротивлении властям длиной в жизнь, трудно не вспомнить о юной Джейн в школе: как ей удавалось отвертеться от того, что от нее ожидали, но что она не могла или не хотела делать.

Сын Джим намекает, что стратегии, которые Джейн позже будет использовать против бездумных планировщиков и городских властей, отчасти родились из препирательства с учителями. Конечно, они сделали ее только сильнее, как и в тот день в третьем классе, когда ее исключили. Ступив за порог школы, она чувствовала себя потерянной, не знала, что делать, бродила одна. Скоро она оказалась возле железнодорожных путей, которые лежали низко, в низине, на которых запрещено находиться, уж девятилетним-то девочкам точно. Поддавшись внезапному порыву, оставив учебники и куртку на спуске к путям, она бросилась вниз по склону, который вел к рельсам, затем вновь забралась наверх. Вверх и вниз, раз за разом, она взбиралась наверх, под грохот изрыгающих дым груженных углем поездов. Только когда она услышала, как дети идут домой на ланч, она в последний раз забралась наверх на дорогу, собрала вещи и отправилась домой на Монро-авеню обедать, не зная, что ее ждет.

Ее ничто не ждало.

Дома, с мамой, она пыталась «набраться смелости и признаться», но не смогла, просто молча ела.

«Поторопись, Джейн, ты в школу опоздаешь», — сказала, наконец, миссис Батцнер.

Джейн вернулась в школу, повесила куртку в раздевалке, села за парту. Учительница не сказала ни слова; Джейн поз-

14. Books and Authors Luncheon, 10 марта 1962 г., аудиозапись, New York City Municipal Archives, wnyc_LT9522.

же выдвигала теории, что та даже могла испытать облегчение, увидев ее. Она «могла испугаться того, что сделала», — тихое появление Джейн предотвратило конфронтацию.

Происшествие оставило ее с чувством независимости. «Я была вне закона и принимала тот факт, что я вне закона... Это по-настоящему изменило меня. Это важное событие в моей жизни»¹⁵. Она поняла, что «если чего-то боишься, то единственный способ преодолеть или уменьшить страх — это пережить его».

В феврале 1929 года Джейн, окончив школу Джорджа Вашингтона, поступила в первый класс Центральной средней школы в деловом центре. Тогда как ее начальная школа находилась в нескольких минутах ходьбы от дома, то чтобы добраться до Центральной школы, нужно было пройти пешком квартал до трамвая на Электрик-стрит, затем преодолеть две мили в дребезжащем, ярко окрашенном вагончике с деревянными сиденьями — на юг до Адамс-авеню, выйти и немного пройти на запад, а затем почти прямо до Вашингтон-авеню вниз по Вайн-стрит. Там, на углу, стояла массивная гора камня в готическом стиле — Центральная школа. Напротив нее располагалась центральная библиотека. После восьмого класса, расскажет она интервьюеру, «мы пошли в школу в центре города. Наш жизненный мир расширился, началась городская жизнь — походы в театр, на лекции и в большие библиотеки»¹⁶. Внезапно весь Скрантон оказался в их распоряжении, и в нем слышались отголоски всего необъятного мира¹⁷.

покуда несогласие приводит к конструктивным
сдвигам в пользу улучшения жизни человека,
оно необходимо и должно поощряться.

Эти слова Джона Митчелла, легендарного лидера профсоюза шахтеров, выбиты на боковой стороне памятника в его честь, возведенного на Кортхаус-сквер в скрантонском муниципаль-

15. Люсия Джекобс, запись интервью с Дж. Дж., 1992 год.

16. Penny Fox, «Suburbs Do Not Suit Cited Author», 1961, Burns.

17. Местная история, включая роль в ней антрацита, взята из: «Scranton», in Writers' Program, *Pennsylvania: A Guide to the Keystone State* (New York: Oxford University Press, 1940), p. 322–329; David Crosby, *Scranton Then and Now* (Charleston, S.C.: Arcadia Publishing, 2011); Benson W. Rohrbeck, *Scranton's Trolleys* (Ben Rohrbeck Traction Publications, 1999); Fred J. Lauver, «A Walk Through the Rise and Fall of Anthracite Might», *Pennsylvania Heritage Magazine* (Winter 2001); «History of the Green Ridge Presbyterian Church» и «50th Anniversary of the Present Church Building, 1893–1943, Green Ridge Presbyterian Church», оба представленные в Историческом обществе Лакаванны (Скрантон).

ном комплексе в 1924 году. Когда оказываешься перед монументом, не нужно быть сыном боровшихся за свои права рабочих, чтобы почувствовать уважение к людям, которые трудились в поте лица в темноте на опасной работе под землей. Памятник Митчеллу стоит в нише гранитной плиты, словно статуя в церкви. За спиной Митчелла на плите изображены люди в шахтерских касках и высоких ботинках, выходящие из разреза. У одного из них в руках кирка. Другой держит под уздцы лошадь, напряженно тянущую телегу, переполненную черными бриллиантами угля. Видно, как тесно там и темно, почему-то даже при свете дня — впечатляющий памятник человеческому труду. Джейн знала, что один день в году соседские дети — дети шахтеров получают выходной, чтобы выйти на демонстрацию в день Джона Митчелла. Но кто такой этот Джон Митчелл? — спросила она однажды одноклассницу, дочь шахтера. Джейн помнит ее простой ответ: «величайший человек во всем мире»¹⁸. И она будет вспоминать именно это наряду с красноречивым о славе Скрантона как антрацитового столицы мира, которое она также запомнит.

Черный уголь, твердый уголь, каменный уголь. *Черный бриллиант*. Все это названия антрацита, сверкающего бездымного угля, весь XIX век согревавшего миллионы американских домов. (Есть другой вид угля, битуминозный, он мягче и хуже пахнет, более сернистый.) Большую его часть добывали из подземных месторождений, обнаруженных в продолговатом пласте площадью всего в несколько сотен квадратных миль в горах на северо-востоке Пенсильвании, около Скрантона. «Уголь — лейтмотив этого города среди холмов, — говорится о Скрантоне в книге, изданной в рамках Федерального писательского проекта¹⁹ в 1940 году. — Уголь принес сюда процветание, но вместе с ним также и отчаяние. На угле стоят особняки, магазины, банки, гостиницы и лачуги; он окрашивает в черный цвет красивую реку Лакаванну, покрывает шрамами склоны гор, возводит искусственные холмы из неприглядных угольных отбросов». Антрацит построил Скрантон. Он дал людям работу; больше сотни тысяч шахтеров работали в угольных пластах под землей. На угле были составлены состояния.

18. Wachtel, p. 45.

19. Федеральный писательский проект (*Federal Writers' Project*) — программа по сохранению рабочих мест писателей и журналистов, принятая правительством США в период Великой депрессии. В данном случае автор цитирует путеводитель по Пенсильвании: *The WPA Guide to Pennsylvania: The Keystone State* (San Antonio: Trinity University Press, 1940), p. 323. — *Прим. ред.*

Антрацит и промышленность, выросшая вокруг него, помогали городу, который в 1920-х годах населяло почти 150000 человек. Это был третий по величине город штата после Филадельфии и Питтсбурга. Он был уставлен памятниками, воздвигнутыми в последние тридцать лет возле Кортхаус-сквер или вдоль торгового района даунтауна на Лакаванна-авеню, где в многочисленных магазинах толпились покупатели. По городу резво бегали трамваи, а по ночам ярко горели огни. Городские электрические трамваи, как утверждалось, были первыми в стране; это все «скрантонский импульс, скрантонские мозги и скрантонские деньги», — доносилось из громкоговорителей в начале XX века. (Некоторые трамвайные линии проложили так, чтобы ими не пользовались шахтеры, идущие домой с работы, из опасения, чтобы обеспеченная дама в светлом платье не испачкалась, сев на сиденье после одного из них.) В городе был зоопарк, музей естествознания, прекрасная государственная библиотека с читальными залами напротив Центральной средней школы — все это, как будет вспоминать Джейн, «много значило для меня как ребенка»²⁰ — наряду с внушительными больницами и «несколькими старомодными, но солидными клубами». Город начал постепенно приходить в упадок, сначала из-за того, что бездымный антрацит перестал быть обязателен к использованию по закону в Нью-Йорке, потом из-за непрерывных волнений рабочих и, наконец, из-за Великой депрессии. Но пока Скрантон все еще оставался оживленным, весьма любопытным и впечатляющим городом для Джейн, так что, если верить ей, она даже любила ходить к зубному, лишь бы выйти в город. Теперь, в средней школе, она бывала там ежедневно и могла увидеть город вблизи, гуляя сама по себе куда глаза глядят.

Она была чуть младше большинства одноклассников, поступив в Центральную школу, когда ей не было еще и тринадцати. Большая часть того, что дошло до нас о ее четырех годах в школе, относится к девочке-подростку, а позднее — к молодой девушке, немного озадаченной. Вот отрывок из ученической публикации в Центральной средней школе в декабре 1931 года:

В прошлой четверти произошла некоторая путаница или витание в облаках на физике. Использовался следующий пример: Если течение воды в реке образует прекрасный пейзаж, что образует течение тока в электрических проводах? Поэтически настроенная ученица вскочила и ответила: «Прекрасный пейзаж?» Я думаю, поэтическим учеником была Джейн Батцнер²¹.

20. *Экономика городов*, с. 196.

21. *Impressions* (December 1931), p. 22.

Она всегда опаздывала на уроки²². Классная руководительница на первом году, Генриетта Леттэри, скрупулезно вела запись посещаемости, у большинства учеников — ровные ряды нулей в колонке опозданий. Джейн редко отсутствовала, но опаздывала семь раз в первом семестре, девять — в следующем. Однажды Джейн, снова опаздывая, попросила маму написать объяснительную записку в школу. Миссис Батцнер согласилась и написала, что «Джейн слишком долго сидела на краю кровати с башмаком в руке». Пока ее сын Джим рос, он видел ее сидевшей так много раз: Джейн *думала*, или, по его словам, «о чем-то размышляла».

Возможно, размышляла над элегией, например, «Руперту Бруку»²³, в которой пыталась «записать / Чудной тревожный звук, что слышу я», но ей не удавалось, и она клялась не пробогать снова.

Твой стих читаю я, и он рождает
И ликование, и славные мечты,
Я снова верю. Верю, и пишу — как ты.
Земля и небо — все, что смертный знает,
Один поэт лишь звезды покоряет.

Джейн до сих пор писала стихотворения; конкретно это получило скромный приз. Как и другие нерадивые ученики, для которых средняя школа означала скорее футбол или танцы в субботу вечером, а не латынь и английскую литературу, Джейн нашла убежище вне класса, в школьном литературном журнале. *Impressions* возглавляла преподавательница английского, Аделаида Хант, которую одна из одноклассниц Джейн описывает как «веселую дамочку с мелодичным смехом, который начинался где-то возле солнечного сплетения и булькал сверху, неудержимый, заразный»²⁴. Джейн стала редактором раздела поэзии в журнале. За два ее последних года в Центральной школе всего в нескольких выпусках журнала не было подписи Джейн Батцнер или Дж. Б. под статьей или стихотворением.

В десять лет родители подарили ей пишущую машинку и самоучитель по быстрому набору. В юности она уже была пи-

22. Учительский журнал, 1929–30, Скрантонская центральная средняя школа, запись сделана Донной Залески. Джейн могла получать противоречивые советы дома. «Кто рано встает, — любил говорить мистер Батцнер, как утверждает Джим Джекобс, — тот все утро ходит гордо и клюет носом весь вечер».

23. *Impressions* (December 1931), p. 18.

24. Carl Marzani, *The Education of a Reluctant Radical, Book 2 — Growing Up American* (New York: Topical Books, 1993), p. 78–79.

сателем. Несколько ее стихов были отобраны для антологий с названиями вроде «Сажены» или «Молодые поэты», составленных из работ учеников. Одно из стихотворений заслужило почетную премию — одно из десяти в общенациональном поэтическом конкурсе, привлекавшем тысячи заявок, в жюри которого входили Джойс Килмер и другие известные поэты. Когда оно впервые вышло в *Impressions* в мае 1932 года, оно называлось просто «Сонет». В заявке на премию Джейн назвала его «О друге, покойном»²⁵. Как и во взрослых работах Джейн, этот сонет во многом говорит об увлечении темой жизни и здоровья в битве со смертью и упадком. «Глупец!» — обращается она к незнакомцу, смиренно принявшему смерть друга. Мертв? Но «живы в нем багрец и золото осенних вечеров, стремительный весенний бег ручьев, согретых солнцем». Нет,

Не знал его ты мыслей красоты —
 Биенья крыл невидных птиц ночных.
 О нет, кощунство мертвым звать того,
 Кто радостно махал тебе рукой,
 И улыбался, бодр и полон сил,
 Чей поцелуй доселе не остыл.

В декабрьском выпуске *Impressions* 1932 года, незадолго до окончания школы, Джейн вывела на свет Персиваля Г. Туки-младшего — нечто вроде своего воображаемого школьного маскота для вселенной Центральной средней школы. В рассказе Джейн Перси жалуется на свое имя отцу, и тот заверяет его, что когда-нибудь у него тоже будет сын, и он назовет его Персиваль Г. Туки III. Спасибо, нет, отвечает Перси. Но внезапно, уже с надеждой, он находит выход. Что это за средний инициал, отец, что это за Г.? Может это означать, скажем, благозвучное, привычное и всем знакомое *George*? Нет, говорит отец, это означает *Гешвиндт*. Эта фантазия могла так и кануть в лету, но на следующий год брат Джейн, Джон, возродил Перси к жизни в том же школьном журнале: сын Перси попал в передрагу с соседом, что привело к непредвиденным правовым осложнениям, достойным воображения Джейн и юридического будущего Джона.

С помощью *Impressions* Джейн прикоснулась к большому литературному миру. Когда в Скрантоне играли «Сирано де Бержерака», известный театральный критик Клейтон Гамильтон выступил с лекцией о постановке в клубе «Столетие». Джейн Батцнер, девушка-колумнист, была там и спросила его, есть ли место в современном мире таким литературным гигантам, как

25. «Sonnet», *Impressions* (May 1932), p. 19.

в прежние времена. Конечно, заверил он ее, они проходят сквозь времена. «И когда он это сказал, — написала Джейн, — прямо перед моими глазами пронеслися столетия».

Немногим позже Джозеф Ослендер, который вскоре будет первым удостоен звания поэта-лауреата²⁶, окажется проездом в их городе. Джейн взяла у него интервью, пусть и без подobaющей журналисту дистанции: встретить мистера Ослендера, столь прекрасно изъяснявшегося, — все равно что встретить самого Орфея, писала Джейн, а «обменяться мыслями» с ним — «как поговорить с Аполлоном»²⁷. *Вдобавок*, Ослендер обожал Руперта Брука! В определенный момент оба посочувствовали мечтателям. «Мечтателями называют тех, кто находится в разладе с миром», — сказала ему Джейн, добавив, что они — единственное настоящее спасение общества. «Вся наша надежда на поэтов. Поэты видят красоту в век машин, поэты даруют спасение от машин».

Если Джейн и была слегка ботаником, это не значило, что она все время сидела дома и читала. Вот она идет брать интервью у литературных знаменитостей. Она состояла и в команде пловцов. Учеба в средней школе определено пошла ей на пользу, только если не считать работу в классе. До нас не дошло сведений о каких-либо романах, но друзей она завела. Она подружилась с Джоан Мадден²⁸, которая ненадолго блеснет в Голливуде, прежде чем вернуться домой, — управлять гостиницей отца в Скрантоне. Еще одним другом стал Гершон Легман²⁹, сын мясника, он будет изучать оригами, коллекционировать непристойный юмор и начнет серьезно исследовать грязную шутку как жанр; он удивит Джейн, сделав карьеру, собирая пошлые лимерики. Еще был Карло Марцани³⁰, уроженец Рима, иммигрировавший в Соеди-

26. Поэт-лауреат, или Консультант по поэзии — переходящее почетное звание, с 1937 года присуждаемое выдающимся поэтам главным библиотекарем Конгресса США. В круг обязанностей поэта-лауреата входят выступления с лекциями, проведение публичных чтений, консультирование Библиотеки Конгресса и пропаганда литературы. В число поэтов-лауреатов в 1991 году вошел Иосиф Бродский. — *Прим. ред.*

27. Jane Butzner, «Joseph Auslander», *Impressions* (December 1932), p. 14.

28. Джоан Мадден (1917–1989) — американская певица музыкального театра, с 1936 по 1937 год сыграла ряд ролей в кино. — *Прим. ред.*

29. Гершон Легман (1917–1999) — американский культурный критик, фольклорист. Автор ряда книг, среди которых наиболее известны «Книга горна: Исследования по эротическому фольклору и библиографии» (*The Horn Book: Studies in Erotic Folklore and Bibliography*, 1964) и «Смысл грязной шутки» (*The Rationale of the Dirty Joke*, 1968). — *Прим. ред.*

30. Карл Альдо Марцани (1912–1994) — американский политик левого фланга, переводчик Антонио Грамши, журналист, режиссер-документалист, издатель. Тюремный срок ему был назначен в США за сокрытие факта членства в компартии. — *Прим. ред.*

ненные Штаты в 1924 году³¹. Его семья поселилась в Скрантоне, он пошел в Центральную школу за год до Джейн и говорил по-английски со «смешным», как он сам признавал, акцентом. Но он так легко влился в Америку, Скрантон и Центральную школу, что закончил третьим в классе. Он пойдет в Уильямс-колледж, поедет сражаться на Гражданской войне в Испании, присоединится к рядам Коммунистической партии Великобритании, отсидит три года в тюрьме за свои «заслуги» и проведет остаток своей жизни как общественный активист и радикальный публицист. Джейн скажет, что он был «приятным мальчиком». Он будет вспоминать, что она была «высокой, немного неуклюжей и стеснительной, но очень напористой в классе» — и «живым свидетелем высокого качества скрантонской системы школьного образования»³².

Последнее утверждение кажется несостоятельным; Джейн была скорее живым свидетелем всего, что могло пойти не так между школой и учеником. Каждый семестр Центральная школа вела список отличников: чтобы туда попасть, требовались отметки в среднем 90% или выше³³. Это был весьма скромный список избранных; каждый седьмой в выпускном классе Джейн в январе 1933 года попадал туда в каждом семестре. В старших классах отличницей стала Лена Чарльз. Еще Джо Скараруццо. А Джейн нет. Ей не удалось туда попасть хотя бы раз за четыре года. Даже не приблизилась. В семье Джейн известна история из 1933 года: кто-то, видимо, спросил миссис Батцнер про ее главное достижение года. Очень просто, ответила она: «привести Джейн через среднюю школу»³⁴.

Что ж, ее отметки не были *такими уж* плохими. Джейн никогда в действительности не заваливала предмет, хотя несколько раз была близка к этому. В одном семестре во второй год обучения она получила 74 по французскому и едва дотянула до 70 по латыни; да и по геометрии не лучше — тоже 70 баллов. Она достаточно хорошо закончила восемь семестров по английскому, даже поднимаясь выше 90 один или два раза. И необъяснимо — и этот результат возвышается над всеми ее школьными оценками — она получила 98 по истории Европы в выпускном классе.

Центральная школа в 1920-е и 1930-е годы обладала, по крайней мере на местном уровне, высокой репутацией; в ней не бо-

31. «Leftists in the Wilderness», *U.S. News & World Report*, March 19, 1990, p. 26–27.

32. Carl Marzani, *The Education of a Reluctant Radical, Book 2 — Growing Up American* (New York: Topical Books, 1993), p. 77.

33. *Impressions* (June 1933).

34. Интервью с Джимом Джекобсом, Кей Батцнер.

готовили спорт и не недооценивали учебу. Одноклассники Джейн, включая восточноевропейских евреев, ирландцев, поляков и греков, станут библиотекарями и агентами ФБР, химиками и священниками. Статистика класса незадолго до Джейн говорит о 126 выпускниках, поступивших в 41 колледж и университет, включая Йель, Принстон и Гарвард; Сиракузы, Барнард и Бакнелл — для женщин³⁵. Центральная школа, где училась Джейн, отнюдь не была островком обскурантизма, где модно не учиться и не стараться. Скорее для нее проблему составляло снизить до всех этих «глупых» учителей. Вот целиком одно ее стихотворение, в котором, как вы узнаете из названия, говорится об этом отношении:

Брильянтовым сиянием луны
Лишь пустота и ночь освещены.
Мерцает в одиночестве небес
Бесстрашных звезд неугасимый блеск.
Без лунных, столь обманчивых лучей
Им многое становится ясней³⁶.

Как называется стихотворение? «Учителю». Ей не нужны были учителя, чье «сияние» освещает пустоту; ей — по всей видимости, одной из тех бесстрашных звезд — лучше самой, без них. Джейн потом будет настаивать, что ее негативное впечатление от средней школы в действительности *избавило* ее от скучного обучения в колледже, которое иначе ей пришлось бы переносить. Была ли это просто рационализация, ехидное замечание или и то и другое, но годы Джейн в средней школе взрастили в ней антипатию к традиционной школе и к академическому образованию в целом, которую она будет питать всю свою жизнь.

Джейн окончила Центральную школу с неповрежденным чувством независимости. «Я не так уж и поменялась, насколько я могу видеть, с тринадцати лет»³⁷, — напишет она составителю «Каталога всей земли»³⁸ Стюарту Бранду, когда ей будет семь-

35. Буклет, 50-я встреча выпускников Скрантона, 14 мая 1983 года, с короткими биографическими справками об участниках, Burns, 38:5.

36. «To a Teacher», *Impressions*, ca. 1932.

37. Дж. Дж. — Стюарту Бранду, 31 января 1994 г., Burns.

38. «Каталог всей Земли» (*Whole Earth Catalog*) — американский контркультурный журнал, регулярно выпускавшийся с 1968 по 1972 год. Журнал, представлявший по большей части обзоры технических новинок, пропагандировал экологию, самообразование, практики «сделай сам» и т. п. Считается, что издание повлияло на целое поколение американских гиков, включая Стива Джобса. — *Прим. ред.*

десять семь. «Я была тогда эгоисткой, следуя моим собственным интересам и... до сих пор им следую. Не сказать, чтобы в школе это было так уж мне на руку, зато потом сработало».

Должно быть, родителям Джейн нелегко пришлось в последний ее год в школе. С одной стороны, она была так очевидно любознательна и умна. И все же она совсем не была хорошей ученицей. Хорошей ученицей быть тяжелее, чем умной: надо рано подниматься с постели и приходить в школу вовремя, сидеть смирно, уважать учителей, делать, что говорят; все это Джейн не давалось. «Меня тошнило от школы»,— скажет она. Поэтому когда в начале 1933 года приблизился выпуск, ясно было одно: она не собирается идти в колледж. Родители собирали на него деньги, «если бы я захотела», но было понятно, что она не *обязана* хотеть. И Джейн *не хотела*.

Многим девушкам и юношам из среднего класса с живым умом колледж давал шанс подняться и открыть для себя другой мир, вырваться из семейной среды и обрести новые, более перспективные связи. Следующие два года Джейн послужат ей точно так же — только вне стен университетов и без профессоров. В это время она будет изгнана из райских кущ Руперта Брука и утонченной жизни на Монро-авеню туда, где нужно зарабатывать на жизнь. Изгнана оттуда, где казалось не так уж важно успевать в срок то, что нужно сделать; из уютного и знакомого среднего города, где она провела всю свою жизнь, сначала в лесную глушь Аппалачей, а потом на улицы Нью-Йорка эпохи Великой депрессии.

Глава 3

Леди Гнезда сов и другие вехи образования мисс Джейн Батцнер

ДЖЕЙН окончила школу 26 января 1933 года. 4 марта того же года Франклин Рузвельт принес присягу при вступлении в должность президента, в эру самой суровой депрессии на чьей-либо памяти. Двенадцать миллионов человек лишились работы, уровень безработицы достиг 24%. Пострадали не только хронически бедные. Отчаяние подбиралось к порогу среднего класса: многие из тех, кто процветал в лихие двадцатые, — теперь безработные, обиженные и напуганные. Джейн однажды рассказывала о жертвах Депрессии, стоящих в бесконечной очереди на биржу труда или за вчерашним хлебом: «ряд за рядом мелькают озабоченные и скорбные лица»¹.

Родители Джейн привили детям важное правило: стремись в жизни к тому, чего хочешь, но не забывай про практические навыки и профессию; не одно или другое, а и то и другое одновременно. Это было не лучшее время витать в облаках поэзии или искать работу журналиста, которой просто не было; в эти дни мечты откладывались ради практических нужд, но Джейн как будто специально не замечала этого.

Все время, что Джейн посещала Центральную школу, в *Impressions*, школьном журнале, в котором она работала прилежнее, чем училась, публиковали большую, на целую полосу, рекламу бизнес-школы Пауэлла. Она располагалась в скромном помещении на третьем этаже здания в нескольких шагах по Вашингтон-авеню от Центральной школы. Это учебное заведение не особенно выделялось среди подобных учреждений среднего, делового, да и на самом деле какого бы то ни было образования². Эта бизнес-школа возникла в 1920-х годах стараниями

---

1. *Впереди Средневековье*, с. 80.

2. Margery W. Davies, *Woman's Place Is at the Typewriter* (Philadelphia: Temple University Press, 1982); интернет-сайт *Early Office Museum*; реклама Школы бизне-

ее основателя и директора, Чарльза Р. Пауэлла; а его заместителем работал его сын, Эллвуд. К 1950-м годам она прекратила существование. Но в межвоенную эпоху, особенно во время Великой депрессии, когда скрантонские девушки и некоторые юноши искали редкие вакансии, многие из них записались туда на занятия.

Реклама, которую бизнес-школа размещала в *Impressions* в ноябре 1931 года, в первый год обучения Джейн, обещала возможность «построить успех на основе вашего среднего образования». Среднее образование, которое предлагала школа Джейн, обеспечивало «великолепной основой». Но в длинном разъясняющем тексте, какие в современной рекламе редки, было указано, что профессии сегодня требуют специализированного обучения. Если выпускники хотят сделать в бизнесе карьеру, им нужно посетить «интенсивные деловые курсы», которые предлагают «кратчайший путь к успеху». Благодаря целенаправленным программам школы Пауэлла все «несущественные предметы» отсекаются, вы можете «подготовиться по профилю стенографистки, личного секретаря, бухгалтера, счетовода или младшего руководящего работника».

Стенографистка — персонаж старых фильмов и картин Эдварда Хоппера, миловидная девушка, которую зовут в офис начальника, чтобы записать что-то под диктовку (или, более зловеще: *не записать*): образы, заполняющие изнанку нашего сегодняшнего сознания механическими пишущими машинками, копировальной бумагой и дисковыми телефонами. Но многим такая работа казалась хорошей, шагом навстречу. По сравнению с трудом на фабрике, мельнице или складе она обещала этикет и приличия. Работа была непыльной, но и навыки требовались существенные. Создатели самых популярных систем стенографии, Питман и Грегг, хвастались скоростью, которой могут достичь те, кто их использовал. Обученный стенографии Грегга способен зафиксировать 150 слов в минуту — достаточно, скажем, чтобы записать лекцию; запись некоторых типов материала достигала более 250 слов в минуту. У Грегга был комплексный словарь, состоявший из плавных кривых и точек. Самые мельчайшие закорючки, вариации в длине линий, расположение линий и точек передавали оттенки смысла. Для неопытного глаза слова *play*, *plate*, *plea* и *plead* выглядели одинаково. Слово «бизнес» напоминало птицу в полете. Слово «грабеж» было

са Пауэлла того времени; John Robert Gregg, *Gregg Shorthand* (New York: Gregg Publishing Company, ca. 1930); см. также другие относящиеся к Греггу материалы; интервью с Джимом Джекобсом, Эстер Кислинг.

похоже на китайский иероглиф. Длинные листы общих форм и выражений надо было выучить наизусть и освоить. Но приложив усилия, можно было действительно стать мастером и оказаться востребованным на рынке труда

ОНИ ПРИШЛИ К УСПЕХУ

Многие выпускники средних школ посещали нашу школу в последние тринадцать лет. Многие из них сегодня занимают прекрасные должности с хорошей зарплатой. Они капитализировали среднее образование через профессиональную подготовку.

Бизнес-школа Пауэлла сделала довольно многое, как и было обещано. В извещениях о выходе на пенсию и некрологах в 1980-е и 1990-е годы пожилые скрантонцы поколения Джейн рассказывали удивительно похожие истории: они окончили ту или иную скрантонскую среднюю школу, продолжили у Пауэлла, вышли оттуда, умея записывать под диктовку, печатать, составлять деловые письма, и соответствовали формальным критериям тогдашней офисной работы. Они занимали вакансии в телефонных компаниях, на железной дороге, смогли пережить Депрессию, годы войны и затем поднимались по служебной лестнице, порой до руководящих должностей, и в итоге могли взглянуть на свою трудовую деятельность с удовлетворением.

В январе 1933 года, получив диплом об окончании средней школы, Джейн поступила на одну из программ бизнес-школы Пауэлла, специальный ускоренный курс секретарши³. Ей потребовалось многое выучить. Составить деловое письмо означало сначала сделать заметки о том, чего хочет начальник, а затем выразить это собственными словами. Чтобы повысить скорость печати, нужно научиться *не* понимать, что ты печатаешь: чтобы отвлечься, Джейн иногда пела, когда печатала. Ну и конечно, бесконечные упражнения по скорописи. Она воспринимала все это серьезно, хотела быть самой лучшей машинисткой и стенографисткой, какой только могла. И, как сообщает ее старший сын Джим — доверенное лицо большую часть ее старости и чуткий слушатель историй из ее молодости — она не жалела о месяцах в школе Пауэлла, находила работу «интересной, сложной, нужной и важной».

Бизнес-школа Пауэлла считалась достаточно уважаемой в Скрантоне, чтобы местная газета освещала ее выпуски наравне с выпусками в Центральной школе. 23 июня 1933 года *The Scranton Times* сообщает о шестнадцатом хоумране Бейба в сезоне; о контрабандисте, разыскиваемом за убийство, и о 14 новых

3. Burns, FF1D17.

выпускниках бизнес-школы Пауэлла, собравшихся в актовом зале Центральной школы. Вот они, в сопровождении оркестра, соло на саксофоне и тромбоне, исполняют гимн Соединенных Штатов, слушают обращение директора Пауэлла и получают дипломы, которые вручает его сын. Это был довольно примечательный документ, этот диплом, единственный диплом в жизни Джейн — на хорошей бумаге, огромный, с выгравированным изображением школы, торопящихся старинных машин и автобусов 1920-х годов. Он свидетельствовал о «достижениях в учебе» выпускника.

Нельзя опускать время в бизнес-школе Пауэлла как ненужную или неуместную сноску в биографии Джейн, как будто ее великая фигура уменьшилась до зубрежки скучных офисных навыков. Ведь оно тоже свидетельствует о том, как вся ее жизнь закаляла и сохраняла ее интеллектуальные способности. Мы не знаем, насколько решение посещать школу Пауэлла было здравым выбором ее собственной прагматичной натуры, а насколько стало результатом уговоров родителей. Достоверно известно только то, что в тех условиях она поступила разумно, даже мудро. Конечно, это окупилось. «Если я говорю это сама,— напишет она,— значит, [я] действительно стала хорошей стенографисткой. Я очень рада, что сделала [это], потому что я зарабатывала этим на жизнь — и, соответственно, в каком-то смысле на мою независимость — многие годы».

Но зарабатывать на жизнь она начнет позже. Примерно весь следующий год Джейн работала в газете, ей не платили. Как и многие стажировки в наши дни, эта имела неоценимое значение, сформировав необходимые навыки, обеспечив ей опыт работы, привив вкус к журналистике и дав хотя бы отдаленное представление о ней. В школе ее поддерживало писательство — стихотворения, небольшие эссе, пробы пера, *слова, написанные на бумаге*. Писатели были ее примером для подражания, ее мечтой. Она знала, что хочет стать писателем; ничто из сказанного за всю ее долгую жизнь никогда не свидетельствовало об обратном. «Ее цель — стать писателем, сначала газетным репортером, а потом писать что-то еще»⁴. Это фрагмент ее автобиографии из книги, в которой в 1932 году было опубликовано одно из ее стихотворений.

В конце лета 1933 года Джейн пошла работать в *The Scranton Republican*, которую вскоре поглотила другая местная газета,

4. Nellie B. Sergent, *Younger Poets: An Anthology of American Secondary School Verse* (New York: D. Appleton, 1932), p. 377.

*The Scranton Times*⁵. Однажды в середине октября (Джейн работала там чуть больше месяца) *Republican* опубликовала заголовок на первой полосе шириной на семь колонок: «Речь Гитлера разбудила страх войны». Следом сообщалось, что президент Рузвельт работает над тем, чтобы сделать ликвидными фонды, оставшиеся в лопнувших или находящихся на грани банкротства национальных банках; торнадо прокатился по Оклахоме, убив трех человек; ФБР сформировало специальный отряд, чтобы найти похищенного сына владельца торгового центра. На третьей странице читателям предлагались местные новости, в том числе: парашютный прыжок, в котором что-то пошло не так, на местном летном поле, реклама похоронного бюро, шерстяных пальто и пружинных матрасов за 10 долларов 75 центов. Наконец, на четвертой странице газета снова открывалась чем-то наподобие второй первой полосы — баннер на всю ширину страницы, украшенный силуэтами светских женщин, рассказывающих о новостях местного женского общества и его клуба.

Здесь семнадцатилетняя Джейн Батцнер приобрела свои первые журналистские навыки, «занимаясь рутинными заметками о свадьбах, вечеринках и собраниях Женщин Лося⁶ и Леди Гнезда сов №3»⁷. Это, надо сказать, слова Джейн, написанные в 1961 году, и вам может показаться, что она все выдумала. Это не так. Оба — настоящие женские клубы той эпохи, филиалы мужских братств. На странице, пестрящей фотографиями недавних и будущих невест, читатели узнавали, что в мюзикл для Лакаваннского филиала Ордена восточной звезды приглашен петь баритон. Неделю, посвященную «Американской девушке», завершало шоу в масонском храме, где изображались семь возрастов в жизни девушки по аналогии с шекспировскими семью возрастными мужчинами.

Некоторые сообщения на странице для женщин получали больше места, как, например, репортаж, вышедший под таким заголовком:

ПИКНИК ПОД ЛУНОЙ
В СКРАНТОНСКОМ ДОМЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ.
СОТНИ МУЖЧИН
И ЖЕНЩИН—РЕСПУБЛИКАНЦЕВ
ПРИСУТСТВУЮТ НА МЕРОПРИЯТИИ

5. *The Scranton Times* купила *Republican* в феврале 1934 года, когда Джейн все еще там работала.

6. Лось (*Moose*) — прозвище 26-го президента США Теодора Рузвельта, представителя республиканцев. — Прим. ред.

7. *Matter*, p. 3.

Мероприятие состоялось на «просторной лужайке в „Марворте“, загородном имении миссис Уортингтон Скрантон», спонсируемое Лакаваннским женсоветом Республиканской партии — и, конечно, превзошло всяческие ожидания. Там были пикник, музыка, гадание, киоски с национальной кухней и, «хотя в желеющих недостатка не было», к счастью, никто не стал толкать речь. Тем временем «метеоролог обеспечил лунный свет по расписанию».

В газете редко стоят подписи, так что мы не можем знать, написала ли ту или иную заметку в *Republican* Джейн. По большей части, ее работа там окутана тайной — которую создала она сама. Например, известно, что она составляла рецепты, такие как рецепт нормандского яблочного пирога, который, по всей видимости, не мог получиться хорошо — как рассказывает одна из родственниц, Джейн написала «половина чашки пекарского порошка» вместо половины чайной ложки. «Это было нелепо и вызвало явное недовольство»⁸. Конечно, продолжает она, «Джейн никогда ничего не готовила». Джейн писала не только для женских страниц. Она освещала общественные собрания, писала обзоры о кино, книгах и театре. Но на самом деле это не важно: вы учитесь основам журналистики независимо от того, какова ваша тема. Вдруг начали иметь значение факты, правописание. Вечер миссис Уортингтон Скратон прошел всего за несколько часов до того, как утренний выпуск газеты отправился в печать: важны были и дедлайны.

Однажды, когда редакция попросила ее вернуть к жизни отдел писем, Джейн взялась писать письма сама, о политике и местных событиях. Когда первые попытки оживить колонку провалились, она спросила отца: «Что же мне делать?» Тот предложил ей написать письмо против собак — оно должно взбесить читателей. Она написала, и это сработало. Колонка начала привлекать интерес. Джейн больше не пришлось писать фальшивых писем.

Как она впервые получила работу? Позже она рассказывала, что издателю нужен был репортер, но платить ему было нечем. «Я могу работать бесплатно», — сказала Джейн⁹. Издатель удивился, но отказывать не стал: «Посмотрим, что получится, понравится ли нам это и понравится ли это вам». Потом в заявлениях о трудоустройстве Джейн будет просить зарплату

8. Интервью с Катей Джекобс.

9. Интервью Дж. Дж. с Питером Гзовски, конференция *Ideas That Matter*, 1997, видеозапись, Toronto Reference Library, no. 2345212.

18 долларов в неделю¹⁰; однако — и это не было чем-то из ряда вон во время Великой депрессии — она в действительности столько не зарабатывала. Хотя газета входила в профсоюз, вспоминала Джейн, «никто тогда не возражал против такого... бартерного соглашения»¹¹. Газета поручила одному из своих репортеров «присматривать за мной и быть моим ментором. Я что-то писала, они публиковали это в газете. И для меня это был большой прорыв»¹². *Republican*, скажет она в другой раз, была «моей школой журналистики, и, думаю, хорошей»¹³.

Во время работы в газете она обычно вставала поздно, работала до вечера, потом заскакивала к отцу, который принимал больных даже вечером большую часть Великой депрессии¹⁴. К 1930 году он переехал из старого кабинета в здании банка *Dime Savings* в деловом центре города в новый, обустроенный специально для него, в новом Доме медицинских наук из кирпича и камня, выходящем на Вашингтон-авеню как раз напротив редакции *Republican*¹⁵. Лифтер поднимал Джейн на девятый этаж. За номером 909 в конце облицованного плиткой коридора располагалась длинная узкая приемная, врачебный кабинет доктора Батцнера в углу и два небольших процедурных кабинета.

Порой там все еще дожидались приема пациенты, и тогда Джейн ждала, как и все остальные, пока доктор Батцнер освободится. Если ей было скучно, она могла встать и смотреть в окно, откуда открывался вид на север и восток Скрантона; город располагался в долине между холмов. Поразительно, на какой маленькой сцене разыгрывались эти несколько лет ее жизни. Глядя вниз с высоты девятого этажа на Вашингтон-авеню, она видела в нескольких кварталах к северу вход для девушек в Центральную школу, выглядывающий из-за громады старого здания школы; напротив — высокую, круглую двускатную крышу и фронтоны мансарды дома Олбрайта, ее любимой библиотеки; а потом, через дорогу, школу Пауэлла и редакцию *Republican*.

10. StL, Заявление на федеральное трудоустройство, 27 ноября 1943 года, и 8 сентября 1949 года; в электронном письме автору от 18 марта 2013 года Нед Джекобс проливает свет на договоренность Джейн с газетой.

11. *Впереди Средневековье*, с. 81.

12. Интервью Дж. Дж. с Питером Гзовски, конференция *Ideas That Matter*, 1997, видеозапись, Toronto Reference Library, no. 2345212. Ментором мог быть редактор по имени Гордон Уильямс. См. «Bess Butzner, Ex-Teacher-Nurse, Celebrates 90th Birthday Saturday», *Scrantonian*, June 15, 1969.

13. Дж. Дж. — Хакиму Хасану, 28 февраля 2001 г., Burns, 3:6. См. также: *Matter*, p. 189.

14. Wachtel, p. 42.

15. Архитектурные планы офиса и доступ в служебное помещение любезно предоставил Лу Данцико, президент *Management Enterprises* (Скрантон).

Когда отец был свободен, она заходила: он, вероятно, откладывал медицинский журнал, и они разговаривали. Иногда на важные, даже философские темы. Чаще же — о пациентах, которых он лечил, или темах, которые она освещала в газете. Размышляли ли они уже сейчас, когда она только сделала первые шаги в журналистике, о том, что она будет делать потом, о карьере и великих планах на будущее? Если да, это скоро утратило смысл. Потому что когда поздней весной 1934-го ее год в *Republican* закончился, Скрантон остался в семи сотнях миль позади по хребту Аппалачей на север, а Джейн была в Северной Каролине, начинался третий «семестр» ее «обучения» после окончания школы.

В начале XX века бывший библиотекарь и некогда путешественник по имени Хорас Кефарт, оставив жену и шестерых своих детей на севере в Итаке, в штате Нью-Йорк, отправился в Великие Дымчатые горы, познакомился с местными обитателями лесной глуши и остался там жить. Позже он написал о них книгу «Наши южные горцы». В ней он рассказывал об охоте на медведей и самогоноварении, о людях, никогда не покидающих свои продуваемые насквозь дощатые домики, о местном акценте, таком сильном, что чужак «нэземец» с трудом мог их понять, о людях, желавших только чтобы их оставили в покое. Место, где Джейн оказалась теперь, весной 1934 года, Хиггинс в Северной Каролине, находилось примерно на том же расстоянии к северу и востоку от Эшвилла через густые лощины в горах Фасги, насколько Кефарт продвинулся на запад. Местные жители, правда, не шотландцы или ирландцы, но большинство — выходцы из Англии. Поселок был основан тремя братьями Хиггинсами и их семьями в начале 1700-х годов¹⁶. Разнообразные Хиггинсы — Дьюи, Эдит, Лиззи, Виола, Хувер и Керри — все еще жили здесь, практически все обитатели Хиггинса вели свое происхождение от трех братьев.

Возле Хиггинса, недалеко от горы Митчелл, самого высокого пика к востоку от Миссисипи, холмы достигали пяти или шести тысяч футов в высоту. Весь этот горный край был несказанной красоты, хребет за хребтом пиков, тающих друг за другом вдаль, окутанных туманом, что делает Дымчатые горы дымчатыми, а Голубой хребет — голубым. Карту усеивали такие названия, как Пчелиное бревно, Лысая гора и Кривой ручей. Но дороги были такими ужасными — или вовсе отсутство-

---

16. *CityWealth*, p. 125.

вали, — что до недавнего времени многие, с кем познакомилась Джейн, никогда не бывали в окружном центре, Бернсвилле, всего в 12 милях отсюда, с населением 866 человек. Люди здесь так бедны, напишет она, «что сломавшиеся вилы или заржавевший плуг вызывали серьезный финансовый кризис»¹⁷. Как объясняла Джейн, что она тут забыла? «Мои родители, — напишет она, — думали, что мне следует хорошенько присмотреться, как интересно и совсем иначе могут жить люди»¹⁸. Но, может быть, — вы и сами знаете, как это порой бывает в семье, — может быть, это Джейн так действовала на нервы своей бедной матери: *Ну а теперь, Джейн, слышим мы голос миссис Батцнер, почему бы тебе не отправиться в гости к твоей тете Марте...*¹⁹

Местная газета отметила прибытие Джейн, что всегда случалось, когда кто-то приезжал в это горное селение²⁰:

Хиггинс, 17 мая. (Специальный выпуск). Мисс Джейн Батцнер из Скрантона, П-я, прибыла к нам на лето. Мисс Батцнер — дочь мистера и миссис Дж. Д. Батцнер. После окончания Скрантонской средней школы и Бизнес-колледжа Пауэлла она работала репортером в *Scranton Republican*. Она собирается продолжить писать и здесь, а также помогать в различной общинной деятельности, намеренной на лето. Она племянница мисс Робисон и живет в *Sunshine Cottage*.

В новостной заметке не нужно уточнять, кто такая мисс Робисон²¹. Мисс Робисон — это и есть тетя Марта, сестра матери Джейн, полнотелая, круглолицая, пятидесятилетняя — целый шар энергии и любви; во многих отношениях она тоже была Хиггинс. Они с Бесс выросли вместе в Эспи и Блумсберге и посещали там Педагогический колледж. Но Марта, пятью годами старше, была более целеустремленной, чем Бесс. В два года она знала алфавит, в три начала писать, в шесть — читать. Ее интеллект и харизма были того же рода, что и те, которые к кон-

17. *Ibid.*, p. 126.

18. *Matter*, p. 3; Wachtel, p. 42.

19. Интервью с Джейн Хендерсон.

20. Архив Энн Батцнер.

21. *CityWealth*, chapter 9, p. 124–134; *Внепреди Средневековье*, с. 248–249; Denny Moore, «Sunshine Spread Between States», *Presbyterian Advance*, September 15, 1932; «History of Markle School at Higgins», *Asheville Citizen*, July 26, 1936; переписка, касающаяся Хиггинса и Марты Робисон, Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folder 28, Rockefeller; см. также частично неразборчивый рассказ о Марте Робисон, возможно, сентябрь 1936 г., Burns; Джеральд У. Джилетт — Дж. И. Батцнер, 11 июня 1965 г., Burns, 12:10; «Miss Martha Robison Dies», *Morning Press* (Bloomsburg), November 24, 1941; моя версия этой истории — результат посещения сайта Хиггинса, переписки и интервью с Энн Батцнер и изучения ее бумаг; см. также примечания к главе 1 о Робисонах.

цу века породят поколение влиятельных женщин-адвокатов и директоров; Марта стала влиятельным миссионером. Когда в 1930 году в ее дом в Хиггинсе пришел переписчик, вот что она ответила, ясно и просто, о роде своих занятий: *миссионер*.

«Изучение Библии, благочестивый учитель воскресной школы, как и другие источники, — напишет она, — приведут меня к тому, чтобы в 18 лет посвятить жизнь служению Господу». Уехав из Блумсберга, она пошла на краткие курсы религиозного образования в теологической семинарии в Оберне, пятнадцать лет работала в Ассоциации воскресных школ и в 1920 году пришла, наконец, в Совет национальных миссий пресвитерианской церкви. Она писала, что «никогда всерьез не думала ни о какой другой работе», и к тому времени, как Джейн приехала в Хиггинс в 1934 году, Марта была путеводной звездой миссионерского центра уже двенадцать лет.

Во время поездки на север в 1928 году Марта рассказала на собрании служителей церкви, как началось ее великое путешествие. В один «промозглый, темный, мрачный январский день»²² в 1922 году, проехав двенадцать миль по грязным дорогам, она прибыла в Хиггинс. Ей поручили на выделенные специально для этой цели скромные деньги построить за три месяца дом для постоянных работников миссии, а потом отправиться дальше. Вместо этого она осталась на семнадцать лет, почти до самой смерти. В долине, протянувшейся на пару миль к северу и югу от отметки «Хиггинс» на карте (хотя не на всех картах его отмечали), и вверх по склонам обрамляющих ее гор Марта обнаружила полное запустение: местная школа работала от случая к случаю, воскресная школа не работала к тому времени уже целый год, а местного проповедника, гордившегося тем, что он не научился читать, пока не научился проповедовать, невозможно было убедить в том, что Земля круглая.

Сначала, гласит история, Марта наткнулась на какое-то механическое приспособление, заметно чище, чем все вообще вокруг — часть самогонного аппарата, конечно, скрепу аппалачского самогонного сознания²³. Но остальные предубеждения Марты не оправдались. «В высшей степени несправедливо, — расскажет она своей северной публике в 1928 году, — описывать крайности, будто они в порядке вещей, обобщать и выносить огульные мнения» о горцах. Она нашла среди них как крепко вцепившихся в прошлое, так и других — смело смотрящих впе-

22. «Miss Robison Tells of Work in North Carolina Mountains», нет публикации, нет даты, но, судя по содержанию, около 1928 года, Burns.

23. Интервью с Кей Батцнер.

ред; и умных, и «не просто безграмотных, но таких, чье сознание сопротивляется развитию и расширению кругозора».

Однажды, когда она слушала вопиюще невежественные религиозные дебаты местных жителей, ее охватило «сильнейшее чувство внутренней убежденности» остаться именно там, где она была, и попытаться сделать жизнь общины лучше²⁴. Она приступила к созданию воскресной школы, начала давать мальчикам уроки Библии, делала постановки в церкви, пыталась поддержать ее финансы. В первые же дни около сорока или пятидесяти детей толпились в ее собственном скромном доме на уроках библейской школы. Семь лет без особой поддержки она боролась.

Потом, во вторую неделю ноября 1929 года, через две недели после падения фондовой биржи, она получила письмо от своего кузена, Джона Маркла, состоятельного пенсильванского угольного барона²⁵. Маркл узнал о ее работе в Хиггинсе, заинтересовался и захотел помочь деньгами. Через несколько дней, с благодарностью, смешанной с изумлением и трезвой практичностью, Марта ему ответила, коротко обрисовав, что она сделала в Хиггинсе, и рассказав, что требуется еще: школа, здание для ремесленных работ и медпункт — недавно маленькая девочка едва не умерла, пока ее довели в Эшвилл в сорока милях отсюда. Список продолжался. «Вы видите, все, о чем я мечтаю для нашей работы, но о чем никогда не осмеливалась и подумать, все-все сбылось. Думаю, Отец наш небесный, — добавила она, — вложил в Ваше сердце мысль помочь некоторым из этих мечтаний осуществиться»²⁶. В начале следующего года Маркл пообещал дать 25000 долларов на дело Марты²⁷, сумму, равнозначную сегодня полумиллиону, если не больше.

Вскоре деньги потекли на юг, и здание начало строиться, с мансардной крышей и большими кирпичными трубами, словно шато, перенесенное из французской деревни. На первом этаже разместили библиотеку общины, медицинский пункт и зал заседаний; второй этаж был разделен на три комнаты: столярная, гончарная и ткацкая мастерские. «Все комнаты простор-

24. «Miss Robison Tells of Work in North Carolina Mountains», нет публикации, нет даты, но, судя по содержанию, около 1928 года, Burns.

25. Хронология основана на письме Флоренс Э. Квик [ассистентки Джона Маркла] А. С. Вудсу, 29 июля 1930 года, Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folder 28, Rockefeller. Маркл — неродной дядя матери Джейн.

26. Марта Э. Робисон — кузену Джону (Марклу), 14 ноября 1929 г., Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folder 28, Rockefeller.

27. Джон Маркл — Марте Э. Робисон, 14 января 1930 г., Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folder 28, Rockefeller.

ные, с гостеприимной и дружелюбной атмосферой»²⁸, — читал Маркл в письме из Пресвитерианского совета национальных миссий в 1931 году. Документальная видеосъемка, по всей видимости, примерно этого времени, показывает небольшую площадку перед домом Маркла и соседний дом священника с несколькими автомобилями; это единственное такое место здесь, все остальное карабкается по окружающим холмам. Мы видим движение и суету, повсюду работающих людей, подтяжки, кепки, — маленький островок современности, привносящий нотки большого города в горную общину, во всем прочем изолированную²⁹.

Скоро местные уже делали одеяла, стулья и веники из плотно перетянутой соломы, на втором этаже работало три ткацких станка³⁰. И сюда уже стали приезжать, чтобы посмотреть, что сделали Марта (и кузен Джон). «Добро пожаловать», — гласили искусно вырезанные буквы указателя рядом с дорогой:

Общинный центр Хиггинса
Пресвитерианская церковь
Дом ремесел Маркла
Местные ткацкие продукты
Плетеные изделия из дерева, и т. д.

Это «и т. д.» включало дикий мед и сироп сорго. 3 июля 1934 года, когда Джейн гостила в Хиггинсе, сюда заезжала первая леди, Элеонора Рузвельт, она купила несколько «горных кувшинов» на маленькой придорожной стоянке, которую оборудовали специально для случайных туристов³¹.

К тому времени как Джейн приехала в Хиггинс в мае 1934 года, тетя Марта — «вдохновляющий гений», как говорится в одном рассказе о ней — добилась больших успехов во втягивании его в XX век и улучшении общественной и, вероятно, религиозной жизни местных жителей. Джейн жила с ней и ее приемными детьми в *Sunshine Cottage*, который располагался на холме, вверх по крутому склону от ручья, так что со всех сторон маленького подворья были слышны журчанье и бульканье. Дом Маркла был внушительным. Он возвышался над округой. Но даже его совершенно затмевала гора, которая высилась

28. Ч. Т. Гринуэй — Джону Марклу, 9 мая 1931 г., Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folder 28, Rockefeller.

29. Фильм *Untitled Board of National Missions*, двенадцать минут. Благодарим Диану Руби Сандерсон из колледжа Уоррена Уилсона.

30. Благодарю Энн Батцнер за то, что показала мне один из этих веников.

31. Марта Э. Робисон — Флоренс Э. Квик, 4 июля 1934 г., Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folder 28, Rockefeller.

через дорогу, будто бы выросла там именно для того, чтобы показать ничтожность людей перед величием Бога.

Летом 1932 года навестить Джейн приехала ее сестра, Бетти, но погостила всего неделю³². Джейн жила в горах около полугода, и некоторое время ей даже пришлось работать. В июле центр организовал библейскую летнюю школу. «Клубная работа для девочек будет проходить под руководством мисс Джейн Батцнер»³³, — сообщала местная газета, отмечая ее, очевидно, главное достижение — в герлскаутах еще в Скрантоне она получила Золотого орленка, самую высокую награду. 29 июля Хиггинс ненадолго стал своего рода деревенской метрополией, «самым большим собранием людей, когда-либо собиравшихся вместе в этой местности»³⁴: они пришли в Голландскую мемориальную церковь на большое семейное собрание, 250 человек отовсюду, десятки Хиггинсов на поляне перед домом Маркла.

К началу осени, как только окружающие холмы вспыхнули осенним багрянцем, отец Джейн и ее младший брат Джим приехали за ней, чтобы забрать ее вместе с вениками, креслами и другими поделками из Хиггинса назад в Скрантон. Мы не можем сказать, насколько Хиггинс занимал ее мысли в те первые часы после отъезда. Но по прошествии времени стало ясно: это место глубоко тронуло ее. Через пятьдесят лет она посвятит ему существенную часть одной из ее книг.

В ней взрослая Джейн Джекобс отнюдь не рассматривает Хиггинс через призму ностальгии и не позволяет изображению простого деревенского прошлого — Хиггинса, возможно, и бедного, но при всем этом более благородного — разрушить свои воспоминания о нем. «Мы можем оплакивать исчезновение старой естественной жизни и те интересные пути, которыми она прошла»³⁵, — напишет она, но сама она не потакала тому ходу мысли. Не уподоблялась Джейн и Хорасу Кефарту, летописцу Дымчатых гор с его любовью к горцам и восхищением их образом жизни. Наверно, время, проведенное в Хиггинсе, могло разжечь в ней желание вернуться, восстановить старые связи, посвятить себя жизни тех, кого она встретила в 1934 году. Но она, кажется, больше так и не вернулась в Хиггинс и не переписывалась с кем-либо, кого там встретила³⁶. Регион Эшвилла прославился своими ремесленниками и музыкантами, стал

32. Архив Энн Батцнер.

33. Архив Энн Батцнер.

34. Архив Энн Батцнер.

35. *CityWealth*, p. 129.

36. Интервью с Джимом Джекобсом.

популярным местом для туристов и пенсионеров (включая брата Джейн Джима и его жену Кей, к которым она приезжала в 1988 году), а также фотографов, которые не могли наглядеться на горные туманы, медвежат и больших скачущих оленей, сверкающие водопады и дубы в осеннем сиянии. Джейн не была слепа к этим чарам; она назовет это место «магическими холмами с лиственными лесами и звонкими стремительными ручьями»³⁷. Но не они произвели на нее самое глубокое впечатление.

Нет, Джейн все последующие годы угнетало что-то более темное и мрачное: нищета Хиггинса, его позорный упадок в течение многих поколений, драма исчезновения старых ремесел. Джейн будет писать о том, как до приезда тети Марты из обихода исчезли свечи, о семьях, вынужденных «обходиться пламенем очага»³⁸; о древней реликвии — мельнице сорго, «приводившейся в движение бредущим по кругу мулом»; о ткацких станках, ремонтируемых так неумело, что ткань, которую они делали, была самого низкого качества, «слишком тонкая в одних местах, слишком плотная в других, комковатая и разваливающаяся у кромки». Джейн расскажет своему сыну Неду, что приготовить кофе в Хиггинсе означало взять горшок со старой кофейной гущей и раз за разом пропускать через нее кипяток, бесконечно; она попробовала это пойло и «чуть не умерла». Каким бы ни было искушение описать этот лесной мир в более теплом свете, такая утрата ремесел, мастерства и экономической жизнеспособности казалась ей трагедией.

Почитаешь отчеты Марты Робисон, публичные или частные, почитаешь статьи, написанные о Хиггинсе, — и трудно избежать вывода, что маленькое горное захолустье зависело от благотворительности. Когда обозреватель *Presbyterian Advance* рассказывал о ее работе в сентябре 1932 года, он назвал это «захватывающей историей окружного центра Хиггинса и его предприимчивого директора Марты Э. Робисон»³⁹. И это действительно захватывающая история, если только взглянуть на нее под правильным углом. Но его рассказ включает просьба о помощи — нужны радио, и «фонограф, и побольше хороших записей», и электрогенератор *Delco*. Любое письмо к мисс Робисон, в котором «предлагается прислать подарки, — заверяли читателей, — получит немедленный ответ». И эти трудные

37. *CityWealth*, p. 125.

38. *Ibid.*, p. 127.

39. Denny Moore, «Sunshine Spread Between States», *Presbyterian Advance*, September 15, 1932.

времена в Хиггинсе, начавшиеся задолго до Великой депрессии, начались не по причине урагана-убийцы, весеннего наводнения или расового угнетения. Жители того самого отважного английского происхождения, чьи предки первыми колонизировали Америку, работали в поте лица, «были веселы и полны любопытства, так же умны, как любой из нас, — будет вспоминать Джейн. — Они ничуть не походили на безответственных и неотесанных деревенщин из комиксов»⁴⁰. Но почему-то Хиггинс опустился до этого печального состояния, в котором зависел от доброты незнакомцев.

Джейн не забыла и ценила усилия тети Марты. Напротив, она видела своими глазами все, что та сделала, и какой контраст это составляло по отношению к Хиггинсу того сырого январского дня 1922 года, когда Марта Робисон впервые сюда приехала. И вот, в самый разгар Великой депрессии, Хиггинсу стало лучше — без сомнений. Но Джейн прежде всего беспокоил вопрос: как он опустился так низко? Как Хиггинс дошел до той точки, что ему потребовались вся энергия и решимость тети Марты и все деньги Джона Маркла? Начинает возникать вопрос, пока, впрочем, не сформулированный в нужных словах: *Как могло это случиться?*

---

40. *CityWealth*, p. 128.

Глава 4

Этот большой ошеломляющий мир

В НОЯБРЕ 1934 года, в разгар самой страшной экономической депрессии на чьей-либо памяти, восемнадцатилетняя Джейн Батцнер переехала в Нью-Йорк.

Ничто из того, что мы знаем о ее родителях, не намекает, что они запрещали ей это сделать. Оба были представителями профессий, посвященных заботе о людях, но не пытались вовлечь ее в сестринское дело, учительство или медицину. Они предложили ей пойти в колледж; но Джейн претила сама мысль провести в учебной аудитории еще хоть один день, и они не собирались ее заставлять. Дух и энергия сварливого дяди Билли из Фредериксберга, примеры предприимчивых тетей с Аляски и Северной Каролины были живы в семье; по сравнению с ними бегство в Нью-Йорк не представляло из себя чего-то особенного, едва ли ему требовалось препятствовать, даже если бы запрет вообще был принят в семье Батцнеров. Сама мать Джейн, та еще пуританка, могла служить примером, бросив одну карьеру ради другой и отказавшись от жизни в маленьком городке ради большой Филадельфии.

Школа осталась позади. У Джейн были базовые навыки и год опыта работы репортером в серьезной газете. Депрессия в угольной экономике предшествовала Великой депрессии в стране, так что ее родной город предлагал не много резонных остатков. Переехав в Нью-Йорк, она последовала примеру поколений амбициозных и энергичных молодых людей — отправиться в большой город, чтобы стать художниками и писателями. Нью-Йорк, напишет Джейн, был местом, «куда я приехала в поисках счастья»¹. Клише? Конечно, но верное: «Я пыталась стать писателем».

К тому времени, как Джейн приехала в Нью-Йорк, ее сестра Бетти, которая была старше на шесть лет, уже там жила. Пока

---

1. *Смерть и жизнь*, посвящение.

Джейн с трудом доучивалась в школе, Бетти упорно работала в Филадельфии и весьма преуспела. Она закончила и Школу промышленного дизайна при Пенсильванском музее² в июне 1933 года по специальности «Декорирование интерьера». Четыре года прошли в окружении фурнитуры, тканей, акварельных красок и дизайна; как показывают призы и награды, полученные как на начальных, так и старших курсах, она, вероятно, была одной из лучших. Но карьера в зараженном депрессией Нью-Йорке не пошла. Какое-то время Бетти жила с другими молодыми женщинами в дешевых меблированных комнатах на востоке 94-й улицы³. Однако в конце концов нашла работу в Бруклине, в отделе домашней мебели в большом универсаме *Abraham&Straus* в центре — может быть, и не соответствующую ее образованию, но все же работу. Вскоре Бетти переехала в квартиру на верхнем этаже в доме без лифта на Орандж-стрит⁴, в пятнадцати минутах ходьбы от *A&S*, и теперь к ней присоединилась Джейн.

Дом находился на окраине Бруклин-Хайтс⁵, района, занимающего обрывистый берег Ист-Ривер напротив Манхэттена. Хайтс некогда был аристократическим анклавом с прекрасными домами из буроого песчаника, щегольским пригородом Нью-Йорка, хотя его блеск немного потускнел, когда в 1908 году сюда пришло метро и с ним — менее респектабельные пассажиры. Всего через несколько кварталов от того места, где жили Батцнеры, улица под названием Колумбия-Хайтс пролегала вдоль реки; оттуда контур Нижнего Манхэттена казался таким близким, будто его можно потрогать, и обычно было видно Статую свободы. Вверх по Колумбия-Хайтс возле Бруклинского моста находился Фултон-Ферри, прибрежный район, который Уолт Уитмен обессмертил почти век назад в стихотворении «На Бруклинском перевозе», но теперь захудалый, заполнившийся ночлежками и грязными забегаловками; Джейн и Бетти жили в квартале от типографии на Кранберри-стрит, куда Уитмен послал печатать «Листья травы». Их участок Орандж-стрит был застроен одновременно новыми многоквартирными домами и мрачными жилыми домами, построенными по ста-

2. См.: *Circular of the Art Department* школы, начиная с 1931–1932 годов, там содержатся сведения об учебных программах и некоторых наградах Бетти; см. интервью и переписку с дочерью Бетти, Кэрол Биер.

3. *Kunstler*, I, p. 3.

4. Дж. Дж. — Мирне Катц Фроммер и Харви Фроммеру, 26 июня 2000 г., *Burns*. Само здание не сохранилось, но карты Бруклинского исторического общества дают некоторое представление об улице.

5. Whyte, *The WPA Guide*, p. 441–447.

рому закону⁶ — реформаторы обещали их снести, но пока в них все еще мыкались тысячи людей во всем городе. Улица заканчивалась на Фултон-стрит, с ее магазинами и грохотом проходящих поездов надземки.

Почти с самого начала первого года в Бруклине и большую часть первых двух лет в Нью-Йорке Джейн перескакивала с одной работы на другую⁷ — разовые подработки, временные подработки, работы, сначала выглядевшие как постоянные, но исчезающие вместе с работодателем, что случалось не единожды. Вначале Джейн трудилась на финансового обозревателя изданий группы *Hearst*, Роберта Х. Хемфилла⁸, бывшего директора коммунального хозяйства, сотрудника Федерального резервного банка и некогда прожектора, у которого была своя оригинальная позиция в вопросе о причинах неустойчивости банковской системы, расшатанной Великой депрессией. Джейн занималась его архивом, помогала в подготовке материалов и печатала под диктовку. Она помогала брокеру, который собирался написать книгу о фондовом рынке⁹. Она искала работу в фонде Маркла, благодетеля тети Марты — но вернулась с пустыми руками¹⁰. Она

6. То есть жилые дома, построенные в Нью-Йорке в период с 1879 по 1901 год, пока не был принят регулирующий жилую застройку «новый закон». «Старый закон» был шагом вперед по сравнению с периодом городской застройки, регулируемым законом от 1867 года: он впервые устанавливал нормы инсоляции и вентиляции для обитателей дома. Однако дома, построенные по старому закону, также оказались не слишком удачными: вынужденные размещать окна во всех жилых комнатах, застройщики решали проблему доступа света за счет узких щелей-воздушных колодцев. Вид из этих окон, очевидно, оставлял желать лучшего. Кроме того, воздушная шахта не способствовала пожарной безопасности, как и извлечению из нее многочисленного мусора, вследствие чего дома, построенные по старому закону, регулярно горели. Несмотря на программы по их сносу и реновации, существенное количество подобных домов до сих пор стоит на боковых улицах манхэттенского Нижнего Ист-Сайда. Ныне существует даже гражданское движение по защите этих зданий от сноса. — *Прим.ред.*

7. См. записи федерального трудоустройства Дж. Дж.; интервью с Джимом Джекобсом.

8. StL, Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 года, приложение F; некролог Хемфилла, *New York Times*, April 24, 1941 г. Позже в 1930-е годы Хемфилл писал для *Social Justice*, радикального ультраправого издания отца Чарльза Кофлина. В библиотеке Дуайта Б. Уолдо в Университете Западного Мичигана хранятся некоторые материалы Хемфилла, включая «карандашный набросок, сделанный соседом на желтой печатной бумаге в доме 55 по Мортон-стрит в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, около 1937–1938 годов»; Бетти, кажется, лучше удалась художнику, чем Джейн.

9. Request for Investigation Data, April 10, 1948, StL.

10. Флоренс Э. Квик — Марте Робисон, 1 апреля 1935 г., Markle Papers, RG 3, Series 5, Box 4, Folders 28 and 29, Rockefeller: «Мне очень жаль, что я ничем не смогла помочь вашей племяннице, надеюсь, она успешно нашла себе

работала на *Westclox*, создателей Биг-Бена, «вежливого будильника», владыки американских тумбочек, принимая заказы «из всех экзотических мест Земли», как она сама говорила об этом¹¹. В какой-то момент ей показалось, что она «вовлечена в великое дело, в результате которого вскоре у всех на свете будут свои часы». На самом же деле она целыми днями печатала и принимала заказы, печатала и принимала заказы. В итоге она поняла, что великая цель никогда не будет достигнута, «часы ломаются и теряются, работа будет бесконечной». Душевный подъем, а затем стремительное разочарование посетили ее за единственную неделю, по окончании которой она ушла. Будьте к ней снисходительны: ей всего восемнадцать лет.

На самом деле это был первый и единственный за эти годы раз, когда Джейн сама ушла с работы. Часто она сидела совсем без работы. И за занятия, которые она находила, платили не больше 12 долларов в неделю. «Я едва могла наскрести себе на жизнь», — писала она позже. Она вспоминала одну особенно скучную работу: сидела совсем одна, бесконечно складывая цветные полоски бумаги. Начиная чувствовать «беспомощность и подавленность», мисс Джейн Батцнер обратилась к азартным играм¹². Что ж, не то чтобы совсем уж азартным — но она вкладывала 1 доллар 25 центов за билет в ирландской лотерее¹³, в то время нелегальной. В ней воспитали неодобрительное отношение к азартным играм «как глупым, бесполезным и в каком-то смысле аморальным... Но, ощущая бессмысленность бытия», она покупала их. «Я не могла себе этого позволить. Это означало забыть о новых подметках для туфель, приспособливая вместо них кусочки картона». Она ни разу не выиграла, но никогда не жалела об этом: «Вот так запросто я смогла приобрести немного приключений, мечты и надежды, — напишет она. — Я до сих пор благодарна за те недели безумного вооду-

---

работу здесь, в Нью-Йорке». Из ответа Марты (Марта Э. Робисон — Флоренс Э. Квик, 12 апреля 1935 г.) не очень понятно, Джейн или Бетти посещала Маркла. Но у Бетти уже была работа в *A&S* — уже около двух лет (переписка с Карол Биер). Это, как и первая история по трудоустройству Джейн, в общем, явное свидетельство в пользу Джейн.

11. Noah Richler, «Wealth in Diversity», *Weekend Books*, March 18, 2000.

12. Jane Jacobs, «Futility vs. Taking Chances», рукопись лекции, дата и место не указаны, Burns, 13.

13. Ирландская лотерея (*Irish (Hospitals') Sweepstake*) — благотворительная лотерея, основанная Ирландским свободным государством в 1930 году и направленная на поддержку медицинских учреждений. Выигрыш в лотерее определялся на конных бегах. Несмотря на нелегальный статус, лотерея была крайне популярна в США и Великобритании вплоть до 1950-х годов. — Прим. ред.

шевления, ведь я в нем так нуждалась. Дерзкая и восхитительная нелегальность тоже пришлось к стати».

У Бетти дела шли немного лучше, она зарабатывала около 14 долларов в неделю. Когда они обе работали, то иногда могли позволить себе пригласить в квартиру уборщицу¹⁴. Но порой дела шли так плохо, что приходилось есть *Pablum*¹⁵, пресное готовое детское питание, пусть и неаппетитное, но по крайней мере калорийное, как сообщал его разработчик. Чаще всего они резали лук, помидоры и зеленый перец и смешивали с бобами и маленькой котлетой. И немного чеснока: «Мы правда думали, что мы в авангарде, — будет вспоминать Джейн. — В Скрантоне у нас никогда не было чеснока». Они назвали свою стряпню *catchabeano*¹⁶, потому что «там много бобов, и мы подумали, что это меткое название». По сравнению с *Pablum*, «это был наш эквивалент изысканного деликатеса». Однажды миссис Батцнер подарила им книгу *The Fanny Farmer Cookbook*¹⁷; когда Джейн как-то обвинила ее в том, что та не научила ее готовить, миссис Батцнер возразила в ответ: «Я ведь научила тебя читать, не так ли?»¹⁸

Впоследствии Джейн никогда не беспокоилась по поводу трудностей, которые встретила, привыкая к Нью-Йорку, а вот адаптацию к Великой депрессии она вспоминала с дрожью. «Думаю, это самое сложное время, какое я когда-либо пережила», — скажет она. И все же ей было не *настолько* тяжело, как многим другим. Для тридцатилетних, которые только что начали делать карьеру, для сорокалетних или пятидесятилетних людей, переживших увольнение и вынужденное безделье, все было куда тяжелее¹⁹, для них Великая депрессия имела разрушительные последствия. В 1929 году уровень национальной безработицы составлял 3%; в 1935 году — 20%. Но Джейн с друзьями были в состоянии «увлеченно рассказывать о том, как нас отвергли тут и там, о странных людях, которых мы встречали в ходе наших пустых поисков, и могли хохотать до упаду по всякому поводу»²⁰.

14. Интервью с Бургин Джекобс.

15. Kunstler, I, 4. Джейн добавляет: «Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что мы долго так жили. Может быть, до конца недели».

16. См. видео *Think Again: Jane Jacobs on Urban Living*, TVO, Ontario Public Television, 1997.

17. Самая популярная в истории США поваренная книга, первое издание которой вышло в 1896 году под названием *Boston Cooking-School Cook Book*. Ее автор, Фани Фармер, впервые использовала для описания рецептов стандартизированные меры весов и объема. — *Прим. ред.*

18. Интервью с Джимом Джекобсом.

19. *Внепреди Средневековье*, с. 82.

20. Там же.

Кажется, что короткие, плохо оплачиваемые работы Джейн в эти годы вполне можно справедливо исключить из резюме успешной женщины; поднимаясь по карьерной лестнице, вы просто забываете их упомянуть. Однако Джейн была им благодарна. «Это было не то, чего я хотела, — писала она, — но мне было интересно, и я получала удовольствие». И в самом деле, она устраивалась только на те работы, к которым ее подготовило обучение в школе Пауэлла; Джейн могла записывать по слову в минуту и печатать 70 — ничего выдающегося, но очень неплохо, — и она гордилась этим²¹. Подобные работы дали ей возможность увидеть изнанку американского бизнеса, что многие ее однокурсники из колледжа, вероятно, упустили.

Часто по утрам, просмотрев объявления о работе, Джейн ехала на метро в деловой центр. Иногда она ходила на Манхэттен пешком через великолепный Бруклинский мост Джона Реблинга, по его деревянной набережной, проходя под большими готическими башнями. Четыре крепких стальных троса моста начинали свое восхождение с причала на том берегу, забирались на башни, протягивались через реку. С тросов спускались стальные балки, а с башен — диагональные стойки; они были скреплены в месте их пересечения, дрожали из-за ветра и дорожного движения. Посередине тросы свешивались к дороге, потом исчезали под ней. Так что когда Джейн доходила до этого места, равноудаленного от обоих берегов, высоко над водой, была только она, река и большой город внизу.

Иногда Джейн отправляла тестовое задание на вакансии, связанные со скоростью или печатью. Иногда ей отказывали. Ближе к обеду, в любом случае, часто уже ничего больше не оставалось, кроме как бродить по городу, где бы она ни оказалась, или потратить пятак на поездку на метро²² и выйти на случайной станции. Там она поднималась по лестнице наверх, вероятно, замирала на мгновение, оказавшись в незнакомой обстановке из зданий, людей, дорожных знаков и магазинов, а затем ныряла в окружающие улицы. «Большую часть времени я не понимала, где находилась»²³, — скажет она. Она только смутно ощущала громаду Нью-Йорка. «Но он очаровывал меня. Он был прекрасен. Где бы я ни вышла, все меня поражало».

21. Заявление на федеральное трудоустройство, 27 ноября 1943 года, item 42, StL.

22. Стоимость разового проезда в нью-йоркском метрополитене с 1904 года, после введения в строй, и до первого повышения цены в 1948 году составляла 5 центов. — *Прим. ред.*

23. Alexander and Weadick.

Утренние поиски работы, вечернее исследование города — все это вошло в привычку. К концу первого года в Нью-Йорке одно такое путешествие привело ее в скорнячный район Манхэттена²⁴, к западу от Шестой авеню и 20-й Западной улицы, заполненный тележками, на которых перевозили шкурки норки, ондатры и горносталя, а то и случайную шкуру тигра, готовые стать палантинами и шарфами. На лице Джейн, видимо, был написан такой живой интерес, что в один прекрасный момент из магазина вышел мужчина: он представился и вскоре уже рассказывал смелой девятнадцатилетней девушке байки о скорнячном районе²⁵.

Именно тогда, в конце лета или в начале осени 1935 года, Джейн Батцнер сделала большой шаг по направлению к работе своей жизни. В Центральной школе писательство в первую очередь означало быть поэтом. Но когда что-то привлекало ее интерес, Джейн смотрела, слушала и делала заметки, и записывала все не в стихах, а в прозе. Тогда, в *Republican*, она взялась за работу как неоплачиваемый начинающий репортер. Теперь же ей платили в журнале национального масштаба, *Vogue*, за ту работу, которую в Скрантоне она выполняла бесплатно.

«Кажется, все в скорнячном районе Нью-Йорка знали друг друга — но не все друг с другом разговаривали»²⁶. Вот как она начала свою статью. Сильнейшая конкуренция, «каждая связка меха на пути от охотника до звероведа, до аукциониста, до кожевника разжигала вражду». Ее удивляло все, что она видела и слышала. Она писала о том, как ящики и тележки с грудами наваленных на них шкурок сновали взад и вперед по Восьмой авеню; об аукционном каталоге, предлагающем на продажу шкуры десяти тысяч горных львов и семнадцати тысяч волков; о воровстве меха, столь распространенном, что на грузовиках была установлена примитивная сигнализация, а в магазинах — внутренние двери из железных прутьев. «За дверьми на засовах и проволочной решеткой витрин, — продолжала она, — находятся темные и жуткие магазины. Со стен свисают головы свирепых животных. Груды шкур застилают ящики и тележки, наполняя магазин затхлым удушающим запахом».

24. Скорнячный район Манхэттена занимал несколько кварталов между Западными 20-й и 30-й улицами. В качестве центра торговли и выделки меха район с 1980-х годов приходит в упадок. Из более чем 800 лавок и мастерских, которыми район мог похвастать в 1979 году, к 1989 году осталось чуть более 300, а ныне и того меньше. — *Прим. ред.*

25. Amateau, «Jane Jacobs, Urban Legend, Returns Downtown». О скорнячном районе см. также: *WPA*, p. 163.

26. Jane Butzner, «Where the Fur Flies», p. 103.

Джейн позже будет приуменьшать свои достижения, говорить, что рассказом о районе скорняков она «практически слово в слово» обязана этому джентльмену, мистеру Эдгару Леману, который вышел из магазина с ней поболтать. Но в указанном отрывке вы можете увидеть настоящую профессиональную писательскую восприимчивость, интерес к любопытным деталям. «На каждое Рождество, — завершает она статью, — тысячи белоснежных бород из клочьев шерсти ангорской козы продаются для Санта-Клаусов из универмагов. Сейчас скорняки надеются, что мода вешать хвост красной лисицы на крышку радиатора, эта прихоть таксистов, приведет к буму на торговлю лисьими хвостами».

Из номера *Vogue* от 15 ноября 1935 года следящие за модой читатели узнали о последних парижских коллекциях, прочитали о шерстяных и меховых помпонах на шляпах, вырезах на одном плече, как у гладиаторов, вязаных испанских шаялях, бахроме, свисающей с приталенных черных смокингов. Современным женщинам советовали больше не бояться «обедать в костюме» или «танцевать в плиссе». Ювелир показал кольца с полосами чередующихся рубинов и бриллиантов. Рассказ Джейн на тысячу слов под названием «Там, где летит мех» хорошо туда вписывается.

Настоящий прорыв для девятнадцатилетней девушки, только что окончившей среднюю школу: она написала статью, впечатлившую редактора настолько, что он принял ее и заплатил 40 долларов — двух- или трехнедельная зарплата стенографистки или машинистки на скучной офисной работе, которую она отчаялась найти. В конце концов, она рада была увидеть статью в журнале и свое имя прямо в нем, наверху 103-й страницы. И редактор хотел еще. За полтора года она принесла в *Vogue* еще три материала, в каждом рассказывалось об одном специализированном оптовом районе Манхэттена: кожа, цветы и бриллианты. О том, как на тротуарах цветочного района «влажный, сладкий аромат [срезанных цветов] стелется вдоль мостовой, просачиваясь сквозь корзины и ящики, сваленные рядом с дверьми»²⁷. О том, что заложенным бриллиантам потребовалось тринадцать месяцев, чтобы дойти до аукционного дома²⁸; снаружи тем временем на Бауэри «Эль»²⁹ ревет, грузовики грохочут, бродяги расползаются по бордюрам,

27. *Matter*, p. 35. См. также Alexander and Weadick.

28. *Matter*, p. 36–37. Первоначальная рукопись находится в Burns, 131.

29. Эль (the El — сокр. от «elevated», приподнятый) — народное название городских железнодорожных эстакад. — *Прим. ред.*

китайцы с Мотт-стрит семят мимо, обрывки чужих языков прорываются и теряются в вони экзотических и отгалкивающих запахов».

В каждой статье предлагалось бросить взгляд на индустрию моды; вот почему они вообще попали в *Vogue*. В каждой сквозила грубая уличная жизнь, которая, как мы увидим, и предопределяет творческую биографию Джекобс, навсегда связав ее с городами. Но больше, чем что-то «городское» в них, в каждой ее статье сквозила любовь к ярким краскам и всему необычному, интерес к тому, как устроен мир, отражавший ее собственные пристрастия.

Как обитатели Орандж-стрит в Бруклин-Хайтс, Джейн и Бетти Батцнер были ньюйоркцами — в своем, конечно, роде.

Дочь Бетти, Кэрол, вырастет, слушая чарующий триплет улиц — Орандж, Пайнэппл, Кранберри³⁰ — обозначающий границы их района в Бруклине³¹. Джейн считала это «прелестным». Во времена Уолта Уитмена, до 1898 года, когда Бруклин отказался от независимости, чтобы стать просто нью-йоркским бором³², он был отдельным городом, удачно располагавшимся через реку от Нью-Йорка. Пока в 1883 году не построили Бруклинский мост, с Нью-Йорком его соединял лишь паром. Когда Джейн туда переехала, его население, насчитывающее 2,6 миллиона жителей, было на 800 000 человек больше, чем на Манхэттене; сам по себе это был третий по величине город в Соединенных Штатах после Нью-Йорка и Чикаго. В Бруклине был свой деловой центр, свои престижные районы, свои трущобы, своя торговля и промышленность; а в виде таких мест, как Флетбуш или Мидвуд — даже собственные пригороды. На Орандж-стрит Джейн жила ближе к блеску, грохоту и гравию Нижнего Манхэттена, чем большинство манхэттенцев. Стоило ей пройти два квартала пешком к станции метро Кларк-стрит и спуститься на эскалаторе, как она оказывалась в пятнадцати минутах от Таймс-сквер и в четырех от Уолл-стрит.

Но, конечно, все это не считалось; *Бруклин не был Нью-Йорком*.

Прошло не так много времени, прежде чем Джейн узнала то, что знал каждый житель Нью-Йорка: что «город» — это Манхэттен, и точка. Скорнячный район, на который она так удачно наткнулась, располагался на Манхэттене. Там же был

30. Дословно: Апельсиновая, Ананасовая, Клюквенная. — *Прим. пер.*

31. Kunstler, I, 3.

32. Современный Нью-Йорк включает пять административных районов, бором — Манхэттен, Бронкс, Квинс, Бруклин и Статен-Айленд. — *Прим. ред.*

и ювелирный район. Офис самого *Vogue*, олицетворявшего нью-йоркскую моду, находился на Манхэттене. Весь первый год она работала Манхэттене, там же были и лучшие вакансии. Именно там были Бродвей, Таймс-сквер, Пятая авеню, небоскребы, издательства, галереи, практически все культовые места Нью-Йорка. Трудно было не почувствовать притяжение. Стоило только Джейн взглянуть на Генри-стрит, большие каменные арки на подходе к Бруклинскому мосту, чтобы представить себя на Манхэттене. Джейн, как и любую другую восторженную и любопытную молодую девушку, город манил.

В один из таких походов на Манхэттен, состоявшийся во второй половине первого ее года в городе, вероятно, в конце лета, Джейн вышла на станции метро на Кристофер-стрит; ей «понравилось, как звучит название», — скажет она. Она не имела понятия, где находилась, «но была очарована этим местом... Я провела остаток вечера, просто гуляя по этим улицам».

Когда она сошла с поезда, то увидела название станции, выложенное на мозаичной плитке, как и на большинстве из четырехсот с лишним станций метро Нью-Йорка:

CHRISTOPHER ST.
SHERIDAN SQ.

Шеридан-сквер — это, конечно, вовсе не «сквер»³³. Но за пределами ее нерегулируемого неприятного пространства тянется на юг Седьмая авеню и широкая 4-я Западная улица. Прогуляйтесь по ним или по Гроув-стрит, Вашингтон-плейс или Вэйверли-плейс, которые все сходятся здесь, и вскоре вы обнаружите себя в лабиринте маленьких улочек к югу и западу от площади; клубы и бары 4-й Западной улицы, привлекающие гуляк из других боро, арт-галереи, маленькие магазинчики, скромные жилые дома.

Джейн сейчас находилась здесь, в низине, по большей части не нанесенной на туристические карты, вдали от центров концентрации рабочих мест, в сердце небольшого, небогатого и немного разношерстного района. Вокруг Шеридан-сквер нет четко выделяющихся торговых улиц, ничего похожего на престижную Пятую авеню или пролетарскую 14-ю улицу — здесь вообще нет ничего четко обозначенного. Кварталы красивых особняков по Шестой авеню, которые словно сошли со страниц романов Генри Джеймса, мелодичный итальянский, звучащий в магазинах и на ступенчатых крылечках жилых домов

33. Whyte, *The WPA Guide*, p. 140–142.

на юге, обшарпанные склады и вкрапления кустарных производств на западе. На Бликер-стрит — пекарня, продающая итальянский хлеб по пять центов за булку, магазин сыра, торгующий рикоттой по двадцать пять центов за фунт. Торговля крестьянской рабочей одеждой, старыми украшениями и букинистические магазины занимают квартал. Аптека, где продается косметика и контрацептивы. Кафе-мороженое, где тусовались молодые итальянцы. Размах был невелик, но ассортимент и разнообразие потрясающие, уличные виды никак не вписываются в расчетливый картезианский порядок. Джейн здесь видела Нью-Йорк не в его величии, его перенаселенности, его многолюдных толпах. Напротив, это был Нью-Йорк в его малости, его неоднородности: стоит только повернуть за угол, и тебя ждут маленькие открытия и новые приключения.

Уличная сетка Манхэттена здесь распадается на части, будто в результате внезапной, вторгшейся в упорядоченную кристаллическую решетку ошибки. 4-я Западная улица, послушно связанная сеткой только на востоке, на Шеридан-сквер внезапно отклонялась к северо-западу, а через несколько кварталов вдруг припускала, против любого смысла и логики, на 11-ю Западную улицу. Другие улицы, такие как Кармин, Корнелия и Джонс, через пару кварталов просто исчезали. Добросовестный исследователь городской жизни, профессор Кэролайн Вэр из Вассар-колледжа, тогда же написала «содержание» одного из кварталов на Джонс-стрит³⁴. Там находились: дома, построенные по старому закону, старинные здания 1840-х годов, многоквартирный дом, построенный в 1929 году; мастерские по производству пуховых матрасов, детских игрушек и итальянского мороженого; старая конюшня, социальный центр, две бакалейные лавки, табачный и кондитерский магазины, погреб торговца льдом, французская ручная прачечная, парикмахерская, чайная, «Итальянское мужское кафе», металлоремонт, три подпольных бара (в те времена они были под запретом). Все в одном квартале. За линией пятиэтажных фасадов — внутри, невидимая и скрытая от чужих глаз — день и ночь течет жизнь, во всем ее напряжении, боли и наслаждении; на запруженные тротуары снаружи доносятся лишь шепоты этих тихих событий, сливающиеся в повседневный городской шум.

Проведи вечер на улицах, подобных Джонс-стрит, как это делала Джейн, и голова, привыкшая к обычному городскому распорядку, невольно пойдет кругом. А что Джейн? Джейн

---

34. Ware, p. 44.

«любила маленькие улочки», — будет вспоминать она. «Мне нравилось их разнообразие, там встречались ремесленные магазинчики с необычными и искусными вещами ручной работы. Я никогда не видела подобных магазинов. Мне казалось, что это здорово»³⁵. Весь район был классный. Могла ли она точно сказать, почему? Наверное, нет. Ей было девятнадцать. Она была полна энтузиазма. К вечеру она отыскала путь назад на Шеридан-сквер, вернулась на метро в Бруклин и скоро уже плелась по лестничным пролетам в свою квартиру. Там она рассказала Бетти о своих приключениях и заявила (когда Джейн несколько раз рассказывала эту историю, заявление звучало как приказ), что они просто обязаны туда переехать. За следующие тридцать три года у Джейн было всего три дома в Нью-Йорке, все в пределах пяти сотен ярдов от места, где она вышла на станции метро Кристофер-стрит в тот день.

Однажды, спустя какое-то время, на выходных Джейн привела Бетти в тот район, и уже к октябрю они переехали в первый дом из тех трех. Это была квартира в обычном шестиэтажном здании на Мортон-стрит, с прикрепленной к фасаду пожарной лестницей, в квартале от Джонс-стрит. Он был снабжен небольшим лифтом, хотя изначально построен без него³⁶. Здесь Джейн и Бетти, иногда с другими соседями по комнате, жили следующие восемь лет. Оплата (в 1940 году) составляла 50 долларов в месяц³⁷. Среди их соседей был фотограф, преподаватель располагающегося неподалеку Нью-Йоркского университета, учитель музыки и делопроизводитель из юридической фирмы, а также писатель и его жена-иллюстратор. В это трудно поверить, но Джейн будет настаивать, «что они жили там достаточно долго, прежде чем узнали, что находятся в Гринвич-Виллидж»³⁸.

Феминизм, социализм, пацифизм, марксизм, фрейдизм, кубизм, абстрактный экспрессионизм: «Многие из важнейших волн американской интеллектуальной истории родились или выросли в Виллидж», — отметил Росс Уэцстеон в *Republic of Dreams*, где воспел богемный образ Гринвич-Виллидж. В этом районе жили пионер контроля над рождаемостью Маргарет Сэнгер³⁹,

35. Alexander and Weadick.

36. Дж. Дж. — Мирне Кац Фроммер и Харви Фроммеру, 12 июля 2000 г., Burns.

37. Перепись США 1940 года, которая также кое-что рассказывает о соседях Джейн.

38. Alexander and Weadick.

39. Маргарет Хиггинс Сэнгер (Margaret Higgins Sanger, 1879–1966) — американский общественный деятель, феминистка и леворадикальный активист, основатель Американской лиги контроля над рождаемостью (1921); откры-

поэт Э.Э.Каммингс⁴⁰, драматург Юджин О’Нил⁴¹ и множество пьяниц, наркоманов, всяких радикалов и нарушителей порядка⁴². Все это верно. Верно как с высоты 2002 года, когда появилась книга Уэцстеона, и, вероятно, не менее верно в 1935 году, когда туда переехала Джейн. И не верно для Джейн: годы спустя ее спросят: «Общались ли вы с кем-то из тогдашней богемы Гринвич-Виллидж?»⁴³ Ее ответ был прямым и незамысловатым: «Нет».

В том же году, когда Джейн там обосновалась, профессор Вэр закончила свое исследование Гринвич-Виллидж, который оказался гораздо шире и богаче приписываемых ему стереотипов, наподобие того, что это «латинский квартал Нью-Йорка, населенный „длинноволосыми мужчинами и коротко стриженными женщинами“⁴⁴, художниками и притворяющимися ими». Как и другие районы города, он был достаточно большим. С населением в 50000 человек, он протянулся от Бродвея до Хадсон-ривер, от 14-й улицы до Хьюстон-стрит или немного южнее, и включал в себя множество разных кварталов. Жители Виллидж работали на складах и маленьких фабриках на западной стороне, говорили по-итальянски в обширной южной части Виллидж, когда-то главным образом ирландской. Они учились и учили в Нью-Йоркском университете. Это были владельцы магазинов, бармены, врачи, клерки и офисные работники, и да, еще художники и богема. Обитатели Виллидж посещали католические и государственные школы. Протестанты молились в не менее чем восьми церквях. Кажется, что нетрудно написать историю Гринвич-Виллидж, рассказать о росте района за все это время, волнах мигрантов, о литературной богеме, которая к 1930-м годам уже считала его своим домом, описывать его влияние на американскую политическую и культурную жизнь, но все же вы потерпите неудачу, упустите что-то существенное. Потому что именно бесконечное разнообразие Виллидж, а не его богемность, политический энтузиазм, фаса-

---

ла в США первую клинику, занимавшуюся контролем рождаемости, и основала Международную ассоциацию планирования семьи (1946). — *Прим. ред.*

40. Эдвард Эстлин Каммингс (Edward Estlin Cummings, 1894–1962) — известный американский поэт-модернист, писатель, художник, драматург. — *Прим. ред.*

41. Юджин Гладстон О’Нил (Eugene Gladstone O’Neill, 1888–1953) — американский драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1936 года. — *Прим. ред.*

42. На той же улице, где жила Джейн, в доме по адресу Мортон-стрит, 44, спустя много лет поселится один известный «туняец», будущий нобелевский лауреат по литературе Иосиф Бродский. — *Прим. ред.*

43. Kunstler, I, p. 4.

44. Ware, p. 3.

ды XIX века или какую-то другую общую черту Джейн будет ценить и провозгласит его достоинством.

Многих, кто впервые прибыл издалека, Нью-Йорк мог испугать. Переехав сюда (в Бруклине, или, может быть, позже, на Мортон-стрит) Джейн и Бетти развлекались придуманной ими игрой. Она называлась «Сообщение»⁴⁵ и состояла вот в чем: они воображали двоих резко отличающихся друг от друга людей, «скажем, охотника за головами на Соломоновых островах и сапожника в Рок-Айленде, штат Иллинойс», — приводит пример Джейн. Затем каждая пыталась представить себе, что один должен передать другому устное сообщение: охотник за головами мог бы поговорить с вождем своей деревни, тот — с торговцем, приехавшим за копррой, тот — с офицером с проплывавшего мимо австралийского патрульного судна... и так далее до сапожника из Рок-Айленда. Выигрывала та, кому удалось придумать самую короткую и правдоподобную цепочку. Некоторое время это их развлекало, но в какой-то момент они обнаружили, что слишком часто полагаются как на посредника на Элеонору Рузвельт; «у нее были необычные, невероятные знакомства». Вспоминая эту игру, Джейн, кажется, понимала, как она повлияла на их собственную жизнь на новом месте. «Мне кажется, — писала она, — с ее помощью мы неосознанно старались освоиться в огромном, пугающем мире, куда мы попали из нашего кокона».

Однако по прошествии нескольких лет Джейн и Бетти стали опытными ньюйоркцами — этот огромный пугающий мир стал их домом. Иногда Джейн забиралась на крышу дома и просто смотрела вниз на улицу, даже на проезжающие мимо мусоровозы. «Я думала, какое это сложное, великое место, и все эти мелочи заставляют его работать»⁴⁶.

В октябре 1936 года Джейн, которой было всего двадцать, получила новую работу в Адской кухне⁴⁷ — районе, ужасная репутация которого восходит к Гражданской войне; теперь в нем располагались склады, гаражи и фабрики. Одной из них была кондитерская фабрика братьев Шарф⁴⁸ на 51-й улице к западу от Десятой авеню, недалеко от пирсов Гудзона. Джейн мог-

45. *Смерть и жизнь*, с. 145.

46. *Matter*, p. 15.

47. Адская кухня (*Hell's Kitchen*) — неофициальное название района Клинтон. Располагается на Манхэттене между 34-й и 59-й улицами, Восьмой авеню и рекой Гудзон. Район печально известен как один из криминальных центров города с середины XIX и до конца XX века. — *Прим. ред.*

48. Заявление на федеральное трудоустройство, 27 ноября 1943 г., StL.

ла бы наблюдать за работой производственной линии, где шоколадные конфеты наполняли разными начинками; однако она работала в офисе за 22 доллара в неделю: писала под диктовку, разрабатывала формы и графики, писала рекламные буклеты и отвечала на письма недовольных потребителей: *Нет, это, должно быть, какая-то ошибка. В нашем шоколаде просто не может быть фрагмента стальной проволоки*, печатала она, в то время как ее босс сидел рядом, щелкая пружинкой, которую покупатель прислал в качестве доказательства⁴⁹. Но в мае 1937 года она ушла и с этой работы, после ограбления, которое, как она подозревала, было подстроено самой компанией, чтобы как-то вывести ее из-под удара Великой депрессии.

Однажды субботним утром осенью или в начале зимы 1936 года, когда Джейн была у родителей в Скрантоне, отец усидел ее рядом и рассказал о собственных невзгодах из-за Великой депрессии⁵⁰. Семь лет назад он переехал в прекрасный новый кабинет в Доме медицинских наук. Потом рынок рухнул. Многим пациентам теперь просто нечем платить. Что касается аренды офиса, зарплаты мисс Элдридж, его медсестры, подписки на медицинские журналы и всего остального — требуется 48 долларов в день, только чтобы покрыть расходы. Обычно после обеда он возвращался в кабинет, задерживаясь до девяти. Он принимал и в воскресенье вечером. Он боролся.

И эта тяжелая борьба, на фоне ослабленного детскими болезнями здоровья, включая приступ аппендицита («Там такой бардак», — скажет он⁵¹), взяла свое. Прошло чуть больше года после этого непростого разговора с Джейн, когда доктор Батцнер умер от непроходимости кишечника в возрасте пятидесяти девяти лет. За неделю до этого он жаловался на плохое самочувствие и ходил к врачу. Его положили в больницу, сделали операцию. Казалось, что ему лучше, но вскоре он угас. «Мисс Элдридж, есть кто-нибудь еще?»⁵² — шептал он перед смертью медсестре, помощнице, проработавшей с ним четырнадцать лет. Все его дети были рядом, когда он лежал в кислородной палатке «с четырьмя маленькими окошками», как гласило скрантонское новостное сообщение⁵³. «Не надо грустных лиц, — говорил он им. — Если я поправлюсь, они не нужны. Если нет, то грустные лица мне не помогут».

49. Интервью с Бургин Джекобс.

50. *Вперед Средневековье*, с. 83.

51. Интервью с Джимом Джекобсом.

52. Joe Polakoff, «About a Man's Man», *Scranton Tribune*, 1937.

53. «Dr. J. D. Butzner Dies in Hospital», *Scranton Tribune*, December 23, 1937.

Он умер за два дня до Рождества 1937 года. Завещание, которое он написал через несколько месяцев после свадьбы⁵⁴. Его состояние было скромным. Он оставил все Бесси — медицинское оборудование, оцененное в 300 долларов, пятилетний Додж-седан и около 1000 долларов наличными; дом уже был записан на Бесси. Существенные выплаты по страховке смягчили финансовое бремя, оставив Джейн, ее братьев и сестер и овдовевшую мать предаваться скорби по скоропостижной утрате.

В те несколько месяцев, что прошли между разговором по душам с отцом и его смертью, вскоре после ухода с кондитерской фабрики Джейн получила работу на 25 долларов в неделю в офисе у поставщика стали, Питера А. Фрасса⁵⁵, находившемся в Нижнем Манхэттене в пятнадцати минутах ходьбы от ее дома. Сначала это была больше запись под диктовку и печать на машинке. Однажды она взяла письмо, набросанное скорописью, напечатала на машинке, получила подпись, запечатала в конверт и, выйдя с работы, уже чуть было не бросила его в почтовый ящик, но что-то остановило ее руку: *тридцать восемь кудряшек стали*⁵⁶. Вот что там было напечатано, но что бы это *значило*? Потом ее осенило: со старым нью-йоркским акцентом ее босса *катушки* стали звучали как *кудряшки*. На следующее утро в офисе она перепечатала его, получила подпись и отправила по адресу.

Через несколько месяцев Джейн, кажется, стояла на пороге настоящего успеха в старой нью-йоркской компании, корни которой уходили в 1816 год. В памятной книге, которую Фрасс издал к столетию организации, были указаны директора и управляющие за все годы, страница за страницей — конечно, ни одной женщины. Но не появилась ли теперь в стеклянном потолке маленькая трещина? Джейн впечатлила по меньшей мере одного из сотрудников Фрасса как «очень смысленная личность, [которая] может делать работу за трех девочек»⁵⁷, «человек, с которым можно поговорить на любую тему». Ее повысили до только что созданной должности за 28 долларов в неделю, которую Джейн назовет «„устраняющий непоря-

54. Lackawanna County, PA, Register of Wills, January 6, 1938.

55. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение F, StL; в записи Peter A. Frasse & Co., 1818–1977, в Историческом обществе Нью-Йорка нет ссылки на Джейн Батцнер.

56. Интервью с Джимом Джекобсом.

57. FBI, Jane Butzner Jacobs, File no. 123–252, July 20, 1948, p. 6.

док“ секретарь»⁵⁸. Ее задачей было «разобраться с любым отделом, который тормозил работу, и помочь придумать способы ее ускорить».

Впрочем, на этом карьере Джейн Батцнер как Младшего Эксперта по Эффективности и окончилась. В сентябре 1938 года она уволилась. Больше чем через пять лет после окончания своих не самых удачных занятий в Центральной школе, примерно в то время, когда некоторые ее одноклассники закончили колледж, Джейн вернулась к учебе, поступив на отделение непрерывного образования Колумбийского университета. В последний раз, когда она была за партой, в школе Пауэлла, она узнала, что крошечная завитушка меняет «искренне ваш» на «ваш искренне». Теперь она изучала экономическую географию, психологию, геологию, зоологию и конституционное право, наслаждаясь каждой минутой учебы.

---

58. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 года, приложение F, StL. «Младший эксперт по эффективности» — это моя ирония, а не ее статус.

Глава 5

Морнингсайд-Хайтс

КЕМ БЫ она могла стать, если не писателем?¹ Был 1994 год, Джейн шел восьмой десяток, и издатели канадского журнала *Brick*, желая отметить свой пятидесятый выпуск, попросили авторов, которыми восхищались, ответить на этот вопрос. Джейн ответила незамедлительно. Рассказав историю о «пудингстоуне», о которой мы упоминали выше, она описала и другие геологические радости в своей жизни: скрантонский антрацит, тротуары из сланцевой плитки, известняк, украшавший наружную стену местной библиотеки, мраморные полы внутри. «Вся история, спрессованная в них», — писала она, превращается в «замечательную песню» с рифмами из геологических периодов: «Кайнозой — мезозой... Палеоцен — эоцен...» Короче, она могла стать геологом.

А может, продолжи она обучение, она поступила бы в 1938 году в Колумбийский университет на палеонтолога. «Когда я, наконец, переросла мои обиды на школу и пошла на занятия в университет — как здорово, что они мне нравились! — то сначала я увлеклась геологией, что затем привело к палеонтологии, что затем привело к зоологии, что затем привело к химии и эмбриологии».

Курс по геологии проходил во вторник и пятницу по вечерам по адресу: улица Скермерхорн, 401, в кампусе Колумбийского университета на Морнингсайд-Хайтс, куда надо было долго ехать на метро на север от Вест-Виллидж². Предметом, разумеется, были горные породы, их происхождение и структура, как они меняются под воздействием ледников, извержений вулканов и землетрясений. Классные часы этого и второго курса, на который Джейн пошла в следующем семестре, допол-

---

1. Майкл Ондатже — Джейн Джекобс, 26 сентября 1994 г., и недатированный ответ, *Burns*, 6:5.

2. Информация об этом и других курсах Джейн в Колумбийском университете взята из: *Bulletin of University Extension*, 1938–1939.

няли полевые исследования в субботу вечером. Одно из них прошло на Кротон-Пойнт, полуострове на реке Гудзон к северу от Нью-Йорка. Там, на участке берега шагов в пятнадцать длиной, она увидела геологическую аномалию под названием «глиняные собачки»³. Это природные скульптуры, твердые почти как камень. Джейн запомнила необычайное разнообразие их форм, от «нежно изогнутых и удивительных в своей простоте до фантастически-вычурно-восточных».

В отличие от всего, что она изучала в средней школе, ее занятия по геологии вдруг *пошли*; она получила высший балл за оба курса. Практически это была история возвращения Джейн к учебе. Официально она не была студенткой Колумбийского университета, входящего в Лигу плюща, основанного в 1754 году и конкурировавшего с Гарвардом и Принстоном, а находилась в системе дополнительного образования, или общеобразовательной подготовки⁴. Джейн изучила каталог курсов и выбрала все, что хотела. Потому что она *могла*, и это прямо в нем утверждалось, черным по белому: «Все курсы открыты для мужчин и для женщин. Взрослые слушатели могут выбрать любые лекции и семинары». Джейн, конечно, *это* понравилось.

По большей части занятия проходили в послеобеденные и вечерние часы, на них учились тысячи ньюйоркцев. Джейн могла посещать университетскую библиотеку в Саут-холл, открытую по будням до 10 часов вечера. Вероятно, она покупала книги в университетском книжном магазине на углу Бродвея и 116-й улицы, рядом со входом в метро. Учащийся, записавшийся на курсы, которые «стоили» более восьми кредитов, должен был пройти консультацию в деканате; Джейн взяла 15 кредитов в первом семестре и прошла их за два года. На следующий год она пошла на курс «История правовых институтов» (кажется, он единственный доставил ей неприятности), курс по антропологии под названием «Доисторическая Европа»; взяла экономику, зоологию, еще географию и, вероятно, весьма дотошное погружение в химию с лекциями по вечерам вторника и пятницы, после которых шел час семинара и три часа лабораторных работ. Джейн получила A+.

На самом деле это был не первый раз, когда Джейн вернулась в учебную аудиторию после переезда из Скрантона. В академический 1935/36 год, пока она искала работу и писа-

3. *Смерть и жизнь*, с. 455.

4. Jane Butzner, выписка из диплома, Columbia University School of General Studies.

ла для *Vogue*, она ходила на занятия в Нью-Йоркский университет⁵ в нескольких кварталах от дома, чтобы учиться писать статьи для журналов, готовить тематические и редакционные материалы. Но об этих занятиях она никогда особенно не упоминала: они, вероятно, не внесли сколько-нибудь значимого вклада, сравнимого с интеллектуальной важностью курсов в Колумбийском университете, которые явно оставили след в ее последующих размышлениях. Обучение Джейн занимало все время и было напряженным. Но теперь, когда ей стало интересно, она была старательной ученицей.

Весной 1940 года Джейн записалась на зоологию позвоночных, еще один большой курс, как и химия, с серьезной лабораторной составляющей. Факультетское руководство для лабораторных работ⁶ состояло из материалов, демонстрирующих студентам, как проводить препарирование. На одной из страниц был напечатан сложный чертеж, показывающий «уриногенитальную систему пластинчатожаберных», таксономической категории, включающей акул. Студенты должны были отметить каждую анатомическую деталь — матку, мочеполовой сопочек, спинную аорту и так далее. Джейн сделала все очень четко и аккуратно — должно быть, это не было для нее трудным и скучным. Следующим этапом анатомического исследования была кошка. На обороте одной страницы Джейн сделала детальные зарисовки костей кошачьей задней лапы во всех взаимосвязанных деталях: большой вертел, малый вертел, коленная чашечка, все до самого верха, до вертлужной впадины и подвздошной кости...

Когда Джейн чем-то интересуется, она действительно этим интересуется. Однажды, примерно в это время, как гласит семейная легенда Джекобсов и Батцнеров, Джейн и Бетти зашли в Музей естественной истории, где увидели на экспозиции скелет кошки. Под влиянием практического курса зоологии, который она то ли уже закончила, то ли еще нет, Джейн решила, что ей тоже нужен скелет. Поэтому сестры — это одна из версий истории, скрытой в туманном прошлом⁷ — поймали бродячую кошку, доехали на городском автобусе до реки, утопили ее, принесли домой, сняли шкуру и запихнули в большой горшок на кухне, так что от тушки осталась кучка костей и крова-

5. «Information Required to Complete Application», ответ на вопрос «Ходили ли вы когда-нибудь на курсы по английскому языку или журналистике?», 5 января 1950 г., StL.

6. Она называлась *Laboratory Directions in Elementary Vertebrate Zoology*. Ее нам показал Джим Джекобс.

7. Эту историю практически слово в слово рассказывали три члена семьи.

вая лужа. Потом Джейн разобрала кости, соединила их вместе проволокой, склеила там, где понадобилось, и установила скелет в деревянный ящик, который она будет хранить много лет. Снятие шкуры само по себе, вероятно, не вызвало страха, поскольку в лабораторном журнале, где приводился кролик в качестве образца, было подробно описано, как это сделать: «Кожу нужно разрезать ножницами примерно посередине. Два человека могут быстро стянуть шкуру через голову и хвост, отрезав ее у основания ушей и морды, хвоста и анального отверстия... Вся операция... займет не больше трех-четырёх минут».

Таковы были успехи Джейн в зоологии позвоночных.

А вот успехи Джейн в американском конституционном праве...

Этот двухсеместровый курс, который она проходила во время осеннего и весеннего семестров в первый год обучения, читал утром по вторникам и четвергам преподаватель юридического факультета, Нил Т. Доулинг⁸, высокий, импозантный пятидесятитрехлетний выходец из Алабамы со склонностью к сократическому методу. Много лет спустя его провожали на пенсию словами, что он обладал настоящим даром выражать «внутреннее величие достижений человечества, представленных Конституцией», что он всегда стремился у учащихся «создавать чувство вовлечения в захватывающее расследование».

С Джейн Батцнер, кажется, ему повезло.

Джейн не была юристом и никогда не ставила перед собой цели им стать. Доулинг использовал на лекциях собственный талмуд «Дела по вопросам конституционного права», в котором приводились дебаты о властных полномочиях правительства до принятия Конституции США. Что мотивировало ее пойти на этот курс и почему ей разрешили, неясно — обычно это был спецкурс по выбору для второкурсников, изучающих право: в любом случае ей не хватало для него квалификации.

На каком-то этапе, возможно, для курсовой, Джейн начала копаться в старых статьях, передовицах и выступлениях, цитирующих предложения, представленные на Филадельфийском конвенте в 1787 году. Вскоре она перешла к записям о ходе самого конвента, сделанным Джеймсом Мэдисоном и другими в те знаменательные дни. Она обнаружила целый арсенал

---

8. Серия статей о Доулинге в *Columbia Law Review* 58, no. 5 (May 1958), p. 589–612, by Herbert Wechsler, Stanley Reed, William T. Bossett, Thomas I. Parkinson, Frederic P. Lee; Louis Luskey, «In Memoriam Neil T. Dowling», *Columbia Law Review* 69, no. 3 (March 1969), p. 351–352. См. также *Columbia University Bulletin of Information*, 1938–1939, для получения информации о курсах права, которые слушала Джейн.

предложений, которые *не* вошли в Конституцию, — одни были отвергнуты как неразумные или ошибочные, другие просто не прошли голосование.

Например, в Конституции говорится, что законодательная власть принадлежит Сенату и Палате представителей. Но Джейн узнала, что Уильям Патерсон⁹ из Нью-Джерси считал, что одной палаты будет достаточно¹⁰, и Бенджамин Франклин разделял это мнение. А вот Руфус Кинг¹¹ из Массачусетса полагал, что должно быть *три* палаты — «вторая, чтобы проверять первую и формироваться пропорционально населению, а третья — чтобы представлять штаты и иметь равное избирательное право»¹². В Конституции говорится, что Конгресс может отменить президентское вето двумя третями голосов. Но кое-кто в 1787 году спорил, что три четверти будет лучше для стабильности, ведь «угроза общественным интересам из-за нестабильности законов — это то, от чего больше всего необходимо защититься»¹³.

И здесь история Джейн принимает невероятный поворот: каким-то образом во всех этих отклоненных предложениях, среди этих идей, ушедших в никуда, толковых или не очень альтернативах тому, что сегодня мы принимаем за конституционную истину, Джейн Батцнер нашла материал для своей первой книги. Джейн была первокурсницей колледжа, только-только окончившей среднюю школу. Она была новичком в конституционном праве. За два десятилетия до того, как «Смерть и жизнь больших американских городов» сделает ее знаменитой, *Columbia University Press* в 1941 году издает под именем Джейн Батцнер книгу «Черновики Конституции — Отклоненные предложения Конституционного конвента 1787 года».

Легко заметить уже в самой идее книги намеки на своеволие, лежащее в основе ее антиавторитарных настроений; вероятно, она и сама осознавала это. «Кажется бессмысленным, —

9. Уильям Патерсон (William Paterson, 1745–1806) — американский правовед, один из создателей Конституции США, генеральный прокурор Нью-Джерси (1776–1783). На Филадельфийском конвенте отстаивал права малых штатов. Нью-Джерсийский проект Конституции, который он предлагал, включал однопалатный парламент, в котором каждый штат имеет один голос независимо от населения; серьезные ограничения центральной исполнительной власти; высокий уровень суверенитета отдельных штатов. — *Прим. ред.*

10. *Chaff*, p. 5.

11. Руфус Кинг (Rufus King, 1755–1827) — американский государственный деятель, один из первых борцов против рабства и сторонник сильного федерального правительства на Филадельфийском конвенте. — *Прим. ред.*

12. *Chaff*, p. 7.

13. *Ibid.*, p. 57.

писала она в предисловии, — обращать внимание на различные мнения и проекты, которые были отвергнуты»¹⁴. Но нет, поясняя она, те ошибочные, бесполезные или неправильно понятые аргументы не нуждаются в оправданиях. Некоторые из них довольно оригинальны. Ее поражали выдержка и решимость, с которыми сторонники этих идей стремились к общей цели: «правительство стремилось к счастью человека, каждого человека». Нисколько не преуменьшая достижения авторов Конституции, говорила она, «отклоненные предложения» оказывают честь американскому эксперименту.

В предисловии Джейн выразила надежду, что ее книга заставит задуматься о том, как другая Конституция могла привести к другой Америке — если, используя ее пример, в ней провозглашалось бы, что Сенат действует постоянно, а не проводит сессии и что он, а не президент, контролирует международные дела. Ее книга была в духе того, что сегодня назовут «альтернативной историей», серьезного научного изучения того, что могло произойти, если бы события повернулись по-другому — если бы, скажем, генерал Ли победил в Геттисберге¹⁵.

Она выражала надежду, что ее книга также понравится «тем, кто читает ради лучшей возможной цели — развлечения»¹⁶. И в «Черновиках Конституции» было своего рода развлечение — в причудливой дерзости ее основной идеи; в явной дикости некоторых предложений, которые Джейн почтила своим вниманием; в том, как творцы Конституции США искали свой путь к Единственно Истинной Конституции. И еще в Приложении С к ее книге — местами злобные «Характерные зарисовки» делегата Уильяма Пирса¹⁷, касающиеся его коллег по собранию: «Важности-то на себя напустит, — писал Пирс, например, о делавэрце Джоне Дикинсоне¹⁸, — а что ни скажет — все какая-то нелепица»¹⁹.

14. *Chaff*, p. 1.

15. Битва при Геттисберге — переломное сражение в Гражданской войне в США. Состоялось 1–3 июля 1863 года в округе Адамс штата Пенсильвания и окончилось победой северян. Армией проигравших конфедератов командовал генерал Роберт Ли. — *Прим. ред.*

16. *Chaff*, preface.

17. Уильям Пирс-младший (William Pierce, Jr., 1753–1789) — американский политик и бизнесмен, участник Войны за независимость США; на Филадельфийском конвенте присутствовал в качестве делегата от Джорджии. — *Прим. ред.*

18. Джон Дикинсон (John Dickinson, 1732–1808) — американский политический деятель, адвокат, конгрессмен, публицист, автор сыгравших значительную роль в подготовке американской революции серии «Писем пенсильванского фермера». — *Прим. ред.*

19. *Chaff*, p. 160.

По сравнению с тем, что она напишет позже, «Черновики Конституции» можно посчитать работой незначительной; это была просто «компиляция», как скромничала Джейн. Но не совсем; она *отражала* ее натуру. Она была противоречивой. Серьезной (она называла эту книгу «компендиум идей»). Достойной читательского удовольствия. В начале весны 1940 года Джейн, по всей видимости, закончила работать над текстом и предложила его в *Columbia University Press*. В мае заместитель директора издательства, Чарльз Дж. Проффитт, написал профессору Доулингу, тогда находившемуся в творческом отпуске в Университете Виргинии, с просьбой поделиться своим мнением. Доулинг написал, что это «хорошо сделанная работа очень старательного студента»²⁰ и что рукопись может быть полезна ученым. Правда, не *многим* ученым: приходилось признать, что книга рассчитана на «самый ограниченный рынок распространения, если это вообще можно назвать рынком».

15 июля Джейн узнала, что ее рукопись одобрили к публикации, но «финансы» представляли собой проблему. Требовалось около 350 долларов, помимо собственных ресурсов издательства, чтобы запустить рукопись в работу. Знает ли она «о каком-нибудь источнике, из которого можно получить эту сумму?»²¹ Если да, то они будут рады заключить с ней договор и запланируют выход книги на следующий год.

Через три дня Джейн позвонила Генри Х. Уиггину, сотруднику *Columbia Press*, написавшему ей об этой небольшой загвоздке, и засыпала его вопросами о том, где ее книгу будут продавать, почему, и так далее. Она призналась, как написал в докладной Уиггинс, «что у нее есть некоторые трудности с деньгами, но она все обдумает и даст нам знать»²².

Три с половиной сотни долларов — семимесячная арендная плата для Джейн и ее сестры; или ее трехмесячный заработок в период трудоустройства. Считайте, сегодня это не меньше 5000 долларов. Откуда она могла взять такую сумму? Да и могла ли?

Смерть отца повлекла за собой выплату внушительного пособия по страхованию жизни, которое поддерживало миссис Батцнер на протяжении всей жизни, и, вероятно, ослабило фи-

20. Ноэл Т. Доулинг — Чарльзу Дж. Проффитту, 3 июня 1940 г., *Columbia University Press Papers*, *ColumbiaRare*.

21. Генри Х. Уиггинс — Джейн Батцнер, 15 июля 1940 г., *Columbia University Press Papers*, *ColumbiaRare*.

22. H. H. W., Memo for the File, July 24, 1940, *Columbia University Press Papers*, *ColumbiaRare*.

нансовые тяготы для семьи²³. Вскоре после его смерти Джейн перестала работать и поступила в Колумбийский университет. В следующем январе миссис Батцнер прислала ей чек, чтобы помочь с поездкой в Филадельфию; определенно, Джейн не лишилась финансовой поддержки²⁴. Теперь, когда перед ней возникла столь заманчивая возможность, она, конечно, обратилась к помощи семьи еще раз. Также она могла обратиться к своему первому работодателю в Нью-Йорке, Роберту Хемфиллу, который стал ее другом, а еще больше — другом Бетти, и его часто видели в квартире на Мортон-стрит до самой его смерти в следующем году, в возрасте 64 лет. В любом случае, 22 июля Джейн написала Уиггинсу, что нашла деньги.

Книга вышла в свет в январе 1941 года тиражом около 100 экземпляров, по 2,25 доллара каждая. Первые экземпляры поступили к ней как раз вовремя, чтобы раздать их семье на Рождество. «Я рада выходу книги, — писала Джейн Проффитту 2 января, — и меня очень впечатляют те забота и вкус, с которыми издательство во всех отношениях подошло к ней»²⁵. Ей нравится шрифт. Ей нравится обложка. Даже восьмистраничный указатель книги «наполняет меня трепетом».

Книга была издана важным университетским издательством, четвертым старейшим издательством в Соединенных Штатах, где вышли работы двух президентов США. Она поступила в библиотеки. Рецензии на нее вышли тут и там, ее цитировали в литературе. Ее стоит прочесть и сегодня — может быть, особенно сегодня, когда бесконечные межпартийные распри подрывают силу нации и нашу уверенность в себе. Джейн писала о Гамильтоне, Франклине, Эдмунде Рэндольфе²⁶ из Виргинии, у каждого были сомнения относительно Конституции, и все же они настоятельно призывали к ее ратификации, а в иных случаях действовали даже против собственных убеждений. Блага страны, по словам Джейн, «можно наилучшим

23. Интервью с Джимом Джекобсом. Он также предполагает, что Джейн могла получить финансовую помощь от Хемфилла, который был в то время в романтических отношениях с Бетти. В предисловии к «Черновикам» Джейн выражает признательность «энтузиазму и мудрости Роберта Х. Хемфилла».

24. Джейн — своей матери, внизу карандашом подписано: от Джейн Батцнер — Р. Ф. Прайсу, Dorrance & Co., 18 января 1939 г., Columbia University Press Papers, ColumbiaRare.

25. Джейн Батцнер — Чарльзу Дж. Проффитту, 2 января 1941 года, Columbia University Press Papers, ColumbiaRare.

26. Эдмунд Рэндольф (Edmund Randolph, 1753–1813) — американский политик, адвокат, первый генпрокурор США, один из авторов виргинского проекта Конституции. — *Прим. ред.*

образом достичь, согласовывая разногласия, достигая компромисса друг с другом»²⁷.

Заманчиво рассматривать эту книгу двадцатичетырехлетней недоучки, постаравшейся внести свой вклад в решение проблем, существовавших с самого рождения американского государства, как на раннее свидетельство гения, и этот взгляд не будет неверным. Однако мы в равной степени можем смотреть на нее сквозь призму признательности, которую автор выражает в книге: она «не была бы написана без поощрения и поддержки членов моей семьи». Из того, что мы знаем о годах ее взросления, эти слова кажутся сердечными и совершенно искренними, и относятся далеко не только к 350 долларам. На экземпляре книги, который она подарила своему брату Джону, возможно, на то самое Рождество, она благодарила его за название книги и за «полезное наставление»²⁸. Но посвящение в книге относится не к нему, не к матери, не к недавно умершему отцу, а скорее к чему-то большему, чем кто-либо из них по отдельности — «Монро-авеню, 1712», ее дому в Скрантоне, всему и всем, кто ее вырастил.

Незадолго до записи на первые занятия в Колумбийский университет в 1938 году Джейн с Бетти устроили себе что-то вроде настоящих каникул: совершили морское путешествие вдоль атлантического побережья до Новой Англии²⁹. Джейн влюбилась в Бостон, для экономики которого в то время был не самый удачный период. Они посетили и Кейп-Код, счастливо разминувшись с ураганом-убийцей, который пронесся над Новой Англией в следующие выходные.

В 1940 году они отправились в недельное путешествие на велосипедах в провинцию Квебек, где посетили, среди прочего, место паломничества: католическая церковь города Сент-Анне-де-Бопре превратилась в склад костылей, говорилось, что их оставляют чудесным образом исцеленные люди.

Когда в парке Флашинг-Медоус в течение шести месяцев 1939 и 1940 года проходила Нью-Йоркская Всемирная выставка³⁰, Джейн посетила ее знаковую экспозицию «Футурама»³¹.

27. *Chaff*, p. 1.

28. На отметку о благодарности на экземпляре *Chaff* Джона Батцнера любезно указал Декер Батцнер.

29. *Ethics*, p. 229.

30. Лозунг Нью-Йоркской Всемирной выставки 1939–1940 годов — «Заря нового дня». — *Прим. ред.*

31. Футурама — проект дизайнера Нормана Геддеса для павильона *General Motors* на Нью-Йоркской Всемирной выставке 1939–1940 годов. Проект представ-

Здесь она села в один из маленьких вагончиков и перед ней, как и перед миллионами других посетителей, предстал образ будущего от *General Motors* — под ними простирался мир быстрого и легкого персонального перемещения по футуристическим суперхайвеям.

«Мне казалось, это так мило, — скажет она в интервью годы спустя. — Все равно что смотреть на игрушечную железную дорогу»³².

«Вы могли тогда представить себе, что это обернется катастрофой в Далласе в 1985 году?»³³

«Нет, — ответила она, — конечно, нет».

Перед началом занятий в Колумбийском университете Джейн получила весточку от тети Ханны, семидесятисемилетней сестры бабушки, с просьбой, которую она не могла обойти вниманием.

Уехав из Блумберга в конце прошлого столетия, Ханна отправилась учиться в Университет Чикаго, затем уехала учить индейцев на американском Западе, а потом в течение четырнадцати лет учила алеутов и другие коренные народы Аляски. Вернувшись в Пенсильванию, где она поведала публике о своих приключениях, она загорелась идеей их напечатать. Собрав у адресатов несколько своих писем, отправленных из глуши, она подготовила рукопись «Женщина прокладывает путь в Аляску»³⁴.

Подготовила рукопись? «Точнее, пусть это и звучит немилосердно, — напишет позже Джейн, — она состряпала рукопись»³⁵. Годы тети Ханны на Аляске были, несомненно, героическими, но рассказ ее не был последовательным. «Читать его было все равно, что смотреть в коробку с фрагментами пазла, — писала

лял собой восемнадцатиминутное путешествие в соединенных конвейером кабинках над предполагаемым через 20 лет пейзажем Америки, которая была пронизана насквозь сетью широкополосных высокоскоростных хайвеев. Площадь пейзажа достигала почти полгектара, он включал около миллиона моделей деревьев, полмиллиона зданий, около 50 тысяч автомобилей, 10 тысяч из которых двигались по четырнадцатиполосному междугородному шоссе. — *Прим. ред.*

32. Kunstler, II, p. 9.

33. Имеется в виду авиакатастрофа рейса L-1011 авиалайнера Lockheed L-1011-385-1 TriStar авиакомпании *Delta Air Lines* 2 августа 1985 года. При заходе на посадку самолет попал в сильный микропорыв и пронесся через автомагистраль, разбив один автомобиль, и затем врезался в водонапорную башню. В результате катастрофы погибло 134 человека, включая водителя автомобиля. — *Прим. ред.*

34. Джейн Батцнер — Флеминг Х. Ревелл Ко, 7 декабря 1939 г., Burns, 17.

35. *Alaska*, p. xiv.

Джейн. — Каждый фрагмент был увлекателен, но все они были в невообразимом беспорядке». Когда Ханна впервые к ней обратилась, Джейн сказала: рукопись нуждается в редакции. В связи с возрастом, однако, Ханна едва ли справится сама. Зато статьи *Джейн* публиковали в журналах. *Джейн* была профи. Не могла бы *Джейн* помочь ей?

Джейн попыталась. И Ханна получила машинописную версию. Джейн работала над новым черновиком и, как она напишет, в течение следующих двух лет отправила рукопись «нескольким читателям, которым она понравилась, и издателям, которым она не понравилась»³⁶. Изнурительная и нудная переписка с филладельфийским издателем, Доррансом, ни к чему не привела, как и запрос в издательство Университета Вашингтона, как и все остальные попытки Джейн издать книгу Ханны. «Повествование в целом движется слишком медленно, а в описаниях редких событий не хватает драматизма», — ответил один издатель³⁷.

Это случилось 16 апреля 1940 года. Тетя Ханна умерла через несколько дней. Джейн убрала рукопись, чтобы не открывать ее следующие пятьдесят лет. «Мне не хватало навыков», чтобы сделать из нее хорошую книгу, напишет она, «и я знала это»³⁸.

Весной 1940 года Джейн посещала занятия в Колумбийском университете уже два года и была на полпути к степени бакалавра. Она выбрала естественные науки и решила, что «страстно любит геологию и зоологию»³⁹. Она посещала четыре курса по экономической географии — к которой можно отнести большинство ее последующих работ. «Впервые мне нравилась учеба и впервые я получала достойные отметки», в основном отличные.

Но этот поздний успех, скажет она с горькой усмешкой, «был почти моей погибелью»⁴⁰. Вероятно, женщина, записавшая на слишком большое число общеобразовательных предметов, привлекла пристальное внимание администрации Барнард-колледжа. Барнард был колледжем для женщин, располагавшимся по ту сторону Бродвея от главного кампуса Колумбийского университета, в чем-то связанном с университетом, но в чем-то и отделенным от него. До настоящего вре-

36. *Alaska*, p. xv. История Ханны Брис и ее рукопись из Аляски снова рассматривается в главе 23.

37. Элизабет М. Морроу — Джейн Батцнер, 16 апреля 1940 г., Burns, 17.

38. *Alaska*, p. xv.

39. *Matter*, p. 3.

40. *Ibid.*, p. 3.

мени Джейн наслаждалась восхитительной интеллектуальной свободой. Но теперь ей пришел конец. Ее вызвали на встречу с руководителем Барнарда, которую она назовет «дракони-ха»⁴¹. Ну, мисс Батцнер, какие курсы вы желаете посещать? О, так вам же не хватает базовой подготовки? И к тому же без должного уровня знания иностранного языка? Стало еще хуже. Взглянув на оценки Джейн в средней школе, дракониша всплеснула руками: как вообще можно было допустить Джейн в Барнард с такими оценками?

Джейн удалось посетить еще несколько курсов, прежде чем с Колумбийским университетом было покончено. Осенью 1940 года, незадолго до издания «Черновики Конституции», она записалась на единственный курс по эмбриологии, а потом снова отправилась на поиски работы.

Она нашла ее в отраслевом еженедельнике о металлургии под названием «Железный век» (*Iron Age*). Его редакция находилась возле Центрального вокзала Нью-Йорка. «Они наняли меня, — любила говорить Джейн, — потому что я могла говорить слово «молибден» (основной легирующий металл)⁴². Сначала, хотя за спиной у нее было два года в Колумбийском университете, Джейн снова получила должность секретаря. И за 25 долларов в неделю делала меньше, чем у Фрасса перед увольнением⁴³. Но поскольку ее непосредственным начальством были ведущие редакторы журнала, через несколько месяцев на нее возложили новые обязанности. Раз в неделю она садилась на поезд в Филадельфию⁴⁴ и отправлялась в конторы металлургических компаний и торговцев металлоломом, чтобы узнать новости о состоянии рынка. Или сидела на телефоне, собирая данные о тоннаже металла, выходящего из доменных печей Бетлехема или Балтимора. Со временем она начала редактировать и писать технические статьи сама.

В 1941 году Джейн немного изучала испанский в Колумбийском университете. Бетти тоже пошла туда на занятия. Брат Джон закончил юридический факультет Университета Виргинии и присоединился к дяде Билли в его конторе в небольшом кирпичном здании на улице Принцессы Анны напротив здания суда во Фредериксберге. Тетя Марта, больная раком груди, переехала жить к матери Джейн в Скрантон, но через несколь-

41. Рассказ взят из Harvey, p. 37, и видеосюжету Дж. Дж., взятое Люси Джекобс, 1992.

42. *Matter*, p. 12.

43. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение E, StL.

44. Заявление на федеральное трудоустройство, 26 октября 1946 г., StL.

ко месяцев, 23 ноября, умерла в возрасте шестидесяти семи лет. Через две недели японцы совершили налет на Перл-Харбор, и Америка вступила в войну.

В двенадцать лет, в 1928 году, путешествуя с родителями друзей, Джейн впервые попала в Нью-Йорк. «1928 год, Уолл-стрит, время обеда... и город просто бурлил, — скажет она в интервью. — Он был полон народа»⁴⁵. Когда шесть лет спустя она переехала в Нью-Йорк, дела обстояли иначе, улицы наводняли безработные. «Между подъемом в процветающие двадцатые и депрессией была существенная разница». И если она сама, немного избалованная, справлялась без проблем, то для большинства это было тяжелое, жестокое время — целые семьи ютились в убогих квартирах в недостроенных домах с незалатанными крышами; время массовой безработицы, упущенных возможностей и увядших надежд. Весь город и вся страна чувствовали себя бедными, неудовлетворенными, старыми и изношенными. Миллионы безработных страдали, их нищета просочилась в жизни остальных, в души всех, кто жил в условиях неопределенности и стреноженных амбиций.

После Перл-Харбора армия безработных исчезла. В Нью-Йорке Бруклинский армейский терминал вскоре начнет обслуживать военнослужащих, направлявшихся в Европу⁴⁶. На Варик-стрит в Нижнем Манхэттене *Norden Company* собирала бомбовые прицелы. Городская швейная промышленность миллионами единиц производила военную форму. Бруклинская военно-морская верфь, лишь одно из сорока судостроительных и судоремонтных учреждений города, строила военные корабли. И поскольку мужчины уходили на войну, женщины получали работу, ранее им недоступную. «Наверняка каждый отдавал себе отчет в том, что мерзко получить работу и шансы на хорошую жизнь ценой войны, — писала Джейн с высоты прошедших шести десятилетий. — И все же все мои знакомые были благодарны за то, что хорошая работа и выросшие зарплаты полились на них, как ливень после засухи. Теперь показалось, что мир, наконец, нуждается в нас»⁴⁷.

45. Kunstler, 1, p. 2.

46. О Нью-Йорке во время войны см.: Diehl; Jackson, *WWII & NYC*; выставка под тем же названием в Историческом обществе Нью-Йорка в 2012 году представила остальные детали.

47. *Вперед Средневековье*, с. 83.

Глава 6

Женский труд

К ДВАДЦАТИ ПЯТИ годам Джейн Батцнер уже успела познать разные грани литературного мира, редактирования и издательского дела — в школе она была поэтом, стажировалась в газете, помогала известному автору собирать материал, работала на фрилансе и написала (или, во всяком случае, «составила») книгу, опубликованную в университетском издательстве. Теперь, за год в журнале *Iron Age*, она познала еще одну грань. Несчастный *Iron Age*, его никогда не читали ради удовольствия, он не представлял интереса для большого литературного мира, нечасто встречался в газетных киосках и был настолько далек и от литературы, и от науки, насколько это вообще возможно. Это был отраслевой журнал: его новости, находки и репортажи ценились читателями только этой ниши и более никем.

Джейн, начавшую там с должности секретаря, скоро повысили до помощника редактора; в конце концов она вырастет до младшего редактора. Незадолго до этого последнего повышения, в конце 1942 года¹, она работала над большой статьей о цветных металлах. Черные металлы включают железо, особенно сталь, цветные металлы — это все остальные: медь, олово, алюминий, цинк, магний, никель и свинец. Они важны в современной жизни. А в 1942 году, через год после Перл-Харбора, они оказались необходимы для военных целей. Многим литературно одаренным людям сама тема могла показаться безнадежно утилитарной, лишенной интереса. Другим ее технические бастионы показались бы неприступно высокими, а цеха, фабрики, литейные заводы и тоскливые конторы на задворках фабрик, где разворачивались производственные драмы, — неказистыми и непривлекательными.

---

1. Заявление на Федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение E, StL. «Незадолго до того как закончились мои два года» в *Iron Age*, ее повысили, а значит, это произошло примерно в конце 1942 года.

Однако это была тема Джейн.

«Все обычные цветные металлы², — начала она свою статью, — превратились в драгоценность, за ними гоняются и охотятся, их холят и лелеют, теперь их никто не использует как попало и ради заурядных нужд». Большую часть запасов олова контролировали японцы. Большую часть других металлов можно было достать, но ненасытный спрос войны на них не удовлетворяли уже существующие массовые поставки. Чтобы снарядить бомбардировщик, улетавший бомбить Германию, требовалось полторы тонны меди. Зенитный прицел нуждался в цинковом литье. Для легированной стали в больших количествах нужен был никель.

«Чтобы срочно удовлетворить этот массовый спрос, использовалось абсолютно все, кроме разве что трансмутации, — как бы походя упомянула Джейн старинных алхимиков. — Аллокации, рекламации, реквизиции, ограничения, запрещения, замещения, премирование, „индейские подарки“³, наращивание выпуска и бронирование рабочей силы, — все это было брошено на весы».

Получала ли Джейн от этого *удовольствие*?

Кубинский завод по производству никеля из местных руд, сообщала она, построили из «невероятной уймы всякой всячины, включая сталь из Трилона со Всемирной выставки»⁴, знакового трехгранного обелиска, возвышавшегося над ярмарочной площадью, «заброшенного цементного завода, гостиницы из Индианы и фабрики из Нью-Джерси. Механический завод Оклахомы целиком перевезли на остров, как монастырь Херста»⁵.

Работая над большой статьёй, которая займет пятнадцать страниц в первом выпуске журнала в 1943 году, Джейн писала для читателей, голодных до инсайдерской промышленной информации. Технические детали имели важное значение: *Чтобы получить магний, надо смешать кальцинированный доломит с измельченным ферросилицием и остудить его в вакууме до 2100 градусов*

2. J. I. Butzner, «Non-Ferrous Metals», *Iron Age*, January 7, 1943.

3. Американское выражение, означающее, то, что даритель «подарит» что-то, но потребует это назад через какое-то время или ожидает взамен эквивалентного по стоимости дара. — *Прим. пер.*

4. Трехгранный обелиск высотой 210 метров, один из символов Нью-Йоркской Всемирной выставки, наряду с Перисферой, гигантским железобетонным шаром диаметром 56 метров. — *Прим. ред.*

5. Имеется в виду испанский монастырь Санта-Мария де Олива (1181) в 140 километрах от Мадрида, часть которого в 1931 году приобрел американский издатель Уильям Рэндольф Херст с целью использовать его камни в качестве стройматериалов для своего замка в Калифорнии. — *Прим. ред.*

по *Фаренгейту*. На самом деле Джейн не так давно прошла краткий курс металловедения и получила сертификат по «Инженерии и менеджменту в военной подготовке»⁶.

Но мало просто собрать информацию и изложить ее в тексте. Надо, чтобы она воспринималась легко, даже приятно. Из цветных металлов, писала она теперь, «только свинец сыт и доволен». Свинца много, ограничений на его использование почти нет: «В то время как другие металлы вынуждены уступить дорогу суррогатам, — продолжала она, — свинец вступает в приличное общество, куда ему прежде не было хода. Когда другие металлы едва сводят концы с концами, свинец спокойно и надолго лежит в запасах». То есть Джейн заботилась о своих читателях. *Отсутствие такой заботы* ведет к тому, что девять десятых технических отчетов, юридических документов и научных работ в мире вообще едва ли удобочитаемы. Уверенно владея темой, прибегая к искусной игре слов, допуская иногда тень шутки, даже шалость, Джейн писала так, что читать о магнии, алюминии и свинце становилось почти развлечением.

В *Iron Age* у нее, кажется, никогда не было подчиненных, но она пользовалась там существенной автономией⁷ и в итоге зарабатывала 45 долларов в неделю, что составляло почти два ее первоначальных заработка. Она часто ездила в Вашингтон на встречи с чиновниками из Управления военного производства, Военно-морского министерства, Министерства труда и других учреждений, глубоко погружалась в новости из мира торговли металлами, собирая сведения для новых материалов. Она ездила на нефтеперерабатывающие и металлообрабатывающие заводы в Филадельфии, Нью-Йорке и Новой Англии. Ходила на научные конференции. Встречалась с металлургами, которые соглашались писать статьи для журнала, редактировала их рукописи, помогала разработать графическое оформление или найти фотографии.

И, конечно, она писала. Это ли она имела в виду, когда впервые приехала в Нью-Йорк в 1934 году, собираясь стать писателем? Едва ли. Но теперь у нее были реальные навыки, которые она могла применить в отношении любой темы, какой бы ни пожелала. И в 1943 году она применила их, чтобы помочь родному городу⁸.

6. Сертификат датирован 20 мая 1943 года. Курс состоял из шестидесяти трех часов занятий и проводился в Колумбийском университете. Burns, 23:3.

7. Заявление на Федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение E, StL.

8. История Скрантона хорошо описана в Lang and Wunsch, p. 31–33. См. также:

Подписавшись просто как «сотрудник редакции *Iron Age*», Джейн рассказала в мартовском номере 1943 года о том, как Скрантон, где проживают тридцать тысяч безработных, где есть трудовые ресурсы, свое электричество и транспорт, пригодные для строительства военных заводов, стоит незанятым. Скрантонцы тысячами отправлялись работать в города военного бума, такие как Балтимор. Годом ранее Комиссия по антрациту признала Скрантон вполне подходящим для производства взрывчатых веществ, поковок, деталей машин и боеприпасов, но это решение ни к чему не привело. Точно так же попытки самого города действовать через *The Scranton Tribune*, преемника старой газеты Джейн, провалились. Ответы на их настойчивые запросы в армию, флот и Управление военного производства, писала Джейн, уступали по «отговоркам только аспирантуре». Статья Джейн получила определенный резонанс в стране. Она писала еще статьи, в *New York Herald Tribune* и куда угодно. Она выступила на митинге в Скрантоне. В конце года в городе начали строить завод по производству крыльев для бомбардировщика *B-29*, туда наймут семь тысяч человек, завод будет работать семь дней в неделю. В редакцию пришло благодарственное письмо «джентльменам» из *Iron Age*. Но многие в городе знали, кого надо благодарить на самом деле: «Уроженка Скрантона помогает родному городу», — гласил заголовок местной газеты.

Постоянную зарплату Джейн получала в *Iron Age*, но иногда приходили чеки от других изданий, таких как *Herald Tribune*. Хотя ее начальнику это не очень нравилось, но порой она брала тему, освещаемую в *Iron Age*, и переписывала статью с иной точки зрения для обычных читателей⁹. Помните ее мимолетное упоминание о стали со Всемирной ярмарки, пошедшей на новый кубинский никелевый завод? За неделю до выхода статьи в *Iron Age* Джейн гораздо больше рассказала об этом в *Herald Tribune*¹⁰. Там она описывала хребет холмов, известный как *Lengua de Pájaro* («птичий язычок»), где вырастут новые заводы, «железобетонные дома пастельных цветов» с жестяной кровлей для тысяч новых рабочих, «рассыпчатую красно-коричневую землю», богатую никелевой рудой, благодаря которой все это стало возможным.

Jane Butzner, «Daily's Effort Saves City from „Ghost Town“ Fate», *Editor & Publisher* (1943); «30.000 Unemployed and 7.000 Empty Houses in Scranton, Neglected City», *Iron Age*, March 25, 1943.

9. См., напр.: LaurenceDiss, p. 93–95.

10. Jane Butzner, «Trylon's Steel Helps to Build Big New Nickel Plant in Cuba», *New York Herald Tribune*, December 27, 1942.

Она писала и о жизни женщин на «внутреннем фронте»¹¹. Война изменила положение дел для женщин. Пока мужчины сражались в Северной Африке, Европе или на Тихом океане, женщинам открылся почти весь рынок труда. Речь не только о Клепальщице Розы, было множество таких, как она. Сестра Джейн, Бетти, работала чертежницей на авиазаводе. «Женщины были везде», — пишет Лоррейн Б. Диль в *Over Here!*, книге о Нью-Йорке во время войны.

Они продавали вам железнодорожные билеты в кассах и проверяли их наличие у вас в поездах. Стояли в полицейском патруле в аэропорту Ла-Гардиа, контролировали пешеходное движение и искали подозрительные свертки. Они пилотировали самолеты Гражданского аэронавигационного патруля, водили грузовики и такси, работали барменами и лифтерами, а в летние месяцы вы могли увидеть их на спасательных вышках на городских пляжах.

В статье 1942 года Джейн написала о том, что правительство пересмотрело реестр профессиональных категорий и признало большинство открытыми и для женщин; раньше только в 154 категориях из почти 3000 было занято сколько-нибудь значительное число женщин — никаких электриков, сварщиков, токарей. Теперь, писала она в статье, опубликованной сразу в нескольких газетах: «Разыскиваются женщины, чтобы заполнить 2795 видов работ», — женщины могли работать везде, хотя обычно зарабатывали меньше мужчин. Через *Iron Age* Джейн вступила в Объединенный профсоюз конторских служащих Америки¹². Она не была профоргом, как ей позже придется объяснять, но выясняла у профсоюзных деятелей, особенно у конторских служащих низшего уровня: *если женщины делают ту же самую работу, разве они не должны получать ту же плату?*¹³

Ее профсоюзная деятельность, видимо, раздражала некоторых ее коллег — особенно главного редактора, Т. В. Липперта, выпускника физического факультета Технологического ин-

11. Jane Butzner, «Women Wanted...» *Washington Post*, October 26, 1942.

12. В оригинале *United Office Professional Workers of America International*, автор, по всей видимости, имеет в виду профсоюз *United Office and Professional Workers of America* (UOPWA), организованный в 1937 году в результате слияния ряда более мелких организаций. По преимуществу в этом профсоюзе, отстаивавшем права офисных служащих, включая банковских работников, работников финансового сектора и страхования, состояли женщины. Профсоюз имел определенный организационный успех в конце 1930-х и в 1940-е годы и наибольшим авторитетом пользовался в Нью-Йорке. — *Прим. ред.*

13. Дж. Дж. — Кэрролл Сент-Клэр, 22 июля 1949 года. Ответы на опросный лист Джейн Батцнер Джекобс, параграф 1, Burns.

ститута Карнеги¹⁴, работавшего в журнале уже почти десять лет, когда пришла Джейн. Они не поладили. Он настаивал на том, чтобы записать ее машинисткой в трудовой книжке. Он мог делать «пренебрежительные и лживые утверждения о моей персоне»¹⁵, — пожалуется Джейн. Однажды он отправил ее на мальчишник, «на который, как он хорошо знал, женщин не звали», намереваясь ее опозорить. По крайней мере, как утверждает Джейн, вынужденная позже защищаться от его обвинений. К ее профсоюзным симпатиям добавлялось еще и то, что Липперт и остальные сотрудники *Iron Age* считали левым уклоном, определенная антибританская жилка и привычка курить трубку; налицо задатки «смутьяна и агитатора», как говорится в докладе одного информанта ФБР¹⁶. По прошествии почти трех лет Джейн отстранили от работы в журнале.

Она написала официальное заявление о приеме на другую работу только 27 ноября 1943 года, вероятно, к этому времени ее решение практически созрело¹⁷. Днем раньше в Скрантоне она увиделась с бывшим коллегой своего отца, доктором Эрнестом Кизелем, и прошла медицинское обследование, требуемое для работы в госструктурах: давление 104/82, венерических болезней нет, дефектов нет, в норме во всех отношениях — кроме близорукости, которая была хуже чем 20–200 на оба глаза¹⁸, но очки исправляли проблему практически полностью. Джейн просила минимальную годовую зарплату в 2600 долларов — чуть больше того, что она получала в *Iron Age*. Она хотела бы работать в Нью-Йорке, но рассматривала предложения о назначении за пределами США, включая Европу, Азию, Африку, Австралию или Южную и Центральную Америку; звучит так, будто двадцатисемилетняя Джейн искала приключений. Только не в Вашингтоне; туда она не переедет. Она подписала документ: клялась защищать Конституцию и не свергать правительство, и к 29 ноября уже числилась в зарплатной ведомости Управления военной информации Соединенных Штатов (УВИ)¹⁹.

14. См. *Carnegie Alumnus*, неизвестная дата, учебные заметки, '32.

15. Дж. Дж. — Кэрролл Сент-Клэр, 22 июля 1949 г. Ответы на опросный лист Джейн Батцнер Джекобс, параграф 1, Wgns.

16. ФБР, дело 123–252, 20 июля 1948 г., с. 5.

17. Заявление на федеральное трудоустройство, 27 ноября 1943 г., StL; Свидетельство о медицинском обследовании, 26 ноября 1943 г., StL.

18. Сильная близорукость, менее 0,1 по принятой в России системе Сивцева-Головина. Очки с диоптриями от минус 6. — *Прим. ред.*

19. См.: Winkler; Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение D, StL; интервью с Джимом Джекобсом.

Сформированное через полгода после Перл-Харбора, УВИ²⁰ нанимало тысячи сотрудников. В нем работали над военными плакатами, продюсировали радиосериалы, такие как «Это наш враг»²¹, о Германии, Японии и Италии. Управление отвечало за содержание кинохроники о военной мобилизации страны, репортажи с авиационных заводов, показывало, как трудятся женщины — это для внутреннего потребления. На иностранную аудиторию работало зарубежное отделение. Оно производило документальные фильмы и кинохронику; новостные выпуски радиопередач; пропагандистские листовки, буклеты и брошюры; опубликовало биографию Рузвельта в комиксах; выпускало глянцевого и хорошо иллюстрированный журнал *Victory*, предназначенный читателям из нейтральных и дружественных стран²²; спичечные коробки с написанными на них «четырьмя свободами»²³, «мыльную бумагу» с надписями вроде «Смой нацистскую грязь»: попав в воду, она превращалась в мыло. К середине 1943 года, по свидетельству одного очевидца, штат УВИ в Нью-Йорке «работал двадцать четыре часа в сутки над сотнями видов продукции на десятках различных языков».

Джеймс Рестон, журналист и будущая звезда *New York Times*²⁴, работал в УВИ. Там же работали фотограф Гордон Паркс²⁵ и историк Артур Шлезингер-младший²⁶. То же самое можно

20. U.S. Office of War Information — Управление военной информации Соединенных Штатов. — *Прим. пер.*

21. Пропагандистская радиопередача, выходившая на Нью-Йоркском радио с весны 1942 по 1943 год, темники для которой разрабатывались в Управлении военной информации США. Одна из наиболее популярных тем, поднимавшихся передачей, — как нацистская пропаганда на оккупированных территориях завладевает умами молодежи, которая в результате выступает против своих родителей. — *Прим. ред.*

22. Американский пропагандистский еженедельник, выходил на нескольких языках в годы войны и предназначался для распространения за пределами Соединенных Штатов. Кроме военных успехов и биографий американских военачальников, в журнале активно пропагандировался американский образ жизни. Управление военной информации США отвечало за выпуск журнала с июля 1942 по июнь 1943 года. — *Прим. ред.*

23. Ценности, провозглашенные президентом США Франклином Рузвельтом в ежегодном обращении к Конгрессу «О положении в стране» 6 января 1941 года и неформально считавшиеся целью американского участия во Второй мировой войне. Эти ценности включали: свободу слова, свободу совести, свободу от нужды и свободу от страха. — *Прим. ред.*

24. Джеймс Рестон (James Barrett Reston, 1909–1995) — американский журналист, дважды лауреат Пулитцеровской премии. — *Прим. ред.*

25. Афроамериканец Гордон Паркс (Gordon Roger Alexander Buchanan Parks, 1912–2006) был не только известным фотографом, но также музыкантом, писателем и режиссером, борцом за гражданские права. — *Прим. ред.*

26. Артур Шлезингер-младший (Arthur Meier Schlesinger Jr., 1917–2007) — американский историк и публичный интеллектуал, сын известного американ-

сказать о Милтоне Эйзенхауэре²⁷, старшем брате генерала, заместителе директора УВИ. О поэте Арчибалде Маклише²⁸, помощнике директора. И о Джейн Батцнер, работавшей в офисе зарубежного отделения, в стильно декорированном Доме аргонавтов, на углу 57-й Западной улицы и Бродвея, когда-то использовавшемся для автомобильных шоурумов²⁹.

Джейн писала краткие биографии американских государственных деятелей, бизнесменов и деятелей культуры. Как она признается позже, она готовила духоподъемные тексты о «размахе американского военного производства и заметки, демонстрирующие образ жизни американского народа, его труд и его успехи». Однажды британцам для их индийской армии понадобилась брошюра об Америке, ее истории, положении женщин и государственном строе. Джейн написала ее. В течение второго года работы в УВИ она занималась Португалией, Швейцарией, Швецией, Исландией и Советским Союзом.

В каком-то смысле ее работа не особенно отличалась от той, которую она делала в *Iron Age*: собирать информацию, факты и сырые данные и, метя в определенную аудиторию, упаковывать их в четко отредактированные послания. Должность Джейн — журналист. Она им и была, никто и не спорит, но, как тетя Марта в переписи 1930 года назвала суть рода своей деятельности «миссионерством», так и Джейн, если бы ей было важно, могла бы указать суть своей как «пропагандист». Само слово, которое возвращает к конгрегации кардиналов, основанной в XVII веке папой римским для пропаганды веры, конечно, несет в себе это клеймо. Оно одновременно и злоеющее, и уничижительное, когда его употребляют по отношению к врагу, например доктору Геббельсу, нацистскому министру пропаган-

ского историка Артура Шлезингера-старшего, трижды лауреат Пулитцеровской премии, советник президента США Джона Кеннеди. Отецественному читателю знаком по вышедшей в 1992 году в издательстве «Прогресс» монографии «Циклы американской истории». — *Прим. ред.*

27. Милтон Эйзенхауэр (Milton Stover Eisenhower, 1899–1985) — крупный деятель американской системы образования, ректор трех ведущих высших учебных заведений США — Университета Канзаса, Университета Пенсильвании и Университета Джонса Хопкинса. — *Прим. ред.*
28. Арчибалд Маклиш (Archibald MacLeish, 1892–1982) — американский поэт, писатель и государственный деятель. Один из основателей ЮНЕСКО и ЦРУ, руководитель Библиотеки Конгресса США (1939–1944), первый заместитель госсекретаря США (1944–1945), трижды лауреат Пулитцеровской премии. — *Прим. ред.*
29. Дом аргонавтов — двенадцатизэтажное офисное здание в центре Нью-Йорка, перестроенное из двух отдельно стоящих зданий в 1918 году для *General Motors*. Ныне в здании располагается штаб-квартира фонда Джорджа Сороса «Открытое общество» — *Прим. ред.*

ды, брызжущему ложью и ненавистью. Американская поговорка гласит, что пятна исчезают, если их оставил кто-то из наших парней в борьбе с пропагандистской ложью врага; конечно, именно так сотрудники УВИ смотрели на свою работу. Более того, если Джейн и ее коллеги на 57-й Западной улице стряпали «пропаганду», это еще не означало, что они сочиняли небылицы. Да, как отмечается в научном исследовании деятельности УВИ, опубликованном в 1978 году, американские пропагандисты выборочно использовали правду, подавая ее нужным образом для собственных целей; но в собственных глазах они были «честны и откровенны». Драматург Роберт Эммет Шервуд³⁰, в то время директор УВИ, свидетельствовал в комитете Палаты представителей в 1942 году, что «правда, которую с неподдельной американской искренностью США несут миру, является, безусловно, самой эффективной формой пропаганды»³¹. Это называлось «стратегия правды»³².

Но уверенное выражение «правды», искаженной жестокостями войны, требовало специальных навыков и знаний. Что бы Джейн ни писала, это читали (в переводе) не те люди, с которыми она выросла в Скрантоне, не ее друзья и не ее коллеги, а иностранцы. Ей нужно было научиться видеть их глазами как своими собственными, освободиться от несметного числа предрассудков, которые имелись у нее как у рядовой американки родом из Пенсильвании, прихожанина пресвитерианской церкви, жителя Гринвич-Виллидж, белой женщины из среднего класса.

Мне нужно было понять существующие за границей заблуждения, касающиеся Америки; понять в целом те общие аспекты американской жизни, о которых совершенно не знают вне ее границ; те ее грани, что могут вызвать большой интерес и восхищение; а также предложить способы представления главного и частного так, чтобы это не становилось скучным³³.

Она описывала свой труд нехарактерно бесстрастным и абстрактным языком (позже, в заявлении о приеме на работу),

30. Роберт Эммет Шервуд (Robert Emmet Sherwood, 189–1955) — американский драматург, сценарист, кинокритик, журналист. Спичрайтер президента США Франклина Рузвельта, директор зарубежной службы Управления военной информации (1942–1945), один из отцов-основателей радиостанции «Голос Америки», четырежды лауреат Пулитцеровской премии, обладатель «Оскара» за лучший сценарий. — *Прим. ред.*

31. Winkler, p. 76.

32. *Ibid.*, p. 13.

33. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение D, StL.

но это были высококлассные навыки, приобретение которых не многим легко давалось. *Нужно ли рассказать о двухпалатной системе Конгресса? Знают ли мои читатели, что такое метро? Понадобится ли еще один более удачный пример, чтобы подчеркнуть мысль?* Как и в *Iron Age*, перед ее глазами всегда был конкретный читатель со своими запросами, предубеждениями и пробелами в знаниях. Он столь же важен для ее текстов, как и сама информация: и читатели, и тема, находящиеся в тесной связи, требовали внимания Джейн — именно это и было ее работой.

Десять месяцев на работе Джейн ушло на то, что на госслужбе называлось «первым повышением»³⁴ — шаг вверх по карьерным ступеням с повышением зарплаты на 23%. «Мисс Батцнер вошла в штат основных сотрудников, готовящих тематические статьи», — писал в октябре 1944 года ее начальник Фриц Зильбер³⁵. Он ставил ей в заслугу «крепкую хватку пропагандиста, способность быстро, качественно и очень хорошо справляться с любым заданием». В рейтинге эффективности, стандартном оценочном листе, дающем характеристику работникам на госслужбе, она заслужила самые высокие оценки и всего пару «удовлетворительно». «Теперь она занималась множеством самых сложных заданий, включая специальные статьи по военной психологии для европейских аванпостов, еженедельную колонку, которая передавалась самолетами в Лиссабон, и спецматериалы, запрашиваемые специально для Испании». Труд Джейн получил высокую оценку. Она работала честно, погружалась «глубоко и качественно в свои темы», легко соглашалась с критикой, и с ней было «невероятно просто работать». Речь шла об очередном повышении, и к концу месяца оно получило одобрение.

В войну все происходило моментально. За ночь вырастали целые фабрики. Офицеры получали звания вне очереди. Как осознает сама Джейн, военное время дало ей и другим женщинам возможности, которых они иначе никогда бы не добились. Социальные ограничения для женщин, как и общие экономические сложности, вызванные Великой депрессией, снимались. Того, что могло в другое время скрыть способности Джейн или помешать их проявить, больше не существовало. Даже один из информантов ФБР в *Iron Age* вынужден был признать, что она «очень способная, интеллигентная молодая леди»³⁶. Ее таланты и острый интеллект были очевидны.

34. «Justification for „Rapid Promotion“», подготовлено Фредериком Зильбером, 3 октября 1944 г., StL.

35. Фриц (Фред) Зильбер смог осенью 1941 года бежать в США из Мюнхена, где он был активным членом местного еврейского сообщества. — *Прим.ред.*

36. LaurenceDiss, p. 74.

Очевидны, по крайней мере, в ее маленьком мирке, в офисе или среди друзей. Джейн было двадцать восемь. Она работала на государственное агентство, — работала хорошо, да, но на обычной работе, в обычном офисе, проводя обычные часы за обычную неплохую зарплату. Она все еще была невидимкой для большого мира слов и идей.

Позднее, когда Джейн уже работала в другом журнале, ее попросят выступить моделью для демонстрации одежды для беременных³⁷, которая, как заверяли читателей, могла придать привлекательность — и Джейн она действительно придала привлекательности. Обычно, правда, она не особенно интересовалась одеждой — или, как сказал ее сын Джим, «миром тряпок». Ее мать вечно убеждала ее одеться понаряднее, уделять больше внимания внешнему виду; Бетти, «исполняющая обязанности» миссис Батцнер, следила за выбором прически, обуви и одежды Джейн. Как сказал Джим, «они не зря беспокоились»: у Джейн отсутствовало какое-либо чувство стиля. У нее были светло-каштановые с коричневатым оттенком волосы, идеально тонкие и прямые, и, как правило, Джейн ничего с ними не делала. Но как тогда объяснить письмо от 1939 года, где Джейн написала матери, что ту новую шляпу она не купила, зато «сделала новую завивку»?³⁸ Джим считает: «Ее мать, должно быть, дала Джейн взятку».

В школьные годы Джейн неплохо плавала. Джим вспоминает, что в 1950-х годах она была прекрасной ныряльщицей, чья ласточка с большой вышки приковывала внимание зрителей своей грациозностью. Джейн была высокой, около 5,9 футов³⁹, трудно не заметить — «настолько выше всех женщин и большинства мужчин, что дети на меня глазели»⁴⁰, — говорила Джейн годы спустя о своем путешествии в Данию. В 1940-е и 1950-е годы она была худой, даже изящной, весила около 140 фунтов⁴¹. Гораздо позже, особенно когда начались проблемы со здоровьем, она стала полной и неповоротливой. Но фотографии и истории из ее юности и ранней зрелости свидетельствуют о достоинстве и самообладании, которые сами по себе могут сделать привлекательной даже самую заурядную внешность.

37. *Matter*, p. 44.

38. Джейн — своей матери, внизу карандашом подписано: от Дж. Дж. Р. Ф. Прайсу, Дорранс и компании, 18 января 1939 года, Columbia University Press Papers, ColumbiaRare.

39. Около 180 см. — *Прим. ред.*

40. Дж. Дж. своей семье, 21 января 1967 года, Burns, 4:7.

41. Около 64 кг. — *Прим. ред.*

Джейн не была красивой женщиной, даже в молодости. Гораздо чаще даже те, кто знал и любил ее, выносили вердикт, непосредственно подчеркивающий очевидный факт: выражаясь словами, которые я слышал регулярно, она «не была красоткой». Кто-то из детей говорил, что она лицом похожа на птицу. У нее были выдающиеся скулы, бесспорно выдающийся батцнеровский нос, скошенный подбородок, широкий рот, а глаза за вечными очками — узкие и маленькие. В усмешке, за которой скрывалось что-то личное, лицо Джейн могло напомнить Мону Лизу. Малейший повод — и она могла разразиться по-юношески вызывающим хихиканьем. Это был неизбежный факт, что женщин непроизвольно судят по их внешности, но факт остается фактом, и готовность как мужчин, так и женщин оценивать внешность Джейн подтверждает эту истину. Но все это не имело особого значения. Любой вынесенный однажды неприятный вердикт почти тотчас же тонул в других ее качествах: ее характер немедленно брал верх, сила ее интеллекта, шутливость, красноречие сметали любые недостатки внешности — они отходили в тень, исчезали за классическим «внешность не самое главное», ведь в случае Джейн внешность действительно *не самое* главное. «Ее не назвать красавицей, — обобщает друг и дальний родственник, — но она была приятной, обаятельной женщиной»⁴².

Воспоминания Джейн об их с Бетти жизни в Виллидж не несут и намек на одиночество — эмоциональное, социальное, сексуальное или любое другое. У нее была неплохая работа, а с конца 1943 года даже отличная. К тому времени она прожила в городе десять лет, познакомилась со множеством людей — редакторов, профессоров Колумбийского университета, металлургов из *Iron Age*, нашла друзей на работе или среди тех, кого узнала через сестру и ее знакомых в Виллидж. Они с Бетти жили в одном из самых процветающих районов, известном раскованными общественными и сексуальными нравами. Сын Джим не охарактеризует в точности ее отношения с мужчинами в эти годы, только скажет, что у обоих родителей было то, что он позаботится назвать, в условных кавычках, «разнообразием привязанностей».

Одним субботним вечером в марте 1944 года Джейн и Бетти проводили вечеринку в своей новой квартире на Вашингтон-плейс, 82 (где Уилла Кэсер написала в 1912 году свой первый роман⁴³). Бетти работала на огромном авиазаводе Грумма-

42. Интервью с Джоном Джекобсом.

43. Уилла Кэсер (Willia Sibert Cather, 1873–1947) — американская писательница,

на⁴⁴ в Бетпаже на Лонг-Айленде, где тысячи рабочих семь дней в неделю сменами по десять часов собирали *Wildcats, F6F* и следующие поколения палубных истребителей для военно-морского флота. Джейн было легко добираться до работы — если не на велосипеде, то на метро по прямой до Колумбус-Серкл. Бетти же приходилось тащиться на остров — сначала на метро, потом по железной дороге Лонг-Айленда. Долгая дорога и многочасовая работа не оставляли много возможностей для общения. Бетти и ее друзья с авиазавода собирались для этого в субботние вечера.

Тем особенным вечером в гости пришел еще один коллега Бетти, Боб Джекобс. «Я вошел, — скажет он позже, — и там была она», Джейн, «в красивом зеленом шерстяном вечернем платье, и я влюбился»⁴⁵.

лауреат Пулитцеровской премии. Канигел имеет в виду ее роман «Мост Александра» (*Alexander's Bridge*, 1912). — *Прим. ред.*

44. См.: Diehl, p. 172–174.

45. *Matter*, p. 12.

Глава 7 «Америка»

БОБ — Роберт Хайд Джекобс-младший — уроженец северного Нью-Джерси, сын инженера метро Нью-Йорка; в возрасте десяти лет ему повезло прокатиться по новой линии метро до того, как она открылась¹. В 1936 году, в девятнадцать лет, он совершил велопутешествие по Европе, увидел вблизи нацистскую Германию. Когда он познакомился с Джейн, то работал на авиазаводе Груммана, участвуя в разработке авиакomпонентов, и жил в отдельной комнате в доме на Лонг-Айленде. Был разгар войны. Как-то в период особенно интенсивной работы, когда она начиналась до рассвета и заканчивалась глубоко после заката, он вообще не видел солнца.

Он был привлекательным парнем с шапкой кудрявых черных волос и обаятельной улыбкой. Его отец, выпускник Корнелльского университета, был истовым прихожанином местной церкви в пригороде и всегда осторожно водил хорошую машину, на которой Боб катался, иногда чересчур быстро, с шестнадцати лет. Старший двоюродный брат, Джон Джекобс, выросший на яблочной ферме на севере штата Нью-Йорк, вспоминает Боба одетым в костюм из тропического волокна, изнеженным, но не избалованным, а несколько более *разборчивым* по сравнению с его неотесанной фермерской частью семьи; он дразнил Боба «неженкой» за то, что тот учил французский. Позже он удивится, узнав что до Джейн Бен был романтически увлечен молодой художницей — «сущей чертовкой», вызывавшей беспокойство у консервативной семьи Боба.

Но теперь Боба внезапно и безвозвратно поразила Джейн. Встретив ее на вечеринке, он позвал ее на свидание в следующую

---

1. Интервью с детьми Боба, его кузеном Джоном и его женой Катей, и другими членами семьи и друзьями; неформальная хронология от его внучки Кейтлин, Bugns, 22; биографические списки, включая *American Architects Journal*, 2nd ed., 1962; некролог в *Villager*, September 25, 1996; Robert Fulford, «„Lives Lived“: Robert Hyde Jacobs», *Globe and Mail*, September 24, 1996; Sid Adilman, «Robert H. Jacobs, 79, Hospital Architect», *Toronto Star*, September 19, 1996.

ший уикенд. Они поднялись на крышу отеля Саттон² на 55-й Восточной улице к востоку от Второй авеню, высотой в восемнадцать этажей над Ист-Ривер. Там Боб сделал ей предложение.

Они познакомились всего неделю назад.

«Она отказала, — будет вспоминать Боб, — но очень любезно».

В следующую среду она позвонила ему на работу. «Ты не передумал?» — спросила она. Он не передумал.

«А я передумала».

Обручальное кольцо, которое он подарил, как гласит семейная история, было сделано из хомута или само *было* хомутом, вероятно, позаимствованным из цеха на заводе Груммана³. Но помолвка в любом случае была недолгой и могла стать еще короче, если бы Боб не подумал, что Джейн надо познакомить с родителями; учитывая столь стремительный роман, они могли переживать, что она беременна.

Как давно они познакомились? — спросили они.

«Ну, — ответил он и глазом не моргнув, — я знаю ее сестру почти год»⁴. Этот ответ, очевидно, удовлетворил маму и папу.

Негромкая свадьба прошла в родном доме Джейн на Монро-авеню в Скрантоне⁵. Гостиная была украшена сиренью и розами. Джейн надела белое платье, длиной чуть ниже колена, отделанное бирюзой и фуксией.

Миссис Джон Декер Батцнер
Объявляет о бракосочетании ее дочери
Джейн
с мистером Робертом Хайдом Джекобсом-младшим
в субботу, двадцать седьмого мая
тысяча девятьсот сорок четвертого года,
Скрантон, Пенсильвания⁶

Это было за две недели до дня «Д», высадки союзников в Нормандии, через два месяца после знакомства. Медовый месяц они провели, путешествуя на велосипедах по северной Пенсильвании и югу штата Нью-Йорк.

«Он, по общепринятым меркам, был красив. Она, по общепринятым меркам, не была красивой», — вспоминает жена Джона Джекобса, Катя, анализируя их брак с высоты шести десятков

2. Harvey, p. 36.

3. Интервью с Джимом Джекобсом.

4. Интервью с Джимом Джекобсом.

5. Matter, p. 42–43.

6. Burns, 38:4.

лет⁷. «Она обладала исключительными умственными способностями, и он это признавал». Он происходил из «хорошей семьи, хорошо выглядел, и это ей льстило». Можно взглянуть на это так. Но можно и иначе: сквозь лихорадку своего романа они могли разглядеть глубокую гармонию духа, которая так хорошо и долго им прослужит. Не помешало и то, что к тому времени Джейн было почти двадцать восемь, она жила в Нью-Йорке десять лет и кое-что уже знала о себе и мире. «Их быстрое сближение было предметом зависти и удивления знакомых»⁸, — утверждалось в одном из восторженных некрологов Боба Джекобса; и здесь, кажется, удалось уловить самую важную правду об их браке — они были лучшими друзьями, наперсниками, им было уютно друг с другом, они делились мыслями и полезными идеями всю свою жизнь. При других обстоятельствах, позже рассказывала детям Джейн, она могла оставить девичью фамилию. Но учитывая ее слабость к аллитерациям, как она могла прожить жизнь *не* под именем Джейн Джекобс?⁹

Боб был по образованию архитектором. После двух лет в Бард-колледже он пошел в Школу архитектуры Колумбийского университета, где в стандартный набор дисциплин входили дизайн, начертательная геометрия, технологии строительства, история архитектуры и сопротивление материалов¹⁰. Получив степень бакалавра архитектуры в июне 1942 года, он не пошел тотчас же работать архитектором. Он нашел надежную профессиональную нишу, когда ему было уже хорошо за тридцать.

Прежде всего на карьеру Боба свои суровые ограничения наложила война. На заводе Груммана он работал над множеством конструкторских проектов. В одном из них надо было переделать образец устройства для сбора мочи пилотов так, чтобы телесные отходы текли из самолета наружу, а не заливали кабину¹¹. Другим проектом была разработка дополнительного топливного бака. Прототип предполагалось сделать из листового металла, но необъяснимым образом чертежи попали в литейный цех, где их использовали, чтобы сделать тяжелую деревянную модель для литья металла. *Unc.* Когда ошибка обнаружилась, Бобу разрешили взять бесполезную модель домой, где она использовалась в качестве дверного стопора.

7. Телефонный разговор с Катей Джекобс.

8. Robert Fulford, «„Lives Lived“: Robert Hyde Jacobs», *Globe and Mail*, September 24, 1996.

9. Интервью с Джимом Джекобсом.

10. Columbia University School of Architecture, программа, 1930-е годы.

11. Интервью с Джимом Джекобсом.

После войны Боб учился истории искусств в Городском колледже Нью-Йорка. В статье для *College Art Journal* он описал метод преодоления рабского почитания слов и символов, с которым большинство студентов приходили на учебу. «Мы рискуем, — писал Боб, — позволить вербализованным символам подавить, сгладить и даже опровергнуть непосредственные данные, на самом деле поставляемые нашими органами чувств»¹². Предложенные им простые упражнения — например, использовать пары Г-образных картонок как складную рамку вокруг изображения — предназначались для того, чтобы заставить студентов просто видеть то, что перед их глазами. Им следовало выйти за рамки «мифов», связывающих, скажем, красный цвет с «кровью, смелостью, войной». Надо «использовать глаза как прямой инструмент мозга». На самом деле, похоже на Джейн в «Смерти и жизни больших американских городов». Повлияла ли она на Боба? Или Боб повлиял на нее?

Боб сконструировал множество умных приспособлений для их дома, начиная с кухни, где повар оказывался главным героем, и заканчивая таксофоном в гостиной. Он был таким же общественным активистом, как и Джейн, в Виллидж и позже, в Торонто. Он был мастером на все руки и художником, внимательным исследователем человеческой натуры; он мог встречать людей холодно, вспоминает дочь, заставляя их чувствовать себя особенными, учиться у них. Друзья с интересом слушали, как он рассуждает на близкие ему темы, включая работу; но, возможно, они слушали его с гораздо большим интересом, когда он оставался один; рядом с Джейн, говорит Катя Джекобс, он скорее «уходил в тень». Джейн была, по общему мнению, «первой леди», а Боб сравнительно сдержан. «Боб был чудесным, — рассказывает Декер Батцнер, сын Джона, брата Джейн, чьи ранние воспоминания о Бобе и Джейн переносят нас в 1950-е годы. Он знал обо всем, мог говорить обо всем, держался спокойно и непринужденно. «И он нисколько не переживал, что играет вторую скрипку рядом с Джейн»¹³.

Конечно, все так и было.

Чтобы отпраздновать вторжение союзников в Европу 6 июня 1944 года, мэр Нью-Йорка Фьорелло Ла Гуардия прика-

12. Robert Hyde Jacobs Jr., p. 107.

13. См. также: Sid Adilman, «Robert H. Jacobs, 79, Hospital Architect», *Toronto Star*, September 19, 1996: «Он предпочитал быть на заднем плане, особенно если дело касалось работ и славы его жены. „Я знаю, что моя жена более знаменита, чем я, — говорил он другу тем летом. — Я горжусь этим и я так горд за нее“».

зал вернуть ночное освещение после долгих лет военного блэкаута. Ньюйоркцы из многоквартирных домов и городских особняков высыпали на крыши, чтобы насладиться зрелищем. «Неожиданно весь контур Нью-Йорка взорвался ослепительно ярким светом», — вспоминал писатель Пит Хэмилл¹⁴, тогда девятилетний бруклинский мальчик: «блистательный, сверкающий, пульсирующий в своем триумфе. Толпы на крышах взревели. Они ревели на крышах по всему Бруклину, на улицах, на мостах, весь город ревел, видя яркий свет»¹⁵.

По мере продвижения союзников по Европе и успехов американцев на Тихом океане война приближалась к завершению. Ближе к концу войны Джейн получала сообщения порой от дюжины репортеров одновременно. Конечно, некоторые из них были не очень хороши, и ей приходилось задерживаться допоздна, чтобы довести их до ума. «Они работали так быстро!» — скажет она¹⁶. Но «у меня уходило столько времени, чтобы переписать то, что они написали». Она старалась сплести некоторых из них в другие отделы, пока не осталась только она одна и еще один самый способный сотрудник. Теперь она была начальником, но, очевидно, не слишком хорошим. Сын Джим говорит: «Она не была ни лидером, ни организатором, ни руководителем».

Но Джейн не пришлось терпеть эту роль слишком долго. Вскоре ни у кого в УВИ особенно не осталось работы, поскольку война заканчивалась¹⁷. Сотрудники могли поздно появляться на работе и весь остаток дня обсуждать послевоенный мир — они называли его *PWW*¹⁸ — делиться надеждами, мечтами и перспективами трудоустройства, думать о рекламном агентстве, которое создадут, или о романе, который напишут.

Однажды, вероятно в конце 1945 года, квартира на Вашингтон-плейс, где впервые встретились Боб и Джейн, стала местом проведения другой вечеринки¹⁹, в этот раз присутствовали многие из семейства Батцнеров. Там были младший брат Джейн Джим и его жена Кей, влюбленные со школьной скамьи и поженившиеся в 1942 году. Был и Джон, только что демобилизовавшийся после трех с половиной лет армейской службы метео-

14. Пит Хэмилл (Pete Hamill, 1935) — известный американский журналист и писатель, в центре творчества которого находится жизнь Нью-Йорка. — *Прим. ред.*

15. Pete Hamill, *A Drinking Life: A Memoir* (Boston: Little, Brown, 1994), p. 50.

16. Harvey, p. 37.

17. Интервью с Джимом Джекобсом.

18. *PostWar World*. — *Прим. пер.*

19. Этот сюжет взят из: *Matter*, p. 45.

рологом на Аляске. Пришли коллеги с завода Груммана, которых Боб и Бетти давно хотели позвать в гости. Среди них была стильная высокая стройная молодая выпускница Барнард-колледжа из нью-йоркского Статен-Айленда. Она поступила в аспирантуру по изобразительному искусству в Йель, но война сорвала ее планы, отправив на авиазавод Груммана, где она работала чертежником. Ее звали Виола Питерсон, но все называли ее Пит. Бетти она нравилась. Джейн она нравилась. Бобу она нравилась. Все, что они видели в Пит, убедило их, что она создана для Джона. Джейн вспоминала: «Мы хотели ее в свою семью».

Эти двое, Джон и Пит, на самом деле уже встретились на другой вечеринке, но поговорить у них не получилось. Как тогда поспособствовать многообещающему роману, который не мог пустить ростки? План придумал Боб. К ним в гости приехала из Виргинии Элизабет, дочь дяди Билли Батцнера. Конечно, нужно было запечатлеть это событие на фото! Поэтому вся вечеринка, все эти Батцнеры прошли на крышу, где их искусно расставили перед камерой: впереди в брюках и пиджаке села Джейн, Боб присел рядом с ней. На заднем плане — Элизабет из Виргинии; брат Джим, возвышавшийся над всеми с женой Кей в миленьком платье в цветочек; в центре Бетти, выглядящая величественно; Джон в военной форме курит сигарету; и Пит с большой копной черных волос позади, рядом с ним. Ни намек на трудности войны, все хорошо одеты и причесаны, выглядят прекрасно, построены перед камерой, *целк*. Готов кадр для потюмок...

И теперь план Боба пришел в действие. Он подвел Джона и Пит к парапету на скате крыши и стал показывать пейзажи Нью-Йорка. Но за спиной подавал сигналы рукой Джейн и другим, прогоняя их с крыши. «Вот мы все и ушли», — вспоминала Джейн. Боб обратил внимание пары на какой-то пейзаж, а потом тоже тихо удрал, заперев за собой дверь на крышу. Пит и Джон застряли там наедине друг с другом, гадая, как им спуститься вниз.

Джон предложил Пит первой спускаться по пожарной лестнице; как женщина, она меньше могла напугать того, кто увидит их здоровые силуэты в своем окне. В конце концов они встретили кого-то, кто поверил в их историю, открыл окно и пустил их внутрь. К тому времени, конечно, они были уже друзьями, жертвами дьявольской уловки Боба, бесстрашными искателями приключений.

25 мая 1945 года, за три месяца до окончания войны, они поженились. Джейн вспоминала: «Все сработало именно так, как сказал Боб».

В августе атомные бомбы стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки. В сентябре Япония капитулировала. Солдаты, моряки и летчики отправились домой. Большой военный механизм, построенный из людей и машин, чтобы одержать победу над Германией и Японией, начал распадаться. Вскоре волна бумаг, пронесшаяся по раздутой войной федеральной бюрократии, сообщила сотням тысяч государственных служащих о том, что работы больше нет. Среди них была Джейн.

Как многие безработные авторы, что тогда, что сейчас, Джейн стала фрилансером²⁰. Это слово иногда означает просто временно безработного писателя или графомана, который писательством никогда не заработает ни цента. Но может значить именно то, что значит: независимый автор по найму, которому платят за статью, эссе или книгу. Это может быть пугающим опытом: вы переживаете отказы, ваш доход зависит от капризов редакторов и неясного вам самим уровня собственной смелости, навыков и усердия. С другой стороны, вы встречаетесь с людьми, которых в обычной жизни не встретили бы, посещаете места — географические, мыслимые или воображаемые, — куда иначе бы не попали. Одно из первых заданий Джейн привело ее на юг Тихого океана, пусть только в воображении.

Еще до Перл-Харбора австралийский военный флот сформировал сеть миссионеров, фабрикантов, шахтеров и госслужащих, которые всю войну на Тихом океане, окруженные японской армией и военно-морским флотом, направляли информацию об их передвижениях союзникам. Главой был Эрик А. Фелдт, австралийский морской офицер, написавший книгу об их подвигах под названием «Береговые наблюдатели»:

Это история о промокших, едва освещенных лагерях в джунглях, о спрятанных на верхушках деревьев наблюдательных пунктах; о беззвучных подлодках, ссаживающих горстку бесстрашных мужчин на вражеские пляжи под покровом ночи; об американских летчиках, таинственно спасенных с занятых врагом островов, окруженных вражескими морями²¹.

Это цитата с первой страницы книги Фелдта, но вряд ли он написал эти или любые другие строки. Потому что в 1945 году издательство Фелдта, *Oxford University Press*, попросило Джейн взять то, что она назовет «огромной кучей хаотичной инфор-

20. В заявлении Джейн на федеральное трудоустройство от 8 сентября 1949 года, Приложение С, StL, она указывает на период фриланса.

21. Eric A. Feldt, *The Coast Watchers* (New York: Ballantine Books, 1959), p. 7 (первая публикация Oxford University Press, 1946).

мации», и сделать из этого книгу. Джейн напишет о Фелдте: «Он не был профессиональным писателем». Она знала наверняка, ведь сама она теперь им была. Вот почему она получила эту работу и вот почему без проблем получала другие.

Работы, за которые Джейн бралась в 1946 году, едва ли могли быть более разнообразными. Она писала пресс-релизы о кожаной обуви для рекламных агентств и о рождественских обычаях. Редактировала книгу загадок и учебник по порошковой металлургии — видимо, плод ее связей в *Iron Age*.

Джейн написала статью о прибрежных островах Новой Англии, Виргинии и Северной Каролины. «Некоторые выглядят как аккуратно вырезанные рождественские пряники. Некоторые — как разбросанные кексы, а некоторые — как старомодные золоченые карамельные палочки. Они рассыпаны вдоль нашего атлантического побережья — зеленые и коричневые острова, окраина континента», как остров Танжер в Чесапикском заливе или Окраок в Северной Каролине²². Статья предназначалась для *Harper's Bazaar*, журнала мод; она практически обязана была стать зачаровывающей — и так и было. Но и содержательной тоже: Джейн выбрала острова для своего повествования, исследовала их историю, вникла в жизнь их жителей.

Это можно сказать обо всей ее жизни: ее привлекали изобретения, новинки и способы заработать на жизнь. Она писала об острове Танжер:

Годами краболовы делали собственные крабовые ловушки из проволочной сетки, простые, но оригинальные. Несколько лет назад к ним пришел человек с материка, сказав, что он сын покойного изобретателя ловушки, и теперь они должны ему платить ежегодное роялти: по четыре доллара с каждого. С тех пор каждую весну он появлялся и собирал дань. Краболовы не видели ничего удивительного в том факте, что эта нехитрая сделка совершается без агентов, юристов, чеков и других атрибутов, и они охотно платили каждый год. «Это отличная ловушка, — поясняли они. — Хорошую вещь его отец придумал»²³.

Когда Джейн подсчитала свой доход после девяти месяцев фриланса, в среднем получилось 88 долларов в неделю²⁴ — гораздо больше, чем она зарабатывала в *Iron Age* или в УВИ. Однако в октябре она пошла на другую государственную работу,

22. *Matter*, p. 38.

23. Jane Jacobs, «Island the Boats Pass By», *Harper's Bazaar* (July 1947), p. 79.

24. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение А, StL.

обозревателем в журнал «Америка»²⁵, который издавал Госдепартамент США для читателей в Советском Союзе. Джейн снова стала пропагандистом.

Когда война завершилась, кончилось и действие огромного объединяющего людей фактора — необходимости одержать победу над нацистской Германией и имперской Японией. Мир снова раскололся надвое, и на этот раз линия разлома прошла между СССР и США, Востоком и Западом, коммунизмом и капитализмом. Во время войны Соединенные Штаты выступали, пусть и неохотно, союзниками страны Советов. Но послевоенное разделение Германии на советскую и западную зоны, взятие Советами под контроль Польши, Венгрии, Румынии и других восточноевропейских стран, бряцание ядерным оружием, риторические финты, уколы, гневные взаимные обвинения поставили мир на край катастрофы — порой, как, например, в Берлине в 1948, Венгрии в 1956, на Кубе в 1962 году, холодная война не на шутку угрожала стать горячей.

«Америка», большое глянцево издание, в которое Джейн пошла работать в конце 1946 года, и его безвкусный двойник, *Soviet Life*²⁶, воплощали это геополитическое разделение. Учитывая нестабильные отношения между сторонами, удивительно, что соглашения издавать парные журналы вообще было достигнуто. Но все же это случилось, по договоренности между послом США Авереллом Гарриманом и его советским коллегой, министром иностранных дел Вячеславом Молотовым в 1944 году. Обе страны выполняли договоренность с трудом, но более или менее исправно в те годы, когда Джейн работала в «Америке». Конечно, оба издания занимались пропагандой. Но если взглянуть на это через розовые очки — оба журнала пытались не выходить за цивилизованные рамки в своей

25. Сюжет взят из визуального обзора выпусков на русском языке того периода, когда Джейн работала в журнале; переписка и другие документы, CollPark, по большей части RG 9 P 316, Boxes 3 and 4; Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение А, StL; Elise Crane, «The Full-Format American Dream: Amerika as a Key Tool of Cold War Public Diplomacy», *American Diplomacy* (January 2010); Creighton Peet, «Russian „Amerika“, a Magazine About U. S. for Soviet Citizens», *College Art Journal* (Autumn 1951), p. 17–21; Andrew L. Yarrow, «Selling a Vision of American to the World: Changing Messages in Early U. S. Cold War Print Propaganda», *Journal of Cold War Studies* (Autumn 2009), p. 3–45.

26. Журнал издавался в США с перерывами с 1956 года, менял названия с *The USSR* на *Soviet Life* и ныне выходит дважды в месяц под названием *Russian Life*. — Прим. ред.

пропагандистской работе, тем самым, быть может, делая мир чуточку безопаснее.

Идеи статей курсировали взад и вперед между редакциями «Америки» в Нью-Йорке и Москве, что-то доходило до печати, что-то нет: статья о летнем отдыхе в Америке; еще одна — о Роберте Оппенгеймере, физике; статья о городской средней школе (последняя была «особенно хорошей работой»²⁷, писал в Нью-Йорк в начале 1948 года помощник сотрудника по культуре в посольстве США в Москве, «и большая заслуга принадлежит Джейн Джекобс», ее автору); статья о типичном американском маленьком городке. Статьи о чемпионате по бейсболу, американской оптической индустрии, о сердце Канзаса, о современном искусстве. Джейн предложила статью о словарях, что переросло в идею о языке американцев. «Мы думаем, что это возможно, непреодолимых переводческих проблем не возникнет, — писала редактор „Америки“ Марион Сандерс. — Задумка в том, чтобы передать кое-какое представление о богатстве и гибкости нашего языка»²⁸. Конечно, такие слова как *juke-box*, *short-order cook* и *swing band*²⁹, доставляли достаточно неприятностей переводчикам журнала в Москве³⁰.

Логистика выпуска «Америки» была внушительной. Статьи писались на одном языке, а читались на другом. Две редакции находились за полмира друг от друга. Советская цензура всегда вызывала обеспокоенность. В июне 1947 года редактор Сандерс, выпускница Уэлсли, закончившая также Школу журналистики Колумбийского университета, «энергичная, бойкая жительница Нью-Йорка»³¹, как отозвался о ней один сослуживец, попыталась объяснить посольству США в Москве, как работает нью-йоркская сторона. В четырехстраничном докладе она описала «жизненный цикл» статьи об американских кафетериях, написанной Джейн Джекобс³².

Джейн, будучи одной из трех штатных обозревателей, представила письменный план. На редакционной планерке в понедельник ей разрешили приступить к реализации этого предложения. Через неделю она подготовила рукопись, которую

27. Джозеф О. Хэнсон — Марион Сандерс, 12 марта 1948 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

28. Марион К. Сандерс — Джорджу А. Моргану, 3 декабря 1948 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

29. Музыкальный автомат, фаст-фуд, свинг-бэнд. — *Прим. ред.*

30. *Рецт*, p. 19.

31. Телефонная беседа с Джоном Джекобсом.

32. Марион К. Сандерс — Мелвиллу Дж. Раггелсу, 27 июня 1947 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

отправили на рецензирование в посольство в Москву; еще один экземпляр послали менеджеру кафетерия на проверку технических ошибок. Джейн подобрала подходящие иллюстрации и теперь составляла подписи к двум дюжинам из них. Когда перевод текста и подписей вернулся из Москвы, русскоязычный редактор в нью-йоркском офисе прошелся по ним, чтобы «выловить в тексте блох». Вскоре работу передали наборщику, и оттуда она перешла в бесконечную канитель правок и переделок эпохи доцифровой печати.

Обозреватели и редакторы «Америки» хорошо знали своих русских читателей. «Комментарии читателей, — отмечалось во внутреннем докладе, — показывают, что в журнале не следует представлять слишком концентрированную дозу наиболее удивительных (для советского читателя) аспектов американского жизненного стандарта. Этому просто не верят»³³. Современные кухни? Наручные часы у простых фабричных рабочих? Частные самолеты для отдыха? Писать для «Америки» означало видеть каждое слово глазами читателя в Москве или Ленинграде. Подготовленный Джейн в конце 1940-х годов доклад о ее обязанностях показывает, что она хорошо понимала этот психологический нюанс своей работы. Ее задача, писала она, — «создать точное желательное впечатление для русской читательской аудитории... крайне дезинформированной взглядом собственной прессы на Америку»³⁴. Щекотливые темы, например американскую экономическую систему, следует «рассматривать избирательно и рассудительно, чтобы убедить, а не оттолкнуть». Это пропагандист за работой. Но и автор, стремящийся достучаться до своих читателей.

В сентябре 1948 года Джон, старший кузен Боба Джекобса, недавно вернувшийся со службы с юга Тихого океана и не удовлетворенный попытками выучиться на юриста и заработать в рекламе, поступил на службу в «Америку». Он вспоминает, что был «представительным молодым человеком», самостоятельным, жил со своей женой, Катей, в Виллидж недалеко от Джейн и Боба. «Почему бы тебе не прийти сюда поработать?»³⁵ — предложила Джейн, имея в виду «Америку». Он пришел на собеседование, и его взяли; он честно мог заявить, что в его семье не было коммунистов, потому что его брат, Эдвард,

33. Memo, «Reader Reaction — Regarding the Problem of Credibility», March 11, 1949, RG 59, P 316, Box 2, CollPark.

34. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение А, р. 2, StL.

35. Телефонная беседа с Джоном Джекобсом.

коммунист, член интербригады имени Авраама Линкольна, погиб на Гражданской войне в Испании.

«Это была отличная работа, — говорит Джон Джекобс об „Америке“, — с интересными темами статей и месяцем на их подготовку». Он написал статью о современном искусстве, познакомился с одним из де Кунинггов³⁶. «Я был доволен как слон». Он и его коллеги «осуществляли благое дело, снабжая бедных русских» полезной и верной информацией. А Джейн была «лучшим редактором, который у меня когда-либо был». Однажды ему поручили написать «мрачную статью о Нью-Йорке в духе Э.Б.Уайта³⁷, и я понял, что ничего не получается». Он принес ее Джейн. Когда она ее закончила, получилось именно то, чего он хотел, но не был способен сделать сам. «Когда Джейн за что-то бралась, — говорит он, — это всегда доводилось до ума», доделывалось до конца так, что можно было больше вообще не беспокоиться.

В УВИ Джейн имела недолгий и неудачный опыт руководства. Но теперь, повзрослев на пару лет, она лучше справлялась с этой ролью. Рейтинги эффективности государственных служащих обычно разделялись на две колонки — в левой сама работа, в правой — административная составляющая и руководство. Теперь, в августе 1950 года, Джейн впервые высоко оценили по обоим административным показателям. Она все еще считалась обозревателем, но теперь у нее было пять младших репортеров в подчинении. Фрилансеры тоже отчитывались перед ней. В целом, по ее оценкам, ей приходилось руководить три четверти рабочего времени³⁸.

К середине 1948 года геополитический конфликт, благодаря которому появились на свет журналы «Америка» и *Soviet Life*, впервые добрался до личной жизни Джейн.

Коммунизм стали рассматривать в Америке не только как внешнюю угрозу, но уже и как внутреннюю, со шпионами и «попутчиками», которых видели или воображали везде; па-

36. Виллем де Кунинг (Willem de Kooning, 1904–1997) и его супруга Элен де Кунинг, в девичестве Фрид (Elaine de Kooning, 1918–1989) — известные американские художники, представители абстрактного экспрессионизма. — *Прим. ред.*

37. Элвин Брукс Уайт (Elwyn Brooks White, 1899–1985) — американский писатель, публицист, эссеист, лауреат Пулитцеровской премии, более полувека был постоянным автором журнала *The New Yorker*. В 1949 году он опубликовал небольшую книгу «Это Нью-Йорк» (*Here Is New York*), в которой жизнь жителей города представлена в мрачном свете. — *Прим. ред.*

38. Заявление на федеральное трудоустройство, 8 сентября 1949 г., Приложение А, р. 6, StL.

триотизм и лояльность следовало подтверждать, а не принимать на веру. На фоне ошеломительной победы республиканцев на выборах в Конгресс в 1946 году президент Трумэн, вынужденный противостоять критике правых антикоммунистов, в 1947-м издал Исполнительный приказ № 9835 о проверке лояльности большинства федеральных служащих, и если найдутся «серьезные основания» считать, что ты не лоялен правительству, ты лишился работы.

В соответствии с приказом Трумэна Джейн, сотрудник Государственного департамента, должна была заполнить довольно рутинную, на первый взгляд, форму, «Запрос данных по расследованию», предоставляющую правительству средства для проверки лояльности и политкорректности: перечислить места работы и жительства за последние десять лет, имена и адреса друзей, соседей и коллег. За этим последовала серия полевых расследований ФБР, проведенных в течение трех месяцев в конце лета и начала осени 1948 года, результаты которых содержали отчеты о Джейн, и тринадцать из них — от агентов из Филадельфии, Нью-Йорка, Цинциннати, Вашингтона, Нью-арка, Бостона и других городов.

Большинство из тех, кого опросило ФБР³⁹, назвали Джейн лояльной, заслуживающей уважения, патриотичной, то есть, как написано в одном докладе, «добропорядочной и с хорошей репутацией». Но некоторых она неизбежно раздражала. Ее свободолюбие не укрылось от проныр, живущих по соседству. ФБР узнал, что когда-то Джейн и Боб подавали документы на визу, чтобы съездить в Сибирь. Кто-то из бывших коллег Джейн по *Iron Age* пожаловался ФБР, что она была нарушителем порядка. Первый работодатель Джейн в Нью-Йорке, Роберт Хемфилл, описан в рапортах как «богатый папик»⁴⁰; утверждалось, что женщины из семьи Батцнеров — его любовницы, троих из них видели жители соседних квартир: мол, сидят там жаркими летними днями полуголые⁴¹. Информантов ФБР, называвших Джейн «либералкой», иногда спрашивали, а что именно они под этим подразумевают? Один сказал, что

39. Информация взята из 258-страничного досье Джейн Батцнер Джекобс, полученного по запросу в соответствии с Законом о свободе информации, июнь 2014 года. Нижеследующие цитаты, как правило, даются так: дело №, местное отделение и дата.

40. ФБР, дело № 123-252, Нью-Йорк, 8 сентября 1948 г. «Мистер Робертс», процитированный в этом отчете, согласно Джиму Джекобсу, — Роберт Хемфилл. См. также: ФБР, дело № 123-245, Цинциннати, 13 сентября 1948 г., отсылающее к Хемфиллу.

41. ФБР, дело № 123-252, Нью-Йорк, 8 сентября 1948 г.

«она имела собственное мнение и могла не считаться с мнением других... [и] не питала интереса к деятельности Коммунистической партии или групп Коммунистического фронта, она была человеком, которому никакая партия не могла диктовать как жить, будь то коммунисты или фашисты». *Верно подмечено*. Другой сказал, что для него «либеральный» означает коммунистические склонности — хотя он признал, что «у него нет причин это утверждать»⁴², кроме того, что Джейн жила в Гринвич-Виллидж, а ведь все знают, что там живут коммунисты, и он слышал, что она что-то такое говорила, хотя не помнит, что.

Годы спустя, на фоне нападков на вьетнамскую войну, критики, считающие, что Соединенные Штаты ведут себя как полицейское государство, прозвали их журнал — с намеком на отдающее тоталитаризмом немецкое произношение — *Amerika*.

19 июля 1948 года Джейн было отправлено письмо от Кэрролл Сент-Клэр, действующего председателя Комиссии по проверке лояльности Государственного департамента, с требованием ответить на множество своеобразных вопросов. Письмо, вероятно, дошло до нее в среду 20-го. К пятнице она написала трехстраничный ответ⁴³. Нет, она была не профоргом в *Iron Age*, а просто членом профсоюза. Они с Бобом действительно подавали запрос на поездку в Сибирь. Она не придерживалась линии коммунистической партии во время войны. Она никогда не подписывалась на *Daily Worker*, газету коммунистической партии США, никогда не состояла в коммунистической партии, никогда не была связана с ней и не была членом или участником какой-либо организации, «симпатизирующей» коммунистической партии.

Последним словом в деле Джейн 1 февраля 1949 года было, что ФБР раскрыло некую «неблагоприятную информацию, относящуюся к характеру или годности субъекта» к службе, но все же она имеет «допустимый уровень лояльности и безопасности». Поскольку большая часть тревожной информации относилась к 1943 году, теперь это «признано незначительным».

Кажется, так и есть.

42. ФБР, дело № 123–252, Нью-Йорк, 8 сентября 1948 г.

43. Дж. Дж. — Кэрролл Сент-Клэр, 22 июля 1949 г., с прикрепленными «Ответами на опросник»: «Answers to Interrogatory for Jane Butzner Jacobs», Burns, 5:4.

В то же время, когда проходило расследование о лояльности Джейн Америке, она получила тяжелый удар с другой стороны, от русских:

Давно известно, что издающийся на русском языке лживый журналчик «Америка» преследует цель — обмануть читателей, создать у них неверное представление о современном положении в США, замаскировать империалистическую политику Уолл-стрита и всячески превозносить «достижения» Америки⁴⁴.

Это было 16 сентября 1949 года, и В. Кусаков⁴⁵ из Академии архитектуры СССР использовал страницы газеты «Известия», представлявшей взгляды советского правительства, чтобы разнести два последних выпуска «Америки». Оба содержали статьи об американской архитектуре, написанные Джейн Джекобс.

---

44. Василий Кусаков, «Американские горизонты», *Известия*, 16 сентября 1949 г., № 219 (10059), с. 3; с приложенным «Анализом критики» за авторством Р. С. Коллинза, для служебной записки, посольство США, 27 сентября 1949 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

45. Кусаков Василий Михайлович (1906–1953) — советский архитектор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР. — *Прим. ред.*

Глава 8 Trushchoby

НА ОБЛОЖКЕ две маленькие девочки в коротких платьицах и черных лакированных ботиночках, с лентами в волосах, с сияющими лицами стоят рядом друг с дружкой на качелях, на детской площадке, и будто взлетают в небо самого синего цвета¹. Это 29-й номер журнала «Америка», который советские читатели получили, вероятно, летом 1949 года, он рассказывает бодрые американские новости. Передовица номера озаглавлена «Новые горизонты в архитектуре США»². Ее написала Джейн Джекобс. В статье было множество изображений американских домов и архитектурных сооружений, построенных на широкой американской равнине и отражающих здоровый и жизнеутверждающий американский дух: уютные дома, обшитые вагонкой; старая постройка из необожженного кирпича на Юго-Западе; плотина, зерновой элеватор, башня электропередач; чикагская архитектурная школа конца 1800-х годов. И, конечно, этот супергерой американской архитектуры, Фрэнк Ллойд Райт, с Домом над водопадом³ и другими архитектурными триумфами; на одном снимке он стоит возле первоначального макета музея Гуггенхайма, за годы до того, как его культовая спираль возвысится над Пятой авеню в Нью-Йорке. Следующий номер «Америки» со второй частью статьи⁴ был проиллюстрирован изображением современной школы, современной больничной палаты — от-

-
1. Редакция журнала поясняет: «в жизнерадостной сценке фотограф передал настроение старой детской песенки, начинающейся словами: „Взлетайте, качели, до синего неба“». — *Прим. ред.*
  2. «Новые горизонты в архитектуре США. Векания времени отражаются в стиле зданий», *Америка. Иллюстрированный журнал*, № 29, 1949, с. 2–11. Авторство этой, как и большинства других статей журнала «Америка», не указано. — *Прим. ред.*
  3. В журнале он назван «Падающие воды». — *Прим. ред.*
  4. «Новые горизонты в архитектуре США. Теория и практика в наши дни. Архитектор и его работа», *Америка. Иллюстрированный журнал*, № 30, 1949, с. 26–35. — *Прим. ред.*

крытые перспективы и свободный обзор, — гостиной пригородного дома представителей верхнего среднего класса — камин, кресла, большие стеклянные окна, — как будто приглашающей читателя ступить в раздвижную стеклянную дверь и с коктейлем в руке удобно устроиться в новой послевоенной Америке.

Но у товарища Кусакова, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР, ничего этого нет. В своем очерке в «Известиях» Кусаков описал одно здание, восхваляемое в статье Джейн, как «уродливую плоскую стальную коробку, мертвую и безрадостную по архитектуре»⁵, оценив студию Райта и экспериментальный поселок Талиесин⁶ как «чудовищную вариацию доисторических пещерных построек и современных хижин». Но не *архитектура* так вдохновила его на праведный коммунистический гнев. Скорее та часть архитектурной среды, которой Джейн едва ли касалась вообще, — а именно жилищные условия американцев, факты, которые «полностью разоблачают лжецов из редакции журнала „Америка“».

В американских городах, писал советский архитектор, шесть миллионов квартир и домов представляют собой трущобы. В одном только Нью-Йорке в трущобах обитает полмиллиона семей. «Районы нищеты» занимают более двенадцати квадратных миль в Чикаго. В стране полмиллиона семей проживает в автоприцепах. На каждом шагу можно наблюдать «ужасающие картины жестокого все нарастающего жилищного кризиса, который переживает город Америки». Американский капитализм «обрекает большинство населения на прозябание и вымирание в зловонных клоаках, в трущобах, лишенных воздуха, солнечного света, зелени. Колоссальный, все растущий процент смертности в трущобах американских городов является убийственным приговором „американскому образу жизни“ и той человеконенавистнической „культуре“, которой он рожден».

В Америке *действительно* был жилищный кризис; поэтому весь пропагандистский посыл статьи в «Известиях» до некоторой степени был справедлив. После катастрофичных почти двух десятилетий депрессии и войны большая часть жилья находилась в плохом состоянии; треть домов в стране, как утвер-

5. Василий Кусаков, «Американские горизонты», *Известия*, 16 сентября 1949 г., № 219 (10059), с. 3; с приложенным «Анализом критики» за авторством Р. С. Коллинза, служебная записка, посольство США, 27 сентября 1949 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

6. Загородная резиденция Фрэнка Ллойда Райта, построенная им в 1911 году в стиле «домов прерий» и названная в честь персонажа кельтской мифологии. — *Прим. ред.*

ждалось, полностью лишилась водопровода. Во время войны рабочие верфей и военных заводов были рады просто найти любую крышу над головой, хоть какой-нибудь угол; никто ничего не строил и не ремонтировал. Один автор опишет послевоенную разруху как «наследие строительного бума 1890-х годов» и начала XX века, старые здания с тех пор пришли в упадок. В 1949 году американские газеты сообщали о новом проекте федерального закона, который обеспечит строительство муниципального жилья и очистит города от трущоб; какую-то статистику Кусаков взял из дискуссий об этом законе.

Не важно, что Советы были в еще худшем состоянии. Как отметил сотрудник по делам культуры посольства Ральф Коллинз, комментируя критику «Известий», большую часть жилья в Москве, обветшавшего, старого и переполненного, американцы сочли бы трущобами. «Очевидно, — писал он, — что „трущобы“ означают одно для американцев и другое — для русских»⁷. *Трущоба была не просто трущобой?* Беспросветная смесь темного, грязного, полуразвалившегося жилья, непригодного для обитания человека? Разве это не понятно? Ну, может и нет. Переадресуя через несколько дней перевод статьи из «Известий» и анализ Коллинза в Нью-Йорк для Марион Сандерс, М. Гордон Нокс, первый секретарь американского посольства в Москве, предположил, что реакцию русских на статью Джейн можно рассматривать как «лестную» для журнала «Америка» — статьи-то были замечены⁸. Да, и Кусаков требовал ответа. «Что ж, посмотрим, — призвал он Сандерс, — сможем ли мы объяснить, что такое трущобы?»

«Реакция „Известий“ на наш архитектурный очерк действительно заставила нас поежиться», — штатный сотрудник «Америки», представивший ее Сандерс, написал Ноксу через несколько дней. — «Джейн особенно расстроена тем, что ее назвали лживым капиталистическим обозревателем. Я-то привык к этому»⁹. Но, уверил он Нокса, они продолжают заниматься тем, что вскоре назовут «жилищной историей», пытаясь охватить темы, поднятые Ноксом. Нокс предложил интервью с чиновником из жилищного управления в Нью-Йорке. Может быть, изложить,

7. Р. С. Коллинз, служебная записка, посольство США, 27 сентября 1949 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

8. М. Гордон Нокс — Марион Сандерс, 30 сентября 1949 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

9. Гордону Ноксу от неустановленного сотрудника «Америки», возможно, Джона Джекобса, 12 октября 1949 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

...учитывая возможности водопроводной системы, какие должны быть минимальные стандарты жилья на кубометр и что запрещено. Такие факторы, как огнеопасность или опасность разрушения, должны быть затронуты отдельно... Каков регламент относительно того, сколько людей может спать в одной комнате, сколько людей может пользоваться одним туалетом и т. д. Подозреваю, в результате русские читатели подумают, что порицаемые дома [в Америке]—это роскошные круизные лайнеры¹⁰.

К началу февраля в «Америке» уже был черновик статьи, которую они могли отправить в посольство в Москве. «Статья о трущобах Джейн Джекобс смелая, кропотливая, и, по-моему, очень удачная»¹¹, писал Нокс Джону Джекобсу, очевидно, подменявшему Марион Сандерс. «Она бьет наотмашь и логична, и я поздравляю Джейн». Конечно, потом он предложил две страницы рекомендаций. Например, Джейн смешивала все в одну кучу, утверждая, что дома могут удовлетворять минимальным стандартам, но остаются «в любом случае трущобами, потому что уродливы и выглядят морально угнетающими». Он не мог с подобным согласиться: может, огромное имение Херста в Сан-Симеоне в Калифорнии¹² уродливо и, живи он там, то испытывал бы моральное угнетение, «но это ведь не трущобы».

К марту разрывавшийся между Москвой и Нью-Йорком Нокс получил правки, которые, написал он Сандерс, вернувшейся на свой пост в Нью-Йорке, были «приемлемы». Перевод тоже был выполнен хорошо. Опасались, пояснил он, «что в статье на каждой странице могло стоять русское слово *trushchoby*—это слово советская пресса постоянно использует, чтобы описать ужасные условия жизни в Америке»¹³. Но хотя переводчикам никто ничего специально не говорил, продолжал он, ужасное слово появилось всего однажды. Это, если выразаться языком холодной войны, была своего рода победа.

10. М. Гордон Нокс—Марион Сандерс, 30 сентября 1949 г., RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

11. Гордон Нокс—Джону Джекобсу, 11 февраля 1950 г., № 53, RG 59, P 316, Box 3, CollPark. Комментарий Нокса на самом деле появился как часть письма за подписью Ральфа Коллинза, который на с. 2 пишет: «Гордон набросал черновик настоящего письма до этого момента».

12. Имеется в виду так называемый замок Херста—роскошная резиденция медиамагната Уильяма Рэндольфа Херста, спроектированная архитектором Джулией Морган и законченная в 1947 году. Вдохновением для этого весьма эклектичного архитектурного проекта стал кафедральный собор Санта-Мария-ла-Майор в испанской Ронде.—Прим. ред.

13. Гордон Нокс—Марион Сандерс, 13 марта 1960 г., № 56, RG 59, P 316, Box 3, CollPark.

Статья Джейн, занявшая десять страниц августовского номера журнала «Америка» за 1950 год, была озаглавлена «Плановая реконструкция отстающих городских районов»:

Рабочий день кончился. В больших и малых городах люди потоками выходят из дверей контор, заводов, магазинов и заполняют автобусы, трамваи, метро, которые отвозят их домой. Стоянки, занятые в течение дня частными автомашинами, пустеют, и на улицах наступают часы «пик»... Все идет домой¹⁴.

Но что это за дома? У 97% американцев есть электричество, 95% живут в домах, где у каждой семьи есть отдельная квартира, в среднем из пяти комнат, не считая ванной. Однако, допускает Джейн, хотя понятие «в среднем» и обозначает известную величину, есть много домов «ниже стандартного типа». Пятая часть американских домов нуждается в капитальном ремонте, не имеет ванн, надлежащей вентиляции — те, что не отвечают требованиям муниципалитетов. Это о них и о том, что с ними делают, говорится в ее статье. Товарищ Кусаков указывает на жилищные проблемы в Америке? Что ж, Джейн показала, как Америка занимается ими.

Это была серьезная содержательная статья, без ярких красок и риторических фигур, наверняка насыщеннее любой, которую одолело бы большинство американских читателей *Life*, *Time* или *Reader's Digest*, богатая фактами и цифрами, конкретными примерами из всей истории американского градостроительства вплоть до закона о жилье 1949 года. Как «отстающие районы» или «обветшавшие кварталы» Америки дошли до этого? Некоторые просто со временем обветшали и пришли в упадок. Деградация других парадоксальным образом совпала с периодами наибольшего экономического процветания, когда в них вторглись промышленные и торговые районы. И кстати, что такое надлежащие жилищные стандарты? В Америке они отличаются в зависимости от местоположения; в городе Балтимор, например, требуется, чтобы оконный проем занимал не менее 10% площади комнаты, кубатура спален должна быть не меньше 11 кубометров. Даже самые маленькие квартиры должны иметь водопровод и по меньшей мере одну раковину.

Джейн представила своим читателям общественного активиста Якоба Рииса родом из Дании, автора книги «Как живут остальные»¹⁵, исследовавшего в конце XIX века трущобы Нью-

14. «Плановая реконструкция отстающих городских районов», *Америка. Иллюстрированный журнал*, 1950, № 44, с. 3–11. — Прим. ред.

15. Якоб Август Риис (Jacob August Riis, 1849–1914) — американский фотограф-

Йорка и боровшегося против антисанитарных, плохих жилищ. В какой-то момент, рассказывала она, Риис возглавил крестовый поход против печально знаменитого района на Пяти углах, известного как Малберри-Бенд¹⁶, богатого закоулками с названиями вроде Ночлег бандитов и Ряд карманников. Риис бросил знаменитый клич: «Малберри-Бенд должен исчезнуть», — и тот, во многом благодаря его влиянию и публичной известности, исчез и превратился в парк.

Как можно было ожидать, длинная статья Джейн закончилась на светлой ноте. «Запущенные, обветшалые дома, как это видят теперь жители американских городов, начали исчезать, — хотя, конечно, признает она, — они не могут исчезнуть полностью в один день». Но неприглядная, слишком привычная история старых районов, заполнявшихся волнами мигрантов или всяких бедняков, заканчивается, заключила она. Например, «запущенные чикагские кварталы, реконструируемые в настоящее время, никогда не будут освобождаться и заселяться по-старому. Они исчезнут; они уже исчезают».

Иллюстрации добавляют к содержанию статьи столько же, сколько и текст: футуристические жилые комплексы, снесенные трущобы, замещающий их новый американский городской пейзаж. Статья открывается фотографией на всю страницу «обветшалого здания», которое демонтирует бригада суровых рабочих, а над ним и позади него встает стальной скелет гордых высотных башен. В изображениях Балтимора «до и после» читатели видели разрушающийся внутренний двор, заваленный щебнем, гнилые покосившиеся деревянные заборы, уступившие место площадке для игр с мячом, задние фасады старых зданий заново оштукатурены и покрашены.

Здесь — в том, как Джейн ставила проблему, как объясняла ее корни и как рассматривала меры для ее исправления, — она выразила традиционные стратегии и представления о реконструкции городов, которые сама же потом будет ставить под вопрос или подвергать критике. Одна из причин городского упадка, говорит она, — жилые здания, оставшиеся среди торговых и промышленных районов; законы зонирования, чтобы разграничить их, появились слишком поздно, чтобы предот-

---

документалист. Фотоальбом «Как живут остальные» (*How the Other Half Lives*) вышел в свет в 1889 году и серьезно повлиял на социальную политику Америки. — *Прим. ред.*

16. Район Малберри-Бенд — одно из мест, описываемых в книге Герберта Осбери «Банды Нью-Йорка» (1928), позднее адаптированной для сценария одноименного фильма Мартина Скорсезе (2002). — *Прим. ред.*

вратить это несчастливое смешение — смешение, которое она позднее станет прославлять.

Благодаря новейшим архитектурным усовершенствованиям, компоновке строительных объектов и благоустройству стало возможным занимать под застройку зданий всего лишь 10–15% процентов запроектированной площади участков, используя остальную ее часть под спортивные площадки и скверы для жильцов.

Пропорции вроде этой, позже будет утверждать она, представляют собой отрицание традиционного города. Но сейчас она полагает, что лучше, если плохие кварталы исчезнут, просто исчезнут. Статья Джейн об очистке города от трущоб была весьма солидной и всеобъемлющей — и совершенно в духе своего времени.

Что ж, посмотрим, сможем ли мы объяснить, что такое трущобы? — спросил Нокс, и теперь, через год, Джейн ответила. Но для Джейн этот очевидно узкий вопрос выйдет из своих начальных границ, станет чем-то большим, что невозможно просто прожевать и выплюнуть, поднимется до одного из самых серьезных вопросов: *Что значит хорошо жить?* После двух десятилетий экономической депрессии и лишений военного времени Джейн, как и многие другие американцы из среднего класса, теперь получила шанс остановиться и поразмыслить над новым выбором и возможностями в жизни. Ее выбор мог отличаться от выбора многих ее друзей, многих членов ее семьи, многих других американцев.

Джейн с сестрой и братьями обустроивались в новой послевоенной жизни, заводили детей, это было первое поколение беби-бума. Сначала женился самый младший, Джим, и вскоре его жена Кей родила в 1946 году дочь Джейн. Бетти находилась в нестабильных отношениях с Жюлем Мэнсоном — профсоюзным переговорщиком и ученым, умным и привлекательным модником, — но в конце концов в начале 1947 года вышла за него замуж, родив позже в том же году дочь Кэрол. Джон работал с дядей Билли во Фредериксберге; их мать Бесси, теперь уже почти семидесяти лет, продала семейный дом в Скрантоне и переехала во Фредериксберг, где поселилась в симпатичном доме на Санкен-Роуд и сдавала комнаты студентам близлежащего колледжа Мэри Вашингтон¹⁷. Первый сын Джейн

17. О переезде Бесси в Фредериксберг (вероятно, в начале 1948 года) и о том, что она сдавала свои комнаты студентам колледжа Мэри Вашингтон, сообщается в «Results of Investigation», 7 июня 1948 г., Ричмонд, VA, Джейн Батцнер

и Боба, Джеймс Кедзи Джекобс — Джим — родился в 1948 году, через несколько месяцев после того, как они с Бобом переехали с Вашингтон-плейс в обветшалый бывший кондитерский магазин на Гудзон-стрит, широкой улице, тянущейся с севера на юг в нескольких кварталах от реки Гудзон и параллельно ей.

На слишком поспешный взгляд может показаться, что Джейн, Боб и их маленький сын переехали в трущобы. Они купили трехэтажный дом¹⁸, который, как считалось, был построен морским капитаном для одной из двух своих дочерей в 1849 году. Он располагался в одном из самых ужасных кварталов Вест-Виллидж, на соседних улицах у гудзонских пирсов находились полуразрушенные склады и мастерские, воздух был наполнен какофонией шумных грузовиков, а населены они были неотесанными моряками и портовыми грузчиками. На двух верхних этажах находилась квартира, туда Джекобсы и переехали, параллельно пытаясь воскресить то, что на первом этаже некогда было кондитерским магазином, щеголявшим вывесками *Canada Dry*¹⁹ и *Phillies Cigars*²⁰ на фасаде, ржавым оборудованием из жести и пулевым отверстием в матовом стекле, доставшимся в наследство от какой-то гангстерской перестрелки задолго до прибытия семьи Джекобс. То, что считалось задним двором, было мусорной свалкой. Все это кишело крысами — «огромными», добавит Джейн много лет спустя. Даже позже, в середине и конце 1950-х годов, когда дом был переполнен детьми Джейн и иногда навещавшими родственниками, зимой нередко было холодно: дом отапливался в основном камином в гостиной, куда часто подбрасывали угля к рассвету, но все равно было холодно. Кто-то из гостей вспоминал, что требовалось семь одеял, чтобы согреться. В доме были такие щели, что даже заткнутая в окно страница журнала иногда трепыхалась от сквозняка. Конечно, кондиционера не было; пользовались мокрыми простынями, чтобы поддерживать прохладу жарким нью-йоркским летом. Дом съедал кучу денег, сил и времени. Они перестроили фундамент и установили новые совре-

---

Джекобс, ФБР. Другие детали взяты из интервью с многочисленными членами семьи.

18. Дом № 555 по Гудзон-стрит станет, конечно, легендой. Этот сюжет построен на интервью с членами семьи и другими посетителями дома; деталь про *Canada Dry* содержится в: *Matter*, pp. 64–65; воспоминания Джейн об огромных крысах взяты из: *Ibid.*, p. 213.
19. Известная с 1904 года марка популярного американского прохладительного напитка — имбирного эля. — *Прим. ред.*
20. Популярный бренд американских сигар, производившихся с 1910 года в Филадельфии. Название бренда фигурирует на известной картине «Полуночники» Эдварда Хоппера. — *Прим. ред.*

менные окна. Уличный фасад был в таком плохом состоянии, что часть пришлось снести и заново переложить. Отец Боба подкинул денег, чтобы помочь с ремонтом, но они справились по большей части сами. Джейн и Боб купили дом, как оценивает их сын Джим, за 7000 долларов, что даже по расценкам 1947 года было недорого.

Его стоимость в 2009 году составила 3,5 миллиона долларов.

В июне 1950 года, за несколько месяцев до появления статьи о трущобах в «Америке», у брата Джейн Джона и его жены Пит появился их единственный сын Декер. Через пять дней Джейн родила второго сына, Эдварда Декера — Неда, как его стали называть. Шесть недель она находилась в декретном отпуске и вернулась в «Америку» в начале августа.

В марте 1952 года Комиссия по лояльности опять дала о себе знать.

Два с половиной года прошло с тех пор, как ее признали, несмотря на осадок «неблагоприятной информации», достаточно лояльной, чтобы оставить на работе. Но во второй половине 1940-х и в 1950-х годах «красная лихорадка» снова обострилась: первая советская атомная бомба, разоблачение советских шпионов, обвинение против Элджера Хисса²¹, «тыквенные документы»²² и рост популярности Ричарда Никсона, «черный список» Голливуда²³, Корейская война, расследования подкомитета Сената по внутренней безопасности²⁴ и, конечно, первый залп полноценного маккартизма в Республиканском женском клубе

21. Элджер Хисс (Alger Hiss, 1904–1996) — сотрудник Госдепартамента США, в 1948 году обвиненный в шпионаже в пользу СССР и осужденный в 1950 году к тюремному заключению сроком 5 лет. Был освобожден через три с половиной года и до конца жизни отрицал какую бы то ни было связь с советскими спецслужбами. — *Прим. ред.*

22. Материалы, на которых строилось обвинение Элджера Хисса в шпионской деятельности. Свидетель обвинения Уиттекер Чемберс прятал их в выдолбленной тыкве. — *Прим. ред.*

23. Список деятелей культуры и искусства США, которым было запрещено заниматься профессиональной деятельностью в области кинематографа. Как правило, в списки, составлявшиеся кинопродюсерами, попадали члены компартии США и ее симпатизанты. — *Прим. ред.*

24. Специальный подкомитет по расследованию соблюдения Закона о внутренней безопасности и других законов, касающихся внутренней безопасности (Special Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws) был создан в 1951 году для изучения того, насколько тщательно соблюдается этот законодательный акт, также известный как Закон МакКаррана 1950 года, а также другие законы, касающиеся вопросов саботажа, шпионажа и угроз внутренней безопасности страны, включая внедрение агентов влияния. Подкомитет просуществовал до 1977 года. — *Прим. ред.*

в Уилинге, в Западной Виргинии 9 февраля 1950 года. Именно там рьяный младший сенатор из Висконсина Джозеф Маккарти предъявил документ, который он объявил списком известных коммунистов, работающих на Госдепартамент: «У меня на руках список из 205 сотрудников Госдепартамента, которые оказались либо имеющими членский билет, либо безусловно верными сторонниками компартии, но которые, несмотря ни на что, все еще участвуют в формировании нашей внешней политики»²⁵. Возникшая из законных опасений — реальные враги, реальная опасность, реальные предатели — выросла, перейдя все разумные границы, новая «красная угроза», пропитанная подозрениями, обвинениями и недоверием.

В апреле 1951 года, под интенсивным внутренним давлением, президент Трумэн подписал новый указ, понижающий планку отставки до просто «обоснованного сомнения» в лояльности. Из более чем девяти тысяч государственных служащих, допущенных к работе по прежним стандартам, дела более двух с половиной тысяч были открыты заново. Среди них было и дело Джейн. В сентябре Конрад Э. Сноу, председатель Комиссии Госдепартамента по проверке лояльности, запросил ФБР о деле Джейн²⁶; он хотел знать теперь о ее регистрации для голосования, членстве в профсоюзе и когда именно она изменила свои взгляды на участие Америки во Второй мировой войне. В отчете, пришедшем из Балтиморского офиса ФБР, цитировались слова информантки, которая разглядела «безнравственность и нелояльность в самой подозреваемой и в ее окружении»²⁷. Правда, «пальцем показать не могу». Другими словами, «нет конкретного свидетельства, что подозреваемая нелояльна». И все же 14 марта 1952 года Сноу написал Джейн, запрашивая еще больше ответов на еще большее количество вопросов.

На этот раз Джейн охватил праведный гнев. Ее ответ в 1949 году ограничился тремя напечатанными страницами с единичным интервалом между строчками. На этот раз примерно за неделю она набросала официальное письмо на восемь тысяч слов, содержащее самое неординарное свидетельство невероятного обострения патриотического чувства, какое можно когда-либо встретить²⁸.

25. Цит. по: Оливер Стоун и Питер Кузник, *Нерассказанная история США* (Москва: Колибри, 2016), с. 333. — *Прим. пер.*

26. Конрад Э. Сноу — Джеймсу Э. Хатчеру, 19 сентября 1951 г., ФБР.

27. 10 декабря 1951 г., Ва. 123–1256, ФБР.

28. *Matter*, pp. 169–179.

«Прилагаю нотариально заверенные ответы на ваш опросный лист», — писала она Сноу 25 марта. Ответы предполагались подробные, объяснила она, и она не станет пытаться втиснуть их в то ограниченное пространство, которое для них выделено. Более того, поскольку она «склонна к редакторским замечкам и предисловиям, и все такое», она взяла на себя смелость «приложить к ответам предисловие» — *предисловие!* — и даже побеспокоилась объяснить, *зачем* ей это понадобилось: она решила, что ее «вероятно, заподозрили в том, что она тайно симпатизирует коммунистам или подвержена коммунистическому влиянию». Чтобы Сноу или остальные, спрашивающие о ее симпатиях, смогли понять ее ответы, ей нужно поместить себя, свою жизнь, семью и самые важные для себя ценности в контекст. Она писала своему следователю:

Это все еще шокирует меня, хотя в наше время всем нам следовало бы привыкнуть, осознать, что американцев можно официально спросить об их профсоюзном членстве, политических убеждениях, читательских интересах и т. д. Мне это не нравится, и еще меньше мне нравится страх, который это вызывает.

И все же она понимала, что в отношении некоторых госслужащих это могло быть необходимо. «Я не препираюсь с вами в ответах на приложенные вопросы и не пытаюсь чего-то избежать. Я хочу, чтобы вы знали, что я чувствую». Итак, она начинает.

Прежде всего, меня воспитали в убеждении, что в смиренном подчинении господствующему в настоящий момент мнению нет никакого достоинства. Я склонна верить, что простое подчинение приводит к стагнации общества, что американский прогресс в большей степени обязан возможности экспериментировать, инициативе, удовольствию и свободе обдумывать необычные идеи.

Она продолжила, рассказывая о своих свободомыслящих предках с обеих сторон семьи. О тех родственниках с виргинской стороны, что выступали против выхода из союза с Севером или рабства накануне Гражданской войны и впоследствии стали республиканцами на стойко демократическом Юге. Она гордилась и «более отдаленной родственницей, квакершей, которая, веря в права женщин и женские способности, установила собственный маленький печатный станок, чтобы издавать собственные работы, не используя мужской псевдоним». Американская традиция свободы уклоняться от общепринятых точек зрения, заявляла она, для нее не клише. Это священная жизненная ценность.

Она писала, что существует две большие угрозы безопасности американской традиции. Одна — это мощь Советского Союза и его спутников. Другой была «нынешняя боязнь радикальных идей и людей, их выдвигающих». Что касается первого, она думала, что работой в Госдепартаменте внесла свою лепту. «По поводу второй угрозы, угрозы Маккарти — или умонастроения, для которого Маккарти подходящий символ — я едва ли могла что-то сделать на практике, только занять позицию по отстаиванию собственных прав». Именно этим она, конечно, сейчас и занималась.

Она верит, продолжала она, в право коммунистов выражать и публиковать свои идеи в Соединенных Штатах. Но ни они, ни кто-либо еще не имеет право шпионить или саботировать; те, кто это делают, должны быть наказаны.

Что касается ее самой, она имеет право критиковать правительство или Конгресс, но никогда не будет помогать другой стране или действовать против интересов США или в пользу тех, кто работает на Советский Союз.

В конечном счете, она полагает, что ее взгляды лучше всего согласуются со взглядами судьи Верховного суда Уильяма О. Дугласа²⁹, одного из самых убежденных борцов за гражданские права, когда-либо заседавших в суде.

«Вот моя позиция», — Джейн пришла к завершению, по крайней мере, к завершению своего предисловия; она еще не ответила на вопросы Сноу. Она понимает, что ее взгляды могут представлять позицию меньшинства, писала она. «Но меня не тревожит сам по себе тот факт, что я в меньшинстве... Единственный ориентир, на который, как мне кажется, я могу полагаться, это не изменчивые высказывания тех, кто победил в битве за популярность в данный момент, а мое понимание американской традиции, в которой я воспитана».

И на этом Джейн Джекобс, тридцати шести лет, наконец, перешла к девяти вопросам Сноу. Вот полностью первый вопрос:

Пожалуйста, предоставьте комиссии полную информацию о вашем членстве и деятельности в *United Public Workers of America*³⁰, включая: а) даты членства и нынешний статус; б) природу и степень вашего интереса и деятельности; должность, если имеется; в) ваше отношение к Внешнеполитической резолюции, приня-

29. Уильям Орвилл Дуглас (William Orville Douglas, 1898–1980) — известный американский правовед, судья Верховного суда США с 1939 по 1975 год. — Прим. ред.

30. Профсоюз госслужащих Америки, просуществовавший с 1946 по 1952 год. К 1949 году в нем состояло около 82 тысяч членов. — Прим. ред.

той UPWA на съезде в 1946 году в Атлантик-Сити в штате Нью-Джерси, и к другим позициям, предположительно принятым руководством профсоюза, указывающим на приверженность линии коммунистической партии, таким как: оппозиция американскому плану контроля атомной энергии, оппозиция плану Маршалла, поддержка Генри Уоллеса³¹ и Прогрессивной партии в 1948 году, оппозиция Североатлантическому договору³², поддержка коммунистов, преобладающих во Всемирной федерации профсоюзов, и т. д.; и d) ваше отношение к исключению UPWA из СЮ в 1950 году³³.

Еще ее спрашивали о какой-либо причастности к Американской лейбористской партии; о доставке ей на дом *Daily Worker*, газеты Коммунистической партии США; была ли она когда-либо подписана или получала *American Review on the Soviet Union*³⁴; была ли она знакома с двумя конкретными людьми с очевидно сомнительными политическими симпатиями; и, в различных формах, о том, какое отношение она могла иметь к Коммунистической партии — в частности, конечно, классический вопрос, тот, что своей незабываемой интонацией может определить эпоху: «*Являетесь ли вы сейчас или были ли вы когда-либо*» членом Коммунистической партии или аффилированной с компартией группы, или связаны с ней, «или с симпатизирующей» такой группе организацией?

Она ответила, что не является коммунисткой и никогда ею не была. Не поддерживает коммунистическую идеологию. Не «внесла никакого вклада ни временем, ни талантом, ни деньгами», как выражается Комиссия по проверке лояльности, в деятельность партии. Она считает, что Коммунистическая партия США опасна в той степени, в какой она участвует в шпионаже и саботаже, и это следует пресекать; но пока она

-
31. Генри Эгард Уоллес (Henry Agard Wallace, 1888–1965) — американский политик, соратник Франклина Рузвельта. Последовательный критик политики развязывания холодной войны. В 1948 году баллотировался на пост президента США от Прогрессивной партии. — *Прим. ред.*
  32. Учредительный документ НАТО, подписанный рядом североамериканских и западноевропейских стран в 1949 году. — *Прим. ред.*
  33. Конгресс индустриальных организаций (*Congress of Industrial Organisations*) — головной по отношению к Профсоюзу госслужащих Америки профсоюз, созданный в 1936 году. СЮ исключил UPWA из своего состава в 1950 году в связи с нежеланием последнего расставаться с членами-коммунистами. — *Прим. ред.*
  34. Ежеквартальный журнал, издававшийся в Нью-Йорке с 1938 по 1948 год и посвященный разным аспектам жизни Советского Союза: от литературы до госуправления и от положения евреев и до руководства Красной армии. — *Прим. ред.*

просто занимается пропагандой, она не опасна. Что до Коммунистической партии Советского Союза, она считает ее

...аппаратом политической тирании. Я ненавижу советскую систему управления, потому что боюсь и презираю любую идею управления, которое берет на себя миссию вылепить из людей специфический «вид человека», в данном случае «советского человека»; которое практикует и превозносит идею государства как «контроля сверху и поддержки снизу»; которое контролирует художников, музыкантов, архитекторов и ученых; которое контролирует то, что люди читают, и пытается контролировать то, что люди думают.

Обо всем этом Джейн выразилась однозначно, ясно и страстно. Однако в этом длинном, подробном ответе на первый вопрос — о ее причастности к профсоюзу госслужащих — внимательный читатель разглядит незаметное смещение курса симпатий Джейн, здесь ощущается внутренний конфликт. Она присоединилась к профсоюзу, позже известному как *Federal Workers Union*³⁵, поздней осенью 1943 года, вскоре после того, как начала работать в Управлении военной информации. Она платила взносы, ходила на собрания профсоюзного отделения УВИ, подготовила для профсоюза несколько материалов, продавала лотерейные билеты, чтобы собрать средства. Она верила в юнионизацию и коллективный договор и считала, что профсоюз хорошо справляется с урегулированием трудовых споров. Так, по крайней мере, она думала до 1947 года. Впрочем, прошло не так много времени на новой работе в Госдепартаменте, прежде чем она «осознала, что профсоюз теперь политически ангажирован», и пришла к выводу, что он придерживается линии Коммунистической партии и кажется чрезмерно критичным по отношению к Соединенным Штатам.

Что делать? Ей не нравился коммунистический крен профсоюза, во многом расходящийся с его политическим курсом, но она все еще уверена, «что профсоюз — это хорошо»; и профсоюз действительно выполняет «полезные и законные функции». Поэтому она осталась. Ее желание остаться только окрепло, когда усилились атаки на него со стороны общественности и Конгресса. «Я отвергала вывод, что в профсоюзе оставаться опасно». Она держалась до осени 1951 года, и тогда уже «просто чув-

---

35. Профсоюз федеральных рабочих (United Federal Workers of America, UFWA) — американский профессиональный союз, просуществовавший с 1937 по 1946 год под эгидой Конгресса индустриальных организаций. Отличался от других профсоюзов тем, что большинство его лидеров были левыми. — Прим. ред.

ствовала себя слишком несчастной. Я постоянно боролась сама с собой, и мои конкретные претензии к профсоюзу достигли той точки, где они перевесили мои абстрактные чувства к нему».

Там было еще много такого — вдумчивого взвешивания трудной проблемы, болезненного внутреннего конфликта, проявившегося и нашедшего выражение на страницах ответов на вопросы Сноу, по отношению к профсоюзу и Лейбористской партии США³⁶, членом которой она являлась до 1949 года. Джейн призналась: она понимала раньше, что в партии «силен коммунистический элемент, как и практически во всех либеральных организациях того времени», — но подчеркивала, что «совершенно точно не думала, что это равносильно Коммунистической партии». Отчасти ее привлекала сюда симпатия к третьим партиям³⁷ как таковым, возвращаясь к членству ее деда в Трудовой партии гринбекеров в XIX веке. «Третьи партии, — писала она, — выполняют важную функцию раздражения общественного мнения и проведения и распространения новых идей. Это была живая и активная третья партия, каковой, думаю, третья партия имеет право быть».

Но время было уже другим. Теперь правительство могло задавать подобные вопросы. Людям, таким как Джейн, приказали на них ответить, если они хотят сохранить работу. Из конкретных фигур в расследовании Сноу большинство сегодня забыты — *United Public Workers of America*, их съезд в Атлантик-Сити, Генри Уоллес, прогрессисты, Всемирная федерация профсоюзов. Все они стали достоянием истории. Только сенатор Маккарти и его *-изм* сохранились в американском общественном сознании.

Джейн отправила свой ответ и больше никогда ничего об этом не слышала. Она будет долго удивляться молчанию и спросит своего брата Джона, адвоката, находящегося на пороге своей выдающейся юридической карьеры, что он думает об этом. О, федеральная бюрократия не знает, что с тобой делать, скажет он. Но годы спустя, в 1998 году, перечитав «предисловие» Джейн, он передумает. Нет, скажет он, цензор из комиссии по лояльности был покорен мощью и убедительностью ее идей; Джейн «не оставила цензору другого выбора, кроме как согласиться»³⁸.

36. Лейбористская партия США (*American Labour Party*) — основанная в 1936 году в США социал-демократическая партия, имевшая некоторую популярность в Нью-Йорке. Просуществовала до 1956 года, утратив популярность в связи с обвинениями в симпатиях к коммунистической идеологии. — *Прим. ред.*

37. Любые политические партии США, кроме республиканской и демократической. — *Прим. ред.*

38. Джон Батцнер — Дж. Дж., 4 января 1998 г., Burns, 20.

Может быть и так, но любое решение правительства утрачивало смысл, как только Джейн подала заявление об увольнении из «Америки».

Чудо, что «Америка» продержалась так долго. Разгоралась холодная война, Советы, кажется, делали все, что могли, чтобы препятствовать распространению журнала, манипулируя цифрами тиражей, заявляя, что их граждане журналом не интересуются, возвращая ежемесячно 25 тысяч нераспроданных экземпляров. «Думаю, верным будет предположить, что „Америка“, насколько мы понимаем, скоро будет насмерть задушена», — писал редактору журнала Марион Сандерс первый секретарь посольства Гордон Нокс весной 1950 года³⁹. Да, «Америке» выгодно иметь представительство в России, даже если лишь несколько советских граждан смогут заполучить журнал; и он понимал это. Но «полагаю, мы совсем скоро закроемся», может быть, как британцы — их издание, «Британский союзник»⁴⁰, прикончили похожим образом, — «поэтому мы стойко держим оборону и ясно заявляем, что Советы не могут терпеть публикации свободного мира в СССР... Холодная война стала намного холоднее, и „Америка“ неизбежно станет одной из ее жертв».

Но журнал утопили не сразу. В начале 1952 года он все еще исправно исполняет свою миссию «представить перед советскими людьми все лучшее в американской цивилизации»; поднимались темы, призванные показать Америку в лучшем свете по сравнению с русскими, даже палитра цветов тщательно взвешивалась, чтобы наверняка достучаться до советских читателей: слишком светлые голубые небеса «слепили глаза обитателям серо-коричневого русского пейзажа»⁴¹. Но в итоге Нокс был прав, журнал сдался позже, в 1952 году, и остатки его производства перевели в Вашингтон, где в 1956 году он будет рожден под другим названием.

Переезд в Вашингтон, конечно, не входил в планы Джейн, плотно обосновавшейся в Нью-Йорке, с двумя детьми и ремонтом дома на Гудзон-стрит. Поэтому 2 мая 1952 года она уволилась. Она достигла уже 13-го разряда, что довольно высоко в системе гражданской службы США, она зарабатывала 8360

39. М. Гордон Нокс — Марион Сандерс, 4 апреля 1950 г., RG 59, P 315, Box 3, CollPark.

40. «Британский союзник» (*British Ally*) — газета Министерства информации Великобритании, издававшаяся в СССР с 1942 года по договоренности с советскими властями. Закрыта в 1950 году. — *Прим. ред.*

41. Например, Тоуб Бруннер — Марион Сандерс и Джону Джекобсу, 30 января 1952 г., RG 59, P 316, Box 1, CollPark.

долларов в год — около 90000 или 100000 долларов по сегодняшним меркам. В докладе директору ФБР Дж. Эдгару Гуверу о деле Джейн 20 июня 1952 года Хайрам Бингем, на тот момент председатель Комиссии по проверке лояльности, просто поставил галочку: «Уволена или иным образом отстранена от федеральной службы до принятия решения о лояльности»⁴².

Джейн писала, что после ухода из «Америки» два журнала предложили ей работу⁴³. Одним был *Natural History*, журнал Американского музея естествознания, история которого начинается в 1900 году; предметом его внимания являлся весь мир природы. Но он тоже базировался в Вашингтоне, поэтому она отказалась. Другим кандидатом был *Architectural Forum*, издание холдинга *Time Life*, ежемесячно пробивавшее локтями свой путь к вниманию американских архитекторов с помощью толстых 250-страничных выпусков, заполненных историями о будущих зданиях, обзорами состояния архитектуры с большим количеством текстов, но с еще большим количеством фотографий и чертежей и, конечно, с рекламой нержавеющей стали и монолитного бетона, алюминиевых навесных стен и раздвижных дверей. «Америка» использовала множество иллюстраций из *Forum* для своих статей; Джейн сама брала их у его редакторов. Боб читал журнал. Джейн восхищалась им. Она хорошо ему подходила, несколько ее амбициозных статей об архитектуре и жилищном строительстве в «Америке» подкрепляли ее резюме. Похоже, и платить будут больше. Она прошла стажировку и к сентябрю уже значилась в выходных данных журнала как «сотрудник», одна из примерно дюжины штатных авторов. С самого начала у нее сложилось хорошее мнение о новом работодателе. *Forum* недавно лишился двух редакторов, темой одного были больницы и школы, другого — частные дома. «Они спросили меня — вместо того чтобы автоматически меня на что-то поставить — что меня больше интересует. Я сказала: больницы и школы, и они сказали — отлично»⁴⁴. С самого начала у них возникло взаимное уважение.

Но теперь Джейн пришлось учить новый язык: вспоминая первые дни в *Forum*, она потом расскажет, как по вечерам, когда дети были в постели, Боб учил ее читать чертежи⁴⁵. Звучит мило

42. Хайрам Бингем — Дж. Эдгару Гуверу, 20 июня 1952 г., 123–393, ФБР.

43. *Matter*, p. 4.

44. Дж. Дж. — Роберте Брандес Гратц, 20 марта 1979 г., архив Гратц.

45. *Matter*, p. 4. См. также Люсиль Пройс, цитирующую Дж. Дж.: «Днем я работала. А вечером, когда дети были уже в кровати, муж давал мне уроки чте-

и довольно незамысловато, но ясно, что только звучит. Иерархия масштабов чертежей, полных символов, штриховок, измерений, пунктирных линий, — это международный язык архитектуры. С их помощью вы представляете замысел отдельных зданий или целых кварталов — то есть *продаете* их — и потом снабжаете детальными инструкциями, как их надо строить. Они варьировались от легких для чтения поэтажных планов до замысловатых исполнений оконных проемов или сложных стыков между полом и стенами; планы застройки, вертикальная проекция, поперечное сечение; изометрические проекции и двухточечные перспективы, где ведущие линии сходились далеко в точках исчезновения. У каждого — собственная цель, собственные условные обозначения. Легкость в обращении с ними обычно приходила только с годами обучения и архитектурной практики. Если вы писали о новом здании в *Forum*, это не означало, что оно построено и вы можете осмотреть его сверху донизу; это означало, что оно *не* построено, вы посмотрели его чертежи и должны его себе представить. «Сначала я была совершенно озадачена, — пишет Джейн, — мне требовалось понять смысл огромных, неудобоваримых рулонов рабочих чертежей и планов. Муж пришел мне на помощь, и каждый вечер месяцами — *месяцами* — «он давал мне уроки чтения чертежей, показывая, на что надо обращать внимание как на необычное». Он подарил ей новый взгляд.

Первая статья Джейн для *Forum*, о совмещенной с роддомом больнице в Лиме (Перу), вышла в июне 1952 года, когда она только-только покинула «Америку» и ее еще не взяли в штат; это было тестовое задание. Хотя Джейн утверждала, что «покрытый газоном двор и многочисленные патио располагают к отдыху и весьма гостеприимны»⁴⁶, она никогда их не видела, никогда не была в Лиме, основывала свой рассказ на интервью с архитекторами и на планах, чертежах и моделях. Но этого было достаточно, чтобы написать, что перемещение по комплексу «так же удобно и обманчиво просто, как сканворд». Или что в Перу рождение детей рассматривается «как замечательное событие в мире здоровья, которое не имеет ничего общего с болезнью и должно быть строго отдельно от размещения больных».

ния чертежей, поэтому я знала достаточно, чтобы писать статьи» (Lucile Preuss, *Sunday Milwaukee Journal*, July 8, 1962).

46. «Big Double Hospital», *Architectural Forum* (June 1952), p. 138–145. (В том же самом выпуске *Forum* воспел Левер-Хаус, модернистскую икону: «Левер-Хаус на Парк-авеню — это горизонтальная полоса нержавеющей стали и зеленого стекла, опирающаяся на ряды стройных колонн, металлическая оболочка которых обладает чудным мерцающим блеском».)

В последующие месяцы она подготовила ряд статей по заданию и без такового. Она написала длинную статью об архитекторе больниц Исadore Розенфильде⁴⁷, а в марте 1953 года — статью о торговых центрах: о кондиционировании воздуха, якорных магазинах, созданных для притяжения посетителей, чему могли у них поучиться даунтауны — и все ее материалы наполнены энергией и энтузиазмом. Позже в том же году она написала статью о новом явлении — самообслуживании, не только в супермаркетах, но и в магазинах одежды, парфюмерии или строительных материалов, и что магазины требуется переоборудовать новыми светильниками, стеллажами и системами полок. «Самостоятельный выбор», как все еще называлось самообслуживание, «ускоряет процессы для спешащего покупателя и таким образом увеличивает товарооборот. Он позволяет неторопливому посетителю с удовольствием не торопиться. Он дает продавцу шанс сосредоточиться на покупателях электроинструментов или детских колясок вместо тех, кто пришел за отверткой за 25 центов или дюжиной подгузников»⁴⁸.

(Первоначальная тема Джейн, больницы, в итоге станет архитектурной специализацией ее мужа. Он говорит, что с помощью ее статей увидел, «что больницы представляют проектировочные проблемы настолько высокой сложности, что архитектор может запросто посвятить им всю свою карьеру»⁴⁹, этим он и занялся. В 1953 году он работал с Йосефом «Мунио» Нойфельдом⁵⁰ над университетской больницей Хадасса в Иерусалиме, первой из почти что двух дюжин больниц в его долгой карьере.)

Поскольку Джейн подыскивала темы для будущих статей, рекомендовала, какие здания и какие архитекторы заслуживали внимания журналистов, к ней, кажется, почти с самого начала в редакции отнеслись серьезно. 25 августа 1953 года, меньше чем через год после того, как она присоединилась к *Forum*, его давний редактор Дуглас Хаскелл написал своему начальнику, издателю Перри Прентису, о том, что он представлял главным издательским проектом для журнала. На задворках Британ-

47. Исadore Розенфильд (Isadore Rosenfield, 1893–1980) — американский архитектор русского происхождения, главный архитектор департамента общественных работ Нью-Йорка с 1940 по 1945 год, специалист по архитектуре медицинских учреждений и автор ряда книг по данной тематике. — *Прим. ред.*

48. «Self-Selection», *Architectural Forum* (November 1953), p. 156–168. После выхода статьи *American Druggist* послал кого-то взять у нее интервью: Burns, 4:1.

49. Robert Fulford, «„Lives Lived“: Robert Hyde Jacobs», *Globe and Mail*, September 24, 1996.

50. Йосеф «Мунио» Нойфельд (Joseph Munio Neufeld, 1898–1980) — израильский архитектор русского происхождения, работал в Берлине, Москве, Нью-Йорке. — *Прим. ред.*

ской Колумбии производитель алюминия, канадская компания *Alcoa*, строит новый город. В нем будет, кроме завода, сорок тысяч жителей. Китимат — вот его название. Смелый проект гигантских масштабов, заслуживающий соответствующего внимания в *Forum*: «Как ни крути, это совершенно продуманный город», — писал Хаскелл, и он заслуживает, наверно, пятидесяти страниц журнала⁵¹. Один из архитекторов, вовлеченных в проект, сам хотел написать о нем. Но Хаскелл представлял множество переплетающихся аспектов темы — архитектурных, географических, экономических, человеческих — как серьезный вызов. И когда он оглядел штат журнала, то решил, пишет он Прентису: «кажется, единственный обозреватель, которому мы можем дать это задание, это Джейн Джекобс. Она одна способна совместить человеческое тепло с погружением в детали».

Ничего не получилось; статья уменьшилась до двадцати страниц, вышла где-то год спустя, и Джейн не удалось ее написать. Но все же удивительно, как скоро и насколько всецело Джейн завоевала доверие Хаскелла. Возможно, подпитываясь от этого, Джейн все более свободно выражала свое мнение, порой в жестких формулировках, о многих зданиях и проектах, которые становились предметом ее материалов. О построенной из готовых блоков школе она писала Хаскеллу в 1955 году: «Я ненавижу всем сердцем внешний вид и общую атмосферу этой школы. Она *выглядит* так, как будто на ней сэкономили, никакущей, невеселой, ни к чему не стремящейся. Есть что-то жалкое и печальное в ее неловких попытках предложить кое-какие удобства»⁵². О торговом центре в Йонкерсе, штат Нью-Йорк, она ему написала, что это «невероятно плохой пример планирования торгового центра», а следующие три страницы плотного текста с одиночными пробелами потратила на объяснения, почему: два универмага расположены слишком далеко друг от друга, а дизайн только подчеркивает это неприветливое расстояние. «Монотонная череда треугольных клумб (на уродливой мостовой, покрытой битумом) без каких-либо вариаций, без чего-то, за что может зацепиться глаз». Только хорошее расположение торгового центра и многочисленное местное население могли принести ему успех, чего не скажешь о его дизайне⁵³.

Риторика Джейн всегда сопровождалась фактами и наблюдениями. В «Америке» она практически всегда проходила ат-

51. Доклад, Дуглас Хаскелл — Перри Прентису, 25 августа 1953 г., HaskellPap, 38:11.

52. Доклад, Дж. Дж. — Дугласу Хаскеллу, 4 октября 1955 г., HaskellPap, 14:6.

53. Доклад, Дж. Дж. — Дугласу Хаскеллу, 27 апреля 1954 г., HaskellPap, 6:4.

тестацию на отлично. Несмотря на все крайности ее характера, своей внутренней необходимостью и решимостью *выразить* нечто она вызывала доверие.

Она делала хорошую работу.

Но не кажется ли, что этой простой и размытой характеристики явно не достаточно?

К началу 1955 года Джейн было тридцать восемь лет. Она жила в счастливом браке, была матерью двоих детей, беременной третьим. У нее был собственный дом. Она встала на ноги, достигла многого из того, что хотела, когда ехала в Нью-Йорк; стала хорошо оплачиваемым автором. У нее были знания, опыт, предприимчивость и талант, необходимые, чтобы сделать то, что она стремилась сделать в большом мире. Но она еще этого не добилась: не стала одним из тех художников, мыслителей и молодых гениев — по большей части мужчин, живущих в мужском мире и пользующихся привилегиями для мужчин, — которые к тридцати восьми годам уже оставили свой след. Ее история разворачивалась не спеша.

Если почитать ее статьи в «Америке» или в первые годы в *Forum*, там не найдется ни малейшего намека на темы, просочившиеся в «Смерть и жизнь больших американских городов» — кроме собственно интереса к самому предмету: городам. Где же нетерпимость к существующей архитектурной практике и практике планирования? Где неприятие статус-кво? Этого нигде не найдешь. По крайней мере, на страницах *Forum*, где, как и прежде в «Америке» она выражает общепринятое мнение. Она ни на кого не нападает, принимает то, что есть, поддерживает новые пригородные торговые центры. Она принимает послевоенный мир таким, какой он есть, не придираясь и не жалуясь.

Потом она признается, что в каком-то смысле она *не* справилась с работой в *Forum* — слишком много слушала планировщиков и архитекторов, слишком охотно соглашаясь с тем, что они говорили; не спрашивала, не упущено ли что-то в их симпатичных изображениях и чудных моделях, а может, они ошибочны или просто неправильны⁵⁴. И пока она этого не видела, она была неправа.

Если нужно точно определить момент, когда все начало меняться, когда Джейн Джекобс стала по-новому смотреть на улицы и города, здания, заводы и архитектурные теории, о которых она писала, то произойдет это, вероятно, в начале 1955 года в Филадельфии.

54. Джейн говорит то же самое в письме Грейди Клей, март 1959 г.: Laurence-Diss, p. 195.

Часть II
В большом мире
1954–1968

Глава 9 Разочарование

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, писала Джейн в июле 1955 года в материале о городской реконструкции, была, возможно, единственным американским городом, по-настоящему столкнувшимся с разительными контрастами урбанистической жизни. Она увидела там «атмосферу надежды» в стремлении самих граждан «процветать в большом и малом». Она поразилась реальным масштабам мер, которые предпринимали власти, в городе, раскинувшемся на десять тысяч акров и включающем более дюжины районов. Она писала о садах, утопающих в цветах; о центре распределения продовольствия, который уничтожит лачуги бомжей и горящие свалки; о «разумных и практичных приемах» архитектора Луиса Кана по улучшению бедного района под названием Милл-Крик. Она хвалила «принятие нового», что в Филадельфии «каким-то чудом не означает обычного отказа от старого».

Время от времени Джейн цитировала директора комиссии по городскому планированию, уже легендарного Эдмунда Бэкона, который вскоре попадет на обложку *Time* за свои успехи в программах городской реконструкции¹. Сорокапятилетний Бэкон, уроженец Филадельфии, происходящий из весьма консервативной семьи издателей, был выпускником Корнелльской школы архитектуры. На наследство бабушки он поехал путешествовать по миру, оказался в Пекине, получил стипендию на изучение городского планирования в Мичиганском университете, работал планировщиком во Флинтсе. В 1949 году он вернулся в Филадельфию, протолкнул свои идеи через мест-

---

1. См., напр.: Klemek, «Bacon's Rebellion»; Izzy Kornblatt, «Planning Philadelphia (review of Gregory L. Heller, Ed Bacon „Planning, Politics, and the Building of Modern Philadelphia“», *Swarthmore Phoenix*, January 20, 2014; Amateau, «Jane Jacobs, Urban Legend»; Inga Saffron, «An Appreciation: Flaws and All, Edmund N. Bacon Molded a Modern Philadelphia», *Philadelphia Inquirer*, October 16, 2005; James Reichley, «Philadelphia Does It: The Battle for Penn Center», *Harper's* (February 1957), HaskellPap, 36:10.

ную бюрократию, решил убрать развалины городского промышленного прошлого и предложить городу новый сверкающий модернистский вид; до того в городе почти двадцать лет не строились новые офисные здания. Бэкона можно смело считать планировщиком не только Филадельфии, но и самой Америки.

Но он нравился не всем. «Высокомерный всезнайка, напыщенный и лживый», — прямо скажет познакомившийся с ним позднее архитектор Алан Литлвуд из Торонто². Врагам Бэкона статья в *Harper's* говорила: «он взлетел слишком быстро, успех пришел к нему слишком рано... в Скулкилле, Школе изобразительных искусств в Пенсильвании его прозвали „лорд Бэкон“, недолюбливая за высокомерие, манерность и имидж импресарио». И все же многие признавали, что «он сделал больше, чем любой другой городской планировщик в Соединенных Штатах». И конечно, именно Бэкон — худой, аскетично одевающийся, целеустремленный — забил Джейн голову видами будущего Филадельфии и снабжал набросками, планами, фотографиями и картами, которые она мастерски складывала в последовательный материал, расхваливая изменения города.

Не вполне ясно, как часто Джейн ездила в Филадельфию, да и вообще *ездила ли*, чтобы собрать материалы для своей статьи³. Некоторое дистанцирование от города ощущается в ее десятистраничной статье с подзаголовком «Отчет о прогрессе», похожей скорее на превью. Раньше она сетовала на то, что городские пустыни в американских городах «выросли и все еще продолжают расти, эти ужасные бесконечные кварталы, бесконечные мили серости и беспорядка»⁴. Но здесь она чуть не пе-

2. Интервью с Аланом Литлвудом.

3. Вероятность того, что Джейн не видела проекты для Филадельфии до того, как написала о них в *Forum*, подкрепляется тремя источниками. Первый: заметка редактора от 24 июня 1962 года, цитируемая в статье о Джейн в *Philadelphia Sunday Bulletin Magazine*: «Мои первые сомнения, что городское обновление находится на верном пути, появились в результате сравнения набросков департамента городского планирования, объяснения на словах, как все должно быть в Филадельфии, и полученных результатов». Второй: выдержка из письма Грейди Клей, процитированной в конце предыдущей главы (март 1959, LaurenceDiss, p. 195) предшествует: «Тогда я стала видеть, как были построены некоторые из этих зданий». И наконец, в изложении панельной дискуссии 1962 года в Музее современного искусства в Нью-Йорке, Фриганд и Лэпхем обобщают комментарии Джейн Джекобс: «Бэкон показал ей наброски идей и проектов, и она написала статьи, восхваляющие их работу. Когда она посетила потом завершённые проекты, то почувствовала, что ее обманули — что прекрасно выглядело на бумаге, оказалось ужасным в реальности».

4. Jane Jacobs, «Philadelphia's Redevelopment», *Architectural Forum* (July 1955).

реходит грань поэзии, когда пишет обо всем том «труде, что вложен в этот хаос», о скрытой под поверхностью энергии, свернутой в городские ритмы, которые говорят «столько же о силе и упрямстве жизни, как листья в весеннем лесу». Последние страницы с изображениями новых Индепенденс-молла, Пенн-центра и Милл-центра показывают, «что происходит» в Филадельфии, что «будет происходить» и что «возводится», проекты «в процессе строительства» и «близкие к завершению». Но совсем не много настоящего, того, что на самом деле творится в городе.

На каком-то этапе, конечно, Джейн съездила в Филадельфию. Там она сходилась с Бэконом на экскурсию и он показал ей то, чем больше всего гордился⁵. Он, конечно, набил руку на таких шоу, в какой-то момент представив Джейн своего рода фокус «до и после» городской реконструкции. Сначала они прошли по разоренной улице в черном районе, до которого Бэкон еще не добрался. Там было полно людей, которые рассыпались по тротуару, сидели на ступенях, бегали по делам, высовывались из окон. Это была улица «до». Она заканчивалась улицей «после», результатом реализации концепции Бэкона — снежная бульдозером, отвратительная каша старого города была сметена, ее заменил прекрасный проект, новый и прелестный. *Джейн*, уговаривал Бэкон, *остановитесь здесь, посмотрите на эту улицу, посмотрите, что мы здесь сделали.*

Она остановилась. И, конечно, могла оценить вид, который предложил ей Бэкон: *Да, это очень мило.* Но чего-то не хватает: людей. Особенно на таком контрасте с первой улицей, которую Джейн запомнила живой и веселой. Что она увидела здесь, среди нового и восстановленного жилья? Одного маленького мальчика — она запомнит его на всю жизнь — pinaющего шину. Лишь только он один на пустынной улице.

Эд, сказала она, *здесь никого нет. Почему так? Где люди? Почему здесь никого нет?*

По рассказу Джейн, Бэкон не объяснил ей: *Да, но...* Он не сказал: *Что ж, через несколько лет, когда район созреет, мы увидим...* Он не представил ей никаких объяснений. Джейн показалось, что ее вопрос его просто не заинтересовал, что взбесило ее до чертиков. Она была озадачена, а он нет, и это само по себе заслуживало внимания. Более того, эти две улицы, казалось, дали Джейн какой-то противоположный Бэкону урок,

5. Фрагмент подготовлен на основе многих рассказов Джейн об этом случае, включая: Saunders; Dillon, p. 41; Wachtel, p. 47–48; Alexander and Weadick, p. 15; *Matter*, p. 126; Frigand and Lapham; Books and Authors Luncheon.

или ценность, или идею, — совершенно иное разграничение того, что в городе имеет значение, а что нет, другой способ видения. Для Бэкона новая улица воплощала все лучшее в новом мире, что сделали планировщики вроде него. Для Джейн точка зрения Бэкона была узко эстетической, скорее вопросом того, как нечто *выглядит*; для нее же новая улица представляла собой не совсем победу над старым, а может быть, и вовсе не победу, а поражение, насмешку над планами и проектами Бэкона, как и над обещанным ими блестящим будущим. «Он и его подчиненные не только не знали, как сделать интересную или удобную для людей улицу, — скажет она, — они даже не замечали таких вещей и не интересовались ими». Позднее исследователи обнаружат, что у Бэкона и Джекобс были некоторые общие взгляды. Но сейчас они стояли на одном и том же месте, смотрели на одни и те же улицы и видели их по-разному.

Возможно, Филадельфия Бэкона была слишком не похожа на ту, о которой Джейн слышала от своих родителей, где они встретились и завели роман; или Филадельфию, которую она видела сама в 1930-е годы, когда навещала свою сестру Бетти в школе⁶, или во время визита из Нью-Йорка, когда работала на *Iron Age* в 1940-е годы; или на какой-то чисто платонический образ города, который возник у нее после двадцати лет жизни в Нью-Йорке. Какова бы ни была причина, то, насколько азартно и часто она позже упоминала случай с Бэконом, означает отнюдь не абстрактные разногласия в ценностях. Джейн рассердилась — рассердилась на то, что ее, кажется, обманули.

Воспоминания Джейн о первых годах в *Forum* намекают на все еще юношескую наивность, на которую она теперь смотрит с сожалением. Она рассказала, как съездила в Филадельфию

...и выяснила, что они задумали и что планируют сделать, и как это выглядит на чертежах, какие великие вещи произойдут... Я вернулась и написала статьи, полные энтузиазма, и впоследствии о других [городах], и все было отлично. Я дружила с планировщиками и строителями. Полагаю, мои читатели... что ж, я должна попросить у них прощения, кем бы они ни были⁷.

Потому что то, что она сейчас увидела в Филадельфии, означало, что новые проекты не выглядят так, как предполагалось, и, что еще важнее, не *работают* так, как предполагалось. Нет, если показатель — мальчик, пинающий шину на улице. Нет, если проекты, о которых ей рассказывали или даже о которых

6. *Philadelphia Sunday Bulletin Magazine*, June 24, 1962.

7. Books and Authors Luncheon.

она сама писала, оказались тем, чем оказались: «Они не были приятными, не были милыми, и, очевидно, никогда не смогут работать как надо,— писала она журналисту из Луисвилля Грейди Клею⁸ в 1959 году.— Харрисон-плаза и Милл-Крик в Филадельфии стали для меня большим шоком».

«Чертежи архитекторов всегда казались мне такими соблазнительными»⁹,— вспоминая, она только покачает головой. Да, чертежи обозначали толщину бетонных стен и прокладку вентиляционной системы. Но они также *пускали пыль в глаза*. Они представляли эстетические виды: как будут выглядеть здания, проекты и города. Они показывали в них людей, деревья и тротуары, образы прекрасной жизни— часто с высоты птичьего полета, который оставлял зрителя с чувством надежды и приглашал пройтись парадом по расстилающемуся перед ним городскому проспекту. И, конечно, это были работы архитекторов и планировщиков с хорошо воспитанным вкусом к дизайну, городской драматургии и образности. В Филадельфии Джейн обнаружила только, что эти виды не соответствуют городу, с которым она столкнулась, по крайней мере в том, что имело для нее значение.

Год или два в редакции журнала *Forum* до выхода статьи Джейн о Филадельфии могли показаться ей немного скучными; она писала, например, о том, как появление самообслуживания повлияло на архитектуру торговых центров. Она пыталась немного подрабатывать на стороне. Она пыталась заинтересовать *Reader's Digest* несколькими отрывками американцы¹⁰, дошедшей до нее через Батцнеровскую сторону семьи. Она попробовала себя в научной фантастике¹¹, пересказывая историю Адама и Евы. Далеко не продвинулась.

Но из Филадельфии Джейн вернулась в редакцию *Forum* на взводе и начала рассказывать о своем разочаровании. Разочаровании, удивитесь вы, но в чем? На самом деле она пока не могла выразить его членораздельно или обоснованно. В *Forum* она впитала непреложные истины, которые вместе с архитекторами и планировщиками разделяли все остальные; и что бы ее теперь ни беспокоило, это было для нее чем-то новым, что она, вероятно, и сама еще толком не могла понять.

8. Грейди Клей (Grady Clay, 1916–2013)— американский журналист, специализировавшийся по ландшафтной архитектуре и городскому планированию. Один из основоположников движения Нового урбанизма.— *Прим. ред.*

9. *Matter*, p. 126.

10. См. переписку с Джоном С. Зинсером-младшим, *Burns*, 22:9.

11. *Burns*, 22:10.

В феврале 1955 года, примерно в то время, когда статья Джейн о Филадельфии проходила путь через редакторов и иллюстраторов к публикации, Дуг Хаскелл написал своим сотрудникам, что «ввиду невероятного ускорения темпов городской реконструкции»¹² *Forum* теперь планирует работать с городами страны более комплексно. На Филадельфию отводится десять страниц в июльском номере; это статья Джейн. Следующим будет Кливленд, и Джейн — разве она теперь не постоянный эксперт журнала по городам? — получает и его тоже.

В Кливленде есть многое, ради чего туда стоит ехать, писала она в вышедшей в августе статье, но его будущее, кажется, остановилось в городской черте; жители пригородов ничего не хотят с этим делать.

Постороннему трудно понять, почему Кливленд как организм, как идея не может увлечь воображение обитателей пригородов привычным для больших городов образом. Ведь у Кливленда есть индивидуальность и визуально он потрясающе хорош. Он не заслуживает ни того, чтобы считаться просто населенным пунктом, ни какого бы то ни было пренебрежения. По сути, Кливленд — все что угодно, кроме монотонности; вытянувшиеся вдоль реки промышленные предприятия, долины ручьев, глубоко разрезающие холмы. Мосты, рудопогрузчики и градирни, вкладывающие свою особую энергию в будни коммерческих и жилых районов. Возможно, промзона, разрезающая город, не такая уж «милая», но она делает вид на город, который открывается с окружного шоссе или верхних берегов реки, по-настоящему захватывающим, как обрушившаяся природная стихия¹³.

Джейн дальше рассказывает о планах города на прибрежную полосу озера, продолжает новостями о шоссе и скоростном транспорте, а также о предполагаемой реконструкции Гарден-Вэлли, которая, писала она, «преобразует безлюдную индустриальную пустошь и огромный, крутой, пустынный овраг в жилой район», состоящий из низко- и среднедоходного жилья. Если у нее и были какие-либо сомнения по этому поводу — а она могла их иметь, поскольку Гарден-Вэлли был ужасной трущобой, — то пока их не заметно.

Поэтому, что бы ни творилось в изобретательной голове Джейн, это пока не приводило к абсолютному разрыву с прошлым. У нее была хорошая работа. Она писала. Все было прекрасно. Правда, не все: Филадельфия Бэкона оставалась раз-

12. Хаскелл — коллегам, 4 февраля 1955 г., HaskellPap, 58:3.

13. «Cleveland: City with a Deadline», *Architectural Forum* (August 1955), автор не указан.

дражителем для ума, как песчинка в глазу, которую никак не смыть.

Если в середине 1950-х годов вы пришли бы к Джекобсам на обед в дом на Гудзон-стрит, первое, что вы увидели бы при входе, — это припаркованный прямо возле кухни велосипед с плетеной корзиной, подвешенной на руль. Приходя на работу по утрам в будни, в 9:30 или в 10, одетая в приличное офисное платье, иногда даже в жемчуга, Джейн перед этим две с половиной мили крутила педали по одной из широких авеню Манхэттена, ведущей с севера на юг, в редакцию *Forum* в Рокфеллеровском центре. В то время еще не было велосипедных дорожек, шлемов и десяти скоростей, не говоря уже о велосипедных сумках и фиксах; перемещение по среднему Манхэттену на велосипеде, особенно для средних лет матери троих детей, выглядело достаточно странно. О Джейн даже написали в ее журнале.

В 1956 году коллега по *Forum* Уильям Маккод посвятил неформальную колонку журнала «В скобках»¹⁴ некоей леди, «которая предпочла остаться безымянной», но на фотографии в седле восседала Джейн. В конце рабочего дня, писал Маккод, она забирала свой велосипед из «ряда кадиллаков» в ближайшем гараже. Потом она ехала «по Пятой авеню, на юг через многолюдный торговый район... [и] немислимую давку швейного квартала, через опавшие лепестки и сломанные стебли в зоне оптовой торговли цветами и потом через порочный Гринвич-Виллидж, пока не приезжала к себе домой, на Гудзон-стрит». Журналистская забава Маккода перечисляла насмешки, которые бросали Джейн по пути. «Садись на лошадь», — много раз слышала она. Или: «Смотри, девчужка, убьешься». Позже, когда она снова села на велосипед после рождения дочери Мэри в январе 1955 года, кажется, ньюйоркцы стали относиться к ней теплее. «Хорошая идея», — иногда слышала она. Или «Тебе это полезно», или «Возьми меня с собой». Конечно, уличные критики никогда не уставали указывать: «Заднее колесо прокручивается».

Брак Джейн практически начался с велосипеда, с велосипедного медового месяца. После войны они с Бобом практиковали то, что она назовет «автостопом с рыбой»¹⁵: они сажались вместе со своими велосипедами в поезд, сходили с него

14. William McQuade, «Get a Bike!», *Architectural Forum* (April 1956).

15. Jane Jacobs, «Hitch-Hiking with the Fish», машинопись с отметкой, датирующей ее 1954 годом, Burns, 22:8.

где-нибудь на доступном для велосипедной езды расстоянии от рыбацкого порта и, со своими поношенными сумками, просились на рыбацкие лодки, курсирующие по водному пути Восточного побережья. Ни в одном атласе, ни в одной туристической карте не упоминалось то, что Джейн называла «запутанной сетью неофициального транспорта». Они не бронировали гостиницы, но всегда находили кого-то, кто пускал их переночевать. В маленьком городке на берегу залива Памлико в Северной Каролине это был владелец местного завода по упаковке креветок. В штате Мэн это была женщина, которая изготавливала сливочное масло на острове, и ее муж, добывавший омаров. Однажды, напишет Джейн, они пировали лобстерами «только что из моря прямо в котел на камбузе, и ели их на палубе, среди скал, когда на вечнозеленые острова Пенобскот-Бэй опускались сумерки цвета лаванды».

Но вернемся на Гудзон-стрит. Они рано посадили своих мальчиков на велосипеды. Нед вспоминает, что когда ему было три, а Джимми пять, родители возобновили воскресные велосипедные экскурсии по городу, которыми увлекались до рождения детей. Детей учили сидеть на задних сиденьях «с ногами в полотняных седельных сумках, а руками на талии велосипедиста»¹⁶. Они ни разу не попали в аварию. Им всегда было весело.

В этот период Джейн зарабатывала около 10000 долларов в год¹⁷ — в два раза больше секретаря в *Forum* и, по всей видимости, больше, чем Боб, который, поработав какое-то время помощником архитектора в агентстве Нью-Йорка, только нашел свое призвание в проектировании больниц. На две зарплаты Джекобсы жили достаточно хорошо, но с двумя, а потом тремя детьми на руках и старым домом, требующим затрат, все было далеко не так радужно. Где-то в это время они взяли ипотеку; Джейн вспоминала, что платежи тянулись вечно.

Но в 1950-х и начале 1960-х годов им не хватало скорее времени, чем денег. Вскоре после рождения Джимми в 1948 году

16. Нед Джекобс, описание велопробега Джейн в: «Cycle Cambie Corridor-Vancouver», May 2, 2010, онлайн-описание велопробега Джейн от 2010 года; Нед Джекобс — автору, 19 октября 2013 года.

17. Дневник Чедберна Джилпатрика, 4 июня 1958 г., Rockefeller: «Ее нынешняя зарплата в *Forum* — 13750 долларов». Но это было через два года после событий апреля 1956 года, которые, как мы увидим в 10-й главе, резко увеличат ее доход. В письме Джо Хейзена Р. Д. Пейну-младшему от 24 февраля 1961 года (HaskellPap, 2:1), мы узнаем, что секретарь в *Forum* зарабатывал в среднем менее 6000 долларов в год, референт — около 8300 долларов, обозреватель — около 11750 долларов.

Джейн наняла женщину, чтобы позаботиться о нем, пока она на работе. Ее звали Гленни Ленир¹⁸, она была афроамериканкой, приезжала каждый день на метро из Квинса и работала на семью Джекобс дюжину лет. Джейн делала что-нибудь по дому при необходимости, но никогда не любила повседневные бытовые дела. Джимми помнит, что, когда ему было пять или шесть, тетя Бетти, жившая на другом конце города в новом районе для среднего класса под названием Стайвесант-таун, уговаривала маму купить паровой утюг, чтобы гладить одежду, в которой та ходила на работу: мол, так будет гораздо рациональней. Но Джейн ничего рационального в этом не увидела — лучше просто отнести одежду в соседнюю химчистку. Она редко покупала продукты: гораздо чаще составляла список продуктов и звонила ближайшему бакалейщику: заказ приносили несколько часов спустя, а счет — раз в месяц.

Джейн прославится добрыми словами, которыми она в первой своей книге наградила владельцев соседних магазинов — как они приветливо обменивались кивками с мистером Лофаро, торговцем фруктами, как она могла оставить запасной ключ Джо Корначче, владельцу местного магазина кулинаруии. Как отметил журналист *New York Times* после выхода книги, «преисполненный любви портрет неторопливой жизни в Гроверс-Корнерс Торнтон Уайлдера» в «Нашем городке», был «не романтичнее наполненной теплотой картины дня и ночи на Гудзон-стрит миссис Джекобс»¹⁹. К 1955 году она жила там уже семь лет, а в Виллидж — все двадцать: достаточно долго, чтобы чувствовать желание защищать его. Посторонним могло показаться, что непредсказуемые дороги Виллидж с многоквартирными домами над хозяйственными магазинами и грузовиками, вертящимися на многолюдных улицах, не так уж и нуждаются в защите. Но к этому времени Джейн сама сильно привязалась к Виллидж. Так что когда пошли слухи, что город хочет пустить автомагистраль через парк Вашингтон-сквер, она была среди тех, кто пытался этого не допустить.

Итак, парк Вашингтон-сквер — от Вейверли-Плейс до 4-й Западной улицы и от Макдугал до Университи-Плейс, десять акров под сенью болотных дубов и желтых гледичий, со скамейками вдоль дорожек, белой мраморной Вашингтонской аркой, возвышающейся над всем этим — достался нам как культурный памятник 1950-х и 1960-х годов; его история ведет к элегант-

18. Интервью с Джимом Джекобсом, Кэрол Биер, Джейн Хендерсон, Бургин Джекобс. В «Смерти и жизни» Ленир выражается благодарность.

19. *Matter*, p. 52.

ной эпохе «Вашингтонской площади» Генри Джеймса; и даже до того, как туда зачастили Боб Дилан и Аллен Гинзберг, это уже было туристическое место, куда слетались жители пригорода из Джерси и с Айленда, чтобы послушать фолк-исполнителей, поглядеть на игроков в шахматы и *развехаться*.

А теперь, пожалуйста, забудьте это все: с угрозой парку сражались не фолк-исполнители, битники или защитники архитектуры, а матери — матери, для чьих детей парк был игровой площадкой, свободным пространством в многолюдном городе. Когда брат Джейн Джим с семьей переехал в центр из южного Джерси, кузены тут же отправились всей толпой на Вашингтон-сквер, находящийся в десяти-пятнадцати минутах от дома. Там было красиво, всегда полно людей и безопасно.

Но в начале 1950-х годов над ним нависла угроза.

«С тревогой и почти недоверием, — писала Джейн мэру Роберту Ф. Вагнеру-младшему и президенту боро Манхэттен Хьюлану Джеку, — я слушала о планах провести автомагистраль через Вашингтон-сквер»²⁰. Она рассказала им, как они с Бобом восстановили свой дом из руин²¹, вырастили в городе троих детей, сделали все, чтобы улучшить город; а эти ужасные планы могли все разрушить.

Было 1 июня 1955 года. Она присоединилась к борьбе в самом разгаре; кампания по спасению парка Вашингтон-сквер продолжалась не первый год и продлится еще несколько лет. Джейн была всего лишь пехотинцем. Но она шла на войну за городскую территорию не в последний раз; в следующий раз она будет генералом.

В начале 1955 года Джейн встретила Уильяма Керка²², который провел ей другую экскурсию по другому городу и изменил ее жизнь.

Последние шесть лет Керк работал в *Union Settlement* в нью-йоркском Восточном Гарлеме. С 1890-х годов организация предоставляла здесь социальные и медицинские услуги; Берт Ланкастер со 106-й Восточной улицы, будущий актер, был одним

20. Flint, p. 65.

21. *Matter*, p. 65; см. также: «На заднем дворе была свалка, и Боб должен был укрепить фундамент... Мы выполняли большую часть работы сами. Мы все делали по мере того, как могли себе позволить. Это отличается от городского обновления, когда делается все сразу» (*Sunday Milwaukee Journal*, July 8, 1962).

22. Интервью с Джуди Керк Фитцсиммонс, Ойгеном Склярром, Дэвидом Гурином; «Metro North: Death of a Slum», WNBC-TV эфир от 25 февраля 1967 г., просмотрен в Paley Center for Media, New York City; некролог, *New York Times*, October 24, 2001; *Union Settlement Papers*, ColumbiaRare.

из ее бенефициаров. Само слово *settlement*²³ отсылает к XIX веку, когда образованные выходцы из викторианской Англии селились (*settled*) в трущобы, чтобы жить и работать среди бедных.

Керк, который официально значился руководителем организации, а на самом деле выполнял обязанности исполнительного директора, приехал из Ньюкасла в Пенсильвании, промышленного города в 50 милях к северу от Питтсбурга. Когда Джейн с ним познакомилась, он был неуклюжим крупным темноволосым человеком, на семь лет старше ее. Его можно было принять по ошибке за портового грузчика или профсоюзного работника, если не считать того, что он говорил с акцентом более аристократическим, чем нью-йоркский. Он закончил Амхерстский колледж в 1931 году, посещал Виргинскую семинарию, был рукоположен епископальным священником в 1935 году. Но, будучи настоятелем церкви в Сент-Луисе, он понял, что социальная сторона работы значит для него больше, чем сугубо духовная, и в 1949 году переехал в Нью-Йорк, чтобы возглавить *Union Settlement*.

Теперь, шесть лет спустя, Керк увидел, как район зашатался под действием новой разрушительной силы, появление которой никто не мог предвидеть. Когда он впервые приехал в офис *Union Settlement* на 104-й Западной улице, обе стороны улицы выглядели одинаково, на каждой выстроились в плотный ряд хорошо знакомые стены многоквартирных домов с магазинами на первом этаже, и тут протекала насыщенная жизнь. Но теперь, в середине 1950-х годов, южная сторона улицы исчезла, многоквартирные дома снесли, их заменили ряды высотных башен, каскадом спускающихся к югу — прямоугольники двенадцати- или четырнадцатипятиэтажных домов, каждый стоял посреди озелененных полос извилистых дорожек и парковок. Они были построены, чтобы принести жителям пользу. Но Керк пришел к выводу, что эти большие жилые комплексы приносили меньше пользы, чем вреда. У него не было на руках цифр, сколько-нибудь веских доказательств, которыми будут напичканы более поздние исследования, а может, и слов не было, чтобы просто это описать. Но он знал, что владельцы магазинов исчезали из района; дружба, казалось, больше не приветствовалась, школы и церкви слабели, общественный порядок разрушался. Его дочь, Джуди Керк Фицсиммонс, вспоминает, что когда она была совсем юной, он был человеком с миссией, и все, о чем он мог говорить — большие проекты. Он мог прийти домой вечером в их квартиру на Риверсайд-драйв,

23. Поселение. — Прим. пер.

сесть за ужин, «и каждый вечер начинался этот разговор» о том, какие проекты принимали для Восточного Гарлема.

Восточный Гарлем, стоит отметить, не был тем самым Гарлемом, средоточием афроамериканской жизни и культуры, располагавшимся между Колумбийским университетом на западе и путями Нью-Йоркской железной дороги вдоль Парк-авеню на востоке. Восточный Гарлем лежит на другой стороне путей, рядом с Ист-Ривер, располагаясь к северу от 96-й улицы. В середине 1950-х годов он состоял почти на треть из черных, на треть из пуэрториканцев и на треть из белых. Белые были по большей части итальянцами; до 1930-х годов Восточный Гарлем был самой большой Маленькой Италией в Америке. Только в этой части Верхнего Манхэттена жило 180000 человек — намного больше, чем во всем Скрантоне Джейн. Испанский был языком многих улиц, магазинов и домохозяйств — разговорный язык мигрантов из Пуэрто-Рико (зависимой от США территории со времен испано-американской войны). И он был бедным, не местами, как Виллидж, а целиком — большими территориями, включавшими десятки кварталов, застроенных многоквартирными домами²⁴. Многие из них были построены по старому закону для больших волн мигрантов в конце XIX века — переполненные квартиры, часто по четыре на этаже, боковые комнаты, куда свет и воздух проникал только через грязный воздуховод, общий туалет в коридоре на несколько семей. Не далее как в 1939 году²⁵ в самой плотно заселенной тогда итальянской части Восточного Гарлема четыре из пяти домов не имели центрального отопления, две трети были лишены ванны или душа, более чем в половине домов не было отдельных туалетов. *Что, на самом деле, считать трущобой?* Чем бы это ни было, в Восточном Гарлеме таковых было много. Преступность процветала. Люди все время въезжали и выезжали. Ни один банк, как пишет один из обозревателей о районе, не давал ни доллара на ипотеку в Восточном Гарлеме еще с 1940 года²⁶.

Конечно, все знали об этом, и после Второй мировой войны предпринимались попытки решить проблемы с жильем в районе. В те времена, когда в метро можно было пройти за пятнадцать центов, 300 миллионов долларов ушло на новое жилье с 1940-х годов, это около 3 миллиардов по сегодняшним рас-

24. Посетите, например, Музей многоквартирных домов в Нью-Йорке, в Нижнем Ист-Сайде.

25. «Italian Harlem: America's Largest and Most Italian Little Italy», <http://www.vitomar-cantonio.com>.

26. Lurie, «Community Action in East Harlem», p. 247.

ценкам. Все началось еще даже до 1941 года, с домов на Ист-Ривер, а потом после войны с лихорадочной скоростью кварталы старых многоквартирных домов сносили, а на их месте вырастали новые одиннадцати-, четырнадцати- и семнадцатизэтажные корпуса. Тогда они заняли пятую часть Восточного Гарлема²⁷. Это были не только дома Джорджа Вашингтона через 104-ю улицу от *Union Settlement*. Это были дома Джеймса Уэлдона Джонсона, охватывающие шесть кварталов между 3-й и Парк-авеню: более 1300 квартир. Дома Карвера вдоль Мэдисон-авеню, 1246 квартир. Дома Лексингтона, дома Тафта, дома Стивена Фостера... «Снести старое, — призывал в речи 1944 года нью-йоркский мэр Фьорелло Ла Гуардиа, уроженец Восточного Гарлема. — Построить новое. Покончим с прогнившими, дряхлыми крысиными норами. Покончим с лачугами. Покончим с болезнями. Покончим с преступностью... Впустим солнце. Впустим небо». И у них были дома с чистыми, относительно просторными квартирами на полвека новее многоквартирных домов, которые они заменили. Это были «прочные гигантские муниципальные здания», напишет один социальный работник, которые обещают «долгожданные и горячо любимые солнечный свет, свежий воздух и современный водопровод».

И все же, с крыльца Билла Керка на 104-й Восточной улице казалось, что с этой прекрасной картиной что-то не так. Он решил показать своему другу Филу Уиллу, что он видит в Восточном Гарлеме²⁸. Уилл был известным чикагским архитектором, который через несколько лет станет президентом Американского института архитекторов. Специализацией его фирмы, *Perkins & Will*, были школы, но имя он себе сделал раньше, в *Racine Courts*, разработав типовое малоэтажное муниципальное жилье для Чикаго. Они познакомились через жен, лучших подруг по колледжу, и за двадцать лет стали близкими друзьями. И вот теперь Керк привел Уилла в Восточный Гарлем. «Он хотел, чтобы тот увидел, как люди работали, увидел структуру общества», — вспоминает дочь Керка; посмотреть, что новая застройка — новый *вид* застройки, на самом деле — с этим сделал. После этого Уилл предложил обратиться к Дугу Хаскеллу в *Architectural Forum*, с которым был знаком еще с 1940-х годов²⁹.

27. См.: *Projects*, part IV.

28. Некролог, *Chicago Tribune*, October 24, 1979; R. Randall Vosbeck, *A Legacy of Leadership: The Presidents of the American Institute of Architects* (Washington, D.C.: American Institute of Architects, 2008), p. 98–100. В 1961 году Уильям Керк заключил брак с дочерью Уилла Элизабет.

29. Керк — Хаскеллу, 19 ноября 1954 г., HaskellPap. См. также Уильям Керк — Чедберну Джилпатрику, 11 августа 1959 г., RF 1.2, 200 R, Rockefeller, 390:3381.

Несложно себе представить, что Хаскелл никогда не ступал на землю Восточного Гарлема, хотя он находился всего в трех милях по «хребту» Манхэттена от Рокфеллер-центра. В любом случае его почтовый ящик был обычно забит письмами от известных архитекторов, таких как Вальтер Гропиус и Фрэнк Ллойд Райт; письмо Керка не получило ответа. В марте он снова написал Хаскеллу³⁰. На этот раз, не желая ждать ответа, который может никогда не прийти, он предупредил о своем намерении позвонить в офис Хаскелла в следующий понедельник и договориться о встрече.

Неясно, встретился ли Керк в итоге с Хаскеллом или с одним из его подчиненных. Так или иначе, Керк уже скоро сидел в Рокфеллер-центре, раскладывая карты города, рассуждая о Восточном Гарлеме³¹: это, без тени сомнения отмечал он, самый большой получатель щедрот государственного жилья в Нью-Йорке и, возможно, во всей стране. Федералы рушат кварталы трущоб и заменяют их высотками. Старые трущобы были плохими, но новые проекты тоже плохие, только по-другому. Редакторы *Forum* должны понять, что...

Что ж, редактор *Forum*, очевидно, не мог принять все, что волновало Керка в связи с проблемами трущоб, которые совсем не совпадали с ориентированной на элиту редакционной повесткой журнала. Так что, возможно, чувствуя себя пойманной в ловушку, он рад был поймать взгляд Джейн за дверь и кивнуть ей, чтобы она вошла. Никого в *Forum* ничто не поразило так, как ее — встреча с Эдом Бэконом; ее тревожило то, с чем все остальные беспечно соглашались. Но теперь этот мистер Керк, казалось, был обеспокоен теми же самыми вопросами: эти замечательные новые проекты, представляемые как последнее слово в сфере недорогого жилья, столь прекрасно выглядевшего на чертежах, выражавшего модернистские общественные и архитектурные идеалы, может быть, вовсе и *не были* так хороши... *Миссис Джекобс*, сказал Керк ей прежде, чем уйти из офиса *Forum* в тот день, *почему бы вам не поехать в Восточный Гарлем, и я вам там все покажу?*

Керк поселился в Восточном Гарлеме в 1949 году³², до того как построили большую часть новых кварталов; его память хранила картины полетов воздушных змеев, запускаемых с крыш

30. Керк — Хаскеллу, 17 марта 1955 г., HaskellPap.

31. Books and Authors Luncheon; отсюда взято многое о Джейн и ее общении с Биллом Керком — вероятно, самый живой и полный из нескольких рассказов Джейн за все время. См. также: Alexander and Weadick, p. 15.

32. См.: Gerald Meyer, «Italian Harlem: America's Largest and Most Italian Little Italy», <http://www.vitomarcantonio.com>; Lurie, «Community Action in East Harlem»;

старых многоквартирных домов. Игры в стикбол³³ между мальчишками из соперничающих кварталов. Ряды трех- и четырехэтажных таунхаусов с чудесными пряничными украшениями, широкие ступени их крылец подымались к окнам фасадов. Фермерские рынки, товары под тентами, опускавшимися над тротуарами. Двери многоквартирных домов оставались открытыми, чтобы жарким летним вечером ловить ветерок. И везде, на каждой улице — как будто это прихожая их переполненных квартир — *люди*. Люди, идущие по широким тротуарам. Развешивающие одежду для сушки на стальных решетках пожарных лестниц. Выходящие на тротуар из своих магазинов — взглянуть на небо и проверить, какая сегодня погода. Джейн расскажет:

Не представляю, как он находил время, чтобы показать мне район, но он находил. Когда бы у меня ни находилось несколько свободных часов, я звонила ему и он шел со мной гулять... Вроде у него не было никакого плана, что мне показывать. Все это казалось в каком-то смысле совершенно бесцельным. Мы просто гуляли³⁴.

Люди, знавшие Билла Керка, помнили его широкий круг друзей, знакомых, связей. «Все его знали, — рассказывает Ойген Скляр, его преемник в *Union Settlement*. — И он всех знал... Он интересовался всеми местными жителями, лавочниками, тем, что творилось на улице». Его явно религиозная сторона редко проявлялась — хотя Скляр помнил большую разноцветную табличку над столом Керка в *Union Settlement*: ПРИДИТЕ — И РАССУДИМ. Он был сердечным, улыбчивым, «хорошим слушателем... Люди восхищались им и доверяли ему».

Керк был публичной фигурой. «Мы могли остановиться в любой момент или кто-то его останавливал, — расскажет Джейн об их совместных прогулках. — Я могла подслушать разговор. Мы останавливались у магазинов»³⁵, у социального жилья, домов без лифта. Керк указывал на местные достопримечательности. Он знал каждого. Но пока ей все было интересно, она не сразу увидела, что именно он показывает, если он вообще что-то показывал³⁶. «Это как большая корзина сухих листьев, подброшенных в воздух. Что вы там разберете?»³⁷ И все же

The WPA Guide, p. 265–270; фотографии этого времени Жилищного управления Нью-Йорка, La Guardia and Wagner Archives.

33. Дворовая версия бейсбола. — *Прим. ред.*

34. Books and Authors Luncheon.

35. *Ibidem*.

36. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 1 июля 1958 г., Rockefeller.

37. Books and Authors Luncheon.

что-то в этом *было*, и она начала видеть: за кажущейся неразберихой на улицах Восточного Гарлема царил своего рода порядок, бесконечно замысловатый. Там, рядом со слишком очевидными социальными патологиями, за грохотом грузовиков, молодыми бандитами, за резким столкновением мира старых многоквартирных домов и новых проектов находились люди на любой вкус и цвет, на любой ступени подъема и упадка, все вместе. Джейн всем этим упивалась.

Как насчет нас с вами? Можем ли мы всем этим упиваться? Может, взглянув на Восточный Гарлем с Керком, мы остались бы равнодушными? Может быть, ему не удалось бы захватить наше воображение, как захватило Джейн? Может, слегка заинтересовало бы, да и только — мельком открытое окно в мир, обычно от нас закрытый, беглый взгляд на несметное разнообразие городской жизни, которое вскоре забудется. Этого нельзя сказать о Джейн: каким-то образом она была *восприимчива* к очарованию Восточного Гарлема, к его особенностям, странностям и к тому, как из всего этого получается живое место.

Когда спустя годы ее спросили, как она впервые заинтересовалась городами, она ответила, что все началось в четвертом классе в Скрантоне. Была пятница, вспоминала она. Ее однокласснице Элизабет школьная библиотекарьша сказала, что поскольку та задержала у себя книги, то должна заплатить штраф в один пенни. О, ответила Элизабет: «Принесу, когда птичий глаз свистнет»³⁸. И необычным образом библиотекарьша приняла этот ответ совершенно невозмутимо, как полное и удовлетворительное объяснение — приняла его, как описывает Джейн, «с достоинством». Мама объяснила Джейн, что Птичьим Глазом называется ближайшая угольная шахта. Если в шесть часов утра вы услышите свисток, это означает, что работа на шахте есть и деньги будут. Это знала Элизабет. Это знала школьная библиотекарьша. Это знала мама Джейн. И теперь это знала и сама Джейн — сеть знания укрепились еще одним узлом. Случившееся заставило ее задуматься: а как в Скрантоне люди зарабатывают себе на жизнь? Ее отец лечил больных. Отец Элизабет спустился в шахту. Все работали. Вдруг «весь город стал для меня гораздо интереснее. Он стал сетью», соединенной странными мелочами, замысловатыми связями, структурами.

Родители Джейн — мама из маленького городка, папа с фермы — встретились и завязали романтические отношения в Филадельфии: им «нравилось жить в городе, — скажет она. — Они

38. Edwin J. Slipek Jr., «An Urban Planning Expert Shares Her View of Richmond», *Style Weekly* (Richmond, VA), January 1, 1980.

считали города гораздо лучшим местом для жизни, и рассказали нам, почему»³⁹. В Нью-Йорке Джейн стоило просто выйти из метро на Шеридан-сквер и пройти по прилегающим улицам, чтобы ей приглянулся Гринвич-Виллидж. Скорнячный район очаровал ее, как и другие торговые районы, о которых она писала в *Vogue*. Теперь, рядом с Биллом Керком, она начала видеть даже больше того, к чему приводило ее живое любопытство; Восточный Гарлем, который содержал в себе гораздо больше, чем показалось вначале, как-то переплетенный, связанный, целый.

Керк очень нравился Джейн⁴⁰. Но, как говорит ее сын Джим, познакомившийся с Керком еще ребенком, не из-за чего-то нечеткого и неопределенного, не «как личность». Скорее, из уважения к тому, как он умел видеть и обретать смысл в мире. Он смотрел на Восточный Гарлем в его целостности, во *всем*, чем он являлся, «не как на нечто, что нужно исправить. Он видел его величие, его ценность там, где большинство людей видело только неразбериху». Нагромождение деталей и событий, поток идей, фрагменты разговоров, которые Джейн впитывала рядом с Керком, открыли ей глаза. «Он показывал мне другой способ взглянуть на город, его социальную сторону»⁴¹, человеческие связи, невидимые в архитектурных чертежах.

Джейн, вероятно, в конце 1955 года или в начале следующего, 1956-го, скорее всего по наводке Керка, узнала об исследовании, которое в это время проводил Комитет по наблюдению и планированию малого бизнеса в Восточном Гарлеме⁴². В отчете, выпущенном чуть позже, им хватило всего трех печатных страниц, чтобы указать на опустошение, которое новые жилищные проекты причиняют району. В самый низ первой страницы была помещена грубая, нарисованная от руки карта домов Франклина, проект на 1200 квартир, занимающий пять кварталов между 1-й и 3-й авеню, который уничтожил 169 предприятий. На второй странице содержался потрясающий список, отлично представивший данные в таблице, так чтобы раскрыть вам глаза — то есть пока вы не *осознаете* это и не поймете, что 169 предприятий не были даже упомянуты в качестве резидентов домов Франклина и соседних кварталов.

39. Kunstler, II, 14.

40. «Он не был односторонним человеком, только для Восточного Гарлема», — говорит Джим Джекобс.

41. Lucile Preuss, *Sunday Milwaukee Journal*, July 8, 1962.

42. «Fact Sheet, East Harlem Small Business Survey & Planning Committee», 16 января 1956 г., Union Settlement Papers, RB35/7, ColumbiaRare. См. также: «Shops a Problem in East Harlem», *New York Times*, May 8, 1955.

В верхней части страницы располагалось пять колонок, помеченных от I до V, для пяти кварталов сетки улиц Манхэттена, которые представляли собой старый район. Внизу страницы перечислялось 44 вида предприятий, от магазинов бытовой техники и детских колясок до обувных магазинов, магазинов игрушек и турагентств. Это была «таблица утраченного»: не так давно на улицах, ограничивающих первый квартал, стояли три фруктовых киоска; теперь там нет ни одного. Было три химчистки во втором квартале, две мясные лавки в третьем, пять бакалейщиков в четвертом, три парикмахера, косметический кабинет и мастерская по ремонту радио- и телеаппаратуры в пятом и четырнадцать кондитерских магазинов в целом на перепроектируемой территории, среди всего прочего. Все исчезло. То же случилось с тринадцатью мастерскими, двумя профсоюзами, тремя церквями, одним политическим клубом и восемью общественными.

В общей сложности в Восточном Гарлеме новые дома уничтожили более 1500 розничных магазинов, и на их месте не было построено буквально ни одного. Жаль бедных капиталистов? Может быть. Но если отвлечься от их проблем и вместо этого посмотреть на район, который они обслуживали, обнаружится не только гибель предпринимательской деятельности, но и ослабление социального клея — общество, как сказала Джейн, заменили на общежитие.

В начале 1956 года Хосе Луис Серт⁴³, каталонский архитектор, иммигрировавший в Соединенные Штаты в 1939 году, декан гарвардской Высшей школы дизайна, предложил провести в апреле в университете конференцию по городскому дизайну. *Городской дизайн?* Серт рассматривал его как «дисциплину», что-то среднее между работой архитектора, ландшафтного архитектора и городского планировщика, но шире, чем каждая из них в отдельности. Как говорит Андре Дуани, главный сторонник движения Нового урбанизма конца XX века, конференция Серта в Гарварде представляет собой «группу джентльменов среднего возраста, которые собрались в попытке смягчить последствия своего неблагоразумия в молодости»⁴⁴ — приспеш-

43. Хосе Луис Серт или Жозеп Льюис Серт-и-Лопес (Josep Lluís Sert i López, 1902–1983) — испанский архитектор, родился в Барселоне, работал в Париже с Ле Корбюзье, после Гражданской войны в Испании был вынужден эмигрировать в США, где в 1953 году стал деканом в Гарвардской высшей школе дизайна. — *Прим. ред.*

44. Krieger and Saunders, p. xviii.

ников уничтожающего город модернизма. «Гарвард должен возглавить работу над ошибками», — заключил Серт.

В число заметных фигур от сообществ планировщиков, архитекторов и дизайнеров, приглашенных на конференцию, вошел и редактор *Architectural Forum*. 21 января 1956 года Дуг Хаскелл написал Серту, что будет рад ее посетить⁴⁵.

Но через два месяца, когда позвонила помощница Серта, Жаклин Тервитт, он сказал ей, «что вышла неурядица»⁴⁶. Неурядица состояла в том, что «это единственное время, когда я могу поехать в Европу» в этом году. Поэтому в итоге он не сможет приехать, «а так с удовольствием бы». Но кто вместо него? «Если другая женщина [то есть кроме Тарвитт, которая и сама известный архитектор] не будет некстати, могу ли я предложить, чтобы меня заменила миссис Роберт Джекобс — Джейн Джекобс в наших выходных данных». Когда дело доходило до вопросов городской реконструкции, которые освещались в *Forum*, она была самой опытной.

Не ясно, сделал ли Хаскелл это предложение после того, как поговорил с Джейн, или до; до конференции оставалось еще три недели. Ясно то, что Джейн сначала отказалась ехать⁴⁷.

Отказалась ехать, потому что не собирается вставать и произносить речей на публике — просто не хочет снова себя мучить. За несколько лет до этого она уже выступала с речью. Она записала ее, едва ли думая действительно ее произнести. Но когда настало время выходить, вспомнит она, «мои коленки дрожали, и голос дрожал, я была напугана и не могла с этим справиться, я просто опустила голову, пробормотала речь по бумажке и смогла только так».

Особенно пугало то, что это все свалилось на нее из ниоткуда. Никакого предчувствия не было, она не догадывалась о каких-либо спрятанных глубоко страхах, которые у нее могли быть, пока не пришло время на самом деле встать и сделать. На письме Джейн Джекобс выглядела уверенной в себе и авторитетной. Лично при нужном настрое в небольшой компании она охотно выражала свои взгляды, часто главенствовала в аудитории. Но выступить с докладом публично, перед целым залом людей? Сущий ужас. Она не умеет этого делать, не справится. После первого фиаско «я сказала себе, что больше никогда этого не сделаю... Ни за что не буду себя заставлять».

45. Хаскелл — Серту, 21 января 1956 г., HaskellPap, 20:5.

46. Хаскелл — Серту, 19 марта 1956 г., HaskellPap, 20:5.

47. История взята преимущественно из: Kunstler, 11, p. 13; Alexander and Weadick, p. 15.

И все же сейчас выпускающий редактор *Forum* разговаривал с ней по телефону о том, что она должна сделать именно это. Что-нибудь о земельном фонде для городского обновления — такой могла быть ее тема.

«Я сказала нет».

«Что ж, — сказал выпускающий редактор, — ты обязана. Он полагается на тебя»⁴⁸. «Он» был Дуг Хаскелл.

Она не ответила ничего. Телефон, кажется, умер.

«Тогда хорошо, я сделаю это, — сказала она наконец, — но тему я выберу сама». Земельный фонд? Ну нет. «Я буду говорить о том, что интересует меня».

---

48. Alexander and Weadick, p. 15.

Глава 10

Десять минут в Гарварде

ДЖЕЙН уже начала высказывать некоторые из своих еретических идей в журнале. За кухонным столом на Гудзон-стрит Боб с друзьями тоже слушали, как она говорит. Но конференция в Гарварде — это другое¹. Она большая и публичная. Среди двух сотен посетителей будет много заметных фигур в мире архитектуры, планирования и дизайна.

Прежде всего, Хосе Луис Серт, который пригласил их в Кембридж. Серт, родом из Барселоны, в юности работал на самого Ле Корбюзье. «Городское планирование развивается как новая наука»², — заявил он в своей приветственной речи. Планировщикам теперь надо думать о самой «структуре города, процессах его роста и упадка».

Приехал Эд Бэкон из Филадельфии, которого Джейн назовет «большой шишкой» американского планирования. Австрийско-американский архитектор Рихард Нойтра³, известный аккуратным, четким модернизмом своих калифорнийских домов. Ллойд Родуин⁴ из Массачусетского технологического института (MIT); Дэвид Лоуренс, мэр Питтсбурга; Чарльз Абрамс, создатель жилищного управления Нью-Йорка; уроженец

---

1. Krieger and Saunders.

2. Ibid., p. 3.

3. Рихард Йозеф Нойтра (Richard Joseph Neutra, 1892–1970) — австрийский и американский архитектор, ученик Адольфа Лооса, один из родоначальников модернизма XX века. В 1929 году эмигрировал в США, где работал в том числе с Фрэнком Ллойдом Райтом. — *Прим. ред.*

4. Ллойд Родуин (Lloyd Rodwin, 1919–1999) — американский архитектор, теоретик городского планирования, профессор городских исследований MIT, специалист по региональному и городскому развитию стран третьего мира. В январе 1956 года, за несколько месяцев до описываемой в этой главе конференции в Гарварде, вышла его первая крупная работа «Британская политика новых городов» (*British New Towns Policy*), посвященная анализу распространявшегося в Англии движения за новые города, в которой он выступил с критикой последователей идеи «Города-сада» Эбенизера Говарда, в том числе Льюиса Мамфорда. — *Прим. ред.*

Венгрии теоретик дизайна Дьёрдь Кепеш⁵; Хидео Сасаки⁶, первый ландшафтный архитектор. И, конечно, Льюис Мамфорд, недавно ушедший со своего поста в *The New Yorker*, его преосвященство американской архитектурной критики, автор более дюжины книг по искусству, архитектуре, технике и культуре — надменный, респектабельный, гордый. Практически все — мужчины: дипломированные, с научными степенями, длинными резюме, подтверждающими их выдающиеся карьеры; мужчины, которые проектировали важные здания, меняли лицо города. Джейн не нужна была шпаргалка, чтобы узнать тех, кого она встретит в Гарварде; многие были ей известны по меньшей мере по именам и благодаря их репутации.

В течение нескольких месяцев на фоне поездок в Филадельфию и Восточный Гарлем Джейн беспокоила огромная пропасть между тем, как вещи предположительно должны были работать в новом модернистском городе и как они работали на самом деле. Ей хотелось рассказать об этом; ей не давал покоя интеллектуальный зуд, авторская необходимость *выразить*. У нее было две, может быть, три недели на подготовку доклада. Сначала она его записала, как будто писала обычную статью. Она не собиралась зачитывать его вслух, это было бы ужасно. В то же время конспект или карточки оставляли слишком много пространства для катастрофы на трибуне, когда она выйдет говорить. Поэтому она выучила свою речь наизусть, все полторы тысячи слов. Боб заставил ее потренироваться произносить речь перед ним.

Сначала у меня дрожали колени, и голос дрожал, потому что мне надо было через это переступить. Но он заставлял меня повторять снова и снова, пока я не научилась избегать подобных казусов... Так что когда пришло время произнести речь, я вошла во что-то вроде... Я загнипнотизировала себя. Я не помню, как я это сделала. Просто говорила. Я забылась и произнесла речь без всей этой дрожи и прочего, я справилась⁷.

5. Дьёрдь Кепеш (György Kepes, 1906–2001) — американский художник, дизайнер, фотограф, режиссер и теоретик искусства венгерского происхождения. С 1937 года преподавал дизайн в школе «Новый Баухаус» (позднее Иллинойский институт дизайна). — *Прим. ред.*

6. Хидео Сасаки (Hideo Sasaki, 1919–2000) — американский архитектор, один из основоположников ландшафтного дизайна. Во время Второй мировой войны пережил депортацию в лагерь для интернированных японцев в Аризоне. С 1953 по 1970 год — профессор и декан факультета ландшафтного дизайна в Гарвардской высшей школе дизайна. В числе ключевых принципов при проектировании ландшафтов призывал учитывать историко-культурные, экологические и социальные факторы. — *Прим. ред.*

7. Alexander and Weadick, p. 16.

Она начала с Восточного Гарлема и с того, как при переселении 50 тысяч человек в новые дома из района исчезло более тысячи магазинов⁸. Труднее стало добывать не только потребительские товары и услуги; трудно добыть *сообщество*. «Магазин, — заявила она, — это еще и его владелец. Один супермаркет может заменить тридцать соседних кулинарий, ларьков с фруктами, бакалейных и мясных лавок... Но он не может заменить тридцать владельцев магазинов или даже одного».

Кондитерские, закусочные и бары служили общественными центрами. Когда они не справлялись, то общественные и политические клубы, церкви занимали их место. А если они тоже уйдут? Легко шутить о мелком политикане, которому теперь не у кого быть на побегушках. Но, предупреждала Джейн, «на самом деле это совсем не весело». Она продолжала:

Если вы никто и не знаете кого-то, кто не является никем, единственный способ, которым вы можете заставить услышать себя в большом городе — через определенные хорошо налаженные каналы. Эти каналы начинаются в мелких лавчонках. Они начинаются в парикмахерской Майка или в офисе человека, которого называют Судья, они ведут в демократический клуб Томаса Джефферсона, где Фавини, член Городского совета, вершит суд, и отсюда начинается движение наверх.

Не получится формализовать механизм действия. Весь вес ее рассуждения заключался в том, что обшарпанные, дешевые, неиспользуемые помещения в бедных районах просто *необходимы*. Так не получится в новых домах, в безопасных, спокойных и упорядоченных местах.

Таких, как Стайвесант-таун⁹.

Джейн неплохо знала Стайвесант-таун: там жила ее сестра. В конце 1940-х, в 1950-е годы и позднее они с мужьями и детьми ходили друг к другу в гости, их разделяли полчаса ходьбы или пара остановок на городском автобусе. Семьями они часто ходили вместе в музеи, на бесплатные концерты, в зоопарк. Бетти и Жюль Мэнсоны и трое их детей (в 1955 году — в возрасте от трех до восьми лет) жили в одном из больших районов новостроек из тринадцатипятиэтажных жилых домов, названных

8. Текст речи Джейн, цитаты из которой приводятся на нескольких следующих страницах, можно найти в *Architectural Forum* (June 1956) в виде статьи «The Missing Link in City Redevelopment»; в *Matter*, p. 39–40; выдержки приводятся также в *Progressive Architecture* (August 1956), p. 102–103; Krieger and Saunders, p. 9–11.

9. См.: *Projects*, part II; отсылки к ним Джейн в ее гарвардской лекции и позже в «Смерти и жизни»; интервью с Кэрол Биер.

по имени Питера Стайвесанта, последнего мэра Нового Амстердама, прежде чем он стал Нью-Йорком. Комплекс построили после войны, чтобы помочь решить проблему нехватки жилья, перед тем как вернуться домой американские солдаты. Стайвесант-таун не был федеральным проектом в том смысле, что он не был продуктом деятельности государственных жилищных агентств. Его построили не для бедных. Специально спроектированным он был во всех остальных смыслах — просторный, занимающий 62 акра, с тремя дюжинами почти идентичных башен из красного кирпича, вмещающих 20 тысяч человек.

В 1942 году из своего гнезда в шести сотнях футов над Мэдисон-авеню в главном управлении *Metropolitan Life Insurance Company*¹⁰ (как рассказывает эту историю Сэмюэл Зипп в своей шедевральной книге *Manhattan Projects*) денежные мешки компании посмотрели на юг и странным образом увидели, что весь Ист-Сайд за 20-ми Западными улицами «свободен». То есть они увидели разрушающиеся многоквартирные дома, созревшие для инвестиций, сноса и реконструкции. В итоге бригады рабочих очистили целый восемнадцатиквартальный Газхаус-дистрикт, как назывался этот район, неотличимый от опустошенных войной европейских городов. Но прежде чем они это сделали, люди из *MetLife*¹¹ прошли через него квартал за кварталом, фотографируя городские пейзажи, которые скоро исчезнут.

Один угол района действительно выглядел довольно плохо. Но остальные если и не кипели жизнью, то вполне могли сойти за благополучные, с четырех- и пятиэтажными многоквартирными домами, выстроившимися вдоль ухоженных улиц. Там были театры, две школы, много богато украшенных церквей. Сам Льюис Мамфорд напишет о давшем району имя газовом заводе, что вид его «железного узора на фоне ясного рассветного неба, иногда принимающего цвет лайма»¹², предлагал незабываемо эстетический вид. Журналисты, документирующие смертельную агонию района, обнаружили, по словам Зиппа, «живой район... жители [которого] смотрели на него с простой привязанностью, несмотря на бедность и сокращение численности населения... [Это] была сцена для великих событий повседневной жизни, она стала настолько же ценной для них, как и люди, с которыми они разделяли свои жизни»¹³.

10. *Projects*, p. 73.

11. *MetLife* (Metropolitan Life Insurance Company) — крупная американская страховая компания. — *Прим. ред.*

12. *Projects*, p. 85.

13. *Ibid.*, p. 95.

Гасхаус-дистрикт сровняли с землей. На его месте вырос Стайвесант-таун. По многим показателям он мог считаться успешным. Предназначенный непосредственно для среднего класса, он славился симпатичными пейзажами, извилистыми дорожками, относительно просторными комнатами и тщательным отбором арендаторов, годами исключавшим черных и другие меньшинства. В этом, а может и во всем остальном, он был похож на новые пригороды, выраставшие вокруг в это время. Дочь Бетти Мэнсон, Кэрол, племянница Джейн, будет с любовью вспоминать, как из окна ее спальни в квартире 10F в одном из зданий, выходящего на север, были видны Эмпайр-стейт-билдинг и Крайслер-билдинг. Окно комнаты ее брата выходило на юг, на 14-ю улицу, старый район многоквартирных домов, где можно было увидеть людей, запускающих с крыш голубей. Стайвесант-таун, будет думать она, отличался, насколько это вообще возможно, от ветхого Гринвич-Виллидж тети Джейн.

И, конечно, насколько это возможно, он отличался от Восточного Гарлема.

Только Джейн считала, что он не настолько уж отличался от Восточного Гарлема, в конце концов, — вот что она хотела рассказать своей аудитории в Гарварде.

Стайвесант-таун казался ей детищем той же самой послевоенной горячки планирования. Как и в Восточном Гарлеме, там не было магазинов: практически ничего, кроме квартир. Как и Восточный Гарлем, он был огромным, занимал большую полосу недвижимости вдоль восточного края Манхэттена, от Первой авеню и почти до Ист-Ривер. Как и в проектах Восточного Гарлема, уличная сетка была разорвана, новые здания сбиты в большой суперквартал. Бодаясь с Стайвесант-тауном, 15-я и 16-я улицы теперь просто растворились в Первой авеню. Часто приезжая к сестре, Джейн гуляла по дорожкам вдоль газонов Стайвесант-тауна и межквартирным коридорам, и ей не нравилось то, что она видела.

«Все мы знаем, как Джейн не любит Стайвесант-таун, — говорит Кэрол, вспоминая атмосферу напряжения, возникшую между сестрами, когда они его обсуждали. — Я долго не понимала ее нелюбви к этому месту, поскольку здесь было гораздо чище, не так воняло и не было столько крыс и насекомых, как в районе к югу от нас. Мне казалось, что туалеты и ванны были таких приятных очертаний, и окна больше, и мне нравились паркетные полы». Спустя годы слабые ранние побеги и молодая трава Стайвесант-тауна разрастутся в распускающиеся пышные заросли. Для многих ее слушателей в Гарварде о Стайвесант-тауне нельзя было говорить в том же духе, что

и о Восточном Гарлеме. Он был для людей со средним доходом, а не для бедных. Он был частный, а не муниципальный. Может, он и не дотягивал до стандартов Верхнего Ист-Сайда или Грамерси-парк, но по сравнению с новыми домами для Восточного Гарлема и комнаты были больше, и уровень отделки и обслуживания выше. Конечно, легко составить список отличий от Восточного Гарлема.

Но Джейн выявляла их сходства и считала их более показательными. Она делала это довольно странно: через своего рода переворот «фигуры и фона», рассматривая *не* Стайвесант-таун, а окружающие его улицы: спуститесь на лифте вниз из квартиры в вашей башне, пройдите по широкой извилистой дорожке на 14-ю улицу, пересеките ее, и вы попадете в другую страну. Теперь это четырех- или пятиэтажные дома без лифтов, с пожарными лестницами на уличных фасадах и подвальные решетки, выходящими на тротуары; улицы переполнены людьми, магазинчиками на любой вкус. Праздник чувств (хотя для некоторых — насилие над ними). Джейн изобразила «ником не распланированный, хаотический, процветающий пояс магазинов, стоящий лагерем вокруг казарм Стайвесант[-тауна]»¹⁴. И за ними еще более хаотический пояс «едва сводящих концы с концами кооперативных детских садов, балетных классов, мастерских „сделай сам“, экзотических магазинчиков». Все это, что составляет «главное очарование города», лежит *вне* Стайвесант-тауна.

«Вы понимаете, что это означает?» — спрашивала Джейн публику. Некоторые из самых существенных и характерных элементов городской жизни были выкорчеваны как из Стайвесант-тауна, так и из Восточного Гарлема, «потому что при новом порядке для них буквально нет места».

Вот этот «новый порядок» и был настоящей темой Джейн. Представления архитекторов и планировщиков послевоенного периода сметали существующие районы и заменяли их однотипными, негибкими, нечеловеческими и скучными территориями. *Вот* каким был новый порядок. Эта «нелепая ситуация, — сказала Джейн, — должна пробрать планировщиков до мурашек».

Как-то раз, по ее словам, *Union Settlement* искал помещение среди новостроек Восточного Гарлема, где можно было бы просто встретиться со взрослыми жителями района. Такого места не нашлось нигде — нигде невозможно встретиться и поговорить, кроме, может быть, прачечной в подвале. Понимают ли

14. *Matter*, p. 39.

архитекторы данного проекта, что задвигание социальной и публичной сферы в недра подвала приводит к «социальной нищете, какой трущобы и не видывали»?

Джейн не закончила. Она отметила, что некоторые из проектов для Восточного Гарлема реализованы десять лет назад. Прошло уже достаточно времени, чтобы наладить новые социальные сети, а жители все еще ходят в свои старые районы, в то время как немногие извне приходят их навестить. Почему? Да потому что там для них ничего нет, *делать нечего*. Планировщикам стоило поучиться у подъездов и тротуаров самых живых старых районов города. Открытые пространства в большинстве городских реконструированных районов — «гигантская дыра», тогда как они «должны были быть по меньшей мере такими же живыми, как и тротуары трущоб».

«Мы серьезно заблуждаемся, — заключила она, — когда говорим об объединении пригорода с городом». Город имеет свои собственные, очень разные достоинства, «и мы не сослужим им никакой службы, пытаясь добить их до какой-то невнятной имитации не-города».

Когда она вышла из этого почти что транс или по крайней мере из того, что помогло ей через это пройти, Джейн узнала, что ее речь стала «громким хитом, очевидно, потому что было неслыханно, чтобы кто-то говорил такое прежде»¹⁵. Льюис Мамфорд после подошел к ней, пожал руку и «с энтузиазмом приветствовал», якобы приобнял ее и пригласил в клуб. «Как свежий морской ветер, — напишет он позже, — она ворвалась в туманную атмосферу профессионального жаргона, которая обычно окутывает такие мероприятия, нарисовав драматичную, но достоверную картину»¹⁶ цены, которую люди платят за проекты городского переустройства. Ее появление

...представило ее как личность, с которой надо считаться. Это был новый вид «эксперта»... Эта способная женщина пользовалась глазами и, что еще поразительнее, сердцем, чтобы проанализировать результат масштабного строительства для простого человека, и на самом деле она говорила, что эти высокомерные казармы... не подходят для жилья.

В последующие годы в Гарварде будут проводить другие конференции по городскому дизайну. Но эта была первой; именно

15. Kunstler, 11, p. 13.

16. Lewis Mumford, *The Urban Prospect*, p. 185; цит. по: Витольд Рыбчинский, *Городской конструктор. Идеи и города* (Москва: Стрелка-Пресс, 2014), с. 66.

о ней будут говорить, именно здесь Джейн Джекобс впервые вышла произнести речь. Секунду назад она была невидимкой, теперь у нее было имя. Она была как дублер в шоу на Бродвее, которую привели в последнюю минуту, чтобы заменить настоящую звезду. Они хотели Дуга Хаскелла, а получили вместо него Джейн Джекобс. И большинство из них никогда этого не забудут.

Двадцатисемилетний японский архитектор Фумихико Маки¹⁷, будущий обладатель Притцкеровской премии, тогда учившийся в Гарвардской школе дизайна, будет вспоминать «страстное выступление»¹⁸ Джейн от имени исчезающих районов. Но страсть шла не от избытка эмоций и не из-за присутствия на сцене; тогда и позже Джейн Джекобс не была блестящим оратором. Скорее *то, что она говорила*, увлекало людей: важные слова, сами идеи — *они* передавали страсть. «Я загнипотизировала себя, — скажет она позже в интервью, — но, очевидно, загнипотизировала и их».

Нельзя это считать и искусным трюком. Джейн наблюдала за городами и писала о них с того времени, как впервые приехала в Нью-Йорк — сначала на страницах *Vogue*, потом в «Америке», и теперь, с 1952 года, в *Forum*, она не была несведущей выскочкой. Ей было что сказать, так как она серьезно размышляла о том, что видела и о чем читала; и поскольку она была в теме достаточно давно, ей было *о чем* поразмышлять из жизни города — множество зданий, городских пейзажей, замыслов архитекторов, карт и чертежей, книг и статей, художественных манифестов и эстетических принципов, множество характеров районов, городских чиновников и девелоперов, владельцев магазинов, мам и пап. Когда она вышла перед аудиторией в Гарварде, варево ее идей уже давно кипело.

Через неделю после конференции Дуг Хаскелл получил известие от архитектора Виктора Груена¹⁹, чья работа стала темой статей Джейн в *Forum*. Он тоже был на конференции. Джейн была «великолепна»²⁰, писал он.

17. Фумихико Маки (Fumihiko Maki, 1928) — американский архитектор японского происхождения, теоретик архитектуры, лауреат Притцкеровской премии (1993), одна из основных черт его архитектурного творчества — ориентация на человека. — *Прим. ред.*

18. Fumihiko Maki, «Fragmentation and Friction as Urban Threats: The Post-1956 City», in Krieger and Saunders, p. 88.

19. Виктор Груен (Victor David Gruen, 1903–1980) — американский архитектор австрийского происхождения. Один из пионеров дизайна торговых моллов в США, известный также проектами переустройства ряда американских городов. Автор ряда книг о ревитализации городских центров. — *Прим. ред.*

20. Виктор Груен — Дугласу Хаскеллу, 16 апреля 1956 г., HaskellPap.

Все использовали выражения «человеческий масштаб» и «тепло», но Джейн единственная на самом деле об этом говорила, даже не употребляя высоких слов. Она была свежим ветром в душной комнате... Ее простота и искренность, ее вдумчивость поразила всех в самое сердце. Нет сомнений, что она была звездой шоу.

В Гарварде Джейн оказалась среди гигантов этой сферы; невозможно было прыгнуть в небеса городского дизайна выше, чем ее аудитория. Не то чтобы ничто из сказанного ею в те десять минут не говорилось раньше. Как намекнул Груен, современная архитектура и планирование начали понемногу истощаться; темой части обсуждений на конференции стала интимность масштаба. И все же Джейн оставила свой след. На обороте письма Груена Хаскелл подписал карандашом: «Мой самый мудрый поступок за долгое время — отдать это приглашение ей!»

Независимость, даже бесстрашие Джейн не означает, что у нее был иммунитет к похвалам или ей было не важно, что о ней подумают. Конечно, похвалы, которые настигли ее теперь, помогут уничтожить остатки неуверенности в ценности ее идей или в способности их выразить. Подготовка речи и столь теплый отклик на нее ясно отмечают поворотную для Джейн точку. В письме Кэтрин Бауэр²¹, эксперту по государственному жилью, она напишет, что идеи «варились во мне последние пару лет», позаботившись добавить: «но не раньше»²². Письмо датировано 29 апреля 1958 года — прошло ровно два года, вплоть до месяца, с той гарвардской речи. Громкие почести вроде Нобелевской премии часто приходят на закате карьеры. Но второстепенные награды приходят раньше и могут помочь достижению поставленных целей и росту их общественной пользы, укрепляя чувство собственного достоинства человека, поддерживая его амбиции, помогая продвинуть его самого или его идеи людям. Что-то вроде этого теперь произошло с Джейн.

Выступление в Гарварде упрочило ее позиции в *Forum*, ей давали самые ответственные задания, многие статьи теперь подписаны ее именем. Джим вспоминает, как мать пришла домой с новостями, значение которых в девятилетнем возрасте

21. Кэтрин Бауэр (Catherine Krouse Bauer Wurster, 1905–1964) — американский архитектурный критик, один из лидеров движения за качественное и дешевое жилье для населения с низким доходом. Автор влиятельной книги «Современное жилье» (*Modern Housing*, 1934) и один из главных соавторов американского жилищного законодательства 1937 года. — *Прим. ред.*

22. Дж. Дж. — Кэтрин Бауэр, 29 апреля 1958 г., LaurenceDiss, p. 348.

от него ускользнуло. Джейн объяснила, что ее имя теперь будет появляться в статьях, которые она пишет; она в буквальном смысле больше не была безымянной. Журналу было выгодно публиковать работу женщины, которая наэлектризовала Кембридж, да и Джейн было неплохо — стать свободнее, расправить свои интеллектуальные и редакторские мышцы.

В номере за сентябрь 1956 года существенная часть журнала была посвящена вопросу: «Какой будет структура города к 1976 году?» Джейн написала передовицу:

Последние десять лет принесли нам бардак в землепользовании, освоении земли, застой и уродство. Но это ничто по сравнению с тем, что обещают нам следующие двадцать. Исключительное уничтожение городской среды, глубокая депрессия городов — или мы в сжатые сроки придумаем нечто, что вытеснит из города автомобили; у нас нет иного пути предотвратить этот кризис роста²³.

В статье за март 1957 года она рассматривала офисный бум в Нью-Йорке, где после войны было построено 64 крупных офисных здания, среди которых Левер-хаус, Сигрем-билдинг, дом 430 по Парк-авеню. «Что, — спрашивала она, — случилось с теми разумными послевоенными лозунгами о „рассеивании“ и „децентрализации“? Что случилось с картиной счастливых клерков, жующих сэндвичи на траве вдали от обезумевшей толпы?»^{24, 25}

В мае она вновь написала о классической для города модели — квартальной застройке: «Большим переоткрытием для нас является то, что эта основная схема, восходящая к эпохе Помпей, когда все ходили пешком, и эре карет, когда Филадельфия еще была столицей, кажется прекрасной альтернативой автомобилю»²⁶.

В августе она перешла от улиц и аллей к регионам. Проблемы управления мегаполисом можно решить «не абстрактной логикой или элегантностью структуры, а комбинированием подходов, методом проб и ошибок и широким маневрированием между вопросами целесообразности и конфликтующими интересами. К чему бы мы ни пришли, мы встанем на этот путь»²⁷.

23. Jane Jacobs, «By 1976 What City Pattern?», *Architectural Forum* (September 1956), p. 103.

24. Jane Jacobs, «New York's Office Boom», *Architectural Forum* (March 1957), p. 106.

25. Отсылка к роману английского писателя Томаса Харди «Вдали от обезумевшей толпы». — *Прим. пер.*

26. Jane Jacobs, «Row Houses for Cities», *Architectural Forum* (May 1957), p. 149.

27. Jane Jacobs, «Metropolitan Government», *Architectural Forum* (August 1957), p. 125.

Высказывание мнений вышло в издании, которое долгие годы давало Джейн журналистский кров. Но *Forum* не мог держать ее вечно. Это был младший ребенок в семье *Time Life*, у него был самый маленький тираж. Гораздо больше, с большим охватом и более широким профилем, был *Fortune*, крупный бизнес-журнал Генри Люса, запущенный в 1930 году. В первую неделю января 1957 года, через девять месяцев после речи Джейн в Гарварде, Дуг Хаскелл получил дружескую записку от редактора *Fortune*, Холли Уайта, с просьбой о помощи²⁸.

Уильям Холлингсворт Уайт, выпускник Принстона и офицер морской пехоты, служивший на Тихом океане, годом ранее произвел фурор эпохальной книгой «Организационный человек» о корпоративной жизни в новом американском пригороде. Теперь, в *Fortune*, он обратил свое внимание на проблемы городов. Он задумал целую серию статей, которые должны были выйти позже в том же году. Он искал темы и приглашал авторов.

Джейн была одной из его находок. «Я слышал об этой Джейн Джекобс, — расскажет он. — Я пошел с ней познакомиться и был чрезвычайно впечатлен. Я подумал, что она настоящий гений»²⁹.

---

28. Холли Уайт — Дугласу Хаскеллу, 17 января 1957 г., HaskellPap, 78:6.

29. Matter, p. 16.

Глава II

Человек, с которым стоит поговорить

ПОТОМ, в 1992 году, возвращаясь к статье для *Fortune*, которую он поручил написать Джейн и которая принесла ей столько внимания и признания, Уайт вспоминал, как решил, что Джейн «именно тот человек»¹, кто сможет это сделать. Тем не менее статьи «Центр города для людей» могло вообще не быть.

Сначала, рассказывает Уайт, «она возражала и утверждала, что она к этому не готова, и ничего длиннее нескольких абзацев никогда не писала». Коллеги в *Fortune* «считали, что ей не следует поручать» такую важную работу. «Она женщина; да и новенькая». Ну, и она ездит на работу на... э... *velocipede*. В общем, им казалось, что Джейн Джекобс — это «самый неподходящий выбор», и ее действительно сняли с задания. Та же, услышав, как Уайт говорит об этом, вздохнула с облегчением. Но когда старший редактор проекта заболел, Джейн восстановили. На этот раз ничто не могло ее остановить. «Она писала, и писала, и писала, и принесла первый черновик на 14000 слов, из которых ни одно, полагала она, не нуждалось в редакции. Наш ягненок стал тигрицей».

Работа Джейн разжигала полемику, и не в перспективе, а прямо там, в самом *Time Life*. Когда черновик пошел по рукам, с Уайтом сразу связался издатель, Ч. Д. Джексон, тот был «в ужасе». И что это, возмущался он, что это за «сумасшедшая дама», которая предлагает на страницах *Fortune* оказать «помощь и поддержку критикам Линкольн-центра?» Этот долгожданный, блистательный новый комплекс исполнительских искусств был готов к возведению, чтобы преобразить культурную жизнь Вест-Сайда. И все же Джейн приводила его в качестве примера всего того, что было не так с современным планированием.

---

1. William H. Whyte Jr., «C. D. Jackson Meets Jane Jacobs», preface to Whyte, *The Exploding Metropolis*, p. xv.

Организовали деловой обед. Там был Джексон, вместе с узким кругом избранных редакторов *Fortune*, и Джейн. «За обедом собрались соперники», — вспоминал Уайт. Джексон — мистер Чарльз Дуглас Джексон, пятидесятипятилетний выпускник Принстона, ветеран Управления стратегических служб, предшественника ЦРУ в военные годы, эксперт по психологической войне, спичрайтер президента Эйзенхауэра, попечитель Метрополитен-оперы и давний сторонник Линкольн-центра — спросил, насколько точной является статья Джейн. Джейн защищала свою статью, «перечисляя факты и наблюдения из первых рук»². Уайт сидел, опустив голову. Когда все закончилось, Джейн спросила его, почему он не заступился за нее. «А не зачем», — ответил Уайт. «Бедняга» — имелся в виду Джексон — «подумал, что он попал под бензопилу».

Впрочем, в рассказе Уайта есть противоречия, привнесенные «ради красного словца», и он не столь точен, как хотелось бы. Когда они встретились с Джекобс впервые, заявил он в 1992 году, ее работа в *Forum* «заклучалась главным образом в сочинении подписей к фотографиям». Это неверно. Как и другие сотрудники, она сочиняла подписи к фотографиям, публиковавшимся в таких журналах, как *Forum*³. Но это была меньшая часть ее работы; ее многостраничные статьи на основе исследований в течение пяти лет представляли собой последнее слово в урбанистике. И утверждая, что Джейн настаивала на том, чтобы ни слова из ее статьи не вырезали, Уайт вменял ей позицию скорее начинающего автора, чем опытного профи, которым она была. Джейн лучше кого-либо знала, что такое синий карандаш редактора.

Так как статья Джейн в *Fortune* приведет ее позже прямо к «Смерти и жизни больших американских городов», Уайт имел все основания вернуться в те дни 1957 года, когда, если оглянуться назад, Джейн стояла на пороге славы, а он был там, чтобы засвидетельствовать ее успех. Но вот почему он так пренебрежительно писал о ней в 1992 году, остается загадкой. Они с Джейн были друзьями. Они с одинаковым рвением прославляли городскую жизнь. Они уважали друг друга⁴. Может быть, по прошествии тридцати пяти лет его память затуманилась? А может, история делалась интереснее, стоило изобразить

2. Dillon, p. 41.

3. William H. Whyte Jr., «C. D. Jackson Meets Jane Jacobs», preface to Whyte, *The Exploding Metropolis*, p. xv.

4. В двух случаях, например (см. ниже и следующую главу), Уайт поддерживает грант Фонда Рокфеллера для Джейн.

Джейн Джекобс неопытной? Может быть, он почерпнул больше предубеждений у коллег в *Fortune*, чем сам осознавал? А возможно, в 1957 году он сам толком ничего не знал. Как предполагает сын Джейн Джим, Уайт мог так никогда и не узнать, что карьера Джейн как обозревателя и редактора длилась уже два десятилетия; «Джейн была не из тех, кто себя нахваливает».

Конечно, путь статьи в печать был непростым; черновик на 14000 слов, по воспоминаниям Уайта, сократили больше чем наполовину. Хотя Джиму тогда было всего девять, он помнит, как мать над ней работала. «Это было действительно тяжело; она переживала, что не сможет отдать ее в работу». Но она отдала статью в работу. И вместе с ней ворота в большой мир, приоткрывшиеся после гарвардской речи, широко распахнулись.

Статьи в цикле публикаций *Fortune* начали выходить осенью 1957 года. Они выделялись из всего остального, как скажет Уайт в своем введении к *The Exploding Metropolis*, поэтому собраны в одну книгу, ведь они написаны «людьми, которым нравятся города»; во времена «расцвета субурбии»⁵ их было не так много. В общей сложности семь статей, составляющих, как выразился Сэм Басс Уорнер в своем предисловии к последнему изданию, «манифест культурной политики»⁶, выступают за все малое и локальное в противовес сверхкрупному.

Уайт сам представил цикл публикаций провокационно озаглавленной статьей «Города не для американцев?», хотя он на самом деле не ставил подобного вопроса и уж точно не собирался на него отвечать. Затем месяц за месяцем выходили статьи об автомобилях и городах, трущобах, разрастании пригородов; последняя статья была написана самим Уайтом, который сокрушается, что «большие площади некогда зеленой сельской местности превращались в обширные, задушенные смогом пустыни, не являющиеся ни городом, ни пригородом, ни загородом»⁷. Потом, в апреле 1958 года, вышла статья Джейн.

Большие города, начинала она, снова готовы к застройке; на подходе новые проекты реконструкции городских центров. Как будут выглядеть эти проекты в реальности?

Они будут просторными, зелеными, малолюдными, с длинными парковыми аллеями. Все будет прочным, симметричным, упорядоченным. Чисто, достойно, монументально. Одним словом,

5. См.: Robert W. Merry, «Suburbia Ascendant: Dawn of a New Era», *Congressional Quarterly Weekly Report*, 29 June 1992. — *Прим. пер.*

6. Sam Bass Warner Jr., preface to Whyte, *The Exploding Metropolis*, p. iv.

7. William H. Whyte Jr., «Urban Sprawl», in Whyte, *The Exploding Metropolis*, p. 133.

они будут обладать всеми признаками ухоженного приличного кладбища⁸.

Она назвала несколько: Голден-Гейтуэй в Сан-Франциско, концертный комплекс Лоуэр-Хилл в Питтсбурге⁹, Конвеншн-центр в Кливленде. И насколько унылыми они будут: «Проекты не оживят деловой центр; они умертвят его. Потому что они работают для противоположных городу целей. Они уничтожают улицу».

Статья Джейн содержала примерно шесть тысяч слов, около двадцати пяти страниц с двойным интервалом. Она охватывала широкую территорию, ссылаясь на множество примеров из разных городов и сопровождалась весьма наглядными иллюстрациями. Но в конце статьи Джейн посвятила немалую часть дорогого журнального места *Fortune* городским улицам. Ведь что такое города, если *не* улицы? Разве ужасные неудачи городской жизни не сводятся к небезопасным улицам, задушенным трафиком, уродливым, грязным и унылым?

Может быть, и так, но какая бы то ни было надежда для городов, говорила Джейн, заключалась в кипучих, интересных улицах; улицы — вот где город *живет*. Она берет читателя за руку и ведет его на Мейден-лейн в Сан-Франциско, «узкий переулок»¹⁰, выведивший на задворки каких-то неназванных зданий делового центра. Местные торговцы украсили его скамейками из красного дерева, деревьями, виноградной лозой и оконными ящиками с цветами, создав «оазис с охватывающим чувством интимности, счастья и непосредственности». В деловом центре, говорила Джейн, вам нужно разнообразие, контраст и бизнес, старые здания вперемешку с новыми, восхитительные центры притяжения, такие как шпиль церкви на Арлингтон-стрит, внезапно вздымающийся перед взглядом покупателей на бостонской Ньюбери-стрит. Вот чем мог быть город,

8. Jane Jacobs, «Downtown Is for People», в Whyte, *The Exploding Metropolis*, p. 157. Ниже я использую страницу переиздания 1993 года University of California Press, отличающегося от издания 1957 года (которые приводятся в «The Editors of Fortune»).

9. Джейн окажется права. «Сивик-аудиториум» в Хилл-дистрикте Питтсбурга, огромный многофункциональный комплекс с раздвижной крышей для оперных постановок и спортивных мероприятий, откроют в 1961 году. Но он, как и другие проекты по редевелопменту исторического центра Питтсбурга, не спасет город. Население Хилл-дистрикта с 1950 по 1990 год сократится на 71%, район покинет около 4 тысяч предприятий. Сама арена, многократно менявшая владельцев и название и до 2010 года служившая домом для хоккейной команды «Питтсбург Пингвинз», в 2012 году будет снесена. — *Прим. ред.*

10. Jane Jacobs, «Downtown Is for People», p. 162.

и иногда действительно таковым являлся. Но новые предстоящие проекты городского переустройства? Эти проекты, вздымала она, повернулись спиной к улице — которая, в новом представлении планировщиков, больше не имела значения. Теперь значение имели суперкварталы, участки лучшей городской недвижимости, удаленные от старых улиц и не принимающие их во внимание.

Новые жилищные проекты для Восточного Гарлема составляют такие суперкварталы. Например, Стайвесант-таун. Например, Линкольн-центр. Взгляд с высоты птичьего полета, карта даже самого мелкого масштаба показывает все, что могло представлять интерес в этой гигантской геометрии — огромные модернистские объекты, жилые комплексы, торговые центры и гимны *Kultur*, завернутые в плотную ткань старого города. Большие и скучно сервированные зелены.

«Теснота больших городов». Так озаглавила Джейн или ее редактор один из разделов статьи. «Мы склонны думать о больших городах как о больших предприятиях, а о маленьких городах — как о маленьких предприятиях, — писала Джейн. — Ничто не может быть более ложным». Наоборот: думая о городе, думай о малом. Маленькие, специализированные торговые точки, требующие мизерного количества денег, наподобие рядов маленьких магазинчиков, ныне исчезнувших из Восточного Гарлема, «должны привлекать поставки товаров и услуг ремесленников извне». А для них требовался широкий размах всего городского рынка, нуждающегося, в свою очередь, в других мелких предприятиях. Однако новые проекты реконструкции городского центра не рассчитаны на что-либо, кроме больших, даже огромных гомогенных кварталов, предназначенных для одной цели.

Таких, как Линкольн-центр, из-за которого у нее возникли неприятности с мистером Джексонем, главным редактором *Fortune*. «Этот культурный суперквартал, — писала о нем Джейн, — задуман очень большим¹¹, — в устах Джейн это не комплимент, — средоточием всего музыкального и танцевального мира Нью-Йорка». Его должны были быстро построить к западу от Бродвея на 60-х Западных улицах — культурный комплекс, который станет образцом для городов всей страны. Шаг 1: снести все, что здесь было раньше. Шаг 2: воткнуть оперный театр, филармонию или центр искусств. Но ведь, настаивала Джейн, Линкольн-центр просто не подходит городскому пейзажу Нью-Йорка. Он не извлечет выгоды из окружающей го-

11. Jane Jacobs, «Downtown Is for People», p. 173.

родской ткани и не внесет в нее вклад. Какой бы культурный подъем он ни предлагал Нью-Йорку, город в целом пострадает.

Взгляды Джейн, по крайней мере как они были представлены в печати — возможно, в смягченном виде после того ланча с Джексонсом и Уайтом — были на грани узкоспециального знания: она показывала, улица за улицей, как Линкольн-центр будет отделен от города: «На севере улица будет соседствовать с огромной и мрачной средней школой. На юге — делить пространство с еще одной институцией суперквартала, кампусом Фордемского университета»¹². Но Джейн говорила не только о Линкольн-центре — о том, как суперкварталы работают *в целом*, подрывая города. Сложная и запутанная взаимосвязь сил городской жизни, визуальное и социальное разнообразие улиц, неоднородность людей, зданий и парков уступает стерильному новому образу города. В жертву приносится «веселая сумятица, которая заставляет людей захотеть выйти в город и задержаться там»¹³. Вот *что* было потеряно.

Джейн писала о Линкольн-центре за год до того, как состоялась его закладка и президент Эйзенхауэр с трибуны объявил о великом дне для американской культуры и «стимулирующем подходе» к преодолению городского упадка. Но даже тогда, накануне того как первый бойный шар обрушил первые пять сотен многоквартирных домов в августе 1959 года, в кварталах вокруг Линкольн-сквер все еще *жили* люди — 15 тысяч человек, по большей части рабочий класс и малообеспеченные слои населения. Большинство — белые и уроженцы этого места, хотя присутствовало и растущее пуэрториканское меньшинство. Для сторонников Линкольн-центра, конечно, это были трущобы, временки. Главный местный сторонник проекта в 1959 году предсказывал, что центр станет «символом победы в великой войне — войне против болезней, темноты, грязи и кишачих паразитами домов. Сражение за право рожденных и выросших в подвалах детей на солнечный свет, свежий воздух и прекрасную среду».

Не все так считали. Возникли группы типа «Спасите наши дома». «Укрытие от культуры», — гласили транспаранты, которыми размахивали протестующие перед мэрией от лица Комитета жителей Линкольн-сквер¹⁴. Но это им не помогло. В конце концов, были разрушены 63-я и 64-я Западные улицы, обе заменил суперквартал, тот самый Линкольн-центр. Первые кадры фильма «Вестсайдская история», изображающего роман Ро-

12. Ibid., p. 173.

13. Ibid., p. 158.

14. Мой рассказ по большей части следует за *Projects*, part III.

мео и Джульетты, перенесенный в многоквартирные дома Нью-Йорка, были сняты в этом районе и его окрестностях; а когда в 1961 году вышел фильм, представленные в нем улицы были снесены, стали частью огромного квартала из двадцативосьмиэтажных жилых домов, тоже являвшихся частью нового проекта.

В итоге многие смогли высоко оценить осуществленные преобразования, но, как в Восточном Гарлеме и Стайвесантауне, целый мир был стерт с лица города — не только частные дома, не только донельзя обветшалые улицы, не только известные очаги преступности, а все целиком. «Боль, причиненная расчисткой и реконструкцией, — пишет Сэмюэл Зипп в своей книге, — была вызвана не только потерей частных домов и магазинов, но потерей всего городского мира, неформальной системы связей, которая исчезнет вместе с многоквартирными домами, мастерскими и магазинчиками на углу»¹⁵. Может быть, настоящие трущобы, к счастью, и ушли, вместе с бандитским беспределом, никогда столь эстетически не изображенным в танце, как Джеромом Роббинсом для «Вестсайдской истории». Но *что-то* стоящее ушло вместе с ними.

Архитекторов, планировщиков и бизнесменов, ответственных за эти отполированные виды, писала Джейн, «захватили мечты о порядке», очаровали масштабы модели и виды с высоты птичьего полета, но город масштаба улицы для них был потерян. «Логика проектировщиков, — писала она, — это логика эгоцентричных детей, играющих в кубики и кричащих: „Смотри, что я сделал!“»¹⁶. Горожанин, писала Джейн, должен был вмешаться и предъявить свои претензии. «Это *его* город, в конце концов».

Статья Джейн была напечатана в апрельском выпуске *Fortune* в 1958 году, и вскоре рекой потекли письма. «Смотрите, что ваша девочка сделала для нас! — нацарапал Холли Уайт на семистраничной выборке цитат и отправил Дугу Хаскеллу. — Это одни из лучших откликов, которые когда-либо к нам поступали!»¹⁷

Письма приходили от планировщиков, бизнесменов, девелоперов, мэров, консультантов, архитекторов и обычных горожан. *Превосходно*, говорили они. *Впечатляюще, освежающе, провокационно*. «Призыв Джейн учитывать человеческий масштаб — это радостная весть в большой массе безликих планов», — Вашингтон, округ Колумбия, подписал мужчина. Дьёрдь Ке-

15. *Projects*, p. 200.

16. Jane Jacobs, «Downtown Is for People», p. 158.

17. «Comments on Downtown Is For People», Ruth Kammler, *Fortune* Letters Dept., RF, RG 1.2, Ser. 200R, Box 390, Folder 3380, Rockefeller.

пеш, уроженец Венгрии, дизайнер и теоретик искусства из MIT, вероятно, слышавший доклад Джейн на Гарвардской конференции, написал, что он прочел статью «с огромной радостью и большим интересом»; статья несла не только знание и понимание, «но и человеческое тепло». Во многих письмах чувствовалась личная связь, будто каким-то образом Джейн говорила для них, *направляла* их; словно она говорила то, что они чувствовали, но не могли выразить сами.

Английский журнал *Architectural Review* в редакционной статье о сборнике *The Exploding Metropolis* в целом написал то, что справедливо можно отнести к статье Джейн в частности: это был «первый маячок пожарной сигнализации в кабине самолета»¹⁸, тревожный, назойливый сигнал, предупреждающий о неполадках — в данном случае в современных теориях архитектуры и городского планирования.

«Какими энергичными мы были в середине пятидесятых, — тепло вспоминал Дуг Хаскелл через несколько лет, когда Джейн уходила из *Forum*, — и как бесценна ты была... как цемент, энтузиазмом укрепляющий персонал в великом деле. Полагаю, у нас была отличная атмосфера». Джейн провела с Дугом и остальными сотрудниками почти десять лет, и это были хорошие годы. Но *Forum* был скорее мейнстримным местом¹⁹, не слишком отличавшимся от своих конкурентов, *Progressive Architecture*²⁰ и *Architectural Record*²¹. Когда ее взяли, «главный редактор сразу же дал мне понять, что следует избегать негативных комментариев»²², иначе пропадет доступ к архитекторам, то есть к источни-

18. Gillian Darley, «Ian Nairn and Jane Jacobs, the Lessons from Britain and America», *Journal of Architecture* 17, no. 5 (2012), p. 738.

19. Информацией о журнале *Forum* этого периода я обязан отчасти книгам: Blake, *No Place Like Utopia*; LaurenceDiss; а также David A. Crane, «Working Paper for the University of Pennsylvania Conference on Urban Design Criticism», University of Pennsylvania, Institute of Urban Studies, 1958, p. 11. Крейн может быть жестким: «Эти журналы, кажется, уступают реальному или воображаемому запросу на легкое развлечение: глянцевые картинки и бойкие подписи, которые специально никогда не показывали ошибки в здании. Уровень обсуждения редко поднимался до настоящего профессионального калибра; в действительности он достоин нелестного сравнения с некоторыми газетными статьями об искусстве и театре». (Но, отметил он, «недавно проявившийся широкий и вдумчивый подход Джейн Джекобс к урбанизму в *Forum* выглядит как очень положительное изменение».)

20. Американский журнал, посвященный модернистской архитектуре, издававшийся с 1920 по 1945 год под названием *Pencil Points*. Закрыт в 1995 году. — *Прим. ред.*

21. Американский ежемесячный журнал по архитектуре и дизайну. Основан в 1891 году. Редакция журнала базируется в Нью-Йорке. — *Прим. ред.*

22. *Впереди Средневековье*, с. 187.

ку жизненной силы журнала; прагматика или эгоизм, решайте сами, но это играло роль в каждом решении редакции. Любая архитектурная «критика» в *Forum* не содержала жестких вердиктов, являющихся прерогативой книг или фильмов; по большей части в журнале рассказывалось о тех зданиях или проектах, которыми «можно было безоговорочно восхищаться или которыми безоговорочно восхищался главный редактор». Они игнорировали то, что им не нравилось. *Forum* затрагивал центр, а не периферию. Значение имела превалирующая конъюнктура. Значение имели крупные имена в этой сфере. «Мы были настроены на громкие имена в профессии, и мы угодливо поклонялись [архитектурной] моде», которая тогда царила, а модой в то время был, по движению и по духу, модернизм.

Взгляните на Павильон Германии в Барселоне²³, невысокое здание на большой горизонтальной плоскости, с роскошными поверхностями из мрамора, оникса и тонированного стекла, практически лишенное декора. Оно открытое, свободное и акkuratное, его поверхности не испорчены запутанными кривыми и завитками, это упражнение на простоту, построение пропорций и создание обширного просторного помещения. Что самое удивительное — и может заставить вас ахнуть: это здание, разработанное немецким архитектором Мисом ван дер Роэ для международной выставки в Барселоне, относится к 1929 году, к миру барочного орнамента и викторианских нагромождений. Выставка была временной, и павильон демонтировали в следующем году. Но столь знаковым был его архитектурный стиль, модернизм, что в 1986 году здание восстановили по оригинальным чертежам на прежнем месте, частично из оригинальных материалов. Барселонский павильон свободно можно отнести к современному миру; он помог *создать* современный мир.

Лучшего и быть не может, если ищешь икону модернизма. Но предшественники движения на самом деле до 1929 года возвращались к концу XIX века, когда железо, сталь и стекло начали заменять вековые камни, кирпич и дерево как строительные материалы; когда строители и архитекторы восстали против викторианских излишеств и обратились к новым строительным технологиям, новым представлениям о том, чем может быть здание или город. Чертеж за чертежом, здание за здани-

23. Краткий обзор модернистской архитектуры и планирования взят, среди прочего, здесь: Fishman, *Urban Utopias in the Twentieth Century*; Blake, *No Place Like Utopia*; Goldberger, *Why Architecture Matters*; the Le Corbusier exhibition at New York's Museum of Modern Art, 2013; Martin Perschler, в его кypce «Modernism & Postmodernism in Architecture», Johns Hopkins University, 2013; и, конечно, в самой «Жизни и смерти».

ем, с новыми и новыми материалами, архитектурными деталями, идея за идеей Мис ван дер Роэ, Ле Корбюзье, Фрэнк Ллойд Райт, Вальтер Гропиус и другие мастера-модернисты создавали архитектурный стиль, который главенствует в построенном сегодня мире.

Модернизм, однако, выражался не только в масштабе отдельного здания, но и города, общества в целом, и касался не только эстетики и дизайна. Его пронизывала и социальная миссия: исправить мир, сделать его лучше. Идея состояла в том, что хорошая архитектура *имела большое значение*: чем лучше город — тем лучше жизнь. «Что такое идеальный город XX века, город, который лучше всего выражает силу и красоту современных технологий и самые просвещенные идеи общественной справедливости?»²⁴ Историк Роберт Фишман начинает этим вопросом свою книгу «Городские утопии XX века». На модернистское планирование можно взглянуть как на поиск ответа длиной в столетие.

Однажды в 1930 году один из самых влиятельных создателей модернизма, Шарль-Эдуар Жаннере, швейцарско-французский архитектор, более известный как Ле Корбюзье, стоял перед картой Парижа²⁵ и, когда включили камеру, прочертил жирную линию с запада на восток, обозначая широкую полосу города, которую он хотел снести. Ле Корбюзье призывал возвести офисные небоскребы над уплощенным ландшафтом города, по одному на каждые четыре сотни ярдов, с математической точностью; в каждом работали бы тысячи, уничтожив гармонию пятиэтажных структур, делавших Париж Парижем. Он выполнил тщательно продуманные чертежи Парижа и других французских городов, аккуратно отрисованные черными чернилами на прекрасной чертежной бумаге — теперь уже никаких эффектных косых черт на камеру, вот насколько он был серьезен. Ле Корбюзье мог стереть с лица земли запутанное, мелкомасштабное прошлое, пришедшее в упадок, как это часто бывало, и заменить его небоскребами, возведенными в просторных парках — *башни в парках*. «Лучезарный город» — вот как назвал это Ле Корбюзье.

Это был один модернистский взгляд на будущее. Последователи другого намеревались вообще игнорировать мегаполис, заменив его малыми городами: нужно перейти к поселкам примерно на 30 тысяч жителей с прилегающими сельскохозяйственными поясами, областями, отведенными для местных

24. Fishman, *Urban Utopias in the Twentieth Century*, p. 3.

25. Я видел запись на выставке Ле Корбюзье в Музее современного искусства в 2013 году.

производств. Эта идея, родившаяся в конце XIX века, принадлежала скромному англичанину, Эбенизеру Говарду, стенографисту по профессии — «героическому простаку», как назвал его однажды Джордж Бернард Шоу. Сконфуженный и напуганный вредом, нанесенным городам промышленной революцией, — «плохо вентилируемым, никак не планировавшимся, громоздким и нездоровым городам — язвам на лице нашего прекрасного острова», — Говард задумал город, который и вовсе не был городом, а передал свои функции отдельным, резко разграниченным районам: дома тут, парки и сады там, фабрики здесь, все аккуратно и опрятно. Это называлось «Город-сад» и привело к появлению английского движения за новый город²⁶.

В 1948 году британское правительственное информационное бюро создало задорный анимационный фильм, продвигающий эту идею, *Charley in New Town*²⁷. Чарли выглядит как Стэн Лорел из старых фильмов про Лорела и Харди²⁸. Пока наигрывает веселенькая фоновая мелодия, мы видим, как Чарли едет на велосипеде по городу, его рыжий чубчик бодро подпрыгивает. Чарли дружелюбно желает прохожим «доброго утра». «О, это лучший способ начать день, — говорит он, поворачиваясь к зрителю. — Немного не так, как раньше».

И когда мы возвращаемся с Чарли в недавнее прошлое, палитра мультфильма переключается с пастельных зеленых цветов на сердитый черный. Угольный дым затмевает все вокруг. Унылые дома, уродливые фабрики. Мелодия пропадает, ритм становится спешным, тревожным. «Ни единого места детям поиграть», — говорит Чарли. Из темной арки выскакивает мяч. «Бедные шалунишки». Похожие на насекомых, отвратительные полчища рабочих выходят из двухэтажных автобусов. Чарли тогда был одним из них. «Признаюсь, к тому времени, когда я добирался до работы, я был уже изможден».

И вот, наконец, Чарли и его друзья сыты по горло старым городом, они встречаются с пожилым мудрым джентльменом в галстук и жилете, который показал им, как города стали такими плохими. Как им улучшить свою жизнь? Может быть, построить новые небоскребы? Нет, нет, возражают горожане, когда мы видим, что их дома начинают расти вверх как грибы. Они не хотят там жить. А как же их сады, их пабы?

Кажется, они неизбежно сойдутся на том, чтобы построить новый город в новом месте. «Первое, о чем мы договорились, —

26. Fishman, *Urban Utopias in the Twentieth Century*, part I; Miller.

27. Halas & Batchelor Cartoon Film Production, Central Office of Information, U. K., 1948.

28. Американский комедийный дуэт Стэна Лорела и Оливера Харди, выступавший с конца 1920-х годов. — Прим. ред.

это отделить промышленность от жилых домов», — вспоминает Чарли. Да, сказал их новый лидер: «Фабрики здесь... Жилой сектор там, но не больше чем в пяти минутах от дома до работы». Великая идея была воплощена в жизнь. Мы видим, как вырастают маленькие фабрики, а ветер, конечно, всегда уносит дым от города. Мы видим самого Чарли за рулем асфальтового катка. Открытые пространства, парки, игровые площадки, цветники — парадиз! «В общем, — вспоминает Чарли, — мы сразу переехали». В конце мы снова видим его на велосипеде, в настоящем. «Говорю вам, все выходит замечательно». И когда он уезжает с экрана, то указывает на зрителя: «Просто попробуйте».

В реальных английских городах, воплощающих идеи Говарда, таких как Летчуорт в 1903 году и Уэлин в 1920-м, и потом в Редберне в Нью-Джерси и в городских анклавах, таких как Саннисайд-гарденс в Нью-Йорке в 1920-е годы, тысячи человек попробовали сделать это или что-то похожее. Потом, после Второй мировой войны, в бесчисленных вариациях и пермутациях движения за «Город-сад», вдохновленные теми же импульсами, в пригородах Англии и Америки так сделали миллионы людей.

Говард сбежал прочь в сельскую местность, Ле Корбюзье улетел ввысь башнями в парках. Но оба течения модернистской мысли повернулись спиной к запутанному кавардаку городской улицы, звону, шуму и азарту города, каким его знали многие поколения. Оба перераспределили его элементы — дома, офисы, фабрики, парки, магазины — на участки, разделенные и независимые. Оба повторили послевоенный урок подвергшихся бомбардировке европейских и японских городов: избавиться от строительного мусора. Построить все заново.

Конечно, требовалось убрать горы мусора. С первого приезда Джейн в Нью-Йорк в 1928 году она лично наблюдала, что с каждым годом утрачивает американский город тех лет: разрушение построенных «по старому закону» нью-йоркских многоэтажек; упадок городских особняков в Бруклине и кварталов Балтимора и Филадельфии, поделенных на тесные квартирники для работников военпрома; она видела, как бедные черные бегут с Юга, спасаясь от законов Джима Кроу²⁹, чтобы поселиться в дорожных, но сильно потрепанных трущобах. Депрессия и война привели к двум долгим, изнурительным десятилетиям стагнации и запустения, во время которых ни у кого, кажется, не было ни времени, ни денег, а некоторое время спустя — и желания сохранить старый город.

29. Неофициальное название расовых законов, с конца XIX века и до 1964 года регламентировавших сегрегацию в ряде южных штатов США. — *Прим. ред.*

На все эти годы реализация модернистской мечты тоже была приостановлена. Но теперь, когда пушки Второй мировой войны утихли и вернулись все признаки живейшего процветания — автомобили, по-новому заставляющие смотреть вперед, самолеты, гарантирующие виды с высоты, — модернизм вновь заявил о себе. Возникло что-то похожее на социальный консенсус: все отказывались от старого, обшарпанного прошлого, предлагали отскрести его (часто — буквально) и заменить чисто подметенным, образцовым будущим: суперкварталы башен Ле Корбюзье в городе и большие зеленые парковые участки в новом пригороде. В обоих случаях улица, средоточие старого канцерогенного города и его бед, была бы стерта с лица города. И вот эти ожидания явились с таким ожесточением, будто бы запнувшись о неизбежность, масштаб и силу самой войны, что эта новая истина могла показаться самоочевидной: не нужно чинить послевоенную изорванную социальную и физическую ткань; лучше уничтожить ее и начать все с начала.

Работать в *Forum* в эти головокружительные годы середины века означало дышать свежим опьяняющим модернистским воздухом. А почему нет? Что могло быть более естественным, более очевидным и неизбежным? Снос трущоб в Филадельфии Эдом Бэконом открывал двери в лучший мир. То же самое делал Линкольн-центр. То же самое обещали новые жилищные проекты, вырастающие в городах Америки. Они были *хорошие*, лучше, чем то, что они заменяли. Как еще можно на это посмотреть? С каких пор потерятое и старое лучше, чем пришедшее на замену новое? Ну, здесь фактически разногласие в терминах. Предпочли бы мы, к примеру, в наше время лошадь с фургоном новому автомобилю? Тогда в какой невозможной, перевернутой вселенной можно *не желать* снести стареющие трущобы многоэтажек XIX века и поставить вместо них новый жилой комплекс, созданный для того, чтобы сделать жизнь легче, воздушнее и светлее? В какой искаженной логике можно не желать отказаться от зловонных улиц старых кварталов ради нового мира, трепещущего зеленой листвой? Ответы на эти вопросы столь очевидны, что глупо даже их задавать.

Но именно похожие вопросы *задавала* Джейн. Она предполагала, что модернистское планирование не во всем, а может быть, даже лишь в немногом подходит для Филадельфии и Восточного Гарлема, что оно наносит им вред; что преобладающие сегодня взгляды не годятся. Она спорила с коллегами, но признавала, что «не склонила их к своим убеждениям»³⁰. Во всяком

30. Kunstler, II, p. 9.

случае, не сейчас. «Редакторы моего журнала, *Architectural Forum*, верили во все это городское обновление. И я понимала, кто их герои». Герои наподобие Эда Лога³¹, короля городской реконструкции Нью-Хейвена в Коннектикуте, который, по мнению Джейн, думал, что «лучшим, что может случиться с Сан-Франциско, будет еще одно землетрясение и пожар». Ее редакторам нравился Лог и его взгляд на города, снесенные и построенные с нуля.

Питер Блейк, который работал в *Forum* все 1950-е годы и потом стал его редактором, заметит, что идеи Джейн Джекобс были «сокрушительными для тех из нас, кто был воспитан на всяких ясных и привлекательных догмах и схемах движения модернизма»³². *Догмах*. Как будто речь о религии.

Но Джейн потеряла веру и говорила об этом всем, кто мог ее услышать.

Одним субботним вечером февраля 1958 года Дуг Хаскелл посетил вечеринку архитекторов и представителей других творческих профессий³³. Там он поговорил с человеком по имени Чедберн Джилпатрик.

У Джилпатрика была отличная работа. Его должность в Фонде Рокфеллера называлась «заместитель директора по гуманитарным и социальным наукам», но в действительности его задачей было разговаривать с умными серьезными людьми о вещах, которые значили для них все, и давать некоторым из них деньги. Выпускник Гарварда, запомнившийся однокурсникам как «студент философского факультета, отважный до безрассудства и пленительно очаровательный»³⁴, он общался, посещал обеды, путешествовал, приглашал людей в офис, разговаривал и слушал, без усталости охотясь за стоящими и интересными проектами. Потом он запишет в дневник воспоминания о своей работе, и эти воспоминания в итоге займут несколько книг. И время от времени его деятельность вела к грантам в десятки тысяч долларов, которые меняли жизни людей. Джилпатрик должен был быть очень популярен.

31. Эдвард «Эд» Лог (Edward J. «Ed» Logue, 1921–2000) — американский политик, адвокат, городской планировщик и преподаватель. Кроме прочего, он известен реализованным проектом по редевелопменту острова Рузвельта в Нью-Йорке. Его часто сравнивают с Робертом Мозесом. — *Прим. ред.*

32. Blake, *No Place Like Utopia*, p. 290.

33. Дневник Чедберна Джилпатрика, 22 февраля 1958 г., RF, RG 12, Box 168, Rockefeller.

34. Arthur Meier Schlesinger, *A Life in the Twentieth Century: Innocent Beginnings, 1917–1950* (Boston: Houghton Mifflin, 2000), p. 115.

Личные интересы Джилпатрика включали городской дизайн, еще, по его мнению, не изученный с критической и рефлексивной точки зрения, которой он заслуживал. Американские города представляли из себя чехарду. Бараки, построенные во время войны, чтобы приютить рабочих военной верфи, стали жилым муравейником для бедных; проекты по очистке трущоб не справлялись с их ликвидацией; и прочее, и прочее. Многие подобные темы, конечно, привели Холли Уайта к серии статей в *Fortune*. Теперь целью Джилпатрика было понять, что может сделать Фонд Рокфеллера, чтобы пролить свет на эти темные, неудобные проблемы.

На вечеринке Хаскелл тоже выразил сожаление по поводу почти неприличного отсутствия критического мышления в городском дизайне, но добавил, как записал Джилпатрик, что «среди его сотрудников одним из немногих способных и одаренных воображением людей, занимающихся этой сферой, является Джейн Джекобс». Она только что закончила большую статью для *Fortune*. «Она могла быть человеком, с которым стоило поговорить незамедлительно».

К тому моменту, поздней зимой 1958 года, Джейн приобрела большой вес в *Forum*, и ее идеи, нравились они или нет, просачивались в интеллектуальную атмосферу редакции. Еще в ноябре Хаскелл написал старшему персоналу, что «Джейн Джекобс говорила о подходе к модели города, который, думаю, нам следует обсудить»³⁵. Ее подход презирал крупномасштабное приобретение земли, планирование и бюрократию. Она говорила нет суперкварталам, зеленым поясам и городам-спутникам — всем скрепам послевоенного мышления. Таким образом, Джейн «бесстрашно представала перед лицом 75-летней традиции городского планирования». Хаскелл чувствовал, что ее идеи заслуживают серьезного внимания; возможно, они захотят дать ей «здоровый кусок журнальной площади для изложения идей и их обсуждения. Представляю, в какую ярость это приведет многих нынешних планировщиков, я и сам сначала хотел возмутиться».

25 апреля, по горячим следам «блокбастера Джейн о суперквартале»³⁶ в *Fortune* (как это назвал кто-то в *Forum*) и последовавших за ним восторгов, Джейн предложила Хаскеллу идею для январского выпуска *Forum* 1959 года. Как насчет статьи, которая оттяпала бы немалый кусок номера, как она это назвала, — посвященной вопросу «Что такое город?»³⁷

35. Дуглас Хаскелл — Хейзену, Лессингу, Гроцу, 21 ноября 1957 г., HaskellPap.

36. Laurence, «Jane Jacobs Before Death and Life», note 46.

37. Дж. Дж. — Дугласу Хаскеллу, 25 апреля 1958 г., HaskellPap.

Из чего он на самом деле сделан, как он на самом деле работает, что в нем хорошо работало в прошлом, а что нет, как шло его послевоенное восстановление, и муниципальное и частное, и оба вместе, и о чем это нам говорит — и что из всего, что мы могли узнать и постановить о том, что такое большой город и что он делает, мы можем применить для его будущего планирования?

Я думаю, для нас нет более важной темы, пусть не в январе, но в самом ближайшем времени.

«Ничего себе!»³⁸, — ответил Хаскелл через три дня. Но: «Не можем ли мы это чуточку подсократить?»

Ну нет, окажется, что нельзя: Джейн нужно многое сказать о городах, и сокращать это некуда.

Годы спустя она расскажет, как пыталась заинтересовать *Forum* в публикации четырех статей о городских улицах. Как позже Джилпатрик обобщил версию этого предложения или ее эволюцию, одна из статей была бы посвящена тому, как самоконтроль обитателей улиц минимизирует преступления; вторая была посвящена масштабам квартала; третья — межгрупповому смешиванию; четвертая — выводам по поводу значения улицы для городского планирования. Еще не написав ни слова, просто обозначая их направление, Джейн уже протестовала против распространенной тогда идеи, что «улица — это рассадник зла, улицу надо уничтожить и заменить суперкварталами, метро и наземным транспортом». Хаскелл уважал Джейн, с восторгом рассказывал о ней Джилпатрику. Но в целом коллеги в *Forum*, признается Джейн, «были слегка в ужасе от того, что я хотела это сделать».

И все же, добавила она, «в конце концов я уговорю их на эти четыре статьи»³⁹.

Может быть да, а может быть и нет, но в итоге ей не пришлось уговаривать своих коллег, потому что, как она скажет

38. Дуглас Хаскелл — Дж. Дж., 28 апреля 1958 г., HaskellPap.

39. Конечно, меня там не было, когда она это говорила, это случилось во время интервью в 1994 году на телестудии в Техасе, но я смотрел видеозапись. Это не звучало так, будто это были просто слова. Я был вынужден проигрывать видеозапись десятки раз, пытаюсь уловить у Джейн особое сочетание скромности и уверенности в себе. Когда она говорила «в конце концов, я уговорю их», ее глаза закрывались, а брови поднимались, она вдруг на секунду казалась ученицей средней школы — ботаничкой, рассказывающей нам, спокойно и скромно: «О, и я выиграла приз на школьном научном конкурсе», — тогда как за этим прячется: «Конечно, чего вы ожидали, *разумеется*, я выиграла его, как я могла не выиграть?» Интервью проводил Ли Каллем 4 мая 1994 г., VHS-запись, Burns.

В письме Питеру Ньюману 20 января 1997 года (Burns) Джейн говорит на похожем, даже более подходящем языке: «Мои редакторы были очень

позже, «между тем кое-кто [другой] заинтересовался моими идеями». И скоро она уже писала не четыре статьи для *Forum*, она писала «Смерть и жизнь больших американских городов».

Это произошло 20 апреля 1958 года, за несколько дней до того, как она поделилась с Хаскеллом идеей своей статьи «Что такое город?» Джейн выступала с докладом, посвященным будущему Нью-Йорка, на вечерней панельной дискуссии в Новой школе социальных исследований⁴⁰, альтернативном университете в Виллидж. Она критиковала своих заклятых врагов, таких как Линкольн-центр — теперь глубоко и детально, чего недоставало статье в *Fortune*. И конечно, Роберта Мозеса, главного планировщика Нью-Йорка, который пытался провести автомагистраль через Гринвич-Виллидж.

Но появилось еще и кое-что новое. В ее речи присутствовали не только мрачные и приглушенные тона, но и светлые, выражающие мечту и надежду для городской жизни. Представьте, говорила она, взаимозависимость людей большого города, сеть его взаимопомощи и — вот почти что галлюциногенный джазовый рифф — его причудливые, неожиданные смешения:

Пересечение отношений взаимопомощи означает, например, что русская чайная, торговля шкурками норок и пункт аренды английских спорткаров успешно процветают возле Карнеги-холл, или что в том же самом квартале какие-нибудь «Продвинутые метафизики», «Динамичные ораторы» и «Члены клуба лунного света» обнаружили, что вполне могут назначать свои встречи в помещениях, которые также подходят и для занятий музыкой. Это означает, что пуэрториканский клуб Восточного Гарлема найдет место, которое он может себе позволить, в обшарпанном подвале многоэтажки — место пусть и невзрачное, но их собственное, им не надо ни перед кем отчитываться, так что клуб может процветать. Эта сеть пересечений означает, что текстильные компании Уэрт-стрит переезжают на север города, смещаясь из тихого, малолюдного места в водоворот швейного

ортодоксальны в своей вере в городское планирование и связанную с ним архитектуру и невосприимчивы к моему иконоборчеству. В конце концов, думаю, я могла бы их уговорить — возможно — но в любом случае я уже получила контракт *Random House* на то, чтобы написать вместо этого книгу».

40. Новая школа социальных исследований (*The New School for Social Research*) — подразделение частного исследовательского университета Новая школа (*The New School*), располагающегося в Нью-Йорке. Создано в 1933 году под названием «Университет в изгнании» для трудоустройства эмигрировавшей из Европы под давлением режимов Гитлера и Муссолини профессуры. Среди преподавателей были Ханна Арендт, Эрих Фромм, Лео Штраус, Ханс Йонас и др. — Прим. ред.

квартала, потому что они видят смысл в том, чтобы быть ближе к своему потребителю⁴¹.

Нью-Йорк — это запутанная смесь различных мест, тем он и славен. Никому не давайте думать, что это его погибель. Так никогда не будет. Джейн рассказывала историю, которую мы уже упоминали, о том, как она, впервые приехав в Нью-Йорк в возрасте восемнадцати лет, работала на фабрике по производству часов и верила, что однажды обеспечит часами весь мир, но уже через неделю поняла, что этого никогда не случится, это бесконечная работа. То же самое можно сказать и о реконструкции города. «Заманчиво мечтать исправить все так, чтобы все было построено и не изменялось, и все такое... Но Нью-Йорк, — говорила она, — это как производство часов; он никогда не закончится. Этот вывод не может обескуражить никого старше восемнадцати лет».

В ее яркой речи чувствовалась любовь — любовь к городу. Льюис Мамфорд, высокомерный архитектурный критик *The New Yorker*, там присутствовал и оценил это. Ее выступление, писал он ей 3 мая, «принесло мне глубочайшее удовлетворение»⁴². В нем выдвигались идеи, которые не многие планировщики способны «хотя бы смутно понять». Ее анализ того, как работают города, «социологически первоклассный». Ее атака на «грандиозную халтуру под названием Линкольн-центр убийственно справедлива».

Льюис Мамфорд был ее поклонником!

«Ни один миллион, потраченный Фондом Форда на „исследования города“ не произведет ничего, наделенного хотя бы малейшей крупницей ваших идей и здравого смысла». Он высказал несколько практических мыслей относительно того, где она может опубликовать свой доклад, но для Джейн это была, вероятно, наименее полезная часть письма. «Продолжайте убеждать, — сказал он ей. — Ваши худшие оппоненты — старые моралисты, воображившие, что Ле Корбюзье — это последнее слово в урбанистике».

Как мы видели, у Джейн редко были заметные проблемы с уверенностью в себе. Но после выхода статьи в *Fortune* и письма от Мамфорда, которое она, вероятно, получила 5 мая, едва ли она могла себя чувствовать еще большим профессионалом, когда 9 мая встретила с Чедберном Джилпатриком.

41. Машинописный текст, «Talk given April 20, 1958, at a dinner panel of the New School Associates», Rockefeller 37:380.

42. Льюис Мамфорд — Дж. Дж., 3 мая 1958 г., Kunstler, II, p. 22.

Джилпатрик только вернулся из Филадельфии, где в попытках взять городской дизайн под контроль и управление Фонда Рокфеллера посетил Университет Пенсильванского института городских исследований. Оттуда он привез множество выписок из интервью, предложений, книг, которые нужно прочесть, идей об обустройстве игровых площадок, парков, садов и городов, кипы идей. И так, два дня спустя он встретился с Джейн, «человеком, с которым стоит поговорить», по рекомендации Дуга Хаскелла.

Вот они и поговорили. Они говорили о проекте Чарльз-центра в Балтиморе⁴³ и почему она считала его лучше большинства других проектов реконструкции. Она благожелательно отозвалась об идее серии книг о гражданском дизайне Яна Макхарга⁴⁴, замолвила слово об Иэне Нэрне⁴⁵, которого *Fortune* привез в Соединенные Штаты на две недели, и настоятельно призывала Фонд Рокфеллера предоставить возможности таким первоклассным архитектурным критикам, как Грейди Клей из Луисвилла, чьей работой она восхищалась, или Натан Глейзер⁴⁶, который только что написал проницательную статью для *Forum* «Большой город и городские планировщики».

Потом, наконец, разговор завертелся вокруг того, что хочет сделать она. «Самой миссис Джекобс, — записал Джилпатрик, —

43. Крупномасштабный проект по реконструкции центральной части делового квартала в Балтиморе, реализованный в конце 1950-х — начале 1960-х годов, призванный остановить упадок деловой активности. Существенным отличием проекта от большинства его современников являлось то, что он не предполагал полной застройки территории от прежней застройки, а наоборот, аккуратно инкорпорировал старые здания в новую планировку делового района. — *Прим. ред.*

44. Ян Макхарг (Ian L. McHarg, 1920–2001) — американский ландшафтный дизайнер и архитектор шотландского происхождения. Основатель факультета ландшафтной архитектуры Пенсильванского университета. Автор влиятельной книги «Проектирование вместе с природой» (*Design with Nature*, 1969). Призывал учитывать экологические особенности данных территорий при региональном планировании. — *Прим. ред.*

45. Иэн Нэрн (Ian Douglas Nairn, 1930–1983) — влиятельный в 1950–60-е годы английский архитектурный критик. В середине 1950-х годов предложил для разоренных неудачным городским планированием пригородов, утративших индивидуальность и собственный колорит, термин «Субтопия». Его книги «Безобразия» (*Outrage*, 1956) и «Контратака на Субтопию» (*Counter-Attack Against Subtopia*, 1957) повлияли на Джекобс. Она ссылается на них в «Смерти и жизни». — *Прим. ред.*

46. Натан Глейзер (Nathan Glazer, 1923) — известный американский социолог, специалист по социологии города и этническим процессам. Соавтор влиятельной книги «По ту сторону плавильного котла: негры, пуэрториканцы, евреи, итальянцы и ирландцы в Нью-Йорке» (*Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City*, 1963), в которой доказывал, что «плавильный котел» американской нации перестал работать. — *Прим. ред.*

требовалось три месяца, чтобы заняться чем-то вроде проекта о городских улицах, который она обсуждала в *Forum*; журнал может его отчасти поддержать, но, по всей видимости, не может предоставить достаточный срок для исследований и подготовки рукописи»⁴⁷. Поэтому «миссис Дж. спрашивает», может ли Фонд Рокфеллера рассмотреть предложение на грант под руководством Новой школы, чтобы позволить ей и исследователю, с которым она работала над статьей в *Fortune*, взять отпуск для работы над проектом.

Джилпатрик сказал ей, что «этот проект может заинтересовать Фонд Рокфеллера».

Через месяц они встретились снова. Теперь Джейн говорила о восьми или девяти месяцах, а не о трех, и книге, а не серии статей. «В этом разговоре, как и прежде, — писал Джилпатрик, — миссис Дж. кипела интересными идеями о том, как понять, что нужно человеку от жизни современного города»⁴⁸. Они договорились, что Джейн ему скоро напишет и изложит в письме свое представление о будущей книге. Потому что теперь уже дошло до того, «что такое город» или «каким должен быть город для людей»; первое — это, конечно, та очевидно нескромная тема, которую она предложила Хаскеллу два месяца назад. Джейн думала, что 10 тысяч долларов — а это примерно 80–90 тысяч долларов сегодня — позволят ей выполнить работу.

Через десять дней Джилпатрик держал ее предложение в руках. Джейн изучит «пять городских факторов»: улицы, парки, масштаб, смешивание людей и такие городские центры притяжения, важные вне зависимости от своих пропорций и размеров, как городские площади. Она уделит повышенное внимание Нью-Йорку, особенно Восточному Гарлему и Гринвич-Виллидж, и будет писать для «заинтересованных горожан», а не для специалистов. Она признавала, что девять месяцев — очень жесткий срок, но считала, что ей лучше работается в напряжении.

«Боюсь, это звучит очень абстрактно»⁴⁹, — однажды извинилась Джейн. Она была права, так это и звучало. Может быть, она слишком быстро вернулась со своим предложением, недостаточно хорошо все продумала. В любом случае, когда две недели спустя она говорила с Джилпатриком по телефону, тот сказал ей, что Фонд Рокфеллера, да, заинтересован, но «оста-

47. Дневник Чедберна Джилпатрика, 9 мая 1958 г., Rockefeller.

48. Дневник Чедберна Джилпатрика, 4 июня 1958 г., Rockefeller.

49. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 14 июня 1958 г., Rockefeller.

лись вопросы об объеме и содержании ее работы»⁵⁰. Она, в свою очередь, выразила недовольство тем, что сама же представила ранее. По словам Джилпатрика, она пообещала «в ближайшее время прислать ясное изложение „сути“ своего исследования».

Через несколько дней он получил это изложение. И в этот раз там были азарт и амбиции, приглушить которые она никак не пыталась.

Взглядами людей на город, начала она, правят два мысленных образа:

Один из этих образов — город в беде, бесчеловечная масса камней, хаос случайностей роста, место, изголодавшееся по приличиям и удобствам, которое сталкивается с таким количеством накапливающихся проблем, что голова идет кругом. Другой яркий образ — образ перестроенного города, антитеза всего, что представляет непланируемый город, тщательно выверенная панорама жилой застройки и зеленых зон, место, где функции рассортированы вместо того, чтобы смешиваться вместе, светлое, солнечное, полное воздуха место; достоинство и порядок для всех⁵¹.

Угадайте, к чему ведет этот пассаж: «Обе концепции ужасающе поверхностны».

Здесь чувствуется, писала она, то самое небрежное мышление, которое ведет к грубой абстракции, не принимающей во внимание, как в действительности работает город, и здесь возникают «препятствия и барьеры для разумного наблюдения и поведения». Она предложила освободиться от этих закосневших взглядов. Вот что она хотела сделать: «создать для читателя другой образ города», взятый не из воображения, ее или чьего-то еще, а из реальной жизни, более привлекательный, потому что более честный. Она вышла далеко за пределы этих наукообразных «пяти городских факторов», в которых увязло ее первое письмо. Она только что поняла это и теперь может сказать без стеснения: она хочет, чтобы ее книга «открыла читателю глаза на другой способ смотреть на город».

Оба письма Джилпатрику выражали мысли Джейн. Но эти письма были еще и деловыми документами, местами в явной форме, где обсуждаются доллары и центы. В конце первого письма Джейн расписала, как собирается распорядиться финансами, пока пишет книгу — восемь месяцев жизни на грант Рокфеллера плюс «аванс, который я надеюсь получить от заинтересованного издателя» за последний месяц. Джилпатрик

50. Дневник Чедберна Джилпатрика, 26 июня 1958 г., Rockefeller.

51. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 1 июля 1958 г., Rockefeller.

уже знал, что «заинтересованный» издатель — не просто надежда или вероятность⁵². Его зовут Джейсон Эпштейн⁵³.

Уроженец Бостона и выпускник Колумбийского университета, Эпштейн в возрасте тридцати лет был своего рода вундеркиндом в издательском деле — создателем «качественного пейпербека». Книги в мягкой обложке существовали с 1930-х годов и ранее, но в 1950-е годы они неизменно славились своей дешевой бумагой и склонялись к любовным романам и приключенческим небылицам. Прямо противоположными им были щедро изданные книги в переплетах, наподобие тех, что производило собственное издательство Эпштейна, *Doubleday*. Этот пробел заполнило его же издательство *Anchor Books*, первый опыт «качественных пейпербеков» — хорошие книги, хорошая бумага, средняя цена. Весной 1958 года Эпштейн услышал от Натана Глейзера о статье Джейн в *Fortune*, и вскоре вся серия стала книгой, *The Exploding Metropolis*, сначала в переплете в *Doubleday*, потом в мягкой обложке в *Anchor*.

Уайт и Глейзер уговорили Джейн поговорить с Эпштейном о ее книге, основанной на идеях, выраженных ею в статье «Деловой центр для людей»⁵⁴. Она так и поступила и, как записал Джилпатрик 26 июня 1958 года, Эпштейн «выразил живой интерес». Он предложил ей аванс в 1500 долларов — скромно, конечно, но больше, чем она ожидала.

Дело пошло. Шестеренки филантропии завертелись. 7 июля Джилпатрик написал Джейн, поблагодарив ее за «более ясный и лучше сформулированный образ книги, которую вы хотите написать»⁵⁵.

13 июля Джейн ответила на просьбу Джилпатрика прислать резюме объемом в одну страницу и приложить того же объема список статей на тему города, которые она написала для *Forum*⁵⁶.

23 июля *Forum* официально предоставил ей отпуск для подготовки книги. 29 июля Джилпатрик написал Льюису Мамфорду, попросив его честно оценить проект Джейн. Через три дня он получил ответ. «Впервые я наткнулся на нее несколько лет назад на конференции», — написал он, ссылаясь на гарвардскую речь.

Она прочла короткий доклад, настолько же яркий, вызывающий и остроумный, настолько безжалостный к общепринятым клише

52. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 14 июня 1958 г., Rockefeller.

53. См.: Jason Epstein, *Book Business: Publishing, Past Present and Future* (New York: Norton, 2001); Epstein, «Introduction», *Death and Life* (Modern Library, 2011).

54. Дневник Чедберна Джилпатрика, 26 июня 1958 г., Rockefeller.

55. Чедберн Джилпатрик — Дж. Дж., 13 июля 1958 г., Rockefeller.

56. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 13 июля 1958 г., Rockefeller.

и переполненный свежими идеями, что я обрадовался не на шутку; и действительно был счастлив, когда меня позвали сказать пару слов по окончании конференции. Ее прямой, непосредственный метод атаки и разумные суждения стоят всех папок с бумагами, которые иногда слишком уважительно называют исследованиями⁵⁷.

Так что, заключил он,

...я считаю ее цель важной, а компетенции для выполнения неоспоримыми; тем более потому что я уверен, что ее результаты бросят вызов многому в нынешней практике. Таких претендентов еще поискать.

Одно только это, наверно, могло гарантировать благосклонность Фонда Рокфеллера к Джейн. Но Джилпатрик не стал рисковать; он написал и другим, спрашивая их мнения о проекте Джейн. В августе он получил ответ от Холли Уайта, который был, конечно, «всем сердцем за»⁵⁸. От Кристофера Таннарда⁵⁹ из Йеля, который был против; он отвергал проект Джейн как «слишком большой и неопределенный»⁶⁰. От Кэтрин Бауэр, эксперта по государственному жилищному строительству, чьи статьи в *Forum* редактировала Джейн: «На вашем месте я бы взяла Джейн Джекобс, — написала она. — Она хороший писатель, чуткий и с фантазией»⁶¹. Но Бауэр предостерегала:

Не давайте ей увязнуть в академическом теоретизировании или так называемом научном исследовании. Это не ее игра и она, вероятно, знает это, но иногда странные вещи происходят с хорошими известными авторами, когда они получают грант Рокфеллера!

В начале сентября Джейн узнала, что ей одобрили рокфеллеровский грант. 15 сентября она написала Джилпатрику с благодарностью, в первую очередь за участие в судьбе книги, но гораздо в большей степени за то, что помог ей понять, что «я могу и хочу делать и что в целом может принести пользу»⁶².

57. Льюис Мамфорд — Чедберну Джилпатрику, 1 августа 1958 г., Rockefeller.

58. Уильям Х. Уайт — Чедберну Джилпатрику, 4 августа 1958 г., Rockefeller.

59. Артур Таннард (Arthur Coney Tunnard, 1910–1979), позже известный как Кристофер Таннард — американский ландшафтный архитектор канадского происхождения, автор книги «Сады в современном ландшафте» (*Gardens in the Modern Landscape*, 1938). Преподавал городское планирование в Йельском университете. — *Прим. ред.*

60. Кристофер Таннард — Чедберну Джилпатрику, 18 августа 1958 г., Rockefeller.

61. Кэтрин Бауэр — Чедберну Джилпатрику, 5 августа 1958 г., Rockefeller.

62. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 15 сентября 1958 г., Rockefeller.

Глава 12

Рукопись, чтобы было что показать

СТОЯЛ июнь 1959 года, шел девятый месяц рокфеллеровского гранта. Джейн было не по себе: она не успевала и почти впала в отчаяние из-за нехватки времени и денег.

«Смерть и жизнь больших американских городов» может показаться плодом настолько самобытного таланта Джейн, что есть риск забыть, что это «исследование»; она ездила по разным городам, беседовала с людьми, обменивалась мыслями с экспертами, собирала статистику, накапливала знания по крупицам. Еще в октябре 1958 года Джилпатрик отметил, что Джейн «закончила разработку плана серии дискуссий» с урбанистами, включая Джеймса Руса¹, девелопера торгового центра в Балтиморе, и Уильяма Слейтона², занимавшегося развитием юго-востока Вашингтона³. Незадолго до этого она посетила спонсируемую Фондом Рокфеллера конференцию в Рае, штат Нью-Йорк, посвященную критике городского дизайна. Конференция, среди прочих знаменитостей, привлекла Луиса Кана⁴, Кевина Линча⁵, Яна Макхарга и Льюиса Мамфорда. Через пол-

-
1. Джеймс Уилсон Рус (James Wilson Rouse, 1914–1996) — американский бизнесмен, урбанист, гражданский активист и филантроп. Считается если не автором термина «городское обновление» (*urban renewal*), то одним из его первых популяризаторов. — *Прим. ред.*
  2. Уильям Слейтон (William L. Slayton, 1917–1999) — американский ученый, консультант по городскому развитию, глава Управления обновления городов в Агентстве по жилищному строительству и жилищному финансированию при президентах Кеннеди и Джонсоне. — *Прим. ред.*
  3. Чедберн Джилпатрик, 17 октября 1958 г., Rockefeller.
  4. Луис Кан (Louis Isadore Kahn, 1901–1974) — знаменитый американский архитектор эстонского происхождения, один из авторов градостроительного плана Филадельфии. — *Прим. ред.*
  5. Кевин Линч (Kevin Andrew Lynch, 1918–1984) — американский ученый и городской планировщик, один из пионеров методики ментальных карт, исследующих субъективное восприятие города, автор крайне влиятельной книги «Образ города» (*The Image of the City*, 1960). — *Прим. ред.*

тора месяца в своем докладе Джилпатрик отметил, что у Джейн немало «рассуждений и критических замечаний о Лос-Анджелесе и Сан-Франциско»⁶, а она не бывала ни там, ни там; она надеялась вскоре восполнить этот пробел. Профессор Вашингтонского университета Роджер Монтгомери⁷ показал ей корбюзьянский жилой комплекс Сент-Луиса, занимающий около 57 акров, под названием Пруитт-Айгоу — он широко освещался в архитектурной прессе, когда его построили несколько лет назад.

Все было интересно, все стоило внимания. И все отнимало время.

В Бостоне Джейн встретила с людьми из Гарварда и MIT, которые узнали о ее гранте и предложили заехать на обед. Оказывается, вспоминала Джейн, они совершенно точно знали, что ей надо делать:

Они все продумали: как использовать этот грант, как мне распорядиться своим временем. Они знали, что хотят получить, и относились ко мне как к аспирантке. На самом деле они хотели, чтобы я сделала опросник и давала его жителям какого-нибудь среднедоходного скучного жилого комплекса, чтобы узнать, что им не нравится. Потом мне нужно было сделать таблицы. Они детально разработали алгоритм моих действий. Я вежливо выслушала их, но никак не могла дожидаться, когда можно будет уйти⁸.

Даже годы спустя память о том обеде приводила ее в ярость. «Отвратительно! — скажет Джейн о подготовленном ими проекте, банальном в интеллектуальном смысле. — Вот такой у них интерес к городам, чепуха вроде этой».

В Бостоне она познакомилась с молодым социологом Гербертом Гансом⁹. В октябре Ганс переехал с женой в квартиру, которую снял за 42 доллара в месяц в бостонском Вест-Энде. Это были последние дни существования итальянского квартала для рабочего класса, прежде чем его снесли, чтобы построить новые модернистские многоквартирные дома с прекрасным

6. Чедберн Джилпатрик, 2 декабря 1958 г., Rockefeller.

7. Роджер Монтгомери (Roger Montgomery, 1925–2003) — американский архитектор, профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе и Калифорнийского университета в Беркли. Соавтор книги *Housing in America* (1973), с 1967 по 1972 год редактор *Architecture Forum* по Западному побережью США. — Прим. ред.

8. Видеоинтервью с Люси Джекобс; см. также интервью с Клэр Перрен о Дж. Дж., май 1999, Burns, 23:32.

9. Герберт Ганс (Herbert J. Gans, 1927) — известный американский социолог немецкого происхождения, 78-й президент Американской социологической ассоциации, медиатеоретик. — Прим. ред.

видом на Капитолий на Бикон-Хилл. Свои первые исследования тридцатилетний Ганс начал проводить в пригороде Чикаго под названием Парк-Форест, где Холли Уайт, пригласивший Джейн в *Fortune*, собирал материалы для «Организационного человека». Поэтому, когда Уайт однажды позвонил и рассказал «о том, что эта женщина хочет посмотреть Норт-Энд»¹⁰, он согласился показать ей район.

Хотя Ганс непосредственно знал Вест-Энд — результатом его полевой работы станет классический труд *The Urban Villagers*, — он не так хорошо ориентировался в Норт-Энде, соседнем районе, ералаше многоквартирных домов и перенаселенных старых зданий, напоминающих о временах Американской революции, включая дом Пола Ревира¹¹; для многих он был образцом трущоб. Гансу не особенно запомнилась та экскурсия для Джейн, только то, что она была поверхностной; «наверное, я показал ей социальное жилье, рестораны». Что касается Вест-Энда, то им, кажется, Джейн не заинтересовалась¹². В ее повестку дня входил только Норт-Энд, может быть, потому, что он запомнился ей по той поездке в Новую Англию в 1938 году, когда у нее содалось впечатление, что «район подвергается ужасному физическому избиению и, само собой, чрезвычайно беден»¹³.

Однако теперь она была «поражена произошедшей переменной»: десятки домов отремонтированы, толпы уменьшились; она увидела подъемные жалюзи и свежую краску на стенах. «Я заглянула в узкий переулок, — писала она позже о своем путешествии, — думая, что по крайней мере там увижу старый, неопрятный Норт-Энд, — и ошиблась: опять аккуратной расшитая кирпичная кладка, новые жалюзи и поток музыки из внезапно открывшейся двери... На улицах кипела жизнь: дети играли, взрослые делали покупки, гуляли, беседовали»¹⁴. Норт-Энд выйдет из «Смерти и жизни» городским народным героем из старого кирпича. Даже в конце 1958 года, только вернувшись из бостонского путешествия и рассказывая Джилпатрику о том, как идет работа, она прямо-таки им горела. Джилпатрик пишет: «Самое поразительное открытие миссис Дж. — северная окраина Бостона, по сути, итальянский район, который про-

10. Интервью с Гербертом Гансом.

11. Дом Пола Ревира (1680) — дом-музей героя Американской революции Пола Ревира (1734–1818), расположенный в бостонском Норт-Энде, одно из старейших зданий города. — *Прим. ред.*

12. Herbert Gans, «Remembering *The Urban Villagers* and Its Location in Intellectual Time: A Response to Zukin», *City & Community* (September, 2007), p. 231–236.

13. *Смерть и жизнь*, с. 23.

14. Там же.

должают считать „трущобой“. Миссис Дж. находит его одним из самых привлекательных, живых и интересных районов, где она когда-либо побывала»¹⁵.

Эти подготовительные исследования были важны, они давали Джейн столь необходимую фактуру и представления о предмете. Но они требовали времени, а его катастрофически не хватало. Да и писать удавалось лишь урывками. Пообедав с Джейн в июне спустя девять месяцев, Джилпатрик заключил, что она «столкнулась со множеством неожиданных проблем и написала меньше, чем [он, Джилпатрик] ожидал»¹⁶. Через месяц Джейн в письме подробнее рассказывает о своих трудностях: три месяца исследования растянулись на четыре с половиной. Кроме того, необходимо еще полтора месяца для просмотра всего, что удалось собрать. После каждого разговора с кем-либо ее переполняли мысли о тех аспектах городской жизни, о которых она раньше не думала или списывала со счетов как незначительные: что бывает, когда город «раструщобливается»? Можно ли автоматически считать плотно застроенный город перенаселенным и небезопасным? «Почти во всем, о чем я думала ранее, я находила связи, которые прежде не принимала в расчет»¹⁷. Все сразу понять оказалось тяжелее, чем она рассчитывала, все было наполнено удивительными, но съедающими время «открытиями».

Поскольку раньше я никогда не пробовала написать подобную книгу, то и не предвидела трудностей, с которыми могу столкнуться. Это совсем не то, что написать статью, но я не имела об этом никакого понятия, пока не взялась за книгу. Оглядываясь назад, я понимаю, как легкомысленно и беспечно я относилась к письму!

Джейн не упоминала среди своих трудностей набат, раздававшийся из Восточного Гарлема — проекта, в который она оказалась втянута и который отнимал столько времени.

В 1955 году *Union Settlement* пригласили возглавить общественный центр в одном из новых больших жилых районов, домах Джорджа Вашингтона напротив 104-й улицы, в свою очередь состоявшей из ряда городских особняков, где и находилась штаб-квартира организации. Прошло совсем немного времени, прежде чем Керк и его коллеги осознали, насколько мало они знают об этих новых домах, больших жилищных комплек-

15. Чедберн Джилпатрик, 2 декабря 1958 г., Rockefeller.

16. Чедберн Джилпатрик, 10 июня 1959 г., Rockefeller.

17. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 17 июля 1959 г., Rockefeller.

сах¹⁸. Для них, чья институциональная деятельность с конца XIX века строилась вокруг старых добрых пятиэтажек Восточного Гарлема и кипящей в них жизни, это новое незнакомое явление представляло собой *terra incognita*. На грант от местного фонда они провели исследование района. У руля, под руководством Билла Керка, встала социальная работница по имени Элен Лурье¹⁹.

С отличием окончившая Нью-Йоркский университет в 1951 году, член общества «Фи Бета Каппа»²⁰, Лурье, которой тогда было двадцать пять лет, продолжила яркую карьеру общественного активиста и борца за смешанные школы в Восточном Гарлеме и окрестностях. Сегодня ее имя носит нью-йоркская средняя школа²¹. Лурье была глубоко порядочной, харизматичной, требовательной. «Если вы работаете для бедняков, — вспоминает ее слова коллега, Рон Шифман, — то это не повод небрежно относиться к своим обязанностям». Действительно, даже по самым первым черновикам плана исследования домов Джорджа Вашингтона²² в январе 1956 года можно понять, насколько она была серьезна и не по годам мудра. Лурье предлагала проводить интервью с жителями и таким образом исследовать сообщества, к которым они принадлежат, выяснить, как новый жилой комплекс влияет на отношения между детьми и родителями, на дружбу между жителями. Она задавала такие вопросы: «Существуют ли в районе ограничения на общественную жизнь представителей среднего класса, для района, экономически предназначенного для низших классов?»

В итоге исследование Лурье стало своего рода медицинским зондом, установленным в некротическую ткань жилого комплекса; оно оформляло в конкретные цифры, данные и идеи те тревоги, которые Керк предугадал, глядя на улицы района. Картина социальной разобщенности, как признаются в *Union Settlement*, «отрезвляла»²³ — на самом деле, даже слишком; достаточно, чтобы опубликовать следующее: «Загнивание

18. Брошюра *Union Settlement*, 31 января 1961 г., р. 14, Burns, 2:4.

19. Интервью с Роном Шифманом, Кати Голдман, Ребеккой Лурье, Джимом Джескобсом; Zipp, «Superblock Stories».

20. Одно из старейших студенческих обществ в США, основанное в 1776 году. *Phi Beta Kappa* — аббревиатура греческого Φιλοσοφία Βίον Κυβερνήτης, что означает «Любовь к мудрости — руководство жизни». — Прим. ред.

21. Находится на Десятой авеню, 3703. — Прим. ред.

22. Положение об общей цели исследовательского проекта домов Джорджа Вашингтона, 9 января 1956 г., архив *Union Settlement*, ColumbiaRare.

23. Брошюра *Union Settlement*, 31 января 1961 г., р. 14, Burns, 2:4.

города — это больше, чем просто физическая деградация, — заключает Лурье в отчете. — Морально-нравственное состояние жителей комплекса недалеко ушло от трущоб».

Лурье познакомилась с Джейн, по всей видимости, в начале 1956 года. Она была на четырнадцать лет младше. Лурье больше занимали люди и их нужды, Джейн — идеи. Но они познакомились и уважали друг друга. В своих ранних размышлениях Лурье высказывала мысли, похожие на те, что прозвучали в гарвардской речи Джейн. Лурье прямо благодарила Джейн за помощь в исследовании домов Вашингтона. Джейн предложила Лурье написать статью для *Forum*²⁴ и привела длинную цитату из этой статьи в «Смерти и жизни»²⁵. Сейчас же, в конце 1958 года, у них появилась возможность излечить кое-какие патологии, которые выявила Лурье в своем исследовании.

За два года до этого в районе собирались реализовать еще один огромный жилищный проект, дома Девитта Клинтон²⁶. Планировалось, что они займут часть района от 104-й до 106-й улицы, от Парк-авеню до Лексингтона, в восемнадцатизэтажные здания собирались заселить 750 семей — другими словами, очень похоже на Восточный Гарлем. Но в декабре 1958 года (шел четвертый месяц рокфеллеровского гранта Джейн) Нью-Йоркское жилищное управление, отвечая на «срочный запрос», который еще летом направил туда *Union Settlement*, согласилось ненадолго приостановить свои планы и обсудить альтернативы. «Мы принимаем, — писал Билл Керк в жилищное управление, — что наш запрос необычен»²⁷, и это было действительно так — редкая остановка хода бюрократических часов. За петицией *Union Settlement* стояла группа из Керка, старого активиста района Милдред Закер, Элен Лурье и Джейн Джекобс.

15 января 1959 года Джейн и остальные участники группы встретились с архитекторами из *Perkins & Will*, компании, которой руководил старый друг Керка, Фил Уилл. Тот согласился бесплатно разработать альтернативный проект. В начале февраля, имея на руках планы и чертежи, они подали запрос в Нью-Йоркское жилищное управление. Во главе стояла Джейн, представлявшая их дело.

24. Ellen Lurie, «The Missing Link In City Redevelopment», *Architectural Forum* (June 1956), p. 132–133. — Прим. ред.

25. *Смерть и жизнь*, с. 78–80. Джейн не единожды цитирует Лурье, см. также с. 290; кроме того, Элен упомянута в числе тех, кому Джейн особенно благодарна за помощь в подготовке книги (с. 13). — Прим. ред.

26. См.: *Projects*, p. 327–332.

27. Уильям Керк — Уильяму Райду, 30 декабря 1958 г., архив *Union Settlement*, Box 35, Folder 8, ColumbiaRare.

«Мы убеждены», — заявляли они, что причиной значительной части социальных патологий новых жилых комплексов Восточного Гарлема служит «физическая конструкция самих зданий и их первых этажей. Они плохо удовлетворяют... нужды живущих там семей и жителей тех районов, частью которых являются»²⁸. В новых жилых комплексах оставлены без внимания коммунальная и кооперативная составляющие городских районов, они мешают «постоянным, случайным и разнообразным человеческим контактам», обогащающим жизнь в старых трущобах. В том виде, в каком они были спроектированы, дома Девитта Клинтона представляли собой «несостоятельный стереотип». И то, что городские власти «продолжат идти путем социальной эрозии», как в домах Вашингтона, было «немыслимо».

В предложенном ими альтернативном проекте большая часть будет отдана под малоэтажные здания с двориками, где родители смогут наблюдать за своими детьми. Проект будет вписан в улицы, окружающие Восточный Гарлем. Там предусмотрено открытое пространство, но без этих «бессмысленных изолированных бульваров и газонов, которых, как показывает опыт, люди будут избегать». Не пытаясь подражать классическому городскому ландшафту из многоквартирных домов, он, на самом деле, содержит одну неожиданную их примету: спустя столетия после того, как в Нью-Йорке перестали строить дома без лифтов, *Perkins & Will* предлагает четырех- и пятиэтажные дома без лифтов для семей с детьми, подчеркнем: *без лифтов*, в нарушение федерального жилищного кодекса, который группа считала «нереалистичным» и пренебрегающим опытом Нью-Йорка. Пусть лестницы и не идеальное решение, но они все же лучше, чем подверженные актам вандализма, криминогенные и часто ломающиеся лифты в большинстве высотных государственных жилищных комплексов, чей упадок был тщательно задокументирован.

Конечно, такой проект не мог быть реализован. Нью-Йоркское жилищное управление сразу же его отвергло. В итоге построили что-то близкое к первоначальному варианту²⁹, словно короткой оттепели Восточного Гарлема и вовсе не было. Но она была, и Закер написала Филу Уиллу письмо с благодарностями. Потому что для этих районов, где «царят высокие, нескладные, монотонные массивные государственные жилые комплексы, замкнутые, отделенные от остального сообщества

28. См., в частности, машинопись презентации от 3 февраля 1959 года, архив *Union Settlement*, Box 35, Folder 8, ColumbiaRare.

29. *Projects*, p. 332.

широкими нетронутыми аллеями, ваш новый подход вселяет надежду»³⁰.

Это был благородный эксперимент. Но все же он отвлекал от неумолимо приближающегося дедлайна, прописанного в гранте Джейн. Собрания в пользу альтернативного проекта, куда она ходила, документы, пресс-релизы и письма, которые она помогала подготовить, презентации, которые делала, — все это отнимало много времени, что не шло на пользу ее книге. Всю свою трудовую жизнь Джейн была наемным работником, рабом офисной дисциплины, что, несмотря на неудобства, помогало организовать и структурировать рабочий день; дети будут вспоминать, как ревностно она придерживалась графика «с десяти до шести». И все же теперь Джейн была независимым автором, фрилансером или предпринимателем — сама себе хозяйка, могла сама решать, как распорядиться временем. Но в конце 1958 — начале 1959 года, когда прошло по крайней мере три важных первых месяца рокфеллеровского гранта, ее время и энергию забирал Восточный Гарлем³¹. Альтернатива домам Девитта Клинтонна подвела ее к некоторым темам книги. Но самой книги-то не было. И хотя она не сообщает об этом Джилпатрику летом 1959 года, это не могло не тревожить.

Джейн была подотчетна не одному меценату, а двоим: Джилпатрику и Джейсону Эпштейну, который заинтересовался ее книгой, когда работал в издательстве *Doubleday*, а потом забрал ее с собой в *Random House*. В переписке с Джейн Эпштейн не придерживался столь официального тона, как представитель Фонда Рокфеллера, и больше ее поддерживал. В первых письмах к нему Джейн подписывалась как Джейн Джекобс, под машинописным текстом стояло: миссис Роберт Х. Джекобс-мл. Но все это скоро уступит место просто «Джейн», а потом: «с любовью, Джейн». Их личные и профессиональные отношения продлятся почти столетия и закончатся только с ее смертью. Они будут вместе путешествовать, ходить друг к другу в гости. «Мне просто нравилось находиться рядом с ней, — скажет Эпштейн. — У меня никогда не было более близкого

30. Милдред Закер — Уиллу, 6 февраля 1959 г., архив *Union Settlement*, Box 35, Folder 7, ColumbiaRare.

31. См. письмо Уильяма Керка Чедберну Джилпатрику, 11 августа 1959 г., где он говорит о роли Джейн в борьбе за Восточный Гарлем в течение предыдущих пяти лет, RF 1.2, 200R, Box 390, Folder 3381, Rockefeller. Они вместе с мужем «без усталости ходили на все возможные большие и малые собрания района... Она ко всему относилась с неизменным интересом, обладала чуткой проницательностью, восприимчивостью и богатым воображением».

друга»³². Они говорили обо всем — о политике, книгах, идеях, но почти не обсуждали личных вопросов. И конечно, речь не заходила, скажем, о спорте, «это все равно что обсуждать с Дарвином футбол». Это была дружба, практически «застывшая в веках», как выразался Эпштейн, она почти не менялась с годами. И возникла она практически сразу.

Так что в начале лета 1959 года скорее Эпштейн, а не Джилпатрик получил самые ясные сигналы от Джейн о том, как она обеспокоена. 22 июня он ей написал: не получал вестей «после твоего последнего телефонного звонка, достаточно несчастного»³³. Через неделю она отправила ему самый свежий черновик книги. Просто взгляни и выброси, писала Джейн, «и забудь, пока у меня не будет чего-нибудь для тебя»³⁴: имелась в виду настоящая рукопись — не описание книги, а сама книга. К чему вообще этот жест? «Мне смутно кажется, что ты должен иметь хоть какое-то представление о том, что, по моему мнению, я делаю. Иногда меня беспокоит чувство, что я отшельник и мне требуется хоть какое-то общение с внешним миром, пусть даже и мимолетное».

Эпштейн ответил быстро и, вероятно, именно то, в чем Джейн больше всего нуждалась. Да, черновик был именно таким, какого были основания ожидать от нее. «Абсолютно уверен, что у тебя получится книга, которой мы оба будем гордиться. Я прекрасно знаю, насколько мрачными бывают порой минуты отчаяния. Но именно из этого отчаяния пишутся великие книги»³⁵.

Джейн имела все еще неясное и смутное представление о своей книге. Всего через три недели после того, как она отправила черновик первых пятнадцати глав Эпштейну, она послала Джилпатрику черновик двадцати глав³⁶, включавший новую вторую часть целиком, а главы пока назывались непривычно, например «Организация производства и культуры» и «Ловушки чрезмерного успеха», — она все еще погружалась в тему. 17 июля она сообщила Джилпатрику, что уже «заканчи-

32. «Мы были близки, насколько это возможно без...» Он сделал паузу. — «Без того, чтобы быть близкими?» — «Да».

33. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 22 июня 1959 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

34. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 30 июня 1959 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

35. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 2 июля 1959 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

36. Ср.: Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 30 июня 1959 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare; Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 17 июня 1959 г., Rockefeller.

вает первую часть», хоть и знала, что ее надо переписать. Всего получилось около пятидесяти тысяч слов, но она хотела сократить до тридцати тысяч — показатель того, как далеко она могла пойти.

Изначально предполагалось, что Джейн к этому времени будет заканчивать работу над книгой, а она даже не приблизилась к концу, написала, может быть, всего четверть. Ее ждало множество «проб, ошибок и сомнений», писала она Джилпатрику, но теперь она вроде бы «все для себя прояснила. Думаю, я училась в процессе». Но теперь ей нужны были деньги. В том же самом письме она представила отчет о расходах, заверив Джилпатрика, что Эпштейн просил ее не беспокоиться и продолжать писать, а Дуг Хаскелл согласился продлить ее отпуск. И все же тревога ощущалась:

Мне неловко просить у вас еще денег после вашего первоначального щедрого гранта, и меня расстраивает, что я трачу столько времени и средств на пробы и ошибки; мне следовало как-то быть разумнее, чтобы избежать их, однако не получилось. Надеюсь, вы сможете принять благоприятное решение в ответ на мой запрос, и за это, а также за ту помощь, которую вы мне уже оказали, я вам глубоко благодарна.

Джилпатрик, очевидно, из письма Джейн сделал вывод, что она хочет отказаться от проекта. Нет, ни при каких обстоятельствах, ответила она³⁷. Но, может быть, его придется отложить и вернуться в *Forum* на год, накопить денег, взять кредит. Ей очень этого не хотелось. «Не хочу, чтобы это прозвучало нескромно, — продолжала она, — но я правда считаю, что эту книгу очень важно закончить и издать». Городская реконструкция, проводимая столь стремительно, «основана на заблуждении и ошибочных представлениях... Мы копируем ошибки».

В сонме идей, наедине с печатной машинкой, в страхе, что не хватит ресурсов закончить книгу всей ее жизни, кажется, что Джейн мог охватить истовый религиозный пыл обладания новой урбанистической Истиной, и ее долг — даровать эту истину миру. «В своей книге я не перефразирую избитые выражения о городах и городском планировании. Я работаю с новыми концепциями о городе и его поведении. Многие из них полностью противоположны общепринятым концепциям ортодоксальной теории планирования»³⁸. Если продолжать идти старыми путя-

37. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 23 июля 1959 г., Rockefeller.

38. Ср. слова Джейн и даже их интонацию, со словами другого гения, не получившего формального образования. В моей книге *The Man Who Knew Infinity* я расска-

ми, то впереди ожидает только «социальный, экономический и визуальный распад города».

И нет, ее идеи вовсе не плод богатого воображения, завяряла она Джилпатрика. Она испытала их на других людях. В интеллектуальном аспекте время этих идей пришло. Большинство объяснений городского упадка «основывалось на симптомах, а не причинах, и эти симптомы объясняли очевидно нелепыми мифами... Вот что я пытаюсь сделать, и это тяжелый труд, но едва ли я могла бы сделать что-либо более полезное для нашего времени».

Ее мольба тронула Джилпатрика. Он согласился удовлетворить ее просьбу, разрешил не сдавать незаконченные наброски, а продолжить работу. Согласился рассмотреть и ее финансовые запросы.

29 июля он сообщил об этом Джейн, но попросил назвать имена людей, которые бы за нее поручились. Джейн ответила: Уайт, Хаскелл, Билл Керк, Эрик Ларраби, редактор *Horizon*, и несколько других.

Хаскелл написал Джилпатрику: «Полагаю, ей надо дать все необходимое, чтобы она написала действительно злободневную и, по всей видимости, довольно неплохую книгу»³⁹, хотя он подозревал, что будет во многом с ней не согласен.

Уайт заявил, что он верит, что Джейн пишет «великую и важную книгу»⁴⁰.

28 сентября Джилпатрик написал Джейн, что ей дадут еще 8000 долларов. У нее появился второй шанс. Спасибо, ответила она, теперь она справится лучше.

В среднем я пишу по главе в неделю, а не разочаровывающе медленно по главе в месяц, как это было весной и летом, и вдобавок пишу лучше. Это приятное чувство, иногда вдохновляющее. Я с нетерпением жду момента, который теперь виден на горизонте и приближается с каждым днем, когда смогу показать вам рукопись. Работы все еще много, но работать — сплошное удовольствие. Едва ли я могла бы не писать⁴¹.

зывают об индийском математике Сриниваса Рамануджане, который написал знаменитому английскому математику Годфри Х. Харди: «Я не получил традиционного образования, которое дают в университете, но я сам проложил себе свой путь». Джейн: «Я не перефразирую старые материалы о городах и городском планировании. Я работаю с новыми концепциями о городе и его поведении».

39. Дуглас Хаскелл — Чедберну Джилпатрику, 5 августа 1959 г., Rockefeller.

40. Уильям Х. Уайт — Чедберну Джилпатрику, 1 августа 1959 г., Rockefeller.

41. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 29 октября 1959 г., Rockefeller.

Ненадолго Джилпатрику показалось, что Джейн может отказаться от своей книги, но для этого не было никаких оснований: Джейн *едва ли могла бы не писать*. Слова и идеи, их выражение, их формирование — вот чем занималась Джейн Джекобс сейчас и большую часть своей трудовой деятельности. И теперь ей благоволили самые удачные обстоятельства, мечта каждого автора: у нее были время и деньги, чтобы создать большую серьезную книгу на самую важную для нее в мире тему. «Она знает, — писал Холли Уайт Джилпатрику, — что для нее это исключительный шанс продумать то, что она так давно хотела сказать»⁴².

Впоследствии некоторые назовут «Смерть и жизнь» любительской работой. Джейн никогда не ходила в архитектурные школы, не училась планированию, у нее не было научных степеней. Она не проектировала здания, не планировала городские районы; очевидно, никогда не держала в руках чертежную линейку и угольник, едва ли могла начертить прямую линию. Она не достигала профессиональной зрелости рядом с Мисом ван дер Роэ или Луисом Каном. Она не перекроила пейзаж Филадельфии, как Эд Бэкон, или Нью-Йорка, как Роберт Мозес. В 1950-х годах она научилась читать чертежи у своего мужа-архитектора, *таков*, можно сказать, и был уровень ее «подготовки».

Конечно, к тому времени как Джейн произнесла речь в Гарварде в 1956 году, она уже *обладала* своего рода компетенциями. Она жила в центре Нью-Йорка четверть века. *Iron Age* отправлял ее, когда ей было двадцать, в Филадельфию, Вашингтон и другие города. Статьи, написанные для «Америки» по архитектуре и расчистке трущоб, вынуждали ее в «Смерти и жизни» по некоторым вопросам противоречить самой же себе. Работая в *Forum*, она посещала город за городом, чтобы подготовить длинные, подробные отчеты; она читала чертежи, посещала стройки, собирала документы по планированию, брала интервью у архитекторов и разнообразных городских экспертов. Все это входило в круг ее профессиональных обязанностей.

Все вышесказанное, включая упоминание о «компетенциях» Джейн, звучит, конечно, верно, но создается впечатление, что написать «Смерть и жизнь» она смогла только благодаря своему знанию городов и точка, а ее писательские таланты не берутся в расчет. И все же она всегда считала и будет считать себя писателем. Она начала работать над «Смертью и жизнью» через два-

42. Уильям Х. Уайт — Чедберну Джилпатрику, 1 августа 1959 г., Rockefeller.

дцать четыре года после того, как приехала в Нью-Йорк и написала свои первые статьи для *Vogue*. Потом она бралась за любую редакторскую работу — работу, требующую ясности, точности, глубокого понимания темы, композиционного изящества и иногда риторического таланта. Она не была Хемингуэем или Робертом Фростом; ее творчество было другого рода, его подпитывали и ограничивали факты, каждое слово соответствовало тому, что она узнала или сочла истиной. Все понимают или думают, что понимают, чем занимаются прозаики или поэты. Все знают о профессорах, готовых высказаться по первому требованию в той области, в которой они компетентны. Но Джейн не относилась ни к одной из более знакомых категорий людей, профессионально складывавших слова на бумаге. Она была автором, но другого рода, которому едва ли найдется обозначение.

Конечно, грамматика и правописание — а Джейн была почти сверхъестественно грамотна — это самое меньшее, чем она владела. Она могла оформить мысли и выразить их по своему желанию в пятидесяти словах — или пяти тысячах. В любой творческой задаче она видела сразу три направления: к корпусу знаний и фактам; к читателю и тому, как его заинтересовать, чтобы он продолжал листать страницы; и к собственному внутреннему «я» и требованию его самовыражения. Без крепкой хватки за первое, заданную тему, она бы несла всякую чушь. Не обращая внимания на второе, своего читателя, она писала бы предложения, абзацы, *тома*, которые были бы абсолютно правильны — и невероятно скучны. Без третьего, без раскопок в сокровенном ландшафте в поисках алмазов мыслей или чувств, она лишилась бы самой причины писать. Джейн научилась (хотя, как мы увидим, не безукоризненно) смотреть на собственную работу на каждой стадии жестким, холодным критическим взглядом, беспощадным к неточности выражения и неряшливости мысли — чтобы вернуться к ним и все исправить; однажды она напишет Джилпатрику о «хорошем бодром настроении»⁴³, на которое надеется, чтобы довести рукопись до конца.

Работая в *Forum*, она вступила на новую интеллектуальную почву. Но ведь Джейн всю свою трудовую жизнь двигалась от незнания темы к ее уверенному знанию, собирая новые факты, идеи и контексты, оперируя ими так умело, что могла писать о них с изяществом. Она углублялась в экономику с Робертом Хемфиллом, в правовые и философские течения американской конституционной системы для «Черновики конституции», в детали высокотемпературной сварки и порошковой ме-

43. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 2 августа 1960 г., Rockefeller.

таллургии в *Iron Age*, в любую тему, в том числе тему городов, в «Америке». В отличие от своих преподавателей в Колумбийском университете, которые застолбили один или два уголка интеллектуальной жизни, никакая территория, никакая *сфера* не была собственностью Джейн; архитектура и планирование — просто последние в длинном списке. Взять почти все из большого мира людей, мест и идей, естественнонаучных и гуманитарных, современных и исторических, и извлечь из них свежий, живой смысл — *такова* была специализация Джейн. Возможно, она не обозначала свое искусство, или ремесло, или как это ни назови, именно такими словами, но она, несомненно, узнала бы себя в этом.

В январе 1960 года работа наладилась, и отчаяние, длившееся полгода, почти совсем прошло. «Я работаю с большим удовольствием, — писала она Эпштейну, — и лишь иногда прихожу в замешательство и испытываю затруднения»⁴⁴. Она была на девятнадцатой главе из, как она теперь думала, двадцати двух. Еще нужно будет многое переписать и «это займет какое-то время, но нет ничего хуже чистого листа бумаги».

Через четыре месяца Джейн, наконец, отдала Джилпатрику первые пять глав «Смерти и жизни». 19 мая он ответил, что у него есть несколько замечаний, но «если остальная книга столь же насыщена и напориста, она может оказать очень значительное влияние. Сил вам»⁴⁵.

Джейн обычно не писала о себе. Однако «Смерти и жизни» остроту придавали лакомые кусочки ее жизненного опыта, которые, иллюстрируя ее идеи, налаживали связь с читателем. Прочитайте книгу и вы узнаете, например, что Джейн годами посещала одного и того же дантиста на 86-й Западной улице; что ее любимая художественная галерея стоит возле рыбного рынка, куда она ходит; что однажды у нее была подруга, которая думала, что дети рождаются через материнский пупок; что после ее гарвардской речи, где она подчеркнула значение маленьких магазинчиков в районе, она стала получать по почте планы маленьких продовольственных магазинчиков на углу — «преисполненных добрых намерений пустячков»⁴⁶, как она выразилась — как будто она только об этом говорила в Гарварде. «Смерть и жизнь» бросала вызов. Она имела дело с идеями,

44. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 11 января 1960 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

45. Чедберн Джилпатрик — Дж. Дж., 19 мая 1961 г., Rockefeller.

46. *Смерть и жизнь*, с. 202.

иногда внушительными. Но зарисовки из жизни придавали книге дружественную теплоту.

Один пассаж от первого лица в «Смерти и жизни» надолго задержится в памяти читателя, *закрепится* там. Он в начале книги. Джейн говорила о запруженных людьми тротуарах, повышающих безопасность и выполняющих другие функции, обеспечивая «глазами, устремленными на улицу».

Под кажущимся беспорядком старого города там, где он функционирует успешно, скрывается восхитительный порядок, обеспечивающий уличную безопасность и свободу горожан. Это сложный порядок. Его суть — в богатстве тротуарной жизни, непрерывно порождающей достаточное количество зрячих глаз. Этот порядок целиком состоит из движения и изменения, и хотя это жизнь, а не искусство, хочется все же назвать его одной из форм городского искусства. Напрашивается причудливое сравнение его с танцем — не с бесхитростным синхронным танцем, когда все вскидывают ногу в один и тот же момент, вращаются одновременно и кланяются скопом, а с изощренным балетом, в котором все танцоры и ансамбли имеют свои особые роли, неким чудесным образом подкрепляющие друг друга и складывающиеся в упорядоченное целое. На хорошем городском тротуаре этот балет всегда неодинаков от места к месту, и на каждом данном участке он непременно изобилует импровизациями. Тот участок Гудзон-стрит, где я живу, каждый день становится сценой для изощренного тротуарного балета. Мой первый выход на эту сцену происходит чуть позже восьми утра, когда я выношу мусорный бачок. Безусловно, чисто прозаическое дело, но мне нравится моя роль, мой коротенький звуковой лязгающий вклад, в то время как по центру сцены, роняя бумажки от конфет, косяками движутся ученики средних классов. (Сколько же конфет они поглощают с утра пораньше?)⁴⁷

Джейн подметает бумажки. Открываются хозяйственные магазины. Не занятые в этот день портовые грузчики собираются в кабаке *White Horse* или *Ideal*. «Наступает очередь характерных танцоров: вот чудаковатый старик со шнурками от старых ботинок на плечах; вот бородатые мотоциклисты и их подсаживающие на задних сиденьях подружки, чьи длинные волосы падают не только на плечи, но и на лица». Через несколько страниц день подходит к концу. «Рабочие ночных смен останавливаются у кулинарии купить молока и кусок салами».

Потом, в конце концов, «балет глубокой ночи», который Джейн знала лучше «по своим былым пробуждениям далеко за полночь, когда внимания к себе требовал ребенок. Укачивая

47. Там же, с. 63.

его в темноте, я видела тротуарные тени и слышала тротуарные звуки». И наконец, звук волынки февральской ночью, «и, словно по военному сигналу, редкие случайные людские перемещения по тротуару вдруг обрели направление», толпа собралась вокруг волынщика.

Годы спустя она напишет, что когда начинала работу над «Смертью и жизнью» в 1958 году, то «намеревалась лишь описать цивилизующие и приятные услуги, которые между делом, непринужденно оказывает людям хорошая городская уличная жизнь, и подвергнуть критике градостроительные извращения и архитектурные моды»⁴⁸, уничтожавшие эти достоинства городской среды. Это первая часть ее работы, «Специфика больших городов», она следует за введением, занимает примерно треть книги и содержит пять глав:

2. Использование тротуаров: безопасность
3. Использование тротуаров: общение
4. Использование тротуаров: присмотр за детьми
5. Использование городских парков
6. Использование городских кварталов⁴⁹

Использование того, использование сего, одна тема, другая. Три главы про тротуары? Что же это за книга на самом деле выходит из пишущей машинки Джейн? В письме Джилпатрику она отметила, что книга предназначается для «обычного интересующегося горожанина», неспециалиста. Но что мог такой человек, этот хороший горожанин, хотеть или ожидать от нее? В каком смысле, если таковой имеется, Джейн писала «популярную» книгу? Это не какие-нибудь сентиментальные мемуары. Она не могла похвастаться сценами, напичканными бойкими диалогами на жаргоне. Это не ганстерские войны. Не яркие вечеринки. Не эротические связи в пятиэтажках, где сквозь оконное стекло сияют городские огни. Но если в книге нет ничего такого, что же в ней есть?

В первую очередь в книге обязаны быть хорошие и просто необходимы плохие парни. Интеллектуальных злодеев представляли Эбенизер Говард с движением за «Город-сад»; Дэниел Бернем со своим «Городом красоты», выросшим из Всемирной Колумбовской выставки 1893 года в Чикаго; и на вершине — злой гений современности, Ле Корбюзье, и его «Лучезарный город». Джейн собрала их идеи вместе, подчеркнув сходства, а не различия, в Лучезарный город-сад красоты — плод мысли-

48. *Смерть и жизнь*, предисловие, с. 7.

49. Там же, с. 5 (перевод изменен. — *Прим. пер.*).

телей, которые не могли представить город, не навязав ему аккуратности, порядка и стерильности.

Были и места-злодеи — улицы, кварталы и районы, которые Джейн считала неудачными. Например, бульвар Бенджамина Франклина в Филадельфии с монументальным культурным центром — «впечатляющим», но банальным, безжизненным изначально. Или Чатам-Виллидж в Питтсбурге, который она изобразила безнадежно монотонным, без намека даже на общественную жизнь, или Элм-Хилл-авеню в Роксбери в Бостоне, который тоже пострадал от Великого Несчастья Скуки, самого убийственного эпитета Джейн.

Следом шествовали городские планировщики в черном: лишенные идей гангстеры, создатели «псевдонауки» городского планирования, застрявшие «на той же стадии изошренного ученого суеверия, на какой медицинская наука стояла в начале прошлого века, когда врачи беззаветно верили в кровопускание, якобы избавляющее организм от болезнетворных соков — „гуморов“»⁵⁰ (аналогия, которую Джейн развила во впечатляющих масштабах).

Об Эбенизере Говарде Джейн писала: «Его целью было создание самодостаточных малых городов — городов действительно очень приятных, если только вы человек послушный, не имеете собственных планов и согласны прожить жизнь среди людей, также не имеющих собственных планов»⁵¹. Не раз Джейн выступала язвительно и беспощадно. Джеймс Ховард Кунстлер сказал ей однажды, что ее порядочно бесила американская культура при работе над «Смертью и жизнью»: «Какая муха вас тогда укусила?»⁵² «А вот какая муха меня укусила», — ответила она:

...безумный бум обмана, вандализма и расходов, который назывался городской реновацией. И то, как она стала модна. Люди в своей деятельности стали преступно беспечны и бесчестны. Вот что меня бесило, ведь я работала в архитектурном журнале и видела все это своими глазами, я наблюдала, как совершались самые ужасные вещи.

Герберт Ганс ошибался, думая, что бостонский Вест-Энд, район, который скоро сотрут с карты, перестанет представлять интерес для нее. Джейн ходила туда, разговаривала с владельцами магазинов, узнавала их печальные истории, и бесчестное обра-

50. Там же, с. 26.

51. Там же, с. 31.

52. Kunstler, 1, p. 5.

щение с людьми приводило ее в ярость⁵³. В 1958 году она имела беседу с двумя архитекторами, которые оправдывали разрушение Вест-Энда. Один говорил, будто его дома построены так хорошо, что переехавшие туда жители никогда не жили в чем-то настолько же конструктивно устойчивом. Другой рассказал, как ему пришлось спуститься «на четвереньках с фотоаппаратом в подвал, чтобы сделать снимки самых темных и тошнотворных мест»⁵⁴ и обозвать это место трущобами. Вот двуличие, оправдываемое тем, что оно служит великому благу — ликвидации трущоб, которые, по мнению Джейн (и Ганса), вообще трущобами не являлись.

В детстве, во время поездки во Фредериксберг в штате Виргиния, где вырос ее отец, Джейн посетила музей станков и инструментов, ярко раскрашенных, «чтобы можно было увидеть, как они работают»⁵⁵ — колеса и корпуса, роторы и храповики, которые жужжат перед тобой (или можно себе представить, как они жужжат). На скрантонской железнодорожной станции ей понравились «локомотивы и поршни, которые приводят в движение колеса», пальцы и соединяющие стержни, переносящие силу сжатого горячего пара в движение, грубое и прямое. Но затем, в начале 1930-х годов, локомотивы начали щеголять *юбками* — обшивкой из металла, сделанной так, чтобы подчеркнуть современный дизайн и украсить движение паровоза, но скрыть работу механизмов. Теперь, сказала Джейн, «нельзя посмотреть, как движутся колеса, и это меня огорчает». Подобная нелюбознательность касается и городов, гораздо более сложных механизмов, чем любой локомотив: на жилищные проекты ушли миллиарды. Старые кварталы разрушены. Вместо них возведены башни. Улицы расширены или ликвидированы. Законы зонирования предписывают математические пропорции для всего. Однако ей казалось, что никто не удосужился спросить, как города, подвергшиеся такому воздействию, функционируют на самом деле. «Возникает подозрение, что мы как народ стали настолько беспомощны и нерадивы, что нас уже не интересует, как функционирует что-либо, интересует только мгновенное, легковесное внешнее впечатление», — писала она в «Смерти и жизни»⁵⁶.

Главной темой ее книги было: что заставляет города функционировать, и функционировать хорошо. Города нуждались

---

53. Дж. Дж. — Герберту Гансу, 24 ноября 1958 г., архив Герберта Ганса, ColumbiaRare.

54. Kunstler, II, p. 1.

55. Kunstler, I, p. 6.

56. *Смерть и жизнь*, с. 21.

в «изобильном разнообразии», бесконечном смешении всего и вся. И это требовало соблюдения четырех условий: 1) смешанное первичное использование; 2) маленькие кварталы; 3) здания, различающиеся по возрасту, в том числе старые; 4) высокая концентрация людей. Каждому пункту во второй части она посвятила содержательную главу.

Под «смешанным первичным использованием» Джейн имела в виду ткань города, где нет разделения, при котором торговые площади размещены в каком-то одном месте, жилые дома — в другом, склады и фабрики — в пустынном третьем; напротив, все смешано. На любом отрезке улицы по-разному используемые здания — лавки, бары, дома, продовольственные магазины, небольшие фабрики — поддерживают друг друга. Люди там находятся в любое время дня и иногда даже ночи, и оттого местность остается живой и безопасной.

В маленьких кварталах — разветвленная сеть пешеходных дорожек, дающих возможность встретиться разным людям, бизнесу, видам деятельности — больше выбора, больше углов для маленьких магазинчиков, больше жизни; длинные, изолированные кварталы ведут к стагнации. «Не архитектурная однородность, а подвижность использования и переплетение маршрутов объединяют район, превращают его в резервуар использования»⁵⁷.

Ветхие старые здания с их низкой арендной платой стимулируют возникновение новых бизнес-стартапов и молодых организаций в районе. «В числе самых интересных, самых приятных зрелищ на улицах больших городов — проявления людской изобретательности, приспособляющей старые помещения к новым способам использования», такие как конюшня, превращенная в жилой дом, полуподвал, ставший иммигрантским клубом, или пивоваренный цех, превращенный в театр. «Старые идеи могут в иных случаях пользоваться новыми зданиями, — писала она. — Новым идеям необходимы старые здания»⁵⁸.

И наконец, Джейн посвятила главу тому, что большим городам необходима высокая концентрация людей — не только в даунтауне, но и в жилых районах. «Перенаселенные трущобы из градостроительной литературы — это кишашие людьми территории с высокой плотностью жилых единиц. „Перенаселенные“ трущобы из американской реальности — это все чаще унылые территории с низкой плотностью жилых единиц»⁵⁹.

57. Там же, с. 194 (перевод изменен. — *Прим. пер.*).

58. Там же, с. 200.

59. Там же, с. 216.

Посмотрите на Окленд, на Роксбери в Бостоне, на Детройт: «бесконечные, неплотные заселенные квадратные мили городского упадка».

Этот несколько упрощенный обзор ключевых идей — не лучший способ представить «Смерть и жизнь». Как и другие книги, невероятно богатые на свежие идеи, она многое теряет в обзорах и кратких пересказах, становится уязвимой к некритическим славословиям или искажениям вследствие невнимательности. Броские фразы, ставшие неотъемлемым атрибутом литературы о городах и планировании, напоминают о книге: *приграничные пустоты; смешанное первичное использование; рас-тущообливание; катаклизмические деньги; глаза, устремленные на улицу*. Но хотя «Смерть и жизнь» стала своего рода городским евангелием, девелоперы, и не только они, иногда упоминают ее, не имея ни малейшего понятия, о чем говорит Джейн. Кроме того, афористический привкус книги соблазняет сократить ее так, чтобы получилось нечто вроде учебного пособия или катехизиса:

- «В крупном городе жизнь и разнообразие притягивают всю новую жизнь извне; мертвечина и однообразие отталкивают все живое».
- «Ортодоксальное градостроительство относится к местным открытым участкам поразительно некритически, обожествляет их, фетишизирует».
- «Почему так часто где парк — там нет людей, а где люди — там нет парка?»
- «Чем дальше коррупция имеет дело с объектом или явлением, тем более изобретательной становится».
- «Люди правы, когда с подозрением смотрят на программы, в обмен на нечто дающие им ничто».
- «Большие города только тогда способны давать нечто всем и каждому, когда все и каждый участвуют в их сотворении»⁶⁰.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ УОЛТА УИТМЕНА, «СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ» ВМЕЩАЕТ В СЕБЕ МНОЖЕСТВО⁶¹. Ее можно сокращать и пересказывать, но не без невосполнимых потерь. Не только мастерство Джейн, но и ее чуткое внимание к каждой грани «город-скости», во всех деталях и нюансах (пусть иногда и нудное) делали книгу именно тем, чем она является.

60. *Смерть и жизнь*, с. 111, 54, 106, 345, 380, 249.

61. Имеется в виду поэма «Песня о себе» Уолта Уитмена, строфа 51: «Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей» (пер. К. Чуковского). — *Прим. пер.*

Даже парковки и слепые промышленные фасады без окон удостоились ее внимания. Взгляните на последнюю главу, «Проклятие приграничных пустот» — таким термином Джейн назвала безжизненные участки города, устрашающие и пагубные для пешеходного движения. Она показала, как с окружением взаимодействует железнодорожный вокзал, но не железнодорожные пути; одиночное административное здание, а не громадный общественный центр. В обоих случаях первое может объединить и укрепить городской район, а второе — уничтожить его.

Частые границы, что бы их ни создавало — автомагистрали, территории организаций, учреждений и жилых массивов, кампусы, «промышленные парки» или другие массивные специальные способы использования земли — могут, действуя таким образом, разорвать город в клочья⁶².

Железнодорожные пути, конечно, классический пример приграничных пустот. «По ту сторону путей», как-никак, это условное обозначение социальной границы: одна сторона беднее и более обветшалая, чем другая. Джейн здесь подразумевала не социальные коннотации территорий, а физические и функциональные. «Загнивание, порчу» в полосах, прилегающих к железнодорожным путям, обычно объясняют шумом и гарью от проходящих поездов. Но это вторичный фактор, скорее всего, потому что можно наблюдать подобный упадок и на участках, прилегающих к автомагистралям или больничному комплексу, на безликой парковке или у многоэтажного жилого комплекса, чрезмерной величины кампуса колледжа или даже в парке, неумело встроенном в город. Главная проблема — не шум и гарь, просто приграничные пустоты становятся труднопреодолимым барьером для передвижения и взаимодействия людей. Улица, примыкающая к границе, представляет собой «тупик», пешеходам туда идти незачем; может быть страшно или трудно преодолеть широкую автомагистраль или парковку, и уж тем более слепую стену склада. Им «не хватает прохожих,двигающихся в направлении границы, потому что редко кому нужно пересекать эту границу». А если примыкающие улицы не пользуются популярностью, то страдает жизнеспособность всей территории.

Но ведь *не должна*, говорит Джейн. Заимствуя принцип Кевина Линча, профессора MIT, чей «Образ города» она очень любила, она цитирует, что граница должна быть скорее «швом, чем барьером, линией обмена, по которой две территории сши-

62. *Смерть и жизнь*, с. 276.

ты воедино»⁶³. Например, на береговой линии «необходимы хотя бы маленькие, пусть даже словно бы случайные бреши, позволяющие бросить взгляд или полюбоваться на береговые работы и водный транспорт». Она продолжала:

Недалеко от моего дома находится старый открытый док, единственный на мили вокруг, расположенный рядом с громадным мусоросжигателем управления санитарии и стоянкой барж. Горожане здесь ловят угрей, загорают, запускают воздушных змеев, чинят автомобили, устраивают пикники, катаются на велосипедах, продают и покупают мороженое и хот-доги, машут проплывающим судам или просто наблюдают за происходящим... Нет в городе счастливее места жарким летним вечером или в ленивое летнее воскресенье. Время от времени, когда мусоровоз вываливает содержимое в мусорную баржу, раздается оглушительный ляг и плеск. В этом событии нет ничего изысканного, но присутствующим оно доставляет громадное удовольствие. Все в восторге⁶⁴.

Итак, проблемная граница преобразуется в «шов», город сшит в одно целое.

Я чуть более подробно цитирую, что Джейн пишет об этом непривлекательном городском явлении — она посвящает семнадцать страниц приграничным пустотам — чтобы прояснить ее метод. Неизменная ценность книги заключается не только в ее идеях, но и в богатстве интуиции, деталях, наблюдательности, с которыми она развивает каждую из идей — часто, как в предыдущем отрывке, руководствуясь примерами из жизни и собственным опытом.

Утверждая, что городам нужны старые здания, чтобы поддерживать экономически ненадежный бизнес, Джейн описывает обшарпанное здание на Шеридан-сквер, где находился ее кабинет:

В доме, где я пишу эту книгу, помещения на том же этаже занимают: оздоровительный клуб с гимнастическим залом; фирма, зарабатывающая оформлением церквей; клуб, ратующий за реформу Демократической партии; политический клуб Либеральной партии; музыкальное общество; ассоциация аккордеонистов; пенсионер, торгующий по почте парагвайским чаем мате; человек, торгующий бумагой и по совместительству занимающийся отправкой мате; стоматологическая лаборатория; студия, где учат рисовать акварелью; и мастерская бижутерии⁶⁵.

63. *Смерть и жизнь*, с. 279.

64. Там же, с. 280.

65. Там же, с. 205.

И потом, словно объединяя свою судьбу с судьбой друзей с Шеридан-сквер, она добавляет: «В новом здании таким, как мы, не нашлось бы места».

Почти сразу после того, как книга вышла в свет, Джейн написал человек из Кливленда. Он спрашивал у нее совета, как можно отследить криминальную и жилищную статистику в новых жилых комплексах Нью-Йорка. В городском жилищном управлении, ответила она, ему вряд ли помогут с криминальной статистикой. «Они невероятно щепетильны в отношении этой темы, могут даже отрицать, что у них такое есть»⁶⁶. В полицейском участке, скорее всего, не разделяют статистику так, как ему нужно. Однако, «может быть, лучше лично отправиться в участок» и спросить полицейских, а еще — местных школьных учителей. «Короче говоря, вам предстоит со многими познакомиться и проделать большую детективную работу».

В 1959 году Эллен Перри, недавно разведенной двадцатидевятилетней женщине, выпускнице Гарвардской школы дизайна, друг сообщил, что миссис Джекобс нужна помощь в проведении исследований для книги. Чуть позже она уже выполняла поручения Джейн, собирая для нее материалы: по Клоэтиел Смит⁶⁷, модернистскому архитектору, по показателям плотности населения в вашингтонском районе Джорджтаун; по профсоюзной шкале оплаты труда операторов лифтов. Перри с рокфеллеровского гранта Джейн получала весьма скромные чеки, эквивалентные 100 или 200 долларам по сегодняшним деньгам. «А теперь тебе придется проделать действительно большую работу»⁶⁸, — писала ей Джейн в октябре 1959 года: нужно было собрать криминальную статистику десяти-пятнадцати самых крупных городов. И еще данные о подростковой преступности и показатели преступности вообще, если Перри сможет их достать. И что-нибудь о том, как выглядел Лондон в эпоху до автомобилей. Перри предоставила Джейн краткие обзоры, которые, как она вспоминает, пришлись той по вкусу. «Она по-

66. Дж. Дж. — Альберту Л. Эли III, 29 марта 1962 г., Burns.

67. Клоэтиел Смит (Chloethiel Woodard Smith, 1910–1992) — американский архитектор и городская планировщица, известна своим вкладом в архитектурное переустройство Вашингтона. — *Прим. ред.*

68. Дж. Дж. — Эллен Перри, 11 октября 1959 года; этот сюжет основан на телефонном интервью и переписке с Эллен Перри Беркли и их переписке с Дж. Дж., которую она предоставила. Беркли стала старшим редактором в *Architectural Forum* после того, как Джейн покинула издание. Она написала Джейн в 1996 году: «Те дни в Нью-Йорке остались так далеко в прошлом, наверно, и для Вас тоже. Но они никогда не будут настолько далеко, чтобы [забыть], как Вы были добры ко мне».

просила меня раскрыть те темы, по поводу которых она строила догадки, но у нее не было точных данных»⁶⁹. Иногда они вместе прогуливались по району, подсчитывая количество частных лавочек или людей, сидящих на крыльце и выглядывающих из окон.

Реальные факты, собранные Джейн, разительно отличаются от красивых эскизов и перспективы с высоты птичьего полета, ставших фирменным знаком студий дизайна и отделов планирования. «Люди, которых интересует только, как город „должен“ выглядеть, и не интересует, как он действует, будут разочарованы этой книгой»⁷⁰, — напишет она во введении. «Заботиться о внешности вещей как о первичной цели или главном источнике интереса, эффекта — значит не создавать ничего, кроме неприятностей». Здесь ее обуял гнев, и она рассказала о прекрасном газоне в жилом массиве в Восточном Гарлеме. Одна социальная работница была «поражена» тем, как часто и с какой ненавистью его высмеивали, хотя никто не мог объяснить, за что именно. Потом, наконец, одна жительница объяснила:

Когда все это строили, никто не спросил, чего мы хотим. Наши дома снесли, нас отправили сюда, а наших друзей отправили куда-то еще. Нам тут негде чашку кофе выпить, даже газету купить или занять пятьдесят центов. Никого не интересовало, что нам нужно. А сейчас приезжают большие шишки, смотря на эту травку и говорят: «Чудесно! Теперь у бедных есть все!»

«Есть качество похуже, чем прямое уродство или неупорядоченность, — писала Джейн в одном из самых своих цитируемых впоследствии пассажей, — и качество это — лживая видимость порядка, достигаемая игнорированием или подавлением порядка подлинного, который борется за свое существование и удовлетворение своих нужд»⁷¹.

Такую книгу, как «Смерть и жизнь», за день не напишешь. Это было «гораздо сложнее, чем я себе представляла, — скажет Джейн. — Меня не покидала тревога все время, пока ее писала», иногда приходилось «выбрасывать все в мусорную корзину» и выносить мусор. Книга плотно набита идеями, многие из них родились не тогда, когда она писалась, а, как мы видели, до 1955 года и еще раньше; некоторые из размышлений Джейн

69. Эллен Перри Беркли — автору, 11 июня 2012 г.

70. *Смерть и жизнь*, с. 28.

71. Там же, с. 29.

восходят еще ко времени учебы в Колумбийском университете. По сравнению со статьями в *Forum* Джейн в книге практически неузнаваема, ее стиль заметно отличается даже от статьи 1958 года в *Fortune*. Написать статью в редакции — несколько дней или недель работы, затем можно приступить к следующей. Теперь, в конце 1960-х годов, она завершала проект, который в двадцать, а то и тридцать раз превосходил то, что она делала прежде. «Это четвертый черновик этой чертовой главы, — писала она Джейсону Эпштейну 15 декабря, — вероятно, понадобится и пятый, и шестой. Я разучилась писать, и меня это очень беспокоит. Еще четыре осталось — звучит как еще сорок осталось»⁷². Только сейчас, приближаясь к финалу, она показала части рукописи Эпштейну, его ассистенту Натану Глейзеру и Чедберну Джилпатрику, каждый из которых высказал свое мнение, представил возражения и задал последние вопросы.

На одном редакторском совещании речь шла о завершающей главе «Что это за проблема — большой город?»⁷³ Сама странность названия привлекала внимание, глава как будто была отдельно от книги. Джейн черпала вдохновение в эссе (появившемся в том же отчете Фонда Рокфеллера за 1958 год, что и ее изначальный грант) бывшего вице-президента Уоррена Уивера⁷⁴, математика, который помог развить философские выводы известной статьи Клода Шеннона 1947 года⁷⁵ по информационной теории, которую можно считать основополагающим документом цифровой эпохи. Уивер сосредоточился в основном на биологических науках; Джейн применила образ его мысли к интеллектуальному объекту, о котором он, вероятно, вообще не думал, — к городам. Ей казалось, что замечания Уивера о типах проблем, с которыми сталкиваются ученые, «косвен-

72. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 15 декабря (1960 г.), архив Random House, ColumbiaRare.

73. *Смерть и жизнь*, с. 437 (перевод изменен. — Прим. пер.).

74. Уоррен Уивер (Warren Weaver, 1894–1978) — американский математик, организатор науки, один из пионеров машинного перевода. С 1932 по 1955 год возглавлял отдел естественных наук Фонда Рокфеллера. Канигел здесь имеет в виду статью Уивера «Четверть века истории естественных наук» (Warren Weaver, «A quarter century in the natural sciences», *The Rockefeller Foundation Annual Report* (New York: The Rockefeller Foundation) p. 3–122). — Прим. ред.

75. Клод Шеннон (Claude Elwood Shannon, 1916–2001) — выдающийся американский математик, один из основателей теории информации, автор термина «бит» для измерения информационных потоков. Канигел здесь, вероятно, имеет в виду основополагающую статью Шеннона «Математическая теория связи», опубликованную в 1948 году (Claude Shannon, «A Mathematical Theory of Communication», *Bell System Technical Journal*, 1948, vol. 27, p. 379–423; рус. пер.: Клод Шеннон, «Математическая теория связи», *Работы по теории информации и кибернетике* (Москва: ИИЛ, 1963). — Прим. ред.

ным образом... в сумме дают практически всю интеллектуальную историю градостроительства»⁷⁶.

Для начала Уивер описал класс простых научных задач: например, вы запустили один за другим бильярдные шары с определенной точки под определенным углом и с определенной силой, и можете более-менее подробно предсказать, что произойдет. Это была старая добрая физика до XX века, относительно прямолинейная, математически просчитываемая.

Вторая категория задач называлась «неорганизованно-сложной»: на огромном бильярдном столе — не один и не пятнадцать шаров, а миллионы; никак, даже в принципе, не удастся проследить движение одного шара среди всего этого стучащего хаоса. С другой стороны, можно, вероятно, вычислить полезные средние числа и общую картину; для многих шаров вы выведете статистические или вероятностные данные, но не для каждого по отдельности. Эти методы можно было применить к сумбуру проблем реального мира, от таблиц ожидаемой продолжительности жизни до законов термодинамики.

Изучение живых систем, отметил Уивер, не похоже на предыдущие типы, это задача третьей категории. «Что заставляет цветок энотеры раскрываться с наступлением темноты? Почему соленая вода не утоляет жажду?»⁷⁷ Эти примеры Уивера были, безусловно, более сложными, чем все стучащие шары вместе. Но они отнюдь не являлись «неорганизованными», и тут работала не статистика. Скорее это были задачи «организованной сложности», — словами Уивера, имеющие дело со «значительным количеством взаимосвязанных факторов, образующих органическое целое».

Как и город, утверждала Джейн.

Она предлагала такой пример: как понять местный парк, с его множеством взаимодействующих сил? Дизайн парка сам по себе имеет значение. Как и его размер. Как и его посетители: кто и когда приходит в парк; каково городское окружение парка, и многое другое. Вы можете очутиться в прекрасном, популярном парке, счастливом и безопасном; или в парке, который оказался пустым и опасным, неприветливым как для детей, так и для взрослых. В любом случае результат не зависит от какого-то одного фактора; это не простая задача, по Уиверу. Точно так же и статистика, скажем, примерный коэффициент открытого пространства к численности местного населения, не могла пролить на это свет. Скорее задача относилась к треть-

76. *Смерть и жизнь*, с. 437.

77. Там же, с. 440.

ей категории по Уиверу, где, как и при цветении энотеры, играли роль множество накладывающихся факторов. «В том, как эти факторы воздействуют друг на друга, нет ничего случайного или иррационального»⁷⁸, — писала Джейн. Но понимание этого требует тщательного, почти микроскопического изучения, которое не поддавалось, как она напишет по поводу похожей проблемы, «более легким и универсальным методам анализа, простым, „магическим“ рецептам на все случаи жизни».

Вот какого *рода* задачу ставил город, а Эбенизеры Говарды и Ле Корбюзье всего мира ее не видели. Для Говарда город сократился до жилья и работы. Для Ле Корбюзье, писала Джейн, «его башни в парке прославляли средствами искусства силу статистики и стали своего рода триумфом математического среднего»⁷⁹. В статистическом плане этих перемещенных людей, изгнанных планировщиками, «можно сравнить с песчинками, электронами или бильярдными шарами». Но такое грубое приближение вопиюще не соответствует реальному пониманию ситуации.

Последняя глава Джейн во многом не похожа на остальную книгу. Она подозрительно напоминает естественнонаучную работу. Натану Глейзеру, например, это не очень понравилось. «У меня аллергия на разговоры о науке в ситуациях, где достаточно здравого смысла и наблюдательности», — писал он Джейн⁸⁰. Она слишком увлеклась категориями Уивера. Глейзер не думал, что они так уж полезны. Используйте более конкретные аргументы, советовал он ей. Он допускал, что возможно, это его «личная реакция на абстракции и общетеоретические рассуждения», но все же надеялся, что Джейн примет его замечание к сведению.

Учитывая прошлый опыт Джейн, не стоит удивляться, что теперь она обратилась к естественным наукам. В Колумбийском университете она восполняла свои пробелы в биологии, психологии, геологии и зоологии. И что являлось ее «методом» в «Смерти и жизни», как не тщательное, дотошное *рассмотрение* проблемы, типичное для естественных наук? Она делала упор не на том, что такое города, а на том, как они действуют; не на природе трущоб, а на том, что к ним привело; на процессе, а не результате. (В заметке, которую я нашел среди ее бумаг, она оспаривает утверждение ученого⁸¹, что «задача

78. Там же, с. 442.

79. Там же, с. 445.

80. Натан Глейзер — Дж. Дж., 30 января 1961 г., архив Random House, ColumbiaRare.

81. Джейн здесь полемизирует с известным американским социологом Ирвингом Горовицем (Irving Louis Horowitz, 1929–2012). Нижеприведенная цитата взя-

науки — уменьшить боль от встречи с будущим, прогнозируя его проблемы»⁸². Нет, это не так, настаивала она. «Задача науки — понять, как все устроено».) Сама она, конечно, не была ученым; она не открывала галактик и не изучала обмен веществ живой клетки. Но, как отметит главный специалист по Джекобс, историк архитектуры Питер Лоуренс, даже в ее первых нью-йоркских статьях 1930-х годов видно «глубокое, протонаучное любопытство касательно скрытых городских процессов». «Смерть и жизнь», между тем, сохраняет «свежесть и незыблемость научных принципов»⁸³.

Мы не знаем, сколько Джейн размышляла над предложением Глейзера. Знаем только, что через два дня она выпалила: «Я крайне не согласна с вами по поводу последней главы»⁸⁴. Потому что, во-первых, она не проводила аналогий с наукой, как считал Глейзер, а обсуждала «методы мышления и анализа, являющиеся *общими* для науки и разных других типов мышления, а не аналогичными». Нет, «для погружения в последнюю главу может понадобиться время, но если и когда это случится, это изменит городское планирование больше, чем любая другая идея», изложенная в книге.

Глава осталась какой и была.

Конечно, на данный момент это мало что значило. Сегодня любые вопросы, которые поднимали Глейзер и Эпштейн (и в которых они в основном могли уступить Джейн) могут показаться узкими, даже техническими. Рукопись, содержащая около 15000 слов, теперь была закончена; какие бы исправления ни потребовались в предстоящие месяцы, ее характер определен. «„Смерть и жизнь больших американских городов“, — объявил Эпштейн, — самая потрясающая книга, которую я когда-либо читал. Я доволен и горжусь тобой, и с нетерпением жду финальную версию рукописи»⁸⁵.

24 января Джейн написала Натану Глейзеру: «Вот 22-я глава, *последняя!* Пойду налью себе два martini. А может, три»⁸⁶.

та из его статьи, опубликованной в книге под его редакцией «Новая социология» (*The new sociology: Essays in social science and social theory, in honor of C. Wright Mills* (Oxford: Oxford University Press, 1964), p. 37). — *Прим. ред.*

82. С клочка бумаги под заголовком «Новая социология», Burns, 19:12.

83. Laurence, «The Death and Life of Urban Design», p. 165.

84. Дж. Дж. — Нату [Глейзеру], 2 февраля 1961 г., архив Random House, ColumbiaRare.

85. Эпштейн — Дж. Дж., 22 ноября 1960 г., архив Random House, ColumbiaRare.

86. Дж. Дж. — Глейзеру, 24 января [1961], архив Random House, ColumbiaRare.

Глава 13

Мамаша Джекобс с Гудзон-стрит

В 1961 ГОДУ в гневной рецензии на «Смерть и жизнь больших американских городов» будут порицать автора книги даже в заголовке: «Мамаша Джекобс»¹. Потом, когда Джейн вела борьбу против автомагистрали, за строительством которой стоял Роберт Мозес, он с досадой воскликнет, что против выступает всего лишь «толпа мамаш»². Кем бы еще ни была Джейн, когда ушла в 1958 году из *Forum* и начала работать над книгой про города, теперь она действительно была мамашей. Троицким ее детям, Джиму, Неду и Мэри, было соответственно десять, восемь и три года. Когда семья переехала в 1968 году с Гудзон-стрит в Торонто — уже после того, как «Смерть и жизнь» наделала много шума, а Джейн стала публичным интеллектуалом и важной и заметной фигурой в обществе — Мэри стала подростком, мальчики — мужчинами, а Джейн была мамашей с Гринвич-Виллидж уже двадцать лет.

Осенью 1958 года Джейн было сорок два. Впервые в 1946 года, когда она недолго работала из дома, внештатно, Джейн не вышла на работу в редакцию в Мидтауне. Впрочем, теперь она работала не из дома, а в арендованном офисе. В июле она напишет Чедберну Джилпатрику, что довольно быстро поняла: ей нужен «рабочий кабинет, где меня не будут отвлекать люди, телефон и т. д.»³ Она нашла такой на Бетун-стрит, в пяти минутах ходьбы от дома, на втором этаже старинного особняка 1830 года с меблированными комнатами, который потряхивало от грохота грузовиков на Вест-Сайдской магистрали⁴. Боб уладил все дела, комната стоила 45 долларов в месяц, и когда Джейн въехала, пошли слухи, как расскажет ее сын Джим,

---

1. Lewis Mumford, «Home Remedies for Urban Cancer», in Mumford, *The Urban Prospect*.

Первоначальное название: «Mother Jacobs' Home Remedies».

2. Kunstler, II, p. 24.

3. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 17 июля 1959 г., Rockefeller.

4. Нокс Бургер — Дж. Дж., 19 ноября, год не определен, возможно, 1998, Burns, 7:6; интервью с Джимом Джекобсом.

что она была «содержанкой». Позже дом без ее ведома продали (литературному агенту), и ей пришлось искать другое место. Так она оказалась в здании на Шеридан-сквер, о котором пишет в «Смерти и жизни». Мэри запомнила эту «суровую маленькую комнату», куда из гимнастического зала по соседству доносились крики и стук боксерских ударов.

Между тем Джейн платила за помощь по дому. В эти годы и вплоть до своей смерти в 1960 году заметной фигурой в жизни семьи стала Гленни Ленир, женщина, которую Джейн наняла вскоре после рождения Джима. Пока Джейн работала в *Forum*, все ее домашние обязанности сводились к тому, чтобы подождать, пока придет Гленни, и сразу срываться на велосипеде в Рокфеллер-центр. Гленни заботилась о детях, когда они приходили домой из школы, готовила им еду, оставалась, пока Джейн не вернется после шести домой. «Она очень хорошо за мной присматривала», — говорит Мэри и, не находя подходящих слов, широко раскрывает объятья, словно обнимая неохватную Гленни годы спустя. «Она была невероятно умной. Я так ее любила. Она была будто еще одна мама». Нед водил Мэри в детский сад, Гленни ее забирала. Когда приходило время ждать мальчиков из школы, можно было услышать ее стоны: «Ох, пора дьяволятам возвращаться домой». Джимми и Нед могли быть сущим наказанием: их кузина Джейн, дочь Джима Батцнера, вспоминает, что они были «дикими, непослушными, озорными», а когда она сама приходила в гости, Гленни хвалила ее как «хорошую девочку». Семейный кабинет и помощь Гленни (которой Джейн выражает признательность в «Смерти и жизни») долгие годы позволяли ей сохранять время для письма в неприкосновенности.

Джейн готовила Бобу. Она читала детям перед сном. Можно было рассчитывать на то, что дети получат все необходимое для школы и что она с ними поиграет, сходит в *Macy's* купить ремешки для детских коньков или джемпер в рубчик для Мэри⁵. По воскресеньям они с Бобом вели детей в Епископальную церковь Св. Луки в нескольких кварталах от них по Гудзон-стрит. Джейн не была религиозной. Она не чувствовала особой привязанности к пресвитерианской церкви своего детства. Она считала, что люди с уклоном в духовность заблуждаются. И все же, писала она в одном письме, службы в церкви Св. Луки «давали мне чувство удовлетворения или даже вдохновения в связи с тем, что я связана долгой, крепкой и живой

5. Дж. Дж.— мистеру О'Коннеллу, 25 января 1997 г., Burns, 2:11.

человеческой традицией». Как бы то ни было, такое ощущение возникало у Джейн; а у детей, посещавших воскресную школу, оно не возникало. «Вакцина против религии» — вот чем считал Джим воскресенья в церкви Св. Луки. В конце концов, если не слишком придираться, Джейн просто была американской матерью, хорошо выполнявшей родительские обязанности.

И все же, будучи матерью в 1950-х, она смогла обойти большую часть тогдашних суровых педагогических приемов и считалась приверженцем своего рода неортодоксального стиля воспитания — точнее, они с Бобом вместе. «Было в нас что-то странное», — признает Джим, говоря о семье. Для детей родители всю жизнь не были мамой и папой, они были Джейн и Боб. С самого начала Джейн обращалась к детям как ко взрослым; для родителей, говорит Джим, дети не были «их маленькой версией. Дети сами по себе». *Эй, послушайте*, могла сказать Джейн, собирая их вокруг себя, чтобы прочесть вслух то, что привлекло ее внимание в книге, которую она читала, об археологии или политике или бог знает о чем еще. Они с Бобом не задумываясь вводили детей в свои взрослые дела. Ее знакомый по одной из общественных кампаний, Пьер Тоначель, вспоминает, что Джейн брала их с собой на протестные акции и митинги; дети — «счастливые, милые дети», говорил он про них, — «всегда интересовались» тем, что происходит. «Им было весело туда ходить». Мэри вспоминает, как ходила вместе с взрослыми в *Lion's Head*, местную таверну. За круглым столом у окна собиралась вся округа.

В «Смерти и жизни» целая глава посвящена роли, которую играют городские улицы в «ассимиляции» детей. Улицы и тротуары гарантируют им «некую неспециализированную „базу“ вне дома, чтобы играть, слоняться туда-сюда и формировать представления о мире»⁶ — другими словами, становиться цивилизованными. Этот тон — очевидное признание того, кем в действительности является молодежь. «Малыши приятны на вид и ведут себя сравнительно смиренно, — пишет она, — а старшие дети шумны и непоседливы, они больше склонны воздействовать на среду, чем позволять среде воздействовать на них»⁷, вот что доводит их до беды. Когда они вырастают, то оставляют скакалки и роликовые коньки; флиртуют, разговаривают, толкаются, пихаются, балуются. «Подростков всегда ругают за такое времяпрепровождение, но без него они, как правило,

6. *Смерть и жизнь*, с. 93.

7. Там же, с. 92.

не могут»⁸. Мэри была слишком мала, когда Джейн работала над «Смертью и жизнью», чтобы о ней слишком много говорилось в книге, но что-то проскальзывает о мальчишках — выбегающих на улицу, находящихся секретные места для прятков в метро, придумывающих, как избежать встреч с другими детьми, которые могут их побить.

На фотографии Джимми и Нед в возрасте, вероятно, семи и пяти лет выглядят как два оборванца, старший брат крепко обхватил руками младшего, на его лице написана дьявольская радость, Нед печально смотрит в сторону⁹. Нед в свои шестьдесят вспоминает, как родители жалели о том, что, кажется, не могут их помирить, вмешивались слишком рано или слишком поздно. *О, когда-нибудь они подружатся*, заверяла Джейн ее родная мать, и они правда подружились. «Но в это было, конечно, трудно поверить» в то время, скажет Джейн, «когда они были такими драчунами». Они *всегда* были драчунами. Более поздний друг Джейн предположил, что они ссорились, чтобы привлечь ее внимание. Нед вспоминает, что они с Джимом пользовались привычкой Джейн погрузиться с головой в свои мысли, рассчитывая на отвлеченное: «Да-да», когда спрашивали на что-нибудь разрешения. Но они так часто попадали в переделки, что в конце концов Джейн переписала правила: «Я не только должна сказать да, я должна знать, что я это сказала».

Члены семьи занимались по большей части решением интеллектуальных задач, меньше места оставалось для эмоций, самокопания или непосредственной критики друг друга. «Не в семейных правилах было повышать голос», как в некоторых семьях, говорит Мэри. «Не было выяснения отношений», истерик, воплей, криков. Предпочтение отдавалось размышлению, дети учились на собственном опыте, освобожденные от тяжести и авторитаризма взрослой руки. Так и просится слово «беспредел». На самом деле спокойный стиль воспитания Джейн и Боба удивлял даже друзей и других членов семьи, которые думали, что такая вседозволенность, если это можно так назвать, заходила слишком далеко. «Некоторые их шалости совершенно неприемлемы» в ее семье, говорит о детях Джекобсов кузина Джейн, ныне Джейн Хендерсон. Ее второй муж, Райли, присоединившийся к семье в конце 1960-х годов, говорит о «неортодоксальном способе воспитания детей» Джекобсов. И все же, добавляет он, «не важно, что дети делали или не делали, Джейн всегда их хвалила».

8. *Смерть и жизнь*, с. 98.

9. *Matter*, p. 132.

Катя Джекобс, чей муж Джон, кузен Боба, работал с Джейн в журнале «Америка» (они четверо были близкими друзьями и иногда отдыхали вместе на острове Нантакет в Сконсете, в доме возле пляжа) говорит, что «Джейн была чудесной и живой, но у нее не было материнского инстинкта». Это беспокоило ее, когда они с Бобом приехали с малышкой Мэри, и Джейн, «казалось, было все равно, где дочка будет спать». *О, мы найдем, где ее приткнуть*. «Я пришла в ужас от такого легкомысленного отношения», — говорит Катя.

В архивах Джейн Джекобс хранится письмо от двенадцатилетней Мэри бабушке. Печатные буквы вразнобой с прописными, ошибка на ошибке, например, *gooing* вместо *going*, *rember* вместо *remember* — Мэри была дислексиком¹⁰. Дома с родителями и братьями жизнь кипела, было много познавательного и много чего происходило, и она все тут же схватывала. Она была умной, даже одаренной. Как и у отца, у нее были золотые руки. Но, признается она, «в школе пришлось тяжело». Школа не научила Мэри читать, эта проблема ускользнула также и от внимания родителей; никто, кажется, никогда не спрашивал, сделала ли она домашнюю работу. Джейн «не уделяла особого внимания» школьным делам детей, вспоминает Мэри — *пока*, говорит она деланно безразлично, «в девять лет она вдруг не поняла, что я не умею читать». Братья всю ее дразнили, «пока Джейн, наконец, не пронюхала об этом».

Когда Джейн узнала, она тут же бросилась решать проблему. Она отыскала специальный набор разноцветных книг с рассказами и заданиями, которые ей кто-то порекомендовал, и заказала их по почте. Мэри вспоминает, как это было здорово: иметь что-то, чем могла пользоваться только она одна; может быть, Нед и Джим и могли не отвлекаться дома, на улице или в школе, но она — нет. По комплекту для чтения, который купила Джейн, она «занималась сама и сходу научилась читать». Первой книгой, которую она прочитала, был «Чужак в чужой стране» Роберта Хайнлайна.

Что-то похожее произошло и с Джимом. В средней школе, сдавая предварительный тест на выявление способностей¹¹, он

10. Мэри Джекобс — своей бабушке, миссис Батцнер, 10 апреля 1967 г., Burns, 23:6; см. также письмо Мэри (теперь Бургин) и ее мужа Мела к Дж. Дж. от 12 августа 2000 г., Burns, 7:7.

11. Preliminary Scholastic Aptitude Test (PSAT) — предварительный тест на выявление способностей ученика, регулярно проводится в школах США с осени 1971 года. Является предварительным тестом в предвыпускном классе и дается в качестве подготовки к выпускным тестам. До 1997 года тест состоял из двух частей: чтение и математика. — *Прим. ред.*

плохо справился с математической частью. Дома Джимми был Маленьким Профессором, явно очень умным (он станет доктором наук по физике твердого тела), так почему он с таким треском провалился на стандартном тесте? Запоздало Джейн и Боб поняли, что его смутили не математические понятия, а простая арифметика — таблицы умножения и все такое. Джейн начала проходить с ним основы, и на следующий год, когда он сдавал квалификационный общий академический тест для колледжа¹², он с ним справился.

Родители, в один голос утверждают дети, не подавляли их естественные наклонности и не давили на них. Нет необходимости контролировать каждый шаг, вмешиваться в их дела или необоснованно раздражаться на детей; доверяйте им, и все будет отлично. Примерно таким было кредо Джекобсов. С другой стороны, так можно что-то упустить, что иногда случалось с Джейн и Бобом. «Благодушное невмешательство»? Сами дети, оглядываясь назад, так не считают. С этой позицией невмешательства, которая привела к проблемам с чтением у Мэри и провалу Джима по арифметике, им, считай, повезло. Джейн «считала, что с нами *все в порядке*», — говорит Мэри. Джим вспоминает, что когда кто-то из детей попадал в переделку в школе, Джейн или Боб — обычно Джейн, по крайней мере, пока она еще работала в *Forum*, — приходила в школу и «полностью нас поддерживала, — говорит он, — не важно, правы мы были или нет». Однажды мальчики захотели ковбойские сапоги. Джейн купила, и они надели их в школу. Но учительница их развернула: ни в коем случае не приходите в этом в класс. Джейн пришла с ней ругаясь. Это она мама. Она купила сапоги своим сыновьям. Прекрасные, кстати говоря, сапоги. Нет ничего плохого ни в сапогах, ни в том, что мальчики будут их носить. Учительница уступила.

Вот какое моральное и бытовое воспитание получили дети Джекобсов на дому. Когда Гленни умирала, Джейн пошла сдавать для нее кровь, взяв Мэри с собой в больницу. Больница оказалась «совершенно адской дырой, там было полно черных людей, очень больных людей, она была забита до отказа»; Мэри никогда этого не забудет. Джейн рассказывала ей о мошенниках, присылающих рекламу по почте, или о книжных клубах, которые обманут тебя и заставят купить книги, которые тебе не нужны. Хорошо, что она получила такое воспитание, гово-

12. Scholastic Aptitude Test (SAT) — тест на проверку способностей и наклонностей ученика, по результатам которого школьники поступают в учебные заведения следующей ступени образования. — *Прим. ред.*

рит она, это уберегло ее от манипуляций взрослых. Однажды в 1961 году, в дни холодной войны и нешуточной ядерной угрозы, когда они с Джейн гуляли, вдруг завывла сирена воздушной тревоги; вой сирен означал, что им надо «убежать и укрыться». Конечно, с улицы все пропали. Но не они. Это глупо и бессмысленно, сказала Джейн шестилетней девочке. «Мы не побегим прятаться».

Воспоминания о детях Джейн и их кузенах часто несут в себе ощущение большой семьи, одного огромного клана Батцнеров. Семья Джима и Кей Батцнеров и их дети, Джейн, Энн и Уильям, жили в южном Нью-Джерси, пригороде под названием Вудбери. Джон, его жена Пит Батцнер и их сын Декер жили в Виргинии. Конечно, Бетти с Джулсом и их дети, Кэрол, Пол и Дэвид, жили в Стайвесант-тауне. Как говорят некоторые из них, да, номинально они были кузенами, но вообще-то гораздо более близкими друг другу, скорее как братья и сестры.

Декер Батцнер, ныне врач, живущий в городе Калгари провинции Альберта, хранит воспоминания о доме Джекобсов с 1953 года, когда ему было три. В семейных путешествиях в Нью-Йорк он ездил в гости к семье своей матери на Статен-Айленд и к тете Бетти и дяде Джулсу в Стайвесант-таун. Но именно дом Джейн и Боба на Гудзон-стрит он помнит лучше всего. Как заходишь в него, налево кухня-буфет с открытыми полками, отделяющими ее от столовой; Боб сконструировал ее так, что если бы кто-то занимался делами на кухне, он не был отрезан от разговора за обеденным столом.

В День благодарения мужчины брали детей на парад, организованный универсамом *Macy's*, они обычно смотрели его с западной стороны Центрального парка возле Музея естествознания на 79-й улице. Чаще всего это были трое детей Джейн, трое детей Бетти и он, Декер, но иногда еще присоединялись родственники из южного Джерси. Они добирались на метро, но чаще шли пешком — нагулять аппетит перед ужином: такова была, по мнению Декера, задумка взрослых. Тем временем женщины оставались готовить — индейка, зеленый горошек, лук под соусом, три или четыре вида пирогов. Большой обед начинался около трех. Потом кузены выходили поиграть, еда оставалась на столе, чтобы дети могли в любой момент «попасться». Он любил эти поездки в Нью-Йорк: «Мы все были так рады видеть друг друга».

Для кузенов Гудзон-стрит мог показаться островом свободы. Декер и мальчики Джекобсов ехали на поезде до станции Саут-Ферри и там быстро шли вдоль берега к таксофонам собирать монеты, оброненные уставшими пассажирами парома на Ста-

тен-Айленд, спешившими на судно. Джейн Батцнер, которую тогда называли Маленькая Джейн, чтобы отличать от тети, в честь которой ее называли, была самой старшей из кузенов. Она выросла в Нью-Джерси и ей «не терпелось поехать к кузенам в Нью-Йорк», к детям Джекобсов и Мэнсонов. Когда она достаточно повзрослела, ее подбрасывали до автобусной станции в Филадельфии, и она приезжала в Порт-Аторити в Нью-Йорк, где ее забирала Бетти и переправляла в Стайвесант-таун или к Джейн. Она приезжала на Гудзон-стрит в своих лакированных кожаных туфельках и вскоре носилась сломя голову с мальчиками по Вашингтон-сквер. Наверно, весело было сажать ее на один конец качелей, а потом быстро спрыгивать с другого, чтобы ее конец доски грохнулся вниз. Она возвращалась, проведя несколько часов с мальчиками, отчаянно «чумазая и взлохмаченная», милые туфельки страшно потертые; собственная мать никогда бы *такого* не одобрила. Дома у Джекобсов она развлекалась на спортивном комплексе в комнате мальчиков, лазала по рукоходу, по которому можно было пройти через всю комнату на руках. Она ела сырых моллюсков и артишоки, дома ей такого не давали. Они забирались в легендарную подземку; она все еще была достаточно маленькой, чтобы пролезать под турникетом. Пару раз ее мать приглашала детей Джекобсов к ним в Нью-Джерси и оказывала им добрую услугу, как она считала, отправляя их за город; ну и конечно, говорит кузина Джейн, «они с ума сошли от скуки» в зеленом «Предоставьте это Бивервиллу»¹³. Гудзон-стрит гораздо интереснее, хоть и не соответствует высочайшим стандартам загородного блеска и глянца. Люсия Джекобс, дочь Кати и Джона, вторая двоюродная сестра детей Джейн, вспоминает, как ходила босиком по старому дому, и ступни моментально становились черными.

Вест-Виллидж Джейн был не столько жилым, сколько районом множества предприятий, складов и мелких производств. В бывшей конюшне на углу Гудзон-стрит и Перри-стрит торговали промышленным крепежом. Дальше по Гудзон-стрит находился склад *Fisher Chemical*; Джимми, которому тогда было не больше двенадцати, ходил туда за литром хромата калия, серной кислотой, гранулами едкого калия, фиолетовым красителем, расплачивался за это своими карманными деньгами и возвращался домой, чтобы проводить безумные «эксперименты». Декер вспоминает поездки, когда они играли под старой Вест-Сайдской магистралью в нескольких кварталах

13. Аллюзия на популярное американское телешоу 1957–63 годов «Предоставьте это Биверу». — *Прим. пер.*

от дома и шпионили за портовыми грузчиками и их культовыми, страшно выглядящими стальными крюками, таская всякую ерунду из разбитых ящиков.

Рождество в доме Джекобсов подчинялось собственному ритму. Под «рождественским печеньем» подразумевалось не только само печенье, но и семейный ритуал его приготовления: его пекли сотнями, вся кухня была заставлена подносами с горками печений, наштампованных с помощью формочек всех размеров, стилей и по всем возможным рецептам. Как скажет сама Джейн: «Мы сходили с ума». И конечно, готовился ежегодный окорок. Каждый год Джейн покупала новый ежедневник, чтобы записывать визиты к врачу, общественные события и все такое, один небольшой ежедневник прекрасно помещался в ее рождественский чулок. И каждый год первое, что она делала, это открывала последние страницы и записывала, как почти что ритуальное заклинание, одни и те же слова. 22 декабря: замариновать окорок... 23 декабря: сварить окорок... 24 декабря: запечь окорок.

На каникулах они загружались в машину, если можно ее так назвать. Это был один из тех эволюционных тупиков в истории автомобилестроения, который, подобно эволюционным тупикам в естественной природе, выглядел в высшей степени интересно. Он назывался *Multipla* и был произведен концерном *Fiat* — это фургончик модели 1956 года, по размеру чуть меньше, чем «Фольксваген-жук», но выглядел похоже, работал на крошечном четырехцилиндровом двигателе, которому требовалась почти целая минута, чтобы разогнать машину до скорости автомагистрали. Они купили его в 1958 году. «Восхитительный лимон», — называет его Джим. Семейное предание гласит, что топливный насос постоянно выходил из строя, а это означает частые, кажущиеся бесконечными остановки на станциях техобслуживания. Когда это случалось, или просто в долгих поездках на Шелтер-Айленд на восточной окраине Лонг-Айленда детей нужно было развлекать, и Джейн придумывала сказки. Одним из персонажей был городской мальчишка по имени Орешек, такой крошечный, что мог поместиться в шляпе. Он все время попадал в передряги. Джейн могла рассказывать эти истории — как детский фотограф Орешек падал в нору хорька или убегал от злого карнавального зазывалы — столько, сколько нужно, чтобы починить этот проклятый топливный насос, или проехать все эти бесконечные кварталы Лонг-Айленда, или пока дети не заснут.

Глава 14

Физическая ошибка

КМОМЕНТУ выхода книги Джейн Батцнер Джекобс из Скрантона жила в Нью-Йорке двадцать семь лет, и практически все это время — в Гринвич-Виллидж. Работала обычно в Мидтауне. О Восточном Гарлеме узнала недавно. О многих участках Бруклина и Бронкса и других внешних боро не знала ничего. И все же с изданием «Смерти и жизни» все ее впечатления от Нью-Йорка, мысли о том, как он функционирует и что это означает, ее мнения и предположения можно поставить рядом со всеми теми, кто когда-либо пытался сказать что-то новое о городе: любовное письмо Э. Б. Уайта к городу «Это Нью-Йорк» из 1948 года; еврейский Браунсвилл Альфреда Кейзина¹ в книге «Пешком по городу» из конца 1940-х годов, антология диковинных персонажей квартала Джозефа Митчелла в *The New Yorker*². Новеллы, эссе, стихи: «Как весел ты, Нью-Йорк, сегодня / как Джинджер Роджерс в *Swingtime* / шпиль церкви Сент-Бриджит наклонился влево»³. Темный или светлый, сравнимый с песчинкой или великий, манхэттенский горизонт неподражаем, бедные кварталы смотрят на него с обожанием, ужасом или стыдом. Город сжался до персонажа или возвысился до символа, можно по-разному взглянуть на Нью-Йорк. И теперь сильные чувства Джейн по отношению к городу, которые давно накапливались в журнальных статьях или проявлялись только в застольных беседах с друзьями, стали частью большой истории. С изданием книги

-
1. Альфред Кейзин (Alfred Kazin, 1915–1998) — американский литературовед и писатель, сын эмигрантов из России. «Пешком по городу» (*A Walker in the City*, 1951) — автобиографическая книга Кейзина, повествующая о жизни маленького еврейского мальчика в Нью-Йорке. — *Прим. ред.*
  2. Джозеф Митчелл (Joseph Quincy Mitchell, 1908–1996) — американский писатель, получивший известность благодаря эссе о жителях Нью-Йорка, опубликованных в журнале *The New Yorker*. — *Прим. ред.*
  3. Frank O'Hara, «Steps», in Stephen Wolf, ed., *I Speak of the City: Poems of New York* (New York: Columbia University Press, 2007).

она покинула почти исключительно частную жизнь ради большой публичной сцены, где ее увидят, признают и оценят.

Январь 1961 года. Джейн уже почти все закончила. Через неделю надо было возвращаться на работу в *Architectural Forum*. «Я хочу, насколько смогу, разъяснить некоторые моменты, перестроить некоторые главы, убрать лишние прилагательные, предложения и абзацы»⁴, — писала она ассистенту Эпштейна Натану Глейзеру 24 января, в том же письме, в котором собиралась пить martini. Она поблагодарила его за ободряющий ответ на прежний черновик рукописи, «ведь сейчас, когда я вижу, что получается, мне очень тяжело, и меня бросает то в восторг, то в отчаяние и уныние».

Закончив, она показала рукопись Элиасу Уиленцу, давнему владельцу «Книжного на 8-й улице», этого пристанища битников. «Это действительно великая, важная и впечатляющая книга», — написал Уиленц Эпштейну⁵. Она будет хорошо продаваться, предсказывал он, ее купят не только планировщики и архитекторы, в ней есть что-то *великое*. «Она может попасть в ту же читательскую аудиторию, которая покупала „Растущий абсурд“ Пола Гудмана»⁶, неожиданно ставшую бестселлером книгу о молодых людях, потерявших в репрессивном обществе. Книга Джейн привлечет еще большую аудиторию, говорил Уиленц, «если ее рекламировать не как специальный труд, а как захватывающую демонстрацию жизни города и механизмов, заставляющих его тикать».

Естественно, Чедберн Джилпатрик тоже получил один из первых экземпляров, но его отзыв в мартовском письме Джейн был сдержаннее, чем ей бы хотелось. Он сказал, что книга «продуманная, наводит на размышления, ярко и конструктивно конкретная... оказывает сильное воздействие и самая своевременная»⁷. Но главу о парках «можно без особых потерь убрать целиком». А еще главу о дорожном движении и машинах. В общем, 669 mimeографированных страниц мож-

4. Дж. Дж. — Натану Глейзеру, 24 января [1961], архив Random House, ColumbiaRare.

5. Элиас Уиленц — Джейсону Эпштейну, 27 марта 1961 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

6. Пол Гудман (Paul Goodman, 1911–1972) — американский писатель, драматург, поэт, гражданский активист и психотерапевт. Книга «Растущий абсурд» (*Growing Up Absurd*, 1960) — сборник публицистических эссе автора, посвященных разложению традиционных американских социальных институтов под негативным воздействием крупных корпораций. — *Прим. ред.*

7. Чедберн Джилпатрик — Дж. Дж., 27 марта 1961 г., RG 12, Series 200R, Box 390, Folder 338, Rockefeller.

но сократить «почти в два раза». Вряд ли это обрадовало бедную Джейн, которая потела и пыхла над каждой страницей. Даже его заключительная похвала — что Джейн имеет «множество причин радоваться тому, что она сделала» — кажется вялой и слишком осторожной.

Этим издательским проектом Джейсон Эпштейн, однако, был более чем доволен. В начале июня он сообщил, что журналы выстраиваются в очередь, чтобы получить выдержки из книги: *The Saturday Evening Post*, *Harper's*, *Architectural Forum*, *The Reporter*, *Mademoiselle*⁸. О таком запуске мечтает каждый издатель. В середине сентября препринты книги отправились Мюррею Кемптону, Максу Лернеру, Джону Кеннету Гэлбрейту, Оскару Льюису, Дуайту Макдональду, Эдмунду Уилсону и Гору Видалу, всем интеллектуалам и культурным тяжеловесам того времени⁹. Препринт получил и Холли Уайт, который лихорадочными каракулями набросал Джейн в октябре письмо: «Джейн — НЕВЕРОЯТНО! Ты сделала это, и мне не терпится услышать братские [нрзб.] и вопли, и скупые комментарии. Я только начал читать, но уже вижу, что это одна из самых замечательных книг, когда-либо написанных о городе и, вероятно, лучшая в этом столетии». В скобках он добавил: «И ее интересно читать!»¹⁰

Но все эти отзывы, благоприятные, как в целом и ожидалось, пришли со стороны собственного клана Джейн, из узкого, симпатизировавшего ей внутреннего круга. За последние три года только она с Бобом и детьми, а также Джейсон, и Нат Глейзер, ближе к концу еще кое-кто — заполучили рукопись, и все они — ДРУЗЬЯ ДЖЕЙН. Но после официальной публикации книги и октябрьской презентации в течение следующего года — за который, как мы увидим, она прошла через напряженные баталии за Вест-Виллидж и против автомагистрали Нижнего Манхэттена — Джейн и ее книга вышли, наконец, на орбиту большого мира.

«Это большая, захватывающая, опровергающая догмы книга, — писал Орвилл Прескотт в *The New York Times*, — и я уверен, что очень важная»¹¹. Ему показалось, что книга чересчур длин-

8. Докладная записка Чедберна Джилпатрика от 7 июня 1961 года о разговоре с Джейсоном Эпштейном, RG 12, Box 170, Rockefeller.

9. 18 сентября 1961 г., доклад, архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

10. Уильям Х. Уайт — Дж. Дж., 3 октября 1961 г., архив Random House, Box 535, ColumbiaRare.

11. Orville Prescott, *New York Times*, November 3, 1961.

на, «но большая ее часть развеивается как флаг на свежем ветру новых идей и вызывающих утверждений». Это было 3 ноября.

Через два дня высказывается *New York Herald Tribune*: «Это немалое достижение — написать книгу, которая безвозвратно опровергнет предрассудки многих поколений городских планировщиков, а книга миссис Джекобс именно так и делает»¹².

10 ноября про Джейн написали статью в журнале *Time*: «Смерть и жизнь» назвали страстной, насыщенной документальными свидетельствами книгой, которая уже встряхнула планировщиков¹³. Подражание — самая искренняя форма лести, и автор рецензии выдумал собственный джекобсовский город в стиле *Time*, где «крики детей, носящихся по улицам, шум толпы, местные мясники, у которых домохозяйки могут оставить дверной ключ... удивительно тихое воскресное утро и свежесть только что вымытых улиц».

В *Commonweal* 22 декабря Эдвард Т. Чейз опубликовал свою рецензию: «Редко встретишь новую книгу столь несомненно эпохальной важности, как эта... Это опасная книга. Опасная для заинтересованных лиц: всех наших городских планировщиков, почти всех наших архитекторов»¹⁴.

The Wall Street Journal заявил: «В иное время огромное интеллектуальное безрассудство автора могло привести ее на костер как ведьму»¹⁵.

Те, кому книга понравилась, рассыпались в комплиментах. Эдвин Уикс, редактор *The Atlantic Monthly*, написал Джейн 29 января 1962 года: «Читать вашу книгу — все равно что открыть окно и впустить морозный воздух в комнату, где царит духота академических дискуссий... Это лучшее собрание свежих, сильных мыслей, которое я встречал за много лет»¹⁶.

Чуть ли не на следующий день на Джейн свалился бешеный успех¹⁷. Все хотели, чтобы она писала для них. Что-нибудь о новой архитектуре в Среднем Манхэттене? — запрашивал *Partisan Review*. Нет, отвечала она. В телеграмме из *The New York Times Book Review* ее спрашивали, не напишет ли она рецензию на семьсот слов на книгу *The Intellectual vs. the City*: ПРИШЛЕМ ГРАНКИ СЕЙЧАС ЗАКОНЧЕННУЮ КНИГУ ПОСЛЕ ПОЖАЛУЙСТА ОТВЕТЬТЕ СКОРЕЕ. Она ответила в тот же день: нет, она не может. «Теперь, когда вы сорвали вторжение бульдозеров в Виллидж, —

12. John Kouwenhoven, *New York Herald Tribune*, November 5, 1961.

13. «Deplanning the Planners», *Time*, November 10, 1961, p. 57.

14. Edward T. Chase, «Cities Should be for People», *Commonweal*, December 22, 1961.

15. John Chamberlain, *Wall Street Journal*, November 3, 1961.

16. Эдвин Уикс — Дж. Дж., 29 января 1962 г., Burns, 2:3.

17. Эта переписка взята из Burns, 2:3.

писал Джон Фишер из *Harper's*, ссылаясь на гражданскую войну, которую она вела, — есть ли у вас время и желание что-нибудь написать? Если да, у меня есть пара идей, которые я хотел бы с вами обсудить». 27 декабря Уильям Ф. Бакли, молодой редактор *National Review*, приложил к своему письму положительную рецензию, которая скоро выйдет, и поинтересовался, не напишет ли она заметку про Линкольн-центр. К сожалению, не напишет; она возвращается в *Forum*, объясняя она, а «все мои статьи о городах и архитектуре выходят в моем журнале». В основном она тогда отвечала отказом на подобные предложения. Но, конечно, ей было приятно, что ее просили. Перед ней внезапно открылся весь нью-йоркский издательский мир — внезапно, то есть через двадцать семь лет жизни в Нью-Йорке.

В начале февраля мы видим ее в Музее современного искусства на панельной дискуссии под названием «Законы асфальтовых джунглей»¹⁸: отсылка к роману и фильму-нуар, вышедшему на экраны несколько лет назад¹⁹. Здесь Джейн встретилась с двумя своими давними оппонентами, Эдмундом Бэконом из Филадельфии и главным планировщиком Бостона, Эдом Логом, «настолько же сдержанно язвительным, насколько Бэкон был бодрым», по словам бывшего коллеги Джейн по журналу *Forum*, Уолтера Маккода, который освещал событие в *The Nation*. «Миссис Джекобс по понятным причинам немного устала от произнесения речей», — отметил Маккод; она отказалась от места в президиуме, предпочитая сидеть за столом в стороне. Но когда подошла ее очередь, писал он, Джейн «разнесла обоих профессиональных планировщиков». Она раскритиковала хваленый проект Бэкона, сказав, что он «нелепый и унылый». Она назвала ложью утверждение Лога, что никаких бульдозеров в Норт-Энде не было. По словам Маккода, «вскоре она заставила аудиторию иронично посмеиваться».

Но Бэкон и Лог накинулись на нее. *За что*, собственно, выступает миссис Джекобс? — хотел знать Бэкон, заработав «волну нервных хлопков» в аудитории. Лог упрекнул Джейн за то, что

18. «Асфальтовые джунгли» (*The Asphalt Jungle*) — классический американский нуар-фильм, снятый в 1950 году Джоном Хьюстоном по одноименному роману Уильяма Бернетта (1949). Главный «герой» фильма — неназванный американский город на Среднем Западе, где царит всеобщее моральное разложение. Одну из ролей в фильме сыграла Мэрилин Монро. Фильм был номинирован на Оскар. — *Прим. ред.*

19. Воспоминание взято из Walter McQuade, *The Nation*, March 17, 1962, p. 241–242; пресс-релиз Музея современного искусства (МОМА) от 2 февраля 1962 года; недатированное краткое изложение панельной дискуссии в МОМА, сделанное Сидни Фриганд и Питером Лэпемом, 14 февраля 1962 г., архив Commissioner Goldstone, Городской архив Нью-Йорка.

она неверно выставила его предложения по городской реконструкции как атаку на Норт-Энд. Это не так, сказал он, предложения на самом деле относятся к гораздо большей территории Бостона. Потом он стал говорить о себе. Накануне вечером он сам наведалься в Вест-Виллидж и обнаружил, что это вовсе не городской рай, как его изобразила Джейн. Он увидел всего несколько «глаз, устремленных на улицу», большая часть магазинов закрывается в 8 вечера, на улицах валяется мусор, дома уродливые и обшарпанные. Если вам нужна модель новой городской Америки, это точно не она.

Но она приводила Виллидж не в качестве образца или вообще чего-то исключительного, выпалила Джейн, а скорее как «хорошее, но ничем не выдающееся место», которое вполне воплощает в себе ценности городского разнообразия и иной образ города. Это *не* модель, а лишь пример.

Считать ли это достойным ответом или нет, но стоит отметить, что теперь, через несколько месяцев после издания «Смерти и жизни», Джейн не только метала стрелы, но и сама попадала под прицел. Ее «балет Гудзон-стрит» скоро станет классикой, бесспорно — но теперь ее можно справедливо назвать, как в одной из рецензий, «очаровательной балериной Гудзон-стрит, несущей груз обид»²⁰. Оказавшись в большом мире, она вынуждена была привыкать к излишнему вниманию, непониманию и вражде, с которыми сталкиваются все публичные фигуры. Одни критики немало потешались над ее любовью к Гринвич-Виллидж. Другие наводили на нее тяжелую высокоточную интеллектуальную артиллерию. Кто-то просто задевал, кто-то искажал ее идеи. Кто-то обвинял в том, что она слишком категорична, слишком драматизирует. Кто-то допускал, что «Смерть и жизнь» — это прекрасное и хорошее начинание, но только чтобы обвинить ее в том, что она не смогла написать еще прекраснее и лучше.

В начале 1962 года Джейн отправилась в путешествие. Она посетила Питтсбург, Майами и Милуоки, ходила по районам, давала интервью, обменивалась шутками, делилась опытом городских исследований, который получила при подготовке книги — и иногда, как в Питтсбурге, нарывалась на конфликт с местными патриотами²¹.

20. Morton Hoppenfeld, *Journal of the American Institute of Planners*, 28, no. 2 (1962).

21. История взята из: James V. Cunningham, «Jane Jacobs Visits Pittsburgh», *New City*, September 15, 1962; пресс-релиз «Jane Jacobs, Anti-City Planner, Will Spend Week Here Lecturing», University of Pittsburgh, January 25, 1962; William Allan, «City Planning Critic Gets Roasting Reply», *Pittsburgh Press*, February 22, 1962.

Пресс-релизы сообщали в конце января, что в середине февраля Джейн прибудет в Питтсбург на неделю с лекциями и экскурсиями. Она должна была выступать на обедах, на встречах со студентами, раздавать автографы. «Предстояла насыщенная неделя, — писал после ее окончания общественный активист Джеймс В. Каннингем, — свежие идеи, побуждающие к дискуссиям, острые дебаты, конструктивные споры, стимул для возрождения [города]». Прибыв в аэропорт, Джейн чувствовала «поддержку [и] была уверена в себе». Ее «повезли на экскурсию по городу». Показали медицинский центр, восстановленную квартальную застройку на Саут-Сайд, жилые комплексы в северной части города, проекты реновации в Ист-Энде.

И что Питтсбург получил в ответ на свое гостеприимство? Как пишет Каннингем, «сплошное фырканье и насмешки». Многоквартирные дома для людей со средним доходом под названием Спринг-Хилл-Гарденс, появившиеся в результате серьезных усилий по интеграции белого района, были, по словам Джейн, «безобразными, из рук вон плохими коробками для спальных районов». Комплекс социального жилья Нортвью-Хайтс — «унылый, убогий и захудалый». Еще один план района, который она увидела, был «однообразным, скучным, лишенным воображения» и определенно не сулил его жителям ничего хорошего, только подталкивал к упадку.

Эти выводы не слишком понравились хозяевам. «Мадам плохо осведомлена, — заявил житель Спринг-Хилл-Гарденс. — Почему бы ей не зайти внутрь и не посмотреть на наши прекрасные квартиры?» Местный совет по реновации «поразили, обескуражили и разозлили» обвинения Джейн. В открытом письме к ней в *The Pittsburgh Press* руководитель по жилищному строительству отплатил Джейн той же монетой. «Вы, вероятно, слышали старую поговорку, что полуправда похожа на половину кирпича — она летит дальше». Что ж, книга Джейн — он назвал ее «романом» — это подтверждает. Миссис Джекобс назвала Нортвью унылым? Что ж, конечно — они его еще даже не благоустроили! Ей стоит вернуться, когда все будет завершено, когда красивые тропинки «будут вести от дома к дому через тщательно ухоженные лужайки и сады, под тенистыми деревьями к симпатичным игровым площадкам и центрам общественного досуга». Кроме того, по сравнению с «переполненными, узкими, опасными, грязными улицами, которые кишат барами и грызунами, в даунтауне Нью-Йорка — в том числе и в Гринвич-Виллидж, который вы называете идеальным, — Нортвью-Хайтс многим заботливым горожа-

нам покажется настоящим раем». Ведь Джейн не учитывала социальные расходы на здравоохранение, борьбу с нищетой и криминалом — и никогда не будет этого делать, пока «считает звезды из окна второго этажа своей квартиры в Гринвич-Виллидж».

Лекции, которые она читала на той неделе в Питтсбурге, тоже не прошли на ура. После одной из них, под названием «Горожанин и реновация: участник или объект манипуляции», вестибюль вскипел от недовольных слушателей. Конечно, миссис Джекобс правильно говорит, нельзя позволить, чтобы вами манипулировали городские власти или кто-либо еще. Но все это слишком тонко. Люди хотели конкретики. И там присутствовали два бывших чикагца, сообщивших, что районы бывших складов в Чикаго, которые Джейн превозносила, прославились тем, что оттуда изгоняли черных.

За обедом на следующий день Джейн отказалась от своих слов, заявив, что ее ввели в заблуждение относительно одного из районов, на который она ополчилась. Может быть, спросили ее, району нужен независимый консультант по планированию? Нет, ответила она, во всей стране нет ни одного достойного планировщика. Они все получили «одинаково плохое образование».

Что ж, сказал руководитель питтсбургской реновации уже после того, как Джейн вернулась в Нью-Йорк, а местные магазины полностью продали тираж ее книги, «это был нечестный поединок, но она вывела их из себя и заставила задуматься».

Тем временем стартовал новый раунд рецензий на «Смерть и жизнь», теперь не в газетах, а в профессиональных журналах, включая журналы по планированию и архитектуре. Некоторые были жизнеутверждающими: «Меня переполняют восторг и восхищение ее мастерством и храбростью, — написал Юджин Раскин, профессор архитектуры Колумбийского университета. — Выход ее книги должен послужить поводом для единственной городской функции, которую она забыла упомянуть — танцы на улицах»²². Однако некоторые рецензии были действительно злыми, так что Джейн, не будь она их мишенью, смогла бы оценить их по достоинству. Обозреватель *American City* заставил энтузиазм Джейн звучать глупо: «Вот, очевидно, пример полного расцвета американского образа жизни», по которому европейские туристы могут узнать об американской демократии. «Покажите Норт-Энд [советскому первому секре-

22. Eugene Raskin, in «Abattoir for Sacred Cows».

тарю Никите] Хрущеву, и он немедленно прекратит молоть чепуху, что нас похоронит коммунизм»²³. Он высмеял эпизод из «Смерти и жизни», где мальчик упал на стеклянную витрину и повредил артерию, но его спасли обеспокоенные жители Виллидж. По мнению Джейн, так действовали «глаза, устремленные на улицу». По мнению обозревателя, ребенка спас тот «мистический, неизвестный незнакомец, [который] появился из круга устремленных глаз», а потом исчез.

«Каким прекрасным, милым человеком ей никогда не бывать», — скажет однажды о Джейн Роджер Старр²⁴. Когда вышла «Смерть и жизнь», этот будущий комиссар по жилищным вопросам Нью-Йорка и автор редакционных статей в *The New York Times*, чьи взгляды привели его прямоком в лагерь Роберта Мозеса, подготовил рецензию на книгу для информационного бюллетеня по планированию. Он начал с собственных юношеских воспоминаний об одной из первых голливудских звезд по имени Грейс Мур. Ее фильмы, как помнил Старр, сняты в идеализированных городах, «запоминающихся причудливостью и шармом старых зданий и отсутствием мусора, нищеты, ядовитых испарений и радикальных политических потрясений». Он давно забыл эту «Муританию» как он назвал этот город, пока не прочитал «Смерть и жизнь».

Я обнаружил, что Джейн Джекобс в ней живет. В ее Муритании люди танцуют, вместо того чтобы петь... но она описала свое дружелюбное место жительства на Гудзон-стрит (на Манхэттене) так по-женски душевно, что заставила многих читателей поверить в то, что оно действительно существует²⁵.

Как, по мнению Джейн, на этот раз серьезно спрашивал он, нам «вернуться» в Муританию? «Мы должны оставить мечты о солнечном свете, свежем воздухе, чистых улицах, открытом пространстве и выразить почтение добрым феям, преклонив колени перед одними лишь богами разнообразия, шума и толпы».

Джейн получила по заслугам. Но что правда, то правда: живые краски ее книги врезались в память, хотя, конечно, делали ее легкой мишенью для насмешек.

Как только Джейн в декабре 1960 года завершила работу над книгой, Джейсон Эпштейн написал ей, что гранки «Города в истории» Льюиса Мамфорда уже набраны: «ваши книги, выйдя

23. *Matter*, p. 51.

24. *Ibid.*, p. 15.

25. *Ibid.*, p. 53–54.

в свет, столкнутся друг с другом, как два борца сумо»²⁶. Мамфорд выиграл первый раунд; его книга победила «Смерть и жизнь» и была номинирована на Национальную книжную премию. И все же схватка еще не закончилась.

Услышав выступление Джейн в Гарварде, Мамфорд стал одним из самых влиятельных ее поклонников, всячески способствуя тому, чтобы ее принимали всерьез те, кто имел вес, в том числе в Фонде Рокфеллера. Но пять лет спустя, в конце 1961 года, прочитав, наконец, книгу, которой он помог появиться на свет, он пришел в ярость. Она назвала его «Культуру больших городов» «язвительным и тенденциозным каталогом пороков. Большой город называли Мегалополисом, Тиранополисом, Некрополисом, чудовищем, деспотом, живым воплощением смерти. С ним необходимо было разделаться»²⁷. Мамфорд, говорила Джейн, зашел так далеко, что считал обеспеченных людей, выбравших плотно заселенные городские анклавы, жителями трущоб, «просто они слишком толстокожие, чтобы понимать это или возмущаться этим». В тот же вечер, как только Мамфорд закончил читать «Смерть и жизнь», он принялся за опровержение. Прошло несколько месяцев, но в печати ничего не появлялось. «Я придержал огонь... на целый год, — писал он другу, — но когда снова начал писать, обнаружил, что бумага сгорела»²⁸. Он думал, писал Дональд Л. Миллер, биограф Мамфорда, что Джейн «выступила против него с откровенной ненавистью».

В конце концов, Мамфорд дал волю чувствам. Он хотел напечатать три длинных статьи со своими нападками, но редакторы *The New Yorker* убедили его ограничиться одной и немного сбавить тон. *Сбавить тон?* «Домашние снадобья мамаша Джекобс от городского рака», — так называлась статья от 1 декабря 1962 года, которая, начавшись на странице 148, вперемежку с рождественской рекламой панеттоне и джина, продолжалась страница за страницей: колонки текста, обрамленные рекламой, через весь журнал, восемь тысяч слов; чтобы прочесть ее вслух, понадобится целый час²⁹.

Мамфорд начал довольно осторожно. С истории о том, как Джейн оказалась в Гарварде, заодно отдав ей должное. Потом дошел до самой книги: «От такого великого разума, со свежи-

26. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 1 декабря 1960 г., архив Random House, ColumbiaRare.

27. *Смерть и жизнь*, с. 34.

28. Miller, p. 474.

29. Последующие цитаты взяты из перепечатки статьи в издании: Lewis Mumford, *The Urban Prospect*, p. 182–207.

ми озарениями и обдуманными идеями, вполне можно ожидать книгу сопоставимого масштаба». И да, Джейн Джекобс, этот «проницательный критик обезличенного строительства и некачественного дизайна», никуда не делась. Но теперь она стала «сомнительным персонажем, сложившим кусочки и обрывки личных наблюдений в целую универсальную теорию» о больших городах. Большая часть этой теории основывается на «ложных данных, неадекватных свидетельствах и поразительном непонимании взглядов, противоположных ее собственным».

Она эмоционально переоценивала Гринвич-Виллидж, но упускала из виду бесконечные квадратные мили почти идентичных домов, разбросанных по внешним боро Нью-Йорка, которым не хватает разнообразия, столь высоко оцененного ею в Виллидж. Как доверять ее идеям, если они со всех сторон противоречивы? Одной прогулки по Гарлему будет достаточно, чтобы скорректировать взлелеянные ею представления, поскольку большинство ее идей о городе уже воплощены в нем. То же можно сказать о Лондоне XVIII века, также воплощавшем в себе эти идеи, что не мешало ему быть «рассадником насилия и преступности».

Мамфорд, гордившийся своими городскими корнями («как грудью, полной боевых наград»³⁰, — писал его биограф) пришел в ярость, когда Джекобс осмелилась посягать на его городскую мантию. «Я говорю как тот, кто родился и вырос в Нью-Йорке»³¹, — писал Мамфорд. Он жил в самых разных районах и домах, их он перечислил прямо здесь, в рецензии, вплоть до «двухкомнатной квартиры над закуской» в Бруклин-Хайтс, «с запахом прогорклого масла, просачивающимся через окна». Нет, ему там не особенно нравилось, хотя там было достаточно прачечных, цветочниц и бакалейщиков, чтобы претендовать на городской пантеон Джекобс.

Почти десять лет до 1936 года Мамфорд жил в обособленном районе Нью-Йорка под названием Саннисайд-Гарденс, в Квинсе³². Этот район простой двух- и трехэтажной квартальной застройки, отделенный от окружающей сетки улиц, куда можно было дойти по пешеходным дорожкам, окаймленным зеленью, сам по себе был суперкварталом. Отличаясь некоторыми деталями, этот район даже своим названием напоминает пригородные многоквартирные дома с садами, которые возникнут позже — зеленые, неуклюжие и приземистые. Од-

30. Miller, p. 475.

31. Mumford, «„Mother Jacobs“ Home Remedies», p. 193.

32. Район все еще существует.

нако в то время это был амбициозный эксперимент, небольшой город-сад в духе Эбенизера Говарда, куда из Манхэттена можно было добраться только на метро³³. Портрет движения за «Город-сад» у Джейн — грубый, искаженный, почти комичный, по мнению Мамфорда — стал одной из причин, по которым книга так его возмутила. Теперь, в *The New Yorker*, он рассказал о своей жизни в Саннисайд-Гарденс. Это «не утопия», утверждал он, и «лучше любого района в Нью-Йорке, даже захолустья миссис Джекобс в Гринвич-Виллидж»³⁴.

Ему казалось, что в своей нелюбви к спроектированным районам наподобие Саннисайда Джейн чурается любого порядка. Неудивительно, что она выступает против талантливых пионеров планирования, Кларенса Стейна³⁵ и Генри Райта, которые подарили Саннисайду его гармоничную однородность. Выступая за разнообразие и динамизм как высшие блага, Джекобс печально близорука.

Ее простая формула не предполагает, что взгляд могут ранить уродливость, убожество и беспорядок, слух может оскорбить рев грузовиков, разносящийся над некогда тихим районом, а обоняние — страдать от хронической вони плохо вентилируемого жилья, куда не доходит солнечный свет³⁶.

Джейн Джекобс просто не замечала, какой экологической катастрофой становился современный город. И это «не простая оплошность», заявлял Мамфорд, «это осознанная слепота».

Когда рецензия вышла, один из знакомых Джейн из *The New Yorker* успокоил ее: «Ваша книга, кажется, довела Мамфорда до шизофрении — Бабушкины кисло-сладкие огурчики. Я не сверял его критику с вашей книгой, но, кажется, я на ва-

33. В обзоре нового издания *Garden Cities of Tomorrow* Говарда Мамфорд называет «Смерть и жизнь» «абсурдной массой исторической дезинформации и неверных современных интерпретаций... [где] она проявила свое невежество в отношении всего движения планирования, пытаясь свалить на Говарда все ошибки, сделанные в современном планировании» (Lewis Mumford, «Revaluations I: Howard's Garden City», *New York Review of Books*, April 8, 1965).

34. Mumford, «„Mother Jacobs“ Home Remedies», p. 194.

35. Кларенс Стейн (Clarence Samuel Stein, 1882–1975) — американский архитектор, один из главных сторонников движения за «город-сад» в США. Автор книги «К новым городам для Америки» (*Toward New Towns for America*, 1951). В соавторстве с архитектором Генри Райтом (Henry Wright, 1878–1936) создал еще целый ряд проектов в соответствии со своей интерпретацией принципов «города-сада». С 1923 по 1926 год был председателем комиссии по жилищному и региональному планированию штата Нью-Йорк. Один из сооснователей, наряду с Льюисом Мамфордом, Американской ассоциации регионального планирования (1923). — *Прим. ред.*

36. Mumford, «„Mother Jacobs“ Home Remedies», p. 197.

шей стороне, а не на его»³⁷. Что почувствовала Джейн, когда увидела статью Мамфорда? Годы спустя, когда все раны уже могли затянуться, в одном из интервью она рассказывала: «Я хохотала до упаду. Я по-настоящему толстокожая»³⁸. Джейн знала, что ее книга кого-нибудь «разозлит, особенно Мамфорда, — говорит Джим Джекобс. — Помню, как она это говорила, без каких-либо сожалений, еще до выхода книги. Конечно, она не хотела никого оскорбить, но... она трезво смотрела на жизнь и ждала подобных высказываний».

«Мамфорд был откровенным сексистом, — рассказывала Джейн в другом интервью. — Он называл меня глупой школьницей, в мои-то сорок!»³⁹ Мамфорд, на двадцать лет ее старше, нес груз своего поколения. Но если вчитаться в работы обоих, ничто их особенно не разделяло раз и навсегда. Например, им обоим не нравился Роберт Мозес. Оба понимали, насколько автомобили вредят городской жизни. И в конце концов, разве не сам Мамфорд впервые услышал Джейн в Гарварде, а потом в Новой школе, что сначала склонило его на ее сторону? «Когда двое так схоже мыслят и так стремятся добиться влияния», отмечает биограф Мамфорда, они способны «до смешного преувеличить отличие друг от друга»⁴⁰. Они были похожи и в чем-то еще. Оба начинали как журналисты. Оба обладали ярким риторическим стилем. Оба были способны на нелестные замечания и попадали прямо в цель.

Среди интеллектуальных антагонистов Джейн выделялся Герб Ганс. Он был достаточно способным журналистом, но социологом по профессии, его интересовали люди и общество, и его рецензия в *Commentary* в феврале 1962 года подняла целую волну возражений против книги Джейн. «Я не уверен, что вам понравится рецензия, — писал он Джейн 19 января, приложив предварительный черновик, — и буду удивлен, если понравится — но надеюсь, вы поймете, что она честная, и именно к этому я стремился. Я согласен со многими вашими наблюдениями, но не с вашими объяснениями — потому что вы не учитываете социологические факторы»⁴¹.

Следует помнить, что Ганс — социолог, окончивший Чикагский университет. Он был на одиннадцать лет младше Джейн и ездил в бостонский Вест-Энд, чтобы запечатлеть его послед-

37. Дуайт, фамилия неизвестна, на фирменном бланке *New Yorker* — Джейн Джекобс, 6 декабря [1961] г., Burns, 2:3.

38. Rochon, «Jane Jacobs at 81».

39. Dillon, p. 42.

40. Miller, p. 474.

41. Герберт Ганс — Дж. Дж., 19 января 1962 г., архив Герберта Ганса, ColumbiaRare.

ние дни. Он пришел к некоторым выводам, схожим с заключениями Джейн, особенно о тех районах для рабочего класса, которые выглядели немного разношерстными, но вовсе не обязательно были трущобами. Джейн приводила цитаты из его работы с благодарностью. Ганс писал ей, что убежден: ее книга окажет влияние, и попросил редактора дать ему в два раза больше места для рецензии.

В заметках, которые Ганс делал во время чтения, он схватил суть «Смерти и жизни»: «То, что живо — это и хорошо... Если что-либо живо, оно работает»⁴². В этом заключалась суть веры Джейн. Жизнеспособность и разнообразие превосходят все остальное. Конечно, Ганс знал, что не все так думают. Существовали ведь еще и другие важные вещи — гармония, красота природы, порядок, тихая семейная жизнь, — и это, буквально утверждал Ганс, во вселенной Джейн ничего не значило. «Ни один активный, предприимчивый ребенок шести лет и старше добровольно не согласится оставаться в таком скучном месте»⁴³, — писала Джейн о проектах городов-садов в Питтсбурге, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и Балтиморе, которые считала неудачными. Казалось, в ее городе нет места тем, кому не хватает личных качеств, которые она ценила.

Именно эти слепые пятна и узость мышления больше всего беспокоили критиков Джейн. «Она не признает существования или целесообразности других стилей градостроительства, кроме собственного, и поэтому попадает в ту же самую ловушку узости мышления, в которой так любит обвинять других», — было написано в одной рецензии в *Journal of the American Institute of Planners*⁴⁴.

Еще в одной рецензии, в том же самом номере, говорилось, что Джейн не способна понять, что «кто-либо может выбрать образ жизни, отличный от того, который выбрала она. Она навязывает свои вкусы и свое видение города жестче, чем осмелился бы любой планировщик»⁴⁵. Ее взгляд на парки, например, безнадежно ограничен. Почему бы ей не «взять и не съездить» в Фэрмаунт-парк в Филадельфии, в долине реки Виссахикон-Крик? Она встретит там «людей всех возрастов, сбежавших от всевидящих глаз города. Детей, которые исследуют тропы над ручьем или кормят лебедей».

42. В печатных заметках Ганса о «Смерти и жизни», архив Герберта Ганса, ColumbiaRare.

43. *Смерть и жизнь*, с. 92.

44. Morton Hoppenfeld, *Journal of the American Institute of Planners* 28, no. 2 (1962).

45. A. Melamed, *Journal of the American Institute of Planners* 28, no. 2 (1962).

Катрин Бауэр Вурстер, поддержавшая грант Джейн в Фонде Рокфеллера, назвала «Смерть и жизнь» «блестящей диатрибой», пронизательной и освещающей «узкий круг проблем»⁴⁶. Но — и это было большое *но* — она «просто игнорирует всю гамму ценностей среднего класса, касающихся дома и семейной жизни».

Кевин Линч, которого Джейн с восхищением цитирует в «Смерти и жизни», назвал ее книгу одновременно «блестящей и извращенной», поддерживающей «очень ограниченный тип городского окружения»⁴⁷. В книге «предполагается, что дома и улицы имеют исключительную силу изменять жизни людей».

Эта точка зрения будет постоянно повторяться в возражениях против «Смерти и жизни». Прочитав отрывок из книги в *Saturday Evening Post* в октябре 1961 года, бостонский планировщик Дональд М. Грэм⁴⁸ высказал мнение о том, что Джейн вечно «смешивает яблоки с линкорами, путая социальное окружение с физическим»⁴⁹. Это *две разные вещи*. Забавно, но Джейн то же самое пишет в «Смерти и жизни»: «Нет прямой, простой связи между хорошим жильем и хорошим поведением»⁵⁰. Хорошее жилье — это хорошее жилье, и только; не нужно ссылаться на то, «что оно способно творить чудеса в социальной или семейной сфере» — это самообман, который кто-то назовет «доктриной спасения посредством кирпичей».

Но именно такой самообман Герб Ганс увидел в ее книге. «Смерть и жизнь» основана, писал он, на трех предрассудках: что люди хотят разнообразия; что разнообразие делает города живыми и его нехватка приводит к смерти; и что дома и улицы определяют человеческое поведение. «Последнее утверждение... можно назвать физической ошибкой, и оно ведет [Джекобс] к пренебрежению социальными, культурными и экономическими факторами, которые вносят свой вклад в жизнеспособность или увядание»⁵¹, оставляя ее слепой к более глубоким корням городских проблем.

46. Катрин Бауэр Вурстер в «Abattoir for Sacred Cows».

47. Кевин Линч в «Abattoir for Sacred Cows».

48. Дональд Грэм (Donald M. Graham, 1920–2012) — американский городской планировщик, специалист по развитию городского транспорта. Долгое время работал специалистом в бостонском агентстве по редевелопменту и бостонском отделе городского планирования. — *Прим. ред.*

49. «North End Here to Stay, Boston Planners Declare», *Boston Sunday Globe*, October 15, 1961. Приводится цитата планировщика Дональда М. Грэма.

50. *Смерть и жизнь*, с. 124–125.

51. Herbert Gans, «City Planning and Urban Realities», *Commentary*; отсылка к физической ошибке появляется на р. 172; см. также напечатанные заметки о «Смер-

Бьющая ключом уличная жизнь в некоторых районах «происходит не столько из их физических характеристик, сколько из культуры их жителей, относящихся к рабочему классу». Ганс говорил о бостонском Вест-Энде, об итальянской и ирландской частях Гринвич-Виллидж. В таких районах «дом для семьи», а большая часть общественной жизни проходит на улицах. Дети меньше времени проводят дома, за ними меньше следят, когда они играют, чем за детьми из среднего класса, и поэтому они естественным образом больше находятся на улице. Возьмите несколько кафе для художников и богемы, приправьте смесью из туристов, и вы уже на пути к «бросающейся в глаза жизни», которую прославляла Джейн. Но это следствие образа жизни конкретных людей, а не плотности населения или других факторов, на которых настаивала Джейн. И потом, разве «жизнь» не в глазах наблюдателя? Некоторые районы прохожему могут показаться менее живыми, но быть вполне живыми для тех, кто там живет. В любом случае существовало несколько «социологических факторов», которые, по мнению Ганса, Джейн упускала.

Через несколько дней Ганс послал ей копию выходящей рецензии. Джейн в ответе осудила его за то, что она называла его «старыми стереотипами... о национальных особенностях поведения и городской жизни», настаивая, что она тщательно взвесила те моменты, которые якобы игнорирует⁵². Она поблагодарила его за то, что он уделил столько внимания ее книге, но, очевидно, все равно обиделась; Ганс сообщил, что на время «она разорвала отношения» с ним⁵³. После смерти Джейн Ганс предположит, что, как типичный представитель среднего класса, она романтизировала рабочий класс Вест-Виллидж, оставшись «слепой... к экономической незащищенности и соответствующим персональным и социальным проблемам, которые испытывали некоторые ее соседи по Гудзон-стрит». Как «простодушный» выходец из Скрантона, Джейн «упускала темные стороны жизни людей, чей заработок ниже среднего».

А вот Элен Лурье, молодая соцработница, исследовавшая дома Джорджа Вашингтона по заказу *Union Settlement*, из чьей работы Джейн брала факты, не упускала их. Некоторых жителей комплекса, сообщала она, переселили сюда из снесенных домов старого района, некоторых — из других жилых комплек-

---

ти и жизни» в архиве Герберта Ганса, ColumbiaRare; Herbert Gans, «Jane Jacobs: Toward an Understanding», p. 213–215.

52. Дж. Дж. — Герберту Гансу, 19 января 1962 г., архив Герберта Ганса, ColumbiaRare.

53. Herbert J. Gans, «Jane Jacobs: Toward an Understanding», p. 213.

сов. Но были и «добровольцы», кто сам напросился сюда, например мистер и миссис Маклин, родители двух малышей⁵⁴. Он работал прессовщиком на швейной фабрике. У них были друзья по этажу, к которым они ходили в гости, играли в покер, смотрели телевизор. Для домов Джорджа Вашингтона, в общем, их история может считаться успешной.

Еще Ларкины, прожившие в Восточном Гарлеме всю свою жизнь, которые росли с неграми, китайцами, евреями, немцами и ирландцами, но их дома на 101-й улице и Третьей авеню снесли четыре года назад. Они временно переехали в другой жилой комплекс, а теперь жили в домах Вашингтона, соседи их были в основном пуэрториканцы и черные. Их дети постоянно дрались. Комплекс им не подходил.

Что касается черных, тех, кто переехал из жилого комплекса для жителей со средним доходом в Гарлеме, то Уилсонам больше нравился их старый район. Дома были удобнее, люди казались интеллигентнее. Их новые соседи, черные и пуэрториканцы, поразили своей низкой культурой. Уилсоны стремились переехать отсюда как можно быстрее.

А миссис Акоста? Что ж, она любила дома Джорджа Вашингтона. Ее муж играл в баскетбол в местном общественном центре. У них было много друзей по соседству. По словам Лурье, она «хотела остаться здесь навсегда».

После прочтения «Смерти и жизни» подобные истории чем-то *раздражали*. Не фактами, которые они представляли, или аргументами, которые они могли поддержать или опровергнуть. Просто в книге Джейн не наблюдается особого внимания к реальным людям. Можно восхищаться тем, как она выводит важные истины из исследования Лурье; и логические цепочки, конечно, присутствуют. Но, глядя менее благосклонно, нетрудно отметить, что обычные люди Восточного Гарлема интересовали ее куда меньше, чем мысли, которые она извлекла из их жизней.

За несколько недель до того, как она прислала окончательную рукопись, Эпштейн задал ей «вопрос, который надо вынести на рассмотрение: негры. Нат, я знаю, попросил тебя прокомментировать этнические группы в целом, и я надеюсь, ты это сделаешь, но, я думаю, необходимо, чтобы ты включила,

---

54. См. Ellen Lurie, «A Study of George Washington Houses: The Effect of the Project on Its Tenants and the Surrounding Community», 1955–1956, архив Union Settlement, Box 11, Folder 13, ColumbiaRare. Для художественной реконструкции образа Лурье см.: Zipp, «Superblock Stories». Лурье умерла в возрасте сорока семи лет в 1978 году.

возможно в приложении, вопрос негров, поскольку столь многое в твоей аргументации зависит от решения по ним»⁵⁵. Рассуждения Эпштейна вполне понятны: одними из самых ужасных были трущобы афроамериканцев, эмигрировавших с Юга, спасаясь от законов Джима Кроу. Конечно, книга, в которой автор обращается к проблемам городов, должна уделить внимание самым неотложным проблемам — проблемам черных людей в городах. Эпштейн понимал: «я немного увожу тебя от основной линии», но все же...

Джейн написала после Рождества, что с начала работы над проектом она много думала на эту тему; но нет, это «плохая идея для книги»⁵⁶. У нее были причины так говорить, но она не могла тогда, в муках завершения рукописи, найти время для объяснений. «Между тем, — добавила она, — не питай надежды, что я передумаю, потому что у меня есть четкое и твердое мнение на этот счет». Пусть он переговорит с Элен Лурье, которая думает написать книгу о Восточном Гарлеме, предложила она.

На следующий день — Эпштейн, вероятно, еще не получил ответа — он снова написал Джейн. Он «как никогда убежден, что проблема негров может быть одним из главных препятствий твоим предложениям»⁵⁷. Конечно, ей надо это признать. «Не думаю, что ты можешь продолжать так, словно этой проблемы не существует». Через месяц ей написал Нат Глейзер, больше по другому поводу, но между делом он отметил: «Джейсона очень тревожит тот факт, что вы не говорите о неграх. Я уверен, что характер и бэкграунд социальных групп, составляющих город, вносят не меньший вклад в темы, которые вас интересуют, как и любые физические факторы», — здесь снова о физической ошибке — «и поэтому я думаю, что Джейсон в чем-то прав»⁵⁸. Но может быть, к тому времени Глейзер понял, что они с Эпштейном проиграли бой, потому что добавил: «С другой стороны, вы не можете охватить все».

В главе «Трущобы: упадок и подъем» Джейн пишет: «Самый жестокий вид дискриминации сегодня — это, конечно, дискриминация негров. Но в той или иной степени с подобной несправедливостью сталкивались все крупные группы населения, проживающие в трущобах»⁵⁹. Вот и все, что касается негров. Она не собиралась задерживать свое внимание на том,

55. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 22 декабря 1960 г., архив Random House, ColumbiaRare.

56. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 27 декабря 1960 г., архив Random House, ColumbiaRare.

57. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 28 декабря 1960 г., архив Random House, ColumbiaRare.

58. Натан Глейзер — Дж. Дж., 30 января 1961 г., архив Random House, ColumbiaRare.

59. *Смерть и жизнь*, с. 295.

что ей казалось отклонением от основной линии книги. Люди, занимающие особые социальные и культурные ниши — что ж, это просто не ее тема.

Именно это вызывало больше всего критики в «Смерти и жизни»: то, на что Джейн обращала внимание, было выражено блестяще; но иногда она что-то *упускала*, фокус ее внимания был достаточно узок; жесткие шоры заслоняли все несущественное или нерелевантное, и это делало ее слепой к другим проблемам. Иными словами, Джейн не видела того, чего не видела. А не видела она — по крайней мере не так ясно, как другие — тревожащее влияние, которое оказывают на город расы, классы и этнические группы.

Постоянным свойством критики «Смерти и жизни» была ее своеобразная двойственность — многословные похвалы и серьезные опасения шли рядом, рука об руку, неделимые, как фантомные образы в старых телевизорах. Не думайте о вежливых «смешанных рецензиях», где плохое и хорошее превращается в пресный суп. Нет, гораздо чаще рецензент деловито указывал на недостатки книги и — словно он не может удержаться или поступит нечестно, если не признает этого, — чувствовал необходимость прокомментировать ее энергию, мысль и ум. В целом негативная рецензия в *The Yale Law Journal*, где «Смерть и жизнь» обвинили во всех грехах, заканчивалась тем, что Джейн «затронула самые чувствительные струны и ее точку зрения нельзя сбросить со счетов»⁶⁰. Обозреватель *Antioch Review* выразил сожаление по поводу «бестолкового самообразования» автора и все же признал, что книга «доказывает одну вещь: миссис Джекобс способна написать великую, очень важную книгу». Для него «Смерть и жизнь» таковой не являлась — и все же именно «Смерть и жизнь» заставила его так думать!⁶¹ Обозреватель *Journal of the American Institute of Planners* отметил, что Джейн, анализируя филаделфийский Риттенхаус-сквер, подвергшийся реновации, «не учитывает массовое замещение малообеспеченных негров белыми с высокими доходами»⁶². И все же он умасливает «Смерть и жизнь», утверждая, что это «вызов самодовольству и самоуспокоенности», содержащимся в «каждой формуле и лозунге градостроительства». Критика Герберта Ганса тоже содержит в себе эту двойственность. Чи-

60. Arthur T. Row, *Yale Law Journal* 71 (1962), p. 1597–1602.

61. Paul A. Pfretzschner, «Panning the Planners», *Antioch Review* 22, no. 1 (Spring 1962), p. 130–136.

62. A. Melamed, *Journal of the American Institute of Planners* 28, no. 2 (1962).

татели *Commentary* дивились его «замечательной оценке» книги Джейн, в которой он утверждает, что ее предположения ложны, и всячески к ним придираясь, все же называет работу «новаторским достижением»⁶³.

Мир не вынес окончательного вердикта книге Джейн; она ознаменовала слишком резкий разрыв с прошлым. Но, в отличие от большинства книг, опубликованных в 1961-м, как и в любом другом году, эту не забудут.

---

63. Джером Зуковски, письмо издателю, *Commentary*, 1 июля 1962 г.

Глава 15 Солдат Вест-Виллидж

1. Уличный боец

В 1963 ГОДУ, через два года после выхода в свет «Смерти и жизни больших американских городов», Джейн Крамер написала о Джейн Джекобс в *The Village Voice*:

Люди, которые видели, что она творит на Комиссии по оценке или на Брум-стрит, вряд ли забудут, как она топает в сандалиях, и прямые седые волосы развеваются во все стороны вокруг насмешливого, с острыми чертами лица. Она может сподвигнуть народ действовать, как и любой из ее прототипов... Дела, за которые она берется, превращаются в «горячие пирожки», она наводит ужас на любого политикана в городе. Она пользуется такой общественной поддержкой и симпатией, что даже мэр либо действует по указке Джекобс, либо совершенно теряет лицо¹.

Если бы мы этого не знали и вспоминали ее только как автора книг, рассказ Крамер о Джейн Джекобс как публичной фигуре мог бы показаться невероятным. Но с 1955 года Джейн унесло в сторону новой задачи, сделавшей ее столь же известной, как и книги. Это была неоплачиваемая работа, и она ее не выбирала. Но, вопреки собственному желанию, она стала общественной активисткой. Столь значительны были сражения, в которых она играла главную роль, и столь эффективно она их возглавляла, что они составили ее альтернативный портрет, подобно фотографии, снятой с неожиданного ракурса, которая дополняет, а то и конкурирует с тем портретом, где жизнь изобразила ее автором книг.

Что же сделала Джейн? Благодаря ей дети могли плескаться в фонтане в парке Вашингтон-сквер, и их не тревожил шум дороги; широкие тротуары вокруг ее дома не были позорно сужены; Вест-Виллидж избежал тяжелой руки реновации. Она решила некоторые жилищные проблемы района с помо-

---

1. Kramer.

щью проекта, который архитектурно относился скорее к XIX, чем к XX веку, и даже помогла воплотить его в жизнь. Она заблокировала строительство огромной автомагистрали, которая могла практически отрезать Нижний Манхэттен и навсегда к худшему изменить облик города. Наверное, только последняя из этих гражданских войн фигурирует в истории Нью-Йорка. Остальные сегодня могут показаться пустячными или незначительными любому, кто не жил в Виллидж; мы живем здесь и сейчас, а не там и тогда. Но именно неистовая сосредоточенность Джейн на интимном, близком и крошечном была ее самым долгосрочным вкладом в культуру гражданского активизма: имеет значение не только Большая Картина, но и ваша улица, ваш дом. В каждом из этих конфликтов с властями влиятельные лица из городского руководства не получали того, чего хотели; их цели не достигались, распоряжения оспаривались. Потоки трафика, снос зданий и безликие новые конструкции не смыли (тогда) Гринвич-Виллидж. И именно поэтому та городская жизнь, которую отстаивала Джейн Джекобс, сохранилась лучше.

Может показаться очевидным, что сам ее активизм был частью того, что она проповедовала в «Смерти и жизни». Например, она освещала злоупотребления реновации и опустошение старых кварталов Восточного Гарлема; тогда что может быть естественнее, чем противостоять этим же злым силам в Вест-Виллидж? Более того, подвиги на фронтах гражданской войны выказывают то же упрямство, то же сладостное ощущение быть вне закона, что проходит через всю «Смерть и жизнь». Мы практически не видим в Джейн-активистке диссонанса между идеями и поступками. Нам почти что нечего разбирать или объяснять.

Все это вполне справедливо, но все же не до конца.

Потому что, сражаясь с мэрией, Джейн открыла в себе новые, совершенно иные грани, поначалу, возможно, непривычные или некомфортные. Быть задиристым уличным бойцом — высиживать отупляюще скучные общественные слушания, уронив голову на руки, смотреть «сквозь черные очки», подниматься с места и делать публичные заявления, сыпать нападками в дебатах, общаться и с друзьями, и с врагами, совершать закулисные сделки — все это требовало иных навыков, чем писательство. Чтобы отправить детей на улицы для сбора подписей, требуется другое психическое состояние, нежели при редактировании непокорного абзаца.

Для друзей по Вест-Виллиджу из 1950-х и 1960-х годов она была главным стратегом, мозгом, блестящей юмором и не па-

дающей духом, именно она стояла за их самыми вдохновенными победами. Но некоторые, как Клэр Танкел, которая с мужем Стенли работала с Джейн в те дни, вспоминают, что порой она была чересчур резкой. Однажды пресс-релиз, который они составляли, слишком долго не удавался. Джейн обвинила в этом мужа Танкел, почти довела его до слез: «Если вы пишете пресс-релиз, вы должны делать это так, так и так. Вы неправильно его написали»². И не один Танкел помнил ее такой. Джейн могла и раздражать, и надоедать, хотя в основном доставалось, конечно, врагам. Потом Джейн спрашивали, легко ли ей дался гражданский активизм тех лет. Нет, ответила она: «я хотела узнавать новое и писать. Меня возмущало, что я должна прерываться и отвлекать себя на абсурдную борьбу, навязанную мне и моим соседям».

II. Мистер и миссис Макиавелли

Журналистка Роберта Брандес Гратц, выросшая в Виллидж, вспоминает парк Вашингтон-сквер:

...средоточие всяческих занятий, от непрерывной игры в шахматы до политических речей и гитарных концертов на ступенях «круга», массивного фонтана с широкими ступенями, где можно было сидеть. Мой дедушка со своими закадычными друзьями встречались на скамье в парке. А мои сверстники встречались на игровой площадке.

В 1952 году этот городской оазис был растревожен проектом направить транспортный поток, идущий по Пятой авеню с севера, через парк по широкой арке на Западный Бродвей (сегодня — Ла-Гуардиа-Плейс) на юге³. Уроженка Чикаго, актриса и мать четырех детей Ширли Хейз⁴ стала первой, кто непреклонно выступил против дороги через парк. В 1955 году, как мы видим, и Джейн внесла свою лепту, отправив письмо с протестом городским властям.

2. Laura Hansen, «Claire Tankel», интервью, Greenwich Village Society for Historic Preservation, 1 марта 1997 года и 20 февраля 1998 года.

3. Этот рассказ построен отчасти на: Fishman, «Revolt of the Urbs», интервью из архива Greenwich Village Society for Historic Preservation; Flint, chapter 3.

4. Ширли Хейз (Shirley Zak Hayes, 1912–2002) — актриса театра и общественный активист. Окончила Школу драмы Гудмена в Чикаго и в 1932 году переехала в Нью-Йорк. В 2001 году Городское управление парков Нью-Йорка установило в парке Вашингтон-сквер памятную доску, рассказывающую о роли Ширли Хейз в сохранении парка от уничтожения. — *Прим. ред.*

В 1958 году угроза все еще сохранялась, и жители Виллидж организовали Объединенный чрезвычайный комитет по закрытию Вашингтон-сквер для трафика. Джейн признает, что это могло показаться «постороннему человеку громоздким названием... Почему бы не придумать что-нибудь более броское?»⁵ Но именно такая сосредоточенность на цели и определила их стратегию. Сохранение парка было их *единственной* задачей. Их не интересовало объединение причудливо разнообразных политических взглядов жителей Виллидж под одним лозунгом; в любом случае это было невозможно. У них был только один точно обозначенный объект.

Как рассказывает Джейн, выигрышная стратегия этой последней битвы в долгой гражданской войне возникла однажды ночью, когда они с Бобом были уже в постели⁶. Она заснула, а Боб все никак не мог заснуть, переживая из-за сложной ситуации с парком. Как вдруг он все понял и разбудил ее, чтобы поделиться своими идеями: вышло не очень здорово. Это было время жестко контролируемых политических машин, когда Билла Пассананте⁷, ставленника распределяющей блага и протекцию политической машины Таммани⁸, которой руководил Кармине Десапио⁹, снова выдвинули в депутаты Ассамблеи штата. Десапио, живший в Виллидж, «был воплощением босса, знаете, такой закулисный босс»¹⁰, будет вспоминать Норман Редлих, один из соратников Джейн. «Если он сказал, что сделает, значит, сделает». И он действительно мог очень многое, когда хотел. Ему достаточно было просто поднять телефон-

5. KentVillage, p. 3.

6. KentVillage, p. 5.

7. Уильям Пассананте (William F. Passannante, 1920–1996) — американский политик, с 1954 по 1990 год — представитель районов Гринвич-Виллидж и Челси в Ассамблее штата Нью-Йорк от демократов. Известен поддержкой ряда прогрессивных инициатив, включая права сексуальных меньшинств и либерализацию закона об абортгах. — *Прим. ред.*

8. Таммани-холл — политическая машина Демократической партии США в Нью-Йорке, существовавшая с конца XVIII века по середину XX века. Данная машина, как и политические машины других американских городов, представляла собой иерархизированную партийную структуру, контролировавшую сети патронажа и выдвижение кандидатов на выборные должности. Функционирование Таммани-холл является одним из сюжетов фильма Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка». — *Прим. ред.*

9. Кармине Десапио (1908–2004) — американский политик, формально последний глава Таммани-холл (1949–1961). Отсидел два года в федеральной тюрьме за взятки, в 1973 году вышел на свободу, после чего оставил публичную политику. — *Прим. ред.*

10. Susan DeVries, «Norman Redlich», интервью, Greenwich Village Society for Historical Preservation, 6 марта 1997 г.

ную трубку. Соперником Пассананте был Уитни Норт Сеймур-младший¹¹, «белый рыцарь» из круга Джекобс, который всегда выступал против дороги через парк и, как утверждала Джейн, «имел все основания ожидать»¹² их поддержки на предстоящих выборах. Он ее не получил и никогда не получит. Потому что «он не находился у власти. У власти находились люди Десапио». Какими бы добродетелями ни обладал Сеймур, макиавеллианский план Боба принес его в жертву ради великой цели.

Как рассказывает Джейн, они обратились к Десапио: *если кто-то и может закрыть парк для трафика, то это вы*. «Мы надеемся на вас, а если вы этого не сделаете, мы объявим вас мошенниками и вышвырнем прочь»¹³, поддержав Сеймура и работая на него. Чтобы продемонстрировать свою силу, группа матерей организовала почти непрерывный митинг. По ночам в районе появлялись новые плакаты. Станным образом многие из них возникали на стенах, фонарных столбах и витринах магазинов подозрительно низко, ближе к земле, чем обычно. Дело в том, что клеить их поручили детям Джейн и другим детям из района, вооружив их банками с клеем. «У нас были свои маленькие эльфы, — сказала Джейн позже, улыбаясь воспоминаниям, — все эти дети, расклеивающие плакаты»¹⁴. И собирающие подписи — всего около 35000. Значение этого шоу не прошло мимо Десапио — и он, как говорится в некрологе Хейз в *New York Times*, просто «заявил, что хочет, чтобы они ушли» (имелись в виду машины)¹⁵.

Сеймур был в ярости. Но Десапио, которого группа мамаш поклялась поддержать на выборах, а теперь восхваляли как героя, сдержал свое слово: установили столбики, и парк был отрезан от машин и автобусов. Мрачные прогнозы города о возникновении транспортного коллапса не подтвердились. Эксперимент провозгласили успешным, угроза парку минова-

11. Республиканец Уитни Норт Сеймур-младший (Whitney North Seymour Jr., 1923) все-таки станет членом сената города Нью-Йорк в 1966 году. Вершина его политической карьеры — пост прокурора южного округа штата Нью-Йорк (1970–1973). То, что на этом посту он пытался воспрепятствовать публикации газетой *The New York Times* вьетнамского архива Пентагона, показывает, насколько он в действительности был «белым рыцарем». — *Прим. ред.*

12. KentVillage, p. 5.

13. KentVillage, p. 6.

14. KentVillage, p. 8. Когда, годы спустя, она послала своему сыну Неду запись ее интервью Кенту, Джейн предположила, что он мог просто «наслаждаться этим сам как таким моментом из жизни, в котором вы так активно участвуете, хотя и очень молоды» (Дж. Дж. — Неду Джекобсу, 28 января 2001 г., Burns).

15. Susan DeVries, «Norman Redlich», интервью, Greenwich Village Society for Historical Preservation, 6 марта 1997 года.

ла; он все тот же и по сей день. 26 июня 1958 года *Daily Mirror* обессмертила первый успех публикацией фотографии дочери Джейн — светленькой круглолицей симпатичной Мэри трех лет от роду — с еще одним ребенком, который высоко держал церемониальную ленту. Был запечатлен момент церемонии не разрезания, а *повязывания* ленточки, как символического шлагбаума для машин¹⁶.

«Довольно жесткое политическое давление»¹⁷, — так назовет Джейн их успешную стратегию, непривычно прибегая к эвфемизму. Но, как она скажет в другой раз, «мы изобрели проблемно-ориентированную политику»¹⁸, сосредоточенную не на отдельных лицах или партиях, а на повседневной жизни общества.

Угроза парку исходила, конечно, от Роберта Мозеса, главного архитектора города, который выдвигал планы проложить магистраль через Виллидж еще с 1930-х годов¹⁹. Мозес возводил жилые комплексы, охватывал реки тоннелями и мостами, строил автомагистрали, разбивал общественные пляжи, проводил международные выставки. Кажется, его мало заботило, за счет чего это делается, и еще меньше его заботили десятки тысяч человек, которых как пешки перемещали из одного места в другое. Для *Architectural Forum* в 1942 году, за десять лет до того, как там начала работать Джейн Джекобс, Мозес написал длинную, полную восхищения статью о бароне Жорже Эжене Османе, легендарном планировщике Парижа конца XIX века. «Все новое, — цитировал он отповедь Османа критикам, — производит неблагоприятное впечатление, потому что перемены расстраивают привычный уклад жизни. Но первое впечатление обманчиво; оно скоро уступает более справедливому и более великодушному восприятию»²⁰. Статья была щедро проиллюстрирована картами, чертежами и фотографиями Парижа, многие из которых красноречиво поставлены в пару к аллеям и бульварам, которыми Мозес рассек Нью-Йорк.

16. Когда *The New York Times* сообщила о закрытии дороги, она назвала Джейн «миссис Джейн Джекобс, писатель». Это было почти за три года до издания «Смерти и жизни», даже до того, как она подписала договор на книгу с *Random House*.

17. *Смерть и жизнь*, с. 371.

18. KentVillage, p. 9.

19. См.: Caro; Ballon and Jackson; Mennel, «A Fight to Forget», где он цитирует письмо Мозеса 1962 года знакомому: «Джейн Джекобс на самом деле не нужно опровергать. Ее поддерживает *Architectural Forum*, и профессиональные критики за нее, но ни одного опытного или ответственного человека ее липкий совиный помет не впечатляет... Джекобс не разбирается в мегаполисах. Ее факты и наполовину не выдержат проверки. В конце концов, надо начинать со знаний, а не с яда».

20. Robert Moses, «What Happened to Haussmann», *Architectural Forum* (July 1942), p. 57–66.

Мозес никогда не был ни мэром, ни губернатором, никогда не занимал выборных постов, названия его должностей звучали банальнее некуда, например, комиссар парков и глава анти-трусщобного комитета мэрии. Но из-за этих кулис он приложил руку ко всему. Он мог угрожать и приказывать. Он получал удовольствие, ставя своих противников на место; одну группу протестующих он называл «партизаны, самозванцы, психи, фанатики, скоты»²¹. Агрессор! Какое тут еще слово подберешь? Джейн скажет годы спустя, что Мозес один «причинил больше вреда Нью-Йорку, чем нанесла бы целая толпа. Одним из его любимых высказываний было: „Вы не можете сделать омлет, не разбив яиц“, омлет — это общественное благо, а яйца, которые разбивали — люди»²². Если посмотреть с другой стороны, то Мозес всегда добивался своих целей; он был *эффективным*, пусть и не так, как раньше, — теперь, на пороге восьмого десятка, когда он столкнулся с Гражданкой Джейн²³ и ее друзьями. Поражение в борьбе за Вашингтон-сквер можно считать признаком ослабления его власти.

Битва и последующий разгром от руки Джейн и ее соратников в истории с автомагистралью Нижнего Манхэттена в памяти многих неразрывно свяжут их двоих — по меньшей мере, в названиях двух последних книг, *Wrestling with Moses: How Jane Jacobs Took on New York's Master Builder and Transformed the American City* Энтони Флинта и *The Battle for Gotham: New York in the Shadow of Robert Moses and Jane Jacobs* Роберты Брандес Гратц²⁴. В действительности Джейн, вероятно, встречала Мозеса только однажды, на собрании городского Совета по оценке. «Никто ведь не против, — взревел Мозес на Джейн, не в состоянии поверить в провал проекта строительства парковой дороги, — НИКТО, НИКТО, НИКТО, только кучка МАМАШ!»²⁵ — после

21. Цит. по: Robert Fishman, «Revolt of the Urbs», p. 122.

22. *Ethics*, p. 187. См. также Amateau, «Jane Jacobs, Urban Legend»: «Мне становится тошно, когда я слышу: „Люди слишком робкие, и вам нужен кто-то, обладающий смелостью Роберта Мозеса“, — говорила Джекобс. — Что ж, если вам нравится диктатура и жизнь при диктаторе, то Роберт Мозес, конечно, ваш вариант».

23. Аллюзия на документальный фильм *Citizen Jane: Battle for the City*, где упор делается на противостояние Мозеса и Джекобс. — *Прим. ред.*

24. Роберта Брандес Гратц (Roberta Brandes Gratz, 1940) — нью-йоркский журналист, специализирующийся на урбанистике, автор ряда книг о восстановлении городов и городском гражданском активизме. Ее первая книга *The Living City* (1989) в 2008 году вышла на русском языке под названием «Город в Америке: жители и власти». — *Прим. ред.*

25. Kunstler, II, p. 24. Джейн здесь говорит, что она видела Мозеса только один раз. Однако в статье в *Building Design* от 5 мая 2006 г., с. 9, Ричард Сеннетт рассказывает, как Джейн расправляется с Мозесом на общественном собра-

чего он вышел. Но если лицом к лицу они встречались редко, то объединение их имен казалось неизбежным и очевидным: две незабываемые фигуры, связанные двумя диаметрально противоположными взглядами на Нью-Йорк. Мозес, человек планов, карт и моделей, перекраивавший весь городской ландшафт, разрушитель районов, кукловод марионеток во власти; Джейн Джекобс, одна в своем писательском кабинете, оказавшаяся на городском поле боя только из-за существенной угрозы ее дому, защищавшая улицы и тротуары от темных сил необузданной власти.

Хороший задел для какого-нибудь опуса, да? Вы сейчас один из них и читаете.

III. Спасите наши тротуары

Однажды вечером в 1960 году Джейн укладывала спать сына Джимми, и вдруг он сказал: *Мы можем остаться без дерева*. Он имел в виду дерево, которое они посадили на Гудзон-стрит перед домом в 1956 году, чуть ли не единственное во всем квартале. Джейн ответила: нет, с деревом все будет в порядке, не переживай. *Нет, не в порядке*, твердил Джимми. «Они хотят убрать наш тротуар, а дерево стоит как раз там»²⁶.

Придя из школы домой, Джимми увидел рабочих, размечающих тротуар краской и мелом. Он подошел и спросил, что они делают. Джейн тоже их видела, но не смогла добиться прямого ответа о том, что происходит: *Ну, просто плановый осмотр*. Но одиннадцатилетний Джимми, гордо отмечала Джейн, когда рассказывала эту историю впоследствии, действительно заинтересовался тем, чем они заняты. «Они это поняли и рассказали и показали ему — этому смелому, любознательному мальчугану — как производится геодезическая съемка»²⁷. Попутно, конечно, они прокололись: план, спущенный из офиса президента боро Манхэттен, заключался в том, чтобы сузить тротуар

нии: «На публичных встречах с ним она вовсе не была политически наивна. Другие, бывало, кричали на Мозеса, но она просто вежливо задавала ему вопросы, наподобие: „Откуда вы знаете, что именно этого хотят люди?“, „Вы знаете людей в этой комнате?“, „Кого вы знаете?“ Это выводило его из себя. Не столько рассказывая ему, что сообщество настроено против него, она сосредотачивалась на его позиции. Я был на одном собрании, когда она спросила: „Что для вас является красивым?“ Она заставляла его защищаться».

26. *Matter*, p. 67, 71; *KentVillage*, p. 16–18, 23–24; см. также: Vicki Weiner, «Anthony Dapolito», интервью, New York Preservation Archive Project, 5 октября 1997 г.

27. *KentVillage*, p. 23.

на пять метров по обеим сторонам Гудзон-стрит и таким образом выделить еще одну полосу для автомобилей²⁸.

В 1960 году, как и сейчас, «тротуары Нью-Йорка»²⁹ из старой песни не имели ничего общего с полосами голого цемента в пригородных районах, где едва хватало места для одного пешехода, что уж говорить о весело болтающей компании друзей. В «Смерти и жизни» Джейн посвятила три главы «использованию тротуаров» во всем их многообразии. Последняя из них, посвященная «детям и улице», предлагает классификацию тротуаров по ширине: «тротуары шириной в девять-десять метров способны удовлетворить практически любые требования стихийной игры»³⁰, шестиметровые, как на Гудзон-стрит, не позволяют прыгать через скакалку, но на них хватает места практически для всего остального. Для Джейн тротуары были основой городской жизни. И теперь, «в рамках бездумно-рутинной городской программы расширения проезжей части»³¹, пишет она в «Смерти и жизни», городу потребовалось их сузить.

На следующее утро Джейн написала петицию и вместе с детьми отправилась в местную типографию, чтобы ее размножить. Даже не думайте, проворчал печатник; у него и так кипы ресторанных меню в печати, приходите через пару недель. «Будет слишком поздно»³², — сказала Джейн, тротуары к тому времени уже пропадут. «Какие тротуары?» — спросил он; конечно же, и тот, что рядом с его типографией. Через час Джейн держала петиции в руках. Раздавал их Джимми. Нед и малышка Мэри, укутанные в шапки и капюшоны и тяжелые пальто, собирали подписи рядом с домом. Они сидели за маленьким столиком под знаком, прикрепленным к входной двери, который выглядел так:

СПАСЕМ
ТРОТУАРЫ
ГУДЗОН-СТРИТ

Местные приходские школы раздавали экземпляры петиции детям, чтобы те отнесли их домой. Джейн обратилась к влия-

28. *Matter*, p. 67.

29. Тротуары Нью-Йорка (*The Sidewalks of New York*) — популярная песня, один из музыкальных символов города, которая рассказывает о жизни в Нью-Йорке. Музыку сочинил актер и певец Чарльз Лоулор в 1894 году на слова Джеймса Блейка. — *Прим. ред.*

30. *Смерть и жизнь*, с. 99.

31. Там же, с. 135.

32. *Matter*, p. 67, 71.

тельным в Виллидж фигурам, с которыми познакомилась во время борьбы за парк, в первую очередь к имеющему хорошие связи Тони Даполито³³, пекарю, который войдет в анналы Виллидж как почетный мэр. Джейн была в делегации, обратившейся к президенту боро, но Даполито позже скажет Бобу Джекобсу, что решение было принято еще до того, как они вошли к нему³⁴. Проект по сужению тротуаров был остановлен.

Джейн будет вспоминать, что сначала многие ее соседи были уверены, что, несмотря на петиции и подписи, они проиграют: «Вам ли тягаться с мэрией». Но осознание, что они *могут* тягаться с мэрией и победить, сослужит им хорошую службу в следующий раз.

IV. Заклеваны насмерть утками

В феврале 1961 года, через месяц после сдачи рукописи «Смерти и жизни», Джейн открыла газету и узнала, что часть Вест-Виллидж названа районом, подлежащим реновации. Трещины снесут, писали в *The New York Times*, на их месте построят новые дома. «Я сразу поняла, что это означает, — будет рассказывать Джейн, — нас собираются стереть с лица земли»³⁵. Предназначенный под снос участок протянулся на четырнадцать кварталов от Гудзон-стрит до реки Гудзон³⁶. Туда вошел и ее квартал, включая ее дом. Спокойная мирная пауза, о которой она месяцами мечтала до издания книги, внезапно закончилась.

Теперь ставки были гораздо выше, чем несколько зауженных тротуаров; однако на старте кампании цена вопроса составляла всего 300000 долларов³⁷. Как утверждали в городской комиссии по строительству и реконструкции жилья,

33. Энтони Даполито (Anthony Dapolito, 1920–2003) — сын эмигрантов из Неаполя, владелец пекарни и гражданский активист нью-йоркского района Гринвич-Виллидж. За вклад в борьбу за сохранение района удостоен почетного титула мэра Гринвич-Виллидж. 105-й мэр Нью-Йорка Эдвард Коч, к политической карьере которого Даполито приложил руку, называл его «сердцем и душой Виллидж». — *Прим. ред.*

34. Vicki Weiner, «Anthony Dapolito», интервью, New York Preservation Archive Project, 5 октября 1997 г.

35. KentVillage, p. 18.

36. John Sibley, «Two Blighted Downtown Areas Are Chosen for Urban Renewal», *New York Times*, February 21, 1961.

37. Интервью с Пьером Тоначелем, который снабдил меня недатированным документом под названием «The City's Request for a Survey: What It Means to All of Us» Комитета по спасению Вест-Виллидж и многими другими документами, относящимися к борьбе с городским обновлением Вест-Виллидж, включая официальные документы, юридическую переписку, вырезки из газет,

которая пришла на смену комиссии Роберта Мозеса по расчистке трущоб, эта сумма пойдет на исследования по планированию городского обновления в Вест-Виллидж. Даже в 1961 году 300000 долларов — не такая уж большая сумма. Но для Джейн этот маленький чемоданчик денег был только первым шагом к тому, чтобы ее район сровняли с землей и он канул в неизвестность или стал не по карману, или и к тому и к другому. Этот «аванс из бюджета на планирование», который Комиссия по оценке должна была официально запросить у федералов, приведет в действие цепь событий, которые Джейн видела уже не раз. Это означает, что городское обновление во всей своей злокачественности по-прежнему работает: в ситуации неопределенности бизнес сокращает инвестиции; землевладельцы перестают заботиться о состоянии домов, резиденты переезжают. И что в итоге? Все катится по наклонной, ускоряя разрушение района. Незадолго до объявления о реновации в газете некой женщине по имени Элизабет Сквайр предложили 50000 долларов за ее дом; через несколько дней после публикации объявления, не успела она принять предложение, как его уже отозвали³⁸. Дайте только этому чемоданчику денег на исследования по планированию появиться, уверяла Джейн, и такие неприятные истории будут происходить ежедневно.

Поэтому Джейн села за телефон.

Битва будет продолжаться почти год. Будни Джейн и ее друзей заполнились звонками, которые надо сделать, письмами, которые надо запросить или написать, слушаниями, которые надо посетить; нужно было подать юридические документы, подготовить презентации, составить петиции, организовать митинги, провести церковные ярмарки, разоблачить марионеточные «гражданские комитеты». Битва становилась столь неистовой, сообщит Джейн, «что мы отключили дверной звонок и оставляли дверь открытой даже по ночам, так что мы работали, а люди могли приходиться и уходить»³⁹. Это были дни легендарных вест-виллиджских мартини: джин и несколько капель вермута в любом удобном стакане, с оливкой или маринованным луком, кубиком льда, и потом, по рецепту Джейн, «берегите его и пальцем вжух, вжух, вжух», нет времени на церемо-

---

листки из района и другие материалы, относящиеся к Вест-Виллидж и датированные 1961 годом, — далее «архив Тоначеля».

38. Роберт де Вон — Джону и Элизабет Сквайр, 15 и 26 февраля 1961 года; письменные показания Элизабет Сквайр, 26 апреля 1961 года; архив Тоначеля.

39. *Dallas Morning News*, May 9, 1962.

нии. Битва за Вест-Виллидж⁴⁰, рассказывает сын Джейн Нед, «совершенно поглотила жизни моих родителей и их соседей». Но в самом начале нужно было делать все и сразу — это было *необходимо*, ведь осталось всего два дня до слушаний Комиссии по оценке, которые приведут весь процесс в движение. Когда Джейн и тридцать ее соседей гурьбой отправились в даунтаун на встречу с уполномоченным по жилищному строительству и реконструкции, им удалось отложить слушания на месяц.

Через три дня после этого, 26 февраля, три сотни людей толпились в актовом зале школы Св. Луки в нескольких кварталах от дома Джейн; они организовали Комитет по спасению Вест-Виллидж. Джейн, у которой после битвы за тротуары сложилась определенная репутация, выбрали одним из двух сопредседателей. «Цель комитета, — цитировали ее слова, — полностью уничтожить этот проект, потому что если его реализуют, это может означать только разрушение нашего района»⁴¹. Они с соседями были в гневе: основание для назначения Вест-Виллидж подходящим объектом для городского обновления было простое — это трущобы. А они знали, что это не так.

Но что, если бы это были *трущобы*? Если бы Вест-Виллидж был на самом деле тем безнадежным месивом, которое федеральные законы по городскому обновлению и весь дух модернизма желали стереть с лица земли, чтобы начать все заново, тогда намерение городских властей все снести и заменить новым жильем было бы справедливым. На борьбу за Вест-Виллидж можно посмотреть как на последовательность общественных слушаний и презентаций, обвинений и встречных обвинений, проходивших на фоне повседневного труда во имя победы в гражданской войне. Но ставкой в борьбе стал ответ на вопрос: чем же на самом деле является Вест-Виллидж: недостойной жизни трущобой, которую надо избавить от убожества и переделать во что-то получше? Или районом, который следует сохранить?

Факты были у всех перед глазами, на улицах и в домах Вест-Виллидж. Находившийся под угрозой район протянулся от 11-й Западной улицы за Кристофер-стрит до Мортон-стрит, от пирсов реки Гудзон до Вашингтон-, Гринвич- и, наконец, Гудзон-стрит. В этих кварталах жило более полутора тысяч че-

40. Рассказ построен на материалах архива Тоначеля; Flint, chapter 4; *Projects*, p. 366–368; *Transatlantic*, p. 146–160; Stern, Mellins, and Fishman, *New York 1960*, p. 247–249; Frigand; Moser; Hock; KentVillage, p. 18–21, 25–31; интервью с Недом и Джимом Джекобсами; см. также: Ned Jacobs, «Changing the World by Saving Place», *Alternatives Journal* (Summer 2002).

41. Sam Pope Brewer, «Angry „Villagers“ to Fight Project», *New York Times*, February 27, 1961.

ловек — домовладельцы, квартиросъемщики, портовые грузчики, учителя. Еще тысячи людей приезжали из других районов на работу на складах, на фабриках, в розничных магазинах и на других маленьких предприятиях района. Городская палитра варьировалась от почерневшего кирпича и разбитого бетона до булыжника и асфальта, покрытого пятнами масла, переливавшегося всеми цветами радуги. Дома в Вест-Виллидж почти никогда не походили на образцовые, которые дети рисуют цветными карандашами в детском саду, с передней дверью, окнами, трубой и лужайкой. Там скорее стояли новые или подновленные многоквартирные дома, многоэтажки с пожарными лестницами, иногда попадался деревянный каркасный дом, построенный в начале XIX века, великолепно восстановленная квартальная застройка и обшарпанные отели с одноместными номерами возле пирсов; были парковки и склады, церковь Св. Вероники и исследовательская лаборатория *Western Electric*. Все перемешалось на участке размером менее двадцатой доли квадратной мили. Вопрос был в том, как на это все *посмотреть*.

Как смотреть на города, конечно, и есть тема книги Джейн, которую уже вот-вот должны были издать. Каждая глава предлагает альтернативный взгляд: разрушающиеся старые здания могут стать источником анархичной креативности; новые дома могли означать грубый разрыв старых, привычных социальных связей; фабрика возле дома не обязательно вредна, она может повлечь экономическое и социальное обновление. И теперь, когда книга Джейн бросает вызов общепринятому взгляду на город, то же самое делают битвы 1961 года, разыгрывающиеся в ее районе. Немного упрощая, эту драму длиной в год можно назвать *Смерть или жизнь: Вест-Виллидж*. Комитет Джейн напечатал листовки размером с учетную карточку, на которых было написано только: «СПАСЕМ ВЕСТ-ВИЛЛИДЖ». Спасем от чего? Спасем от исчезновения, от преобразования в то, где жильцы не смогут или не захотят жить. Район был хорош таким, какой он есть.

Но *нет*, это не так, район не *так* уж и хорош: Джейн и ее соседи вовсе не считали свой район таким уж прекрасным. Они не были слепыми, видели и недостатки: шумные грузовики, разрушающиеся склады. Мощные улочки могли петь об очаровании и ностальгии, но они напевали и об изношенности и ветхости. По сравнению с сегодняшним днем там почти не было деревьев, на улицах было грязно, повсюду валялся мусор. Фасады многоэтажек и промышленных лофтов едва ли купались в новой краске и новых деньгах и получали новые окна, как сейчас. В Вест-Виллидж денег много не было, причем годами,

и это было заметно. «Мы на 100% за улучшения и знаем, что какие-то наш район сможет выдержать»⁴², подчеркивалось в одном из первых информационных писем Комитета по спасению Вест-Виллидж. Они *хотели* увидеть новое жилье для жителей со средним доходом, приветствовали «возможность работать с чиновниками из программы сохранения города, чтобы сделать наш район еще более удачным для жизни местом». *Скажем, новый парк у реки?* Другие улучшения возникнут, если «укрепить то, что у нас есть, а не разрушать существующий район. Наши самые активные усилия будут нацелены на сохранение и улучшение, а не на разрушение». У них уже было многое: низкая преступность, отсутствие перенаселенности, оживленность, даже старый фермерский дом (а то и два), с любовью отреставрированный, который был построен буквально в колониальные времена.

Когда в мае письмо Департамента городского планирования сообщило о планах по городскому обновлению, в нем признавалось, что в Вест-Виллидж есть и достойное жилье, и в районе заметны следы ремонтных работ. Но подчеркивалось и «отравляющее влияние»⁴³ эстакады Нью-Йоркской центральной грузовой линии, которая идет к заброшенному терминалу вдоль западной стороны района. Там жаловались на «беспорядочную чехарду складов, терминалов для грузовиков, гаражей и лофтов» вдоль Вашингтон-стрит, множество старых многоэтажек и нежилых зданий, которые «приходили в негодность и ухудшались».

Но они не улучшили положение вещей. Через несколько лет давняя жителяница Вест-Виллидж Патриция Филдстил, переехав в квартиру на углу Горацио и Вашингтон-стрит, немного к северу от оспариваемых кварталов, будет вспоминать, что район

...оставлял желать лучшего, спрятанный... в отдаленный недоступный карман, ограниченный мясным рынком и доками, массивными осыпающимися панцирями, которые присосались к Лоуэр Вест-Сайд, скрывая реку из виду. Через пирсы на запад от улиц Гринвича находился бурно разросшийся лабиринт небольших фабрик, мясокомбинатов, типографий и предприятий легкой промышленности. Огромные грузовики блокировали улицы, извергали выхлопные газы в уже и без того зловонный воздух, черный от сажи, летящей с ничем не регулируемых мусоросжигательных заводов. Там не было ни деревьев, ни садов, ни парков⁴⁴.

42. *West Village Newsletter*, даты нет, но до 23 марта 1961 г., архив Тоначеля.

43. *Newsletter*, Department of City Planning (May 1961).

44. Patricia Fieldsteel, «Remembering a Time When the Village Was Affordable», *Villager*, October 19–22, 2005.

То, что позже станет кварталом прекрасных восстановленных таунхаусов вдоль Джейн-стрит, тогда было все еще «разбито на многоэтажки на семь-десять семей или пансионы, где сдавались одностельные комнаты для одиноких, часто „сбившихся с пути“ мужчин».

Департамент городского планирования рассматривал этот район как «смешанное использование земли», включая плохое жилье, интенсивные коммерческие перевозки и грузовую линию, которая портит район. Не важно, что только такая смесь — жилого, коммерческого и промышленного — могла, по словам Джейн, сделать территорию более здоровой, интересной и жилой. *Нет*, настаивали планировщики, в *этом* заключается причина упадка, вот что *делает* это место трущобой. Район являл собой такую разрозненную смесь способов использования, которую мудрость планировщиков за столетия с Эбенизера Говарда и далее провозгласила неподходящей для современного города; как мог он привести к хорошему, здоровому, респектабельному образу жизни? Это был первый важный вопрос.

Конечно, был и еще один важный вопрос: *кто должен решать?*

Это происходило вскоре после окончания Второй мировой войны, когда доверие к генералам, государственным органам, ученым и экспертам еще никуда не делось, до того как война во Вьетнаме не посеяла сомнения в «лучших и умнейших»⁴⁵ и власти в целом. Пока все еще было принято доверять людям, специализировавшимся в какой-то сфере и обладавшим знаниями, которых у большинства людей не было. Но Джейн на это уже не велась. Она видела работу планировщиков в Америке и то, как, возможно и с лучшими намерениями, они причиняли вред. Не имея университетских дипломов, ощущая себя вне закона еще со школьных дней, но с твердой верой в собственные взгляды, она и остальные члены комитета скорее *не* доверяли экспертам, видели в них коррупционность, нелюбознательность и невежество. Когда в начале следующего года Джейн обдумывала, чему они научились в войне за Вест-Виллидж, она нарисовала картину закулисного мошенничества и некомпетентности некоторых представителей власти. Нет, не хваленые «эксперты», а только сами жители могут должным образом решить судьбу будущего своего района. Через несколько недель после начала битвы колумнист Джон Кросби написал статью для *New York Herald Tribune* с метким

45. Отсылка к названию книги об истоках вьетнамской войны журналиста Дэвида Халберстама: David Halberstam, *The Best and the Brightest* (1972). — *Прим. пер.*

и вызывающим заголовком: «Кто скажет, что такое трущоба?»⁴⁶ И нет, вовсе не обязательно это сделают зашоренные эксперты. То, что Кросби назвал «психологической привлекательностью района, где люди живут в гармонии, — гораздо ценнее, чем покраска стен». Очко в пользу Джейн и ее друзей.

Из своих офисов на Лафайетт-стрит городские планировщики говорили, что такого просто не может быть — такая беспорядочная смесь старого и нового, жилого и покрытого промышленной пылью, привлекательного и неприглядного *обязательно* станет трущобой. Чтобы доказать обратное, Джейн и ее соседи пригласили журналистов и всех желающих прийти к ним в гости в Вест-Виллидж. Стратегия заключалась в том, что каким бы ужасным ни представляли район, этот образ не сходится с тем, что люди увидят прямо перед носом. Здание на Вашингтон-стрит, 661? Что ж, да, немного изношенное — и все же с чистыми коридорами, опрятными квартирами. В марте приходил президент боро и, как утверждает репортер *New York Times*, его «впечатлили в целом высокие стандарты жилых помещений в домах, снаружи обшарпанных» и «степень активности жильцов, явно не являвшихся обитателями трущоб»⁴⁷.

В марте комитет Вест-Виллидж исследовал все четырнадцать кварталов района, находящихся под угрозой, систематически фиксируя все обновления, произведенные в домах в последние годы: новая крыша по адресу Гринвич, 739 в 1951 году, новая электропроводка в 1953-м, новые ванны в 1956-м⁴⁸. По соседству с Джейн по адресу Гудзон-стрит, 561 — новый водопровод и нефтяная горелка, новая сантехника, отремонтированные окна, стены покрашены внутри и снаружи. По 11-й Западной улице полностью обновлен весь ряд домов. По адресу Перри, 115 лестничные клетки покрашены в прошлом году, а еще новые трубы, водопровод и окна. И так страница за страницей. Что касается предприятий Вест-Виллидж, а их было 140, то здесь работали: портной, занимающийся пошивом формы, танцевальная студия, книжный магазин, краснодеревщик, магазин мотороллеров, магазин одежды, кузнец, консультант по налогам, бары, скульпторы, художники, печатники, импортеры. На предприятиях было занято 1950 человек. Если кто-то считал качество домов и предприятий, расположенных бок

46. John Crosby, «Who Says What Is a Slum?», *New York Herald Tribune*, March 13, 1961.

47. Sam Pope Brewer, «Dudley Inspects Area in „Village“», *New York Times*, March 21, 1961.

48. «Residential and Business Survey of the West Village», March 1961, и «Housing Characteristics and Business Survey of the West Greenwich Village Area», March 1961, Комитет по спасению Вест-Виллидж, архив Тоначеля.

о бок на двадцатой части квадратной мили улиц Вест-Виллидж, ужасным, буквально образцом упадка, то исследование этого не показало.

В конце апреля комитет подал в Комиссию по планированию письмо от двух членов Комитета по истории архитектуры муниципального художественного общества. «Территория из 14 кварталов в Вест-Гринвич-Виллидж, которая предназначена для реновации, — начинали эти эксперты, — по сути, не менее привлекательна, чем другие части Гринвич-Виллидж, а в каком-то смысле даже необычнее по своей архитектуре»⁴⁹, некоторые здания построены в начале 1800-х годов, когда здесь располагались портовые склады. Они относились к «городской архитектуре береговой линии», являясь «редкой сохранившейся первой мещанской застройкой» на Гринвич и 11-й Западной улице; интерьеры греческого Возрождения на Чарльз-стрит; несколько ярких многоэтажек с большим количеством окон, которые могли похвастать «удивительным разнообразием декоративной каменной кладки». Это был 1961 год, то есть до того, как снос Пенн-стейшн⁵⁰ спровоцировал начало движения за сохранение архитектурного наследия, но журналисты уже предвосхищали то, что сегодня называется «адаптивным повторным использованием». Эти «пыльные или непривлекательные [формы эксплуатации зданий], например прессованные макулатуры, спрятавшиеся в дома, как крабы-отшельники, легко можно переориентировать на другие цели — и если естественную историю зданий не подорвет городское обновление, их, несомненно, будут использовать иначе», — добавляли они.

Примерно то же самое, с отличием лишь в деталях, можно сказать о Восточном Гарлеме до того, как возвели новые жилые комплексы, или о бостонском Вест-Энде до того, как его уничтожили. На этот раз это успели сказать *до* того, как вред был причинен.

Бруно Дзеви⁵¹, знаменитый итальянский архитектор, историк и бывший житель Виллидж, автор влиятельной книги под

49. Дэниэл М. С. Хоппинг и Генри Хоуп Рид-младший — Джеймсу Фелту, 18 апреля 1961 г., архив Тоначеля.

50. Пенсильванский вокзал, в обиходе Пенн-стейшн — крупнейший архитектурный комплекс в стиле бозар, возведенный Пенсильванской железной дорогой в 1910 году. Был снесен в сжатые сроки в 1963 году без предварительного общественного обсуждения. — *Прим. ред.*

51. Бруно Дзеви (Bruno Zevi, 1918–2000) — известный итальянский архитектор, историк архитектуры, преподаватель и политик. Архитектурное образование получил в США. В 1944 году основал Ассоциацию за органическую архитектуру, влиятельная книга Дзеви «Вперед к органической архитектуре»

названием *Towards an Organic Architecture*, говорил так: «Я не питал романтических чувств по отношению к трущобам, но Гринвич-Виллидж и не был трущобой»⁵². Города, продолжал он, имели «естественную ткань», с которой стоит считаться; вмешаться в нее — значит уничтожить.

В таком районе, как Вест-Виллидж, где жилье и промышленность не разделены, никогда не знаешь, создало ли сообщество собственный паттерн и архитектуру или архитектура создала сообщество. Там, где результат столь замечательный, как в Вест-Виллидж — то есть там, где интеграция полная и жизнеспособная, — спрашивать не надо. И все же я узнал, что ваши планировщики настаивают на том, чтобы отделить жилые территории от нежилых. Но что плохого в предприятиях, если они не загрязняют воздух и почву?

Кампания за спасение Вест-Виллидж была сознательно прямой. Допустимо только Нет. Не надо ничего, кроме отмены планов городских властей. Компромисс невозможен.

Вест-Виллидж не трущоба, раздавалась барабанная дробь выступлений. Не вмешивайтесь.

Не трущоба; прекратите так говорить.

Не трущоба; не сдаваться городскому обновлению.

Этот курс, объяснит Джейн, вырос из попыток их группы привлечь на защиту района влиятельных людей со стороны⁵³. Одним из таких людей оказался федеральный чиновник жилищного департамента, на экскурсии в Вест-Виллидж он поразился уровню доходов жителей и убедился, что это не трущоба. По пути он познакомил Джейн с тем, что затем станет главным принципом их стратегии — «секрет», который она будет раскрывать раз за разом много лет подряд:

Никогда не говорите никому в руководстве штата или города, что вы хотите улучшений, потому что тогда вас будут считать «неравнодушным гражданином». Тогда они могут сказать, что у них есть поддержка граждан, и это развяжет им руки. Он посоветовал нам не бояться, пусть думают, что мы «просто против».

И именно это, к бесконечному раздражению городских властей, они и делали: идея заключалась в том, чтобы сначала избавиться от этого чертова ярлыка — трущобы. И только тогда вернуть-

---

(*Towards an Organic Architecture*), написанная под влиянием работ Фрэнка Ллойда Райта, вышла в свет в 1950 году. — Прим. ред.

52. Бруно Дзеви — Комитету по спасению Вест-Виллидж, 3 мая 1961 г., архив Тоначеля.

53. Amateau, «Jane Jacobs Comes Back»; Gratz, *The Battle for Gotham*, p. 87; KentVillage, p. 26–27.

ся к конструктивным планам позитивных изменений — что, как мы увидим, гражданка Джейн и ее друзья и сделали позже.

«Мы должны были стать экспертами во всем, от того, как проводить факельные шествия, до того, как распознавать пишущие машинки и собирать юридические доказательства», — писала Джейн, находясь в гуще боя. Одно время они посылали инженера-акустика в город записывать уровень шума⁵⁴; конечно, по его данным, Вест-Виллидж был тише, а то и спокойнее, чем некоторые из более уважаемых районов Нью-Йорка. Пьер Тоначель, молодой адвокат, присоединившийся к ним в начале кампании, вспоминает, как Джейн говорила о своих оппонентах: «Вы должны заставить их чувствовать себя так, будто они заклеваны насмерть утками»⁵⁵. Только что выпустившись из Корнелльского университета, Тоначель жил в доме XIX века в оживленном квартале на Бетун-стрит недалеко от дома Джейн, где его ей и представили. За пятнадцать минут он сделал вывод, что перед ним кто-то вроде странного гения. Она была не просто умной. Она *всегда* знала, о чем говорит. Она была невероятно душевным человеком и в то же время могла продемонстрировать испепеляющее презрение к двуличию или тупости. «Она совершенно не выносила дураков, — говорит Тоначель. — Ей не хватало терпения слушать чушь». Под руководством Джейн ему казалось, что война за Вест-Виллидж велась не каким-то ополчением всякого сброда, а настоящими профи; все было гораздо профессиональнее, чем можно было ожидать. Даже «качество бумажной работы» комитет, удивлялся он, «было поразительным; и это все Джейн».

Другой ветеран Вест-Виллидж, Нейт Сильвер, который познакомился с Джейн в ноябре 1961 года, мог вызвать в воображении плохое кино тех лет: «насыщенный событиями монтаж на мелькающих страницах календаря»⁵⁶, вот люди, марширующие с плакатами, вот фандрайзинговые вечеринки, а вот «средний план Джейн Джекобс, которая выступает на общественных слушаниях в палате муниципального конгресса с балюстрадой в стиле Олд-Бейли⁵⁷, в Нью-Йорке, стоило бы добавить еще

54. KentVillage, p. 10, 14. См. также недатированный внутренний доклад *Architectural Forum*, отмечающий, что Джейн «пошла еще дальше, она привела инженера-акустика, который доказал, что Вест-Виллидж тише, чем Саттон-плейс», HaskellPap, 80:3.

55. Интервью с Пьером Тоначелем.

56. Nathan Silver, «Jane Jacobs for Example», *Columbia Forum* (Summer 1972), p. 47–49.

57. Олд-Бейли (*Old Bailey*) — традиционное название центрального уголовного суда Лондона. Суд расположен в помпезном здании в стиле неоампир (1907). — *Прим. ред.*

крупный план коленей итальянцев с детьми, черных лиц и защищающихся городских чиновников».

Общественное собрание 8 июня затянулось до 4 утра, новых спикеров вызывали по телефону для дачи показаний ночью. Глава комиссии по планированию Джеймс Фелт⁵⁸ будет вспоминать, что это собрание было «нереальным, похожим на сон»⁵⁹.

Накануне ключевых первичных выборов мэр Вагнер⁶⁰ попросил комиссию по планированию отозвать предложение, «чтобы не оставить часть Гринвич-Виллидж в лимбе». Но комиссия решила продемонстрировать свою независимость и на собрании 18 октября вынесла вердикт, что район действительно находится в упадке и нуждается в реновации. «Жители Виллидж, ведомые миссис Джейн Джекобс, — сообщила *The New York Times*, — повскакивали с мест и бросились к трибуне»⁶¹ с криками, что с застройщиком была заключена сделка, что мэра обманули, что решение комиссии неправомерно. Председатель Фелт постучал молоточком, требуя восстановления порядка, и вызвал полицию. Крики протеста только усилились. Фелт назначил перерыв, снова послал за полицией и вместе с другими членами комиссии покинул зал. Жители Вест-Виллидж остались на своих местах, скандируя: «Долой Фелта!» Когда позже Джейн упрекнул за их поведение, она спокойно ответит: «Мы вели себя не агрессивно, просто громко... Нами, леди и джентльменами, помыкали. Поэтому вчера мы громко протестовали»⁶².

В начале следующего года в ответ на неослабевающее давление жителей района мэр Вагнер в конце концов убедил комиссию по планированию взглянуть на вещи так же, как он, то есть так же, как Джейн; в информационном бюллетене Совета по городскому жилью и планированию, группы, поддерживающей комиссию, мэра назвали «уставшим отцом, который просил своего сына бросить барышню с сомнительной репута-

58. Джеймс Фелт (James Felt, 1903–1971) — крупный девелопер, филантроп, уроженец Нью-Йорка. Глава комиссии по городскому планированию при мэре Роберте Вагнере с 1956 по 1963 год. — *Прим. ред.*

59. «Report of the City Planning Commission on the Designation of the West Village Area», 18 октября 1961, p. 7.

60. Роберт Вагнер (Robert Ferdinand Wagner II, 1910–1991) — американский политик, трижды избиравшийся с 1954 до 1965 год мэром Нью-Йорка. Демократические праймериз 1961 года были особенно важны для Вагнера, поскольку именно на них пришелся пик внутрипартийного противостояния команды действующего мэра и городской партийной машины. Поражение Тамманихолл на этих праймериз, которого удалось добиться Вагнеру, подвело черту под существованием организации. — *Прим. ред.*

61. Edith Evans Asbury, «Plan Board Votes „Village“ Project; Crowd in Uproar», *New York Times*, October 19, 1961.

62. Edith Evans Asbury, «Deceit Charged in „Village“ Plan», *New York Times*, October 20, 1961.

цией»⁶³. Джейн посчитала, что район победил за «одиннадцать месяцев и десять дней после начала наших испытаний»⁶⁴.

Говорят, что учебники истории пишут победители. Но в этот раз проигравшие тоже сказали свое веское слово. В постановлении от 18 октября, вскоре отмененном мэром, председатель Фелт, расстроенный и обиженный событиями, которые и для него стали тяжким испытанием, выступил с длинной, обстоятельной, даже философской защитой действий комиссии. Позиция «в высшей степени искушенного и отчетливо выражающего свои мысли лидера оппозиции»⁶⁵, — писал он, основывалась на «двух предпосылках», и с обеими он не согласен. Первая заключалась в том, что ни комиссии по планированию, ни представителям власти в целом «нельзя доверять, нельзя верить в то, что они действительно сделают то, что, по их словам, намереваются сделать». Вторая предпосылка — что городское обновление и программы жилья по сути своей деструктивны, «и только местные жители, если позволить им действовать самим, без вмешательства правительства», могут обновить город. Это он называл «теорией невмешательства в городское обновление». Он был прав; Джейн и ее друзья более или менее говорили именно *это*. Сегодня, будь то к лучшему или к худшему — а возможно, и в равной степени, — обе предпосылки глубоко укоренились в американской общественной жизни.

Когда все закончилось, друг Фелта из Объединенного жилищного фонда, который способствовал строительству кооперативного жилья в бедных районах города, написал ему письмо с выражением симпатии и сожаления. Какая удача, писал он, что люди, подобные жителям Вест-Виллидж, никогда не пытались блокировать кооперативные жилищные комплексы, например те, что успешно построены в Нижнем Ист-Сайде: «Они находят красоту в цветных портъерах магазинов, за которыми живут цыгане, в старых магазинах одежды по обе стороны Гранд-стрит от Ист-Ривер до Третьей авеню. Способность этих людей находить красоту в квартирах с холодной водой и печами-буржуйками никогда не перестанет меня удивлять»⁶⁶.

63. *Housing and Planning News*, February 1962, p. 1; см. также: Edith Evans Asbury, «Board Ends Plan for West Village», *New York Times*, October 25, 1961; Martin Arnold, «Felt Set to Yield in „Village“ Fight», *New York Times*, January 17, 1962.

64. Jane Jacobs, «The Citizen in Urban Renewal: Participation or Manipulations», 21 февраля 1962 г., машинопись, Burns.

65. «Report of the City Planning Commission on the Designation of the West Village Area», October 18, 1961, p. 8.

66. Эйб [Абрахам Кейзн], из Объединенного жилищного фонда — Джеймсу Фелту, 18 декабря 1961 г., архив Goldstone, New York City Municipal Archives.

На открытой лекции Джейн, которая к тому времени уже вернулась в *Forum*, — а «Смерть и жизнь» ушла в печать, — говорила о слухах, «что я каким-то образом состряпала эту книгу на скорую руку в разгар борьбы в качестве программного документа»⁶⁷. Ей это отчасти даже льстило. «Хотелось бы мне так работать: и против города бороться, и одновременно книгу „стряпать“», — сказала она, но писать книгу — это долгая работа для одиночки, и это бесконечный разговор с самим собой. Только теперь она наконец-то может снова разговаривать с кем-то еще, кроме себя.

Очевидно, что она наслаждалась победой. «Она любила игру... мухлевать за правое дело», — писала Джейн Крамер в 1963 году в *The Village Voice*. «Она манипулирует, хотя и думает, что это ужасное слово». Может быть, Джейн любила жизнь на городской линии фронта больше, чем показывала; если она и не получала удовольствия от этих крадущих время гражданских войн, то, по-видимому, не очень-то и страдала. «Пока этого нельзя избежать, а избежать нельзя, если вы ответственный человек, нужно сражаться», — говорила она другому интервьюеру. Но «раз уж вы все равно это делаете, то можете решить хорошо провести время. Конечно, по-настоящему хорошо вы проводите время, если побеждаете»⁶⁸.

V. Ни единого воробья

Да, побеждать хорошо, но пройдет еще десяток лет, прежде чем Джейн и комитет Вест-Виллидж смогут записать на свой счет что-то вроде победы их радикально старомодного жилищного плана. Годами дома Вест-Виллидж, с тех пор как стал известен их план, будут сталкиваться с сопротивлением и саботажем, с реалиями жилищного рынка Нью-Йорка и его жилищным кодексом. Когда план наконец удался, Джейн давно уже уехала, и воплощение идеи в кирпиче и цементе можно будет посчитать только частичной победой.

Свои первые шаги на каменистом одиннадцатилетнем пути к воплощению дома Вест-Виллидж сделают в брошюре 1963 года, предназначенной для того, чтобы представить пуб-

67. Books and Authors Luncheon.

68. Wachtel, p. 53. См. также *Matter*, p. 82: «Сражения вроде этих — возмутительное посягательство на время и ресурсы горожан», их оправдывает только «превосходное времяпровождение в процессе и достойная месть негодьям в конце».

лике этот хитрый план: ряд стилизованных городских домов отпечатан на синей обложке⁶⁹. Внутри, на первой странице, рисунок — хрупкая птичка, изображенная тонкими линиями, такой же уважаемый местный житель, как и люди, пойманные в ловушку городского обновления, оказавшиеся лицом к лицу с угрозой потери своих домов и своего района. Но не в этот раз, клялась Джейн и ее соратники, не в Вест-Виллидж: «Ни одного человека — ни единого воробья — не переселят».

Группа Джейн недвусмысленным отказом блокировала начало реновации, абсолютно не желая принимать план городских властей. Теперь, имея на руках проект домов Вест-Виллидж, они отвергали обвинение в том, что стоят на пути необходимых улучшений. «Это показывает, что мы вносили конструктивные предложения», — сказала старая подруга Джейн Рашель Уолл, сыгравшая значительную роль в воплощении этого проекта⁷⁰. Конечно то, что они предложили, настолько отличалось от всего остального, было таким новым — и одновременно таким странным и *старомодным* — что когда предложение наконец дошло до городских властей, его высмеяли как возвращение к первобытному городскому прошлому. В некотором смысле так и было. Реклама в *The SoHo Weekly News* в 1974 году гласила:

ДОМА ВЕСТ-ВИЛЛИДЖ
...ПРОГРЕСС — НАША САМАЯ МЕНЬШАЯ ЗАБОТА

Обозреватель *New York Herald Tribune* сообщил, что «хотя миссис Джекобс отказывается комментировать план... К [домам Вест-Виллидж] можно отнести большинство опубликованных ею возражений против планов реновации в других районах». Разрушить весь район, чтобы начать с чистого листа? Нет, ответила Джейн, произвести отбор, сохраняя то, что следует сохранить, разрушая только то, что необходимо снести. Направить в район поток «катаклизмических» денег, как она это называла? Нет, скажет она в «Смерти и жизни», ограничиться малым. Снести многоэтажки XIX века, возвести модернистские высотки? Нет, любые новые здания должны сочетаться с масштабом и стилем окружающих домов. А самое главное, не надо выкидывать никого из дома: *ни единого воробья*. «Революционные в сво-

69. Брошюра была озаглавлена «The West Village Plan for Housing»; см. также *Transatlantic*, p. 187–191, 208–212; *Stern*, p. 249–251; интервью с Pearl Broder, Katy Bordonaro.

70. Jerome Zakowsky, «Villagers Want 5-Tier Walkups to „Save“ Area», *New York Herald Tribune*, May 6, 1963.

ей скромности», — назвала дома Вест-Виллидж в 1969 году обозреватель *Village Voice* Мэри Перо Николс⁷¹. Конечно, так и было задумано и исполнено.

Проект включал в себя 475 единиц жилья, побольше, чем жилье в проектах городских властей. Там не было эффективных квартир-студий — в Виллидж и так их хватало, — чаще всего это были семейные квартиры с одной-тремя спальнями. На каком углу или между какими двумя улицами встанут новые дома Вест-Виллидж? На этот вопрос трудно найти простой ответ. Сорок два дома собирались построить в семи местах, в шести кварталах Вашингтон-стрит от Мортонна до Банка — группу скромных строений, как на клетках «Монополии», упирающихся в углы земельных участков, вместо стоянки для грузовиков тут или руин старой фабрики там. Новое жилье восстановит баланс между жилой и коммерческой недвижимостью, который существовал до того, как здесь появилась надземная железная дорога для обслуживания прилегающих к району складских помещений (ныне ее северная часть стала линейным парком Хай-Лайн⁷²). Архитекторы разработали три простых плана зданий, и в разных комбинациях они должны были встроиться в остатки неиспользованной земли. Кроме того, оставалось место для садов, дворов, площадей; первые этажи отдавались маленьким магазинчикам. Ни один участок Вашингтон-стрит не будет в точности походить на другой, но и кардинально выделяться из Виллидж тоже не будет.

План предусматривал пятиэтажные здания с двумя квартирами на этаже без лифтов. «Опасность автоматических лифтов для детей — и взрослых — уже слишком хорошо известна, чтобы требовать объяснения», — говорится в голубой брошюре с намеком на новые высотные жилые комплексы. Дома Вест-Виллидж — дома без лифтов, наподобие того дома на 103-й Западной улице в Восточном Гарлеме, где вырос Натан Глейзер. Или того дома в Бруклин-Хайтс, где жили Джейн и Бетти⁷³.

71. Nichols.

72. Парк Хай-Лайн располагается на высоте 10 метров над землей над районами Челси и Митпэкинг, имеет длину более двух километров. Это одна из новых достопримечательностей Манхэттена. Начало строительных работ над парком относится к 2006 году, первая его очередь была пущена в 2009-м, завершение работ запланировано на 2018 год. В 2010 году проект парка получил награду Американской ассоциации ландшафтной архитектуры, схожий опыт благоустройства старых железных дорог внедряется в Чикаго, Филадельфии, Атланте, а также за рубежом. Архитектурное бюро, спроектировавшее парк, Diller Scofidio + Renfro, в 2013 году выиграло конкурс на дизайн ландшафтного парка «Зарядье» в Москве. — *Прим. ред.*

73. Но в письме Мирне Кац Фроммер и Харви Фроммеру 12 июля 2000 г., Burns, 1,

Дома Вест-Виллидж были основательными, в стиле XIX века. Расположенные вдоль авеню и по сквозным улицам Манхэттена, да и в других боро, здания без лифта были настоящим символом Нью-Йорка. Кроме того, утверждалось, что такие дома прекрасно подходят жителям Гринвич-Виллидж, для которых «подниматься наверх пешком считается здоровым и полезным развлечением».

Они это серьезно?

Реакцией городских властей на дома Вест-Виллидж стало непонимание вперемежку с гневом по поводу того, что именно Джейн и ее друзья имели наглость предложить Нью-Йорку. И конечно, на саму Джейн — Джейн Джекобс с Гудзон-стрит — смотрели как на зачинщика этого оскорбления городу и элементарнейшим заповедям современного городского планирования. Что, спрашивал анонимный автор одного из внутренних документов комиссии по планированию, стояло за этой сумасшедшей идеей? Во-первых, «хорошо разрекламированная „победа“»⁷⁴ комитета Вест-Виллидж, заблокировавшего реновацию. Во-вторых, предположение, что единственный способ улучшить район — сражаться с мэрией. В-третьих, «философская точка зрения самого громкого ее апологета, Джейн Джекобс», которая противостояла «большой тройке» планирования: городскому обновлению, переселению жильцов и возведению высотных зданий.

Этот член комиссии увидел в домах Вест-Виллидж то, чем они и являлись — образец для размещения нового жилья на островках почти не используемой или не занятой земли; вот в чем заключалось «заполнение», по мысли Джейн⁷⁵, не только в Гринвич-Виллидж, но и в городе в целом. И это продвинуло вперед общественное планирование, которое ранее было зациклено на районе, и таким образом, пожалуй, внушало больше доверия, чем любое правительство. Но хотя член комиссии был способен более-менее ясно обрисовать, на чем основан проект, относился к нему он враждебно. Да, проект не требу-

---

Джейн пишет: «В здании на Орандж-стрит не было ничего такого, что помешало бы установить маленький лифт», как это было сделано в ее соседней квартире, на Мортон-стрит.

74. «Analysis and Comments on the West Village Plan for Housing», без подписи и даты, City Planning Commission Papers, New York City Municipal Archives.

75. Дж. Дж. — Неду [Джекобсу] 11 февраля 2002 г., Burns: «Незаписанный основной пункт... заключался в том, что мы надеялись, что этот метод заполнения научит город новому и лучшему способу строить жилье — но его Ужасные Великие Мыслители были слишком глупые или подлые, или и то и другое, чтобы учиться».

ет переселения жителей, но придется переселить *нерезидентов*. Может быть, местные дальнобойщики и превратили прибрежные кварталы в разваливающийся бардак, но, как будет указано в последующих документах, маленькие компании с такими названиями, как *Empire Transfer* и *Arjay Consolidators*, успешно работали, перевозили товары вдоль всего Восточного побережья двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю⁷⁶. И они не горели желанием куда-либо переезжать, удобный доступ к шоссе Вест-Сайда делал это место, может быть, единственно подходящим на острове Манхэттен. С постройкой домов Вест-Виллидж им *пришлось бы* переехать, что могло многих вытеснить из бизнеса. Разве они не считаются?

План Вест-Виллидж, пишет другой анонимный недоброжелатель, «задумали в совершенной секретности» и составили из «не скрываемых даже попыток шантажа и угроз мести»⁷⁷. В этом плане совсем не предусматривался свежий городской ландшафт, всего лишь «наивное повторение в основном устаревших типов жилья — пятиэтажных домов без лифтов». «Авангардные атрибуты типа „человекообразности“ и „смешанного использования земли“» не делают его менее отсталым.

Эта критика — из самых взвешенных. Местный обозреватель новостей, Жанна Годвин, назвала план домов Вест-Виллидж («в котором явно чувствуется рука Джейн Джекобс»), «эпатажным и устрашающим»⁷⁸. «Ужасно», что любой может взять и предложить такое. Когда Фрэнк С. Кристоф из комиссии по жилью и реконструкции высказал свою позицию 25 июня 1963 года, он назвал план «самым невероятным предложением по строительству из всех, которые мы видели со дня принятия в 1879 году» многоэтажных «гантелей», построенных по старому закону⁷⁹. В пользу плана выдвигаются «абсурдные заявления и утверждения, замаскированные под факты, попытки подать очевидные недоработки как добродетели, лживые и вводящие в заблуждение искажения фактов».

76. Внутренний меморандум Теодора Берлина для Сэмюэла Йороффа, «Survey of West Village Housing Proposal Area», 18 ноября 1964 г., архив Ballard, Комиссия по городскому планированию, New York City Municipal Archives.

77. «Analysis and Comments on the West Village Plan for Housing», без подписи и даты, архив Комиссии по городскому планированию, New York City Municipal Archives.

78. Jeanne Godwin, «Tenement House Revival», *Co-op Contact*, newsletter, ca. 1963, архив Commissioner Goldstone, New York City Municipal Archives.

79. Фрэнк С. Кристоф, Внутренний меморандум, «The West Village Plan for Housing—Some Questions», 25 июня 1963 г., Комиссия по жилью и реконструкции, New York City Municipal Archives.

Архитектором плана Вест-Виллидж был тридцатисемилетний Рэй Матц⁸⁰, который разрабатывал в Уайт-Плейнс в штате Нью-Йорк, в составе чикагской компании *Perkins & Will*, альтернативу домам Девитта Клинтонна; в его плане тоже предполагались дома без лифтов, и его тоже осуждали за это. Теперь, в ноябре, Филип Уилл попытался в письме объяснить Уильяму Балларду⁸¹, главе комиссии по планированию, чего хотят жители Вест-Виллидж. В Чикаго Уилл сам входил в состав комиссии по планированию, и он словно предлагал: давайте поговорим как функционер с функционером. Перед ними — «классический пример конфликта между установленными правилами и практическими предложениями горожан»⁸². Возникла «редкая возможность экспериментировать и пробовать». Балларду следовало понять, что он «имеет дело с уникальным сообществом заинтересованных и решительных людей», знающих, чего хотят, и готовых добиваться желаемого, которые хотят «не только сохранить, но и улучшить образ жизни, казавшийся им столь полным и благоприятным». Они с Баллардом — *планировщики, члены городских комиссий* — могли все видеть иначе, говорил он, но те-то видят *именно так*. Если хочешь сохранить в городе средний класс, «следует с уважением выслушивать пожелания тех семей, которые мы хотим сохранить». Он надеялся, что Баллард найдет способ поддержать план Вест-Виллидж. «Результатом может стать прорыв в искусстве городского планирования».

Письмо Уилла заняло полторы страницы плотного текста. Ответ Балларда заключался в трех предложениях. Да, жители Вест-Виллидж «весьма настойчивы»⁸³. Однако в их идее есть

80. Рэймонд Матц (Raymond Matz, 1926–2016) — американский архитектор, родился в Нью-Йорке, принимал участие во Второй мировой войне, после которой с отличием окончил Корнелльскую университетскую школу архитектуры и немедленно был рекрутирован в крупнейшее в то время нью-йоркское архитектурное бюро *Perkins & Will*. Позднее основал собственное архитектурное бюро, в котором занимался проектированием как жилья, так и корпоративной недвижимости. Но самым значимым его проектом останутся дома Вест-Виллидж. — *Прим. ред.*

81. Уильям Баллард (William Ballard, 1905–1993) — американский городской планировщик, председатель комиссии по городскому планированию Нью-Йорка с 1963 по 1966 год. Один из соавторов масштабного плана по зонированию Нью-Йорка 1953 года, жесткий оппонент Роберта Мозеса по ряду его масштабных проектов и одновременно сторонник радикальной автомобилизации городов. — *Прим. ред.*

82. Филип Уилл-младший — Уильяму Балларду, 9 ноября 1964, архив Commissioner Goldstone Papers, New York City Municipal Archives.

83. Уильям Ф. Р. Баллард — Филипу Уиллу, 16 ноября 1964 г., архив Commissioner Goldstone Papers, New York City Municipal Archives.

«проблемы, которые требуют решения». Он передаст письмо Уилла другим членам комиссии. В следующем месяце Баллард написал комиссии по жилью и реконструкции, что предложение Вест-Виллидж просто «неприемлемо».

Это случилось в 1963 году. Прошли годы. Район продолжал давить. Вмешались политики. Был избран новый мэр, Джон Линдси. Перестраховщики из прошлой администрации сначала блокировали проект. Но когда ставленники Линдси объединили свои силы, план в итоге заслужил одобрение, как говорится в статье в *The New York Times* от 3 августа 1969 года: «Группа „Виллидж“ выиграла восьмилетнюю битву за постройку пятиэтажных домов без лифтов». Джейн, приехавшую на собрание комиссии по городскому планированию через неделю, приветствовали «громовой овацией стоя».

Дома построили. А как насчет мансардных крыш с раздвижными окнами во всю стену и потрясающим видом, которые фигурировали в первых набросках? Эта и другие задумки из первоначального проекта по большей части пропали. Годы сражений взяли свое. Политики, резкий рост темпов инфляции, оппозиция городу — *принципиальная* оппозиция, надо сказать — и долгие годы стесали некоторые дизайнерские особенности и выкрутасы. Результатом, как говорится в одном тексте, стали «простые кирпичные здания с пробитыми маленькими окошками, покрытые плоскими крышами и украшенные редкими оконными ящиками с цветами»⁸⁴. Это были плохие новости.

Хорошие новости заключались в том, что свою социальную задачу эти дома выполняли.

Перл Бродер, которая въехала туда со своей дочерью в 1978 году, вспоминает, что Вест-Сайд, втиснутый вдоль реки, ощущался «краем земли»; она говорит с точки зрения жительницы Манхэттена, так что десятиминутную прогулку до бакалейной лавки можно было считать походом через Сибирь. По большей части в тех домах тогда жили гомосексуалы. Окрестности были «увядавшими, но все же восхитительными»; столь привычная сегодня джентрификация — новые высотки, дорогие кондоминимумы — пришла позже. Она любила там бывать. «Я бы не смогла жить на Манхэттене, если бы не это», — говорит она.

Каковы бы ни были эстетические неудачи, дома Вест-Виллидж были хорошим местом для жизни, со светлыми комната-

84. Дома Вест-Виллидж, пишет Майкл Соркин в *Two Critics*, «ненавязчиво встраиваются в плотную ткань окружения. Благодаря их заботливой интеграции мы наблюдаем образцовый городской ландшафт».

ми приличного размера, в некоторых прямо во дворе был сад, а на этаже еще лишь только одна квартира; всего десять-двенадцать квартир во всем здании; таким образом, вы знали всех своих соседей. «Люди, живущие на верхних этажах, находятся в хорошей форме и живут дольше нас!» — говорит Кэти Бордоноро, еще одна давняя жительница района, которая живет с мужем в одной из квартир с садом. Эти квартиры чудесны, но немного темноваты, в то время как квартиры на верхних этажах, если подняться по чистым, хорошо освещенным лестницам, заполнены светом, и там прекрасные виды на Вест-Сайд и реку.

Прогуляйтесь по Вашингтон-стрит сегодня, и вы можете и вовсе не заметить дома Вест-Виллидж; они прямая противоположность «стархитектуре»⁸⁵. Может быть, вы не похвалите их неэлегантный, примитивный вид. Но для тысяч населяющих их жителей и для соседей они воплощают многие идеи Джейн относительно жилья для среднего класса. Ничего не сносили. Никого не выставляли за дверь. Своего рода сенсация — если можно так сказать о столь скромном достижении.

И победа.

---

85. Игра слов, *star* — звезда, *architecture* — архитектура; стархитектурой называют в Америке дома, построенные знаменитыми архитекторами. — *Прим. пер.*

Глава 16

Обед в Белом доме

1. Приятный разговор минут на девять, дорогая

ПОСЛЕ выхода «Смерти и жизни» друзья Джейн и ее знакомые, ее опыт, личный и профессиональный, повседневный ритм — все перевернулось с ног на голову. Спустя год после возвращения в начале 1961 года в *Architectural Forum* «их терпение (и мои деньги) безоговорочно заканчивались»¹, как она написала Эпштейну. Новому редактору, Питеру Блейку, она сообщила, что в конце мая собирается уйти насовсем. Теперь и всю оставшуюся жизнь Джейн работала только сама на себя, самостоятельно распоряжалась своим временем, несла ответственность в основном перед самой собой. С одной стороны, ее обыденная жизнь обеднела и больше не подпитывалась общением с коллегами по журналу; с другой стороны, она стала шире, вышла за границы Гудзон-стрит и Рокфеллер-центра. В ежедневнике 1964 года записаны обеды со старыми друзьями, такими как Керк и Хаскеллы, а также обед по поводу вручения премии Хиллмана² в Виндзорском бальном зале отеля «Коммодор»³; встреча с писательницей-феминисткой Бетти Фридан; на полях — телефонные номера радикального активиста Саула Алинского⁴ и мэра Джона Линдси⁵. Она встретилась

1. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 9 января 1961 г., архив Random House, ColumbiaRare.

2. Ежегодная премия фонда Сидни Хиллман, присуждаемая за достижения в журналистике. Джейн Джекобс получила премию за «Смерть и жизнь» в 1961 году. В денежном выражении она составляет 5000 долларов. — *Прим. ред.*

3. Ныне отель сети *Hyatt*, с 1977 по 1993 год одним из его совладельцев являлся Дональд Трамп. — *Прим. ред.*

4. Саул Алинский (Saul Alinsky, 1909–1972) — американский общественный деятель, журналист, идеолог контркультуры 1960–1970-х годов. Автор популярной в 1970-е годы книги «Правила для радикалов» (*Rules for Radicals*, 1971). — *Прим. ред.*

5. Джон Линдси (John Vliet Lindsay, 1921–2000) — американский политик, член Палаты представителей США от штата Нью-Йорк (1959–1965), 103-й мэр Нью-Йорк

с Джоном Холтом⁶, чей бестселлер 1964 года «Причины детских неудач» (*How Children Fail*), должен был привлечь ее внимание. Джейн выходила на национальную и мировую сцену, от творчества ее отвлекали не только битвы за Вест-Виллидж, но и новые перспективы и опыт, которые она едва могла представить себе еще несколько лет назад.

В 1963 году Джейн написал архитектор Нориаки Курокава⁷ из Токио, который за год до этого начал работать над японским переводом «Смерти и жизни». Ваша книга, почтительно начал он, «нам, японцам, тоже понятна», но по некоторым пунктам требовалось пояснение⁸. Например, Джейн отмечает, что уличное освещение не так уж препятствует преступлениям. «Уличные огни, — писала она, — могут быть подобны пресловутому камню, падающему в пустыне, где нет ушей, чтобы услышать падение». То есть это риторический вопрос: если на улице нет глаз, способных увидеть, освещает ли что-то уличный свет? «Что означает „пресловутый камень“? — спросил Курокава. — У него есть какое-то особенное значение? Или [это] по-словница?» Еще он хотел знать, что такое площадка для игры в бочке, и кто те «извращенцы», которые захватили Вашингтон-сквер в Филадельфии.

В ответе Джейн написала несколько советов, как Курокава может справиться с культурным разрывом между языками. Что касается «извращенцев», объясняла она в июльском письме 1963 года, имелись в виду «ненормальные, как правило, в плане секса, люди; я употребляю это слово в отношении агрессивных и нахальных гомосексуалов, которые неприятны или даже, возможно, пугают нормальных людей».

ка (1966–1973), в 1971 году перешел из республиканцев в демократы, кандидат в президенты США. — *Прим. ред.*

6. Джон Холт (John Caldwell Holt, 1923–1985) — американский педагог и публицист, сторонник домашнего воспитания и критик школьного образования, идеолог «анскулинга» и борец за права детей. — *Прим. ред.*

7. Кисе Нориаки Курокава (Kisho Noriaki Kurokawa, 1934–2007) — японский архитектор, теоретик архитектуры, член так называемой группы архитекторов-метаболистов, противопоставлявших свое творчество господствовавшему в середине XX века функционализму, и интерпретировавших архитектурную форму как живой организм. Курокава спроектировал множество известных зданий, среди них проект «Зенит-Арены» в Санкт-Петербурге, но архитектурную славу ему принесло здание международного аэропорта в Куала-Лумпуре (1998). Автор ряда теоретических работ, в частности «Метаболизм в архитектуре» (*Metabolism in Architecture*, 1977) и «Философия симбиоза» (*The Philosophy of Symbiosis*, 1994). — *Прим. ред.*

8. Нориаки Курокава — Дж. Дж., 10 июля 1963 г., ответ Дж. Дж. от 30 июля 1963 г., Burns, 1:14.

Конечно, в финальном переводе Курокава не обошлось без ошибок. Вместо «грабежа» вышло «превышение полномочий», «глазированные кондитерские изделия» в Рокфеллер-центре превратились «замороженные пироги»⁹.

Британскому издателю «Смерти и жизни больших американских городов» название показалось неподходящим для его читательской аудитории, и он обратился к Джейн с просьбой найти другое. «Я думала назвать книгу, например, «Планы наперекосяк»¹⁰ или «Секреты улиц», — ответила Джейн в марте 1962. — Звучит ужасно. Может быть, лучше всего оставить американское название по умолчанию, если нет других причин»¹¹.

Так они и сделали.

В начале весны 1962 года по «Смерти и жизни» уже учились в студии Гарвардской высшей школы дизайна¹². Весной 1963 года экзамены середины семестра одного гарвардского семинара, «Визуальная оценка городской среды», проводились на основе книги Джейн.

«У меня для тебя есть отличные новости», — написала Джейн матери в 1964 году¹³. Ей позвонила Лиз Карпентер, а потом еще и прислала официальное приглашение в Белый Дом на обед с первой леди Бёрд Джонсон. «Я сказала Бобу, что ты сразу же подумаешь: „Что она наденет?“ Верно? Это была моя первая мысль. Думаю, придется надеть платье, оно мне в любом случае нужно».

Как рассказывали через несколько лет, Джейн посоветовали: «Дорогуша, миссис Джонсон будет рада приятному разговору об облагораживании улиц минут на девять»¹⁴. Джейн сказала, что с удовольствием поговорит девять минут, но не об облагораживании. 16 июня 1964 года в Восточном крыле Белого Дома

9. Интервью с Тошико Адильман.

10. Аллюзия на стихотворение Роберта Бёрнса *To a mouse*: «The best-laid schemes o' mice an' men gang aft agley», дословно: «Лучшие планы мышей и людей / Часто идут наперекосяк». — *Прим. пер.*

11. Дж. Дж. — Тому Машлеру, 29 марта 1962 г., Burns, 1:14.

12. Laurence, «Contradictions and Complexities», p. 59.

13. Дж. Дж. — миссис Батцнер, стоит почтовый штемпель 7 июня 1964 г., Burns, 23:6. Джейн написала и брату Джону новости о том, что она назвала своим «таинственным поручением — первая встреча с целевой группой президента Джонсона по Сохранению красоты! Мне не нравится отнимать время, но мне любопытно [и] тяжело отказать, не показавшись грубой» (Дж. Дж. — Джону и Пит, 28 июля 1964 г., архив Декера Батцнера).

14. *Matter*, p. 22.

на Пятом ежемесячном обеде активных женщин — вот как это называлось — Джейн говорила о «нашей глубокой потребности в индивидуальности, удобстве, визуальном удовольствии и витальности». Их она рассматривала вместе как «благоустройство», которое следовало *поддерживать*¹⁵. Для благоустройства нужны люди, чтобы чистить, ремонтировать и ухаживать — нужна поддержка, а не капитальные расходы. Сейчас же, однако, городам проще все разрушить, а потом влить деньги, чтобы создать что-то новое и большое — уничтожить «хорошее вместе с плохим, красивое вместе с уродливым и продуктивное вместе с непродуктивным». Города, заявила она, нищают из-за капитальных улучшений!

«Я попыталась достучаться до этих женщин, — признается Джейн потом, — вовсе не вдохновляющей чепухой о тюльпанах»¹⁶.

Заканчивалась зима 1964 года. В *Lion's Head*, местном баре, служившем штаб-квартирой борьбы против городского обновления, Джейн «взял за пуговицу» Леон Сейдель, владелец бара. Другу-фотографу по заданию в *Esquire* надо было сделать фотографии матерей с их сыновьями. Этим фотографом была сорокаоднолетняя Диана Арбус¹⁷, тогда еще только на пути к художественному Олимпу. Она получила премию Гуггенхайма, преподавала в местных колледжах, до первой ее большой выставки в Музее современного искусства оставалась еще пара лет¹⁸. Ей очень важно выполнить задание для *Esquire*, сказал Сейдел. Не согласится ли Джейн, чтобы Арбус ее сфотографировала? Конечно, ответила та.

Большая ошибка.

Арбус была не из тех заурядных «объективных» регистраторов визуального мира. Она станет известна своими фотографиями гигантов, карликов и фриков, тщательно собранных в странные композиции, которые, как она считала, показывают больше, чем ее модели или зрители могли себе представить.

15. *Matter*, p. 59.

16. *Ibid.*, p. 22.

17. Диана Арбус (Diane Arbus, 1923–1971) — американский фотограф, классик документальной фотографии. Кроме *Esquire*, Арбус в 1960-е годы работала с *Harper's Bazaar*, а также *New York Times*, *Sports Illustrated*, *Show*, *Herald Tribune*, *Sunday Times Magazine*. Признание Арбус принесла коллективная выставка «Новые документы» (*New Documents*, 1967) в нью-йоркском Музее современного искусства, которая перевернула мир фотографии. — *Прим. ред.*

18. Richard Soren, «Jane Jacobs on Diane Arbus», интервью, отредактированное для неизвестной публикации, *Burns*, 43:6. Фотография вышла в июльском номере *Esquire* за 1965 год.

Портрет Джейн и ее сына Неда не стал исключением. «Она была крайне сосредоточена и действовала очень обдуманно, — вспоминала Джейн, — вкладывала невероятно много усилий, чтобы получить именно то, чего она хочет». В какой-то момент Арбус приказала Джейн вернуться домой и надеть плащ, и «сказала мне, как я должна его застегнуть. Она взглянула на нас обоих и решила, что мне нужно надеть перчатки». И неважно, что перчатки были не по сезону.

Арбус поставила их в маленький дворик за домом на Гудзон-стрит. «Это было довольно сложно. Ноги должны стоять именно так. Руки должны лежать именно так». В конце концов, Арбус начала щелкать.

Если вы ждете лести, не дождетесь. Джейн запомнилось, что она чувствовала себя так, будто ею, «застегнутой на все пуговицы и закутанной», воспользовались. Она стоит прямо перед камерой, практически связана своим плащом, выглядит неряшливо и неуклюже, Нед изогнулся рядом с ней, обнимает ее одной рукой, оба — перед деревянной изгородью. По стандартам семейной съемки это была катастрофа.

Но это, конечно, не семейная съемка; это Искусство.

II. Обсидиановые дни

«Как вы знаете, — писала Джейн новому редактору *Forum* Питеру Блейку, когда покидала издание, решение уйти вызвано не недовольством журналом, — скорее мне не терпится приступить к другой работе, другой книге, которую я хочу написать о городах»¹⁹.

Речь шла об «Экономике городов», вышедшей в 1969 году.

Но очевидно, что некоторое время было неизвестно, каким будет следующий проект. После разговора с ней в начале 1962 года Чедберн Джилпатрик уходил от нее в уверенности, что она летом хочет закончить детскую книжку, а потом посвятить «всю свою энергию исследованию... гражданского активизма»²⁰. Детская книжка выйдет через много лет. Исследование гражданского активизма, что бы это ни значило, не выйдет никогда.

Джейн рассказала об идее «Экономики городов» в разговоре с подругой, Робертой Брандес Гратц, годы спустя:

19. Дж. Дж. — Питеру Блейку для служебной записки, 29 марта 1962 г., HaskellPar.

20. Доклад Чедберна Джилпатрика, 8 февраля 1962 г., Rockefeller.

Пока я писала «Смерть и жизнь больших американских городов», мне стало ясно, что если экономика города приходит в упадок, то городу конец. Не важно, что есть в городе, какие великие храмы там стоят, насколько красив пейзаж, прекрасны люди, да что угодно еще — если их экономика не работает. Если в населенном пункте живая экономика и он в состоянии ее поддерживать, то возможно практически все²¹.

А если нет, то ничего не возможно.

Но что тогда считать здоровой городской экономикой?

Может показаться, что Джейн отвернулась от улиц и тротуаров, которые питали ее и сделали первую книгу такой запоминающейся, посвятив себя вместо этого бескрайнему полю экономики, заведомо «мрачной науки», вступая в ее мертвящий ландшафт кривых спроса и предложения и предельного дохода.

На самом деле новую книгу лучше рассматривать как продолжение «Смерти и жизни» — как акцент на смерти и жизни, на падении и подъеме, разрушении и созидании, на обществе в целом. Почему одни города приходят в упадок, а другие процветают? Однажды она заметила: «Можно сказать, что меня озадачивал вопрос „смерти и жизни“»²². Вот что всегда ее интересовало, начиная с той просьбы отца посмотреть, внимательно посмотреть на живое дерево. «Жизнь самоценна», — цитировала она Оливера Уэнделла Холмса-младшего в «Смерти и жизни»²³. Какое-то время она называла новую книгу «Города и работа: Экономические принципы роста городов». Ее вдохновляло

...искреннее и неисчерпаемое любопытство относительно причин жизнестойкости больших городов. В конце концов, это самые долговечные населенные пункты. Они существуют дольше наций и правительств, частью которых являются. Они переживают все виды институций, бизнесов и людей, которые, как кажется, их составляют. Они переживают вторжения, революции, физическое уничтожение и нищету²⁴.

Даже Хиросима и Дрезден, отметила она, вернулись к жизни. С другой стороны, она видела, как чахнет Скрантон, и непосредственно наблюдала жалкий маленький кусочек экономической жизни, которым был Хиггинс в Северной Каролине. Она

21. «Jacobs Tare», Burns, 22:5.

22. *Matter*, p. 12.

23. *Смерть и жизнь*, с. 16.

24. Черновик книги от ноября 1963 г., в то время озаглавленной «Города и работа: Экономические принципы городского роста», Burns, 8:2.

знала бурную, триумфальную жизнь нью-йоркских улиц, общества, экономики и многого другого. Эти примеры преследовали ее и не отпускали.

В одном из первых черновиков новой книги Джейн писала: «Самый простой смысл — самый захватывающий: нет причин стагнации. Нет причин бедности. Есть только причины роста»²⁵. Как будто она говорила о физике, одном из самых почитаемых и твердо установленных принципов, втором законе термодинамики: если оставить все как есть, то все скользит по наклонной, разрушается на части. Не *обязательно* будет скользить по наклонной, не *всегда* разрушается, но без прилива внешней энергии это неизбежно. Упадок естественен, тогда как зарождение и рост нуждаются в свежей энергии. Стагнация в Скрантоне и нищета в Хиггинсе были в природе вещей. Вопрос в том, как объяснить те моменты в пространстве и времени — Амстердам XVII века, Чикаго в 1880-е годы, Лондон большую часть XIX века, Силиконовую долину, части Китая сегодня — когда все бьет ключом и процветает?

Сначала новая книга шла с трудом. Битвы за Вест-Виллидж, как она прикинет потом, стоили ей двух лет жизни. С успехом «Смерти и жизни» пришли новые возможности, новые соблазны и новые обязательства, и они постоянно угрожали отвлечь ее от работы. Нет, писала она вице-президенту Брауновского университета Джону Элмендорфу в августе 1962 года, она не может принять его приглашение стать членом университетского совета в предстоящем академическом году. «Мне надо прекратить болтать и начать работать»²⁶. Ей нужно было подготовить два выступления, и она «все бы отдала за возможность избавиться» от них. «Пока я не занимаюсь исследованиями и размышлениями, я всего лишь повторяю себя, а это почти невыносимо скучно».

В сентябре она написала своему японскому переводчику, Нориаки Курокава. Он предполагал, что для японских читателей полезным дополнением к тексту могут быть фотографии. Без проблем, ответила Джейн, но если он хочет, чтобы она собирала фотографии, то ничего не выйдет. «Я уже так страшно опаздываю и отстаю от плана работы над другой книгой, которую я должна закончить, что не смогу найти время, чтобы отыскать правильные»²⁷. За много лет она напишет десятки писем

25. Декабрьский черновик 1964 г., Burns, 8:2.

26. Дж. Дж. — Джону Элмендорфу, 24 августа 1962 г., Rockefeller. Копия отправлена Чедберну Джилпатрику.

27. Дж. Дж. — Нориаки Курокава, 3 сентября 1963 г., Burns.

с просьбой *не звать ее* выступить на панельной дискуссии, прочесть лекцию, написать предисловие или проделать какую-то другую рутинную работу, утомительную для нее — или, в немногих случаях, не утомительную, но тем не менее отрывающую ее от книги.

В том же письме матери в 1964 году, где она писала о приглашении в Белый дом, она добавила: «я все еще корплю над моей книгой, продвигаюсь вперед, надеюсь, но мне с ней *так тяжело*. Иногда я удивляюсь, как я вообще заварила эту кашу?»²⁸

По меньшей мере отчасти «кашей» она обязана «Смерти и жизни», успех которой дал ей путевку в новую жизнь. В октябре 1961 года после презентации книги Чедберн Джилпатрик написал Джейн, что они с женой хорошо провели время. «Мне она тоже понравилась, — ответила Джейн. — Никогда ее не забуду»²⁹. Да и как забудешь то, что обрушилось на нее в те месяцы? Можно проследить творческую биографию Джейн по тому, *о чем* она писала — от подростковых стихотворений о герлскаутах и пирате Черной бороде до пропаганды американского образа жизни, от архитектуры больниц и школ в *Forum* и так далее. Но «Смерть и жизнь» представляет собой настоящий сейсмический сдвиг — не темы, но жанра. Теперь она писала *книги*, и в основном только книги. Когда-то все, что она хотела сказать, выходило в скромных статьях, наподобие тех, что она писала для *Vogue* или *Forum*. Но теперь и всю оставшуюся жизнь любая тема, которую Джейн потрудились обдумать, могла выйти в виде книги. После того последнего года в *Forum* вся ее предыдущая работа была во всех смыслах закончена. Теперь она работала только на больших холстах. В предисловии к изданию «Смерти и жизни» 1992 года она написала, что каким бы ни было влияние книги на общественность, она «повлияла на меня и вовлекла меня в работу, которая длилась всю мою последующую жизнь».

Теперь она работала более длинными периодами — годы вместо дней и недель, закапываясь в работу надолго, посвящая себя масштабным идеям — нащупывая, сражаясь и потом, после пяти или десяти лет — представляя книгу. Что-то помимо этого — краткое эссе, письмо редактору, публичное заявление, на-

28. Дж. Дж. — миссис Батцнер, почтовый штемпель 7 июня 1964 г., Burns, 23:6.

29. Дж. Дж. — Чедберну Джилпатрику, 13 октября 1961 г., Rockefeller. Через две недели она снова написала Джилпатрику: «Вчера увидела первую опубликованную рецензию, необычное ощущение. Она была напечатана в ноябрьском *Atlantic* и была хорошей».

сколько бы ни казалось кому-то просто еще одной «творческой работой», для Джейн теперь означало нежелательный перерыв. В сентябре 1963 года она ответила Дэвиду Гурину, молодому планировщику, с которым дружила, на предложение отправить ему отрывки из ее книги в качестве статьи для журнала, в котором он был редактором. Нет, спасибо, сказала она: «Мне нужно думать о ней и работать над ней как над совершенно цельной книгой»³⁰. Писать книги — большие и цельные, одна за одной, год за годом — вот какой была «работа, которая продлится всю последующую жизнь».

Над книгой, которой суждено было стать «Экономикой городов», Джейн работала от случая к случаю, как придется. «Я все еще удручающе и невыносимо медленно работаю, — писала она Джейсону Эпштейну 3 марта 1966 года, — но дело будет сделано. Я достигла состояния, когда новые идеи встают на свои места и ставят на место более старые, вместо того чтобы еще больше кипятить котелок сомнений — такая мука»³¹. Теперь, больше чем через четыре года с тех пор, как она задумала книгу, та «мало походила задуманное мной, когда я впервые беззаботно объяснила ее вам и себе». Она приложила содержание книги из двенадцати глав и трех частей. «Я не думаю, что что-то еще изменится, так что вы можете получить некоторое представление о том, чего можно ожидать».

Конечно, она изменилась, но теперь Джейн пришла к замечательному выводу, которого будет придерживаться до конца и достаточно его развернет, чтобы испытать отрывок на Джейсоне и его жене Барбаре, редакторе *The New York Review of Books*. Барбара Эпштейн³² написала в ответ, что это «прелестно» и она хотела бы опубликовать это в *Review*³³. Отрывок назывался «Сначала города, потом развитие сельских районов» и стал частью первой главы³⁴. В нем Джейн вдохнула жизнь в выдуманный город, Новый Обсидиан.

Когда-то, много лет назад, люди были охотниками-собира-телями. Они жили маленькими группками, охотились на жи-

30. Дж. Дж. — Дэвиду Гурину, 4 сентября 1963 г., архив Дэвида Гурина.

31. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 3 марта 1966 г., архив Random House, ColumbiaRare.

32. Барбара Эпштейн (Barbara Epstein, 1928–2006) — американский журналист, литературный редактор, сооснователь *The New York Review of Books*, в котором работала редактором 43 года со дня основания до самой смерти. С Джейсоном Эпштейном она разведется в 1990 году. — Прим. ред.

33. Барбара Эпштейн — Дж. Дж., 9 сентября 1966 г., Burns, 2:8.

34. См.: Джейн Джекобс, *Экономика городов*, глава 1. Ее новый проект, «который меня искренне радует, это воображаемая история первого в мире города» (Дж. Дж. — Джону и Пит, 28 июля, 1964 г., архив Декера Батцнера).

вотных, собирали орехи и ягоды, выживали за счет того, что могли собрать в дикой природе. Так человечество существовало тысячелетиями. Тогда, десять или двенадцать тысяч лет назад — в этой цифре, по крайней мере, ученые не слишком расходятся — люди начали одомашнивать животных, сеять и собирать урожай. С развитием сельского хозяйства, гласит история, появлялись стабильные и устойчивые сообщества, а с ними ремесла, разделение труда, сложная организация общества, и в конце концов города. Короче говоря: сначала сельское хозяйство, потом городское развитие.

Джейн так не считала. «Наши представления о развитии городов и в целом о развитии экономики были искажены догмой о примате сельского хозяйства. Я намерена доказать, — писала она в „Экономике городов“, — что эта догма так же старомодна, как и теория спонтанного зарождения жизни», как идея о том, что, например, личинки, размножающиеся в гнилом мясе, появляются на свет из ничего. Это был «рудимент додарвиновской истории науки, переживший свое время». Джейн собиралась развить совершенно противоположную точку зрения, которая покажется некоторым «радикальной и возмутительной»: сначала возникли города, а из них — сельское хозяйство.

Чтобы проиллюстрировать эту идею, она создала сначала в своем воображении, потом для своих читателей Новый Обсидиан, расположенный на Анатолийском плоскогорье в Турции рядом с настоящим городом, Чатал-Хююком, руины которого были обнаружены британским археологом Джеймсом Меллартом за несколько лет до того. Обсидиан, конечно, был вполне реальным — твердое черное стекло, возникающее в результате вулканической активности, по некоторым характеристикам близкое к стали. Из него делались первые, самые острые орудия, ножи, наконечники стрел и копий, а также, поскольку он был сверкающим и гладким, из него делали еще и зеркала. Торговля была известна там как минимум в 9-м тысячелетии до н. э. — между охотничьими группами в маленьких поселениях. Одним из таких поселений как раз и стал Новый Обсидиан, зарождавшийся город — такова реконструкция Джейн.

На протяжении двадцати страниц рукописи мы видим, как город растет. Растет его население. Жители достигают успехов в ремеслах. Приходят торговцы издалека, чтобы обменять товары с собственных охотничьих угодий на вулканическое стекло. Подобным образом торговцы из Нового Обсидиана, с вулканическим минералом для обмена, торгуются за медь, раковины и красители. В обоих направлениях предметом торговли служат не скоропортящиеся продукты, особенно живые

животные и твердые семена. Со временем каких-то животных одомашнивают. Какие-то семена, не употребленные в пищу, высеваются — сначала бессистемно, а со временем — с терпением и уходом. Под внимательным наблюдением местных жителей гибриды, скрещивания и мутации приводят к лучшим, более обильным урожаям, превосходящим урожаи диких штаммов. Все это происходит в относительно безопасных, защищенных районах зарождавшегося города. «Важной предпосылкой является экономическое процветание. Хотя для селекции необходимо время, сама по себе она не гарантирует выведения культурных растений». Но вместе все работает. Сельское хозяйство, каким мы его знаем, пришло в Новый Обсидиан.

Но изначально там был сам город.

С таким же успехом, допускала Джейн, она могла бы выбрать центр производства меди на Кавказе или прибрежный город, в котором развивалась торговля морскими раковинами. Но в любом случае речь шла о том, что основа сельского хозяйства — города. Конечно, она писала не просто о сельском хозяйстве, не просто о городах. Она писала о волнах экономического роста.

III. Разноцветные мечты

В начале 1967 года приглашения прочитать речь в Ганновере (ФРГ) и в Лондоне впервые в возрасте пятидесяти лет выманили Джейн из Северной Америки. Она почти месяц путешествовала по Европе и показала себя страстным туристом, а в письмах домой — одаренным рассказчиком. А может, и того больше: она казалась более свободной, словно Европа, вдали от требований книги, освободила ее и позволила разглагольствовать о чем угодно, что привлекло ее глаз. Это были не бессодержательные наброски в открытках, а маленькие жемчужины репортажа и воспоминаний, которые вместе рисуют свежий и живой портрет Джейн в новых обстоятельствах³⁵.

Она писала о своей борьбе с незнакомыми иностранными валютами; о коротких юбках, которые носят англичанки; о большой больнице с остекленными внешними террасами, спроектированной финскими архитекторами, о чистой, опрятной и ухоженной Дании: «Когда в нашей гостиной сде-

35. Письма Джейн домой из Европы хранятся в: Burns, 4:7. Некоторые цитируются в *Matter*, p. 87–96. К ним я добавлю номер страницы. Для тех писем, которых там нет, я укажу дату письма и откуда оно прислано.

лали генеральную уборку, она стала очень похожа на Данию»³⁶. В одном клубе она заметила, что датчане любят джаз. «Но танцоры, — жаловалась она, — слишком вялые, неизобретательные и стеснительные. Хотелось бы мне, чтобы они увидели американцев, танцующих как мартышки». Она посетила много мест и познакомилась с множеством людей, но явно скучала по дому. «Надеюсь, вы получаете мои письма, — писала она из Амстердама Бобу, Неду и Мэри (Джимми был в колледже). — Я так часто о вас думаю»³⁷. Когда она приехала в Лондон, то с явным удовольствием отметила, что разница во времени с семьей в Нью-Йорке теперь составляет всего пять часов, а не шесть.

25 января, через неделю после начала путешествия, Джейн написала длинное письмо домой из поезда в Венецию. Она выступила с докладом в Ганновере, который она нашла симпатично перестроенным после военной разрухи. Франкфурт, напротив, неприятно поразил ее — «грязный, аляповатый, уродливый и выглядит просто захудало»³⁸, его реабилитирует только восстановленный дом Гете, в музыкальной и игровой комнате которого она увидела старые пианино, часы и шахматные доски. «В этом доме можно поиграть в шахматы почти везде, где бы вам ни захотелось!»³⁹ Из окна самолета, летевшего из Франкфурта в Милан, она впервые увидела Альпы. «Покрытые снегом, дикие, красивые и невероятные: пики, долины, ледники и, наконец, озеро на границе между Швейцарией и Италией»⁴⁰. Но Милан был закрыт туманом, поэтому вместо него они приземлились в Генуе, и теперь Джейн растянулась на трех сиденьях почти пустого купе первого класса, направлявшегося в Венецию.

На следующее утро, обосновавшись в отеле, попивая кофе в комнате после завтрака, она думала о своем вчерашнем прибытии ранним утром. Когда она приехала, стоял туман — «достаточно густой, чтобы усилить ощущение тайны и красоты»⁴¹. Она сошла в Риальто, носильщик сопровождал ее по Венеции до отеля, водрузив ее чемодан на голову. «Эта прогулка по улицам была восхитительной, в тишине и тумане; по лабиринту изумительных аллей, ступеней, мостов, площадей, потаенных уголков, населенных только кошками».

36. Копенгаген, 21 января 1967 г.

37. Амстердам, 30 января 1967 г.

38. *Matter*, p. 87.

39. *Ibid.*, p. 88.

40. *Ibid.*, p. 88.

41. *Ibid.*, p. 89.

Ей понравился этот день в городе. «Я провела большую часть вчерашнего дня, гуляя по улицам», которые ей нравились больше легендарных каналов, «и едва могла остановиться». Потом, ближе к ночи, «в город вернулись кошки и туман, а немногочисленные люди ушли, и многие из них пели, прогуливаясь. Этот город такой красивый, что почти разбивает сердце».

Через два дня она была в Париже и написала в этот раз только Мэри, поблагодарив ее за «милое, чудесное письмо. Я была так рада его получить, что прочитала его раз десять»⁴². Она рассказала Мэри об улице вдоль реки, где продавались птицы, золотые рыбки и черепахи. «Вся улица квартал за кварталом напоминала большой, веселый зоомагазин. Я видела церковь с витражными стеклами такой красоты, словно стоишь внутри драгоценного камня». Она пообещала сберечь монетку из каждой страны, в которую съездила; потом она попросит Джими просверлить дыру в каждой монетке, чтобы сделать из них ожерелье или браслет.

Через неделю она оказалась наконец в Лондоне. Гуляла по городу, посетила Тауэр, потом ее пригласили в «один из тех великих знаменитых лондонских клубов что-нибудь выпить»⁴³. Это был мужской клуб, но он открывал свои прославленные двери женщинам «на час по пятницам. Они решили на этот радикальный эксперимент всего пять лет назад!» Что ж, она увидела внутренние помещения — «что за дворец, что за убежище» — но не видела его членов. «Очевидно, они все испарились, когда пришло время еженедельного эксперимента. Кроме нас с Биллом и слуг в зале не было ни души».

7 февраля на собрании Королевского института британских архитекторов Джейн прочитала последнюю речь по своему расписанию: незавершенная работа, набросок «Экономики городов» — как некоторые города начинают процветать? Один из способов: продукт или услуга, «произведенная для внутреннего рынка [города], поставляется на внешние рынки». Показательный пример: производители одежды на лондонской Карнаби-стрит, годами обслуживавшие только местных, стали в начале 1960-х иконой современной моды. Такое преобразование, «переход» от внутреннего рынка к экспорту, представляло собой один из путей динамичного развития экономики.

«Последняя речь!» — написала она на следующую ночь после того, как все закончилось, и испытала «такое облегчение, что все кончено. Теперь я чувствую себя в самом деле как

42. Ibid., p. 90.

43. Лондон, 7 февраля 1967 г.

на каникулах. БОЛЬШЕ НИКАКИХ РЕЧЕЙ». Джейн приложила постскрипtum: «В ответ на твой вопрос, Боб, я *с трудом* это переносу. Я мечтаю о тебе во всей твоей красочности, если ты понимаешь, о чем я».

Из Честера, что у границы с Уэльсом, после посещения достопримечательностей и чашки чая с мэром Джейн написала домой, ворча по поводу еще одного тупого вечера с планировщиками. «Эти люди невероятно утомительны в своих разговорах о новых городах и т. д. Я хочу, чтобы они просто оставили меня в покое»⁴⁴. Теперь это стало для нее досадной проблемой, и в поезде в Эдинбург на следующий день она придумала, как ее решить. Тем вечером в прохладе дома, где она остановилась, от которой отчасти спасало потрескивание огня и грелка в постели, она написала домой о своем решении, которое заключалось просто в том, чтобы «побыть одной». На следующий вечер, положив начало своей стратегии, она «повела беседу, стараясь не уделять теме планирования больше 30 секунд»⁴⁵. Она повернула эту аферу прямо здесь, перед великим сэром Робертом Мэтью⁴⁶, выдающимся шотландским архитектором-модернистом, который «совершенно меня возненавидел... и решил прикончить», подкалывая и подстрекая. Она отвечала просто «веселыми историями о Хиггинсе в Северной Каролине». Все шло как по маслу. «Полагаю, сэр Роберт вышел из себя больше, чем обычно, но я отлично повеселилась. Отныне это будет моей стратегией. Мне мои истории, к счастью, нравятся».

Ей по большей части удавалось, продолжала она, избегать экскурсий в унылые жилые комплексы и рецензий на студенческие работы. Она все еще должна была появляться на каких-то коктейльных вечеринках и обедах, но ей удалось увидеть в Эдинбурге что-то и самой — особенно его достославный замок, «сложный и прекрасный, с крепостями внутри крепостей, стратегическими точками на стратегических точках», все сооружение «неразрывно встроено в большую скалу, выступая

---

44. Честер, 8 февраля 1967 г. Заметка о местной моде Джейн Джекобс из английского Честера: «Многие девушки в Лондоне ходят в мини-юбках, которые здесь только появились»; она нарисовала фигурку из черточек высокой худой девушки, юбка которой находится в километрах от колен, а «колени» — маленькие шишечки на тощих ногах.

45. *Matter*, p. 93.

46. Роберт Мэтью, сэр (Sir Robert Hogg Matthew, 1906–1975) — британский архитектор, президент Международного союза архитекторов (1961–1965), сторонник модернизма и рационализма в архитектуре. Среди наиболее известных построек: Королевский концертный зал в Лондоне, жилой комплекс Олтон в Роухэмптоне, Институт Содружества наций в Лондоне. — *Прим. ред.*

над ней»⁴⁷. Она сходила и в магазин вольнок, проговорив почти час с создателем инструмента о дереве, которое используется для трубок, все это время из соседней комнаты доносились звуки занятия по волынке.

Это было 9 февраля. Вскоре она отправилась в Глазго, потом, 13 числа — в Белфаст, 14 февраля — в Дублин и, проведя почти месяц вдали от семьи в больших городах Европы, прибыла 16 февраля в 18:45 в Нью-Йорк.

---

47. *Matter*, p. 93.

Глава 17

Противогазы в Пентагоне

10 АПРЕЛЯ 1968 года, после шумных возмущений на публичных слушаниях, Джейн арестовали, посадили в патрульную машину и повезли в местный полицейский участок. Потом у нее сняли отпечатки пальцев, сфотографировали анфас и в профиль и обвинили в беспорядках, подстрекательстве к беспорядкам, хулиганстве и воспрепятствовании городской администрации; каждое обвинение по отдельности могло привести ее в тюрьму. Джейн арестовывали не впервые. Предыдущий инцидент был связан с ее протестом против войны во Вьетнаме, этот — с протестом против автомагистральной. Никакого напалма и ковровых бомбардировок, всего лишь съезды с шоссе и асфальт, рабочие места для дорожных рабочих, несколько потерянных или выигранных минут на пути в Нью-Джерси — *инфраструктура*, прости господи.

Это называлось автомагистраль Нижнего Манхэттена. Она должна была протянуться на две с половиной мили, соединить два моста через Ист-Ривер на южной окраине Манхэттена с тоннелем под рекой Гудзон. Сегодня ее не существует. Если бы она существовала, размышлял редактор Джейн, Джейсон Эпштейн, то

...дом, в котором я живу, исчез бы. Никакой моцареллы по утрам, чайнатауна, никакой швейной промышленности с ее тысячами рабочих мест, никаких бабушек, ведущих ребятишек в школу, никаких фильмов Де Сики о теплых летних вечерах, никакого Сохо с его прелестными домами с чугунными фасадами, булыжными мостовыми, ресторанами, галереями и магазинами и с его миллионами, скорее даже миллиардами долларов налогооблагаемого имущества¹.

---

1. *Matter*, p. 200.

По меньшей мере в общих чертах улицы Нижнего Манхэттена, которые должна была уничтожить автомагистраль, и сегодня выглядят во многом так, как тогда, только лучше.

Мы говорим сегодня о сохранении среды обитания, об охране природных ресурсов, девственных лесах и семейных фермах от разрушительных последствий расширения городов, и все это справедливо рассматривается как ценность, достойная уважения. Для противников автомагистрали Нижнего Манхэттена под угрозой находилась тоже драгоценная среда обитания, только не природная. Это был результат человеческого труда, часть плотно текстурированного города. Пришлomu человеку, сталкивающемуся с ним впервые, скажем, из пригорода Финикса или с фермы в Канзасе, может быть сложно понять, что это *что-то* самостоятельное, и уж тем более он не вызывает у него чувства ностальгии или привязанности. Но этот многолюдный городской ландшафт давал приют домам, целым сообществам, предприятиям, обеспечивающим рабочие места, может быть, на всю жизнь и, если брать еще шире, формировал целый образ жизни.

В «Смерти и жизни» Джейн было что сказать о магистралях и автомобилях, особенно в главе «Эрозия городов или отсев автомобилей?»:

Сегодня всякий, кому дороги большие города, беспокоен из-за автомобилей.

Транспортные артерии, парковочные площадки, бензозаправочные станции, магазины и банки для автомобилистов — все это мощные и неутомимые инструменты разрушения городов. Из-за них улицы теряют единство, превращаются в нечто рыхлое и несвязное, в нечто пустое и бессодержательное для всякого пешехода².

И так далее, перечень грехов, который сегодня может показаться до боли знакомым или самоочевидным. Но тогда Джейн, не изменяя самой себе, не испугалась сделать неожиданный поворот: «Но мы возлагаем на автомобили слишком большой груз вины». И вот она возвращает нас в Лондон, примерно в 1890 год, ад лошадиного навоза, грязи и зловония, оббитые железом колеса скрежещут по граниту, «скрежет, грохот, стенания и треск, издаваемые трясушимися экипажами, легкими и тяжелыми», — все это соединялось в нечто невыносимое. Таков, отметила Джейн, был Лондон времен Эбенизера Говар-

2. *Смерть и жизнь*, с. 348.

да; неудивительно, что он считал городские улицы неподходящим местом для людей. Прекратите «рассказывать самим себе сказки об очаровании городских улиц XIX века и полной их пригодности для конного транспорта», — писала Джейн. Автомобиль, с его двигателем внутреннего сгорания, потенциально был средством «избавления городов от одного из пагубных недостатков». Сама Джейн не водила машину, обычно передвигалась по Нью-Йорку пешком, на велосипеде, на метро или такси. Но Боб водил, и в семье был автомобиль, который держали в гараже на Гринвич-стрит и использовали по большей части для поездок на отдых³.

Сам по себе автомобиль, таким образом, не был проблемой. Но «мы сбились с верного пути», — писала Джейн, когда заменили «каждую лошадь на переполненных городских улицах примерно полдюжиной механических транспортных средств вместо того, чтобы, наоборот, заменить одним таким средством полдюжины лошадей»⁴. Проблема заключалась в том, что на улицах *слишком много* машин — машин и всего необходимого для них; они занимают место, вытесняют все остальное. Автомобили подтачивают города; вот какое слово использовала Джейн, с намеком то, как изнашивается хорошая вещь: тут расширяется улица, там ревет одностороннее движение; парковки, еще больше парковок, двухуровневые мосты. И затем, писала она, «прокладывают скоростную магистраль и, наконец, возникает целая сеть скоростных магистралей». Так что в итоге не остается ничего, *кроме* магистралей, машин и парковок; некогда шумные городские центры, изношенные донельзя, уменьшатся до «крошечного пятнышка».

Но в 1960-е годы Манхэттен оставался исключением.

Трио подвесных мостов связывало остров Манхэттен с Бруклином. Несколько скромных пролетов через реку Гарлем соединяли его с Бронксом и окрестностями. Примерно с того времени, как Джейн переехала в Нью-Йорк, два тоннеля проходили под Гудзоном в Нью-Джерси, заменяя сеть паромов. Мост Джорджа Вашингтона, открытый в 1931 году на северной оконечности боро, составлял третью транспортную линию через Гудзон. Дорожное движение шло через Манхэттен по шоссе Вест- и Ист-Сайда.

Однако разница в том, что немногие из этих сетей пересекали сам Манхэттен. То есть поток машин, входящий по мостам и туннелям, не подпитывал автомагистрали, а заливал

3. Интервью с Джимом Джескобсом.

4. *Смерть и жизнь*, с. 353.

густую капиллярную уличную сетку, оставляя 23 квадратных мили в каком-то смысле *в первозданном виде*, хорошо текстурированную ткань города — относительно невредимой.

После войны и в 1960-е годы число автовладельцев в Нью-Йорке, как и во всей стране, выросло. Но когда ваш автомобиль или грузовик попадали на остров Манхэттен — в направлении Нью-Джерси, скажем, или вы ехали за посылкой в Нижний Манхэттен — вы буквально застревали, скорость на улицах замедляли люди, автобусы, такси, грузовики и прицепы, и она падала до однозначного числа. Роберт Мозес, оппонент Джейн в интеллектуальном, социальном, политическом и всех остальных смыслах, считал, что автомагистраль Нижнего Манхэттена все это исправит⁵. Ее *необходимо* построить, если мы хотим сохранить движение и торговлю в огромном мегаполисе. Мозесу это было очевидно; впрочем, Роберту Мозесу было очевидно все.

Чтобы навсегда оставить город XIX века в прошлом, Мозес долго вынашивал план автомагистрали, которая должна была пройти в основном по Брум-стрит, обогнуть Гринвич-Виллидж на севере и Маленькую Италию на юге. За последние тридцать лет он построил Белт-Паркуэй по периметру Бруклина, автомагистраль Бруклин — Квинс и автостраду Кросс-Бронкс через некогда нетронутые районы внешних боро, связал Сити с Лонг-Айлендом автомагистралью Лонг-Айленд, Манхэттен с Бруклином — тоннелем Бруклин-Бэттери. Но несколько магистралей через Манхэттен, слухи о которых шли еще с 1920-х годов, включая автомагистраль Нижнего Манхэттена, все еще не были построены.

В разное время представлялось, что новая магистраль пройдет за домами, выходящими на Брум-стрит, или на разной высоте над улицей, как эстакада. На одних планах она привязана к жилью или, может быть, к школе, на других даже уходит под землю, чтобы там проскользнуть через уже существующее хитросплетение путей метро, труб, каналов, паропроводов и водопроводов. Проект всегда менялся в деталях. Но к тому времени, когда Джейн приняла во всем этом участие, решили, что LOMEX, как ее иногда называли, будет в форме Y, восьмиполосной магистралью, направляющей движение от мостов Ист-Ривер через Нижний Манхэттен в Голландский туннель и Нью-Джерси. Было установлено, что она уничтожит дома для двух

5. См.: Flint, глава 5; Anthony M. Tedeschi, «Father LaMountain: After Nine Years, It's Still War on the LME», *Villager*, April 3, 1969; Stern, p. 259–261; Stephanie Ger- vis, «Artists, Politicians, People Join Fight for Little Italy», *Village Voice*, August 30, 1962; Ballon and Jackson, p. 213–215.

тысяч человек и десять тысяч рабочих мест — и это была оценка сторонников магистрали.

В октябре 1961 года местный агент по недвижимости Стивен Фрейдус написал владельцам домов, расположенных там, где пройдет магистраль. Разрушение и переселение неизбежны, внушал он, им «нужно задуматься о [своей] нынешней жилплощади»⁶. Если, как он надеется, они планируют скоро переехать, он будет рад помочь. Пусть они позвонят ему в офис, убеждал он, или даже домой: «Предлагаю свои услуги 168 часов в неделю». Мистер Фрейдус, кажется, был энергичным малым, может быть даже чересчур. Он написал заклятому врагу Джейн, главе Нью-Йоркского департамента городского планирования Джеймсу Фелту о своих планах, добавив: «Пожалуйста, не думайте, что я слишком забегаю вперед». Однако вот как к нему отнесся Фелт: «Ваши методы меня огорчают и не делают вам чести»⁷. Но строительство магистрали в любом случае неизбежно, мог ответить Фрейдус.

Конечно, в 1962 году, когда Джейн была втянута в борьбу против магистрали, строительство казалось неизбежным. В то время Джейн все еще работала в *Forum*. Ее книга только что вышла. Она помогла остановить спирта реновации в Вест-Виллидж; на местном уровне она этим прославилась. «Теперь, — вспоминает она, — я могу заняться своей работой и домашними делами, стать примерной женой и матерью. Итак, разве жизнь не налаживается?»⁸ А потом — вероятно, в начале весны — на ее пороге появился отец Ла Мунтен. Не может ли она помочь?

Отец Жерар Ла Мунтен был молодым пастором из церкви Святого Распятия в бедном приходе на окраине Маленькой Италии. Сама церковь с богато украшенным кирпичным фасадом затаилась по соседству с жилыми и торговыми домами, выходила на Брум-стрит, попав прямо под прицел автомагистрали. Отец Ла Мунтен столкнулся с угрозой потери своего дома, церкви и прихожан, по большей части пораженных летаргией и фатализмом. Район уже приговорен, включая церковь. Люди наподобие Стивена Фрейдуса пытались извлечь выгоду из ситуации. Классический случай, когда жизнь в районе угасала задолго до того, как первый бойный шар обрушится на какое-нибудь древнее драгоценное здание.

6. Стивен Фрейдус, стандартное письмо «Уважаемый господин», 12 октября 1961 г., архив Commissioner Goldstone, New York City Municipal Archives.

7. Джеймс Фелт — Стивену Фрейдусу, 3 ноября 1961 г., архив Commissioner Goldstone, New York City Municipal Archives.

8. KentVillage, p. 48.

Не может ли Джейн помочь?

Сначала она собиралась ответить, что нет, не может.

Но она *хотела* помочь. Магистраль будет во всех смыслах катастрофой, как сказал отец Ла Мунтен — для церкви, для прихожан, для Брум-стрит, для всех в Нижнем Манхэттене. Она буквально разрушит Маленькую Италию. Ее эстакады и развязки разрежут и западную, и восточную стороны. Виллидж тоже страдает; Брум-стрит находилась всего в семи кварталах к югу от Вашингтон-сквер. И все же «мне очень не хотелось ввязываться в еще один бой. Я хотела заниматься своими делами», писать книгу о городской экономике⁹. Магистраль — *не* ее дело.

Но она уступила. «Ну что ж, — скажет она в интервью через несколько лет. — Ничего не поделаешь». В первом этапе борьбы против магистрали она не участвовала, ключевой фигурой был отец Ла Мунтен. Как и в конце — к тому времени она уже покинет Нью-Йорк. Но на самом яростном, среднем этапе, с 1962 по 1968 год, Джейн находилась в самой гуще борьбы¹⁰.

Была ли магистраль Нижнего Манхэттена для Джейн Джекобс тем же самым, что и 117-я операция по замене тазобедренного сустава для хирурга-ортопеда? В конце концов, как она скажет позже, отец Ла Мунтен пришел к ней с надеждой, что «кто-нибудь из закаленных бойцов» войн за Вест-Виллидж сможет ему помочь. И он был прав — Джейн *была* закаленным уличным бойцом, профессионалом, с отработанными методами и готовыми идеями. В каком-то смысле борьба с LOMEX была ее второй натурой; надо было снова посещать слушания, разрабатывать стратегии, привлекать сторонников, информировать медиа, поддерживать боевой дух. И, кажется, даже сочинять песни: «Послушай, Роберт Мозес» против бульдозеров и магистралей Мозеса. Автором этой песни был Боб Дилан, живший в Виллидж с начала 1961 года и пока еще почти неизвестный — его первый альбом еще не вышел¹¹.

Джейн и объединенный комитет, в котором она была сопредседателем, представляли собой оппозицию Мозесу, а так-

9. KentVillage, p. 49.

10. KentVillage, p. 47.

11. Вот как об этом рассказывает Джим Джекобс: «Действительно, Джейн и Боб Дилан вместе написали песню. Джейн понадобилась песня протеста для борьбы с автомагистралью Нижнего Манхэттена. У одного нашего друга, художника Харри Джексона, на полу ночевал какой-то фолк-певец. Он его отправил к нам домой. Джейн помогла ему, рассказав структуру протестной песни и то, как она работает. Я думаю, что это была первая песня протеста, которую он написал» («Jim Jacobs on the exhibit about his mom, the activist-author Jane Jacobs», *The Globe and Mail*, April 29, 2016). — *Прим. ред.*

же большей части городского политического истеблишмента и планировщикам. Джеймсу Фелту нравилось называть район, разбитый магистралью, адовой сотней акров — «он выставил нас так, — вспоминала Джейн, — как будто мы были сторонниками наружных пожарных лестниц и обветшания»¹².

Джейн с другими местными жителями однажды пришли на слушания в противогазах; как еще проиллюстрировать сажу, грязь и вредные выхлопы, сопутствующие магистрали?

На митинге ей удалось заявить популярному репортеру местного телевизионного канала Гейбу Прессману: «Магистраль превращает Нью-Йорк в Лос-Анджелес»¹³. *Вот что* должно было привлечь внимание жителей Нью-Йорка.

Джейн обратилась за помощью к Льюису Мамфорду. Его блестящую рецензию на ее книгу, недавно опубликованную в *The New Yorker*, использовали, чтобы дискредитировать Джекобс и, соответственно, движение против магистрали. Она позвонила ему и, прежде чем он начал возражать, коротко сказала: «Это не о *The New Yorker*»¹⁴. Магистраль была гораздо важнее, чем раненая гордость, его или ее. Не напишет ли он письмо против магистрали, которое можно будет прочитать на предстоящих слушаниях? Да, конечно, ответил Мамфорд. Он написал. Все получилось, и оно помогло.

12 декабря 1962 года городская комиссия по оценке единого плана отклонила последний план магистрали. Заявление мэра Роберта Ф. Вагнера вызвало «радостные овации, объятия и поцелуи». Это был «лучший из возможных рождественский подарок для людей», — сказал местный политик Луис Десальвио¹⁵, сопредседатель Джейн. На газетном объявлении о победе, которое Джейн отправила матери в Виргинию, она написала: «Мы выиграли! Разве это не прекрасно!» Магистраль была повержена.

12. KentVillage, p. 50.

13. Stephanie Gervis, «Artists, Politicians, People Join Fight for Little Italy», *Village Voice*, August 30, 1962.

14. Rochon, «Jane Jacobs at 81».

15. Луис Десальвио (Louis F. DeSalvio, 1910–2004) — американский политик, уроженец Нью-Йорка, член Ассамблеи штата Нью-Йорк в течение 38 лет, с 1941 по 1979 год, представлял интересы южной части Манхэттена. Кроме битвы против автомагистрали Нижнего Манхэттена возглавлял кампанию по защите Касл-Клинтон, исторического форта в Бэттери-парке на юге Манхэттена, от планов Роберта Мозеса по его уничтожению. Известен, кроме прочего, критикой строительства башен Всемирного торгового центра, которые считал полезными разве что для НАСА, чтобы отправить с них астронавтов на Луну. Именем Десальвио на севере квартала Маленькая Италия назван парк. — *Прим. ред.*

Конечно, она не была повержена; они вырвали только передышку. Сторонники магистралей перегруппировались. Как многие гражданские битвы, в которых Джейн принимала участие, масштабная истощающая борьба продолжалась годами. Она изнашивала, выворачивала вашу жизнь наизнанку, злила: она злила *Джейн* — и та часто бывала сердита во второй половине 1960-х годов.

В июле 1965 года, когда у Джейн попросили разрешения включить статью из *Fortune* в хрестоматию по городскому обновлению, она нацарапала прямо на письме, что она этого не разрешает. «На самом деле эта идея меня крайне пугает. Включить *такую* статью в *такой* контекст означает совершенно фальсифицировать мою позицию и идеи, касающиеся городского обновления. Пожалуйста, уберите ее из книги»¹⁶. В конце концов, кажется, она попросила *Fortune* отказать за нее, конечно, более сдержанно.

Чуть раньше Джейн выступила в Вашингтоне в рамках панельной дискуссии, посвященной «городу и магистралам»¹⁷. До нее выступал Харольд Грэй, который работал в системе автомобильных дорог, как говорилось в его краткой биографии, «всю свою сознательную жизнь», начиная с Национальной конференции пользователей автомобильных дорог в 1934 году. Грэй видел в новых федеральных автострадах транспортный идеал безопасного безостановочного движения, свободного от красного сигнала светофора и пробок. Они избавляли от трафика местные улицы, создавали рабочие места для строителей, оплачиваемые за счет тех, кто пользовался магистральями, посредством налогов на транспортные средства и топливо. «В Америке, — утверждал Грэй, — каждый настоящий мужчина стремится владеть, управлять и возиться с собственным автомобилем. Автомобиль символизирует американский образ жизни».

«Я не собираюсь быть любезной, — сказала Джейн, когда подошла ее очередь. — Я очень зла. Мне трудно быть более несогласной с тем, что я только что услышала от мистера Грэя». Просто одно клише за другим. Неправда, что пользователи автодорог оплачивают всю стоимость магистралей. Кто оплачивает медицинское обслуживание людей, попавших в автокатастрофу? А суды? А полицейские, которые обслуживают трафик, когда у них есть дела поважнее? А загрязнение воздуха? Налоги на бензин не возмещают ничего из этого.

16. Burns, 2:1.

17. Расшифровка, «Our Nation's Capital—The City and the Freeway», 23 мая 1965 г., Burns.

Посмотрите на магистраль Нижнего Манхэттена: «В Нью-Йорке, где я живу, есть одна магистраль, против которой мы сражаемся. Она уничтожит 10000 рабочих мест... около 6000 из них занимают негры и пуэрториканцы, которым трудно найти себе работу». Магистрали приносят пользу городам? А как насчет Ньюарка, где нет недостатка в магистралях, но едва ли можно сказать, что они приносят пользу? Что касается заявления Грэя, что экономическое развитие зависит от «увеличения числа автомобилей — это ужасная, ужасная идея... колониальная идея»; для сравнения она привела печальный пример стран с одной сельскохозяйственной культурой, которые кормят метрополию маслом, кофе или орехами, но ощутимой пользы от этого не получают. «Нет более быстрого способа стать отсталым городом или отсталой страной». Нет, скажет она, почти как в «Экономике городов» (пока еще далекой от завершения), «надо продолжать развиваться; надо искать новое», не держаться за одну зерновую культуру или один продукт, и уж точно не за автомобили.

Долгая борьба за Виллидж против урезателей тротуаров, городских обновленцев и строителей магистралей, которая заставила пережить мрачные периоды отравляющего страха, сделала Джейн исключительно чувствительной к подобным вопросам. Когда-то, продолжала она свое выступление в Вашингтоне, можно было обсудить пешеходов, машины, общественный транспорт, не важно что, можно было говорить «об идеях, философии, честных расхождениях во мнениях». Теперь нельзя. Сторонники шоссе, сказала Джейн, «перестали быть честными. Повсюду мошенничество; думаю, этот план магистрали самый коррупционный из всех, что у нас были со времен сухого закона». Позже, глядя на многие гражданские группы в Нью-Йорке, которые поддерживали LOMEX, Джейн заявит, что некоторые из них — она назвала почтенное Муниципальное художественное общество¹⁸ — стали «коррупрованными и прогнившими».

После первой победы в 1962 году сражение против LOMEX на некоторое время прекратилось. Но со временем у магистрали нашлись новые сторонники — губернатор Нельсон Рокфеллер¹⁹

18. Муниципальное художественное общество (The Municipal Art Society of New York, MAS) — некоммерческая организация, занимающаяся вопросами сохранения исторического наследия, выступающая за рациональное городское планирование и инклюзивную среду. Основано в 1893 году. — *Прим. ред.*

19. Нельсон Рокфеллер (Nelson Aldrich Rockefeller, 1908–1979) — американский пред-

и Департамент транспорта штата Нью-Йорк. И их ждали новые оппоненты, включая художников и защитников исторического наследия.

Вдоль Брум-стрит и вокруг нее стояли целые кварталы пяти- и шестизэтажных домов, многие из которых были построены в середине XIX столетия. Их причудливые фасады были не из обычного кирпича, бетона или камня, а из чугуна. В течение многих лет в них располагались фабрики, толстые деревянные полы выдерживали вес швейных машин, печатных прессов и токарных станков²⁰. Поскольку они были построены еще до появления электрического освещения, в этих домах были широкие пролеты высоких арочных окон, чтобы впускать свет в интерьеры, которые иначе покажутся сумрачными, и высокие потолки, чтобы вмещать клубки приводных ремней, приводимых в движение паром.

В Нью-Йорке они назывались лофты²¹. И теперь, с упадком промышленности в городе, заброшенные, они заинтересовали другой класс ньюйоркцев. Художников и скульпторов привлекали эти широкие свободные помещения, потоки естественного света и высокие потолки, оставляющие пространство для больших холстов и скульптур. Они идеально подходили для студий, и некоторые художники устроились там *жить*. Это было нелегально; в кодексе зонирования не предусматривалось, чтобы люди жили на фабриках. Но художники продолжали их обживать, и в середине 1960-х годов за них заступился скульптор Гарри Джексон²², вдохновенный портретист ковбоев, куче-

---

приниматель и политик, представитель Республиканской партии. 41-й вице-президент Соединенных Штатов в администрации президента Джеральда Форда (1974–1977), 49-й губернатор штата Нью-Йорк (1959–1973). Среди его начинаний на посту губернатора выделяются забота об окружающей среде, расширение Нью-Йоркского государственного университета. Работал в качестве администратора Рокфеллер-центра на Манхэттене. — *Прим. ред.*

20. Или баки с химическими растворами: мой отец руководил маленькой производственной компанией, *Egyptian Polishing and Plating Works*, которая занимала второй этаж разрушавшегося старого кирпичного лофтового здания 1890-х годов, на другой стороне Уильямсбург-бридж, по соседству с Бруклинской верфью. Поднимаетесь по темной деревянной лестнице, на площадке отпираете тяжелую дверь и входите в просторное помещение, потертый деревянный пол которого блестит от крошечных крапинок латуни, никеля и цинка — сцена, залитая светом, струящимся через высокие окна. Этого здания больше не существует.

21. См.: Stern, p. 263–277.

22. Гарри Джексон (Harry Andrew Jackson, 1924–2011) — американский художник, уроженец Чикаго, сменивший в своей художественной биографии немало стилей, от абстрактного импрессионизма (под влиянием Джексона Поллока и Василия Кандинского) до реализма. В 1950-е годы, во время увлечения тематикой вестернов, и до конца 1960-х годов жил в Нью-Йорке. До начала

ров «Пони экспресс» и других культовых фигур Старого Запада, чья студия находилась в одном из лофтов на Брум-стрит. Джейн подружилась с ним, и они объединились в борьбе против магистрали.

Еще там была Марго Гейл²³, апостол сохранения исторического наследия и друг Джейн²⁴. Художники могли потерять свои студии. Но незаменимые здания с чугунными фасадами, которые их приютили, тоже будут утрачены. Джейн, в белых перчатках и жемчугах, безуспешно протестовала против сноса Пенн-стейшн в 1963 году. Это была катастрофа, которая спровоцировала начало движения за сохранение исторического наследия. Чтобы избежать новой катастрофы и спасти великолепные старые здания на Брум-, Мерсер- и Гранд-стрит, надо было остановить магистраль.

Вечером 10 апреля 1968 года в актовом зале средней школы Сьюард-Парка в Нижнем Ист-Сайде было проведено еще одно слушание, ключевое в эпопее с LOMEX: магистраль возвращалась, на этот раз ее строительство продвигал Департамент транспорта штата Нью-Йорк²⁵. Джейн окружали несколько сотен людей. На сцене стояли огромные цветные изображения большого проекта. Джон Тот, инженер отдела планирования, сидя за столом на сцене, председательствовал на слушаниях. На другом конце того же стола сидела стенографистка, которая вела официальную запись процесса. Эта женщина станет центральной фигурой случившегося.

Каждый выступающий подходил к микрофону, вставал у края сцены и, стоя спиной к властям, адресовал свое сообщение аудитории; такое расположение означало для Джейн, что чиновники не питают настоящего интереса к слушаниям, они

1980-х годов считался одним из самых «дорогих» американских художников. Джексон, входивший в круг нью-йоркской богемы, даже записал музыкальный альбом, с материалом которого в начале 1960-х выступал на одной сцене с Джоан Базз, Бобом Диланом и Питом Сигером. — *Прим. ред.*

23. Марго Гейл (Margot McCoy Gayle, 1908–2008) — американская гражданская и политическая активистка, член Демократической партии, уроженка Канзас-Сити. Член совета Муниципального художественного общества Нью-Йорка, сооснователь множества гражданских групп по защите исторического наследия. — *Прим. ред.*

24. Carol Gayle and John G. Waite, «Margot Gayle: Passionate Crusader for Cast-Iron Architecture», *APT* [Association for Preservation Technology International] *Bulletin* (2013) 44, no. 4, p. 5–6.

25. Рассказ взят из *Matter*, p. 15, 20, 72–78; Epstein, «Introduction», *Death and Life*, p. xvii; Wachtel, p. 53–54; KentVillage, p. 55–59; Leticia Kent, «Persecution of the City Performed by its Inmates», *Village Voice*, April 18, 1968; Flint, p. 172–175; Alexiou, p. 129–134; «Jane Jacobs and Margot Gayle on Phone to Her Home in Toronto, 6/4/88», машинописные заметки, Burns, 5:3.

уже приняли решение. Сторонников магистрали скоро начали затыкать вопросами из зала. Временные ограничения были навязаны без повода и причины. Это был «бедлам», по словам Джейн. «Казалось, что председатель потакает беспорядку, словно его миссией было позволить людям выпустить пар, а не провести серьезные общественные слушания». После прерыва многие ушли домой, но около сотни людей осталось. «Тогда происходили невероятные махинации».

Кто-то закричал, что надо бы дать слово Джейн; кто-то передал ей микрофон. «Я повернулась к аудитории, как все выступавшие, и сказала, что мы говорим сами с собой». Власти даже не притворяются, что слушают. Да и в любом случае это просто «мальчики на побегушках», которых нужно отправить «назад к боссам» передать, что люди против магистрали. И чтобы подкрепить эти слова делами, Джейн предложила всем желающим подняться на сцену в знак протеста.

«Вам нельзя сюда, — сказал Джон Тот. — Уходите, убирайтесь со сцены».

«Мы собираемся пройти по сцене и спуститься с другой стороны», — ответила она.

«Арестуйте эту женщину», — сказал Тот полицейскому.

На фоне шумихи стенографистка, видимо, трепетная особа, запаниковала. Она встала, прижимая стенографическую машинку к груди одной рукой и, по воспоминаниям Джейн, отмахивалась от навязчивой суматохи другой рукой. Это совсем новая машинка, говорила она, моя собственная. Она должна была ее сохранить целой. «И пока она плясала вокруг нее как боксер в стойке», — писала Джейн, бумажная лента машинки «развернулась как длинная лента конфетти», рассыпавшись по сцене. «Люди начали подбирать ее с пола и подбрасывать в воздух, словно они на танцах... Это было так сюрреалистично».

Но эта лента, эти стенографические символы, протянувшиеся как древние иероглифы, была единственной записью слушаний, внезапно поняла Джейн. Слушаниям необходима официальная запись. Без нее они просто недействительны. «Послушайте! — кричала она в толпу. — Нет записи! Нет слушаний! Заканчиваем эти фальшивые, штрейхбрейкерские слушания!»

На выходе из зала ее подстерегал капитан полиции и, по приказу Тота, арестовал и увез в патрульной машине в полицейский участок.

Позже, в здании суда на последовавших слушаниях, Джейн попросили назваться.

«Я заключенная», — ответила она.

Полицейский похлопал ее по плечу. «Не говорите так, милочка. Скажите: я обвиняемая».

В декабре Джейн уже арестовывали на антивоенном протесте, вместе с самым ярким социальным критиком, Сьюзен Сонтаг²⁶. На фотографии, сделанной в тот день в здании уголовного суда в Нижнем Манхэттене, изображена двадцативосьмилетняя Сонтаг, как всегда стильная, джинсы заправлены в высокие кожаные сапоги. «Рядом с ней,— напишет изучавший это фото Уильям Боул,— женщина, которая как будто вообще не с этого снимка. То была Джекобс с ее седой челкой, одетая в шерстяное пальто, которое могло быть модным лет десять назад во времена администрации Эйзенхауэра, и в толстых круглых черных очках»²⁷. Джейн сидела на тротуаре перед призывным пунктом Уайтхолл, где новобранцев забирали в армию. Ее признали виновной в мелком правонарушении и освободили.

Так что теперь, на следующий день после ареста в Сьюард-Парке, Джейн написала своей восьмидесятидевятилетней матери, «Что ж, я снова арестована! Боюсь, у тебя будет дочь-бандитка, ну или хулиганка»²⁸.

Джейн, конечно, всегда чуть-чуть хулиганила, даже с озорством: легкомыслие, а не стыд или сожаление, приправляло письмо к миссис Батцнер. Но происшествие в Сьюард-Парке смеха не вызывало. Джейн расскажет, что на последующих слушаниях «прокурор изобразил меня сущим монстром»²⁹, казалось, судья готов был ему поверить, и впервые она начала переживать о том, что еще может с ней приключиться. Она вышла тем вечером «совершенно подавленная и испуганная. Когда я приехала домой, дети были в школе, муж на работе, я вошла и мрачно села за обеденный стол, потеряв всякую надежду. Я буквально слышала, как за мной захлопываются тюремные двери».

Потом домой вернулся Нед, он кинул учебники на стол, послушал, как идут дела в суде, сел и сказал матери: «Знаешь, для женщины пятидесяти трех лет ты ведешь довольно увлекательную жизнь».

Она просияла. «Вдруг я почувствовала себя на тысячу процентов лучше».

В конце концов, через несколько месяцев с нее сняли все обвинения, кроме мелкого хулиганства³⁰. На то, чтобы о ма-

26. *Matter*, p. 168.

27. *Vole*, p. 20.

28. Дж. Дж. — матери, *Matter*, p. 72.

29. *Watchel*, p. 54.

30. См., например, письмо Дж. Дж. Ричарду Б. Барнетту от 1 ноября 1968 г., *Burns*, 5:3, в котором она благодарит Барнетта за его помощь с фондом, благо-

гистралли наконец забыли, уйдет несколько больше времени; но события, разыгравшиеся в Сьюард-Парке тем вечером — поставленные под сомнение атрибуты демократии, вызывающая возмущение и протест деятельность властей, — олицетворяют Америку беспокойных поздних 1960-х годов.

Даже в ноябре 1966 года, когда Джейн выступала на панельной дискуссии в Новой школе на тему «Социальные виды использования власти»³¹, было видно, как дух времени сказывается на ее невозмутимости, она становилась злее, циничнее. «В этой Америке 1966 года, скажу я тебе, единственный способ узнать что-то о власти — это узнавать на практике. Ты по большей части учишься на разочарованиях, заодно узнавая причины этих разочарований». Она рассказала, как мать учила ее в детстве: «„Когда мальчик берет в руки палку, его мозги вытекают с другого ее конца“. Власть, — продолжала Джейн, — это палка в руке» у Америки. «Мозги нашей нации вытекают с другого конца».

Еще в 1962 году Джеймс Фелт жаловался, что Джейн и ее соратники в Вест-Виллидж действуют так, будто нельзя верить, что представители власти говорят то, что думают, и делают, что говорят. Это было до убийства президента Джона Ф. Кеннеди, такая позиция еще была необычной. Но за шесть лет отношение к власти изменилось. Доверие пропало. Ложь и коррупция, казалось, пропитали воздух Америки. Убийство Мартина Лютера Кинга вызвало серьезные беспорядки в городах по всей стране. За два дня до слушаний в Сьюард-Парке младшего брата президента, Роберта, застрелили в Лос-Анджелесе. Все потеряло смысл. Все разделилось на черное и белое. Власть и народ, молодежь и старики больше не говорили на одном и том же языке. Американское общество стояло на разошедшихся и расшатанных опорах. Всего несколько лет назад, когда Джейн пригласили в Белый дом, все еще думали, что страна действует моральными или по крайней мере законными путями. Теперь, когда в американское общество просочился яд Вьетнама — с многочисленными жертвами и горящими селами, с презираемым «истеблишментом» в белых рубашках и узких галстуках, посылающим молодых парней умирать в Юго-Во-

---

даря которому она оплатила судебные издержки: «Так невероятно здорово избавиться от угрозы тюрьмы!» Более подробно по поводу Фонда судебных издержек Джейн Джекобс см. письмо Ричарда Б. Барнетта Джейсону Эпштейну от 21 ноября 1968 г., архив Random House, Folder 1365, Columbia-Rare. Джейн должна была заплатить около 70 долларов за повреждение стенографической машинки.

31. Запись выступления вышла в: Janeway, ed., p. 297–316.

сточную Азию — социальные связи страны изнашивались и рвались. В это время, в этих обстоятельствах сказать власти правду, даже попав из-за этого под арест, было для Джейн и многих ее друзей необходимостью, делом чести.

В апреле 1967 года Джейн с Мэри, которой было тогда двенадцать лет, и Боб с цветком на лацкане пошли на марш мира на Юнайтед-Нейшнз-плаза в Нью-Йорке. Джейн и другие знаменитости публично поставили подпись под призывом не платить ту долю федеральных налогов, которая шла на финансирование войны. Они с семьей подписывали петиции, ходили на митинги и демонстрации против власть предержащих в Нью-Йорке, против проклятой войны. Однажды, незадолго до Рождества, Джейн пошла в *Macy's* за теплым зимним бельем для Боба и мальчиков. «Это для охоты или рыбалки? — спросил продавец спортивных товаров. — Это для пикетов, — сказала я, мило улыбаясь»³².

В октябре 1967 года огромная антивоенная демонстрация прошла в Вашингтоне. Сотни тысяч протестующих собрались у Мемориала Линькольна и оттуда пошли по Мемориальному мосту через реку Потомак к Пентагону, где отдавались военные приказы. Революция витала в воздухе; одним эта идея казалась просто болтовней, другим — совершенно серьезной и насущной. Когда стал ясен размах и масштаб демонстрации, правительство мобилизовало свои силы, расставив вооруженные войска вокруг здания Пентагона.

Для тех, кто столпился вокруг Пентагона, это было — если говорить сегодняшним языком — «радикальным опытом», отрезвляющим, после чего вы понимаете, что благонамеренных призывов к реформе и умеренности недостаточно, что система прогнила насквозь, требуется что-то большее, более решительное или более исключительное. Джейн была в Пентагоне в тот день. Она стояла против рядов вооруженных солдат — говорили, что там было две с половиной тысячи военных — в шлемах и противогазах. «Они походили на каких-то ужасных насекомых — целый рой, — совсем не похожих на людей»³³. Солдаты разогнали демонстрантов, было арестовано свыше шестисот человек. «Я была в ярости, что они посмели выступить против меня, американки!»

За несколько дней до Пентагона Джейн получила телеграмму от редактора *The New York Times*.

32. *Esquire* (July 1965), подпись, сопровождающая фотографию Джейн и Неда Джекобсов, снятую Дианой Арбус.

33. *Matter*, p. 11.

НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ НАПИСАТЬ 500 СЛОВ ДЛЯ ОБЗОРА В *NEW YORK TIMES MAGAZINE* ПО ПОВОДУ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ?... НАШИ КРИТИКИ ПОЛИТИКИ США ВО ВЬЕТНАМЕ ВСЕ ЧАЩЕ ВЫСТУПАЮТ ЗА ОТКАЗ ОТ КАВЫЧКИ ПУСТЫХ КАВЫЧКИ РАЗНОГЛАСИЙ ПО ПОВОДУ СОПРОТИВЛЕНИЯ — А ИМЕННО ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ³⁴.

Что она об этом скажет? Ей было что сказать. «Вьетнам требует неповиновения», — написала она. Америка практически проиграла войну и теперь вовлечена «в предприятие, которое хуже и уродливее самой войны: предприятие по организации резни, голода, разрушений и истребления», без каких-либо ограничений, лишь чтобы отложить признание поражения.

«Ненасытная война, — продолжала она, — кормится непосредственно телами наших молодых ребят».

Через восемь месяцев — прошло два месяца после ее ареста в Сьюард-Парке — двадцатидвухлетняя племянница Джейн, Джейн Батцнер, дочь брата Джима, собралась выйти замуж³⁵. Она выросла в пригороде Филадельфии, в Вудбери в штате Нью-Джерси, ходила в местную среднюю школу, закончила ее в 1964 году. Потом, будучи студенткой колледжа Адельфи в Гарден-сити на Лонг-Айленде, она иногда звонила тете Джейн, спрашивала разрешения, можно ли купить билет на поезд и приехать. «У нее всегда была для меня постель, — вспоминала она. — Иногда я приезжала с друзьями». Младшей Джейн Батцнер всегда были рады в доме на Гудзон-стрит. Она дружила с Джимми и Недом, была близка с тетей Джейн. И теперь она выходила замуж.

Приглашения были разосланы. Джекобсов, конечно, пригласили.

Но Джейн и Боб ответили, что не приедут.

34. Телеграмма, датированная 1 ноября 1967 г., и ответ Джейн, Burns.

35. Интервью с Джейн Хендерсон.

Часть III
На Олбани-авеню
1968–2006

Глава 18

Свой круг

ОНИ никому не сказали¹. Джейн была под следствием из-за эпизода со стенографом, и надо было, чтобы власти не приняли это за попытку побега. Поэтому следовало хранить тайну. Но какая же это тайна, спрашивает Джим Джекобс сегодня, если вы кому-нибудь *расскажете*? Тогда это уже не тайна. Поэтому они ничего не сказали племяннице Джейн Батцнер, которая на следующий день выходила замуж. Не сказали и Пат Бромс, невесте Джима и его будущей жене. Не сказали семье, друзьям. Тайны давались им нелегко. На этот раз и дети должны были держать рот на замке, вместе с Бобом и Джейн.

Они погрузили вещи в машину, закрыли дом, взяли документы и поехали на север. Джейн обессмертила этот день, 23 июня 1968 года, в своем ежедневнике: «ПВК».

Поездка в Канаду.

Они не очень-то доверяли своему старому *Fiat Multipla*, который, как утверждает Джим, «ломался каждые 40 минут». Но у кое-каких друзей Джейн по Госдепартаменту имелся старый автобус Фольксваген — послуживший им, как гласит семейная легенда, на всех их местах работы, от Камбоджи до Копенгагена, — и Джекобсы его купили. В нем не было обогревателя, миллиард миль пробега, там стоял уже третий двигатель, но он был надежнее их старой машины, и вот в него они погрузились, чтобы отправиться в путь.

Они направились на север к озеру Онтарио, на его восточное побережье, которое было ближе всего. Мэри и Нед сидели сзади, пели песню Боба Дилана *Just Like Tom Thumb's Blues*, впадая в истерику, когда доходили до последней строчки: «Я возвращаюсь в Нью-Йорк / Я верю, что с меня довольно». Никто из них никогда не жил за пределами Нью-Йорка, и теперь они

---

1. История переезда Джекобсов в Канаду по большей части взята из интервью с Джимом, Недом и Бургин Джекобсами.

уезжали оттуда, может быть, навсегда. Было ли тяжелее всего Мэри, самой юной из них, в тринадцать лет оставить свой подростковый круг общения? Джим, например, так не думал: «У нас был свой круг».

Преодолев четыре сотни миль в основном по сельской местности северной части штата Нью-Йорк, они въехали в Канаду по Международному мосту через реку Святого Лаврентия и остановились в Айви Ли, провинция Онтарио. Джейн, с Мэри и Недом, которому оставалось всего несколько дней до совершеннолетия, остались в машине. Боб и Джим представили свои документы, подав прошение на статус *landed immigrant* — так назывались в Канаде постоянные жители, не являвшиеся гражданами Канады; можно было стать *landed* так, как это сделали Джекобсы, на официальном пограничном пункте. Все это заняло у них полчаса. Ни одного таможенника или сотрудника полиции, который бы сунул голову в машину. Скоро они снова были в пути — в Кингстон, в 30 милях на запад по северному берегу реки. Там они переночевали в отеле в даунтауне. На следующий день они были в Торонто, проехав еще три часа на запад.

В ночь, когда Неду исполнялось восемнадцать, они остановились в кемпинге за городом. Боб и Джейн спали в машине. Дети ютились в палатке, пытаясь не намочнуть: шел нескончаемый ливень, приветствовавший их первые дни в Канаде.

Годом ранее, в 1967 году, Боб Джекобс был в Торонто на конференции. Он остановился в исторической гостинице Парк-плаза². Как-то он улучил минутку взглянуть на город из известного патио на крыше восемнадцатипятиэтажного отеля, в те дни — места сбора богемы и литераторов; «если Торонто представляется нам прекрасным городом, — сказал кто-то однажды, — крыша Плазы подтверждает наше мнение»³. Внизу, под ногами, Боб видел, как дороги огибают Квинс-парк, местопребывание законодательного собрания провинции Онтарио; на востоке находились высокие остроконечные башни Университета Торонто; на западе — зеленые пятна игровых полей; в двух милях на юг — озеро Онтарио, он поглядывал «на свинцовую, зыбкую поверхность озера», как персонаж рома-

2. Ныне отель *Park Hyatt Toronto*, открыт в 1936 году. Благодаря удачному расположению напротив корпусов Университета Торонто отель стал средоточием богемной жизни города. Он фигурирует в произведениях Маргарет Этвуд, Морли Каллагана, Мордехая Рихлера, Хью Гарнера. До начала 1970-х годов Парк-плаза оставался самым престижным отелем города. — *Прим. ред.*

3. Fulford, *Accidental City*, p. 20.

на Маргарет Этвуд⁴ видит его с балюстрады крыши. Для нью-йоркца любое место за пределами Нью-Йорка могло показаться деревней и потому недостойным интереса. Но Бобу так не показалось. На следующий день он должен был вернуться в Нью-Йорк, вспоминала Джейн, но «он позвонил мне и сказал, что это очень интересный город. „НИЧЕГО, если я останусь до завтра и еще на него посмотрю?“»⁵

Прогулявшись по Йорквиллю, возле отеля, Боб поехал на автобусе в даунтаун. На набережной он купил билет на паром, который перевозил жителей пригородов и туристов на острова Торонто, несколько крошечных деревенских анклавов, расположенных на маленьких островках на озере, меньше чем в двух милях от берега. Паром заскрипел, отходя от доков и серой промышленной инфраструктуры набережной Торонто, и вскоре освободился от притяжения города. Через пятнадцать минут он причалил к пристани острова: группы котеджей опоясывали низкие деревянные заборчики, маячащие перед глазами, загородные переулки, деревья...

Это Торонто?

Торонто.

В начале следующего года, когда неумолимо близилось совершеннолетие Неда, а вместе с тем и военный призыв, Бобу вспомнился этот день в Торонто.

Нед заканчивал Нью-Йоркскую среднюю школу музыки и искусств и не питал особого интереса к колледжу (что «ужасало» тетю Бетти и ее мужа Джулса, говорит его брат Джим, но мало беспокоило родителей). Мэри была в шестом классе в средней школе № 70. Школа ей запомнилась как огромное, ужасное, хаотичное место: две тысячи учеников одновременно забивались в столовую, а «дежурный» таскал вопивших учеников через рекреации. Джим же, исчерпав предложения учебных курсов Бард-колледжа, перевелся в Оберлин, который и закончил в июне. Его научный руководитель предлагал ему докторскую программу в Мичиганском государственном университете; но в эти дни исследования по физике обычно означали работу на оборонку, что ему совершенно не нравилось. А без академической отсрочки, конечно, его ждала служба в армии.

4. Маргарет Этвуд (Margaret Eleanor Atwood, 1939) — канадская писательница, поэтесса, литературный критик, активистка охраны природы и феминистка. Лауреат Букеровской премии 2000 года за роман «Слепой убийца». Цитата об озере взята Канигелом из романа Этвуд «Глаз кошки» (*Cat's Eye*, 1988). — *Прим. ред.*

5. Дж. Дж. в интервью с Питером Гзовски 18 мая 1993 года для программы *Morningside*, Burns, MS1995_029_CS08_REF.

В разгар войны во Вьетнаме находилось более полумиллиона военнослужащих — больше, чем в Корее, Ираке или Афганистане. На черных каменных стенах Вьетнамского мемориала в Вашингтоне выгравированы имена 58000 американцев, убитых на войне. Существовало значительное неравенство в вопросе призыва. Студенты колледжей и молодые люди, получившие отсрочку от военной службы (включая меня), в армию не шли. Но тогда, в отличие от нынешнего времени, когда это дело добровольное, призыв касался всех. В восемнадцать лет надо было зарегистрироваться в системе воинской повинности для отдельных граждан, то есть «встать на воинский учет», таков был закон. Потом, если не препятствовало состояние здоровья, образование, род занятий или другие факторы, вам присваивали ранг 1А — «годен к военной службе» и, скорее всего, отправляли во Вьетнам.

Сыновья Джекобсов клялись, что скорее пойдут в тюрьму, чем на войну — они, как и большинство граждан страны, считали войну во Вьетнаме аморальной, бессмысленной и жестокой.

Однажды вечером, читая газету, Боб подумал: «Через год я буду сидеть в этом кресле, а мои мальчишки — в тюрьме»⁶. Как они выживут взаперти, среди невыразимых тюремных зверств? Он не позволит этому случиться. «На севере есть прекрасная большая страна, — сказал он Джейн, — думаю, нам нужно туда уехать». Он с восторгом рассказал ей о том, что увидел тогда в Торонто, и так горячо уговаривал, что она согласилась.

Потом многие задавались вопросом, почему Джейн Джекобс, так давно и прочно обосновавшаяся в Нью-Йорке, переехала в Торонто. Или, скорее, почему именно, ведь этому могло быть немало причин. Джейн и ее семью утомили годы сражений с мэрией, это верно. Как верно и то, что после начала войны и после солдат в противогасах в Пентагоне Джейн взглянула на Америку другими глазами, и ее патриотизм пошатнулся⁷. Тем временем американские города переживали темные времена расовой напряженности и беспорядков. Побег семьи Джекобс объясняли этими и другими причинами, остается

6. Robert Fulford, «Lives Lived: Robert Hyde Jacobs», *Globe and Mail*, September 24, 1996.

См. также телепередачу на TV UN, вышедшую в эфир 28 июня 2006 года, освещавшую День Джейн Джекобс в Нью-Йорке. Нед Джекобс, побывавший на этом мероприятии, цитирует слова своего отца: «„Это прекрасная страна. Думаю, нам надо было ехать“. Это было решение, о котором ни один из нас не пожалел».

7. Dillon, p. 42: «Между второй и третьей книгами Джекобс „разлюбила Америку“».

только сделать вывод, что, может быть, все причины так или иначе сыграли свою роль⁸.

Но нет, это *не так*. Все гораздо проще: Джекобсы отправились Канаду, потому что Джейн и Боб не хотели, чтобы их детей отправили во Вьетнам, или, что более вероятно, в тюрьму.

Июнь 1968 года, третий день в Канаде.

Что вы делаете, если вы житель Нью-Йорка, ищущий квартиру на конкурентном городском рынке жилья?⁹ Правильно, поздно вечером направляетесь в ближайший газетный киоск, собираете завтрашние утренние газеты, листаете колонки с объявлениями о сдаче квартир, подбираете наиболее подходящие и с утра пораньше усаживаетесь за телефон и начинаете звонить. Это была единственная стратегия, известная Джекобсам, и первое, что они сделали в Торонто — попытались применить ее в новых обстоятельствах. В *Kresge's*, не совсем похожем на газетный киоск в Нью-Йорке, они купили газеты и приступили к поискам. А пока они остановились в отделении Лиги объединения противников войны, пацифистской организации, чтобы хоть как-то перекантоваться в Торонто.

Больше всего им понравилась квартира на первом этаже трехэтажного здания с изогнутым фасадом и скатной крышей по адресу Спадина-роуд, дом 58. Она была свободна, но ее не могли сдать прямо сейчас, сказал один из владельцев; ему нужно сначала посоветоваться с сестрой. *Да ну*, вспоминает Джим возмущение отца, *что же вы за мужчина*, если вам надо спрашивать разрешения у сестры? Да нет, все в порядке, просто *нужен* договор аренды. Боб помог ему составить договор, несколько предложений на клочке бумаги, чтобы можно было въехать сразу же. Квартира была тесновата для пятерых. Зато у них был крошечный садик на заднем дворе, с дикими яблонями, куда шум дороги почти не доносился. По соседству был детский сад, откуда слышались крики играющих детей¹⁰. Через три дня после того, как они уехали с Гудзон-стрит, у них был новый дом.

8. В качестве примера таких размышлений см.: Alexander Ross, «Could Jane Jacobs Save Us Millions in Taxes?», около 1969 года, Burns, 31:2. По его мнению, Джекобсы переехали в Торонто «по множеству причин», главной из которых были профессиональные перспективы Боба в Торонто.

9. Этот и другие рассказы о первых днях в Торонто взяты из интервью с Джимом Джекобсом.

10. Alexander Ross, «Could Jane Jacobs Save Us Millions in Taxes», неизвестная публикация, около 1969 года, Burns, 31:2; см. также *Ethics*, p. 26.

За этой скромной победой, однако, последовало неуверенное начало в новом городе¹¹: Торонто был законопослушнее и *теснее* Нью-Йорка, где сформировались их привычки и ценности. Джейн, у которой с ее решительным широким шагом возникли сложности при переходе через оживленную улицу, оштрафовали за переход в неположенном месте. Боба остановили за то, что вид в зеркало заднего вида был перекрыт мебелью, сваленной на заднее сиденье. А Мэри... что ж, Мэри хватило наглости однажды выйти в шесть утра погулять; возможно, слишком рано, а может быть, она была слишком юной, но она привлекла внимание двух копов, которые забрали ее, привели обратно на Спадина-роуд и вынесли строгое предупреждение родителям. Все это произошло за их первую неделю в Торонто. «Кажется, это место не для нас», — беспокоилась Джейн. По крайней мере, к очень многому требовалось приспособливаться. «Если вы из Нью-Йорка, Торонто не кажется городом», — вспоминает свои первые впечатления Джим. Ничего общего с обшарпанными, но знакомыми окрестностями Гудзон-стрит.

Почти сразу как они переехали, Боб отправился искать работу. Вскоре он получил предложение от канадского архитектора Эберхарда Зайдлера¹², чья фирма приступила к работе над самым большим больничным проектом, Центром медицинских наук университета Макмастера, в Гамильтоне, в провинции Онтарио. Разыскивая главных архитекторов для центра, Зайдлер¹³ услышал о Бобе от надежного друга. К этому моменту Боба Джейбса знали как эксперта в проектировании операционных, он был достаточно известным, чтобы дать экспертный комментарий по теме «Будущее американской больницы» для *Architectural and Engineering News*¹⁴. Боб знал больницы, знал все, что там требуется. В приемной врача, например, нужно место для смотрового стола, раковины, шкафа и т. д.; что ж, Боб знал требования для каждого, даже скрытого от посторонних глаз больничного пространства, какое вы только можете себе представить или не можете представить совсем. «У него была энциклопедическая память»¹⁵, — говорил его коллега несколько лет спустя. Назвав

11. Paul Wilson, «Urban Legend», *Saturday Night* (March 2000); «Conversation», among J.J. and friends, *Ideas That Matter Quarterly* 1, no. 1, n. d.

12. Интервью с Джимом Джекобсом и Эбом Зайдлером.

13. Эберхард Зайдлер (Eberhard Heinrich Zeidler, 1926) — канадский архитектор немецкого происхождения. Эмигрировал в Канаду в 1951 году, переселился в Торонто в 1963-м. Автор множества архитектурных проектов, включая больницы, парки, гостиницы и культовые здания. — *Прим. ред.*

14. *Architectural and Engineering News* (November 1965).

15. Интервью с Аланом Литлвудом.

Боба одним из пяти или шести главных сотрудников в работе над Макмастером, Зайдлер вспоминает его как «отличного парня, веселого, очень умного, хорошего архитектора».

После месяца «каникул» в Торонто Боб вернулся на работу в Нью-Йорк и сообщил о переезде. Но к концу лета он уже работал на Зайдлера. Довольно скоро они с Зайдлером, бывшим немецким офицером-подводником, переехавшим в Канаду после войны, и его женой по имени Джейн стали дружить семьями. С чужих слов Зайдлер представлял себе Джейн Джекобс, чью книгу он прочитал, кем-то вроде провокатора. Но скоро они уже ходили друг к другу в гости, обменивались рецептами, Джейн особенно сблизилась с дочерью Зайдлера Марджи.

Вскоре после прибытия Джейн, вероятно, в конце 1968 года Маршалл Маклюэн, медиакритик из Университета Торонто, известный своей максимой «средство коммуникации — это сообщение», узнал, что она в Торонто. Он пригласил Джейн на ланч в студенческий клуб, потом однажды приехал к ней на Спадина-роуд. «Вам нужна уборщица», — объявил Маклюэн. Что ж, да, может быть, признает Джим, который рассказывает эту историю. Они только въехали, изучали Торонто, привыкали ко всему. «Никто не думал об уборке. Мы не были фанатами чистоты». Маклюэн предложил собственную домработницу, родом из Калабрии, которая плохо говорила по-английски, ее звали Мэри Малфара¹⁶. «Нет, слишком грязно», — сказала она, как только увидела квартиру на Спадина-роуд. Но проработала у Джекобсов много лет. Разговаривая с ней, Джейн старалась пользоваться заимствованиями из латыни, «итальянской стороной» английского, и вскоре Мэри начала ее понимать. Со временем, болтая на ломаном языке о детях и других домашних делах, они подружились. Праздники по поводу рождения детей и свадеб сводили семьи вместе.

В начале 1969 года Джейн послала своему бывшему редактору в *Forum*, Дугу Хаскеллу, ушедшему теперь на пенсию, что-то вроде доклада об успехах:

Боб работает над большой учебной больницей, полон восхитительных новых архитектурных идей и методик, которые, думаю, вас впечатлят, Дуг. Джимми... лаборант на физическом факультете в Университете Торонто; говорит, что узнал больше, чем когда учился в аспирантуре... Нед пишет роман (!) по утрам и только что получил работу, которой очень доволен и счастлив, по вечерам он работает в детском саду воспитателем десяти маленьких мальчиков, чья энергия и неистовство выводили

16. В своих книгах Джейн благодарит Малфара за помощь.

из себя постоянных «пожилых» (его слова) воспитателей. Мэри в восьмом классе той же самой школы, где работает Нед... Моя книга *наконец* закончена и выйдет в мае¹⁷.

Переехав в Канаду, Джекобсы воссоздали сценарий, повторенный тысячи раз во время вьетнамской войны уклонистами, дезертирами, отказниками по убеждениям, всеми теми, кто считал войну Америки в Юго-Восточной Азии аморальной и несправедливой. В Канаде насчитывалось по меньшей мере 50 тысяч антивоенных мигрантов, бежавших от тюрьмы, куда они могли попасть за уклонение от службы или дезертирство. Множество высоконравственных и хорошо образованных людей внесли большой вклад в историю своей новой страны. Естественно, кто-то из них стал завсегдатаем в доме Джекобсов.

Например, Клифф Эслер, которого призвали примерно в то же время, когда Джекобсы переехали в Канаду; он провел лето в учебке в Нью-Джерси, потом прошел продвинутый курс пехотной подготовки в Луизиане¹⁸. По ходу дела он встречал ветеранов боев, вернувшихся из «Нама», «жуткие парни, рассказывающие жуткие истории» о том, как они убивали, как их убивали, бессмысленно, жестоко. Впервые он подумал: «Стоп, я не собираюсь в этом участвовать». В октябре он получил назначение в Лонг Бинх во Вьетнаме, на большую американскую базу. Но не поехал. У него был месяц отпуска до отправки, он добыл контакты человека в Торонто, написал, что его отправят в армию, когда он вернется. Он выбросил сумку с амуницией и формой в мусорку, сел на самолет в Торонто, въехал в страну по туристической визе и попытался встретиться со своей канадской знакомой в Рочдейл-колледже, новой экспериментальной школе рядом с Университетом Торонто. Его знакомую звали Эстер, и она дружила с Джекобсами.

Семья Джекобс, напишет он в неизданных мемуарах, «приветствовала меня с распахнутыми объятиями» и скоро он уже постоянно бывал в их доме, что облегчило его переезд в Канаду. «Я удивился, что они обращались ко мне как к равному, — вспоминает он. — Это звучало так: „Заходи и садись“. Я любил у них бывать». Он часто общался с Недом, говорливым, энергичным и веселым; с Мэри; иногда с племянником Джейн Полом Мэнсоном, сыном Бетти, тоже часто бывавшим в доме в то время. Однажды Клифф зашел к Джимми в физическую лабораторию,

17. Дж. Дж. — Дугласу Хаскеллу, 15 января 1969 года, HaskellPap, 32:9.

18. Рассказ о его отношениях с Джекобсами взят из интервью, электронной переписки, неопубликованных мемуаров и «Заметок для Роберта Канигела, 7 декабря 2012 года», любезно предоставленных мистером Эслером.

где тот работал, и пришел в настоящий восторг — прямо перед ним Настоящая Наука! С другой стороны, Нед и Мэри «еще не вышли из подросткового возраста, не знали, кем хотят быть, были переполнены *Love-is-in-the-air* и *Flower power*». Но обеденный стол Джекобсов всегда был бесспорным центром семейной жизни, гладиаторской ареной интеллектуальных битв. Джейн вечно его подначивала: «„Ты торопишься здесь сделать слишком серьезный вывод, Клифф“, и всегда была непреклонна».

Он запомнит пятидесятидвухлетнюю Джейн как «крупную женщину-стог... с толстым носом-клювом и волосами до плеч, одетую в зеленый комбинезон механика, который вся семья (особенно она и Джимми) выбрали своим повседневным нарядом». Он запомнил ее «совиные круглые очки в черепаховой оправе»; ее ироничный смех, всегда наготове, ее выражение лица, будто она соль земли, и то, как легко с ней было; ее «напиток дня», сухой херес или эгг-ног, смешанный с яблочным бренди, который она всегда делала к Рождеству. Он будет вспоминать, как она волочит по улице «две гигантские сумки с покупками», набитые книгами, которые на следующие несколько дней она утащит в кабинет, чтобы проглотить.

Еще одно впечатление оставалось с ним годами: «Она ничего в мире не боялась»; это касалось и детей тоже, «которые смотрели на все с восторгом, как на приключение», без испуга. Джейн, говорит он, была «поистине бесстрашна».

Джейн с семьей пришлось многое изучить и впитать; правописание *colour* вместо *color* было меньшим из забот. Они иммигрировали не в Сомали или Перу; Канада отличалась, но *не слишком* — впрочем, достаточно, чтобы требовалось войти в курс дела. Местные политики баллотировались в «ридинги», а не в округа. Вместо американских «жизни, свободы и стремления к счастью»¹⁹ были канадские «мир, порядок и доброе управление»^{20, 21}. Отношения между городами, провинциями и федеральным центром отличались от американских достаточно, чтобы поставить вас в тупик. Кроме того, стоит учесть франко-английское разделение страны (Квебек всегда был в напряженных отношениях с англоговорящей Канадой) и особенные отношения Канады и Великобритании, ведь в Канаде глава

19. Цитата из Декларации независимости США. — Прим. ред.

20. Цитата из Конституции Канады. — Прим. ред.

21. Джейн, в частности, ссылалась на эту разницу между Канадой и США в интервью с Майклом Валпи, на конференции *Ideas That Matter*, 1997, видеозапись, Toronto Reference Library, no. 2345212.

государства — королева Англии, и у нее есть представитель — генерал-губернатор. С точки зрения американцев, история выглядела поставленной с ног на голову; те, кто бежал из новых Соединенных Штатов в Канаду после Американской революции, были теперь хорошими парнями, а не непатриотичными тори. Канадский доллар обычно был равен американскому, но никогда не стоил ровно столько же. В Канаде празднуют День благодарения, но не в тот же день, что американцы. Еще были такие праздники, как День Виктории и День провозглашения Доминиона²². Кроме того, первый понедельник августа, который, как писала Джейн матери, «здесь праздник, но канадцы не знают, как его назвать». Ничто из этого не представляло интеллектуальных трудностей; незнакомые названия улиц, новые карты — неизбежные хлопоты любого путешественника. И тем не менее, все это немного странно и ново для женщины пятидесяти двух лет, которая провела всю свою жизнь в Америке, а взрослую жизнь — только в Нью-Йорке.

Привыкнуть им помог бой за Спадину, в который они оказались втянуты сразу по прибытии²³. Произносящаяся как спа-ДАЙ-на и носящая название местной усадьбы, Спадина была не просто улицей, где они жили («Спадина-роуд» на север от Блур-стрит, «Спадина-авеню» — на юг), но и, для дорожных инженеров провинции, возвращаясь к 1940-м годам, — будущей магистрали. Кампания по блокировке ее строительства разделила Торонто на противостоящие лагеря больше чем на три года. «Тогда главной темой дня, — писал Джон Сьюэл, друг и соратник Джейн почти все время, пока она жила в Торонто, — было желание местных политиков построить магистраль Спадина. Редко когда два противоположных взгляда на будущее города сталкиваются так мощно, взрывоопасно и драматично». Джейн была втянута в конфликт вместе с еще одной переселившейся американкой, Бобби Спек.

Спек переехала из Нью-Йорка в 1966 году и жила в районе под названием Аннекс. Однажды она прочитала об уже строящейся магистрали, которая должна была пройти от северных

22. Дж. Дж. — своей матери, 7 августа 1972 г., Burns, 4:9.

23. Рассказ взят из обширного материала в Burns, 48, включая: Margaret Daly, «People Power: Our Unhappy Citizens Are Fighting Back», *Toronto Daily Star*, March 21, 1970; Ned Jacobs, «Brief Regarding the William R. Allen Expressway», со словами к четырем песням, включая *The Bad Trip*, и подготовленные Дж. Дж. заметки для слушаний 7 апреля 1970 года; James MacKenzie, «Committee Turning Spadina Hearing into Charade, Urbanologist Charges», *Globe and Mail*, April 7, 1970; Sewell, *The Shape of the City*, p. 177–182; Matter, p. 114–120; интервью с Недом Джекобсом, Джимом Джекобсом, Бобби Спек.

пригородов широкой асфальтовой полосой через тоннели и траншеи и, в конце концов, выйти прямо на Спадина-роуд для сопряжения с запланированными городскими магистралями. «Мы не эксперты, но можем узнать монстра, только взглянув на него», — скажет Спек о магистрали. Объединившись с еще одной молодой матерью, они образовали Комитет обеспокоенных горожан. Спек выступила на общественном собрании, местные газеты об этом написали, и вскоре ее телефон звонил без остановки. Она буквально не отходила от телефона, ее карьера редактора на фрилансе была сорвана.

На одном собрании, вспоминала она, женщина «с этим известным нью-йоркским голосом» убедительно говорила о тактиках и стратегиях, которые помогут отстоять Спадину. Спек подумала: «Невероятная женщина! Она все говорит как надо! Она умеет четко и полно выражать мысли и переводить наши порывы в более широкий контекст». «Надеюсь, вы нас не оставите», — сказала Спек, подойдя к ней после собрания.

«Ради этого я здесь, милочка», — ответила Джейн Джекобс.

Предполагалось, что Спадина пройдет через центр города от хайвея 401, построенного в начале 1950-х годов как скромное междугороднее шоссе, но в итоге превратившегося в пригородную транспортную артерию, местами по восемнадцать полос в ширину. «Те, кто жил в пригороде, не могли взять в толк, зачем сохранять старые районы», — писал Джон Сьюэлл в книге *The Shape of the City*. — Жители пригорода совершенно резонно думали, что нынешний город надо разрушить, чтобы дать дорогу новому городу». А для этого нужны были магистрали, чтобы связывать пригородные дома с башнями даунтауна, где они работали. «Но городские жители так вовсе не считали».

Противостояние усилилось к тому времени, когда приехала Джейн. Никто не стал бы утверждать, что она одна стала причиной поражения магистрали. Но в начале 1969 года, будучи все еще новичком в городе, она уже имела право голоса в гражданских дебатах, которые будут проходить следующие два года. «Я так поняла, — сказала Спек годы спустя, — что она еще даже не распаковала вещи». Ранее в том же году Джейн выступила в канадской телевизионной программе о градостроительстве. В один прекрасный момент мы видим, как она пересекает Университетскую авеню — нехарактерно царственная, в темном зимнем одеянии, которое ей очень к лицу, в юбке чуть выше колена и на каблуках. «Торонто — очень освежающий город для того, кто приехал из Штатов», — говорит она²⁴. Но, «вероятно, самое

24. На CBC-TV, «The Way It Is», 2 марта 1969 года.

большое зло в Торонто — магистраль Спадина. В тот же самый момент, когда вы ведете магистраль — не *к*, а *в* — самую плотную часть города», вы начинаете наносить вред, меняя парки на парковки, сужая тротуары, уничтожая уличную жизнь.

Позже в том же году Джейн выступила с гневной атакой в *The Globe and Mail*, «Город пойман на крючок магистрали»²⁵. С нескрываемым удивлением она наблюдала, как канадцы, сталкиваясь с прямым свидетельством того, как все больше запутываются американские города вроде Бостона, Буффало и Лос-Анджелеса, могли решить последовать их примеру. Как выходца из Нью-Йорка, ее часто спрашивали, достаточно ли Торонто хорош для нее. «Думаю, даже чересчур. Напряжение пугает. Это самый многообещающий и здоровый город в Северной Америке, все еще не испорченный, все еще имеющий свои идеалы». Может быть, Торонто покатится по наклонной вслед за своими строптивыми американскими кузенами, но, по крайней мере, она пока счастлива «наслаждаться большим городом до его разрушения».

Вся семья Джекобсов приняла участие в борьбе — хотя, как утверждала Джейн в одном интервью, не потому, что им этого хотелось. «Я никогда не радовалась, да и никто из членов моей семьи не радовался, когда мы слышали, что предстоит сражаться с новой магистралью». Здесь она меняла тон голоса на игривый: «*О, мы и здесь справимся, мы ведь победили в городе побольше этого.* Нет, нет», ничего подобного²⁶. Однако они вступили в бой.

На праздновании нового 1970 года группа «менестрелей», как сообщалось на следующий день в новостях, устроила протест против Спадины на новогоднем *levee* у мэра. *Levee* — канадское слово, обозначающее местную традицию, когда чиновник проводит праздничный день открытых дверей; на этот раз — в новом центре исполнительских искусств²⁷. Но как только му-

25. *Matter*, p. 115–116.

26. Интервью Дж. Дж. с Энн Мединой на конференции *Ideas That Matter*, 1997, видеозапись, Toronto Reference Library, no. 2345212.

27. См.: David Lewis Stein, «The Lady Sings the Spadina Blues», *Toronto Star*, ca. 1970, свидетельские показания для муниципального совета Онтарио. (В *Matter*, p. 115, для первой статьи, «Spadina Protest at the Mayor's Levee», должен быть указан 1970 год, а не 1969.) См. также телепередачу на TV-UN, вышедшую в эфир 28 июня 2006 года, освещавшую День Джейн Джекобс в Нью-Йорке. «Я стал менестрелем группы, писал и исполнял протестные песни», — сказал Нед Джекобс на мероприятии, проведенном в парке Вашингтон-сквер в Нью-Йорке, «вдохновленный теми, кто меня учил, когда я был ребенком, прямо здесь, — он поднялся и показал, — прямо здесь у фонтана в 1961 году, когда они пытались вышвырнуть музыкантов, но им это не удалось».

зыканы, назвавшиеся *Provocative Street Players*, и их главный певец и композитор Нед Джекобс начали горланить первый припев песни *The Bad Trip*, их заткнули. В газете опубликовали фотографию длинноволосого Неда в тунике, которую Джим сделал для него к Рождеству. Их мирно, но твердо вывела из помещения охрана. Группа пела что-то вроде:

Дорога в никуда, дорога в никуда,
Ваша магистраль Спадина.
Шоссейные мальчишки играют в машинки,
А заплатят за все люди.

Еще одним врагом магистрали Спадина был Маршалл Маклюэн. Он предложил Джейн снять вместе фильм о магистрали. «Мы с вами напишем сценарий».

«Но я ничего не знаю о том, как пишутся сценарии», — сказала она. Ничего страшного, он тоже не знает. Вместе у них все получится.

Они встретились в кабинете в Университете Торонто, Маклюэн позвал секретаря записывать все, что они будут говорить. За час они набросали несколько идей и закончили. «Все удалось записать?» — спросил Маклюэн секретаря. «Ну вот, — сказал он, повернувшись к Джейн. — У нас есть сценарий».

Джейн ужаснулась. Но ведь нет никакого сценария, просто кучка идей из разряда: «Эй, а как насчет этого?» Когда она наконец увидела запись, там только это и было, слова и идеи выпрыгивали «без начала и конца», самые непрочные нити связывали их вместе. «Маклюэна это не тревожило, — сказала она, — зато тревожило меня».

И все же чудесным образом у них получился четырнадцатиминутный фильм под названием *The Burning Would* (приносим извинения Джеймсу Джойсу²⁸), со множеством шумных сцен строительства, с отбойными молотками и грохотом разрушения, ужасными скрежещущими звуками, беспощадным уничтожением — все это противопоставляется мирной жизни, которую сотрет магистраль: журчащему ручью и маленькому мальчику, играющему со своим пластиковым ведром на лужайке²⁹. Никаких изысков, даже закадрового голоса не надо, и все же это странным образом произвело эффект. «Вряд ли что-то могло меня больше удивить», — вспоминала Джейн. Маклюэн действительно поработал над фильмом. «У него появилась форма.

28. Название фильма взято из строки романа Джойса «Поминок по Финнегану» (*A burning would has come to dance inane*). — Прим. пер.

29. *Matter*, p. 118–119.

Музыка. Там действительно была основная нить, и было поднято много важных тем». В Торонто *The Burning Would* внес вклад в борьбу против Спадины, и его показали в США и по всей Канаде. «Для меня это мистика, — вспоминала Джейн, — что из этой мешанины могло вырасти что-то осязаемое, последовательное и конструктивное».

В ежедневнике 14 января того же года Джейн отметила «Собрание по поводу магистрали в Конвокейшн-холл», большом купольном церемониальном зале Университета Торонто, и рядом приписала просто: «Выступить».

«Написать бриф по Спадине» — напоминала она себе 25 марта.

«Сделать копии брифа по Спадине» — 27-го.

«Битва против Спадины переходит в решающую стадию, — писала Джейн Джейсону Эпштейну 29 марта. — Люди здесь так наивны! Это, конечно, здорово, но и приводит в отчаяние. Я сама разработала стратегию, которая, боюсь, их шокирует, но попробую сама же ее реализовать»³⁰.

«Все начиналось достаточно тихо», — сообщалось в *The Toronto Telegram* на следующий день после ключевых слушаний 6 апреля. Семь часов Городской транспортный комитет степенно выслушивал шестнадцать спикеров на открытой сессии слушаний на тему магистрали Уильяма Аллена (Спадина). «Потом эксперт-урбанист Джейн Джекобс нарушила спокойное течение событий».

Меня зовут Джейн Джекобс. Я проживаю по адресу Спадина-роуд, 58. Я автор нескольких работ о городах и я впервые выступаю против магистрали Спадина с надеждой, что мои знания о городах и их динамике будут полезны.

В этот момент, оставив свой сдержанный, изысканный тон, Джейн атаковала не только магистраль, но и ее покровителей. Она поставила под сомнение их честность, называла слушания «фарсом». Она обвиняла планировщиков в том, что им не хватает целостного взгляда, они представляют данные «избирательные и даже противоречивые, чтобы доказать свою точку зрения, а не отразить реальность». В одном рассказе, описывающем тот день, Джейн, «седовласая леди, чьи дети уже выросли, с очень приятной улыбкой, начала говорить мягким, ясным голосом с нотками стали, голосом освежающим, как безалкогольный сидр».

30. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 29 марта 1969 г., архив Random House, Folder 1365, ColumbiaRare.

Они пробовали было ее прервать, но Джейн ответила: «Если горожанин не может говорить об официальных полномочиях политиков, не будучи обвинен в пристрастности, то с таким же успехом мы можем поставить на их место роботов».

Ее обвинили в том, что она провокатор. Один из членов совета спросил ее, как, явившись с такими нападками, она может ожидать на них благожелательного ответа. «Я не прошу, чтобы вы были со мной любезны,— сказала она.— Плевать мне на это».

Другой член совета выпалил: «Вам на все плевать».

В итоге этот комитет и все остальные, кто должен был дать согласие на магистраль, так и поступили. Но было слишком поздно; земля ушла у них из-под ног, общественное мнение обернулось против дороги. Даже несмотря на то, что проект, кажется, одобрили все комиссии и советы, губернатор провинции Билл Дэвис³¹ отклонил его, выступив с известным заявлением в Законодательном собрании Онтарио: «Если мы строим транспортную систему, чтобы обслуживать автомобили, магистраль Спадина — это хорошее начинание. Но если мы строим транспортную систему для людей, магистраль Спадина — прекрасный шанс остановиться»³².

Для семьи Джекобсов это была неявная награда за работу в течение двух лет: это помогло им привыкнуть к новому дому. «Думаю, битва против магистрали Спадина в 1969–70 годах была для всех нас благословением,— скажет Нед Джекобс.— Мы встретили много интересных людей и вошли в гражданскую жизнь Торонто, благодаря чему больше не чувствовали себя изгнанниками».

Не было никакого постепенного перехода. Скорее они словно прыгнули в холодное северное озеро, весь клан Джекобсов, и каждый плыл и греб как сумасшедший, пытаясь согреться, создавая для себя новую жизнь. «Когда мы приехали,— скажет Джейн затем в одном интервью,— мы решили для себя, что мы не изгнанники, а иммигранты. Для нас это большое приключение». В доме на Спадина-роуд всегда кипела жизнь. У них появились новые друзья, новая работа, новые развлечения. Они захаживали все вместе в *Cineforum*, бывший порнокинотеатр, а теперь артхаусный киноцентр на Блур-стрит, чтобы посмотреть фильмы с Бастером Киттоном и братьями Маркс. Джейн

31. Билл Дэвис (William Grenville «Bill» Davis, 1929) — канадский политик, 18-й губернатор провинции Онтарио (1971–1985). Отказ от завершения автомагистрали Спадина был одним из первых решений Билла Дэвиса на новом посту, а фрагмент недостроенной автотрассы даже получил в честь него неформальное имя «яма Дэвиса». — *Прим. ред.*

32. Брюс Фишер.

копалась во фруктовых и овощных лавочках на Блур-стрит, будто она вернулась в Виллидж. Она не перестала читать, пролистывая две-три ежедневные газеты вместе с *The New York Review of Books*, *Scientific American*, *I. F. Stone's Weekly*, *Esquire* и еще несколькими андеграундными газетами Торонто³³.

«Ну как там?» — спрашивали Джекобсов нью-йоркские друзья, когда обвинение в инциденте со стенографом было снято и они начали рассказывать о своем новом доме в Канаде. *Стоят ли на улицах иглу?*³⁴ Для нью-йоркских друзей Канада в основном означала страшные зимние прогнозы синоптиков, предупреждающие о «массивном холодном фронте, идущем из Канады». Джейн не любила зимнюю темень — она любила солнце и с радостью отмечала его прогресс в течение всей зимы — но холод ее не пугал. Торонто, решила она, почти как США, только с дополнительным февралем и без июля³⁵.

---

33. *Matter*, p. 129–130.

34. Интервью с Джимом Джекобсом.

35. Интервью с Джимом Джекобсом.

Глава 19

Обустройство

СРЕДИ вещей, сваленных в автобус Фольксваген при переезде в Торонто, была пишущая машинка Джейн и рукопись книги, над которой она работала большую часть 1960-х годов, конечно же, извлеченная из морозилки в подвале на Гудзон-стрит, где она ее хранила¹. На Спадина-роуд письменным столом служил лист фанеры с прикрученными ножками. Стол, шкаф для документов — и она снова в деле. Прошло не больше недели, отмечает Джим Джекобс, как она продолжила работу по редактированию «Экономики городов». Страница с благодарностями датирована августом 1968 года, спустя два месяца после переезда. Книга вышла в мае следующего года.

«По ходу дела я буду рассказывать о малых городах не меньше, чем о великих», — цитировала Джейн в эпиграфе греческого историка V века до н.э. Геродота: «Большинство из тех, что некогда были великими, теперь стали малыми; а те, что в течение моей собственной жизни достигли величия, в старину были довольно небольшими»². Взлеты и падения, смерть и жизнь городов и экономик — вот о чем она думала большую часть своей сознательной жизни. И в «Экономике городов» были даны ответы: например, что города процветают, когда из старого способа занятости возникает новый. Нельзя всегда делать одно и то же. Допустим, у вас есть большая прибыльная угольная шахта или огромный сталелитейный завод, но если вы год за годом копаете уголь или штампуете стальные слитки, это приведет только к стагнации и упадку. Города угасают, когда они перестают генерировать новые виды деятельности, — она видела, как это происходило даже в современности, в автомобильном моногороде Детройте.

---

1. Как утверждает Декер Батцнер, основываясь на своем разговоре с Бургин Джекобс.

2. *Экономика городов*, эпиграф.

Как и «Смерть и жизнь», новая книга проникала в разум читателя, принося то, что Джейн хотела сказать, — то, что она *имела смелость* сказать. Во-первых, как мы видели ранее, она утверждала, что города предшествовали сельскому хозяйству, а не наоборот — что сельское хозяйство породили новые города, выросшие вокруг первых поселений охотников-собираателей; эту идею она проиллюстрирует с помощью воображаемого города, Нового Обсидиана. И все же, как бы это ни поражало, это был только пролог к вопросу, который она постоянно задавала себе: почему одни города или страны процветают, а другие приходят в упадок?

Идеи пронизывают всю книгу — большие, малые, замещение импорта, разделение труда, диверсификация, дифференциация. Главным образом Джейн проиллюстрировала их рассказами, историями из жизни и примерами. Посмотрите на Лос-Анджелес: после Второй мировой войны город потерял 15000 рабочих мест в авиастроении и 70000 в кораблестроении, произошел резкий спад кинопроизводства в Голливуде. И все же невероятно, что число рабочих мест в целом увеличивалось, экономика развивалась и после войны. Чем можно объяснить такой парадоксальный результат? В Лос-Анджелесе, утверждала Джейн, успешно шел «процесс замещения импорта», под которым она имела в виду не только, скажем, ввоз товаров из Мексики, но и все, в чем нуждался Лос-Анджелес извне. Жители Лос-Анджелеса стали производить гораздо больше товаров, ранее импортируемых, и стали продавать их вовне.

Новые компании начинали свою работу на чердаках, в ангарах и гаражах. Они множились... и разрастались. Они выпускали печи, раздвижные двери, механические пилы, обувь, купальные костюмы, белье, фарфор, мебель, фотоаппараты, ручной инструмент, оборудование для больниц, аппаратуру для научных исследований, предлагали техническое обслуживание и много чего еще. Одна восьмая всех новых предприятий, появившихся в США во второй половине 1940-х годов, возникла в Лос-Анджелесе³.

Не все занимались замещением импорта, но многие. Молодой инженер, прежде работавший в лаборатории материалов компании *Douglas Aircraft*, начал выпускать раздвижные стеклянные

3. *Экономика городов*, с. 189. Как рассказывал Джим Джекобс, Джейн и позже будет возвращаться к своей оценке послевоенного Лос-Анджелеса: почему он не пришел в упадок? «Это была большая дыра». Иной взгляд на послевоенный Лос-Анджелес выражен в: Paul Goldberger, *Building Art: The Life and Work of Frank Gehry* (New York: Knopf, 2015), p. 43–47.

двери для местных строителей. Преуспев на местном уровне, он вскоре стал крупнейшим их поставщиком в Соединенных Штатах.

Джейн интересным образом сравнивала и противопоставляла английские города Манчестер и Бирмингем⁴. В 1840-х годах, писала она, Манчестер, великий текстильный город, казался городом будущего. Фридрих Энгельс, который там тогда жил, жаловался на деградацию людей, работавших на его дымящих фабриках. Его называли «Хлопкополис» — первый в мире настоящий промышленный город. Бирмингем не мог похвастаться ничем столь же эффективным. Там производили седла и сбрую, пряжки для обуви, пуговицы, стекло, позже — оружие, ювелирные изделия и тому подобное. Ничего похожего на масштабы Манчестера, ничего, что бы запечатлелось в общем сознании так, как это сделал Манчестер. Но, вынесла вердикт Джейн, «отнюдь не Манчестер, а именно Бирмингем стал городом будущего». Когда другие научились прясть и ткать хлопок, Манчестер пришел в упадок. В то же время многопрофильный Бирмингем, закалившийся в процессе проб и ошибок, приспособился и вырос. «На основе его разрозненного и неэффективного производства постоянно возникали новые виды деятельности, новые предприятия», некоторые из них в свой срок разрослись до невероятных размеров.

Компания *Maidenform*, производящая бюстгалтеры, тоже не всегда была большой. Ида Розенталь, нью-йоркская швея, была недовольна тем, как ее платья сидели на покупательницах⁵. Она разработала один из первых бюстгалтеров (хоть и, утверждает Джейн, не *самый первый*) и стала прилагать такой к каждому новому платью. Мы знаем, как *это* работало. Портняжное мастерство, в терминах Джейн, это «старый вид деятельности». Бюстгалтеры — «новый». В этом заключался настоящий источник экономического процветания, один из наиболее многообещающих, особенно в оживленных районах больших, многообразных городов, где креативные и амбициозные специалисты и предприниматели непредсказуемым образом встречались, к взаимной выгоде.

А как же икона эффективности экономики — разделение труда, на примере знаменитой булавочной фабрики, описанной Адамом Смитом в «Богатстве народов»? Что ж, Джейн не повелась на это. «Разделение труда как таковое ничего не созда-

4. *Экономика городов*, с. 124.

5. Там же, с. 91.

ет. Это только способ организации деятельности, которая уже возникла»⁶. Кроме того, это признак стагнирующей экономики,

...где мужчины и женщины проводят свою трудовую жизнь, выполняя очень специфическую работу: собирают сок каучуковых деревьев, или занимаются выпасом коз, или разгружают бананы, переплетают волокна, танцуют в храмах, добывают соль, разбирают руду, переносят корзины с землей на общественных работах, выращивают зерновые и бобовые культуры⁷.

Вы можете услышать со страниц стон негодования Джейн: какие бы аргументы ни приводились в его пользу, разделение труда не олицетворяло и не объясняло экономического благополучия.

А объясняла его героическая мантра Джейн, что «один вид деятельности приводит к другому», которую она развивала и обогащала многочисленными примерами: производство наждачной бумаги ведет к изобретению клейкой ленты, скотча и звукозаписывающей магнитной ленты. Поликлиническое отделение начинается предоставлять услуги по уходу на дому. Департаменты полиции, опираясь на собственную «старую работу», требуют дань с нелегально работающих предприятий и поручают своим сотрудникам сбор и дележ этих денег; криминал, конечно, но это тоже новый вид деятельности. «Все новые товары и услуги, даже криминального характера, не возникают из воздуха. Новая работа появляется на основе уже существующей»⁸.

Все в «Экономике городов» взывает к инноваторам, предпринимателям, маленьким гениям, возникающим из ниоткуда, никогда не впадающим в рутину; к рынку маленьких компаний, которые берут умения, ремесла и квалификацию, которыми уже обладают, и применяют их в новой области. Это и есть триумф жизнеспособности, воплощенный в новых продуктах и идеях. И его враги — стагнация, некомпетентность, мышление на автопилоте, экономическая смерть.

Большая часть книги была провокационной — и не только из-за предположения Джейн, что экономическая жизнь, как говорит Джейсон Эпштейн, «начинается не в огороде, а в городе», таком как Новый Обсидиан. За несколько месяцев до выхода книги Эпштейн разослал экземпляры сторонним экспертам, не ради отзывов на три предложения, а из соображений осто-

6. *Экономика городов*, с. 122.

7. Там же.

8. Там же, с. 95.

рожности, чтобы узнать, что ученые умы скажут о диковинных утверждениях Джейн. Один экземпляр получил экономист Колумбийского университета Роберт Лекахман⁹, который ответил: «Как всегда, Джейн Джекобс приятно читать. Идеи свежи, а убеждения тверды. А в том, произвела ли она новую теорию, я не уверен»¹⁰. Кое-что, продолжал он, не так уж и ново, уже «спрогнозировано» такими экономистами, как Колин Кларк или Джозеф Шумпетер. Он считал, что самой «важной и новой» в книге была «смелость [ее] утверждений, что инновации, рост и прогресс могут произойти только из маленьких, почти случайных начинаний».

Антрополог из Чикагского университета Роберт Маккормик Адамс¹¹ выразился жестче. Он похвалил кое-что из прочитанного в «Экономике городов» и сказал, что он рад, что Эпштейн собирается это издать. Но не все ее аргументы выглядели убедительными. «Я считаю, что она одновременно слишком систематизирует и слишком обобщает, ошибочно полагая, что всеобъемлющий характер атаки — это очко в ее пользу»¹². Ученые, беспокоился он, не то что не набросятся на книгу, они могут просто проигнорировать ее, выдавая только «вежливые отговорки, что в книге *для них* мало что имеет значение». Потом, возвращаясь к Новому Обсидиану, он подверг детальной критике четыре страницы о нем, отмечая и отдельные аспекты аргументации, и скудное научное основание, лежащее в ее основе. В заключении он уже более дружелюбно отметил, что «дискуссионная — и возбуждающая — работа провоцирует на спор. Джекобс, конечно, размышляет достаточно здраво... для автора, который не позволит ничему такому серьезно подорвать ее базовую концепцию... Вы, разумеется, достаточно образованный и трезво мыслящий издатель, чтобы распознать стоящую вещь, когда вы ее видите».

Когда в 1970 году ее спросили, какое из своих утверждений она считает самым нетрадиционным, Джейн призналась,

9. Роберт Лекахман (Robert Lekachman, 1920–1989) — американский экономист-кейнсианец, декан факультета экономики Государственного университета Нью-Йорка с 1965 по 1968 год, публицист. В 1980-е годы выступал с резкой критикой рейганомики. — *Прим. ред.*

10. Роберт Лекахман — Джейсону Эпштейну, 15 июля [1968 года], архив Random House, Folder 1365, ColumbiaRare.

11. Роберт Маккормик Адамс (Robert McCormick Adams Jr., 1926–2018) — американский антрополог, специалист по Ближнему Востоку, в круг его научных интересов также входило историческое развитие городской цивилизации и истории техники. — *Прим. ред.*

12. Роберт Маккормик Адамс — Джейсону Эпштейну, 11 сентября 1968 г., архив Random House, Folder 1365, ColumbiaRare.

что это идея о существовании городов до сельского хозяйства. «Но я думаю, это станет общепринятым мнением через 20 лет». Не стало и не станет. На посвященной творчеству Джейн конференции в Бостонском колледже в 1987 году Кэрролл Кили¹³ вкратце охарактеризовала теорию о первичности городов как все еще «открытый вопрос», указав, что в любом случае она будет источником «постоянного уточнения представлений о первичности сельского хозяйства в сторону гораздо более сложной» модели¹⁴. Если мы заглянем вперед, то увидим, что ученые продолжают спорить и сегодня. Одна статья, где британский географ Питер Дж. Тейлор¹⁵ выступал в пользу теории первичности городов, вышла в *International Journal of Urban and Regional Research* в 2012 году. Его внимание к этой теме, вслед за вниманием других, тоже симпатизирующих идее, привело в ярость трио американских археологов под предводительством Майкла Э. Смита¹⁶ из Аризонского государственного университета. Аргументы Джекобс — просто нонсенс, писали они в длинном опровержении *Jane Jacobs' «Cities First» Model and Archaeological Reality*. Оно вышло в 2014 году в том же самом журнале, что и статья Тейлора. По их мнению, существует непреодолимый хронологический разрыв, тысячи лет, между первыми свидетельствами сельского хозяйства и первыми городами. Они ставят под сомнение не общий подход Джекобс, а только эту мысль: «Мы не можем... представить себе никакого сценария, при котором [понадобилось бы] обсуждать хронологический приоритет городов над сельским хозяйством»¹⁷. Иные,

13. Кэрролл Кили (Louise Carroll Keeley, 1952) — профессор философии частного Успенского колледжа в Вустере, штат Массачусетс. — *Прим. ред.*

14. Carroll Keeley, «The Vision of Jane Jacobs: An Overview and an Interpretation», in *Ethics*, p. 65. В примечании на с. 64 Кили предполагает, что Руссо в «Рассуждении о происхождении неравенства» подходит близко к тому, чтобы подтвердить теорию Джекобс о существовании городов до сельского хозяйства: технологические искусства города, писал Руссо, были необходимы, «чтобы приобщить человеческий род к искусству земледелия. Как только появилась нужда в том, чтобы одни люди плавил и ковали железо, необходимо было, чтобы другие люди их кормили».

15. Питер Тейлор (Peter James Taylor, 1944) — английский географ, урбанист, профессор политической географии в Университете Ньюкасла, редактор и сооснователь журнала *Political Geography*, теоретик глобальных городов, один из немногих географов и урбанистов, придерживающихся мнения Джекобс о первичности городов по отношению к селу. Схожих взглядов придерживался и отечественный пионер урбанистики Вячеслав Глазычев. См.: Вячеслав Глазычев, *Урбанистика* (Москва: Европа, 2008). — *Прим. ред.*

16. Майкл Смит (Michael Ernest Smith, 1953) — американский археолог, специалист по цивилизации ацтеков, профессор антропологии в университете Аризоны. — *Прим. ред.*

17. См.: Smith, Ur and Feinman.

конечно, скажут, что все это сводится лишь к тому, что подражать под «городом».

Но эта дискуссия, до сих пор не завершенная, случится позже. Опубликованная в мае 1969 года «Экономика городов» часто отправляла рецензентов на риторические вершины, будто они передразнивали Джейн. «Благословите Джейн Джекобс, — начиналась рецензия в *Time*. — Живая, яркая, прямолинейная, оригинальная, она торжествует, будучи по большей части неправа»¹⁸.

Обозревателю *New York Times* Кристоферу Леману-Хаупту¹⁹, озаглавившему рецензию на редкость подходящим заголовком «Смерть и жизнь экономик», новая книга показалась «изумительной... Она сдувает паутину с мозга и бросает вызов предрассудкам, о которых ты даже не подозревал, что их имеешь. Книга будет иметь очень важное значение»²⁰.

В *The Village Voice* Майкл Харрингтон²¹, который написал недавно книгу *The Other America*, сделавшую много для того, чтобы обратить внимание страны на ее забытых бедняков, признался, что его «спровоцировали, заинтересовали и очаровали ее мыслями почти настолько же, насколько он не согласен с ее основополагающей теорией и выводами»²². В общем, книга была «плохой экономически и очень достойной».

Роджер Сейл²³ из *The Hudson Review* был удивлен тем, как книга на него подействовала и что ему рассказала: ее влияние было «мистическим, в том смысле, который заставляет оглянуться вокруг, подумать над тем, что уже знал, перелистать

18. *Matter*, p. 104.

19. Кристофер Леман-Хаупт (Christopher Lehmann-Haupt, 1934) — американский журналист, редактор, литературный критик и писатель шотландского происхождения. С 1960-х до начала 2000-х годов специализировался на книжных рецензиях для различных нью-йоркских изданий, затем переключился на некрологи. — *Прим. ред.*

20. *Matter*, p. 101–102.

21. Майкл Харрингтон (Edward Michael «Mike» Harrington Jr., 1928–1989) — американский левый интеллектуал, публицист, профессор политических наук. Автор книги «Другая Америка. Нищета в Соединенных Штатах» (*The Other America. Poverty in the United States*, 1962). В книге утверждается, что до 25% населения США живут за чертой бедности. Считается, что книга стимулировала развитие курса на борьбу с бедностью, предложенного администрацией президента США Линдона Джонсона. — *Прим. ред.*

22. *Matter*, p. 102–104.

23. Роджер Сейл (Roger Sale, 1932–2017) — американский литературный критик, профессор филологии в Университете Вашингтона. Его интерес к истории городов и их экономическому росту отражен в книге «Сиэтл: от прошлого к будущему» (*Seattle: Past to Present*, 1978). Брат идеолога неолуддизма Киркпатрика Сейла (Kirkpatrick Sale, 1937). — *Прим. ред.*

телефонный справочник и перепись населения США и увидеть все иначе, словно в первый раз... Как будто обретаешь целый новый мир для размышлений»²⁴. И потом (как цитируется нами выше во введении), он сказал о ней одну из самых верных вещей: «Бывают поводы не согласиться с Джейн Джекобс, но не так много, как кажется, потому что, по ее собственным словам, она практически всегда права, и настоящие вопросы возникают, когда вы начинаете размышлять, а что же она упустила».

На то, что она упустила, указал снова Герберт Ганс, который ухватился за то, что трактовал как «физическую ошибку» в «Смерти и жизни». «В новой книге, — начал он рецензию в *New Republic*, — миссис Джекобс продолжает искать следы жизни, на этот раз — чтобы понять, что заставляет городскую экономику жить и умирать»²⁵. Она снова написала «потрясающую книгу... И снова я считаю ее анализ искаженным». Джейн практически не учитывала роль крупных корпораций или просто списывала их со счетов, как образчики стагнации. С другой стороны, она слишком переоценивала предпринимателей-новаторов. «Иногда книга читается как трактат от имени грубого индивидуализма XIX века».

Как и в «Смерти и жизни», писал Ганс, «миссис Джекобс считает высшей ценностью жизнеспособность, а не процветание. Но... представьте город с одним или двумя предприятиями, производящими „старую работу“, спрос на которую стабильный и постоянный; они платят налоги и сборы». Подумайте о шинах из Акрона или кантри-музыке из Нэшвилла. Жизнеспособности там, может, и немного, зато процветание общества налицо. Городам с одним предприятием может не хватать разнообразия и экономического *ух!* больших городов, но, по крайней мере, пока они процветают, многие жители могут вести достойную жизнь. А разве хорошая жизнь... не хороша? Ганс, который после книги о бостонском Вест-Энде написал большое и потребовавшее множества усилий исследование о качестве жизни в типовых домах в Левиттауне в Нью-Йорке, казалось, смотрел на жизнь американцев с той стороны, к которой Джейн питала мало симпатии. Для Джейн скука — это плохо, стагнация — плохо, отныне и вовеки, и обе — своего рода смерть.

И все же, писал Ганс в конце своей длинной рецензии: «В этой книге, как и в прежней, миссис Джекобс приступила

24. Roger Sale, «Thinking About Cities», *Hudson Review* (Spring 1970).

25. Gans, «Dream of Human Cities», p. 28.

к формулировке крайне необходимого городского мифа для нашего теперь почти полностью урбанизированного общества. В долгосрочной перспективе это может послужить самым важным ее вкладом».

После рецензии Лемана-Хаупта в *The New York Times* археолог Патрисия Дали²⁶ написала Джейн, придравшись к некоторым пунктам, по большей части относительно древнего Чатал-Хююка, о том, что является городом на самом деле, и по нескольким техническим вопросам. В одной части своего длинного ответа Джейн сказала вот что:

Антропологи делают ужасную ошибку, глядя на самые стагнирующие (то есть самые примитивные) экономики *теперь*, из нынешнего мира, и пытаются строить на основе этого заключения, касающиеся доисторических процессов развития. Это не работает; нельзя делать выводы на основе стагнации.

Мало чему можно научиться у стагнации и упадка, говорила Джейн. Учиться нужно у жизни и процветания.

«Когда я только приехала в Торонто в 1968 году, — сообщил Джейн, — там не было ни одного летнего кафе... На самом деле нельзя было даже посидеть на собственном заднем дворе и легально выпить алкоголь. Или на переднем крыльце... Потому что это мог увидеть ребенок... Так обстояли дела. Я не выдумываю»²⁷.

В то время Торонто был городом с населением порядка двух миллионов человек. Он находился в 350 милях от Монреаля, в 500 — от Квебека, в 250 — от Детройта. Он был известен как сонный городок большую часть своей истории, по крайней мере до 1968 года, и находился в тени старого, космополитичного, находящегося под французским влиянием Монреаля; и может даже, если на то пошло, в тени города Буффало штата Нью-Йорк. Если вы хотели провести вечер в городе, то вам говорили: езжайте сотню миль вдоль западной губы озера Онтарио до Буффало. Там есть красивые парки Олмстеда и хоть какой-то намек на городскую жизнь.

Расположенный на Великих Озерах, в своей английской флегматичности Торонто мог показаться жителю Среднего Запада США привычно знакомым, с его сеткой перпендикуляр-

26. Эта переписка в архиве Джейн Джекобс в Burns начинается с 20 мая 1969 года; ответ Джейн датирован 2 июля, ответ Дали — 5 сентября.

27. Интервью Дж. Дж. Питеру Гзовски, конференция *Ideas That Matter*, 1997, видеозапись, Toronto Reference Library, no. 2345212.

ных улиц, неказистым и плоским. Конечно, на самом деле он был не плоским, а складчатым: прямо в городе находились десятки, как говорят жители Торонто, «оврагов», узких долин, оставшихся от ледников и придающих городу топографическое разнообразие, с лесистыми руслами и даже казавшимися дикими островками неухоженного леса. Ньюйоркцам Торонто мог показаться краем света, но, даже ненадолго посетив его в 1967 году, Боб нашел в нем привлекательные черты. Город рос, увеличивались численность населения и влияние, которое поможет скоро обогнать Монреаль в борьбе за статус первого города Канады. В конце 1960-х и начале 1970-х годов англоговорящие монреальцы, напуганные политическими волнениями в Квебеке, стали переезжать в Торонто десятками тысяч, вместе со своими деньгами и талантами. Росло число энергичных приезжих, по большей части выходцев из Азии: в год прибывало до 75000 человек. Новое здание муниципалитета, построенное за пару лет до приезда Джейн — «два бумеранга над половиной грейпфрута», как кто-то назвал потрясающую модернистскую структуру Вильо Ревелла — никогда особенно не любили, но и не ругали; конечно, писал Роберт Фулфорд в *Accidental City*, «он преобразил Торонто, разрушив городские предрассудки о том, как должны выглядеть здания; представление общества о том, что приемлемо в архитектуре, кажется, изменилось за одну ночь»²⁸. Серый Торонто расцвел.

Ко времени приезда Джейн признаки процветания и оздоровления оживили одутловатое лицо Торонто, в то время как большинство американских городов находились в упадке и теряли население. Канадские банки, осмелится предположить Джейн, никогда не «зачеркивали красным» районы, которые когда-нибудь могут снести. Что такое расовые гетто, почти и не знали. Хотя деятельность канадских местных властей и администрации провинций все еще могла вредить городам, но хотя бы федеральное правительство не прокладывало через них автомагистрали. В конце концов, канадская версия городского обновления меньше вторгалась в городскую ткань и меньше разрушала города. Этих добродетелей бездействия, отметит Джейн, оказалось достаточно, чтобы Торонто казался более обнадеживающим, чем большинство американских аналогов. В городе были прекрасные старые районы, достойная система метро, три ежедневные газеты, топовый университет. Это была столица провинции. Районы носили названия английских городов, например, Йорк и Скарборо, Гленкэрн и Раннимид.

²⁸ Fulford, *Accidental City*, p. 7.

Старый район Кенсингтонского рынка напоминал Нижний Ист-Сайд Нью-Йорка, с переполненными улочками и крошечными магазинчиками, живыми цыплятами в клетках, сумбуром иностранных языков,— слегка обшарпанный и все же очаровательный, больше похожий на Гудзон-стрит 1940-х годов. В поисках дома вскоре после переезда в Торонто Джекобсы как раз пошли в район Кенсингтонского рынка, но не смогли найти подходящего среди скудных предложений жилья. «Он выглядел слегка запущенным,— вспоминает Джим,— но что с того, он ведь не *ощущался* запущенным».

Постоянный дом они начали искать, должно быть, в конце второго года жизни в Торонто; дом на Спадина-роуд продали, так что им *пришлось* переехать. Кроме того, прежний дом был слишком мал. Они оказались в нескольких кварталах отсюда, на западной окраине того же района, в Аннексе (названном так в честь его присоединения к городу в 1887 году).

Аннекс представлял собой прямоугольный участок с жилыми домами к северу от Университета Торонто напротив Блур-стрит, в двух милях от мэрии; его отличительной чертой были большие кирпичные дома и дома из песчаника, расположенные вдоль улиц, обрамленных деревьями; викторианские особняки были построены еще в 1880-е годы. Бобби Спек, женщина, которая втянула Джейн в бой за остановку Спадины, сообщает, что в Аннексе конца 1960-х годов жилье по большей части сдавалось. Депрессия разделила многие старые дома на квартиры. Но это был оживленный район, с толпами пешеходов, безопасный (в любое время на тротуарах играли дети) и, как будет вспоминать один из жителей, впечатляюще неоднородный:

У нас есть пара коренных жителей с 1903, 1905 года или их потомки, большое восточноевропейское сообщество. У нас есть пережившие холокост. У нас есть настоящие нацисты. И все это в одном квартале. У нас есть коммунисты. Меблированные комнаты. Китайские меблированные комнаты... У нас есть наркоманы. Всякие проходимцы. Три борделя. И это все часть сообщества. Мой сын играл с сыном мадам. Еще были молодые специалисты вроде нас, занимающиеся реновацией. Это было невероятно смешанное сообщество²⁹.

Здесь в Аннексе, на Олбани-авеню, 69, Джекобсы нашли себе дом.

«Мы думаем, что мы купим дом в четырех кварталах отсюда,— писала Джейн Джейсону Эпштейну в июле 1970 года.—

29. «Jane Jacobs' Annex: A Guided Audio Walking Tour», produced by Sarah Elton, City of Toronto—Office of the Public Realm, CBC/Radio Canada, and Jane's Walk.

Я надеюсь на это. Он очень просторный, там есть комната для меня, только для работы!»³⁰ Это был трехэтажный коттедж из красного кирпича, построенный в 1910 году для «специалиста по динозаврам» из Университета Торонто, Уильяма Артура Паркса^{31,32}. Две большие комнаты на третьем этаже; на втором этаже спальня Джейн и Боба, потом кабинет Джейн; столовая, гостиная и кухня — на первом. Олбани-авеню была вовсе не широкой «авеню», а скромной улочкой, где хватало места только для одной полосы движения и двух полос парковки. Дома стояли рядом друг с другом, между ними почти не было места, получалась такая сплошная линия улицы. Перед каждым домом был садик, сзади — широкий двор. В ежедневнике Джейн задокументирован их запланированный переезд: они должны были измерить комнаты 1 августа, получить кредит 10 сентября, установить телефон 13 ноября, переехать 21-го, выехать со Спайдина-роуд на следующий день.

«Мы хотим, чтобы у нас было больше места, — писала Джейн своему молодому другу-планировщику, Дэвиду Гурину, вскоре после переезда. — Я говорю „хотим“, потому что сейчас первый этаж, где мы снесли стены, это своего рода наполовину заштукатуренный хаос»³³. Боб водрузил свой дизайнерский знак при входе на первый этаж, полки на кухне смотрели в гостиную, новым диваном в гостиной служили садовые качели, обтянутые искусственной кожей. Сын Джим вспомнил дом, со всеми его странностями, как «очень элегантно выглядящее место». Через несколько месяцев после переезда Джейн написала матери: «плотник вчера закончил балкон — или, как они здесь выражаются, веранду»³⁴ на площадке на крыше с задней стороны дома, над кабинетом Джейн, практически у верхушек деревьев. «У нас все еще бардак, — писала она Эпштейну в начале следующего года. — За работу принялись маляры; какое облегчение после штукатуров. Хей, а это будет модное место». Со временем дом обрстет виноградной лозой. Высокие клены вытянутся на переднем дворе.

Конечно, Джейн важен не только дом, но и улица. И даже не просто улица, а ее связи с районом и городом. Дом на Ол-

30. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 20 июля 1970 г., архив Random House, Folder 1365, ColumbiaRare.

31. Уильям Паркс (William Arthur Parks, 1868–1936) — канадский геолог и палеонтолог, работал в Университете Торонто. Дал имена по меньшей мере четырем видам палеозавров, в честь него назван в 1937 году парксозавр. — *Прим. ред.*

32. Дж. Дж. — Барбаре Чизем, 6 мая 1997 г., Burns, 5.

33. Дж. Дж. — Дэвиду Гурину, даты нет, но стоит ее новый адрес, архив Дэвида Гурина.

34. Дж. Дж. — матери, 16 июля 1971 г., Burns, 4:9.

бани-авеню находился в паре минут ходьбы от метро — станции Бэтхерст на Блур-стрит, откуда на поездах, отправляющихся каждые три-четыре минуты, можно было добраться с пересадкой на линию Янг-стрит буквально в любое место в даунтауне. Ряд магазинов и предприятий на Блур-стрит изменился за годы. Сначала туда ходили в основном местные: там были бакалейщики и мясники, маленькие магазины одежды, магазин пряжи. Джейн брала свою «сумку-тележку», набирала провизии, иногда ехала на метро на старый рынок Сент-Лоуренс. Со временем, когда Аннекс благоустроили, на Блур-стрит стали приезжать за покупками жители других районов и студенты, а магазинов только для местных становилось все меньше³⁵.

Джейн проведет на Олбани-авеню остаток своей жизни — четверть века с Бобом, а потом еще десять лет одна.

В результате первого всплеска дизайнерского остроумия Боба дом преобразился. Однако с течением времени он постарел, как Джейн и Боб, стал привычным и дружелюбным, хотя и не избежал поношенности, с его витражными окнами, африканской скульптурой, масляным портретом двоюродной бабушки Джейн, пугалом из одежды и проволочки над лестницей, бесконечными полками с книгами³⁶. Часто приходили дети, которые уже жили самостоятельной жизнью. Когда приезжали братья и сестры Джейн с семьями, они останавливались у Джейн с Бобом на Олбани-авеню, 69, или напротив — у их друзей Тошико и Сида, в доме 74, или дальше по улице у сына Джима и его жены Пат, в доме 31.

Джейн стала неотъемлемой частью местного сообщества. Она сидела на переднем крыльце, глядя, как дети с грохотом мчались по тротуару на скейтбордах. Продавала варенье на осенних ярмарках района. Можно было увидеть, как они с Бобом гуляют вместе, иногда взявшись за руки. Она могла появиться на районных собраниях и выступить, не записываясь заранее, — всегда ей кто-то уступал свое время. Как выразился один из соседей: «Нельзя отказать Джейн Джекобс»³⁷. Другой сосед рассказал о том, как срубил перед своим домом большое дерево, и вдруг столкнулся на улице с Джейн: та была в ярости, назвала его «белым маляром» — местное прозвище тех, кто, купив дом, покрывает его слоем белой краски,

35. Интервью с Джимом Джекобсом.

36. Эта и другие подробности о доме взяты из статьи *Associated Press* за авторством Хиллел Итали, 23 ноября 2000 г., *Burns*, 44:3.

37. Интервью с Робертом Брауном, прежним соседом Джейн по Олбани-авеню, 39.

чтобы тут же продать подороже³⁸. Позже, когда выкапывали корни и обнаружилось, что дерево действительно умерло, она извинилась.

Еще одна соседка по Аннексу, Катерина Гильднер, рассказала о том, как Джейн ее спасла³⁹. Она была аспиранткой и молодой матерью, гуляла рано утром в парке с младенцем на руках и близнецами в коляске и еле справлялась с ними: «Ну, вы знаете, одного кормишь, а другие орут» Старший ребенок капризничает: «Мамочка, мамочка, посмотри мои хоккейные карточки». Мужа не было в городе, она была одна, вконец измучена, ей было сложно уследить за всеми. К ней подошла пожилая женщина. «Она не спросила: „Не нужна ли вам помощь?“ Потому что я из тех, кто ответил бы: „Нет, все в порядке, спасибо вам большое“». Вместо этого она просто остановилась, взяла детскую бутылочку, схватила одного из близнецов и стала его кормить, одновременно тихо беседуя с малышом о его хоккейных карточках:

А, ну я знаю Горди Хоу... Казалось, ей правда интересно. Она переворачивала карточки, не переставая кормить малыша, читала статистику. Какие отличные карточки. Давай их разложим. И ему это понравилось. Он просто в восторг пришел от того, что ему оказали внимание. Я так хорошо это помню. Ведь я видела, как встает солнце — впервые с тех пор, как родились дети... впервые я находилась в тишине. Она была как бархат.

Конечно, этой женщиной была Джейн Джекобс, хотя Гильднер поняла это только через год: однажды на нее указал ее муж, когда они пошли за покупками на Блур-стрит.

Не воспетый ни в одной из ее книг, как был воспет дом на Гудзон-стрит в «Смерти и жизни», дом на Олбани-авеню стал местом паломничества; Джейн не понравилось бы это слово, но оно было недалеко от истины. Мэры городов и гражданские активисты, журналисты и ученые приходили разрабатывать политические стратегии, проверять идеи, участвовать в интеллектуальных поединках, которыми она наслаждалась. «У нее была забавная манера говорить сухо, — вспоминает Бобби Спек. — Она никогда не выражала никаких чувств... Она была невозмутимой, как древняя черепаха».

Тем временем Канада *приняла* Джейн. «У меня вызывают недоумение все эти метания относительно канадской самобыт-

38. Интервью с Робертом Брауном.

39. «Jane Jacobs' Annex: A Guided Audio Walking Tour», produced by Sarah Elton, City of Toronto — Office of the Public Realm, CBC/Radio Canada, and Jane's Walk.

ности»⁴⁰, — сказала она интервьюеру в начале 1970 года. «Когда приезжаешь сюда извне, как я, то сразу понимаешь, что означает „канадский“». Для нее это означало здравый смысл и меньше недоверия к властям; Джейн очень впечатлило, как спокойно Канада раскрыла свои объятия угрожающему «нашествию хиппи» тем летом. Она «поверила в канадский характер: у них как у народа полностью отсутствует истерия или готовность впасть в то, что я называю „манией праведности“».

В сентябре 1974 года, через шесть лет после иммиграции, Джейн стала гражданкой Канады⁴¹. Она пошла в специальный суд в Торонто, заплатила пошлину в 12 долларов, заполнила заявление, предъявила паспорт и свидетельство о рождении и через несколько недель ее вызвали предстать перед федеральным судьей. Судьей была женщина примерно того же возраста, что и Джейн, — она сама эмигрировала из Польши четверть века назад. В какой-то момент Джейн по собственной воле призналась, что ей нравится канадская идея «мозаики»: иммигранты и их потомки не обязаны ассимилироваться полностью, они вполне могут сохранять свои этнические и лингвистические корни, — как яркие цветные плитки в единой сети. Ей казалось, что это лучше американской идеи «плавильного котла», который как раз стирает такие различия. Здесь судья засмеялась. *Так было не всегда*. Впервые прибыв в Канаду, она работала на фабрике, где менеджер запретил ей разговаривать по-польски с другими поляками, предупредив, что в противном случае ее уволят. Она не послушалась, и ее уволили. Иногда, сказала судья, канадские женщины говорили ей: «О, да, у моей матери была домработница — поляка». На это она отвечала: «Так и у моей мамы были, пять или шесть».

Через несколько недель Джейн пришла принимать присягу и, вместе с 89 другими просителями со всего мира, стала канадской гражданкой. Каждый в свою очередь подходил к трибуне, клал руку на Библию и клялся быть «верен и предан Ее Величеству, королеве Елизавете Второй, ее наследникам и преемникам». Судья «с большим вниманием выслушал каждого из 89, не выказав ни малейшего намека на скуку или витания в облаках, словно все это было для него так же важно, как и для человека, который произносил клятву», потом пожал каждому руку и вручил сертификат о гражданстве.

Мы знаем, как Джейн стала канадкой, только потому, что она подробно описала это в письме. Адресатом была Бесси Ро-

40. McCall.

41. Дж. Дж. — матери, *Matter*, p. 143. См. также: *Ethics*, p. 26–27.

бисон Батцнер, ее мать, с 1946 года жившая в Виргинии, рядом с сыном Джоном; в свои девяносто она все еще была в добром здравии.

В другом письме, в 1971 году, Джейн сообщила матери, что они с Бобом только что провели отпуск на Канарских островах у побережья Марокко: они были там со старыми друзьями, процветающим фермером и его семьей, чья компания поставляла бананы, клубнику и овощи по всей Европе⁴². Джейн рассказала об экспериментальном оплодотворении в пробирке, о том, что свиньи питались в основном отбракованными помидорами, а крупный рогатый скот — сердцевиной рубленого бананового дерева. Она описала водоснабжение фермы, как вода бежит из глубоких скважин в горах по диким местам через акведуки, резервуары и ирригационные трубы; как семья планирует разводить дикорастущий вид кактусов, не нуждающийся в поливе и дающий убежище кошенили — насекомому, из которого добывают ценный красный краситель. Добывать насекомых из растения планировали пылесосом. Джейн увлеклась подробностями семейного бизнеса и их социальной философией, и невероятными пейзажами острова — «дикие горы и огромные ущелья с крошечными долинами, и здесь и там маленькие, почти изолированные деревни», — противопоставляя его туристическую экономику экономике Карибских островов.

Это и многие другие письма Джейн к матери 1970-х годов, хранящиеся в Библиотеке Бёрнса в Бостонском колледже, конечно, говорят что-то и о самой Джейн. В том, что она посылала их так много и часто, видится, по меньшей мере, послушание хорошей дочери. Можно предположить, что ей было небезразлично, чтобы мать гордилась ею и уважала — так, она могла обронить вроде бы мимоходом, что ей предложили 2000 долларов за выступление на лекциях *Dunning Trust* в Королевском университете или что «Смерть и жизнь» назвали «ключевой книгой» для программы непрерывного образования Американской ассоциации высшего образования для женщин. «Просто я подумала, что тебя это может заинтересовать, — пишет она об этом приглашении. — Можешь не возвращать». Но уже то, что Джейн писала матери письма, наполненные идеями, мыслями и личным опытом, иногда с удивительными подробностями, указывает в первую очередь на ее уверенность в том, что Бесс Батцнер захочет их *услышать*, будет *заинтересована* в них. Очевидно, дела давно уже обстоят именно так.

42. Дж. Дж. — матери, 2 апреля 1971 г., *Matter*, p. 133–134.

1 мая 1973 года Джейн написала матери об амбициозном велосипедном проекте сына⁴³. На Ярмарке китайского экспорта Джимми, которому было тогда двадцать пять, заинтересовался, сможет ли он импортировать велосипеды в Канаду. Вскоре он купил тридцать штук — под маркой *Flying Pigeon* — по 19 долларов за штуку, планируя продать их по 60 долларов. Велосипеды должным образом доставили. Разобранными. На самом деле деталей было *очень много*. Сложить их вместе означало не просто присоединить колеса к раме или даже сложить колесо из втулки, спиц и обода. Нет, надо было собрать и сами втулки. Их прислали вместе с мешками шарикоподшипников, каждый из которых следовало окунуть в густую смазку и только потом поставить на место. Команда сборщиков Джима включала и родителей, которых, утверждает он, не надо было просить или уговаривать. «Они с энтузиазмом принялись за работу». Велосипеды прислали прямо перед Пасхой, писала Джейн матери. Джим

...снял небольшой гараж за углом, там они и собирались, по выходным и по ночам. Мы с Бобом провели почти весь пасхальный уикенд, собирая колеса. Как же это замечательно — видеть красивое велосипедное колесо, которое ты собрал своими руками из обода, втулки, горсти проволоки [спиц] и небольшой кучки шурупов. Довольно сложно собрать их как надо, и Джимми написал для нас инструкцию, проанализировав колесо своего велосипеда. Каждый велосипед состоял из 408 деталей, и их надо было собрать! Никаких инструкций. Названия деталей — на китайском... Велосипеды действительно красивые, всё отличного качества и сделано очень хорошо. Прекрасно обработанные, жесткие детали. Великолепные седла из настоящей толстой кожи.

Через несколько месяцев, 6 ноября 1973 года, на обратном пути из Киото, старой имперской столицы Японии, и Токио, где Джейн выступала на международном конгрессе по промышленному дизайну, она написала матери:

Гостиница в Киото очень красивая. Совсем простая, но тихая и симпатичная. Мой номер состоял из прихожей; главной комнаты с низким столиком для завтрака и обеда — на ночь его убирали, когда выносили из шкафа кровать (толстый коврик на пол, очень удобный); маленького алькова из стекла, со столом и туалетным столиком и подушкой на полу перед ним; и японской ванной комнаты с деревянной ванной, всегда наполненной горячей водой, которая подогревалась с помощью системы отопления. Все комнаты, кроме ванной, были застелены толстыми, удобными и красивыми соломенными ковриками, стены раз-

43. Дж. Дж. — матери, *Matter*, p. 139; интервью с Джимом Джекобсом.

движные, из бумаги, снаружи — стеклянные раздвижные стены. Номер выходил в маленький, но красивый сад. Меня ожидала крошечная леди в синем кимоно, которая не говорила по-английски. Мы очень хорошо объяснились жестами⁴⁴.

В те годы Джейн постоянно писала о саде; странные фрагменты происходящего вокруг, например, начала рассказывать о «трех черных белках, пробежавших через двор, они гонялись друг за другом как сумасшедшие»⁴⁵; и, конечно, писала о внуках. В середине 1970-х годов, когда Америку и Канаду захватил подпитываемый беби-бумом молодежный бунт, это представляло особенный интерес. Например, в 1971 году Джиму было двадцать три, и он был выпускником физического факультета Университета Торонто. Неду — двадцать один год, и он отправился путешествовать по миру: ездил в Европу, Азию и западную Канаду. Мэри исполнилось шестнадцать, и она только вступила на путь приключений молодости⁴⁶.

Когда семья переехала в Торонто, Мэри было всего тринадцать лет, и она пошла в школу Джесс Кетчум, общеобразовательную школу недалеко от дома на Спадина-роуд. Но школа — а она вот только сбежала от «неласковых объятий» нью-йоркских школ — всегда была для нее проблемой. «Я все время отставала», — вспоминает она. Здесь все так дико отличалось от Нью-Йорка; канадцы «занимались странными вещами, например, хоккеем на траве». В конце концов она бросила среднюю школу. Некоторое время ходила в местную «свободную школу» Саммерхилл, вдохновленную идеями А. С. Нилла⁴⁷; ей не нужно было выбирать конкретных курсов, в некотором смысле она сама отвечала за свое образование. «Мы перепрограммировали себя», — говорит она сегодня. Она выбрала несколько курсов, или опытов, или *чего-то такого* по искусству, но скоро, к шестнадцати годам, чувствуя себя потерянной, отправилась на запад.

Поездки Мэри и других детей, казалось, не особенно беспокоили родителей: что бы они ни собрались исследовать, Джейн с Бобом не препятствовали. Когда Мэри оказалась в крошечном городке в западной Канаде, говорит она сейчас, они отнеслись к этому нормально; автор «Смерти и жизни больших американских городов» не имела «ничего против деревень или

44. Дж. Дж. — матери, Burns, 4:9.

45. *Matter*, p. 134.

46. Интервью с Бургин Джекобс.

47. Александр Сазерленд Нилл (Alexander Sutherland Neill, 1883–1973) — британский педагог-новатор, сторонник свободного образования детей, основатель следующей его принципам школы Саммерхилл. — *Прим. ред.*

маленьких городов». Джейн писала матери в июле 1972 года о том, как Мэри «отправилась на деревенскую ярмарку, которую проводил фермерский кооператив, и они подали к столу двух жареных свиной, по 200 фунтов каждая, и 200 фунтов печеной картошки и морковки. Угадай, кто разделявал свиной? Мэри!.. Она говорит — „уикенд удался“»⁴⁸.

Но даже Джейн волновалась за своего младшего ребенка, пока та путешествовала по континенту. По крайней мере, такой вывод сделала подруга и соседка Джейн, Тошико Адильман, с которой она познакомилась на соседском чаепитии вскоре после того, как переехала на Олбани-авеню. Тошико была переводчицей с японского на английский, она вышла замуж за местного журналиста и сама недавно стала матерью. Она иногда разинув рот смотрела на беспечный стиль воспитания Джейн. Но однажды, когда они говорили о путешествиях Мэри по стране, у Джейн вырвалось: «Не слишком ли она молода, вы не считаете?» Такое можно услышать от любого родителя подростка, покинувшего семейное гнездо. Но услышать это от Джейн, которая «принимала каждого» таким, какой он есть, побуждала двигаться в любом направлении, куда бы они только ни захотели, делать что угодно, что им только захочется, — для Тошико это действительно звучало утешительно. «Один-единственный раз, когда у Джейн проявилась нормальная родительская тревога». Наконец-то она могла сказать: «В конце концов, она нормальная!» Однажды Мэри ехала автостопом по Канаде в середине зимы, одетая в пальто, которое сама сшила из тяжелой овчины. «Джейн переживала ровно до тех пор, пока не увидела, какой неуклюжей выглядела Мэри в этом пальто, — вспоминает Нед. — Никто не будет с ней связываться».

Какое-то время Мэри жила на острове Техада к северу от Ванкувера в проливе Джорджия. Нед, скукавший по своим нью-йоркским друзьям, нашел Торонто «холодным в общении» и сам съездил автостопом в Ванкувер к Мэри в гости. Он рассказал, как писала Джейн матери, что Мэри живет в «маленькой бревенчатой хижине, с разрешения хозяев, и действительно очарована жизнью в глуши... Она сделала замечание Неду, что он так много болтает, сказала ему, что вся эта болтовня — городская черта»⁴⁹. Она «кормила Неда моллюсками, мидиями, грибами, диким луком, ежевикой — которые собирала сама, хлебом и овсянкой, которые сама готовила, ветчиной, яйцами и картошкой, которые покупала».

48. Дж. Дж. — матери, *Matter*, p. 135.

49. Дж. Дж. — матери, *Matter*, p. 137.

Декабрь: «Позавчера у нас был большой сюрприз. Мэри вернулась. Она выглядит сильной, здоровой и красивой, полной жизни и в хорошем настроении... Можешь себе представить, как мы рады ее видеть и как здорово слушать о ее приключениях»⁵⁰. Мэри приехала со своим парнем, Дугом, с которым, как казалось Джейн, она была счастлива. Поженятся ли они? Дуг в свои двадцать семь был достаточно взрослым, чтобы знать, чего он хочет. Но Мэри, казалось ей, «ужасно молода для брака».

Скоро она больше не будет «Мэри».

Имя, похоже, давно не давало дочери покоя. Оно несло груз Нового Завета и было самым женским из всех возможных, в то время как она воспринимала себя практически лишенной пола. Так что она обдумывала новое имя, которое бы лучше отражало ее настоящую суть. Она выбрала Бургин — девичью фамилию родственницы отца. «Мне правда нравится эта семейная связь», — говорит она; вырастая, она слышала это имя дома, хотя даже не знала толком, как оно пишется. («Я не сильна в правописании», — признается она). Но она решила попробовать; вскоре все называли ее Бургин, так она и осталась Бургин.

Одному семейному другу казалось, что Бургин делала все, чтобы выскользнуть из тени Джейн. Поездка на запад в столь юном возрасте, возможно, тоже отражала этот порыв — такое предположение слышала Тошико Адильман. Рили Хендерсону, мужу племянницы Джейн, Джейн Батцнер, переход к Бургин напомнил о том, как чернокожие отказывались от старых рабских имен и находили необычные новые имена. Что касается самой Джейн, ей было сложно привыкнуть, иногда она забывалась и называла дочь «Мэри», иногда неправильно произносила новое имя: «Бергин» или «Берген»⁵¹.

«Послезавтра, — писала Джейн Джейсону Эпштейну в июне 1975 года, — мы с Бобом уедем в Ванкувер и дальше в глушь, чтобы посмотреть на Западное побережье. Мэри и Дуг поселят нас в свое второе типичное, которое, к счастью, еще не продано. Мы вернемся 7 июля, а потом с удовольствием приступим к работе»⁵².

К работе, стало быть, над ее третьей книгой, которая по прошествии пяти лет все еще не была закончена.

50. Дж. Дж. — матери, 3 декабря 1972 г., Burns, 4:9.

51. Как, например, в нескольких записях Джейн в ежедневниках 1977 и 1978 годов, Burns, 37. Или в письмах: Дж. Дж. — Декеру Батцнеру, 13 декабря 1978 г., 22 апреля 1979 г., архив Декера Батцнера.

52. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 23 июня 1975 г., архив Random House, Box 1365, ColumbiaRare.

Глава 20

Наша Джейн

«**Ж**ИВИ размеренно и заурядно, как буржуа,— писал Флобер,— чтобы в своем творчестве ты был неистов и оригинален».

Что-то вроде этого можно сказать и о Джейн Джекобс. Ее жизнь на Олбани-авеню может показаться размеренным существованием представителя среднего класса. Она почитала семейные традиции. В ее ежедневнике вы найдете список покупок на День благодарения: индейка, клюква, фарш, лук. Каждый год, как по часам, она готовила, согласно все тому же устоявшемуся расписанию, рождественский окорок. И рождественское печенье. И *формочки*, чтобы испечь рождественское печенье. «Мы наделали много новых формочек,— писала она Дэвиду Гурину в декабре 1971 года,— в том числе (узнаваемую!) Венеру Милосскую, руки-то у печенья в виде человечков в любом случае всегда ломаются»¹. Только когда она уходила в свою работу, ее голова делалась полностью свободной. Она читала, предавалась интеллектуальным играм, оттачивала свои идеи — сначала грубые, неоформленные, запутавшиеся в мешанине капризных фактов, теорий, наблюдений и воспоминаний,— в предложения, абзацы и книги.

Неплохо, но только в принципе. Ведь за все 1970-е годы новая книга, которую она хотела назвать «Свободные города» и которая планировалась как минимум с 1970 года, так и не вышла. В июне она писала Джейсону Эпштейну: «Наконец я берусь за серьезную работу... и не собираюсь больше отвлекаться. Все это время я действительно пыталась разобраться»². Что ж, мыслила она масштабно. Сын Нед вспоминает, как они ехали в переполненном вагоне метро в Торонто, и вдруг «ни с того ни с сего она проговорила, что планирует написать еще три

1. Дж. Дж.— Дэвиду Гурину, 12 декабря 1971 г., архив Дэвида Гурина.

2. Дж. Дж.— Джейсону Эпштейну, 10 июня 1970 г., архив Random House, Box 1365, ColumbiaRare.

книги». «Свободные города», писала она Джейсону Эпштейну, должны стать, наряду со «Смертью и жизнью» и «Экономикой городов», третьей книгой в том, что она называла «единой серией на тему города».

Однако первые признаки проблем появились рано. В октябре 1971 года, отвечая на первый черновик части книги, Джейсон ясно дал понять, что ему не нравится. Те страницы, что она ему прислала,

...послужат хорошей схемой или описанием будущей книги, но не думаю, что они послужат хорошим началом самой книги. Повествование слишком абстрактное, слишком просто заявленное и недостаточно обоснованное или показательное. Преданным поклонникам, вроде меня, она покажется бедной, самоочевидной и вторичной; непосвященным покажется неясной и надуманной³.

Через неделю Джейн ответила: «Вы совершенно правы; ваше письмо и заметки на полях хорошо мне помогли; они направили меня по другому пути, который я иначе долго бы нащупывала»⁴.

Через две недели Джейн подписала договор на новую книгу⁵. Теперь она называлась «Города и страны», опубликована в итоге будет под названием «Города и богатство наций». В ней Джейн изложит свой взгляд на причины процветания мира, основанного на инновационных городах, и экономический упадок печально многих мест, отрезанных от них. Предполагался объем в пятьдесят тысяч слов — коротковато по сравнению с первыми двумя книгами Джейн. Планировалось, что она выйдет в *Random House* 1 октября 1972 года. Разумеется, этого не произошло.

Еще в июле Джейн писала матери:

Я усердно работаю сейчас над книгой, но многое еще предстоит сделать. Обо всей книге целиком даже думать страшно, так что я в основном думаю о той части, над которой работаю — этого достаточно, чтобы *суджел* [редкая описка]⁶ мои мозги. Больше я точно ни на что не отвлекусь, теперь, когда мы переехали и т. д., и магистраль остановлена⁷.

3. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 8 октября 1971 г., архив *Random House*, Box 1365, ColumbiaRare.

4. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 19 октября 1971 г., архив *Random House*, Box 1365, ColumbiaRare.

5. Договор датирован 1 ноября 1971 г., его можно увидеть в архиве *Random House*, Box 1365, ColumbiaRare.

6. Возможно, вместо *суджел* («отдубасить»). — *Прим. ред.*

7. Дж. Дж. — матери, 16 июля 1971 г., Burns, 4:9.

Но она *отвлекалась* — или, скажем так, ее *отвлекали*, хотела того Джейн или нет. «Смерть и жизнь», а также слава активиста сделали ее публичной персоной. «Экономика городов» только упрочила ее положение: она не писатель-однодневка. В 1969 году *Vogue* опубликовал с ней интервью, где была и ее фотография. «Мама, — якобы сказала Джейн миссис Батцнер, которая долго сетовала на отсутствие у дочери вкуса в выборе одежды, — а когда в последний раз твоя фотография появлялась в *Vogue*?»⁸ Ей больше не придется мириться с *этой* ерундой! Теперь и позднее, в 1970-е годы, Джейн доросла до роли публичного гражданина, публичного интеллектуала, особенно когда время подтвердило ее идеи и узаконило ее взгляды.

В течение десяти лет после издания «Смерти и жизни» в школах планирования и архитектуры по всему миру постепенно менялось представление о городах. Годы спустя Николай Роскамм, ученый-урбанист из Технического университета Берлина, даст этому явлению название. Он назовет его «поворотом к плотности», имея в виду плотность населения: число квартир на акр или людей на квадратную милю⁹. До «Смерти и жизни» высокая плотность считалась плохим показателем, и все на этом; можно было даже не задумываться, на ум сами по себе приходили переполненные трущобы. Потом пришла Джейн Джекобс и сказала, что плотность может быть доброкачественной, полезной; что городам *необходима* достаточно высокая плотность для жизни; что в хороших районах вроде Гринвич-Виллидж и бостонского Норт-Энда плотность населения высокая, в то время как какие-то из самых худших трущоб были пустошами с низкой плотностью.

В тридцатистраничной главе «Необходимость концентрации» она последовательно привела детальные аргументы, которые, несомненно, и вызвали «смену парадигмы» — радикально новый способ рассмотрения темы, который заставляет либо вопреки всему держаться старых истин, либо навсегда и всерьез измениться. Со «Смертью и жизнью», пишет Роскамм, «стало возможным изменить утверждение „высокая плотность — зло“ на „плотность — это городская жизнь“». Если вы хотите видеть живые улицы, работающую систему общественного транспорта, экономическую устойчивость, то вам нужны толпы людей. Этот образ мысли, признавал Роскамм, не всегда вписывался

8. Любимая история в семье.

9. См.: Nikolai Roskamm, «Taking Sides with a Man-eating Shark: Jane Jacobs and the 1960s „Density Turn“ in Urban Planning», в Schubert, p. 83–92.

в городские *нормативы* по планированию, отражающие старый образ мысли. Но для дизайнеров, планировщиков и архитекторов 1960-х и 1970-х годов великий «поворот» был очевиден. Аргументы Джейн укрепились и стали частью той истины, с которой теперь считались образованные люди. Как чуть позже напишет архитектурный критик *New York Times* Пол Голдбергер, теория Джейн стала «стандартной городской теорией»¹⁰.

К тому времени в Сент-Луисе подошел к концу большой эксперимент.

Огромный жилой комплекс — 12 тысяч человек, 33 одиннадцатиэтажных здания, возвышающихся над 50 акрами на северной стороне города, — провозглашенный во время строительства в начале 1950-х чудом модернизма (конечно, на благо бедняков, которых он вырвет из трущоб), в один прекрасный день в 1972 году бесцеремонно снесли. Спроектированный Минору Ямасаки, будущим архитектором башен-близнецов Международного торгового центра в Нью-Йорке, он с потрясающей быстротой выродился, стал являть собой мрачную картину преступности, вандализма и отчаяния. В конце концов там оставались только беднейшие из бедных.

Он назывался Пруитт-Айгоу, и жуткие кадры последних секунд его жизни стали чем-то вроде урбанистической порнографии: мы видим опустевшие дома, выстроившиеся в ряд, ожидающие расстрельной команды, но уже безжизненные. Минута тишины. И вот, в одном здании, с нижнего этажа — первые белые клубы инженерных взрывов. И потом, один за другим — ряд взрывов, в итоге все здание рушится на землю в клубах дыма, грохота, пыли и обломков. «Современная архитектура умерла в Сент-Луисе, в Миссури, 15 июля 1972 года в 15:32», — писал о Пруитт-Айгоу архитектурный критик Чарльз Дженкс¹¹.

Конечно, не все так просто. Современная архитектура выжила. Кроме того, и в Пруитт-Айгоу были свои плюсы. У первых жителей появились новые квартиры, чего они и хотели; «пентхаус бедняка», — назвал свою квартиру один из жильцов¹². Джейн тоже напишет о Пруитт-Айгоу: «Не думаю, что

10. Paul Goldberger, review of «Urban Utopias in the Twentieth Century» by Robert Fishman, *New York Times*, January 21, 1978.

11. Charles Jencks, *The Language of Post-Modern Architecture* (New York: Rizzoli, 1984) p. 9. «Эпоха веры американцев в большие планы подошла к концу, что очень символично, — сказала Джейн на панельной дискуссии в 1980 году в Фанел-холл в Бостоне, — когда то здание в огромном социальном жилом комплексе Пруитт-Айгоу в Сент-Луисе было на глазах у всех взорвано властями».

12. *The Pruitt-Igoe Myth*.

надо что-то сносить. Не думаю, что можно позволять себе такие расходы. Вместо того, чтобы разрушать, надо научиться встраивать их, делать их частью города»¹³. И все же для Джейн, осуждавшей многочисленные Пруитт-Айгоу Нью-Йорка и излюбленные приемы архитекторов и планировщиков в них, этот взрыв динамита, должно быть, был искуплением.

В письме матери в июне 1974 года Джейн извинялась за то, что давно не писала. Она просила прощения, во-первых, потому что во «время посевной мне надо было заняться посадками, чтобы не отставать от природы, которая подарила нам славную и невероятно красивую весну»; и во-вторых, потому что работа над книгой так ее вымотала, что она «едва могла заставить себя вновь стучать по клавишам пишущей машинки после ночного сна»¹⁴. Она рассказала о ростках помидоров на крыше, отцветших тюльпанах и лилиях, о том, как высоко и быстро растут бобы.

Потом вдруг такой абзац: «О Роберте Мозесе написали невероятную книгу». Издатель прислал ей препринт *The Power Broker* Роберта Каро, тысяча двести страниц; книга была настолько велика, что ее пришлось разделить на два тома. Они с Бобом лежали «ночью в постели под светом ночника с этими томами-близнецами», — писала она. «Джимми говорит: веселое зрелище. Что ж, мы всегда знали, что Мозес ужасный человек, совершавший ужасные поступки, и все равно книга оказалась шокирующим открытием. Он гораздо хуже, чем мы могли себе представить». Мозеса, которого долго считали Голиафом для Давида — Джейн, теперь представили в изобличающих подробностях агрессором и лжецом, разрушителем общества и человеческих жизней.

Еще один удар со стороны более чуткого и гуманного взгляда Джейн на жизнь города.

В Торонто вам, вероятно, не требовалось вникать во все эти подробности, чтобы видеть, как представления о городах меняются, и Джейн Джекобс имеет к этому кое-какое отношение. Годами торонтоцы предъявляли на нее свои права, по-дружески тепло и немного фамильярно называя ее «наша Джейн»¹⁵, — словно подчеркивая, что она больше не «их Джейн», Джейн Джекобс с Гудзон-стрит из Нью-Йорка, США. Все больше

13. Jane Jacobs, «Futility vs. Taking Chances», рукопись, дата и место не указаны, Burns, 13.

14. Дж. Дж. — матери, 12 июня 1974 г., *Matter*, p. 98.

15. Например, Уэллман.

и больше она принадлежала Торонто. Она пыталась отстаивать свое время, необходимое для написания книг, но это было нелегко, ведь так часто просили ее совета, спрашивали об ее идеях, искали ее одобрения по поводу проекта или петиции.

Вскоре после переезда в город работодатель мужа, Эб Зайдлер, уже прочитавший «Смерть и жизнь», советовался с Джейн по поводу многих своих проектов¹⁶. Например, Итон-центра, сводчатой многофункциональной галереи, проекта его компании в даунтауне Торонто — как лучше встроить ее в окружающий городской ландшафт, не отгораживаясь от самого города. Или по поводу так никогда и не реализованного амбициозного проекта жилого комплекса на 60 тысяч человек на осушенных землях на озере Онтарио. Это называлось Харбор-сити и представляло собой, как заявила Джейн на пресс-конференции в мае 1970 года, возможно, «самый важный прорыв в городском планировании в этом веке»¹⁷.

Частным образом — и возможно, с большей свободой — она готовила доклад о принципах зонирования для Харбор-сити. «Запретительное» зонирование кое-что не позволяло делать, но оставляло свободу для всего остального. «Разрешительное» зонирование кое-что позволяло, но запрещало все остальное. Джейн исследовала уровень шума и загрязнения воздуха, негармоничный масштаб, уродливые знаки: замысел состоял в том, чтобы избежать «ужасных, вульгарных наборов знаков», но не стандартизировать их и не запрещать напрямую¹⁸. Одна стратегия заключалась в том, чтобы ограничить их размер в квадратных футах, другая — чтобы в каждом отдельном случае требовалось разрешение; ни один из подходов не был идеален. В любом случае Джейн не пробегалась по верхам этих сложных вопросов, а вникала в них: вышло *девятнадцать страниц* только по зонированию.

Отчасти благодаря борьбе против магистрали Спадина Джейн сблизилась с поколением молодых политиков, через которых получила доступ к городской администрации, чего у нее никогда не было в Нью-Йорке. В конце декабря 1972 года она написала Джейсону о «фантастических выборах», только что прошедших в Торонто: «Многих негодяев выперли. Пришло много невероятно хороших людей»¹⁹. Новым мэром стал Дэвид

16. Интервью с Эбом Зайдлером, Максом Алленом, Джимом Джекобсом.

17. «Randall Unveils Plan for \$500 Million City in Toronto Harbor», *Toronto Star*, May 20, 1970.

18. Докладная записка, Дж. Дж. — Эберхарду Зайдлеру, 15 июля 1970 г., Burns, 13.

19. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 29 декабря 1972 г., архив Random House, Box 1365, ColumbiaRare.

Кромби²⁰, который, будучи молодым преподавателем в Университете Райерсона, даже давал студентам «Смерть и жизнь». Позже за миниатюрный рост и огромную популярность его прозвали «славным маленьким мэром» Торонто. В новый совет «по реформам» вошел общественный организатор и будущий мэр Джон Сьюэлл²¹, который задолго до переезда Джейн сражался, как и она, во благо бедных жителей города. Оба стали ее друзьями. Оба внесли свою энергию, талант и порцию идеализма 1960-х годов в новый Торонто.

До того, как приехала Джейн, говорит Кромби, Торонто все еще слишком равнялся на США: *Нам необходимо городское обновление и автомагистрали, нам нужно учиться у США*, — вот каким было общее мнение. Конечно, если посмотреть через границу — увидишь огни Детройта. Но в любом случае «американский фон не уставал напоминать о себе»²². Джейн для какой-то части торонтцев «не [столько] поделилась своей мудростью, сколько узаконила наши предчувствия... Она дала нам моральную легитимность».

Что касается возникавшего время от времени предположения, что Джейн лично, если не брать во внимание ее книги, на город почти не повлияла²³, то Кромби так не считал: «Вряд ли можно сильнее ошибаться на этот счет». Алан Брудбент, родившийся в Ванкувере филантроп, который приехал в Торонто в 1972 году и долгое время восхищался Джейн, допускает, что, наверное, невозможно провести абсолютно «прямую» линию от нее к любому конкретному процессу планирования в Торонто, но действовала «сила ее идей», которые «стали центральными принципами планирования в Торонто» — благодаря не только ее книгам, но и кулуарным беседам, обсуждению планов, рекомендациям людей, общественным форумам. Но иногда она находилась прямо на линии фронта.

20. Дэвид Кромби (David Edward Crombie, 1936) — канадский политик, мэр Торонто с 1972 по 1978 год. Член парламента Канады в 1978–1988 годах, сменил за это время несколько постов в кабинете министров страны. Его политическая карьера началась в 1960-е годы с участия в движении за городские реформы в Торонто и против Спадины. — *Прим. ред.*

21. Джон Сьюэлл (John Sewell, 1940) — канадский политик, городской активист, мэр Торонто с 1978 по 1980 год. — *Прим. ред.*

22. Интервью с Дэвидом Кромби. Зарисовка о той эпохе сделана на основе интервью с Джоном Сьюэллом, Джимом Джекобсом, Аланом Брудбентом, Максом Алленом, Аланом Литлвудом и Кромби.

23. См. Richard White. Более типичное утверждение можно прочесть у Кена Гринберга в *Walking Home*, р. 67: «Наблюдения Джейн Джекобс вызвали почти немедленный резонанс в Торонто... Ее идеи быстро шли к тому, чтобы стать общепринятой истиной».

«В половине седьмого утра, — писала Джейн 5 апреля 1973 года Джейсону Эпштейну, — я помогла сломать заборы вокруг тех домов, которые собирались снести, чтобы на их месте построить ужасную многоквартирную башню. Таким образом мы отсрочили снос, потому что сносить без ограждения запрещено. Очень довольна»²⁴. Под руководством Джона Сьюэлла группы из района устраивали митинги на углу улиц Дандас и Шерберн, обветшавшего угла города к западу от даунтауна. За день до этого высокий деревянный забор — «щит» по-канадски — окружил двадцать старых домов, приговоренных к уничтожению. Дома были несомненно ветхими. Но если привести их в порядок, они все же будут гораздо лучше шести идентичных многоквартирных домов, которые собирались возвести на этом месте; провинция, считали демонстранты, навязывала городу нечто бессмысленное и безликое. «Собравшись этим утром в предрассветной темноте», — писала Джейн, они сначала не знали, что делать. «Но когда они стояли и разговаривали друг с другом, и топали ногами от холода», кто-то вспомнил главное правило: никакого сноса без ограждения.

Эта мысль передавалась от человека к человеку, от группы к группе, и без лишних слов все начали действовать. Вы удивитесь, как быстро и целенаправленно несколько сотен мужчин, женщин и детей без чьего-либо руководства могут демонтировать крепкий забор и аккуратно сложить его в штабеля по досочке²⁵.

Акт гражданского неповиновения, писала Джейн, буквально вскружил ей голову, зарядил на второй заход следующим ранним утром. Конечно, добавила она, «такой распорядок дня имеет свои преимущества. Можно ломать заборы и к 8:30 уже быть дома готовой к работе. Лучше, чем обычно. Конечно, к десяти вечера уже клюешь носом». Старые дома были спасены. Два дня сноса заборов, а также давление мэра Кромби, и провинция пообещала им ссуду на строительство новых зданий рядом, без разрушения старых.

Став мэром, Кромби в первую очередь основал жилищный департамент, который инициировал создание нового жилого комплекса для людей с низким и средним доходом в даунтауне Торонто. *Жилой комплекс? Для бедных? Рядом с даунтауном?* Что ж, в Торонто был уже один. Он назывался Риджент-Парк,

24. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 5 апреля 1973 г., архив Random House, Box 1365, ColumbiaRare. См. также отрывок из, по всей видимости, неопубликованной статьи Джекобс: «Одним холодным весенним утром 1973 года, перед рассветом...» (Burns, 13).

25. Jane Jacobs, «Can Big Plans Solve the Problem of Renewal?»

и, как утверждается в *Farewell Oak Street*²⁶, художественном черно-белом фильме, снятом Канадским национальным управлением кинематографии, в 1953 году его еще полагали лучшим образцом модернистского планирования²⁷.

В фильме мы видим мальчика-подростка, радостно гонящего мяч с приятелями в новом Риджент-Парке; потом мрачное прошлое, в котором такие же мальчишки играли в разрухе трущоб, и нежную мелодию сменяют мрачные, тревожные джазовые ноты. «Такой была, — говорит рассказчик, — одна из старейших, но не из лучших улиц Торонто... Старые дома, переполненные кварталы, нищета. Еще не трущоба, но все к тому идет. Назовем ее неудовлетворительной. И жизнь неизбежно была столь же неудовлетворительной». Мы видим это даже за кухонным столом — родители и дети обмениваются мрачными, озлобленными взглядами, тишину нарушает лишь звон посуды, в воздухе висит напряжение. Это вина улицы, буквально говорится в фильме, улицы, отягощенной всеми патологиями трущоб. В новом Риджент-Парке, где «все сияет новизной и аккуратностью», нет улиц. Ни Оук-стрит, ни какой-либо другой. Старые кварталы двухэтажных домов с островерхими крышами снесены. На их месте стоят средневысотные многоквартирные здания крестообразной формы в суперкварталах с газонами, отрезанные от окружающих улиц.

Знакомо звучит? В целом более скромная, возможно более канадская версия домов Джорджа Вашингтона в Восточном Гарлеме, построенная примерно в то же время и в том же духе — и столь же неудачная. Всего через двадцать лет после возведения Риджент-Парк приближался к тому, чтобы стать, по мнению некоторых, «самой большой англосаксонской трущобой в Северной Америке». Райан Джеймс, выросший там антрополог, годы спустя отметит на конференции по городской истории в Торонто, что в Риджент-Парке вполне можно было прожить достойную жизнь²⁸. Конечно, это не Пруитт-Айгоу. И все же в начале 1970-х годов Кромби и его советник по жилищному строительству, Майкл Дэннис, вовсе не желали такой судьбы для своего нового проекта.

26. «Прощай, Дубовая улица» (*Farewell Oak Street*) — семнадцатиминутный черно-белый документальный фильм с элементами игрового кино, посвященный программе расселения ветхого и аварийного жилья в Торонто. Снят в 1953 году и повествует о переселении жителей района Норт-Риджент-Парк из трущоб в новый жилой комплекс. — *Прим. ред.*

27. См., напр.: Mary W. Rowe; Laurie Greene; *Farewell Oak Street*.

28. Райан Джеймс выразил это мнение на конференции Общества Истории американского города и истории планирования в Торонто в октябре 2013 года. См. также: Ryan James, «From „Slum Clearance“ to „Revitalisation“».

Планировалось разместить 10 тысяч человек на 56 акрах неиспользуемого промышленного пустыря к востоку от даунтауна и к северу от железнодорожных путей, идущих параллельно озеру. Но Сент-Лоуренс, как назывался комплекс, лучше рассматривать вовсе не как «район», а как нить нового городского пейзажа, вплетенную в старый и плавно переходящую в уличную сетку. По словам Джона Сьюэлла, это «новый городской даунтаун, построенный так, словно он всегда там был»²⁹. Его центральная линия, Кромби-Парк, сформирована семи- и десятиэтажными многоквартирными домами, чьи нижние этажи занимают рестораны, продовольственные магазины, парикмахерские, школы. За ними стоят ряды традиционных трехэтажных таунхаусов. Местами можно увидеть и старые здания — наследие промышленного прошлого этих мест. Здесь живут обеспеченные, а также чуть менее обеспеченные люди, в кооперативных домах, кондоминиумах и частных таунхаусах. Новый проект возникал самопроизвольно в своих невидимых границах. Через тридцать пять лет после его реализации местная газета, *The Globe and Mail*, вернулась к прошлому, пользуясь возможностью провозгласить Сент-Лоуренс «лучшим примером района, когда-либо построенного в нашей провинции, где соседствуют люди с разным доходом, который используется для разных задач, благоприятствует пешеходам, имеет вменяемый масштаб и высокую плотность населения»³⁰. В общем, такой район мог понравиться Джейн Джекобс.

Кристофер Клемк, специалист по Джекобс и ее творчеству, называет Сент-Лоуренс «экспериментом районного масштаба, вдохновленным урбанистическими принципами Джейн Джекобс — и подвергшимся влиянию присутствия Джекобс как горожанки Торонто»³¹. И все же сама Джейн не участвовала в его создании. Она не собирала совет по реформе, энергия которого инициировала проект, не была планировщиком, не строила эти здания. Даже, по всей видимости, не ходила на большую часть собраний, которые привели к одобрению проекта городом. И все же, как утверждает Клемк и как свидетельствует прогулка по району, во всем этом угадывается ее рука.

Майкл Дэннис, советник Кромби по жилищным вопросам, в 1973 году живший на Олбани-авеню напротив Джейн, искал

29. Рассказ взят из ознакомительной поездки; Sewell, *The Shape of the City*; Hume; David L. A. Gordon, «Directions for New Urban Neighbourhoods: Learning from St. Lawrence», CIP/ACUPP Case Study Series, ca. 1993; Jane Jacobs, «Can Big Plans Solve the Problem of Renewal?»; интервью с Аланом Литлвудом.

30. Leblanc.

31. Klemek, p. 222, caption, figure 12.2.

архитектора для Сент-Лоуренса. Дэннис обратился к Джейн, и та посоветовала ему молодого человека по имени Алан Литлвуд. Знает ли он что-нибудь о планировании? — спросил ее Дэннис. «Надеюсь, нет!» — прозвучал знаменитый ответ Джейн. Литлвуд получил работу, и вскоре он был уже фактически главным планировщиком Сент-Лоуренса.

Ирландский архитектор тридцати с лишним лет, Литлвуд недавно работал на Эба Зайдлера. Вместе с Бобом Джекобсом он участвовал в строительстве больницы в Детройте. (У Зайдлера там был филиал и номер в старом Форд-отеле³². Они снимали вместе комнату; Литлвуд вспоминает, что он готовил, а Боб по большей части курил, предлагая «превратные аргументы в пользу безвредности курения»). Отправляясь в аэропорт на такси, Литлвуд подбирал Боба на Олбани-авеню, где Джейн неизменно провожала его теплыми прощальными объятиями на крыльце. Но однажды, когда пришло такси, Боба не было, и Литлвуд позвонил в звонок. «Джейн вышла и обняла меня, сказав: как здорово, что я наконец приехал». Она была такой эмоциональной! Вскоре Джекобсы и Литлвуд с женой стали друзьями и часто приглашали друг друга на обед. Так могло продолжаться и дальше, теплая дружба сохранялась бы годами... но в Торонто назревали великие дела.

С самого начала своей новой работы над Сент-Лоуренсом Литлвуд понял, что его путь лежит через конкурирующие представления о том, что он, будучи глубоко вовлеченным в процесс «куратором», на самом деле должен был сделать. *Типичный бюрократ*, упрекнула его Джейн однажды после обеда у Литлвудов. Он вспоминает, как Джейн сказала: почему бы ему не «поднять задницу и не приступить к выполнению плана». И еще: пусть прекратит называть Сент-Лоуренс «жилым комплексом», а не районом, сказала или, скорее, «выкрикнула» она, как вспоминает Литлвуд. Он усвоил урок: «Как назовешь что-либо, так и будешь о нем думать». Он отошел ко сну той ночью «психологически опустошенным».

На следующий день он не пошел на работу, а остался дома и снял с полки «Смерть и жизнь». «Как неисправимый грешник, — рассказывает он, — я точно знал, что мне делать. Мне даже не понадобилось открывать книгу», достаточно было просто сесть и излить на бумагу принципы городского планирования для Сент-Лоуренса. У домов должны быть нормальные уличные адреса. Улицы будут проходить прямо через район, где будут перемешаны все типы застройки. Магазины, шко-

32. Вероятно, имеется в виду *Fort Shelby Hotel*, построенный в 1917 году. — *Прим. ред.*

лы, парки и коммунальные службы станут частью этой смеси, как и разный уровень дохода жильцов, разные застройщики — смесь всего и вся. Он принес свое предложение Дэннису, который «допрашивал меня целый час, как адвокат — свидетеля обвинения... все это время я бесстыдно цитировал Джейн, чтобы отстоять свою [ее] позицию». Дэннис поддержал его. Сент-Лоуренс должен был сделать Торонто лучшим городом.

Джейн помогла изменить Торонто в той или иной степени и явно получала удовольствие в связи с представившейся возможностью. Ей «нравилась доступность власти», — говорит Дэвид Кромби. Как и в Нью-Йорке, это не было для нее просто рутинной. «Она с тем же удовольствием вынашивала планы против власти», с каким думала и писала. «Ей действительно нравилось быть активисткой. Разрабатывать стратегии, выходить на улицы»³³.

И все же бессмысленно требовать, чтобы это не отвлекало от творчества. 15 декабря 1974 года Джейн поговорила по телефону о своей книге с Джейсоном Эпштейном. Она так застряла, писала она ему позже в тот же день:

Я понимаю, что связала себя смиренной рубашкой журнальных редакторов, которые указывали мне, когда я писала подписи к фотографиям, сколько нужно строк, сколько букв в строке, и все это — потому что я произвольно думала главами, так что одно выходило чересчур сжато, другое — чрезмерно раздуто. Виной всему первоначальный план, который на самом деле не был так уж применим и к которому я жалким образом приспособилась, вместо того чтобы поменять его³⁴.

В любом случае она надеялась закончить обещанную книгу в следующем году. Не вышло.

Через полтора года Джейн написала брату Джону и его жене:

Пишу понемногу, потом переписываю и переписываю, потом снова понемногу пишу, и переписываю, переписываю со скоростью улитки и таким количеством бумаги, какое сделало бы честь слону, если бы слоны ели бумагу. В любом случае, таким неэффективным способом я продвигаюсь вперед (я надеюсь).

С любовью от всех,
Джейн³⁵

33. Gerard.

34. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 15 декабря 1974 г., архив Random House, Box 1365, ColumbiaRare.

35. Джейн — Джону и Пит Батцнер, 2 апреля 1976 г., Burns, 41:1.

Глава 21

Сбита с толку

СЕМЬЯ и друзья знали о проблеме Джейн, но, конечно, не могли ей помочь. В июле 1976 года ее племянник Декер приехал к Джейн и Бобу и поселился у них на время ординатуры в Госпитале для больных детей Торонто вплоть до июня 1978 года. Позже, в начале 1980-х годов, он снова к ним приехал. Оба раза он близко наблюдал проблемы Джейн с книгой. «Она была сбита с толку и расстроена».

Все это время, конечно, она отчитывалась перед Джейсоном Эпштейном. Сколько продлится его терпение? В августе 1976 года Джейн написала ему: «Когда ты спрашиваешь о моей книге, то, должно быть, чувствуешь себя так, будто справляешься о ребенке-идиоте. Я сама так иногда себя чувствую»¹. Она не писала ему в последнее время, объяснила она, во-первых, потому что не настолько продвинулась с рукописью, чтобы ему показывать, а во-вторых, потому что каждый день оставляет работу «чертовски уставшей, а на следующий день меня снова притягивает книга, как магнит непреодолимой силы».

Картина не из приятных.

«Я всегда теряю точку опоры, когда на самом деле обескуражена, — скажет Джейн потом в одном интервью. Ту точку опоры, без которой она «никогда бы в это не вязалась, если бы знала, во что ввязываюсь. И испытываю сильное искушение... положить мое исследование и всю мою ужасную писанину, которую я сама с трудом перечитываю на этой стадии, в большую зеленую мусорную корзину, выбросить мусор и покончить с этим»².

Джим Джекобс будет вспоминать «огромное раздражение» матери из-за ее медленного прогресса. Все лишь усугублялось тем, что со времени «Смерти и жизни» она считала себя имен-

---

1. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 12 августа 1976 г., архив Random House, RH 1365, ColumbiaRare.

2. Alexander and Weadick, p. 30.

но писателем, автором книг — а теперь, кажется, не могла написать книгу. «Я разучилась писать», — будет она говорить в плохие дни. «Вспоминаю, как надо писать», — в хорошие. У нее были свои трюки: «Ты делала это раньше», — говорила она себе. Джим вспоминает, как она пыталась буквально уболтать себя, чтобы вернуть писательский оптимизм. Или обвиняла себя в том, что слишком «глупа, раз проявляет эту безнадежную патологию». Но к этому времени никакие трюки и славословия больше не работали. Ее грызло разочарование. «Одним из ее методов, — рассказывает Джим, — было лечь в постель и укрыться с головой одеялом. Так она тоже делала».

Некоторое время спустя Рили Хендерсон, племянник мужа Джейн Батцнер, заметил, что плющ, растущий на задней стене дома на Олбани-авеню, заслоняет окно Джейн и не дает пробиться солнечному свету. Он где-то слышал, что недостаток естественного света может влиять на настроение, и предложил обрезать плющ. Джейн согласилась, а после отметила, что да, кажется, немного помогло.

В начале 1977 года Джейн отправила Эпштейну около пятидесяти страниц. «Я решительно убежден, что в этот раз вы начали прекрасно, — ответил Эпштейн. — В тексте полно хороших, сильных идей и единственная проблема — это ваша склонность делать выводы без какой-либо конкретики»³. Он приложил четыре страницы предложений и вопросов:

Почему Палермо бесплоден и что делает его таким?

Вам скорее следует начать с примера Уругвая, чем с обобщения о регионах-поставщиках.

«Что делали жители Барду после 1870 года?» — спрашивал он про французский городок, несчастья которого описывала Джейн.

Почему производительность в Советском Союзе низкая?

Хочется побольше узнать об Эфиопии. Как и почему там случился экономический кризис?

Наконец, книга Джейн была завершена. Она посвятила ее Эпштейну, «который ждал ее очень долго, помогая доброй шуткой и добрым советом». Получилась книга на 232 страницы, хотя ее удобнее оценивать как 500–600 абзацев, длинных и замысловатых, набитых аргументами, богато текстурированных и изобилующих фактами — и потребовавших усилий, чтобы правильно их расположить. Это заняло больше десятка лет: период, занятый привыканием к Канаде, вызовами, с которы-

3. Джейсон Эпштейн — Дж. Дж., 2 февраля 1977 г., архив Random House, RH 1365, ColumbiaRare.

ми она столкнулась на непривычном для себя месте — на пьедестале в непосредственной близости к власти в Торонто, воспитанием детей, их путешествиями и приключениями, смертью матери в 1981 году. Большую часть этого времени она провела в интеллектуальном и эмоциональном болоте, запутавшись в том, что хочет сказать или как она хочет это сказать.

Что на самом деле в той или иной степени относится ко всем ее книгам.

В зависимости от того, как считать, «Города и богатство наций» была третьей, четвертой или пятой книгой Джейн. Это была третья из главных работ, задуманная «с нуля», четвертая, если учитывать сборник «Черновики конституции» 1940 года, или пятая, если считать небольшую книгу «Вопрос сепаратизма», которая выросла из лекций, прочитанных Джейн в 1979 году, и была опубликована на следующий год. После книги о сепаратизме и книги «Города и богатство наций» Джейн написала чрезвычайно серьезную книгу под названием «Системы выживания», которая вышла в форме дружеских бесед; в ней развивается идея о двух различных нравственных системах, работающих в тандеме, чтобы сохранить цивилизацию цивилизованной. Потом Джейн взяла рукопись полувековой давности своей двоюродной бабушки Ханны о ее приключениях на Аляске и вернула ее к жизни, отредактировав текст и добавив комментарий, а потом издала книгу под названием «Учительница на старой Аляске». В «Природе экономики» она вернулась к диалогической форме, чтобы исследовать природу как источник принципов экономического развития. В книге «Впереди Средневековье», опубликованной за два года до ее смерти, Джейн предупреждала о том, что некоторые пути развития ведут современное общество к гибели. По ходу дела она написала детскую книгу «Девочка на шляпе», сборник историй, переделанных из тех, что она рассказывала собственным детям несколько лет назад.

Ни одна из этих книг не оставила заметного следа и не пользовалась коммерческим успехом «Смерти и жизни», с которой их неизбежно сравнивали и в тени которой они оказались. Но по большей части они довольно хорошо продавались, привлекали внимание, получали хорошие отзывы, переиздаются до сих пор и иногда выигрывают литературные премии. Книга «Города и богатство наций» получила книжную премию *Los Angeles Times*. «Впереди Средневековье» стала бестселлером в Канаде. Как некоторые фанаты Джейн Остин ставят, допустим, «Эмму» или «Мэнсфилд-парк» выше «Гордости и предубежде-

ния», так у каждой книги Джекобс — свои поклонники. «Шла борьба», сообщает Мэри Роув, друг Джейн в последние годы ее жизни, за то, «какая из ее книг самая важная»⁴. Один из коллег Роув выбрал «„Впереди Средневековье“, никаких сомнений». Фаворитом Роув была книга «Системы выживания». У каждой книги была своя история, своя роль в интеллектуальном развитии Джейн. И раз ее теперь узнавали по книгам, не относящимся ни к популярной психологии, ни к научным трактатам, не во всех отношениях «литературным», но, несомненно, не похожим ни на какие другие, — ее иногда просили поразмышлять о том, как она их писала и как она вообще работала.

В начале (имеется в виду — когда она много прочитала, наблюдала, обдумала) приходила идея, во всей своей временно восхитительной ясности. За ней незамедлительно следовали сомнения. Джейн однажды предложила такой пример: «Острова кажутся прекрасным местом для строительства великих городов»⁵. Подумайте о Нью-Йорке и Гонконге. Но «потом вы думаете обо всех островах, где нет больших городов, а потом вы думаете о всех больших городах, которые не расположены на островах, и говорите: „Минуточку“». Как только ей в голову приходила идея, следом шли замешательство и сомнения.

Прогресс обычно наступал медленно и с перерывами. «Смерть и жизнь» могла показаться исключением — меньше трех лет от начала до конца. Правда, стоит учесть, что начало надо отсчитывать не с 1958 года, когда она получила грант фонда Рокфеллера, а с 1954 или 1955 года, когда у нее в голове стали накапливаться сомнения по поводу реновации в Филадельфии и Восточном Гарлеме. Или с 1952 года, когда она впервые погрузилась в профессиональный мир зданий и городов как редактор *Architectural Forum*. Или, возможно, с 1949 года, когда Джейн впервые написала о городском планировании для «Америки»; или, может быть, с 1935 года, когда ландшафт Нью-Йорка впервые попал под ее пристальный взгляд в тех четырех статьях для *Vogue*.

Таким образом, даже «Смерть и жизнь» продвигалась медленно, так много понадобилось ей мариноваться и настаивать. Да и, если послушать Джейн годы спустя, она так полностью с этим и не свыклась; казалось, ее всегда беспокоило, сколько это занимает времени. «Я очень медленно пишу, делаю много проб и ошибок, приходится корпеть над каждым словом, и хо-

4. «Mary Rowe on Cities, Nature, and Chaotic Systems», <http://www.citybuilderbookclub.org>, April 19, 2012.

5. Sandra Martin, «An Urban Legend», p. 85. См. также: Alexander and Weadick, p. 29.

чется научиться работать быстрее и эффективнее, но опыт меня ничему не учит»⁶.

Она всегда бралась за амбициозные темы в новых направлениях, хладнокровно окунаясь во все, чего не знала. Однажды она призналась интервьюеру, что никогда не понимала, как другие авторы «выносят скуку просто описывать все, что [они] уже и так знают»⁷. Но она платила высокую цену за потакание своему ненасытному любопытству. С каждой новой книгой, скажет она племяннице Боба Люсии Джекобс, «я всегда боялась до смерти». Столкнувшись со сложностями в новой сфере знаний, сначала не совсем ясной, Джейн «понимала, что она слишком глубока, но нужно продолжать». Пока не разберешься.

То же самое касается того, как правильно выразить свою мысль. В 1965 году в письме Джейн нью-йоркскому поэту Неду О'Горману⁸ содержалось такое утверждение: новая архитектура и планирование «прочно заперты внутри старого патерналистского подхода, в их основе лежит бесхитростный взгляд на людей как на пассивных домашних животных, которые будут благоденствовать, как ухоженные домашние животные, если предоставить им хорошие условия содержания»⁹. Чуть больше чем через год она вернулась из путешествия по Европе и узнала, что О'Горман собирается опубликовать отрывок из ее письма. Джейн разозлилась. Когда она ему писала, то не допускала и мысли о том, что письмо будет опубликовано. Она бы «так не написала, если бы знала», и не желала сейчас видеть это в печати. Она просто подкинула идею, возможно, полезную ему, когда он работал над собственной книгой, вот и все. «Письмо плохо написано. Утверждения, которые в нем содержатся, я бы не рискнула публиковать без пояснений и комментариев». Она продолжала: «Мне не хочется неоправданно ставить себя в положение, когда меня могут неправильно понять, и мне будет очень неприятно, если это письмо... выйдет в свет». На самом деле, нетрудно догадаться, почему О'Горман хотел воспользоваться ее смелым письмом. Однако кто захочет, чтобы его сырые идеи обнародовали? Уж точно не Джейн. Как ни

6. Warren, p. 16.

7. Alexander and Weadick, p. 30.

8. Эдвард Чарльз «Нед» О'Горман (Edward Charles «Ned» O'Gorman, 1929–2014) — американский поэт и педагог, борец за мир. Житель Нью-Йорка. С 1962 по 1965 год работал литературным редактором католического журнала *Jubilee*. Состоял в переписке со многими известными деятелями культуры своей эпохи. — *Прим. ред.*

9. Дж. Дж. — Неду О'Горману, 20 декабря 1965 г., 20 февраля 1966 г. [возможно, 1967], Burns, 5:3.

кто другой, она понимала разницу. Большую часть трудовой жизни она провела, работая над своим языком или устраняя в нем то, что сначала звучало странно, грубо, глупо или просто неправильно.

И все же примеры неуклюжих формулировок иногда выходили в печать под именем Джейн. Сколько бы «Смерть и жизнь» ни хвалили за ее литературные достоинства, в ней были свои ляпы, и немало; читатели иногда находили их в густом подлеске абстракций. В одной язвительной онлайн-рецензии на аудиокнигу высмеивались фразы «под двести слов, а то и больше, содержащие множество формулировок и оговорок, отмечавшие разные впечатления, отступления, вводявшие свои термины и представлявшие аргументы „с другой стороны“... вечно добавлявшие исключения и исключения из исключений»¹⁰. Насмехаться над худшими сторонами письма Джейн (которые усугублялись произнесением вслух) было не совсем честно. Но частица правды в этом есть. В работе над «Смертью и жизнью» Джейн больше не сдерживал строгий взгляд хорошего журнального редактора, на которого ограничения по объему давили сильнее, чем на редактора книги, и который потому был внимательнее к устранению многословных излишеств.

Как, обладая умом Джейн, известным своими цветистыми риторическими выражениями, застревающими в памяти — *города-до-сельского-хозяйства, глаза-устремленные-на-улицу*, — можно было произвести на свет так много неясного или разочаровывающе странного? Что ж, она могла. «О, я так беспорядочно мыслю, — скажет она в одном интервью по поводу процесса письма. — Я просто карабкаюсь как можно выше»¹¹. Ее ум способен был распознать отступление от ясности, а вот *достичь* ясности — только путем огромных усилий. В детстве, да и потом Джим Джекобс вспоминал, что слышал, как работает мать: периоды тишины прерывали пулеметные очереди, тра-та-та-та-та пишущей машинки. Но эти очереди, такие энергичные, не всегда рождали хорошую прозу. Это была часть *процесса* письма. Почти физическая необходимость *высказать*. Что во все не означало выразить ее точку зрения — даже если она уже знала, какой будет ее точка зрения. Учитывая рассказы Джейн о том, как много бумаги (во времена до текстовых редакторов) она скомкала в процессе письма, можно с уверенностью утверждать, что мусора было немало. Остроте и ясности мысли, которые так ценили читатели, предшествовала неразбериха.

10. William Talada, «Obfuscation Overload», рецензия на сайте Amazon, July 16, 2014.

11. *Matter*, p. 26.

Неразбериха рождалась не только в путаных блужданиях ее мозга, но и в сложности и неопределенности мира. Если бы ее книги можно было привести к общему знаменателю, он звучал бы: *Как работает этот мир?* Как действуют города и успешные экономики? Чем объяснить то, что, например, зеленщики и мафиози придерживаются столь диаметрально противоположных ценностей? Стоит взглянуть на мир, и факты вдруг оказываются противоречивыми, угрожают опровергнуть любую отрывочную идею, которая могла прийти ей в голову. И все же она упрямо искала такие факты. Она смотрела, наблюдала, слушала, невероятно много читала, вникала в популярные и научные статьи. В архиве Джекобс в Бостонском колледже стоят целые папки, набитые пожелтевшими вырезками и помеченные явно неромантическим заголовком «использованный материал», с фактами для исследований, которые она проводила, историй, которые рассказывала, выводов, которые делала.

В «Смерть и жизнь» и «Экономику городов» Джейн не включила примечания, библиографию, научный аппарат — может быть, изредка случайную сноску. Но в начале 1970-х годов, вспоминает Джим Джекобс, она наткнулась на книгу с примечаниями в конце, не обозначенными знаками сносок в самом тексте, чтобы не прерывать удовольствия от чтения и не отвлекаться. Это ей понравилось. Может быть, лучше осознавая свою роль публичного интеллектуала, она включила такой раздел в «Города и богатство наций» и в последующие книги. Оттуда мы можем узнать о том, что Джейн читала, кого она слушала, широкую гамму тех фактических авторитетов, на которых она полагалась.

Она читала *The Wall Street Journal*, *Scientific American*, *Natural History*, *The New York Times*, *The Globe and Mail*. Но эти и другие центральные издания находились всего лишь на поверхности того, что она читала и откуда брала факты. Она прочла книгу *Shinohata: A Portrait of a Japanese Village* Рональда П. Дора¹², опубликованную в 1978 году. Мемуары Екатерины Великой. Книгу Анри Пиренна «Средневековые города»¹³ времен ее студенчества в Колумбийском университете. Истории о пиратском программном обеспечении, которые рассказал на конференции

12. Рональд П. Дор (Ronald P. Dore, 1925) — британский социолог, специалист по Японии, профессор Лондонской школы экономики. — *Прим. ред.*

13. Анри Пиренн (Henri Pirenne, 1862–1935) — бельгийский историк, специалист по экономической истории западноевропейских городов. Книга *Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade* издана на английском языке в 1927 году. Русское издание: Анри Пиренн, *Средневековые города и возрождение торговли* (Горький: Горьковский педагогический институт, 1941). — *Прим. ред.*

приглашенный ученый. Криминальную статистику преступлений «белых воротничков» в Нью-Йорке. Книгу о рыцарях. Кодекс Хаммурапи. Она читала о гипотезе Геи, сформулированной Джеймсом Лавлоком, о биомимикрии, читала эксперта по эффективности Фредерика Уинслоу Тейлора; о вирусах, кибернетике, фракталах, об устаревании технологий звукозаписи. Она однажды сравнила себя с «гусеницей в лесу, которая жует, жует, жует, жует, пожирает все листья, какие ей попадаются, и в процессе узнает, что это»¹⁴.

Семья тоже иногда случайно подбрасывала интересные сведения. В связи с «Городами и богатством наций» племянница Кэрол, дочь Бетти, рассказала ей про книгу на арабском языке, *Miquaddimah*, датированную 1381 годом¹⁵. Чтобы подтвердить свои воспоминания о Хиггинсе, отдаленном горном селеении, где она жила в 1934 году, она обратилась к брату Джиму, который тогда с женой жил в Северной Каролине¹⁶. В апреле 1974 года она написала брату Джону о том, что, как она подозревала, было хорошо известной цитатой, которую она просто не могла найти. Это было на рубеже веков

...в форме похоронного описания, обобщающего экономический парадокс Юга того времени. Там говорится, что усопший похоронен на хлопковых землях — но саван был соткан в Новой Англии; могилу вырыли возле сосновой рощи — но гроб сколотили где-то еще на севере — вот в чем суть — и так далее, и так далее¹⁷.

Не мог бы Джон помочь?

Через десять лет цитата появилась на 36-й странице книги «Города и богатство наций», именно на эту тему — как бедные регионы, лишившись жизненно важных городов, были вынуждены импортировать все, в чем нуждались: «Могила была выбита в сплошном массиве мрамора, но мраморное надгробие привезли из Вермонта», — писал Генри Грэди об округе Пикенс в штате Джорджия. «Окрестности были покрыты хвойными лесами, но сосновый гроб был привезен из Цинциннати. Кладбище накрывала тень от высокой горы, где находится месторождение железа, но гвозди, болты и лопата были куплены в Питтсбурге»¹⁸.

Личный опыт Джейн тоже фигурирует в ее книге: экскурсия по нефритовому рынку Гонконга; бывший начальник в *Iron*

14. Harvey, p. 42.

15. *Города и богатство наций*, с. 318.

16. Там же, с. 324.

17. Дж. Дж. — Джону Батцнеру, 5 апреля 1974 г., Burns, 4:8.

18. *Города и богатство наций*, с. 56.

Age, который отказывался верить в перспективы пластмасс; зоомагазин в Сан-Франциско, который основал дальний родственник. В одну из книг она хотела вставить — в конце концов, это была забота Боба: выяснить, сколько полагалось священнику, который их венчал¹⁹. Все это давало пищу для развития идей и даже вдохновляло на их возникновение. «Говорят: „Вы приводите такие прекрасные примеры, чтобы проиллюстрировать то, что вы говорите,— как вы их находите?“ Все наоборот. Сначала находятся примеры. Я исхожу из конкретных вещей, а не из абстрактных»²⁰.

В 1985 году Ричард Кэрролл Кили заманил Джейн на конференцию в Бостонском колледже, посвященную ее работам. В печатных материалах конференции он написал о своей попытке охарактеризовать ее «метод». Он начал с ее утверждения почти из самого конца «Смерти и жизни», что понимание приходит лучше всего, если размышлять индуктивно, от частного к общему, а не наоборот; а именно, искать «неусредненные» ключи к решению, связанные с весьма малыми величинами, но проливающие свет на то, как функционируют более крупные и более «усредненные» величины»²¹.

Что такое, скажите на милость, «неусредненные» ключи к решению?

В 1994 году в письме Стюарту Бранду, основателю «Каталога всей земли», Джейн отметит, что обычное разделение между «надежными статистическими данными»²², с одной стороны, и «случайными, очень подозрительными непроверенными данными», с другой — слишком бескомпромиссное и жесткое. Пропущен третий вид данных, «систематическое освещение дел», которое проливает особенно яркий свет на тему. «Смерть и жизнь» изобилует ими. Но как, удивлялся Кили, она нашла зацепки, которые в конце концов окажутся столь поучительными? «Я восхищен и озадачен: как она это *сделала?*»²³

Вопросы Кили привели к пространному ответу от Джейн: «Когда берусь за тему, я еще толком не знаю, что я думаю о ней»²⁴. Снова она указывает на то, что звучит своего рода интеллектуальной болью: как она бродит по кривым дорожкам собственных сомнений. Это все было «очень путано», писала она, «мне было очень не по себе. Мне не нравится быть в заме-

19. *Systems*, p. 86–87, 224.

20. *Matter*, p. 26; см. также: Alexander and Weadick, p. 30.

21. *Смерть и жизнь*, с. 449.

22. Дж. Дж.— Стюарту Бранду, 17 января 1994 г., Burns, 6:5.

23. *Ethics*, p. 34.

24. *Ibid.*, p. 34.

шательстве». Но она терпела, проходя через это ради того, чтобы в итоге вывести те закономерности, идеи и заключения, которые устояли.

«Если бы я захотела, я бы могла продолжать, и продолжать, и продолжать,— заканчивала она письмо Кили,— но это будет утомительно, и я буду повторяться, и, возможно, буду эгоистичной, показывая мое усердие и трудолюбие!» Она поддавалась, однако, «другому виду эгоизма»: «И хоть я не художник, я все равно чувствую себя обязанной стараться, насколько получится, создать произведение, словно бы открывая часть истины».

Когда прошло две трети того сложного периода попыток Джейн закончить «Города и богатство наций», ее отвлекли другим делом. Оно появилось в тот момент, когда она уже и так опаздывала с книгой, но стоит ли рассматривать его как еще один перерыв в работе, на который она, к несчастью, вынуждена была пойти? Или как на давно желанную смену занятия, чтобы освежиться, и слишком хорошую возможность, чтобы от нее можно было отказаться?

Это произошло в 1979 году, когда Джейн познакомилась с Максом Алленом, известным канадским радиоведущим, представившим группу, которой было поручено выбрать лектора Масси того года. Лекции Масси — радиолекции, без живой аудитории, передача Канадской вещательной корпорации. Они названы так в честь бывшего генерал-губернатора Винсента Масси, и считались весьма престижными; среди последних лекторов были Пол Гудман, Мартин Лютер Кинг-младший, Вилли Брандт и Джон Кеннет Гэлбрейт. Джейн могла выбрать любую тему, какую бы ни захотела. Об архитектуре или планировании, конечно, уточнил Аллен. Но нет, Джейн захотела поговорить о квебекском сепаратизме.

Канада была тогда вовлечена в большой общенациональный диалог о будущем франкоговорящего Квебека: останется ли он в Канаде или его судьба будет решаться вне ее. Поражение французов от англичан на полях Авраама в Квебеке в 1759 году едва ли решило этот вопрос раз и навсегда. Лидер сепаратистской партии, Рене Левек²⁵, выдвинул яркие аргументы за не-

---

25. Рене Левек (Rene Levesque, 1922–1987) — квебекский журналист, государственный и политический деятель, основатель Квебекской партии (1968) и 23-й премьер-министр провинции Квебек (1976–1985). Убежденный сторонник государственного суверенитета Квебека. Ниже Канигел имеет в виду книгу Левека «Мой Квебек» (*My Quebec*), вышедшую в 1979 году. — Прим. ред.

зависимость Квебека — их правильный перевод на английский язык вряд ли бы нашелся в магазинах Торонто. Через несколько месяцев в Квебеке должен был пройти референдум, якобы чтобы решить проблему. И теперь Джейн, уже почти пять лет как гражданка Канады, тоже преисполнилась решимости вмешаться, с помощью серии из пяти получасовых радиообращений, которые она позже, в 1980 году, детально изложит, придав им форму книги под названием «Вопрос сепаратизма: Квебек и борьба за суверенитет».

На самом деле тема ее лекции недалеко ушла от темы книги, над которой она так долго работала, с первоначальным названием «Города и страны». В ее лекциях Масси фигурировали Торонто и Монреаль, большие города соответственно англо- и франкоговорящей Канады. Как и *масштаб*, интересовавший Джейн еще в «Смерти и жизни» — масштаб кварталов, зданий и городов, соотношение малого и большого. В книге о сепаратизме она посвятит главу «Национальному масштабу и экономическому развитию», еще одну «Парадоксам масштаба». Многие годы она чаще выступала на стороне малого, за свободу от разрушающего давления большого; было естественно, что маленький Квебек выступает против большой Канады²⁶. То же можно сказать и о «городских регионах» против целых народов, о чем пойдет речь в «Городах и богатстве наций».

В лекциях Масси Джейн не говорила, что Квебеку надо отделиться от Канады. Она говорила, что если он отделится, то англоговорящую Канаду или Квебек не постигнет страшная судьба. Учитывая успех маленьких стран, таких как Швейцария или Норвегия, нельзя считать, что Квебек слишком мал для процветания. Канада не распадется с отделением Квебека; ее не разрушит уменьшение в размере и численности населения. Более того, существует очаровательная историческая параллель отделению Квебека, а именно — отделение Норвегии от Швеции в 1905 году²⁷. Его, как рассказала Джейн, достигли мирно и путем взаимного уважения, и никакой потери для двух стран не произошло даже век спустя — вот модель цивилизованного поведения с обеих сторон.

Здесь в Торонто, где я живу, в двух офисных зданиях, находящихся примерно в миле друг от друга, сидят две торговые ко-

26. «Возможно, стагнация в Соединенных Штатах необратима до тех пор, пока, несомненно после больших потрясений, нынешние Соединенные Штаты не разделятся на десяток отдельных стран» (Jane Jacobs, «The Responsibilities of Cities», Queen's Lecture, Амстердам, сентябрь 1984, Burns, 13:1).

27. *The Question of Separatism*, chapter 3.

миссии, одна норвежская, другая шведская. Мне два этих учреждения кажутся более чем занятыми, грамотно управляемыми торговыми офисами, где трудятся жизнерадостные и любезные люди. Мне они кажутся прямым доказательством чуда — отделения страны без вооруженного восстания, без терроризма, без военного поражения прежнего правителя²⁸.

Канада и Квебек, продолжала она, способны на то же самое.

Это был подробный ответ на мучительную национальную проблему, и когда лекции в следующем году вышли в форме книги, то его неординарное изящество было признано. Эдгар З. Фриденберг из *The New York Review of Books* назвал книгу «*tour de force*²⁹, той силой, что выражает себя сдержанно и точно, как лазерный луч, используемый столь аккуратно, чтобы не нанести вред раненому телу, которое он должен исцелить»³⁰. В книге Джейн осмыслила и прояснила «самый воспаленный социальный вопрос для весьма чувствительных людей, ее новых сограждан. Она сделала это так тактично, что это даже настораживает».

Макс Аллен, пригласивший Джейн читать лекции Масси и ставший ее другом, скажет, что она прочитала «замечательные лекции» — но в то же время «ее нельзя считать хорошим лектором. Выступление не оказалось убедительным». Не стало пламенным, не было исполнено драматизма, не было речью одаренного оратора; в ее словах можно было опознать манеру училки. В национальном диалоге о сепаратизме, признает Аллен, ее лекции «ничего не изменили». Их редко цитировали, они почти не повлияли на общественные дебаты. С англоговорящей стороны, будет вспоминать Джейн в 2005 году, «практически никак не отреагировали»³¹. Отчасти, возможно, как убедительно написал один критик, Алекс Мазер, потому что Джейн опровергла «несколько слабых аргументов против отделения»³², но не смогла справиться с несколькими более сильными.

В рецензии на книгу в *New York Times* Джон Леонард заключил, что «она пронизательно рассуждает по поводу Канады, включая Квебек; по поводу же Квебека без Канады — она просто мечтает в очень хорошей прозе»³³.

28. *Ibid.*, p. 51.

29. Проявление большой силы (*фр.*) — Прим. пер.

30. Edgar Z. Friedenberg, «Splitting Up», review of «The Question of Separatism», *New York Review of Books*, November 20, 1980.

31. *The Question of Separatism*, p. 137.

32. Mazer.

33. *Matter*, p. 154.

Глава 22

Адам, Карл и Джейн

И ВОТ, наконец, «Города и богатство наций». Джейн назвала ее «в каком-то смысле капитальным ремонтом макроэкономики»¹. Книга начинается так:

На короткое время в середине этого века возникло впечатление, что своенравная, непокорная, суровая экономическая наука сумела произвести на свет то, чего мы все от нее ждали: четкие правила, выполнение которых помогает достичь экономического процветания или сделать это процветание продолжительным. Экономисты и руководители государств, которым они дают советы, выработали такое множество теорий избавления экономики от любых рисков и катастроф и эти теории выглядели такими рациональными, логичными и статистически обоснованными, что правительства прониклись мыслью, что им достаточно лишь мобилизовать все имеющиеся силы, опыт и деньги, чтобы заставить экономику развиваться согласно их приказам и распоряжениям².

Но, кажется, экономическая жизнь не выполняла *чьих-то* приказов. Джейн перечислила экономические неудачи и их последствия в Польше и Уругвае, южной Италии и Индии, Советском Союзе и Китае, Великобритании и Соединенных Штатах. В Америке, писала она, «обрабатывающая промышленность стала медленно, но верно разрушаться, и те ее отрасли, которые еще живы, скатываются в состояние технологической отсталости» по сравнению с промышленностью Японии и европейских стран. За неспособность предотвратить или предсказать экономический застой в мире она назвала эффект макроэкономики, которая экономические явления пытается объяснить в национальном и международном масштабе, «катастрофичным».

Джейн начала, казалось бы, с малоподходящей цели, плана Маршалла. Почти повсеместно ему приписывали спасение Ев-

---

1. Дж. Дж.— М. Марселю Коте, 30 июня 1982 г., Burns, 5:10.

2. *Города и богатство наций*, с. 17; последующие страницы см. в главе 1.

ропы, находившейся тогда в руинах после экономических проблем Второй мировой войны. Да, признала Джейн, миллионы бульдозеров, тракторов, грузовиков, насосов, труб и станков помогли континенту. Но если вы действительно хотите исцелить больную экономику, план Маршалла не поможет — *уже не помог*: южная Италия, бедная до войны, такой и осталась, несмотря на всю оказанную ей помощь в развитии, рабочие все так же уезжали на процветающий север. Отсталые регионы Европы так и остались отсталыми. Завышенные ожидания плана Маршалла и планы международных агентств развития, выросших на его основе, были необоснованными.

Последствия таких беспочвенных обещаний ужасны: злое, разочарованное население в странах, которые мечтали преодолеть застой и бедность, но так и не смогли этого сделать, циничные суждения о бесполезности какой бы то ни было помощи и, что хуже всего, о никчемности самих людей, получивших эту помощь...

Отсталые страны склонились под тяжестью неоплатных долгов.

Одной из причин провала общепринятого макроэкономического мышления, утверждала Джейн, стала «стагфляция», экономическое проклятие, совмещающее в себе высокую безработицу и высокие цены — стагнацию и инфляцию вместе. Не предполагалось, что две беды будут сочетаться, но в 1975 году, например, уровень безработицы в Соединенных Штатах достиг 8,5%, а темпы инфляции — 9,1%, и тот и другой болезненно высоки. «Загадка, связанная со стагфляцией», пишет Джейн, разрушила интеллектуальный фундамент, на котором была построена макроэкономическая теория. Мыслители — от Адама Смита и Джона Стюарта Милля до Карла Маркса и Джона Мейнарда Кейнса, и далее, до последних светочей этой сферы — не смогли предсказать этого феномена, или объяснить его, или так и остались в замешательстве. «Рай для глупца», — назвала Джейн главу.

Хотя к ней и относились как к чему-то новому и опасному, стагфляция — само слово образца 1964 года — была вовсе не нова, утверждала Джейн. Слишком высокие цены? Слишком мало работы? Что ж, во всем мире это не новость. Джейн рассказала о поездке в Португалию в 1974 году, где ей, американке из среднего класса, цены на автобус, рыбу и рестораны показались сообразительно низкими. «Но с точки зрения португальцев цены были слишком высокими». Большинству португальцев блага среднего класса были недоступны, и они испытывали трудно-

сти с поиском работы. То есть здесь стагфляция была не странной или новомодной темой, а скорее «обычным и привычным состоянием, присущим бедным и отсталым экономикам во всем мире». Новой она была только в том, что теперь вредила продвинутой экономике, которая сползала в «глубокий кризис». И традиционная макроэкономика не объясняет этого.

«Но одно мы знаем наверняка, — заключила она свою провокативную первую главу,

...поскольку этому нас научила сама жизнь: макроэкономическая теория — в том виде, в каком она существует сегодня, — не может служить для нас надежным путеводителем. Несколько веков напряженных размышлений и оригинальных теорий, описывающих погоню спроса за предложением и наоборот, ничего не сказали нам о том, что способствует и препятствует накоплению богатства.

Бесполезно, объявила она, выбирать между существующими школами экономической мысли. «Мы создадим свою собственную».

Что означало, конечно, что на следующих двух сотнях страниц Джейн создаст *ее* собственную школу.

Традиционная макроэкономика, считала она, опирается на ложные послышки. Хотите понять причины процветания, динамику упадка? Что ж, говорили экономисты, начиная с Адама Смита, смотрите на национальные экономики как на «основной объект» — Англия, а не Лондон; Россия, а не Санкт-Петербург. Смит озаглавил свою новаторскую книгу в 1776 году «Богатство народов», и нации, большие и маленькие, с тех пор оставались в фокусе экономики.

Но нация, говорит Джейн, это слишком большой объект для исследования, затемняющий понимание, достичь которого можно, только если взять более мелкий масштаб. Нации состоят из городов, сельских районов, бедных и богатых регионов; в большом масштабе красноречивые детали экономической жизни теряются в цифрах и фактах, собранных для измерения целых стран по «валовому национальному продукту». Фокус внимания надо было направить туда, где экономика действительно развивалась, в города и регионы. В своем лучшем проявлении город — двигатель с высокими оборотами, обеспечивающими экономическое развитие, питомник инноваций, вечно изобретающих и переизобретающих себя, создающих новые формы занятости. Именно это, с точки зрения Джейн, и *делало* их городами. Города, а не нации, были «основными

объектами», с помощью которых можно прийти к пониманию экономического роста.

Взгляните на малое, советовала Джейн. Посмотрите, например, на Барду, деревню, расположенную высоко в горах, в Севеннах на юге Франции³. Две тысячи лет назад, когда Галлия была римской провинцией, там добывали железо. Железо поставляли в города, где из него делали мечи, долота и крюки, по дорогам, которые, как пишет Джейн, до сих пор являются туристическими маршрутами. Но, вероятно в XIV веке, железо закончилось, и шахты были заброшены. Местность превратилась в пустошь. В XVI веке безземельные крестьяне, вытесненные из долин в предгорьях, начали строить каменные дома в Барду. «Они обрабатывали маленькие садовые участки в горах, собирали каштаны», охотились на дичь в окрестных лесах, «занимались — в меру своих сил — на своих бедных и каменистых почвах натуральным хозяйством, унаследованным от прошлых эпох, хотя такая экономика была менее изобретательной, чем экономика их далеких предков». Веками ничего не менялось. Потом, после франко-прусской войны 1870 года, несколько смелых душ из Барду уехали в Париж в поисках лучшей доли. К 1940 году осталось только три семьи. В 1960-х годах отдыхающие из города переделали несколько старых каменных домов в летние домики для сдачи. Признаки процветания вернулись в старое село.

История Джейн про Барду звучит как очаровательная зарисовка, но она рассказала ее не из-за местного колорита. «Барду — миниатюрный образец того, что я буду называть „пассивной экономикой“», которая, сама, не порождая новых экономических процессов, лишь реагирует на «изменения, происходящие в далеких центрах экономической жизни». В случае Барду это Рим, Ним, Лион и Париж, которые в течение многих лет формировали и видоизменяли ее.

Мы можем долго ломать голову, пытаясь объяснить историю развития экономики Барду с точки зрения ее собственных характеристик — вплоть до сбора статистических данных о вероятном среднегодовом урожае каштанов; описания использованных орудий труда; определения качества и количества полученного и оставшегося железа; установления количества человеко-часов, необходимого для того, чтобы построить дом; выяснения качества почвы, годовой суммы осадков и т. п. Но ничто из этого не послужит объяснением для тех перипетий, через которые прошла Барду в течение всей своей истории⁴.

3. *Города и богатство наций*, глава 2.

4. Там же, с. 55.

Причины этого следует искать в далеких городах, с их технологиями, опытом, деньгами, рабочими местами и рынками.

Экономика большого города, писала Джейн, «формирует слабые и причудливые экономики отдаленных регионов», таких как «регионы-поставщики», например, ее родной город Скрантон, или, если уж на то пошло, весь Уругвай. Скрантон поставлял уголь; Уругвай — мясо, шерсть и кожу. Они делали это из года в год, достигнув заметного процветания. До тех пор, пока уголь не закончился, а рынки для мяса, шерсти и кожи не были отрезаны событиями на другой стороне мира. Тогда их экономики рухнули.

В середине книги появилось привидение из юности Джейн, гость полувековой давности: больше половины жизни прошло после шести месяцев пребывания Джейн в Хиггинсе в Северной Каролине, среди холмов, встающих вокруг крошечного анклава, в который тетя Марта пыталась вдохнуть надежду и прогресс. Потрясающие пейзажи и искренняя признательность за доброту горных жителей, с которыми она там познакомилась, возможно, остались в памяти Джейн. Но больше запомнилось экономическое запустение деревни. И теперь, в главе под названием «Регионы, оставшиеся в стороне», она приводит туда читателя. Чтобы сохранить анонимность, она называет ее «Генри», как Генри Хиггинса из «Моей прекрасной леди» — но это было о Хиггинсе.

Когда экономики регионов теряют связи с экономиками мегаполисов, писала Джейн, «население таких регионов переходит к ведению хозяйства, покрывающего лишь насущные проблемы», часто утрачивая полезные навыки, которыми они когда-то обладали. Ко времени возникновения Римской империи Египет потерял свою папирусную индустрию и вместе с ней искусство изготовления папирусной бумаги. То же самое произошло и в Хиггинсе: «Ремесла, унаследованные жителями деревни от предков, приходили в запустение, а некоторые были полностью утрачены... Люди не вспоминали про ткацкие станки и со временем забыли, как их делать». Ткацкое ремесло было утеряно. *Эти* воспоминания оставили отпечаток в памяти Джейн. В течение полутора веков «Генри регрессировала в экономическом отношении, но происходило это вполне мирно и спокойно».

Глава за главой Джейн откусывала куски расхожих экономических истин. Например, что есть смысл в качестве инструмента развития строить новые фабрики или военные базы в бесплодных сельских районах в обмен на налоговые льготы и другие привилегии. Это не так, говорит Джейн, если вы хо-

тите вдохнуть настоящую жизнь в экономику, которая переживает последующие колебания рынка. Да, вы можете ненадолго создать несколько рабочих мест. Но такие стратегии не создают новые формы занятости и, таким образом, ничего не вкладывают в долговременное процветание. Это могут сделать только настоящие города.

Джейн перемежала свои аргументы дерзкими утверждениями и афористическими примерами: в Хиггинсе, «вопреки представлениям романтиков, натуральное хозяйство было демонстрацией не того, как зарождается экономика, а скорее того, как она приходит в упадок и умирает»⁵.

Или, снова обращаясь к Уругваю и его внешне процветающей экономике: «Разница между богатой и отсталой экономикой, с одной стороны, и бедной и отсталой — с другой, не так уж велика»⁶.

Как и все ее книги, «Города и богатство наций» богата на идеи, мысли, анекдоты и аргументы — в ней есть даже привкус науки. «Я намерена доказать», писала Джейн в длинной главе под названием «Большие города и искаженная обратная связь»⁷, что национальные валюты «вредят экономике больших городов, нарушая или искажая обратную связь, и что это, в свою очередь, приводит к серьезным недостаткам в структуре экономики». Обратная связь: у вас ограничение скорости 60 миль в час, вы смотрите на спидометр, а тот показывает, что вы едете 65, поэтому вы убираете ногу с педали газа; спидометр предоставляет обратную связь, которая позволяет скорректировать ошибку в ваших действиях. Похожим образом термометр вашего кондиционера или печки, который показывает фактическую температуру, сравнивает ее с желаемой и регулирует систему, чтобы выровнять ее уровень. Сходным образом, говорит Джейн, работают экономики. Подъем или падение национальной валюты на международных рынках дает существенную обратную связь, позволяющую «скорректировать» или перезагрузить экономику: доллар слабеет, американские товары на мировых рынках дешевеют, стимулируя производство здесь, дома.

В принципе, довольно симпатично. *Но*, сказала Джейн, слишком грубо. Нация — это «экономический лотерейный мешок», и разные части ее экономики — фермы из Иллинойса и большой город Чикаго — нуждаются в тщательно приспособ-

5. *Города и богатство наций*, с. 176.

6. Там же, с. 91.

7. Там же, с. 216.

ленных под их нужды корректировках обратной связи. Но поскольку все они завязаны на одну национальную валюту, которая колеблется в зависимости от различных геополитических и экономических факторов, они не получают точных сигналов, нужно ли им замедлиться или ускориться. Они получают не полезную и актуальную обратную связь, а «искаженную».

«Джейн Джекобс сослужила большую службу своей новой книгой, — писал Бернард Левин в рецензии для журнала *Economist*. — Она развеяла многие опасные мифы, обнажила множество губительных глупостей, несомненно продемонстрировала, как многие смело принятые средства защиты от экономических трудностей только ухудшают эти трудности»⁸. Для Ричарда Дж. Барнета в *The New York Times* книга была «научным, иконоборческим увлекательным изучением причин экономической стагнации и упадка, [бросающим вызов]... идеям, планам и благим намерениям всего политического спектра»⁹. Один экономист возразил против взгляда Джейн на стагфляцию, говоря, что ей свойственны не высокие, а *растущие* цены, что не одно и то же¹⁰. Однако в целом книгу хвалили. В 1984 году, как мы отметили, она получила книжную премию *Los Angeles Times*. В 1987 году на конференции Бостонского колледжа о творчестве Джейн Джекобс к ней отнеслись с таким же уважением, как и к двум предыдущим книгам. Отнявшая столько времени, книга «Города и богатство наций» во многом оправдала свои надежды, войдя в канон Джейн Джекобс.

Но в глазах многих Джейн оставалась городским провидцем; она все еще была в первую очередь автором «Смерти и жизни» — не важно, что две ее последние книги посвящены экономике. Вскоре после выхода новой книги Джейн написала Роберте Брандес Гратц, что ее книгу «ненавидят»¹¹ экономисты; лучше сказать — «игнорируют». Но это было в 1984 году. А в 1988 году все начало меняться.

Кажется, профессиональные экономисты, по-своему и пользуясь собственными методами, начали интересоваться проблемами, в целом подобными тем, что занимали Джейн: почему одни места процветают, а другие нет? Почему одни могут порвать со своим незавидным прошлым и найти пути к процветанию, тогда как другие остаются экономически отсталыми?

8. *Matter*, p. 106.

9. *Ibid.*, p. 106.

10. *Ibid.*, p. 108.

11. Дж. Дж. — Роберте Брандес Гратц, 10 июня 1988 г., архив Гратц.

Мальтус мрачно смотрел на рост населения Земли, с его потоком голодных животов, всегда опережающим экономический рост; Мальтусу мы обязаны эпитетом «мрачная наука» по отношению к экономике¹². Более оптимистичный Адам Смит в своей булавочной фабрике находит подсказки для того, как из заводского цеха возникает экономическое процветание. Карл Маркс больше занят распределением богатства, чем его производством, вопиющее неравенство между рабочим и капиталистом неизбежно ведет к кризису. В последнее время тема экономического роста заинтересовала экономистов. И, как пишет Дэвид Уорш в своем увлекательном интеллектуальном приключенческом авантюрном романе *Knowledge and the Wealth of Nations: A Story of Economic Discovery*, они заговорили о том, о чем речь раньше заходила нечасто, о *знании*. И на этом пути им попалась Джейн.

Обычно, когда экономисты говорили о «факторах производства», они имели в виду труд, землю и капитал; чтобы производить автомобили, требовались миллиардные инвестиции капитала, три тысячи рабочих мест и фабрика, построенная на сотне акров, оторванных от бывшей фермерской земли. Конечно, любой разумный человек увидит, что в успехе или неудаче предприятия задействованы и другие факторы, кроме труда, земли и капитала. Например, знание, которое ведет к созданию новых механизмов или новых материалов, или новых способов их сочетания. В 1890 году Альфред Маршалл из Кембриджского университета указал, что для понимания экономического роста необходимо «общее развитие индустрии». Под этим он подразумевал умственный труд. В индустрии, извлекающей из него выгоду,

...тайны торговли перестают быть тайнами; они словно витают в воздухе, и дети учатся им неосознанно. Хороший труд оценивается по достоинству, преимущества изобретений и улучшений в механизмах, в процессе и общей организации бизнеса незамедлительно обсуждаются: если у человека возникает новая идея, ее подхватывают остальные и дополняют собственными предложениями; и все это становится источником новых идей¹³.

12. По другой версии, эпитет «мрачная наука» к экономике применил первым Томас Карлейль. Политическая экономия, с его точки зрения, «безотрадная, унылая... довольно жалкая и удручающая; такая, что вполне заслуживает названия мрачной науки». См.: Ростислав Капелюшников, *Казус Карлейля, или Кто раскорил экономическую науку с другими социальными и гуманитарными дисциплинами* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017), с. 3.—Прим. ред.

13. Warsh, p. 80. См. книгу Уорша и его работу: David Warsh, «The Road Since „The Mechanics of Economic Development“», *Economic Principals online*, September 23, 2007.

Знание распространяется на благо всех.

Но, как пишет Уорш, «Маршалл не слишком глубоко вникал в то, как будет работать этот процесс передачи знаний»¹⁴. И долгое время в это никто не вникал. Каким-то образом знание и его воздействие, казалось, лежали вне царства экономической науки: знание наращивалось, открывались принципы, оптимизировались процессы, возникали изобретения — просто как продукт «неэкономических фоновых сил», которые в значительной степени принимались как должное, как воздух, которым вы дышите. Чего, в конце концов, там изучать?

Однако после Второй мировой войны источники и распространение *самого* знания попали в поле зрения экономистов. Они теперь были не чем-то «поодаль», на что никто не мог повлиять и что никто не мог затронуть, а ключевым элементом любой экономической системы, поддающимся изучению, как и все остальное. Откуда возникают новые продукты и процессы, которые стимулируют экономический рост? Какова роль предпринимателей и университетов? Мозговых центров и частных исследовательских лабораторий? Коммерческих тайн? Может ли правительство сделать что-то, чтобы способствовать росту такого знания, и надо ли это делать?

В 1985 году сорокавосемилетний Роберт Лукас¹⁵ из Университета Чикаго, один из самых уважаемых в мире экономистов-теоретиков, выступил на лекции Маршалла, названной в честь Альфреда Маршалла, в Кембридже, в Англии. Темой его выступления был экономический рост, точнее говоря, — «О механике экономического развития»¹⁶. В самом начале лекции он представил своей аудитории захватывающую статистику невероятных различий в экономическом росте. Экономический рост в Японии в последнее время составил 7,1% в год, в США — 2,3%, в Индии — 1,4%. Это не *просто* цифры: за этими сухими цифрами стояло человеческое счастье и человеческое страдание. Для одних это процветание, возможности и выбор; для других — унижительная нищета. И это привело Лукаса к следующему большому вопросу: «Могло ли что-то сделать индийское правительство, чтобы их экономика росла»

14. Warsh, p. 81.

15. Роберт Лукас (Robert Emerson Lucas, Jr., 1937) — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1995 года. Является основоположником новой модели экономического роста, согласно которой основной причиной роста экономики являются инвестиции в человеческий капитал и научно-технические разработки. — *Прим. ред.*

16. Роберт Лукас, *Лекции по экономическому росту* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2013), с. 37–100.

так же быстро, как в странах с устойчивым ростом? И «если да, то что?»»

То есть что можно сделать в реальности, чтобы обеспечить отчаянно нищим сотням миллионов жителей более полную, более процветающую жизнь? А если ничего, то почему нет? «Последствия ответов на эти вопросы для человеческого благосостояния просто поразительны: если начинаешь думать о них, трудно думать о чем-то другом»¹⁷.

Лукас пытался определить, почему богатые богатеют, а бедные беднеют, почему разрыв увеличивается, а не уменьшается, как ожидали некоторые, и какую роль играют в ответах идеи и знания. И к концу его лекции Маршалла, в которой, слегка блуждая, он не всегда следовал самыми ясными путями — он обратился к идеям Джейн Джекобс.

Лукас, как он будет рассказывать позже, давно восхищался работой Джейн — правда, пришел к этому, кажется, не вполне обычным путем: он был, возможно, единственным в мире, скажет он, кто прочитал сначала «Экономику городов», а потом уже «Смерть и жизнь»¹⁸. Воображаемый город Джейн, Новый Обсидиан, который некоторые критики приняли за фантазию сказочника, он считал плодом здравого и трезвого ума; это была работа настоящего теоретика, строго разграничивающего свою теоретическую интуицию и корпус фактов, конкретных и скрупулезно отобранных. «Она кристально ясно выражает то, о чем думает и что выводит из археологических данных». И в какой-то момент, пытаясь понять несоответствие между темпами роста экономики в мире, продолжил Лукас, он вернулся ко второй книге Джейн.

Идеи — знание, наука, технология, инновации, изобретения — служили причиной роста Запада с самых первых дней промышленной революции; это сейчас достаточно ясно. «Так что можно было подумать, — скажет Лукас, — что экономисты, интересующиеся теорией роста, поставят идеи в центр своей работы. Как возникают идеи? Где они производятся? Как они распространяются и передаются другим людям?» Однако теория роста в основном пренебрегала такими вопросами. Идеи витают в воздухе? Это просто не подходит.

«Больше всего меня захватывает в работе Джекобс, что этот вопрос стоит в центре всего. Для чего города хороши? Они хо-

17. Там же, с. 40. Цитируется в: Warsh, «The Road Since „The Mechanics of Economic Development“», *Economic Principles online*, September 23, 2007.

18. Martin Wolf and Robert Lucas, «Economies and Growth», *Ideas That Matter*, 3, no. 3 (n. d.), p. 11–14.

роши для идей. Идеи начинают использоваться, они возникают из различных культур, сталкиваются наборы знаний». В 1993 году, отвечая экономисту Колумбийского университета, заинтересовавшемуся ее идеями, Джейн удивится, почему большинство экономистов не изучают инновации. «Потому что инновации столь непредсказуемы?»¹⁹ Верно, конкретные инновации действительно непредсказуемы. Но «условия, которые к ним приводят, вовсе не таковы». Условия, которые поощряют инновационную деятельность, инспирируют ее, практически вытаскивают инновации из людей, бурлят в тесных, разнообразных городах.

Если переключиться обратно на язык лекции Лукаса, то Джейн глубоко проследила «внешнее» для экономики влияние человеческого капитала. Ступайте в школу, поработайте рядом с экспертом или опытным наставником, глубоко вникните в знания об удивительных новых промышленных технологиях — и вы заработаете «человеческий капитал». Продуктивность взлетит, доход, вероятно, поднимется. Может быть, вы создадите новую компанию и заработаете миллион баксов. Это «внутренние» эффекты; они приносят пользу *вам*, обладателям человеческого капитала. Но человеческий капитал приносит выгоду и вашей компании, университету, аналитическому центру, городу или стране; ваш с трудом полученный опыт, ваш новый продукт, идея или метод принесут выгоду вашему работодателю, который наймет рабочих, а может быть, скоро встанет во главе кластера новых компаний; вот «внешние» — или вторичные — эффекты. *Взаимная выгода*, звездный час.

Изучая работу этого мощного экономического драйвера, Лукас сказал в Кембридже:

Я попробую поискать его в книге Джейн Джекобс «Экономика городов», в которой, на мой взгляд, описываются очень многие внешние эффекты человеческого капитала (хотя автор и не использует эту терминологию)... [Но Джекобс иллюстрирует] сотнями конкретных примеров то, что большая часть экономической жизни является не менее творческой, чем науки и искусства. Модный квартал Нью-Йорка, финансовый квартал, алмазный квартал, рекламный квартал и многие другие места являются не меньшими интеллектуальными центрами, чем Колумбийский и Нью-Йоркский университеты. Конечно, в этих центрах не рождаются те идеи, которые обсуждаются в академических кругах, но сам процесс похож²⁰.

19. Дж. Дж.— Грациеле Чичилински, 9 июня 1993 г., *Vigns*.

20. Лукас, *Лекции по экономическому росту*, с. 94–95.

И нет ли здесь, добавил Лукас, скрытого «доказательства» всего этого? Земля за городом обычно дешевле, чем в городе. Так почему бы компаниям не выехать за город, не начать работать на более дешевой земле? Они часто так поступают, особенно со своим «бэк-офисом» или рутинными функциями. Но не для того, чтобы *получить* кое-что от этого — творческое человеческое окружение, которое подпитывает новыми идеями и практикой. «За *что* еще люди платят, чтобы жить на Манхэттене или в центре Чикаго, — спрашивает Лукас, — как не за то, чтобы быть рядом с другими людьми?»

Джейн, говорит ее сын Нед, была «удовлетворена» признанием, которое принесло ей цитирование в речи Лукаса и которое только подчеркнуло его Нобелевская премия по экономике в 1995 году. В последующие годы она привлекала все больше внимания. Люди начали говорить об «особенностях Джекобс», экономисты — об инновационных прыжках, произошедших не внутри, а *сквозь* индустрии, расположенные в непосредственной близости друг от друга. В одной исследовательской группе сравнили прогнозы Джейн о росте и инновациях с двумя другими, более мейнстримными линиями экономической мысли, и обнаружили, что ее прогнозы сбываются чаще²¹. Еще в одной начали искать «внешние эффекты Джекобс» у канадских изобретателей²². Как гласил газетный заголовок в 1990-х годах, Джейн была теперь кем-то вроде «экономического гуру»²³.

Но на самом деле — не экономистом, по крайней мере в узком профессиональном смысле. Сам Лукас говорил, что из работы Джейн никогда не вытащить уравнение. Ее работа была поразительно плодотворной и продуктивной. Но и это не делало ее экономистом. Когда в 1997 году экономист из Универси-

21. Edward L. Glaeser et al., «Growth in Cities», *Journal of Political Economy* 100, no. 6 (December 1992), p. 1126–1152.

22. Pierre Desrochers and Samuli Leppälä, «Opening Up the „Jacobs Spillovers“ Black Box: Local Diversity, Creativity and the Processes Underlying New Combination», *Journal of Economic Geography* 11, no. 5 (2011), p. 843–863.

23. John Barber, «Jacobs Embraced as Economic Guru», *Globe and Mail*, October 15, 1997. Примеры литературы о Джейн Джекобс и экономике включают: Pierre Desrochers and Gert-Jan Hospers, «Cities and the Economic Development of Nations: An Essay on Jane Jacobs' Contribution to Economic Theory», *Canadian Journal of Regional Science* (Spring 2007), p. 115–130; Clint Ballinger, «More on Jane Jacobs & Economics», <http://www.open.salon.com/blog/clintballinger>; Sam Staley, «Disequilibrium and Time in the Urban Economy: Reassessing the Contributions of Jane Jacobs to Development Theory», *Market Process* 7, no. 1 (Spring 1989), p. 16–21. См. также Brian Tochtermann, «Theorizing Neoliberal Urban Development: A Genealogy from Richard Florida to Jane Jacobs», *Radical History Review* (Winter 2012), p. 65–87.

тета Торонто Дэвид Ноулан²⁴ взялся за изучение вклада Джейн в науку, он озаглавил свою статью «Джейн Джекобс среди экономистов»²⁵, и это было правильно — Джейн с пользой находилась *среди* них, но сама к ним не относилась.

Это, конечно, нисколько ее не беспокоило.

Через несколько лет после получения Нобелевской премии Роберт Лукас издал сборник статей, посвященных экономическому росту. В одной из них он много говорит о романе, написанном в 1961 году, «Доме для мистера Бисваса», действие которого происходит на Тринидаде, сказав, что это «великий роман об экономическом развитии», написанный В. С. Найполом²⁶.

Мистер Бисвас — внук слуги, приехавшего на Тринидад из Индии. Когда он был ребенком, то мечтал стать хотя бы пастухом. Но под конец романа ему удается прорваться — болезненно, небезопасно, нерешительно — в средний класс, обеспечив себе и своей семье существование в столице Тринидада Порт-оф-Спейн. «Его таланты крайне скромны, — пишет Лукас, — но его нежелание принимать ограничения текущей ситуации, стремление выжать из нее максимум возможного оказывается его сильной стороной». Что особенно важно, мистер Бисвас живет в том месте и в то время, где у него есть возможности, где

...едва грамотный человек может пересечь из села в маленький город, а оттуда в Порт-оф-Спейн на новые рабочие места, где он научился бы у других чему-нибудь еще. Бисвасу удастся выжить, жениться, кое-как поддерживать семью и передать своим детям это отношение к миру как полю возможностей.

Читая «Города и богатство наций», я был поражен сходством между Хиггинсом в Северной Каролине и знакомым мне маленьким островом у западного побережья Ирландии, Большим Блассетом. В моей предыдущей книге *On an Irish Island* есть история об этом острове и крошечном, говорящем на гэльском языке сообществе, которое его населяло. Остров жил за счет рыбалки и нескольких полей картофеля и овса. За несколько сотен лет он мало изменился. Но еще до Первой мировой войны его репутация убежища ирландского языка и его сообщество с культурой, богатой речью и с песнями начали привлекать лингвистов и пи-

24. Дэвид Ноулан (David Michael Nowlan, 1937–2009) — канадский экономист, профессор экономики Университета Торонто, специалист по экономике городов. — *Прим. ред.*

25. *Matter*, p. 11–113.

26. Лукас, *Лекции по экономическому росту*, с. 33.

сателей из Лондона, Дублина, Осло, Парижа. Городские интеллектуалы внушили островитянам чувство культурной значимости и побудили их записать свои истории, которые появились в серии книг под названием «Библиотека Бласкета».

Однако в то же время остров, который никогда не населяло более двухсот человек, начал терять свою молодежь. Все чаще они стали уезжать на большую землю или в Америку, где селились в Массачусетсе. Островитяне регулярно слышали от своих братьев и сестер об экономических возможностях в Америке; остров ничего им не предлагал, кроме аскетичного, умеренного существования; так они и их предки жили веками. Коммерческие траулеры стали промышлять в их традиционных рыболовных угодьях, что только ухудшило дело. «Мы решили, наконец, покинуть этот прекрасный остров», — написал в 1942 году один из коренных островитян²⁷. Посетители «никогда бы не поверили несчастьям этого острова без школ и комфорта, без пути к успеху... все так дорого и так далеко». К 1953 году уехал последний островитянин, и крошечное селение из каменных домов на склоне холма, столкнувшись с конкуренцией со стороны материка, встало на путь к разрушению.

Большой Бласкет был отрезан узким проливом со сложной навигацией от материка. Он находился в трехстах милях от Дублина и в трех тысячах миль от Америки. Хиггинс в Северной Каролине был отрезан горами, плохими дорогами и нищетою даже от ближайшего городка, Эшвилла, не говоря уже о крупных городах. И там, и там были изумительно красивые пейзажи. Интересные традиции с их неповторимым очарованием. Но в итоге оба места люди покинули, не важно, хотели они этого или были вынуждены.

У руин Большого Бласкета можно остановиться на мгновение и, как я писал в моей предыдущей книге, созерцать прелести, которыми наслаждались сельчане и в которых современная жизнь — слишком лихорадочная, непостоянная, неаутентичная — нам отказывает. Но если бы проникательная Джейн рассказывала историю Бласкета, подозреваю, она заострила бы внимание на другом — на желании островитян иметь перспективы и на том, как жестоко он проиграл «миру с возможностями».

---

27. Robert Kanigel, *On an Irish Island* (New York: Knopf, 2012), p. 223.

Глава 23

Сети доверия

I. Джейн и компания

ЛЕГЧЕ всего представлять себе Джейн совершенно независимой женщиной, себе на уме, которая сидит одна в своем кабинете, читает, думает и пишет. Однако она не была затворницей. У нее было много друзей. В ее дом всегда приходили люди — и, несмотря на все старания Мэри Малфара содержать его в чистоте, он никогда не находился в идеальном порядке. Для нее много значила семья. Джейн не пренебрегала мнением других людей о ней. Она многого достигла в Нью-Йорке и Торонто вместе с другими и с их помощью. Интеллектуально она была скроена похожим образом; сноски и слова признательности в ее книгах богаты именами. С ней можно было поговорить, на нее можно было оказать влияние, лично или в печати. Она была социальным существом. Потягивая коктейль, делясь своими мыслями, наслаждаясь вниманием друзей, она испытывала настоящее счастье.

Алан Литлвуд, архитектор, с которым Джейн подружилась в 1970-х годах, сыгравший ключевую роль в проекте Сент-Лоуренса, рассказывает о вечеринках на Олбани-авеню в 1980-х и 1990-х годах: начало в семь, и вот уже джин *Gibson's* и луковый мартини текут рекой, сын Джим — за бармена. Стаканы Литлвуд, равнодушный к хрусталу, называл «стекляшками», ничего особенного, куплены, вероятно в *Honest Ed's*, местном дискаунтере; «она гордилась тем, что была естественной». Вас ждали сыр и паштет, разговоры о напитках, Джейн иногда вспоминала Нью-Йорк. «Потом Джейн могла ненадолго исчезнуть, чтобы закончить с готовкой», — как говорит Литлвуд, на ужин часто (слишком часто) бывала свинина.

Когда все садились за стол, а было это в половину девятого или в девять, в комнате воцарялась атмосфера ожидания: «Люди ждали, когда Джейн начнет». Кто может вовлечь ее в разговор? Или *что Джейн скажет дальше?* Какой-нибудь провокационный вопрос мог потребовать ее ответа или побудить

рассказать какую-либо историю. И потом уже удержу не будет. «Невозможно отрицать то, что вы находитесь рядом с великим человеком», — говорит Литлвуд сегодня, качая головой. — «Невозможно отрицать собственное благоговение».

Она могла разговаривать обо всем. Только религия, казалось, ставила ее в тупик или оставляла безучастной. «Джейн явно волновали отсылки к Библии... Я так и не смог придумать, как поговорить с ней об этом». «Я так и не смог преодолеть ее защиту». Однако любая другая тема была легкой добычей. Она никогда не отступала. Вы могли рассчитывать только на то, что она признает: да, «нужно подумать над этой точкой зрения». Могло показаться, что Джейн лишена самомнения — но, говорит Литлвуд, только не в споре. «У нее явно было эго, гордость, когда доходило до ее точки зрения».

Какое-то время в конце 1980-х годов Люсия Джекобс, дочь кузена Боба Джона Джекобса и его жены Кати, жила с Джейн и Бобом. На «постдоке» в Университете Торонто, она обитала на верхнем этаже, как и Бургин, тогда только что вернувшаяся из Британской Колумбии и помогавшая брату Джиму с высокотехнологичным бизнесом, связанным с аккумуляторами, который тот только начал вести. Для Джейн, говорит Люсия, спор был «чистой воды спортом»: на нем основывалась культура семьи. Смысл в том, чтобы «придумать что-то оригинальное и потом выступить за это». Однажды они с Джейн вступили в снобистский спор, всем на удивление, по поводу слова «сibling» (*sibling*), которое Джейн считала безнадежно жаргонным. «Это слово следует выкинуть из словаря», — сказала Джейн; лучше говорить «брат» или «сестра». Это продолжалось пять часов, вспоминает Люсия. «Это был великий бой. Мы обе хотели докопаться до сути. Было весело».

Не всегда бывало так же весело, но всегда оживленно. Джейн была «бойцом без правил». Она никогда ничего не выдумывала, и все же «ей не требовалось проводить никаких исследований», казалось Люсии, «она просто все знала». Она могла привести какой-нибудь аргумент, вроде: «В древнем Китае...», и вы были уверены, что в древнем Китае все именно так и было. Подруга и соседка Джейн Тошико Адильман говорит, что Джейн знала все о хоккейных площадках и как они сделаны. «Она имела представление даже о самых малоизвестных вещах».

Джейн, которой к тому времени шел восьмой десяток, почти не говорила о сексе, вспоминает Люсия, а вот дядя Боб говорил. Ему нравилась неожиданная рискованная шутка, казалось, он наслаждался, потакая своим аппетитам. Однажды, вспоминает она, он сел за пирог с заварным кремом, в кото-

ром было полфунта масла, не меньше, проглотил его, а потом попросил еще кусочек. Боб сделал дом Джекобсов оригинальным и запоминающимся местом, уставленным дизайнерскими штучками; «Джейн там ни гвоздя не забила». Они были прекрасной парой, преданной друг другу. Люсии казалось, что женщины иногда нуждаются в брате больше чем, согласно распространённому клише, в отцовской фигуре. «Вот кем Джейн и Боб приходились» друг другу. Иногда по утрам Люсия могла застать их вдвоем хохочущими.

Ничто не говорит о том, что Джейн и Боб, или Джейн и кто-либо еще, если уж на то пошло, были равны в дебатах за кухонным столом. «Ни у кого другого в семье, — отмечает Люсия, — не было такой интуиции, [как у нее, даже если] у них не существовало недостатка во мнениях». Суровая правда заключалась в том, что все остальные были «бледной тенью Джейн». Она была «очагом» их экстраординарной семьи, «единственным гением». Все еще нащупывая метафору, Люсия описывает домашнее хозяйство как «улей, где Джейн — пчелиная королева». В некотором смысле это усложняло жизнь остальным членам семьи. «Это все равно, что жить с Зевсом».

В конечном счете, говорит Люсия, «мне понадобился воздух». Она вышла на традиционную академическую траекторию — сегодня она профессор физиологии в Калифорнийском университете Беркли. Джейн «несколько пренебрежительно относилась к моей карьере: „Будь у тебя хоть капля смелости, ты бы этого не сделала“», имея в виду коллег, конференции, университетский городок Лиги плюща. Кроме того, в семье преобладал «столоцентричный» образ жизни, к которому Люсия, проводя много часов в лаборатории, не смогла полностью приспособиться. «Мне хотелось приезжать домой в 11 вечера и есть сэндвичи с арахисовым маслом». Когда она объявила, что уезжает, Джейн изобразила «очень смелое лицо: „Ну конечно. Очень жаль“». Но от пронизательной Люсии не ускользнуло, что это ранило Джейн.

Ранило Джейн? Ранило или нет, они, по всей видимости, никогда об этом не говорили. Чувства не являлись тем, что Джейн склонна была обсуждать или обнаруживать, другими словами, не были частью обширной, всеохватывающей вселенной дискурса, которую она себе присвоила. И ее социальная антенна не была должным образом настроена. Алан Литлвуд рассказывает, как на общественном мероприятии два архитектора пытались пересказать идеи Джейн, но поняли их совершенно неправильно. «Это вообще не мое, — поднялась она возразить им. — Глупость какая-то». И они не смогли продолжить. Они

были удручены и просто пропали. Джейн повернулась к Литлвуду. «Думаете, я обидела этих людей?» — спросила она.

«Да, Джейн, — ответил он. — Обидели».

Она не собиралась этого делать и чувствовала себя неловко. В этом она показалась ему «маленькой девочкой». Иногда она «попадала впросак». Она *не* была театральным актером, умело подхватывающим подсазки, знающим, когда промолчать и когда продолжить. «Джейн не улавливала намеков, она так увлекалась темой», что бы это ни было, «что подавляла свой естественный инстинкт быть добрее».

Дружба с Джейн не означала душевного обмена личными откровениями; привычка «делиться всем» последующего поколения была ей не свойственна. «Никогда не слышала, чтобы она размышляла о себе», — говорит Люсия Джекобс. Джейн не была способна ни тяготиться прошлым, сообщает Тошико, ни поминать старые обиды. Когда еще один ее друг, только что прочитавший «Зримую тьму» Уильяма Стайрона¹, мемуары о депрессии, искренне рассказал Джейн о своих частых депрессиях, она разочаровалась, даже немного обиделась: кажется, она вообще его не поняла.

Царство личного и интимного? «Ничего такого никогда не было ни в одном из Джекобсов, — говорит Литлвуд. — Она никогда не говорила о себе лично. Ничего индивидуального». Всегда, с друзьями и с семьей, шел разговор об идеях, о великом мире свершений, действий, мышления. С планировщиком Кеном Гринбергом она могла поспорить о достоинствах того или иного проекта в Торонто. Энн Коллинз, редактор Джейн в *Random House Canada* с 1995 года, вспоминает ее «огромный, вселенский интерес к книгам и идеям», вспоминает, что разговаривала с ней о медицинских исследованиях, Джаред Даймонде², изредка о детях. «Если вы общаетесь с Джейн, ей нужно узнать, что вы думаете». И вы неизменно завершаете беседы с ней «с гораздо большим интересом, чем раньше». Просто разговор с ней как-то хорошо на вас влиял.

1. Уильям Стайрон (William Styron, 1925—2006) — американский писатель, лауреат Пулитцеровской премии 1968 года. Роман «Зримая тьма» (*Darkness Visible*, 1990), выросший из журнальной статьи, посвященной самоубиству писателя Примо Леви, представляет собой дневник переживания глубокой депрессии автора. Его сын Томас станет профессором клинической психологии в Йеле. — *Прим. ред.*

2. Обсуждению популярной книги американского биолога-эволюциониста Джареда Даймонда (Jared Mason Diamond, 1937) «Ружья, микробы и сталь» (*Guns, Germs, and Steel*, 1997, рус. пер: Джаред Даймонд, *Ружья, микробы и сталь* (Москва: АСТ; Corpus, 2010) посвящена первая глава книги Джекобс «Закат Америки. Впереди Средневековье». — *Прим. ред.*

Друг Джейн Алан Броудбент рассказывает, что из поездки в Китай он привез несколько фотографий, которые, как он думал, могут ее заинтересовать. «Хотите посмотреть на эти картинки?» — спросил он. Они были из Сианя, столицы провинции Шэньси. Да, конечно. О, *как* она на них смотрела! На фотографиях был изображен мусульманский район, состоящий из низких зданий, узких проездов, улиц, заполненных ручными тележками и гужевыми повозками, уличных рынков. А парикмахерская представляла собой мужчину, сидящего на стуле прямо на улице с ножницами в руках». «Ее все это чрезвычайно заинтересовало». Она всматривалась в каждого — или *внутрь* каждого? — гораздо дольше, чем можно было ожидать. Ему это запомнилось. Никто не умел сосредотачиваться так, как это делала Джейн.

Быть объектом такого внимания может показаться высшим комплиментом. В 1978 году Джейн познакомилась с Робертой Брандес Гратц, работавшей тогда репортером *New York Post*, которая получила грант на свою первую книгу, *The Living City*, сборник историй городского успеха. В то время редактором Гратц был Джейсон Эпштейн. «Вам надо поехать в Торонто и познакомиться с Джейн», — посоветовал он. Джейн пригласила Гратц остановиться у нее. «Она была так приветлива, так душевна. Она расположила меня к себе» сразу же. Гратц вспоминает большой пазл, разложенный на столе; когда наступило время пить кофе, Джейн достала несколько сырых бобов и поджарила на сковороде, и потом тут же их смолола. В первый раз Гратц остановилась на два или три дня. Но Джейн убедилась, что ее присутствие не мешает работе. Днем Гратц отправляли исследовать Торонто. По вечерам «сидели за столом в гостиной и просто говорили». Она получала урок и знала это. «Я была в восторге от внимания, которое она мне уделяла».

Впоследствии Джейн и Роберта Гратц, которой тогда было около сорока, стали друзьями. Они обнаружили, что у них уже есть общие знакомые: муж Роберты владел бизнесом по металлообработке в Нью-Йорке и закупал материалы у Фрасса, одного из первых работодателей Джейн. У обеих были дети, но они редко говорили о них, гораздо чаще — о работе Роберты. Она испытывала трудности с переходом от статей к книге. Джейн усаживала ее и прорабатывала с ней черновики проблемной рукописи.

На одном из таких сеансов в 1978 году Джейн начала с похвалы авторской стратегии Роберты: «Думаю, начать с южного Бронкса — это *блестяще!*»³ Но потом, что ж, да, вот эту часть

3. Аудиозапись, любезно предоставлена Робертой Гратц.

нужно поправить. «Надеюсь, ты не против, если я тут помечу». Вскоре они углублялись в «городскую усадьбу» той эпохи и ее корни в первоначальном Усадебном акте Америки конца 1800-х годов⁴ — не считая того, что Джейн обдумывала шаткие связи. «Забудьте про „40 акров и мула“⁵, — говорила она Роберте. — Это отвлекающий маневр». Мягко она вела Роберту к истории усадеб, предложив изыскание об Уильяме Дженнингсе Брайане⁶, его речи «Золотой крест» и земельным грантам — конкретные факты и тонкие нюансы, лежащие в основе темы Роберты: в то время «правительство раздавало пионерам землю... Ты не можешь сказать, что PDC [*People's Development Corporation*] теперь хочет того же самого. Они хотят чего-то *аналогичного*»⁷.

С другой стороны, говорила ей Джейн, «я бы поспорила с этим словом, но оно символизирует то, что вы делаете это время от времени». Она читала в черновике Роберты: «*Они были ориентированы на завершение...*» и объясняла, что здесь не так. «„Ориентированы“ — это нынешнее модное жаргонное бюрократическое словечко», прямо-таки «варварское» (может быть, на вкус Джейн, как и «сиблинг»?). «Оно означает только то, что ты читала слишком много отчетов и докладов».

Вероятно, не просто переносить такую целенаправленную критику своей многообещающей рукописи. Но Роберта была достаточно выносливой, благодарной за то внимание, которое уделила ей Джейн. «Так она поощряла... Она была заинтересована в том, что я делаю», даже если это выражается в виде беспощадной редакторской любви.

4. Усадебные акты (*The Homestead Acts*) — совокупность законов США, согласно которым заявитель может бесплатно претендовать на участок земли, обычно именуемый усадьбой (*homestead*). Данное законодательство ведет отсчет от Усадебного акта 1862 года, задачей которого было создать широкий класс независимых индивидуальных фермеров в противовес существующим в южных штатах практикам крупного землевладения. Исследованию городских усадеб посвящена 6-я глава книги Гратц «Живой город» (*The Living City*, 1989). — *Прим. ред.*

5. Обещание, которое дал генерал северян Уильям Шерман 16 января 1865 года бывшим чернокожим рабам с ферм южан. Некоторое время в период Гражданской войны и после нее обещание исполнялось. — *Прим. ред.*

6. Уильям Дженнингс Брайан (William Jennings Bryan, 1860—1925) — американский политик и государственный деятель, представитель Демократической партии, кроме прочего, известный своим красноречием и любовью к публичным выступлениям. Речь «Золотой крест» была произнесена им 9 июля 1896 года и посвящена пропаганде биметаллизма против золотого стандарта. — *Прим. ред.*

7. Имеется в виду неудачный опыт по кооперативному редевелопменту квартала в южном Бронксе в конце 1970-х годов под руководством гражданско-го активиста Рамона Руэды, главы *People's Development Corporation* (PDC). См. подробнее: Роберта Б. Гратц, *Город в Америке* (Москва: Общество развития родной культуры, 2008), с. 140—150. — *Прим. ред.*

Алан Литлвуд тоже грелся в лучах острого интереса Джейн. Через несколько лет после успеха в Сент-Лоуренсе у него настали не лучшие времена, он был разочарован и подавлен. Джейн предложила ему стипендию, «чтобы помочь мне одолеть эту гору», но он отказался. В еще один тяжелый момент она подписала и подарила ему одну из своих книг. Он принес ее домой, открыл, и все, что там было написано: «Я люблю тебя. Джейн». Она просто *знала*, говорит Литлвуд, что ничто другое, никакие пафосные слова, полные мудрости и вдохновения, не могли бы лучше поднять его дух. Джейн, говорит ее друг Тошико, была способна принять каждого и найти в нем «что-то особенное и уникальное», полностью освобождая конкретную сумасшедшинку в человеке, чтобы видеть его таким, какой он есть, дать ему то, в чем он нуждался.

В этом, конечно, она была великолепным другом. Однажды Тошико пригласили поработать переводчиком на мероприятие, где требовалось знать специальные ботанические термины, и вскоре Джейн уже мобилизовала свои интеллектуальные ресурсы, чтобы ей помочь. Племянник Джейн Декер, гостивший тогда в доме, вспоминает, как приходил домой и заставал их сгорбившимися над столом, с разбросанными вокруг словарями и книгами, глубоко погруженными в ускоренный курс по фруктовым деревьям, соцветиям, качествам хороших груш и так далее. (Джейн любила фрукты, переживала, что зеленщики продают всего три-четыре разновидности яблок, и вела список из более чем из ста сортов, которые она попробовала за много лет.)

Летом Джейн с Бобом часто отдыхали с Тошико и ее мужем Сидом на Острове Принца Эдуарда. Это самая маленькая из десяти провинций Канады, настоящий остров, исключительно сельскохозяйственный, с большим количеством ферм и садов: там выращивались овощи, которые никогда не увидишь в городских супермаркетах. Вскоре после того как Джейн с Бобом въехали на Олбани-авеню, Адильманы пригласили их отправиться туда вместе. Годами они часто ездили вместе с детьми, иногда с братом Джоном и его женой Пит, проводили несколько недель или месяц в скромном домике, части уютного летнего лагеря. На участке в половину акра в нескольких милях от Шарлоттауна, главного города острова, жило около пятидесяти семей⁸. Сид, журналист по роду деятельности, любил лежать на красном песчаном пляже острова, куда можно

8. Интервью с Тошико Адильман, Джимом Джекобсом, Кейтлин Бромс-Джекобс, Аланом Литлвудом; фотографии и карты предоставила миссис Адильман.

было спуститься из домика по травянистой дорожке — никаких новостей, никакого телевидения. Джейн, которой следовало беречься от солнца, обычно носила большую широкополую шляпу. Они выкапывали моллюсков, ели гигантских лобстеров, ходили на маяки, вместе варили варенье. Есть, читать, разговаривать и смеяться в хорошей компании в идиллическом месте вдалеке от мирских забот: что ж, неплохо.

На самом деле остров в те дни посещал еще один отдыхающий: Спайси, хомячок внуки Джейн по имени Кейтлин, дочери Джима и Пат. В сказке, придуманной девятилетней Кейтлин вместе с Джейн, которая присматривала за ней в тот день, и Люсией Джекобс, снявшей все на видео, Спайси сбежал и отправился самостоятельно исследовать остров. Джейн показывает нам миниатюрную лестницу, вероятно, атрибут кукольной мебели, с помощью которой хомяк совершил побег. «Ох, придется сообщить Кейтлин плохие новости», — говорит она на камеру, немного деревянно — она плохая актриса. Она заходит позвонить в красную телефонную кабинку — отличительный знак гостиной Джекобсов. Действие переключается на Спайси, который пытается найти путь длиной в тысячи миль по восточной Канаде. «Как добраться до острова?» — спрашивает он. Ему отвечает птичка (голосом Кейтлин, конечно): «Держи путь на восток». Это становится мантрой путешествия: *Держи путь на восток*. В конце концов, в свирепый шторм Спайси прячется в лодке, которая направляется на остров. Операторская работа Люсии, заслуживающая Оскара, показывает непереносимую качку, передает первобытную силу бури — и дарит нам возможность взглянуть на Джейн в новой роли бабушки.

Четыре года, пока Кейтлин не исполнилось восемь, ее забрасывали по вечерам к Джейн. Они играли в больницу, или в «Отпустите дверные ручки», или в «Защите фрукты»; смысл последней заключался в том, что нужно было защитить чашу с фруктами от мародерства обезьян и тигров. Время от времени Джейн возвращалась к работе и, так сказать, оставляла Кейтлин ненадолго в одиночестве. «Мне нравилось бывать у нее дома», — вспоминает Кейтлин сегодня. Что бы ни говорили о стиле воспитания Джейн, отмечает Люсия Джекобс, которая видела Джейн и Кейтлин вместе, пока жила на Олбани-авеню, она «совершенно оправдала себя... став лучшей в мире бабушкой».

В 1989 году, в зрелом возрасте шести лет, Кейтлин получила посвященную ей книгу (как и ее кузина Лариса, дочь Неда и Мэри Энн, и три ребенка Джекобсов). Это была детская книга Джейн, *The Girl on the Hat* («Девочка на шляпе»).

Однажды летним днем 1987 года редактору *Oxford University Press Canada* Ричарду Телеки позвонила Джейн Джекобс, узнавшая номер его телефона у соседа⁹. Во время долгих поездок с детьми на Лонг-Айленд в 1950-х годах Джейн рассказывала им сказки об Орешке, отважном мальчике величиной с орех, всегда попадавшем в неприятности. Теперь Орешек превратился в Орешинку, и маленькая Инка стала героиней книги Джейн. Коллеги Телеки надеялись стать постоянными издателями Джейн, но их надежды не оправдались; она хотела просто куда-то пристроить детскую книгу. Телеки подписал договор с ней, а еще с художником-иллюстратором Карен Рекцух. «Я была в восторге! — говорит Рекцух, это была ее первая книга. — И потом, узнать, что автор, чью сказку ты иллюстрируешь, знаменитость: *Ты делаешь книгу с Джейн Джекобс?!*»

Иллюстрации были прекрасными. Инка, стрижкой «паж» походившая на Джейн, в варежках, шарфе и наушниках, была прелестна. История — очаровательна:

Думая о том, как бы ей вести полезную жизнь, Инка для начала решила делать на продажу маленькие пасхальные корзинки и начать намного загодя, чтобы к Пасхе их набралось побольше. Она поставила в ряд десять пустых ореховых скорлупок, выстелила их душистым сушеным базиликом и насыпала красной клюквы, черники и зеленого горошка. Они были похожи на миленькие гнездышки с крошечными пасхальными яичками. Но через несколько дней ягоды испортились, а горошек сморщился¹⁰.

Когда книга вышла, один друг написал Джейн, что она «очаровательная»¹¹. Но успеха та не принесла, на нее почти не писали рецензий, и вскоре книжка исчезла с полок магазинов¹². «Мнение других иллюстраторов и авторов, — говорит Рекцух, — состояло в том, что книга немного устарела». Может быть, она пришлась бы к месту в 1950-х или 1960-х годах — которым, конечно, обязана своим рождением. Но с тех пор, говорит Рекцух, «детская литература продвинулась далеко вперед».

Как и во взрослых книгах Джейн, вещи из нашего мира — важная часть жизни Инки: пещеры и карнавалы, камеры и каное. И конечно, в крошечной Инке много от самой Джейн: она трудолюбива, находчива и всегда готова к приключениям.

9. Teleky; интервью с Карен Рекцух.

10. *Girl*, p. 33.

11. Эрик Венсберг — Дж. Дж., 4 мая 1989 г., Burns, б:4.

12. «Не в первых рядах», — писала Мэрили Отто в *CM Archive* 17, no. 4 (July 1989).

Иногда, заявляет Инка, она берет камеру в горы Британской Колумбии и фотографирует Саскотч.

«Но Саскотч воображаемый», — возражает ей отец¹³.

«Откуда ты знаешь? — отвечает Инка. — Вспомни человека в Бюро пропавших людей?»

Родители позвонили ему, когда Инку украли, и сообщили, что ее рост — два дюйма.

«Он сказал, что я воображаемая».

II. Честность или честь

Книга *The Girl on the Hat* вышла в 1989 году. На очередную книгу, *Systems of Survival* («Системы выживания»), которая будет издана в следующем году, Джейн вдохновили события одного дня, случившиеся много лет назад, в понедельник 24 января 1967 года.

Джейн была в Ганновере, в Западной Германии, у нее было отличное настроение¹⁴. Это была ее первая поездка в Европу. Утром она прочитала первую из своих европейских лекций, потом ей показали достопримечательности города. В какой-то момент она зашла в банк, чтобы перевести на свой нью-йоркский счет значительную сумму, которую получила за лекцию. Она вручила кому-то чек, где сумма была в дойчмарках — немецкой валюте, ходившей до евро, — сообщила номер своего счета, и ей вручили квитанцию. И все. Она чувствовала себя «международным купцом, осуществившим деловую операцию»¹⁵. Сам банк ей почти не запомнился, разве что обширные поверхности «полированной латуни, мрамора и инкрустации по дереву». Но потом, на улице, она задержалась на мгновение, счастливая, удивляясь, «как все это необычно — я чувствовала себя в такой безопасности, защищенной в огромной сети ответственности и доверия». Она проделывала подобные операции и дома, конечно. Но здесь, находясь в путешествии всего несколько дней, где она не знала никого, где иностранное окружение, возможно, заставляло видеть все в ином свете, это бросилось ей в глаза: экономическая жизнь могла протекать благодаря «фантастической сети доверия» между незнакомцами.

13. *Girl*, p. 48.

14. См.: *Matter*, p. 87.

15. *Ibid.*, p. 87. См. также: *Ethics*, p. 6, 222; Jane Jacobs, «The Responsibilities of Cities», Queen's Lecture, Amsterdam, September 1984, Burns, 13:1.

Она пережила похожее приятное озарение, работая над «Экономикой городов», когда изучала возникновение европейских городов в Средние века. «То были времена ужасного пиратства», — скажет она¹⁶. Пожалуй, если вы торговали испанской кожей или скандинавским мехом, вам ничего не оставалось, кроме как опасаться грабителей, готовых отнять все, что у вас есть. И все же в те времена в Европе возникли ярмарки.

Я думала, насколько же это необычно в те варварские времена, когда граница между грабежом и торговлей была не столь отчетлива, что торговые корабли могли встретиться в определенном месте и действительно обменяться товарами, а не отнять их друг у друга, сделать это цивилизованным способом... Те первые европейские ярмарки были в этом смысле священными местами, где хаос прекращался, а пиратов держали в узде, и люди совершали это изумительное, цивилизованное, взаимно полезное дело.

Все это звучит очень мило, даже в чем-то вдохновляюще. Но книга, ставшая результатом этих размышлений — не простодушная дань уважения международной банковской системе или средневековым ярмаркам. В этой симпатичной картине была небольшая проблема, удивительное расхождение с ожиданиями — нашими и *Джейн*.

«Системы выживания» основываются на восхищении Джейн рыночной этикой, добросовестностью и трудолюбием, которых требует ежедневная торговля. Со временем она выявила ее систему, «записывая заповеди, которым обучены люди или которые закон предписывает ведению дел». Из историй о бизнесе, биографий, скандалов и фрагментов культурной антропологии она выводила поведение, считающееся достойным восхищения. «Если бизнесмена хвалили за то, что его рукопожатие столь же твердо, как и исполнение им обязательств, я записываю это как заповедь: „Уважать договоры“». То же самое она проделывала с поступками, которые вызвали презрение и пресекались обществом. И она занималась этим пятнадцать-двадцать лет. «Я не знаю, почему я делала это, кроме как ради того, чтобы попытаться лучше понять самой, как работает мир».

То есть все это время в комнате присутствовала чопорная седовласая фигура: торговля, как теперь становится понятно, это хорошее и прекрасное дело, с точки зрения Джейн Джекобс. Если же вы принуждаете кого-то или неразборчивы в методах

16. *Matter*, p. 163. См. также *Warren*, p. 6.

достижения цели, если вы мошенничаете или обманываете, полагаетесь на силу или мстите, то вы, конечно, бандит. Джейн долго отстаивала мысль, что должна быть какая-то нравственная добродетель в действиях солдат и шпионов, царей и копов, тех, кто вел себя именно так. Но со временем — а потребовалось очень много времени — она пришла к следующему выводу¹⁷.

Охотник не может быть честным, когда выслеживает добычу. Шпион подслушивает и обманывает, невозможно быть хорошим шпионом, если этого не делаешь. Способность дипломата лгать убедительно — его должностная обязанность. Римскому императору не пригодятся робкое благоразумие и бережливость сапожника; в его вкусе скорее расточительные и неприличные развлечения. Никого из них нельзя по ошибке принять за честного трудолюбивого торговца. У них другой мир с собственными правилами.

«Охранники», — назвала их Джейн. Они верили в лояльность, иерархию, месть и обман. Полицейские обязаны хранить верность властям, солдаты — своему отряду. Политические партии требуют от своих членов подчинения. То же самое делают церкви с приверженцами своей веры. И многое из этого, заключила Джейн, по-своему может считаться *хорошим*, необходимым миру. Общество нуждается в защите от криминала, оккупационных армий, религиозных еретиков и неуправляемых банд. Охранники, живя по своим правилам, ее обеспечивают. Их правила, решила Джейн, «морально законны, как и [правила] „торговцев“» и основаны на интересах столь же законных: узнайте о зараженном паразитами ресторане, и вы немедленно захотите вызвать городского инспектора, который жестоко и с боем закроет его к чертям — никаких переговоров, никаких дискуссий. Это ангел-хранитель за работой¹⁸.

Спустя годы Джейн усовершенствовала эти идеи, в конечном счете заключив, что общество покоится на двух больших наборах правил, ожиданий и моральных принципов, которые отличаются друг от друга не слегка, а фундаментально, говорят на разных языках, населяют противоположные вселенные. Грубо говоря, первая группа уделяет особое внимание честности, трудолюбию, сотрудничеству и бережливости; вторая — тради-

17. *Systems*, p. 218, примечание к главе 2. См. также: Alexander and Weadick; Warren, p. 7.

18. «Эйзенхауэр открестился, нет, нет, мы никогда не посылали самолеты-разведчики в Россию», — сказала Джейн в интервью Клэр Парин в мае 1999 года (*Burns*, 22:32), однако же они там были, крушение самолета-шпиона U2, который сбили Советы, напоказ всему миру. «И никто не возражал, потому что, в конце концов, это национальная безопасность... Совершенно противоположная точка зрения на ценность честности в таких ситуациях».

ции, верности, подчинению и силе. Каждая представляет собой то, что Джейн называет «моральный синдром», и пусть это слово звучит по-медицински, «синдром» просто относится к объединению этих принципов в группы.

Джейн обобщила свою мысль на выступлении в Бостонском колледже в 1989 году, когда все еще работала над книгой: обществу требуется «не одна основная система, которая ежедневно определяет, что правильно и неправильно»¹⁹, как удобно думать, но и не множество, как предполагают сторонники этического релятивизма, а две, которые возникли и сохраняются не случайно. В книге она использовала это различие, чтобы, решая загадки и проясняя путаницу, исследовать честь и верность солдат, методы управления Уолл-стрит, виды коррупции, возникающие, когда одна моральная система сталкивается с другой, и многое другое.

Джейн утверждала следующее:

Макиавелли хорошо понимал, что исключительно верность поддерживает всю работу правительства и его производные. Это моральная поддержка против всех видов предательства охраны, военной или гражданской. Ведь неспроста чиновники присягают конституции или короне²⁰.

Но на самом деле Джейн этого не утверждала — по крайней мере, не от своего имени. Это слова ее персонажа, автора детективов по имени Джаспер. Потому что в книге *Systems of Survival: A Dialogue on the Moral Foundations of Commerce and Politics*, если привести здесь полное название, Джейн не только принялась за новую тему и высказала целый ряд новых идей, но решила написать о них в другой форме, близкой к художественной литературе. Этот жанр называется «дидактический диалог», он отсылает на два тысячелетия назад к древнегреческим диалогам Платона, в которых Сократ в Афинах спорит со своими друзьями-философами. За исключением того, что в версии Джейн нет одного интеллектуального лидера, излагающего непогрешимую мудрость — нет Сократа. «Мои персонажи, — писала Джейн, — равны, борются за то, чтобы найти нравственный смысл трудовой жизни»²¹.

Одним из ее персонажей был Армбрустер, издатель на пенсии, который собирает в своем доме на Манхэттене несколько серьезных друзей и коллег. «Меня стала тревожить нечест-

19. *Ethics*, p. 211.

20. *Systems*, p. 72.

21. *Ibid.*, p. 13.

ность на рабочих местах»²², — начал он, когда они представились друг другу и удобно устроились с напитками. Как и на его создательницу Джейн, на него однажды в Ганновере снизошло озарение. Он зашел в местный банк, чтобы перевести гонорар за консультацию на свой счет, «великая сеть доверия» окутала его своим благословением. Сейчас, однако, он видит, что сеть поистрепалась. Везде коррупция. На недавнем симпозиуме он увидел студентов-программистов, без стыда ворующих лицензионное программное обеспечение и продающих его ради получения прибыли. Когда он возвратился домой с пробудившимися чувствами по отношению к махинациям белых воротничков, он увидел вокруг лишь казнокрадство, лживую рекламу, мошенническую маркировку, нечестный учет, сговор, откаты и сделки на основе инсайдерской информации. Он решил, что нужно узнать, с чем связан этот распад «нравственности в практической трудовой деятельности». Вот почему он их собрал. Их вообразимые разговоры и представляют собой книгу «Системы выживания».

Джейн, кажется, надоело писать в режиме эссе, и перспектива готовить еще одну подобную книгу ее расстраивала. Ее поразило, насколько диалогическая форма с ее «вопросами, ответами, сомнениями, отступлениями, поправками, предположениями и разногласиями»²³ будто идеальна создана для философских споров. Однажды она рассказала в интервью, что в школе от философии было мало толку. «Она была выше моего понимания, и я просто забыла о ней»²⁴. Теперь ее «поразило», что в своих дидактических диалогах она изобретает колесо. «Я бы сэкономила кучу времени, если бы почитала Платона», — скажет она²⁵.

Квартира Армбрустера, где проходят разговоры, находится в центре Нью-Йорка. Это означает, что автор изменил свое решение. Изначально пять персонажей Джейн — Армбрустер и автор детективов Джаспер, юрист, экологический активист и Кейт, молодой ученый, в которой Джейн изобразила Бургин и двух племянниц, — были жителями Торонто²⁶. Но это не годилось для книги. «Разговаривать с канадцами, — объяснит она, — все равно что разговаривать с подушкой»²⁷. Они слишком вежливые. Как только она сделала их ньюйоркцами, они «с радостью тут же закусили удила и сказали что хотели, не за-

22. *Systems*, p. 4.

23. *Matter*, p. 161.

24. Интервью Дж. Дж. с Питером Гзовски, 18 мая 1993 г., Burns, MS1995_029_CS08_REF.

25. Warren, p. 9.

26. Дж. Дж. — читателю, 6 июля 1998 г., Burns, 1:6.

27. Интервью с Марджи Зайдлер.

ботясь о вежливости. Поскольку эти выдуманные персонажи вышли из моей головы, то есть в действительности это я, несомненно это что-то говорит о моей собственной нетерпеливости и неучтивом поведении»²⁸.

Обычно, согласно анализу Джейн, торговля совершалась по коммерческим принципам, тогда как правительство, военные и прочие подобные иерархические институты придерживались синдрома охранника. Коммерция процветала. Государства, армии и религии сохранялись. И только когда два синдрома сталкивались в одном человеке или институции, начинались проблемы. Например, полиция устанавливает квоты на арест и платят за их соблюдение. Или правительство безответственно берется за управление энергетическими ресурсами. Или вот еще один пример такого несчастливого столкновения ценностей, писала Джейн в главе под названием «Торговля, захват и чудовищные гибриды», — мафия.

Может показаться, что мафия с ее ритуалами, достойными Британской короны, и верностью как высшей ценностью, играет классическую роль охранника. «Мафия больше всего напоминает законных охранников, — говорит Джаспер остальным, — когда защищает город и пригородные территории, где проживают ее важные члены»; она следит за ограблениями, воровством кошельков или уличной торговлей наркотиками²⁹. «Близкое соседство мафии гарантирует замечательно безопасное место для жизни, пока вы не озадачитесь вопросом, почему так?» Но, продолжает Джаспер, мафия не только защищает район; их забота — бизнес. Они шантажируют законные предприятия, ведут нелегальный бизнес: занимаются сутенерством, азартными играми, бутлегерством, контрабандой, торговлей наркотиками и отмыванием денег. В Мафии два царства — охрана и коммерция, оружие и деньги — сплетаются в зло.

Джейн однажды довелось наблюдать мафиозный конклав на карибском курорте³⁰. Стоял февраль 1970 года, это была вторая зима Джекобсов в Торонто. Джейн и Боб улетели на Синт-Мартен, нидерландскую сторону карибского острова, вторая сторона которого — французский Сен-Мартен. Через несколько дней после прибытия она писала:

Что ж, все верно: бирюзовая вода, цветущие лозы & деревья, пасаты, козы & пеликаны, бархатная тропическая ночь, которая

28. *Matter*, p. 161.

29. *Systems*, p. 94.

30. Рассказ взят из *Systems*, p. 94, 175; интервью Дж. Дж. с Питером Гзовски, 18 мая 1993 г., Burns, MS1995_029_CSo8_REF.

невероятно мягко спускается на закате, & все персонажи, каких можно только встретить в романах. Короче говоря, мы действительно замечательно проводим здесь время³¹.

Турагентство поселило их в большом отеле с казино прямо на побережье. Вообще он был им не по карману, но, очевидно, других вариантов не было. Они остановились там на пару дней, с тем чтобы позже найти что-то подешевле и попрятней. А пока их ждал сюрприз — встреча двух семейств мафиози; когда они поняли, что происходит, их с Бобом очаровывала каждая минута спектакля. С завтрака и до наступления сумерек они играли роль «двух уставших простофиль, сидящих в шезлонгах» или невинно бродивших у воды. Однажды они увидели двух мафиози, стоящих по грудь в теплой воде, которые время от времени подзывали к себе подчиненных. Плеск волн заглушал электронную прослушку. Из женщин там присутствовали только жены мафиози и «одна молодая красавица», которая «не только выглядела ожившим манекеном, но и буквально вела себя так» — меняла позу и даже просто шевелилась только с разрешения; по всей видимости, как Джейн узнала позже, она была наказана. Состоявшийся в последний день утренний шоппинг-кутеж Джейн описала так: «словно в город приехали султаны; все показывали свои товары, кланяясь и расшаркиваясь, а свита следовала за султанами с пакетами». Так что здесь Джейн «осторожно, но увлеченно наблюдала» за мафией, подпитывая материалом «Системы выживания».

«Блестящее исследование значения справедливости, — охарактеризовал книгу обозреватель *The Globe and Mail*. — Свидетельство пытливого ума, энергичного завсегдадая библиотек и читальных залов, впечатляет и обнадеживает»³². Но не все столь же высоко оценили книгу. Друг Джейн Тошико Адильман рассказывает — «многие считали, что у нее ничего не вышло». Телеведущий Макс Аллен, поклонник Джейн, который помог ей составить лекцию Масси о квебекском сепаратизме, был одним из них; вся его жизнь была связана с устной речью, и он полагал, что Джейн не ценит диалог как самостоятельное тонкое искусство. Он сказал ей об этом после выхода книги, но Джейн уже работала над следующей, и ее это не очень интересовало. Но не все вынесли и столь суровый приговор. Алан Райан, автор *The New York Review of Books*, решил, что книга предлагает «очень трезвый взгляд на депрессивное состояние аме-

31. Дж. Дж. — матери, 11 февраля 1970 г., Burns, 4:9.

32. *Matter*, p. 162.

риканской политики и торговли и еще более трезвый взгляд на то, что пошло не так в Советском Союзе»³³. Ему книга показалась «невероятно живой и понятной». Конечно, подобно другим книгам Джекобс, эта «настолько отличалась от заурядных социальных наук, что трудно решить, куда именно отнести ее идеи».

Райан назвал Армбрустера, Джаспера и остальных «легкими набросками персонажей», в чем-то эвфемистичными. Пять героев Джейн были задуманы разными — и все же звучат похоже. Их разговоры, которые должны были течь гладко, спотыкались сами о себя. Маленькие беллетристические детали — «Армбрустер позвенел льдом, чтобы привлечь внимание...» — никак не помогли вывести книгу на другой уровень, сделать ее чем-то иным, кроме философского спора противоборствующих сторон интеллекта Джейн. Что до Джейсона Эпштейна, книга не особенно его захватила, по крайней мере, точно не как три предыдущие; она была «скорее дидактической, чем живой». И конечно, вне зависимости от того, оценивать ли ее книгу как «художественную» или нет, это не роман. «У нее нет этого дара. Она не может быть романистом».

В конце концов, Джейн, кажется, и сама была с этим согласна.

Не думаю, что мне удалось изменить ритм прозы для разных ораторов.

Я пыталась разнообразить речь моих персонажей, но мне не удалось этого сделать в той степени, в которой мне бы хотелось. Мне нужно было придумать для каждого персонажа свой уникальный прозаический ритм. Вот что умеют мастера диалогов³⁴.

III. В поездке на Илиамну

В начале 1990-х годов Джейн было уже хорошо за семьдесят, но она еще не распрощалась с днями юности: «Системы выживания» уходили корнями в 1960-е годы, детская книга — в 1950-е. А книга тети Ханна про Аляску конца 1930-х годов вела к следующему большому проекту³⁵.

Ханна, младшая сестра бабушки Джейн, ходила в тот же самый педагогический колледж в Блумсберге, что и мама Джейн, и тетя Марта. Но после двадцати лет преподавания в Пенсиль-

33. Alan Ryan, «Cautionary Tales», *New York Review of Books*, June 24, 1993.

34. Warren, p. 17.

35. Рассказ взят из предисловия к *Alaska*.

вании она ступила на новый путь. Ханна начала посещать летние курсы по антропологии в Университете Чикаго. Вскоре Департамент внутренних дел США отправил ее преподавать в индейские резервации в Скалистых горах и на юго-западе. Через четыре года, в 1904 году, в возрасте сорока четырех лет она уже ехала преподавать на Аляску. Там она жила и работала среди алеутов, кенайцев и других народностей в местах с такими названиями, как Афогнак, Нондолтон и Илиамна. Несколько селений все еще свидетельствовали о долгом пребывании русских на Аляске, на стенах домов висели портреты царя. Ханна путешествовала верхом и на собачьих упряжках. С качающейся паровой палубы она спускалась по веревочной лестнице. Она переживала зимы, считавшиеся мягкими, когда температура не опускалась ниже минус десяти. В основном Ханна Брис занималась организацией школ, обучением местных ребятишек, прививала свои представления о цивилизации обитателям дальних селений Аляски.

Когда через четырнадцать лет она вернулась в Штаты, ее память была переполнена сценами из жизни и историями о путешествиях по стране, и ей порекомендовали переработать их в мемуары. Собрав письма, написанные на Аляске, она слепила из них рукопись и отправила ее издателям — только чтобы получить отказ. Эту самую рукопись в 1938 году она принесла Джейн, обратившись к ней за помощью. Джейн переработала ее как смогла и отправила другим издателям. И снова — никакого интереса. В 1940 году тетя Ханна умерла. Джейн отложила рукопись в сторону, закончила учебу в Колумбийском университете, устроилась на первую настоящую редакторскую работу в *Iron Age* и занялась своей карьерой.

Но все следующие пятьдесят лет рукопись тети никогда полностью не отпускала ее. Джейн выросла, слушая рассказы о Ханне. «Она была героем для нас, детей»³⁶. Корзина из бересты, которую жительница Нондолтона сделала для Ханны, была частью детства Джейн: мать складывала в нее письма и ключи³⁷. Рукопись Ханны «зацепила меня; так что у меня была мысль, что когда-нибудь нужно будет воздать ей должное»³⁸.

Однажды, вероятно в 1993 году, когда Бургин попросила взглянуть на рукопись, Джейн перечитала ее и «получила такой кайф, что сразу же решила, что ее надо издать»³⁹, несмотря

36. Радиоинтервью с Десмондом Глинном, 10 января 1996 г., Burns, MS1995_029_CS09.

37. Дж. Дж. — Джону Брэнсону, 18 августа 1994 г., Burns, 1:7.

38. *Alaska*, p. xv.

39. Robin Roger, p. 6.

на оговорки, связанные с тем, что добрая тетьа Ханна действительно говорила, включая то, что Джейн назвала «бременем белого человека». Ханна Брис писала со всей серьезностью, что ее задача — помочь местным жителям «преодолеть невежество, нищету, болезни и суеверие. [Это] должно обеспечить их благами, ныне доступными благодаря цивилизации и заботе дяди Сэма о своих менее удачливых детях»⁴⁰. Джейн эти идеи беспокоили так же, как и полвека назад. Но опять же, разве можно понять времена, когда Ханна была на Аляске, *не учитывая их*? Джейн была уверена, что более искушенная современная публика сможет прочесть текст Ханны, не вынося необоснованных суждений.

Когда книга вышла, Джейн написала, что она сумела оправдать ожидания тети Ханны, «улучшила структуру, удалила повторы и отступления, которые прерывали поток повествования, проверила расстояния, имена, правописание, названия растений — обычная помощь редактора неопытному автору»⁴¹. И не только это. В июле 1994 года они с Бобом вместе с женой Неда Мэри Энн (а через неделю к ним присоединился и Нед) полетели на Аляску, чтобы увидеть самим кое-что из мира тети Ханны.

Они собрали брошюры, на которых были изображены безмятежные голубые воды Аляски, утопающие в лесах острова, сверкающие солнцем горные вершины, разместили на старых геологических картах США траектории скитаний Ханны; разработали свой маршрут для двухнедельного путешествия⁴². Незадолго до даты отправления в ежедневнике Джейн записаны их приготовления:

4 июля: Взять дорожные чеки; взять еду на всякий случай; упаковаться; взять деньги Мэри.

5 июля: Деньги для Мэри М.: 210 долларов; позвать Лимо на утро. 8:30.

6 июля: Отправление в 10:05 [в] Анкоридж.

Они должны были прибыть туда в 5:30 вечера после нескольких часов в полете, в основном на запад.

До 1967 года, когда она впервые поехала в Европу, Джейн почти не путешествовала. Зато после она наверстала упущенное каникулами на Карибских островах; поездками в Японию, где она жила в гостинице в Киото; в Гамбург в 1981 году; в Нидер-

40. Ibid., p. 5.

41. Ibid., p. xviii.

42. Подробности семейного путешествия на Аляску, карты, брошюры, планы и все остальное можно найти в Burns, по большей части Boxes 1, 14–18.

ланды в 1984 году, где она прочитала речь в королевском дворце и встретила королеву; в Гонконг в 1992 году, из которого вернулась с новыми идеями о высотных зданиях как инкубаторах разнообразия. Она проделала долгий путь с момента своего первого путешествия, когда ее так взволновали иностранные валюты.

Теперь, в 1994 году, Джейн с семьей летала на гидросамолетах через архипелаг Кодиак в отдаленные селения, где когда-то жила Ханна. Они встретили местных жителей, в чьих семьях передавались рассказы о мисс Брис. В какой-то момент они пролетели около десятка миль над суровой землей от бухты Илиамна к заливу Аляски, следуя, как пишет Джейн, «по извилистому воздушному пути между изумительными горными пиками и ледниками по обе стороны от нас»⁴³. Под ними лежал перевал Илиамна, который Ханна пересекла с проводником, то пешком, то верхом на лошади. «Я жила в Скалистых горах и пересекала континент несколько раз, — писала Ханна, — но никогда прежде меня не окружало такое величие диких ущелий, долин и горных пиков»⁴⁴. Они с проводником шли по краю пропасти над долиной, отрезанной горными потоками от полей ледникового льда. Оттуда «они спустились в долину, где трава была выше нас и повсюду цвел иван-чай».

Вернувшись домой, Джейн написала Джону и Пит об их приключениях — о малоизвестных отдаленных музеях, о «сокровище в виде писем тети Ханны» на микрофильме, который они откопали в университетской библиотеке⁴⁵. «Мы с Мэри Энн два дня там провели». В том же письме Джейн изложила идеи о сложной структуре книги, которую она опробовала когда-то на Джейсоне Эпштейне. В книге должно содержаться предисловие, задающее контекст; мемуары Ханны, глава «Загадки, тайны и их прояснения» об исторических вопросах, которые интересовали Джейн, например, о стадах оленей и первом святом Аляски, преподобном Германе⁴⁶; эпилог о том, как жили местные после отъезда Ханны; и, в конце концов, длинная часть с примечаниями. В общей сложности все это заняло больше сотни страниц, помимо самих мемуаров, треть книги. Результатом стал замысловатый палимпсест — Джейн и Ханна, время Ханны и время Джейн, мемуары и история, репортаж и травелог, в диалоге друг с другом через годы.

43. *Alaska*, p. 260.

44. *Ibid.*, p. 63.

45. Дж. Дж. — Джону и Пит Батцнерам, 26 июля 1994 г., *Burns*, 1:7.

46. Преподобный Герман Аляскинский (1751 или 1756/1757–1836) — православный святой, руководитель русской духовной миссии на острове Кадьяк, крестивший множество местных жителей Аляски. — *Прим. ред.*

В первом черновике эпилога книги рассказывается, как Афогнак, остров Кадьякского архипелага, где Ханна работала с 1904 по 1906 год, был «опустошен в 1964 году приливной волной, сопровождавшей ужасное землетрясение»⁴⁷. В финальной редакции Джейн землетрясение больше не «ужасное»; ведь они обычно такие и есть. Но *A Schoolteacher in Old Alaska* («Учительница на старой Аляске»), как назвала книгу Джейн, заключала в себе гораздо больше, чем обычную работу редактора; это можно было назвать «вероятно, тремя самыми счастливыми месяцами в моей трудовой жизни. И когда я проводила исследования на Аляске, то поняла, что хотела бы иметь еще одну жизнь, чтобы быть историком», работать с исходным материалом, оригинальными документами⁴⁸.

Это Ханна, переходя вброд реку Чинкелис в сапогах до колен, отморозила свои бедные ноги так, что они стали иссиня-черными; это Ханна познакомилась с горцами и местными жителями, жила с ними, учила их детей. Это был *ее* опыт. Но теперь это был и опыт *Джейн* тоже — с увлечением представляющей себе жизнь Ханны, идущей по ее следам, работающей над каждым словом — и в конце концов, на пороге XXI века сохранившей эту историю, искусно придав ей форму. Это была и книга о Джейн, о части ее жизни, принадлежавшей ее семье: все детство она впитывала рассказы о Ханне; потом в молодости были поиски издателя для рукописи; совет матери к ней вернуться; интерес Бургин, разбудивший ее собственный; помощь братьев Джима и Джона; путешествие на Аляску с Бобом, Недом и Мэри Энн; жизнь сделала полный круг. «Каждое поколение, — скажет Джейн о Ханне, — внесло свой вклад в возвращение ценности этой истории»⁴⁹.

В истории Ханны, развивавшейся вдали от городов, Джейн явно видела большое значение, интерес, смысл. Для одного пронизательного рецензента книги это было примечательно само по себе. В статье для *The New York Times Book Review* Пол Голдбергер, опытный архитектурный критик и урбанистический журналист, на примере этой книги описал интеллектуальную эволюцию Джейн. И несмотря на то, что он был явным ее поклонником, он все же сделал критическое замечание, что, как и в «Смерти и жизни», «она всегда становилась жертвой

47. Эпилог, один из первых рукописных черновиков, Burns, 16:7. Ср.: *Alaska*, p. 262.

48. Robin Roger, p. 6. Джейн «отложила прерванный черновик», над которым работала полвека назад, как она писала Джейсону Эпштейну 25 июля 1996 года, и начала заново прямоком с оригинальной рукописи Ханны.

49. *Ibid.*, p. 5.

ошибочного физического детерминизма», переоценки физической формы⁵⁰. Вот и сейчас, прослеживая жизнь Ханны в обшарпанных невзрачных деревнях Аляски и отправившись туда непосредственно на них посмотреть, Джейн делала «скрытую уступку» противоположному. «Я всегда хотел, чтобы Джейн Джекобс, широко мыслящий иконоборец, взглянула мир еще шире, и в этой книге ей действительно удалось это сделать». Он предположил, что Ханна Брис едва ли была бы счастлива в большом джекобсовском городе, и желание Джейн «увидеть в ней героя, несмотря на это, углубляет и смягчает наши взгляды на саму миссис Джекобс».

Некоторым противникам и, может быть, даже некоторым друзьям Джейн могла показаться невежливо откровенной, себе на уме, даже ограниченной. *Какой прекрасной, милой бабушкой ей не бывать*. Что ж, теперь Голдбергер видел в «Учительнице» свидетельства смягчения ее характера. Это была прекрасная, трогательная попытка, и сложно посчитать ее неверной. На пороге восьмидесяти лет Джейн оглядывалась назад, размышляя о прошлом, и уже не так сердито, как это часто бывало.

Кроме того, теперь она была бабушкой. Любящей бабушкой.

IV. Нemoщь старости

21 июня 1994 года, за несколько недель до отправления на Аляску, Джейн написала о своем предстоящем путешествии Джону Брэнсону, историку в одном из национальных парков Аляски. «У меня есть сомнения по поводу тропы к водопаду», — писала она, имея в виду возможные отклонения от маршрута⁵¹.

Мне семьдесят восемь лет. Находясь в добром здравии, я все же страдаю от некоторых возрастных проблем, мне трудно далеко ходить, и потом, хожу я медленно. Колени, слабое место, как и у Ханны в моем возрасте, подводят нас на восьмом десятке, увы.

Пройдет еще несколько лет, прежде чем Джейн будет жаловаться на то, что вынуждена отменить выступление в Нидерландах по причине «нemoщии»⁵². Но постепенно стали накапливаться недуги, неизбежные боли, слабость и иные напасти. В 1973 году, вернувшись из Японии, она неудачно упала и сломала левую руку, возникла угроза повреждения важного нер-

50. Paul Goldberger, «Jane Jacobs: Still a Pioneer», *New York Times Book Review*, April 28, 1996.

51. Письмо Брэнсону, Burns, 1:7.

52. Дж. Дж. — Симонс Дойон, 3 августа 1999 г., Burns, 3:4.

ва. «Это была чертовски отвратительная операция, — писала она Джейсону Эпштейну из больницы. — Вся прошлая неделя (к счастью) для меня как в тумане»⁵³. Без операции у нее «определенно перестала бы действовать одна рука»⁵⁴. Письмо было написано от руки, много месяцев она не могла печатать. То есть она могла «двигать рукой только как бы скольжением, с разворота — думаю, вообще-то это похоже на шаг в чарльстоне, — и только это забирает почти все мои силы».

В 1981-м или в начале следующего года Джейн споткнулась о кучу кирпичей во дворе, сломала правую руку, нос и разбила губу. Вот же «глупая, глупая леди», писала она об этих новостях Роберте Гратц⁵⁵.

В 1985 году опять случилось нечто подобное. «Я совершаю такие глупые неосторожные поступки, — снова писала она Гратц. — В спешке и забыв включить свет, я упала с лестницы и сломала ключицу. Ничего серьезного, она прекрасно заживает, но это отвлекает меня от работы»: она не могла печатать.

Кажется, Джейн преследовали эти несчастья на фоне в целом хорошего здоровья — хорошего для ее возраста, конечно, а время шло неумолимо, впрочем, как и для всех вокруг. Ее брат Джон, назначенный пятнадцать лет назад в Апелляционный суд США, в 1982 году получил в возрасте шестидесяти пяти лет статус «старшего», что уменьшило его нагрузку. Примерно тогда же уволился брат Джим, переехав со своей женой Кей из Нью-Джерси в Северную Каролину. 12 марта 1993 года в возрасте восьмидесяти трех лет умерла Бетти. На поминальной службе, проводившейся в зале Нью-Йоркского общества этической культуры восемь дней спустя, все Батцнеры собрались вместе. Через несколько месяцев репортер *Boston Globe* написал о Джейн: «седые волосы и заметная сугулость напоминают гостю о возрасте Джекобс»⁵⁶, но в остальном она выглядит прекрасно. «Внутри я не слишком отличаюсь от той, какой я была в молодости, — сказала ему Джейн. — Меня всегда удивляет, что я не могу легко вскочить с постели и бегать туда-сюда по этим ступенькам... Кажется неестественным быть физически старым».

Когда ей было далеко за тридцать и они снимали коттедж вместе с Джоном и Катей Джекобс в Сконсете на острове Нантакет — собирали шиповник на пляже, провели целую пре-

53. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 21 ноября [1973] года, архив Random House, Box 1365, ColumbiaRare.

54. Дж. Дж. — Роберте Брандес Гратц, 15 января 1982 г., архив Гратц.

55. Дж. Дж. — Роберте Брандес Гратц, 18 ноября 1985 г., архив Гратц.

56. *Matter*, p. 13.

красную неделю, смеясь, разговаривая и играя, — Джейн с Катей дали друг другу клятву: когда им будет восемьдесят — «что нам тогда казалось, — говорит Катя, — отстоявшим на невероятную дистанцию» — и они соберутся с родственниками у стола на День Благодарения, то к тому моменту, когда настанет время подать индейку, вместо нее они принесут, безумно хохоча, химерическое создание: сшитых вместе птицу и свинью. «Потом, — говорит Катя, — мы не раз напоминали друг другу о нашем обещании», хотя так его и не исполнили. Но теперь (трудно поверить!) «невероятная дистанция» пройдена — Джейн восемьдесят.

Но сколько бы ни было Джейн, Боб выглядел гораздо старше.

Еще работая над книгой об Аляске в 1994 году — до путешествия, когда рукопись еще была «совершенно бессвязной», — Джейн написала датскому другу, что они с Бобом прекрасно понимают: «мы стареем — из нас уже песок сыплется»⁵⁷. А Боб и вовсе сдавал позиции. На самом деле он был на несколько месяцев младше Джейн, но несколько лет назад ушел на пенсию из *Zeidler*. Потом последовала череда несчастий. «Боб лишился зрения на правый глаз из-за того, что лопнул кровеносный сосуд», — писала Джейн Эллен Перри, некогда своей помощнице по исследованиям времен «Смерти и жизни», «но сводит к минимуму потерю и продолжает работать, конструирует машинное оборудование для нашего сына Джима»⁵⁸.

Это произошло в начале 1996 года. В апреле Боб сопровождал Джейн в Шарлотсвилль, где Университет Виргинии вручал ей медаль. Кто-то сфотографировал их, когда они сидели вместе на скамейке, их головы — две одинаковые шапки седых волос⁵⁹. За ними возвышались величественные колонны кампуса Томаса Джефферсона, Джейн в джемпере с бахромой сжимала в руке трость, Боб — в смокинге, галстук-бабочке и туфлях (предав кроссовки, в которых обычно ходил), одна рука на плече Джейн, в другой — стакан. Выглядит отлично. Но только выглядит.

Через несколько месяцев Джейн написала Джону Брэнсону, историку Аляски: «Наши дела не так уж хороши: у Боба неоперабельный рак»⁶⁰. Всю жизнь он курил — рак легких. Он перенес курс лучевой терапии в больнице Принцессы Маргариты, которую он же и помогал проектировать. «Ему действительно

57. Дж. Дж. — Лукасу ван Шпенглеру, 20 января 1994 г., Burns, 3:6.

58. Дж. Дж. — Эллен Перри, 31 января 1996 г., Burns, 1.

59. *Matter*, p. 153.

60. Дж. Дж. — Джону Брэнсону, 26 июля 1996 г., Burns, 1:9.

нравилось ходить на терапию, — скажет Джейн, — и мне тоже, потому что ему нравилось смотреть, как живет его больница»⁶¹. Он хорошо перенес терапию. В перерыве между этим и следующим курсом они отправились на Остров Принца Эдуарда.

Они провели «счастливый месяц» на острове, писала Джейн в октябре Брэнсону, «его приятно вспоминать»⁶². Но в итоге рак быстро забрал Боба. В начале сентября он начал «стремительно слабеть и угасать». Собрались все дети, они заботились о нем дома. Он умер 17 сентября. «Интересный, обаятельный, добрый, незаменимый человек», — писали в одном некрологе⁶³.

Джейн сообщила новость Эллен Перри, обратившейся к ней с просьбой прислать воспоминания о ее бабушке в Блумсберге для книги о семейных рецептах, которую писала Перри.

Сейчас я довольно бесполезна, как вы можете себе представить. Вам лучше не рассчитывать на мой вклад в кулинарную книгу. Это нелепо, но я чувствую себя такой пустой и рассеянной, что одна идея искать фото бабушки, делать копию, проводить ревизию... что вам от меня требуется, кажется мне чудовищной⁶⁴.

На похоронах Джейн не плакала. «Я никогда не плачу», — сказала она однажды Тошико Адильман. Но печаль охватывала ее, стоило ей подумать: *Я хочу что-то рассказать Бобу.*

61. Robert Fulford, «Lives Lived: Robert Hyde Jacobs», *Globe and Mail*, September 24, 1996.

62. Дж. Дж. — Джону Брэнсону, 11 октября 1996 г., Burns, 1:15.

63. Некролог, *Globe and Mail*, 18 сентября 1996 года. Джейн пожертвовала 3000 долларов госпиталю Принцессы Маргарет на программу лучевой терапии. «Мы все помним... доброту и чуткость», с которой здесь ухаживали за Бобом (Дж. Дж. — Давиду Дж. Пейну, 12 ноября 1996 г., Burns, 7:5).

64. Дж. Дж. — Эллен Перри Беркли, 9 октября 1996 г., Burns, 1.

Глава 24 Важные идеи

1. Жизнь «Смерти и жизни»

ЦИТАТА из торжественной речи по поводу вручения медали Джефферсона Джейн в тот день в Шарлоттсвилле в Виргинии, когда Боб все еще был рядом, гласит, что «Смерть и жизнь больших американских городов»

...прочно обосновалась в списке самых влиятельных книг нашего века. Трудно выделить работу, больше повлиявшую на мысли и стратегии в области американского городского планирования и дизайна.

Публикация этой книги отмечает момент переосмысления политики городского обновления США, краха современной архитектуры, подъема движения за сохранение исторического наследия, стимулирования жителей районов к участию и даже энергичной и принципиальной общественной оппозиции крупномасштабным общественным проектам, которые угрожают разрушить текстуру и жизнеспособность городских территорий.

Она создала атмосферу, которая влияла на городское планирование и архитектурные концепции более сорока лет¹.

Эти сорок лет Джейн занималась новыми темами для новых книг, а все это время «Смерть и жизнь» глубоко уходила корнями в интеллектуальную и культурную почву, находила новых читателей, вдохновляла ученых, архитекторов и планировщиков, влияла на образ реальных городов. Джейн и сама едва ли могла сбежать от своей книги. Естественно, ведь она прославилась именно благодаря ей, она была вынуждена рассказывать о том, откуда книга взялась, отвечать на критику — и, конечно, в редкие моменты испивать чашу гордости за то, что это она ее написала.

Суэта и неожиданность, широкое разнообразие, человеческая энергия и натуральный живой беспорядок: может ли все это превзойти большую городскую тройку из света, воздуха и зе-

---

1. Подробности церемонии вручения медали Джефферсона, Burns, 21:5.

лени? Сотни тысяч, а может быть и миллионы прочитали книгу целиком или частично и впитали идею: да, может. Планировщикам и архитекторам, выросшим на принципах модернизма, «Смерть и жизнь» задавала вопрос: *Вы уверены?* «Я не могу пройти по улице, чтобы Джейн Джекобс не возникла в моей голове и не воскликнула: „Посмотрите!“ — писал британский журналист Саймон Дженкинс². — Она видела на улицах, как на ярком экране, „кривую тесину“ человечества»³. Консультант по урбанистике, выросший в Лондоне, Ричард Гилберт⁴ написал Джейн, что «Смерть и жизнь» «наделила мою жизнь смыслом». Студент Стэнфордского университета Ник Гроссман, которому казалось, что он отрезан от энергии своих нью-йоркских корней, прочел ее на втором курсе и вдруг *понял*, что он думает о том, где жил раньше, и о том, где живет сейчас. Майкл Киммельман, арт-критик из *The New York Times*, написал, что при чтении книги его «настигло потрясение узнавания... В ней говорилось о том, что я инстинктивно считал верным, но никогда не обдумывал. Это и есть свойство великой литературы».

Нет необходимости останавливаться на подобных отзывах, я слышал и читал их десятки, да и вы, вероятно, тоже. Книга, которая после публикации сталкивается сразу и с насмешкой и с похвалой, остается, а первоначальная критика тонет в стройном хоре признательности, уважения и любви — к книге и тому городу, который она прославляет. К тридцатой, а после и к сороковой годовщине издания книги — и потом, уже после смерти Джейн, к пятидесятой годовщине в 2011 году — критики и ученые всех мастей исследовали ее истоки, ее влияние на США, Канаду и остальной мир, литературные и концептуальные качества и актуальность ее идей.

«Есть ли еще жизнь в „Смерти и жизни“?», — спрашивал Роджер Монтгомери из Калифорнийского университета в Беркли, преподаватель городского и регионального планирования. Для Джейн Джекобс, продолжал он, город был своего рода личной утопией. «И вот о чем на самом деле эта книга: научить нас лю-

2. Саймон Дженкинс (Sir Simon David Jenkins, 1943) — известный британский журналист, редактор *Evening Standard* с 1976 по 1978 год и *The Times* с 1990 по 1992 год, автор ряда книг по британской архитектуре. — *Прим. ред.*

3. Саймон Дженкинс о пяти лучших книгах о городах, *Wall Street Journal*, December 24, 2011. Дженкинс, очевидно, заимствует у Иммануила Канта: «Из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого» [Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Положение 6. — *Прим. ред.*].

4. Ричард Гилберт (Richard Gilbert Scott, 1923–2017) — британский архитектор-бруталист, член влиятельной британской архитектурной династии. — *Прим. ред.*

бить большие города... Джекобс учила своих читателей любви к городам»⁵. Она позволила читателям «в те долгие десятилетия пригородного затмения себе признаться, что среди полных достоинства кварталов Маунт-Вернон-плейс в Балтиморе можно чувствовать себя дома в большей степени, чем в Кокисвилле или Таусоне, или любом из других расползшихся пригородов мегаполиса; или во все еще разношерстном Кастро-дистрикт Сан-Франциско можно чувствовать себя лучше, чем в каком-нибудь прелестном городке в Марине.

В 1961 году, когда вышла книга, послевоенные пригороды и их модернистский стиль, а также соответствующие им представления о хорошей жизни настолько укоренились, что тяжело было принять что-либо иное. Но, подобно «освободительной» борьбе за права чернокожих, этнических меньшинств, женщин, геев и других маргинализированных групп в те годы, книга Джейн помогала легитимизировать еретические чувства настоящего городского жителя. Она помогла читателям по-новому взглянуть на соседей и незнакомцев, анонимность и приватность, безопасность и риск, уродство и красоту и на сам образ повседневной жизни.

В год смерти Джейн канадская писательница Сандра Мартин отметила, что «Смерть и жизнь» «связана с поколением молодых взрослых, пытавшихся найти смысл в послевоенном мире»⁶. Но это не *все* поколение, а только его часть, и Джейн это понимала. В 1992 году она делила людей на «автомобилистов» и «пешеходов», которые погружались в жизнь улиц «с ее духом товарищества, с ее неожиданностями и приключениями». Они *приняли* ее книгу, которая «узаконила то, что они и так уже понимали»⁷.

Город, говорится в «Смерти и жизни», сталкивает вас с незнакомцами, в то время как пригороды изолируют вас от них, оставляют вас уютиться в коконе привычек и комфорте однотипного. Один специалист, Джамин Крид Роуэн⁸, изобразил Джейн как часть литературной традиции, представленной некоторыми авторами *New Yorker* 1940-х и 1950-х годов, которая отреклась от идеи милой «совместности» («весьма подходящее по тошнотворности название для старого градостроительного

5. Montgomery.

6. Sandra Martin, «Jane Jacobs, Writer, Urban Planner, Activist».

7. *Смерть и жизнь*, с. 8.

8. Джамин Крид Роуэн (Jamin Creed Rowan) — американский литературовед, специалист по литературе о городах, автор книги *The Sociable City: An American Intellectual Tradition* (2017). — *Прим. ред.*

идеала»⁹, — говорила Джейн); городские жители имеют «*общие связи, а не общие отношения*»¹⁰. То есть город — не то место, где вас все знают; но с другой стороны, писал Роуэн, он связывает вас невидимыми нитями со всеми остальными, с организмом большим, чем просто Чикаго или Лос-Анджелес. Городские жители связаны скорее «невольным накоплением общественных контактов, а не целенаправленной культивацией личных отношений». Хорошо это или плохо? Можно спорить с утра и до вечера. Это было *по-другому*, а по-другому, как говорится в «Смерти и жизни» на каждой странице, — это *нормально*.

Конечно, в те долгие десятилетия, за которые книга превратилась в библию возвращения-в-город, оставалось время и для выступлений против нее, и для новых циклов переоценки и перечитывания. Первые критики книги изображали Джейн антагонистом любому иному образу города, кроме ее собственного; безразличной к тем сторонам городской жизни, которые не относятся к физической форме, включая социальные проблемы и более того — расовые¹¹. Теперь, когда многие городские районы улучшились, к ногам Джейн можно положить и «облагораживание» — это нежелательное последствие или эксцесс «раструщобливания», которое Джейн приветствовала как путь к здоровью города: новые «их благородия» захватывают отчужденную собственность, заставляют ее блеснуть и сиять, привлекают сверкающие бутики, новые высококлассные тренажерные залы и высотные кондоминимумы. Цены растут. Налоги повышаются. Обычные люди не могут себе позволить там жить и скоро съезжают. Просто пройдитесь по огромным пространствам Бруклина, Бостона и Сан-Франциско, и вы увидите вред, нанесенный обществу. Не то чтобы это *выглядело* вредом; сначала это кажется соблазнительным, ярким и привлекательным. Но за это приходится платить высокую цену. «Я жил в Вест-Виллидж с 1964 года и могу отметить тот факт, что благо-

9. *Смерть и жизнь*, с. 75.

10. Jamin Creed Rowan, «The New York School», p. 591.

11. Брамвелл в 2011 году пишет: «Район Бедфорд-Стайвесант в Бруклине, с квартальной застройкой городскими особняками с крыльцом, смешанного использования, почти идеально соответствует принципам Джекобс. В фильмах наподобие *Do the Right Thing* уроженец Бед-Стая Спайки Ли воссоздает уличную жизнь, где старики отдыхают на краю тротуара, на улицах играют дети, из окон за ними присматривают матери, а местные жители обмениваются сплетнями. Тем не менее десятилетиями незнакомцы не чувствовали себя там в безопасности... Люди каждый раз оказывают больше влияния, чем архитектура района. С другой стороны, Бед-Стай внешне настолько привлекателен, что теперь быстро раструщобливается, таким образом снова доказывая точку зрения Джекобс».

раживание разрушает», — писал один респондент, «Джойс», в онлайн-статье Майкла Пауэлла, озаглавленной «Городской теоретик спрашивает о Евангелии от Св. Джейн»:

Исчезла подлинно живая атмосфера, свойственная творческой, экономически смешанной области, или ее подобие. Меня тошнит от притока невероятных богатств... Я с трудом могу позволить себе купить гамбургер в моем районе. Я оплакиваю смерть этого некогда живого района.

Другой пример того, как что-то хорошее пошло неправильно, предположительно по вине книги Джейн, — это профессия планировщика в целом. По крайней мере, так говорит Томас Дж. Кампанелла, профессор городского планирования и дизайна из Университета Северной Каролины в Чэпел-хилл. Он представил Джейн современным Мартином Лютером, а «Смерть и жизнь» — манифестом, который тот прибил к Виттенбергской церкви, что привело к протестантской Реформации.

Критику Джекобс усвоили так старательно, что планировщики теперь видели только глупость и неудачи в работе своих предшественников. Великое изречение Бёрнема: «Не задумывайте незначительных проектов» меньше чем за десять лет прошло путь от боевого клича до конфуза¹².

Все зашло слишком далеко, утверждал Кампанелла. Профессия планировщика стала выхолощенной. Это вина «Смерти и жизни».

И раз уж речь зашла о планировщиках, почему Джейн направила свою неприязнь в первую очередь на них? Оглядываясь на «Смерть и жизнь» из 2011 года, Шэрон Зукин писала в *The Architectural Review*, что они были слишком легкой мишенью «по сравнению с девелоперами, которые строили разрывавшие центр города здания, и банками и страховыми компаниями, которые финансировали строительство»¹³; о них в книге Джейн нет ни слова. В битвах за Вест-Виллидж она не смогла «атаковать связь экономики и городской власти», которую олицетворял Роберт Мозес, вместо этого выбрав относительно бессильных планировщиков.

Джейн иногда утруждала себя ответами на обвинения, выдвинутые против «Смерти и жизни». Облагораживание? Оно свидетельствует о том, насколько люди действительно *хотели* получить разнообразие и живые кварталы. К сожалению, ска-

12. Campanella, p. 144.

13. Zukin, «Jane Jacobs», *Architectural Review*.

зала она в 2005 году, с ростом числа автомобилей «мы перестали строить то, что стоит облагораживать»¹⁴, поэтому спрос «во много раз превысил предложение», что и вызвало взлет цен в потенциально хороших районах. Так что... надо строить больше такого!

Некоторые критики говорили, что хорошо жить «в таких условиях [высокой плотности], которые я советую, невозможно. Что ж, я не говорю, что „советую“. Я говорю: „Так есть“». Так считала Джейн в 1963 году, и это осталось ее неизменной позицией: она не предписывает, а описывает. Чтобы проверить свои идеи, отмечала она, нужно просто посмотреть, работают они в городе или нет. В «Смерти и жизни» она писала:

Я рассчитываю, что каждый читатель этой книги будет неуклонно и скептически сравнивать мои утверждения со своими собственными представлениями о больших городах и их жизни. Если я была неточна в каких-либо наблюдениях или ошиблась в каких-либо умозаключениях, надеюсь, что эти оплошности будут быстро исправлены¹⁵.

На самом деле в ее книге содержалось множество утверждений, которые *можно было* проверить, подобно тому как «Происхождение видов» можно сопоставить с природными фактами.

Например, действительно ли есть толк от старых, маленьких зданий, которые, по словам Джейн, вносят вклад в жизнеспособность города?¹⁶ В отчете Национального фонда сохранения исторического наследия об опыте Сан-Франциско, Вашингтона и Сиэтла сделан вывод, что это верное утверждение.

Действительно ли «глаза, устремленные на улицу» уменьшают количество преступлений, как Джейн писала в книге?¹⁷ Может быть и нет, говорится в исследовании *University of Pennsylvania Law Review*; развитие районов Лос-Анджелеса на основе смешанного использования и плотного пешеходного потока действительно показывает более низкий уровень преступности, чем в исключительно коммерческих районах; но в чисто жилом секторе уровень преступности ниже, чем в других. «Метаизучение» исследования на основе обширной дисципли-

14. Stephen Wickens, «Jane Jacobs: Honoured in the Breach», *Globe and Mail*, May 6, 2011. См. также интервью Джейн, взятое Клэр Перрен, май 1999 г., *Burns*, 22:32.

15. *Смерть и жизнь*, с. 30.

16. «Older, Smaller, Better: Measuring How the Character of Buildings and Blocks Influences Urban Vitality», доклад Национального фонда сохранения исторического наследия, май 2014.

17. Matt Bevilacqua, «Researchers Challenge Jane Jacobsian Notion That „Eyes on the Street“ Reduce Crime», *NextCity*, February 22, 2013.

ны «криминология окружающей среды» настроено столь же скептически.

Способно ли постепенное и фрагментарное развитие района, в противоположность широкомасштабному редевелопменту всего сразу с вливаниями потоков больших денег — укреплять чувство сообщества, как утверждала Джейн?¹⁸ Изучив Чикаго, социолог Университета Дюка Катрин Кинг нашла доказательства, что да, так и есть.

Эти и другие исследования не всегда приносили научно неопровержимые результаты. И, как чаще всего и бывает в науке, большинство из них оставляет столько же вопросов, на сколько отвечает. Но, пытаясь проверить выводы книги, они давали понять, какого статуса достигла «Смерть и жизнь»: «эталон».

Она стала эталоном не только в Соединенных Штатах и в Канаде, но и во всем мире, в Берлине и Вене, Абу Даби и Буэнос-Айресе¹⁹. Двое египетских ученых, например, сообщили, что в ливанском Бейруте центральные деловые районы были реконструированы с оглядкой на принципы, указанные в «Смерти и жизни», но готовой ткани города пока еще не хватает «настоящего разнообразия и жизненности». В Нидерландах, отмечает Герт-Ян Хосперс²⁰, имя Джейн Джекобс стало «гарантией качества города». В Испании, где «Смерть и жизнь» впервые издали в 1967-м, ее идеи уже в 1970 году были включены в учебный план по городскому планированию, как пишет испанский историк и архитектор Хосе Луис Сейнц Гуэрра. Ее «идея плотного, разнообразного города» помогла привнести «жизнь, интенсивность использования и качество жизни в испанские городские центры».

Стоило ли считать «Смерть и жизнь» единым эталоном для всего городского? Была ли Джейн разумна во всем, что проповедовала, права во всем, что видела?²¹ Очевидно, нет. С другой стороны, влияние ее книги не покоится на обосно-

18. Eric Jaffe, «Jane Jacobs Was Right: Gradual Redevelopment Does Promote Community», *Atlantic Cities*, 8 марта 2013.

19. Многочисленные примеры международного влияния «Смерти и жизни» приводятся в изданиях: Hirt; Schubert; Page and Mennel.

20. Герт-Ян Хосперс (Gert-Jan Hospers, 1974) — голландский ученый-урбанист, профессор экономической географии Университета Твенте, специалист по региональному развитию, соавтор книги *Managing Population Decline in Europe's Urban and Rural Areas* (2015). — *Прим. ред.*

21. После жизни в Аннексе сама Джейн, как утверждает ее сын Нед, «изменила» свое мнение о решающем значении высокой плотности населения для качества жизни в районе. «Думаю, она поняла, что, может быть, слегка ее переоценила», отталкиваясь от господствовавшей в 1950-е годы веры в низкую плотность.

ванности какого-либо одного конкретного тезиса. Эта книга больше, чем просто совокупность мыслей и предположений; это манифест, свежий, глубоко эмоциональный взгляд на город. Джейн взяла Ле Корбюзье, Эбенизера Говарда и многих других и свалила их в одну кучу; все их идеи представляли, по ее мнению, антигород. Тогда как она сама, как может показаться в «Смерти и жизни», — главный, лучший сторонник города. И хотя то или иное ее утверждение вы можете опровергнуть, в конечном счете это *не важно*; потому что все проясняющая и не сводимая к чему-либо иному суть книги никуда не денется, и вы никогда больше не увидите города в прежнем свете.

В 1962-м, через год после издания «Смерти и жизни», Томас С. Кун представил концепцию смены парадигм. Он был историком науки, который размышлял о том, как формируются и изменяются научные идеи — как, например, коперниканская революция изменила наше представление о небе по сравнению со старым птолемеевским. Его книга «Структура научных революций» ничего не говорила о городах или о гуманитарных науках в целом. Но идеи его были столь соблазнительны, что представители множества других дисциплин — экономики, политической науки и социологии, как и точных наук — стали применять их в собственных сферах.

Развитие науки происходит не благодаря постепенному накоплению нейтральных фактов, постепенно выстраивающихся в теории, говорит Кун. В каждый момент научной эволюции главенствует конкретная теория, она формирует «парадигму», исходя из которой ученые ставят определенные вопросы и под которую подгоняются экспериментальные сведения. С новым знанием возникают затруднения, аномалии и странные ошибки. Обычно сначала им находят оправдания. Но со временем аномалии множатся, прекрасная старая картина рассыпается, и утверждаются альтернативные теории. Все это, в конце концов, приводит к новому взгляду на факты, к новой парадигме — революции, не так уж и отличающейся от политической, с которой несгибаемые сторонники старой парадигмы практически вынуждены смириться. *На самом деле*, говорит Кун, преобладающий взгляд на природу в науке подвергается, нередко обескураживающе, смене парадигмы, — и миру уже не быть прежним. Подумайте о теории эволюции Дарвина. Подумайте о теории относительности Эйнштейна.

И подумайте, делая скидку на недостаточно научные корни «Смерти и жизни», о трансцендентном взгляде Джейн на города и городскую жизнь. Ее книга, отмечает историк Майк

Уоллис²² в эпизоде сериала Кена Бёрнса, посвященном Нью-Йорку²³, служит «контрповествованием, контрутверждением, контрвидением того, что представляет собой город». И это контрповествование захватывает.

Отношение к городской жизни изменилось; *города* изменились, и к лучшему. Ныне значение плотности и пешей доступности ценят так высоко, что в списках недвижимости все чаще упоминается «рейтинг пешеходной доступности района или квартала». Это числовой индекс базы данных от 1 до 100, оценивающий, насколько легко купить, скажем, пакет молока, а также пешую доступность других повседневных забот; 90 баллов привлекает толпу из «Смерти и жизни», 30–40 — отталкивает. В 2013 году на совещании специалистов по недвижимости в Атланте было объявлено, что Америка преодолела порог — они назвали это «пиком разрастания»²⁴, — означающий, что строительство теперь ведется по большей части в высокоплотных пеших районах.

Тем временем пешая доступность, городская жизнь, разнообразие, смешанное использование и другие слова и идеи, ныне ассоциирующиеся со «Смертью и жизнью» на уровне цитат, иногда употребляются так бездумно, что больше ничего не обозначают. «Смешанное использование» стало «мантрой девелоперов», восхищался Пол Голдбергер после смерти Джейн.

Кто бы мог предсказать, что политики и девелоперы, пытающиеся продать Нью-Йорку гигантский футбольный стадион возле Гудзон-ривер, предложат окружить его магазинчиками и кафе и таким образом рекламировать его как вклад в жизнь городских улиц? Когда это случилось в 2004 году... Я понял, что эпоха Джейн Джекобс вошла в новую фазу: когда радикальные идеи становятся мейнстримом и могут быть искажены теми, кто считает себя их адептами. В XXI веке опасны не только те, кто выступает против Джейн Джекобс, но и те, кто утверждает, что являются ее сторонниками²⁵.

22. Майк Уоллис (Mike Wallace, 1942) — американский историк, специалист по истории Нью-Йорка и публичной истории. Соавтор книг *Gotham: A History of New York City to 1898* (1998) и *Greater Gotham: A History of New York City from 1898 to 1919* (2017). — *Прим. ред.*

23. Восьмисерийный документальный фильм «Нью-Йорк» (1999–2003), посвященный истории Нью-Йорка, в котором фигурирует в качестве эксперта историк Майк Уоллис, снят не Кеннетом Бернсом (Kenneth Lauren Burns, 1953), также известным документалистом, а его младшим братом — Риком Бернсом (Ric Burns, 1955). — *Прим. ред.*

24. Emily Badger, «Have We Reached Peak Sprawl?», *Atlantic Cities*, October 2, 2013.

25. Goldberger, «Tribute to Jane Jacobs».

В последние годы заметен подъем нового урбанизма, который внешне поддерживает некоторые идеи Джекобс. Кварталам новых урбанистов, известных своими домами с милым крыльечком образца XIX века и экивоками на пешую доступность, обычно серьезно не хватает социоэкономической смеси. В них, построенных целиком с нуля, с относительно низкой плотностью, под жестким регуляторным контролем и контролем в области зонирования, редко встречаются старые здания для людей с низким доходом, которые Джейн считала инкубаторами жизни в городе. Пол Голдбергер отметит, что она

...с трудом выносила новых урбанистов, сама философия которых: города, ориентированные на пешеходов, может показаться во многом обязанной Джекобс. Она находила их слишком похожими на пригороды, и однажды сказала мне, рифмованным слогом, достойным Мохаммеда Али: «Как они не видят: строят то, что ненавидят».

Более снисходительно можно взглянуть на новый урбанизм как на маленький и нерешительный шаг в сторону от ортодоксии разрастающихся пригородов. В нем, как указал Роджер Монтегюмери из университета Беркли, «чувствуется влияние Джейн Джекобс; быть может, оно неправильно используется, но оно весьма актуально в сегодняшней архитектурной практике»²⁶.

Защитник культурного наследия Джеймс Марстон Фитч²⁷ однажды отметил, что Джейн «писала так, будто ткань города, которую она защищала, запрограммирована на автоматический ремонт и обновление, подобно биологической живой ткани с ее чудесными способностями к регенерации»²⁸. Итак, это произошло: на обширных пространствах Сан-Франциско, Бостона, Торонто и Нью-Йорка и на маленьких, но все увеличивающихся территориях Балтимора, Чикаго, Цинциннати и Сакраменто, а на самом деле везде в Америке и Канаде городские районы, соответствующие взглядам Джейн, вернулись к жизни в качестве оживленных, пешеходных, восхитительно разнообразных частей города. В своей одноименной книге Алан Эренхальт описывает то, что он называет «великой инверсией», когда старые послевоенные кластеры процветающих пригородов

26. Montgomery, p. 273.

27. Джеймс Марстон Фитч (James Marston Fitch, 1909–2000) — американский архитектор и защитник архитектурного наследия, один из сооснователей Высшей школы архитектуры, планирования и защиты наследия в Колумбийском университете. Автор книги *Historic Preservation: Curatorial Management of the Built World* (1982). — *Прим. ред.*

28. Отрывок из *The Architecture of the American People*, in Burns, 2:20.

и бедных городских центров вывернулись наизнанку: теперь уже заброшенные мертвые или умирающие моллы и дряхлые загородные виллы обрамляли возрождающиеся и обновляющиеся города.

Но сейчас мы забегаем вперед, глядя на «Смерть и жизнь» из нашего времени, когда Джейн уже не с нами. Мы покинули ее на рубеже веков: она жива, полна энергии и пыхтит над своей работой. В сентябре 2000 года, когда ей было семьдесят четыре, Джеймс Говард Кунстлер взял у нее интервью для статьи, которая выйдет следующей весной в журнале *Metropolis*. «Расцвет ваших сил пришелся как раз на Манхэттен и Гринвич-Виллидж...» — начал он формулировать вопрос.

«Я бы так не сказала», — прервала его Джейн.

«Нет?»

Нет, усмехнулась она. «Я все еще в расцвете сил».

В 1997 году, через год после смерти Боба, Джейн вступила в состав правления *Ecotrust*, экологической группы с отделениями на американском Западе. Собрание по стратегическому планированию *Ecotrust* проходило во время сплава на рафтах по реке Салмон в штате Айдахо в течение пяти июльских дней. Подобно глыбам на дальнем берегу, различимыми за ревущими белыми водами, уютно устроившись на одном из рафтов, возвышалась Джейн в спасательном жилете, со счастливой улыбкой, игравшей на ее восьмидесятиоднолетнем лице. «Мы каждый день привязывали ее к передней части плота и она плыла, колыхаясь, по реке», — вспоминал председатель группы²⁹. Она была полной и сутулой, боялась покалечиться, вылезая из лодки или споткнувшись о камень. Но она справилась, и единственной ценой приключения стала ушибленная голень³⁰. «Она была невероятным источником идей, и ух какой веселой».

II. Аколиты и вероотступники

Когда Джейн была уже стара, и тем более после ее смерти в 2006 году, уважение иногда переходило в преклонение перед ней, в культ героя или того хлеще. Ей предлагали почетные звания, ее именем называли улицы, использовали как талисман, «Смерть и жизнь» и другие книги цитировали как Священное Писание.

29. «An Urban Visionary», *Vancouver Sun*, April 26, 2006. См. также: *Matter*, p. 187, 210–211.
30. Интервью с Джимом Джекобсом.

Нельзя сказать, что она не обращала внимания на похвалы, ставила себя выше почестей или возражала против наград; у нее их много. Иногда это были награды за отдельные книги, например, приз Сидни Хиллмана в 1962 году за «Смерть и жизнь»; или книжная премия *Los Angeles Times* в 1984 году за «Города и богатство наций»; или премия Менкена за ту же самую книгу в 1985 году, названная в честь Г. Л. Менкена, сварливого либертарианского критика. В 1998 году она получила пожизненную награду Американского института архитекторов. Формула награждения обычно состояла из церемонии, чтения отрывков из книги, обеда и иногда произнесения речи. В Виргинском университете пять дней мероприятий включали в себя экскурсии, семинары, встречи со студентами, обед в честь Дня основателя³¹ в пятницу в ротонде (жареная курица с креветками и фалафелем, на десерт подрумяненные хрустящие меренги с клубникой и компотом из ревеня) и официальный обед в Монтичелло, доме Томаса Джефферсона в день его рождения.

Подобные почести, казалось, не проходили мимо Джейн, но и не западали к ней в душу. Однако теперь она усвоила урок начала 1960-х годов, времен «Смерти и жизни» и войны за Вест-Виллидж, когда она впервые оказалась в свете софитов, — общественные обязанности отрывают от творчества. В последующие годы она не часто вела битвы за районы, но глубоко усвоила необходимость беречь время, отведенное творчеству, и зачастую просто отказывала. В 1986 году, когда ей сообщили, что она получит гонорар размером 5000 долларов за престижную лекцию в Иерусалиме, Джейн ответила, что для нее это большая честь, но она вынуждена отказать:

Конечно, деньги лишними не бывают, но на самом деле мне нужно не покупать время для работы, а напротив, защищать и использовать то время, которое у меня есть, чтобы написать книгу, а также избегать страшно (для меня) высасывающего энергию переключения на что-либо еще, а потом снова накапливать силы, чтобы сконцентрироваться на трудностях и сложностях моей книги³².

Она «завязала» и с почетными степенями. Кто-то однажды подсчитал число степеней, которые ей предлагали в течение многих лет, оказалось около тридцати. Незадолго до нового тысячелетия подобные предложения поступали из Университе-

31. День основателя (Founder's Day) — один из малых американских праздников, посвященных Американской революции. — *Прим. ред.*

32. Дж. Дж. — Уильяму К. Рейли, 29 января 1986 г., Burns, 6:3.

та Торонто, Университета Кларка в Массачусетсе, Университета Виктории, Калифорнийского колледжа искусств и ремесел, Колумбийского университета. Она отклонила их все как ненужные почести. Кроме того, она не чувствовала себя свободно в академическом мире и редко ходила на мероприятия, проходившие в Университете Торонто всего в нескольких кварталах от ее дома. «Хотя я и чувствую нежную привязанность к Колумбийскому университету — а это действительно так, — писала Джейн его президенту Джорджу Руппу 31 декабря 2000 года, — было бы странно и сложно» изменить свою позицию по отношению к почетным степеням³³. Она приняла медаль Джефферсона, потому что это *не* почетная степень, а настоящая честь; ранее ее получили Мис ван дер Роэ, Льюис Мамфорд и Фрэнк Гери. Кроме того, отметила она с удовлетворением, ее отец и братья посещали Виргинский университет.

С середины 1990-х годов Джейн начали писать ученые и потенциальные биографы, заинтересованные лично в ней и ее работах. «Полтора года назад я отправился в путь исследований и открытий», — так начал свое обращение к ней аспирант из Гарварда Питер Лоуренс в 1999 году³⁴. Он работал над книгой «Эффект Джекобс». Он изложил свои идеи и поинтересовался, не могут ли они встретиться. Они встретились, и его работа в конце концов вылилась в несколько серьезных и оригинальных статей, и не так давно вышли две его книги³⁵. В 2002 году другой аспирант, Кристофер Клемек, в письме Джейн выразил свое желание написать ее «всеобъемлющую интеллектуальную биографию»³⁶. В заключение он добавил: «Если вы хотите, чтобы я вашим биографом, я был бы рад вашему участию в приемлемой для вас степени». Он сейчас в том же возрасте, что и Джейн, продолжал он, когда в 1940-х годах она предложила помочь с написанием мемуаров женщине по имени Таня Косман. «Надеюсь, этот проект состоится». Он состоялся, но не как биография: они встретились, и Клемек принялся за серьезное, вдохновленное Джейн исследование о послевоенном крахе программы городского обновления в Европе и Северной Америке³⁷.

33. Дж. Дж. — Джорджу Руппу, 4 декабря 2000 г., Burns, 4:2.

34. Питер Лоуренс — Дж. Дж., 28 февраля 1999 г., Burns, 39:11.

35. Вероятно, имеется в виду монография *Becoming Jane Jacobs* (2016) и сборник статей с его участием *The Penn Resolution: Educating Urban Designers for Post-Carbon Cities* (2011). — *Прим. ред.*

36. Кристофер Клемек — Дж. Дж., 4 марта 2002 г., Burns, 43:10.

37. Christopher Klemek, *The Transatlantic Collapse of Urban Renewal: Postwar Urbanism from New York to Berlin*. Chicago: University of Chicago Press, 2011. — *Прим. ред.*

К Клемеку и Лоуренсу, серьезным ученым, Джейн отнеслась с уважением. Но к параду тех, кто шел к ней с просьбами принять участие в том, внести вклад в это, появиться тут или там она не всегда была столь благосклонна. Обычно она находила способ вежливо отказать возможным прожигателям времени. Но иногда просьба могла вывести ее из себя. Некая Ванда Сендцимер, биографические навыки которой ограничивались, кажется, исключительно книгой об отце-изобретателе, прислала трехстраничное письмо, призванное просветить Джейн относительно ее культурной значимости: «Любой, кто оказывает такое влияние, рассчитывает занять место в истории, и этому месту нужно придать форму, цвет, тень и голос»³⁸, чем она с удовольствием и займется. «Я готова прыгнуть в самолет, прилететь и встретиться с вами, когда скажете». Не беспокойтесь, напишет Джейн, «мой ответ: недвусмысленное Нет». Она всецело окунулась в собственную книгу. Последнее, чем она готова была заниматься, это «чей-то писательский проект, особенно если он не интересует меня так, как мой. По правде сказать, мне даже жаль того времени, которое я трачу на то, чтобы отвечать на письма».

Через несколько лет, в июне 2001 года Майкл Иллуцци, исполнительный директор скрантонского музея, написал Джейн, что он работает над книгой «Городской пейзаж, тротуары и Скрантон: Джейн Джекобс и новый урбанизм»³⁹, для которой он хотел бы взять у нее интервью. Нет, ответила Джейн, если он хочет знать мнение новых урбанистов о ней, то с ними и надо разговаривать. Что касается Скрантона, тут она тоже не пригодится, «разве что в качестве приманки, но на это я не согласна». Когда через несколько недель Иллуцци снова написал с этим предложением, Джейн выпалила: «Я не питаю никакого интереса к книге о моей работе, у меня нет на это времени и желания. Если вы настаиваете на этом начинании, то не рассчитывайте на содействие с моей стороны».

Но хотя Джейн могла вести себя пренебрежительно, вздумчивое письмо из ниоткуда могло возбудить ее интерес, вовлекая ее в длительную переписку. В начале 2000 года она получила большое письмо от аспиранта Тимоти Патицаса. Оно начиналось так:

Последние полгода я обдумывал вопрос, который вы ставите в конце «Смерти и жизни больших американских городов», о том, что это за проблема — большой город. Мне это необходи-

38. Ванда Сендцимер — Дж. Дж., 16 октября 1995 г.; Дж. Дж. — Сендцимер, 20 октября 1995 г.; в *Burns*, 6:5.

39. Майкл Иллуцци — Дж. Дж., 26 июня 2001 г.; Дж. Дж. — Иллуцци, 26 июня, его ответ от 18 июля, ее ответ от 24 июля, *Burns*, 4:5.

мо в связи с докторской диссертацией, которую я пишу на факультете теологии Католического университета Америки. Я пытаюсь поставить новый урбанизм в более широкий философский и теологический контекст, изучая современную неприязнь к литургии⁴⁰.

С этого не очень многообещающего старта Патицас начал свою аргументацию. Для Ле Корбюзье и Эбенизеров Говардов нашего мира, писал он, «город — это мертвая материя, которой можно управлять с помощью аргументированных планов единой воли и из перспективы единого взгляда, а природа — бессловесный сад, который надо симпатично обустроить». С другой стороны, подход Джейн можно рассматривать как «литургический». В этом вызывающе незнакомом смысле город можно оценить по достоинству за его «готовность к неизвестному, построенную на основе повторяющихся циклов смерти, перерождения и риска», как плод труда «многих акторов, свободно связанных друг с другом и вносящих в него собственные мечты и видение».

Пусть и немного надуманное, это размышление все же могло польстить Джейн: ее работа сорокалетней давности послужила объектом такого свежего взгляда на вещи. Она и жила ради вдумчивого взаимодействия. Идеи Патицаса были удивительны и оригинальны — то, что нужно, чтобы вовлечь Джейн в интеллектуальную беседу. «Большое спасибо за ваше удивительное и познавательное письмо», — ответила она. Она никогда не думала о литургии, писала она, сознаваясь почти в полном отсутствии религиозного чувства. Но по меньшей мере с одним из ключевых аргументов Патицаса она полностью согласна: традиционное городское планирование не уделяет большого внимания *времени*, то же самое можно сказать и о новом урбанизме. Их кварталы развивались не естественным путем, а были построены целиком с нуля: планируете свой милый городок, реализовываете свои планы, какими бы они ни были, вот и все — сделано, закончено. Но это пренебрежение работой времени, писала Джейн Патицасу, «означает, что все важное ушло: пробы и ошибки, риски и мечты, рождение, смерть, успех, неудача, праздники, сожаления, отношения... вся цепочка бытия. Вы прекрасно это обрисовали». Не удивительно,

---

40. Тимоти Патицас — Дж. Дж., 26 января 2000 г.; Дж. Дж. — Патицасу, 12 февраля 2000 г.; Патицас — Дж. Дж., 13 марта 2000 г., Burns, 7:1. См. также: «The City as Liturgy: An Orthodox Theologian Corresponds with Jane Jacobs About a Gentle Reconciliation of Science and Religion», in George D. Dragas, ed., *Legacy of Achievement* (Boston: Newrome Press, 2007), p. 799–819.

что их интеллектуальные отношения на этом не закончились, а протянулись через оставшиеся годы.

Теперь Джейн рассматривали скорее как жителя Канады. Если ее первые две книги были задуманы и написаны в Соединенных Штатах, то в Канаде она написала больше книг и в течение более длительного времени, чем в США. Она полюбила Канаду и, кажется, никогда всерьез не думала ее покинуть. Трое ее родившихся в США детей и их семьи разъехались по всей стране — Джим в Торонто, Бургин в сельскую местность в Британской Колумбии, Нед в Ванкувер, — все стали канадцами.

В истории с магистралью Спадина и с проектом Сент-Лоуренса, как мы уже увидели, Джейн оказала заметное влияние на Торонто. Оздоровление двух бывших индустриальных районов на восток и запад по Кинг-стрит в даунтауне Торонто, известных как «Кингс» — тоже ее заслуга⁴¹. На собраниях в середине 1990-х годов Джейн вместе с планировщиками и архитекторами разработала план по освобождению двух застроенных лофтами районов от ограничений зонирования; на четырех сотнях акров можно делать все, что угодно, но только не сносить прочные старые здания. Это «позволит городу формироваться естественным образом», — говорит Кен Гринберг, друг Джейн и один из сторонников плана. Эксперимент способствовал возникновению новых бизнесов, шумных производственных лабораторий, нового жилья. В 1996 году буквально никто не жил в Кингс; сегодня там живут тысячи. Подсчитали, что за несколько лет эти районы принесли городу 7 миллиардов долларов, здесь было создано 3800 рабочих мест. «Это чудо, — сказала Джейн интервьюеру в 2001 году. — Удивительно, как быстро эти места расцвели и вернулись к жизни»⁴². Барри Уэллман, социолог из Университета Торонто и еще один переехавший американец, отметил, что если в Манхэттене Джейн «спасла один район, то в Торонто она спасла гораздо больше — словом, делом и вдохновением»⁴³.

Поднимитесь на лифте на смотровую площадку главной достопримечательности Торонто — *CN Tower*, посмотрите на город с высоты тысячи футов, и вы увидите башни Корбюзье, сотни башен, кондоминимумы и офисы, шествующие к северу вдоль Янг-стрит, насколько хватает глаз. Эстакада магистрали Гар-

41. См., напр.: Eli Yarhi, «Tale of Two Kings: The Story of Toronto's Real Estate Transformation», <http://www.psrbrokerage.com>; «Regeneration in the Kings: Directions and Emerging Trends», Toronto Urban Development Services, City Planning Division, November 2002; интервью с Кеном Гринбергом.

42. Steigerwald, p. 8.

43. Wellman.

динер внизу, скользящая вдоль прибрежной полосы озера в даунтауне, пульсирующая трафиком, больше всего напоминает об экспозиции «Футурама» на Нью-Йоркской Всемирной выставке. Короче говоря, Джейн Джекобс не смогла собственноручно превратить Торонто в Гринвич-Виллидж XXI века. И все же своей жизнеспособностью Торонто является вызовом американским городам, испытывающим трудности, Буффало и Детройту по ту сторону границы. Он полон иммигрантов, на улицах суета, он может похвастаться огромной культурной жизнью. «Один простой факт, что Джейн Джекобс выбрала для жизни Торонто, — писал местный журналист Кельвин Браун, когда она умерла, — укрепил бренд города. Она сама — синоним понятия удобного для жизни города, а ее дом в Торонто — доказательство того, что мы, жители Торонто, населяем особенное место».

За те тридцать три года, что она прожила в Торонто, говорила Джейн в 2001 году, «жилье, рабочие места и культурные институции заменили так много парковок и заправочных станций в важных точках, что стало тяжело купить бензин или припарковаться в центре города»⁴⁴. Этим она отмечала процветание более живого и менее ориентированного на машины — да, более джекобсовского — города. Но некоторые горожане этого вообще не желали. «Первым ударом по нашему городу было прибытие Джейн Джекобс», — объявил восьмидесятилетний блогер и, как он сам себя называет, бывший «ремонтник, мистер-почини-ка и механик», которого приводили в ярость ежедневные пробки. В них он обвинял Джейн, которая, появившись в Торонто, «начала продавать свой змеиный яд. С ядом можно сравнить ее лозунг, что города созданы для людей, а не для машин. Это чрезвычайно глупая идея, она для мечтателей»⁴⁵. Генеральный план строительства новых автомагистралей в Торонто, указывал он, откатился назад к 1948 году, остановка Спадины развалила его, «двадцать лет работы пошли насмарку» и это вина Джейн и ее приспешников.

Джон Даунинг, старый местный журналист, тоже винит во всем Джейн, назвав ее классическим «бузотером»⁴⁶. Несколько лет назад Даунинг записался на курс по урбанистической географии в Университете Торонто; «они могли с тем же успехом поставить статую Джейн в центре аудитории», так тщатель-

44. «Random Comments», *Boston College Environmental Affairs Law Review* 28, no. 4 (2001), p. 540.

45. Geeman's Blog, October 17, 2014, <http://www.geeman655.wordpress.com>.

46. Интервью с Джоном Даунингом; Downing, «Jane Jacobs: She Listened to No One».

но они следовали ее идеям. Эти идеи, утверждает он, нанесли городу тяжкий вред. От Спадины было бы гораздо больше пользы, чем вреда. Как и от расширения маленького аэропорта на острове Торонто, чему Джейн успешно противостояла, отчасти из-за загрязнения воздуха и шума. Джон Даунинг знает свою Джейн Джекобс: «Я не верю в „глаза, устремленные на улицу“, — говорит он, — но никогда не забуду этого образа» из ее книги. И он рад за людей вроде нее, «кто выражает такие резкие взгляды». И все же он считает, что Торонто стал хуже под ее влиянием: дорожное движение заторможено, подвески у грузовиков летят, бензин тратится впустую из-за скоростных ограничений, установленных по распоряжению приспешников Джейн, выступающих против автомобилей. Джейн — гуру? Нет, писал он в колонке в 2006 году, она «часовой за стенами городского лагеря, который окликает всех, от генералов до рядовых, настаивая на том, что пароль известен только ей. Трагедия принявшего ее города заключается в том, что многие из нас любили его таким, каким он был до ее приезда».

Это верно, подводит итог Макс Аллен, друг Джейн, в Торонто некоторые действительно считали ее «старой моралисткой, стоящей на пути прогресса. И они говорили, что с ней тяжело спорить». (Потому что, добавляет он, «она была права».) И да, признает он, вокруг нее сформировался своего рода культ, и критиковать ее значило превратиться практически в вероотступника. Но ни обвинение, ни похвала «не имели для нее никакого значения. Она была абсолютно уверена в себе и совершенно не была высокомерной».

По большей части любовь Джейн к Канаде была предельно взаимна. Тошико Адильман рассказывает о том, как накануне путешествия в Японию Джейн в последнюю минуту поняла, что у нее нет визы. В какой-то момент все канадское правительство, казалось, занималось ее визой. В 1991 году Торонто объявил День общественной признательности Джейн Джекобс с симпозиумом во второй половине дня и официальным ужином вечером. «На протяжении всего этого, — будет вспоминать канадский писатель Роберт Фулфорд⁴⁷, Джейн «благосклонно улыбалась. Высокая сутулая женщина со взглядом древнего ястреба»⁴⁸. В июле 1996 года Джейн наградили Орденом Кана-

47. Роберт Фулфорд (Robert Marshall Blount Fulford, 1932) — канадский журналист, живет и работает в Торонто. Автор множества книг, в том числе посвященной истории города *Accidental City: The Transformation of Toronto* (1995). — *Прим. ред.*

48. Fulford, *Accidental City*, p. 83.

ды⁴⁹. «Теперь вы имеете право употреблять инициалы ОК вместе с вашим именем и носить булавку на лацкане», — сообщил Джейн чиновник из совета ордена, передавая ей две булавки вместе с руководством по «порядку очередности ношения орденов, наград и медалей».

Все это лишь предвляло конференцию, праздник, фестиваль любви — называйте как угодно, проходивший в честь Джейн в течение пяти дней в октябре 1997 года — лекции, дискуссии и экскурсии, которые проводились по вечерам на темы, дорогие сердцу Джейн. Сначала Алан Броудбент, Джон Сьюэлл и другие ее друзья хотели просто провести дебаты, но все это переросло в консультационный комитет, наем персонала и выбор спикеров. Они назвали все это *Ideas That Matter* («Важные идеи»)⁵⁰ — вероятно, единственный вариант, как это *можно было* назвать; в жизни Джейн самым важным были идеи. И ее идеи стали действительно важными для Канады и остального мира.

Сначала Джейн испытывала смешанные чувства. Но когда вышла программа и она увидела всю эту фантазмагорию самых разнообразных событий, она послала ее брату Джону, позаботившись заверить их с женой, что они вовсе не обязаны приезжать. «Я согласилась на это с тремя условиями, — объяснила она, может быть, немного оправдываясь, — что я не буду это организовывать, мне не надо будет произносить речей и они не будут зазывать меня ни на какую болтовню»⁵¹.

Восемнадцать месяцев. Полмиллиона долларов в плане. *Ideas That Matter* были чаном с интеллектуальной заправки: города, удобные для жизни, экология человека и самоорганизующиеся системы. Будущее Янг-стрит. Магия местных валют. Биомимикрия. «Таким ослепительным был набор представленных здесь идей, — писал один из приглашенных, Дон Кайо из *The Globe and Mail*, — так стремительно они носились в воздухе, что голова кружится до сих пор»⁵². Естественно, «Смерть и жизнь» была хорошо представлена на сессии под названием «Почему мы любим плотность, скопление и толпу». Каждый вечер в пять часов Джейн проводила час в публичной беседе с тем или иным известным интервьюером. С одним из них,

49. Burns, 21:7.

50. Рассказ взят из: Саюо, «Some Thoughts on the Matter of Ideas»; интервью с Аланом Броудбентом, Джимом Джекобсом; материалы мероприятия, программы, брошюры и планы, включая машинопись Джона Сьюэлла «Rethinking Cities, Economies, Countries: A Symposium with Jane Jacobs as Mentor», April 29, 1996, Burns, 20:6–7.

51. Дж. Дж.—Джону Батцнеру, даты нет, но отнесено к 1997 году, Burns.

52. Саюо.

Питером Гзовски⁵³, они говорили о ее поездке в Гонконг. Она удивлялась тому, как жители Гонконга стали создавать крошечные отели, объединяя квартиры, как с одной или двумя стиральными машинами основывали прачечную. «Они всячески импровизировали на тему, как заработать на жизнь... всевозможные крошечные производства они открывали в собственном жилье». Ей нравилось находиться сцене, она сидела в кресле, иногда хохоча всем телом, радостные глаза прищуривались, щеки вспыхивали.

Вскоре после *Ideas That Matter* Джейн отправилась в полет на воздушном шаре. «Вы когда-нибудь летали? — спрашивала она потом Элен Перри. — Обязательно полетайте, если будет такая возможность. Единственные звуки, которые слышно с земли — это лай собак, но их так ясно слышно, насколько это вообще возможно»⁵⁴. Таковы были ее дела — вместе с новостью о том, что скоро выходит ее последняя книга, *The Nature of Economics* («Природа экономик»).

III. Подчинение природе

В последней главе «Смерти и жизни», «Что это за проблема — большой город» представлен почти биологический взгляд на город. «В какой-то точке пути я поняла, — писала Джейн в новом предисловии 1992 года, — что ввязалась в исследование экологии больших городов. Читатель может подумать, что это значит следить за такими вещами, как набег ищущих пропитания енотов на городские садики и мусорные бачки»⁵⁵, а в Торонто «это происходит». Но ее занимало совсем не это. Между биологической и городской экосистемами много общего. Обе формируют замысловатые сети связей. В обеих естественным образом развивается многообразие. Обе «легко разрушаются или уничтожаются». Такими, вкратце, были мысли Джейн о городской экологии в 1992 году. Теперь в «Природе экономик» она развивала эти идеи, особенно в отношении здоровых экономик. Они или растут, или нет, говорила Джейн, по большей

53. Питер Гзовски (Peter John Gzowski, 1934–2002) — известный канадский журналист, радиоведущий, за свою работу на радио СВС получил прозвище «Мистер Канада», уроженец Торонто. Известен был своим мягким и ненавязчивым стилем интервьюирования. — *Прим. ред.*

54. Дж. Дж. — Элен Перри, 14 августа 1999 г., Burns, 1. Путешествие на воздушном шаре было подарком Алана Броудбента, филантропа и друга.

55. *Смерть и жизнь*, с. 11.

части подчиняясь законам природы, как управляемые биологические системы.

В начале 1999 года Джейсон Эпштейн, которому теперь уже было за семьдесят, пригласил молодого коллегу, Дэвида Эберсхофа⁵⁶, принять участие в издании последней книги Джейн. Тому было всего двадцать девять лет, и он был «совсем зеленый», признается он сегодня. Тогда он еще даже не читал ни «Систем выживания» Джейн, ни Платона — своего рода признание, потому что в новой книге Джейн повторяет технику платонического диалога из «Систем выживания»: Армбрустер и остальная банда вернулись, чтобы снова блеснуть интеллектуальным остроумием.

Тогда Эберсхоф еще не стал новым редактором Джейн. Но вот как это случилось. «Посмотри это, — сказал ему однажды Эпштейн, показав черновик новой книги Джейн, — и скажи, что думаешь». Вот что он подумал: «Мне понравилось. Мне это показалось таким оригинальным». Об идеях писать тяжело, а Джейн это отлично удавалось. Но его не захватили «персонажи», перешедшие из прошлой книги, «они не походили на пять персонажей из романа». С другой стороны, то, как они кидали, словно мячики, друг другу идеи — исправленные, переработанные и отполированные, — превращало эту книгу «буквально в воплощение процесса письма». Само это делало ее революционной. «Я знал, что на моем столе никогда не лежало ничего подобного».

Эпштейн сказал: «Давай поедem в Торонто и встретимся с Джейн».

---

56. Дэвид Эберсхоф (David Ebershoff, 1969) — американский писатель, автор романа «Девушка из Дании» (2000), по которому был позже снят нашумевший одноименный фильм (2015). — *Прим. ред.*

Глава 25

Дитя цивилизации

Э ПШТЕЙН и Эберсхоф вылетели в Торонто и встретились с Джейн в *Саное*, ресторане на 54-м этаже башни в даунтауне с прекрасными видами на город, процветающем благодаря банкирам, бизнесменам и прочим. В ресторан вошла Джейн в своем неизменном бесформенном пончо и со слуховым аппаратом из папье-маше, который специально для нее сделала Бургин — чтобы та лучше слышала. «Почти все в ресторане обернулись, когда она прошествовала к столу», — вспоминает Эберсхоф; на его памяти такое последнее раз случалось, когда он встречался с Норманом Мейлером.

Было 9 июня 1999 года. Рукопись Джейн, практически законченная, лежала перед ними. Эберсхоф признался, насколько она ему понравилась. Они поговорили о графике публикации, обсудили дизайн суперобложки. Поели, провели вместе несколько приятных часов. В тот же вечер мужчины улетели обратно в Нью-Йорк.

За обедом они не ставили под сомнение диалогическую технику книги. «Такая форма — это и есть сама Джейн», — говорит Эберсхоф; они не собирались заострять на этом внимание. Что же касается персонажей Джейн, то они почти не эволюционировали со времени «Систем выживания», и их речи не стали отчетливее. Однако, если дать им волю, как Джейн и сделала, то им было что сказать. Один из них, единственный новичок в группе, эколог Хирам, заявил, что «изучать экономику с точки зрения природы» — дело его чести¹. В действительности вся книга несет именно этот отпечаток. «Я убежден, — говорит Хирам далее, — что экономической жизнью управляют процессы и принципы, которые изобрели не мы, и за рамки которых мы выйти не можем, нравится нам это или нет»².

---

1. *Nature*, p. 8.

2. *Ibid.*, p. 11.

Взять, скажем, развитие эмбриона, где мы можем непосредственно наблюдать то, что Джейн принимает в качестве главного принципа, — «дифференциацию, возникающую из единства». Оплодотворенная яйцеклетка делится, «формируя сгусток преумноженного единства»³; то есть клетки, пусть и многочисленные, все еще идентичны. Но потом в зависимости от расположения в сгустке они дифференцируются в разные *типы* клеток и далее формируют разные ткани — кишки, сердечную мышцу, мех и так далее. Джейн утверждала, что разветвленные рукава дельты реки и разделение на пункты и подпункты в правовом кодексе связывает один и тот же всеобъемлющий принцип. Это касается многих граней экономической жизни. «Наши дальние предки, — говорит Хирам, — изобретали инструменты и оружие из нерукотворных материалов»⁴: из палок, камней и костей, которые находили вокруг, они делали копья, скребки, кочерги и молотки. И следуя долгому пути человеческой истории, каждый инструмент становился новым «единством», способным потенциально — и обычно так и происходит — дифференцироваться дальше в молотки, скажем, сотен различных видов, каждый — пример человеческой изобретательности и экономической энергии.

Такой, в общих чертах, была стратегия Джейн — в разговорах Армбрустера, Хирама и их друзей, перешагивая раз за разом через границу, отделяющую природу от экономики, извлекая уроки из термодинамики, теории управления, фрактальной геометрии, эволюции и других наук. И всегда, в корне, центральная посылка книги — что «человеческие существа существуют исключительно в природе как часть естественного порядка»⁵.

Это была книга не для всех, как и «Системы выживания», и по схожим причинам; сколь бы ни была удобна для Джейн диалогическая техника, она оставляла некоторых читателей равнодушными или утомляла их. Одного критика это так раздражало, что он обрушил на нее мощный град язвительных упреков. «Вернулись эти невыносимые яппи, Армбрустер, Хортенс и Кейт: опуская кусочки кумквата в *Perrier*, они надменно рассуждают о бифуркации, управлении обратной связью и шимпанзе бонобо»⁶, — начиналась рецензия Майка Дэвиса⁷ в *The Village Voice* в 2000 году.

3. *Nature*, p. 17.

4. *Ibid.*, p. 23.

5. *Ibid.*, p. ix.

6. Mike Davis, review of «The Nature of Economics», *Village Voice*, April 11, 2000.

7. Майк Дэвис (Mike Davis, 1946) — известный американский социолог, урбанист, пред-

Нет, это не пародия на *Saturday Night Live* и не новый роман Дуга Коупленда. Это Джейн Джекобс — мать-Тереза кварталов — пишет об экологии процветания... Джекобс, как обычно, нацелена на тяжелый интеллектуальный труд и явно думает, что [техникой диалога] облегчает бремя своих читателей. Интересно. Продираясь через помпезные обеденные разговоры (в которых женщины, как в настоящей жизни, редко вставляют слово), что составляют «Природу экономик», я все жду, когда кто-нибудь подмешает болиголов в радиккьо Армбрустера.

Другие читатели, которых техника Джейн не отпугнула, а привлекла и увлекла, хвалили книгу как, например, «свежую и провокативную»⁸. Британский поклонник книги Джейн Питер Дж. Тейлор заявил, что ее можно «считать самой важной ее работой»⁹. Другие отметили, что персонажам Джейн не только было что сказать, но они еще и воплощали почти забытый стандарт цивилизованного диалога. Они действительно *слушали друг друга*¹⁰.

Извиняясь за то, что так долго не отвечала на письмо, Джейн сообщила одному своему корреспонденту в феврале 2000 года, что пострадала в серьезном происшествии. Она запнулась о телефонный провод, поскользнулась, сломала бедро и с тех пор «заново училась ходить»¹¹. Чаще, чем когда-либо, она теперь прибегала к выражениям наподобие *вынуждена неохотно отклонить*. Ее жизнь в окружении врачей стала более ограниченной, более зависимой от других, ее тянули туда и сюда превратности возраста. «Я принимаю глюкозамин, — писала она другу, порекомендовавшему ей книгу по артриту, — и пока я все еще не в форме для катания на скейтборде (книга призывает быть оптимистом), у меня определенно есть чувство, что он делает сустав и ногу сильнее»¹². Она скоро встретится со специалистом, который определит, что именно — мышцы или кровеносные сосуды — «не справляются со своей работой».

ставитель Лос-Анджелесской школы городских исследований, левый интеллектуал. — *Прим. ред.*

8. Стивен Шавиро, рецензия на *The Nature of Economies*, блог, <http://www.shaviro.com>, 16 января 2003.

9. Taylor, «Jane Jacobs (1916–2006): An Appreciation».

10. Патрик [фамилия неизвестна] — Дж. Дж. 4 апреля 2000 г., Burns, 1:11: «Ваши персонажи в основе своей добры друг к другу и серьезно относятся к идеям друг друга... Они слушают друг друга, что так редко наблюдается среди интеллектуалов».

11. Дж. Дж. — Мирон Магнет, 13 февраля 2000 г., Burns, 1:11.

12. Дж. Дж. — Салли [?], 19 июня 2000 г., Burns, 3:6.

Через месяц Джейн смогла выбраться для выступления в Нью-Йоркскую публичную библиотеку. «Ты вышла с достоинством королевы, и аудитория несколько минут яростно аплодировала, когда ты вышла на сцену», — писала ей Марго Гейл, одна из ее друзей по Вест-Виллидж. Она добавила: «Приятно было видеть твоего сына, который так хорошо за тобой ухаживает»¹³.

Через год проблемы Джейн стало доставлять колено. Она достаточно хорошо ходила с помощью «хороших ходунков на колесиках по ровной поверхности, и с помощью трости и перил по лестнице»¹⁴. Она не испытывала боли, когда просто стояла или сидела. Но хотя в последнее время ей не стало хуже, лучше ей тоже не было. Ей советовали не делать операцию: «Это большой риск и может стать хуже».

Джейн требовалась помощь, чтобы путешествовать, выступать на публике, просто передвигаться. Она часто обедала у Джима и Пат, через несколько домов по соседству. Кейтлин иногда делегировали сопроводить бабушку домой. Или Джим и Пат шли к Джейн, взяв с собой приготовленную еду; она любила называть это «еда на ножках». В эти годы и соседи возили ее в разные районы Торонто, где она не так часто бывала; Джейн посвятила свою последнюю книгу двоим из них — «веселым передовым исследователям»¹⁵, возившим ее на «исследовательские вояжи» в такие экзотические места, как промышленные пригороды Торонто или моллы на окраине города с гонконгским колоритом.

26 ноября 2003 года Джейн написала Дэвиду Эберсхофу, что она отправила исправленную верстку последней книги, «Впереди Средневековье», о тревожных симптомах культурного упадка, выпускающему редактору *Random House*. Она «работала днями и ночами»¹⁶, чтобы уложиться в срок, отчасти для того, чтобы «иметь роскошь подумать несколько дней о следующей книге». В возрасте восьмидесяти семи лет — *следующая* книга. И правда, она приложила к письму предварительное оглавление книги, которую собиралась назвать «Краткой биографией человечества» (*A Brief Biography of the Human Race*). Конечно,

13. Марго Гейл — Дж. Дж., 2 апреля 2000 г., Burns, 7:1.

14. Дж. Дж. — Аннеке, 23 апреля 2001 г., Burns, 7:2. В прошлом году Джейн написала местной компании по медицинскому снабжению, что хочет купить ходунки, которые арендовала: «Теперь мне, кажется, эти ходунки понадобятся на неопределенный срок, а не временно, как я думала поначалу» (Дж. Дж. — *Therapy Supplies and Rental*, 10 июля 2000 г., Burns, 7:7).

15. *Впереди Средневековье*, посвящение.

16. Дж. Дж. — Дэвиду Эберсхофу, 26 ноября 2003 г., архив Дэвида Эберсхофа.

она не могла приступить к ней сразу же. Ее ждал тур с книгой «Впереди Средневековье», очередная гражданская битва в Торонто, в которую она была втянута, и «речь для городского колледжа, где случился большой казус, потому что я перепутала мой режим написания книг с режимом написания выступления». Городской колледж — это Городской колледж Нью-Йорка, и речь была лекцией Льюиса Мамфорда, которую она согласилась произнести в мае 2004 года, спустя четыре дня после своего восьмидесят восьмого дня рождения.

Это был второй абзац ее письма Эберсхофу. Третий начинался: «Теперь (не кричи!) я уже вижу мою следующую книгу после *A Brief Biography...* своего рода самоантологию» экономического письма, «с некоторым добавленным вводным и промежуточным материалом. Это, — добавила она радостно, — должно быть быстро и легко!»

Джейн, кажется, с полной серьезностью относилась к этим планам. Книга «Впереди Средневековье», пусть и не вершина творчества Джейн, показала проблески того, какой она была раньше. «Яркая, интересная, эрудированная, устрашающая», — называли ее в одной из первых рецензий¹⁷. Когда в мае 2004 года книга вышла, Джейн была готова к рекламному туру в ее честь¹⁸. Это не было самое последнее «ура» Джейн, но все к тому шло: на пару дней в Нью-Йорк, включая лекцию Мамфорда; в Торонто на три дня на интервью и фотосъемку для *Time*, *The Globe and Mail* и *Maclean's* у нее дома; запись интервью для *SBC* в их студии. Потом назад в Сан-Франциско и Ванкувер с Недом; в книжный магазин Пауэлла в Портленде, в Орегоне, с Аланой Пробст. Роберта Гратц сопровождала ее в Портленд и отвезла назад в Торонто. В колледже в Портленде, вспоминает Гратц, когда они вошли в кампус, когда Джейн в развевающемся шарфе ковыляла со своими ходунками по коридору в заполненную народом комнату, Роберта услышала чей-то шепот: «О, это же Джейн Джекобс. Это круче, чем рок-звезда!» Когда Джейн выступила с докладом в Калифорнийском университете в Беркли, племянница Люсия Джекобс зашла к ней в номер отеля. Случайное «Что ты думаешь об этом...?», и они пустились в то, что Люсия назовет «еще одна дискуссия-марафон», как в прежние годы на Олбани-авеню.

Что до следующей книги, о которой думала Джейн, по мнению Энн Коллинз, ее редактора в *Random House Canada*, она без

17. Рецензия в *Kirkus*, приложенная Дэвидом Эберсхофом к письму Дж. Дж. 24 февраля 2004 г., Burns, 43:2.

18. Хронология тура 2004 года представлена Энн Коллинз, *Random House Canada*.

малейшей иронии собиралась назвать ее *A Brief Biography of the Human Race*. «Это было смертельно серьезно. Название слишком наглядное для шутки» На лекции Мамфорда 8 мая, которую она прочитала перед заполненной аудиторией Городского колледжа, и через неделю в статье для *New York Times*, основанной на этой речи, она предложила превью: человечество пережило и должно выйти из того, что она называла долгой Эрой плантаций, с «крепостными, феодалами, кабальными слугами или откровенными рабами, или издольщиками, скованными дискриминацией и долгом»¹⁹, вместе с уведомлениями о банкротстве промышленного, пространственного и политического порядка. Чем, в конце концов, были современные американские пригороды, как не «гротескными пародиями на плантации. Посмотрите на них: монокультурные жилые массивы все возрастающих масштабов, например, множество бескрайних полей капусты. Стандартизированные торговые центры, разномножающиеся как стада одинаково породистых овец»²⁰.

В Нью-Йорке в беседе с Адамом Гопником²¹ для статьи в *The New Yorker* Джейн получила возможность рассказать свою любимую историю. Нью-Йорк, заявила она, все еще наделен своим старым стилем, потому что он меняется каждый день — в отличие от аккуратно спроектированных кварталов в стилистике нового урбанизма, построенных на пустом месте²². Это напомнило ей о проповеднике, который предупреждал детей, что в аду будет «плач и скрежет зубов». Один мальчик спросил его: а что если у меня нет зубов? Тогда зубы тоже появятся: выхода нет. Все продумано с самого начала. Таков, сказала Джейн, излишне запроектированный город — все сделано, только без намека на жизненно важную городскую неразбериху.

К *другой* своей новой книге, экономической антологии, Джейн тоже относилась совершенно серьезно. К концу 2004 года она послала Эберсхофу в Нью-Йорк и Коллинз в Торонто отрывок, в котором предлагалось «первое теоретическое объяснение для нормальной экспансии экономической жизни

19. Джейн Джекобс, набросок лекции Мамфорда, архив Дэвида Эберсхофа. Несколько версий лекции показывают, сколько Джейн в действительности над ней работала. Она заканчивается так: «Спасибо вам за терпение, поскольку я сражалась, как все мы, за то, чтобы найти здравую основу в пронизанном безумием и неуверенностью шатком настоящем».

20. Статья, основанная на лекции Мамфорда: Jane Jacobs, «The Greening of the City», *New York Times*, May 16, 2004.

21. Адам Гопник (Adam Gornik, 1956) — известный американский журналист, постоянный автор журнала *The New Yorker*. Брат известного детского психолога и философа Элисон Гопник. — Прим. ред.

22. Gornik.

ни»²³ — в особенности для тех внезапных, спорадических рывков роста, которые она считала важным свойством больших городов, где бы они ни находились. Книга начиналась скромнее, вспоминает Джим Джекобс, как своего рода сборник лучшего, что она написала. Однако как только она начала в этом копаться, то была «потрясена. В некоторых объяснениях многое упущено. Как, — сетовала она, — их поймет кто-либо еще?» Теперь она со всех ног бросилась исправлять старые ошибки, развивать новые идеи.

Она решила просто продолжать и продолжать?

Она состарилась, и у нее было слишком много проблем со здоровьем. Но в ее планах, идеях и заявках тяжело распознать какое-либо сомнение в их завершении. И почему нет? Ее мать дожила до 101 года. Если вы хоть чуточку подвержены магическому мышлению и если бы у вас была возможность прочесть ее переписку, изучить свидетельства о том, как она в это время жила, то и вы бы засомневались, а придет ли за ней смерть *вообще*? Энн Коллинз и решила вести себя соответственно; можно назвать это своеобразным жестом, но имевшим юридический вес, черным по белому — официальные договоры²⁴, составленные для двух книг, продление сроков сдачи на три года, так что Джейн могла стучать по пишущей машинке, пока ей не исполнится девяносто один. Коллинз говорит: «Я думала, она будет с нами всегда»²⁵.

«Большое спасибо за потрясающие первые страницы *Uncovering the Economy: A New Hypothesis*», — написал Эберсхоф Джейн в ответ на полученный фрагмент из двадцати восьми страниц.

Если остаток книги читается как первая часть — а почему, собственно, нет! — то вы сделали все, на что я мог только надеяться и чего хотят многие ваши читатели. Я очень рад, что это не просто антология ваших самых великих хитов. Вы вышли на новую и глубокую идею о городах и экономиках... Пожалуйста, пишите. Пожалуйста, присылайте мне рукопись. Надеюсь, что вы быстро поправляетесь и у вас достаточно времени, чтобы думать и писать²⁶.

Здоровье Джейн в последующие годы, до 2005-го или около того, ухудшалось, но ум ее оставался ясным. Если бы это

23. Дж. Дж., черновик содержания незаконченной книги, впоследствии озаглавленной *Uncovering the Economy: A New Hypothesis*, архив Эберсхофа.

24. Энн Коллинз — Аарону Милраду и Джейн Джекобс, 19 апреля 2004 г., архив Энн Коллинз.

25. См. также Sandra Martin, «Jane Jacobs, Writer, Urban Planner, Activist».

26. Давид Эберсхоф — Дж. Дж., 10 декабря 2004 г., архив Эберсхофа.

было не так, то мы увидели бы это в ее переписке, где было больше места для ее чистого непосредственного «я». Но ничего подобного: ни в правописании, ни в организации мыслей, ни в характерной энергии и духе. В 2005 году она извинилась перед адресатом за то, что не ответила раньше: «Вы, должно быть, подумали, что меня потихоньку сдуло в Гранд-Каньон»²⁷. С ней случился еще один несчастный случай, она упала и сломала ногу, «достаточно серьезно, я должна была учиться заново ходить... Это скучная история о напасти — но огорчает скорее не скука, а то, что нет, я не написала аннотацию, которую вы ожидаете для вашей книги о девелопменте в издательстве Мичиганского университета».

«Не шлите мне открыток с пожеланиями здоровья, — добавила она. — Я выздоравливаю, просто медленно».

Еще в 2002 году Джейн пережила серьезный инсульт. Это случилось посреди ночи. Она позвала Джима, тот отвез ее в больницу, и там она провела пару недель, прежде чем ее перевели в реабилитационный центр. Ее наполовину парализовало, было тяжело глотать, она не могла печатать, писать. Но думать продолжала хорошо. Именно там, рассказывает Джим, она задумала «Впереди Средневековье». Она торопилась, «хотела успеть сделать столько, сколько сможет, перед дедлайном». После того как она покинула больницу «внешне здоровой», она писала с нехарактерной нервной энергией, стремительно спеша. «Это была единственная книга, которую она написала из головы, без заметок».

Нед, вернувшись с побережья, помогал Джейн с указателем и перевел ее текст в электронную форму, как того требовал издатель. Они сидели «вместе у экрана», как он вспоминает, за выбором конкретного слова здесь или идеи там. «Для меня это был прекрасный познавательный опыт», — говорит он. Как признала Джейн, он внес свой вклад в главу «Как распрямить порочную спираль»²⁸, натолкнув ее на мысли о том, «как выбраться из этого беспорядка», печального культурного упадка, ставшего ее темой. Во всем остальном книга была ее. Но она

27. Дж. Дж. — Давиду Эллерману, 18 марта 2005 г., Burns. См. также: Дж. Дж. — Тому Дж. Палмеру, 10 июня 2003 г., Burns, 43:6; тут Джейн обижается на те несколько долларов, которые редактор предлагает заплатить ей за статью: «Это не всего лишь „номинально“, как вы это охарактеризовали, а оскорбительно. Вы можете получше объяснить вашим предполагаемым жертвам или мученикам», почему предлагается такая ничтожная сумма — после чего она перечисляет список возможных неприятных причин для отказа.

28. *Впереди Средневековье*, с. 207.

готовилась долго и давалась ей дорогой ценой. Джейн положи-лась на семью и друзей так, как никогда прежде. Ее подпись, обычно закругленная и ясная, была теперь резкой, угловатой, нацарапанной. Каждая мелочь давалась тяжелее.

Ум ее оставался ясным почти до самого конца. Более чем ясным — *увлеченным*, жаждущим любой частички жизни, за которую она все еще могла ухватиться. Но, в конце концов, к зиме 2004 года, может быть к Рождеству, Дэвид Эберсхоф начал понимать, что надежда на «быстрое исцеление» Джейн нереалистична; баланс восстановления и упадка сдвигался в одном направлении. После лекции Мамфорда в мае, вспоминает он, она, казалось, еще боролась. Прошли месяцы, он с ней связался, и «она говорила, что пытается писать, но было видно, как тяжело это ей дается». В нескольких последних телефонных звонках «я не мог разговаривать с ней в том же ключе». Коллега Эберсхофа в Торонто, Энн Коллинз, подтвердила: то, что казалось почти регулярными циклами ослабления и обновления, теперь превратилось в угасание. Иногда Энн могла заскочить к ней домой на чай. Но теперь никаких: «Ну, как пишется?» Просто чай.

Джим Джекобс, конечно, заметил это раньше, когда мать вернулась из тура с книгой «Впереди Средневековье»: «Мы с Пат увидели: что-то серьезно пошло не так». Эта женщина, разговаривавшая прежде складно, цельными пассажами, теперь едва вообще могла говорить. Предложения плыли. Джейн тоже это понимала. «Она знала, что есть проблема». Доктора обнаружили признаки снижения умственных способностей, но, как казалось Джиму, слишком поспешно заявляли: *Что ж, чего еще можно ожидать от женщины ее возраста, надо разрешить природе взять свое*. В поисках выхода он вспомнил, что заметил улучшение состояния Джейн, когда ее сажали на антибиотики, и предположил, что именно инфекция ухудшила ее умственное состояние.

В конце лета 2005 года Джим взял отпуск в компании, основателем которой он был, чтобы заботиться о Джейн самому. «Но это было выше моих сил», так что они наняли круглосуюточную сиделку. Конец этого года и начало следующего были худшими из всех. Джейн овладевали непредсказуемые приступы гнева, нежности и отчаяния. «О чем я думала?» — скажет она, когда выйдет из одного из них. Это было тяжело для и нее и для всех.

Настало несчастливое время для тех, кто любил Джейн Джекобс. Год назад она сломала бедро, сидела дома, все чаще одна. Были минуты, рассказывает Джим, когда «она была

не в состоянии кого-либо видеть», что разочаровывало некоторых ее друзей, чувствовавших, что, может быть, ее ограждают от общения больше, чем нужно. Роберте Гратц казалось, что Джейн «жаждет компании». Приезжая, друзья баловали ненасытную сладкоежку Джейн. Марджи Зайдлер приходила с пирогами. Джон Сьюэлл и его жена Лиз Рикерт приносили обед по субботам. Они приходили, шли на кухню, все организовывали, выкладывали еду, разламывали баскские пироги — любимые пироги Джейн, садились и разговаривали. «У нее было множество мнений о мире», — говорит Сьюэлл. Но она редко вдавалась в воспоминания; она была одним из тех старожилков, кто не прятался в прошлом, по крайней мере на публике; кто знает, что она шептала Бену Франклину или кому-то еще из своих старых друзей?

Джим, вспоминая его дочь Кейтлин, отчаянно искал «решение, которое поможет ей поправиться», вникал в медицинскую науку, думал, «что можно сделать, чтобы спасти ее». В начале 2006 года на антибиотиках, которые врачи выписали, поддавшись на уговоры Джима, Джейн, казалось, собралась, ее умственная деятельность, речь и эмоциональная стабильность улучшились. Какое-то время она снова могла работать, по большей части над книгой по экономике. Не имея привычки рассказывать о книге, над которой трудится, теперь она, казалось, с удовольствием говорила Джиму о ней. До марта, может быть до апреля, она все еще сидела за печатной машинкой.

И вот произошел неожиданный поворот к худшему; Джим отвез ее в больницу, почти не отходил от нее, когда через три дня, 25 апреля 2006 года, она умерла. Семья объявила: «Важно не то, что она умерла, но что она жила, и что дело ее жизни сильно повлияло на то, как мы мыслим сегодня. Пожалуйста, помните о ней, читая ее книги и воплощая ее идеи».

А если нет, пошутил Нед Джекобс, «то впереди Средневековье»²⁹.

Джейн кремировали, ее пепел покоится на кладбище Кревелинг, недалеко от того места в Эспи, по Олд-Бервик-роуд, где выросла ее мать, на семейном месте Батцнеров, рядом с Бобом, на общем камне высечены имена, даты и больше ничего.

«Когда такой человек умирает, он никуда не уходит, — говорит Джейсон Эпштейн. — Она не умерла. Она такая живая, что невозможно представить ее мертвой, как, скажем, Шекспира». Может быть, и так, но мы обязаны обдумывать ее творче-

29. Martin, «Jane Jacobs, Writer, Urban Planner, Activist».

ское наследие, выяснять, какие уроки ее жизнь преподает нам. Само это выражение — творческое наследие — выглядит довольно скучным, но я не думаю, что Джейн отвергла бы такую постановку вопроса или с ложной скромностью бранила бы нас за него.

Творческое наследие Джейн, прежде всего, больше «Смерти и жизни больших американских городов», больше любой из ее книг. Это может звучать как ересь в отношении женщины, которая прежде всего была писателем и любила это повторять. «Я совершенно обычная, уверяю вас, — писала она в 1997 году, — живу обычной счастливой жизнью, все самое примечательное в моей жизни случается у меня в голове, когда я прозаически сижу за печатной машинкой; и все это — уже в моей книге». И все же Джейн была еще и женой, матерью и другом. Она была общественной активисткой, оводом, хулиганом и бунтарем; в некотором смысле экономистом и немного философом, и, как говорят, экспертом по городам.

Неуклюжие судьи кивают на то, что Джейн не была специалистом в тех областях и дисциплинах, в которые внесла наибольший вклад. Аналогичные сомнения могут касаться и Джейн-как-ученого, каким она в некотором роде тоже являлась. «Она была великим теоретиком, — говорит Люси Джекобс, штатный профессор психологии в университете в Беркли. — Ее можно поставить наравне с Дарвином». Когда люди указывали на отсутствие точных данных в ее работе, Джейн отвечала: «У Дарвина тоже не было данных». Профессор Джекобс считает Дарвина более чем достойным сравнением. «Дарвин шел своим путем, знал, что был прав, и у него была невероятная интуиция». Как и у Джейн.

Профессор Джекобс употребляет слово «теоретик»³⁰ как похвалу, ставя Джейн в один ряд с Чарльзом Дарвином; как употребляет это слово в отношении Джейн и Роберт Лукас, экономист, лауреат Нобелевской премии. И все же, чем больше Джейн была теоретиком, тем меньше она была писателем — таким, каким хотела стать, приехав в Нью-Йорк. В первых статьях для *Vogue* Джейн ушла с головой в факты, данные и события, тротуар и улицу, кожу, цветы и меха. Но в годы, последовавшие за «Смертью и жизнью», когда Джейн признали выдающимся мыслителем, ее можно простить за уход от мирской суматохи в изнеженное царство идей: экономику, этику, экологию. В силу возраста и здоровья ей больше приходилось быть дома, поэтому отступление к абстрактному и теоретическому было,

30. Robert Lucas, in «Economies and Growth», *Ideas That Matter* 3, no. 3, n. d., p. 12.

вероятно, легким и даже неизбежным³¹. Сцен из жизни и живописных наблюдений стало меньше; теперь она была скорее смелым исследователем идей. Конечно, в ней жило и то и другое, запертое в творческом напряжении; «Смерть и жизнь» наполнена идеями до краев. Но с годами в ней расцвел публичный интеллект, и Джейн стало действительно сложнее или, может, она считала это не столь важным — по возможности избегать в своей прозе обобщений и абстракций, которые порой могли бы озадачить или запутать читателей.

Ближе к ее смерти критики начали отмечать, что буквально за несколько лет в начале 1960-х годов три женщины написали три классические книги, обосновав три социальных движения, которые изменят мир: это «Загадка женственности» Бетти Фридан, «Безмолвная весна» Рейчел Карсон и «Смерть и жизнь больших американских городов» Джейн Джекобс³². Все три женщины считаются прежде всего писателями, а не признанными экспертами в тех сферах, о которых они писали; Карсон, имея степень магистра зоологии, была в некотором роде исключением, но к тридцати годам, задолго до «Безмолвной весны», она зарабатывала на жизнь писательством, это была мечта ее детства. Все трое были популяризаторами, то есть, не будучи сами учеными или исследователями в традиционном смысле, они писали не *для* ученых, а для обычных читателей, не экспертов. По большей части они избегали специализированного словаря, использовали язык, предназначенный для привлечения читателей, а не для ограничения их круга. И вместо того чтобы скрывать свои самые глубокие убеждения под патинной объективности, они выражали свои мысли ярко и с чувством.

У Фридан, Карсон и Джекобс, конечно, было и еще кое-что общее — они были женщинами. Но вне зависимости от того, можно ли их книги судить с точки зрения «женского мышления» или «женского восприятия» или нет, они, конечно, отражали женский *опыт*. В 1940-х и 1950-х годах, когда они пробились, их ждала трудовая жизнь, не слишком привязанная

31. Несколько друзей Джейн наблюдали в ней эту перемену.

32. См., напр., Rebecca Solnit, «Three Who Made a Revolution», *Nation*, March 16, 2006; блог Urbashi Vaid, «Women as Public Intellectuals: The Legacies of Jane Jacobs, Rachel Carson and Betty Friedan», 15 ноября 2011 г.; «Jane Jacobs, Rachel Carson, Betty Friedan: One Provocative Evening», <http://www.womenvoicesforchange.org>, 15 ноября 2011 г.; Josh Stephens, «50 Years Later, Jacobs Still Leads a Sorority of Dissent», *California Planning & Development Report*, December 28, я 2011. Эти три женщины, пишет Стивенс, выступали от лица множества тех, «кто устал от ложных обещаний 1950-х».

к профессиональной дисциплине или традиционной карьерной лестнице, как у мужчин; скорее их ждал блокнот стенографистки или печатная машинка, или вынашивание и воспитание детей. Иначе их ждали грубые сексистские колкости, наподобие тех, какие Льюис Мамфорд нацелил на Джейн в «Домашних снадобьях мамыши Джекобс». («Мистер Мамфорд, — возвращалась к нему Джейн в своей лекции Мамфорда в Городском колледже, — кажется, думал о женщине как об обслуживающем персонале человечества»³³).

Даже в 2011 году критики, от которых можно было бы ожидать лучшего понимания, все еще порой называли Джейн домохозяйкой. Вероника Хоруэлл из *The Guardian* изобразила ее толкающей детскую коляску после того, как она вышла замуж за Боба³⁴. Сэр Питер Холл³⁵ назвал ее «домохозяйкой из среднего класса, которой дали слово». Что ж, Джейн *никогда* не была домохозяйкой, если мы имеем в виду женщину, чье главное предназначение — дом, которая «просто» домохозяйка. Джейн была хорошей женой и ухаживала за домом как могла, хотя получалось не так уж замечательно, и обращалась к платным услугам, как только представлялась возможность. За исключением коротких декретных отпусков, она *всегда* работала, великий мир идей и событий, политики, зданий и книг был ее естественной средой обитания.

Еще в 1971 году Джейн прочитала *Man's World, Women's Place*, одну из первых влиятельных феминистских книг Элизабет Джейннуэй³⁶, которая взялась за мифы о женской слабости и женской силе, и ей было что сказать и о том и о другом. В письме Джейсону Эпштейну, написанном примерно в то время, когда она с семьей переехала в дом на Олбани-авеню, она назвала ее «первой книгой на тему затруднительного положения женщин, которая не подавляет и не злит, а просвещает ме-

33. Дж. Дж., печатный черновик лекции Мамфорда, архив Эберсхофа.

34. Veronica Horwell, «Jane Jacobs», *Guardian*, April 27, 2006; Sir Peter Hall, «In Context — Social Ideal Ends in Yuppy Ghettos», *Planning Resource*, June 3, 2011.

35. Сэр Питер Холл (Sir Peter Geoffrey Hall, 1932–2014) — английский городской планировщик, урбанист, экономист и географ, специальный советник по стратегическому планированию в кабинете премьер-министра Джона Мейджора, один из главных разработчиков идеи городских индустриально-производственных зон, нашедших распространение в США и Великобритании, автор множества книг по урбанистике, истории городов и архитектуре. — *Прим. ред.*

36. Элизабет Джейннуэй (Elizabeth Janeway, 1913–2005) — американская писательница, феминистка, журналист и литературный критик, родилась и жила в Нью-Йорке. С 1965 по 1969 год — президент Американской гильдии писателей. Книга *Man's World Woman's Place: A Study in Social Mythology* вышла в свет в 1971 году. — *Прим. ред.*

ня»³⁷. Она оценила идеи Джейнуэй о том, почему секс занимает такое место в рекламе и искусстве. «А еще очень хорошую трактовку той страшилки о женщинах, трахающих мужчин в аду, как только им представляется шанс, и лучший (потому что такой верный) наезд на зависть к пенису».

Однажды в 1980 году Джейн выступала в Фанел-холл в Бостоне на одной трибуне с Джеймсом Русом, девелопером спроектированного пригородного квартала в Колумбии в штате Мэриленд. Рус сослался на известное изречение Даниела Бёрнема: «Не задумывайте незначительных проектов; в них недостаточно магии, чтобы разгорячить мужскую кровь». Но «Джейн потрясла всю аудиторию, — вспоминал кто-то тот день, — когда тихо произнесла: „Не думаю, что в значительных проектах когда-либо было достаточно магии, чтобы разгорячить женскую кровь“».

В 1990-х годах, когда Джейн пригласили на интервью в канадский журнал, интервьюер сослался на «присущую человеку (*man*) склонность причинять вред»³⁸. Джейн прервала его: «Пожалуйста, не говорите все время „человек“. Это касается всех, женщин так же, как и мужчин».

«Поверьте, — вставил собеседник. — Я знаю, что это касается женщин. Я использую слово „человек“ в традиционном смысле».

«Да, и мне это не нравится, потому что мы получаем искаженный взгляд на то, кто все это делал. Женщины тоже имеют к этому отношение, и они настолько же важны». Для Джейн женщины всегда были в центре мира; ей нравилось представлять «рыночных мамаш»³⁹, которые следили за киосками на рынках и курировали местную торговлю во всей Африке, «властные и самоуверенные, и все это к лучшему».

Она не самоутверждалась как феминистка; она просто ей была. То, что она начала с должности стенографистки, что было, наравне с учительницей и медсестрой, стереотипом женской работы, не имеет значения. Не имеет значения и то, что какое-то время она пользовалась косметическим кремом, «краской для ног» на оттенок темнее, чем натуральная кожа, чтобы имитировать нейлоновые чулки, которые она презирала; или что на скорую руку готовила печенье на Рождество; покупала одежду для детей, а также была такой-то или такой-то матерью.

37. Дж. Дж. — Джейсону Эпштейну, 26 января 1971 г., архив Random House, RH 1365, ColumbiaRare.

38. Warren, p. 8.

39. Дж. Дж. — Бенджамину Х. Харди, 2 февраля 1985 г., Burns, 6:3.

Суть в том, что она была необыкновенно сильной и уверенной в себе женщиной, никогда не боявшейся выразить свое мнение или продемонстрировать свой очевидно превосходящий интеллект. Даже если бы она никогда не привлекла всеобщее внимание «Смертью и жизнью» и своим активизмом в Виллидж, а оставалась бы «просто» опытным редактором и фигурой среднего уровня в издательском деле, то, что она смогла так надежно закрепиться среди Дугов Хаскеллов и Эдов Бэконов, Льюисов Мамфордов и Чедбернов Джилпатриков в мужском мире 1958 года само по себе можно было бы считать достижением.

На закате жизни в 2005 году Джейн писала:

Как другие женщины, не идиотки и не мазохистки, я всегда признавала, что социология базируется на откровенной лжи о неполноценности женщин (и вообще всех, кто не является мужчинами западноевропейского происхождения) и природном превосходстве мужчин. Я не акцентировала на этом внимание, просто вела себя так, будто это неправда, и верила, что ложь в конце концов развевается⁴⁰.

Можно еще взглянуть на Джейн Джекобс, как бы странно это ни выглядело, как на джентльмена-любителя. Представьте, скажем, английского аристократа викторианской эпохи, которому богатство и статус позволяют с энтузиазмом на досуге заниматься наукой, литературой или искусством управления государством, исповедуя своеобразные взгляды, для которых требуется немного смелости. Может показаться, что у Джейн нет с ним ничего общего. Она не мужчина и тем более не джентльмен. Она никогда не была богатой, большую часть своей жизни не наслаждалась ничем, хотя бы отдаленно похожим на досуг. Кроме того, как писатель она и вовсе была не любителем, а бескомпромиссным профессионалом, а семья зависела отчасти и от ее заработка.

И все же она *вела* себя в некотором роде подобным образом: читала то, что ей нравилось, из любой сферы знаний, без перерыва, погружаясь настолько глубоко, насколько хотела, *как если бы* у нее были все время и деньги мира. Она не отказывала себе в удовольствии иметь невероятно широкий диапазон интересов, которые она *делала* своими собственными. Она переживала, что работает слишком медленно, слишком долго пишет книги; но в конце концов она *предоставляла себе* столько времени, сколько хотела или считала нужным, как если бы она была

40. Дж. Дж. — Фрэнку Маннхейму, 9 мая 2005 г., Burns, 43:8.

Дарвином, этим другим любителем-джентльменом, которому понадобилось двадцать лет, чтобы подготовить «Происхождение видов» к печати. И когда пришло время сказать, что она думала, Джейн приобщилась к этой традиции. Ее творчество никогда не было в долгу у какой-либо главенствующей дисциплины; поразительно часто ее тексты читаются как бесцеремонные, честные и свежие. Не зависящая от условий и ограничений четырехлетнего срока в Гарварде или доктората в Стэнфорде, она свободно игнорировала профессионалов и специалистов по городскому планированию, экономике и философии, прислушиваясь только к собственным идеям. В «Смерти и жизни» она «атаковала современное городское планирование и реконструкцию»; даже городские парки, оазисы зелени, которые находятся вроде бы вне зоны критики, не смогли избежать непосредственного внимания Джейн. В «Экономике городов» она заявила, выступив почти против всех остальных ученых, что города предшествовали сельскому хозяйству. В «Городах и богатстве наций» она развенчивала двести лет традиционной экономической науки.

Английский географ Питер Дж.Тейлор называл Джейн «любителем в логове профессионалов»⁴¹. Как мы видим, это часто приводило к неприятностям. В конце концов, «бесцеремонное, честное и свежее» может быть эксцентричным, неосведомленным и неправильным, какой Джейн иногда казалась своим критикам. Ее презрение к высокомерным панацеям, иногда к целым дисциплинам, таким как социология и планирование, может показаться упрощенным. Казалось, она иногда слишком уж жаждала списать со счетов общепринятое знание или профессиональную практику как бесполезную или того хуже. В каком-то смысле она была все еще вне закона, как тогда в Скрантоне, говоря немного «чересчур» честно, не обращая внимания на нежные чувства слушателей. Готовая мерить все по собственной нравственной и интеллектуальной мерке, она кажется антисоциальной или недостижимой, или будто ей просто наплевать. «С тех пор как я была ребенком, — сказала Джейн однажды своей племяннице Люсии Джекобс, — я не беспокоилась о том, что кто-то подумает, что я дура».

Но в итоге Джейн стала иконой свободного и честного интеллектуала. Она не имела формального образования, и буквально каждая область, в которую она вступала, могла сначала показаться ей незнакомой и чужой. Но когда она осваивалась в ней, то словно переоткрывала мир для себя, видела его све-

41. Taylor, «Jane Jacobs (1916–2006): An Appreciation», p.1983.

жим, заново, как будто темная сторона луны проявлялась в новом свете. «Она была революционером в полном смысле этого слова, — сказал о ней однажды Питер Тейлор. — Она входила в сферу исследования не для того, чтобы пересмотреть или реформировать ее; она переворачивала ее с ног на голову»⁴²; по его подсчетам, она сделала это по меньшей мере три раза. «Когда я читал ее книги, меня всегда настигала самая непрофессиональная мысль, скрывающаяся на задворках сознания: „Всыпь им, Джейн!“»

В чем-то «революционерка», в другом Джейн Джекобс была удивительно старомодна, даже консервативна. Ее антивоенная деятельность и выступления против истеблишмента 1960-х годов зачастую высоко оценивали политические консерваторы и либертарианцы; выход «Смерти и жизни» приветствовал консервативный критик Уильям Ф. Бакли-Младший⁴³, он даже внес ее в список как одну из сотни любимых книг Книжного клуба консерваторов. Ее слова, как обобщил Алекс Мазер после ее смерти, «были больше о реставрации, чем о революции»⁴⁴. Она восхищалась инноваторами и предпринимателями. Многие видели в ее экономической мысли черты «австрийской» школы экономики, выступающей за свободный рынок. Не будучи религиозной, она повела своих детей в церковь, потому что, как мы уже слышали, это дает ей «чувство удовлетворения, или даже чувство вдохновения по поводу того, что я связана долгой, крепкой и живой человеческой традицией». Ее дом в Гринвич-Виллидж давно стал знаменитым благодаря ее тем или иным видам непослушания, но она, казалось, воздерживалась от большинства из них. Джейн воплощала собой викторианские ценности. Она много работала; старалась закончить то, что начинала. Зачастую она ругала своих оппонентов в Виллидж или Торонто за то, что они, по ее мнению, не жили по совершенно обычным принципам честности,

42. Ibid., p. 1986.

43. Уильям Ф. Бакли-младший (William Frank Buckley Jr., 1925–2008) — видный американский консерватор, публичный интеллектуал, основатель журнала *National Review* (1955), маккартист, ярый антикоммунист, сторонник сохранения расовой сегрегации. Автор, по всей видимости, имеет в виду список 100 лучших книг XX века в жанре нон-фикшн, опубликованный в номере *National Review* от 3 мая 1999 года. «Смерть и жизнь» находится на 39-й позиции, а «Экономика городов» на 47-й. Кроме книг Джекобс, в рейтинг вошли книги Мартина Хайдеггера, Уинстона Черчилля, Зигмунда Фрейда, Исаяи Берлина, Эзры Паунда и др. Есть в списке и книга самого Бакли, тем не менее, он не значится среди тех, кто его составлял. — Прим. ред.

44. Mazer.

справедливости и здравого смысла. «У нее был моральный авторитет ветхозаветного пророка», — однажды сказал о ней Дэвид Кромби.

Обвинение, которое иногда ей предъявляли, состояло в том, что будучи представителем среднего класса до кончиков ногтей, она не ощущала тяжесть несправедливости, обрушившейся на многих. «Она была слепа к классовым и расовым проблемам», — говорит Герберт Ганс. У Джейн были популистские наклонности. Она не доверяла пустым заявлениям сильных мира сего. «Если планирование хорошо для людей, — говорила она в 1962 году, — то оно не должно на словах им помогать, а на деле — причинять вред»⁴⁵. Она знала, что мудрость исходит сверху столь же часто, как и снизу, и от многих — точно так же, как от немногих. Она понимала, что со многими обходятся несправедливо. Она утверждала верные, правильные и хорошие вещи: «Ребенок гораздо важнее любой идеи»⁴⁶. Она была хорошей, совершенно порядочной женщиной. Дутое величие раздражало ее. Также раздражала грубая власть, бессмысленно проявляемая хулиганами и дураками. И все же сочувствие к несчастным и униженным, вероятно, было не первым среди ее добродетелей, как иногда бывает с другими; она была слишком удачливой, обласканной судьбой и обстоятельствами.

Однажды, сообщает Нед Джекобс, в общественном роддоме Джейн услышала одну за другой истории о безнадежности и боли, проблемах с деньгами и домашнем насилии, от женщин, которых при других обстоятельствах она могла и не встретить. Она жаловалась: «Я не смогла бы пережить подобные вещи. Они бы меня разрушили». И, возможно, была права. В ее жизни не обошлось без разочарований и огорчений, конечно. Но травмы, трагедии и поражения, разрушающие душу? Нет. Не то чтобы Джейн была неженкой, но она прожила жизнь, избежав разрушительных бедствий.

«Действительно, у меня была очень легкая жизнь, — сказала она. — „Легкая“ — это не значит, что я лениво развалилась на диване, но на мне и не ездили, на самом деле. И это было

45. «Quotation of the Day», *New York Times*, May 12, 1962. В другом варианте: «Мне больно от того, что в реальности люди страдают, а в абстракции — процветают, а именно так устроено планирование» (*Matter*, p. 60). Или еще: «Нет ничего более угнетающего, чем постоянно страдать в реальности, когда тебя постоянно уверяют люди, от реальности оторванные, что в абстрактном смысле они тебе помогли» (Jane Jacobs, Alan B. Plaunt Memorial Lecture, «The Changing Economy of Canada», March 19, 1970, Burns, 42:1).

46. «Efficiency and the Commons», разговор Дж. Дж. с Дженис Гросс Стайн 15 ноября 2001 г., в *Ideas That Matter* 2, no. 2 (n. d.).

по большей части удачей»⁴⁷. Это не сделанная походя ремарка; кажется, она об этом много думала. «Вырасти в то время, когда женщин не подавляли, — это удача. Вырасти в семье, где меня не подавляли, — это удача. Найти правильного мужчину, чтобы создать с ним семью, — это большая удача! Иметь хороших, здоровых детей, это удача.

Все это — счастье».

Семья Джейн в Америке живет по меньшей мере с середины XIX века; Сабилла Боден⁴⁸, псевдоним, который Джейн использовала для сборника юношеских стихов, была реальной женщиной, жившей за четыре поколения до матери Джейн (которая в свои восемьдесят была членом Дочерей Американской революции). Сама Джейн не делала фетиша из таких генеалогических связей. Но в начале 1950-х годов, отвечая тем, кто проверял ее патриотизм во времена Маккарти, она свободно написала о предках, которые входили в непопулярные политические партии, сражались на американских войнах, страдали в тюрьмах для военнопленных, благодаря твердости характера или трудолюбию помогали сделать страну тем, чем она является. Пусть и не озабоченная собственным прошлым, она гордилась своими связями с прошлым Америки, особенно с далеким прошлым культуры и цивилизации. Чтобы понять, что на самом деле отстаивала Джейн, стоит обратиться к старой доброй «Смерти и жизни», где она жалуется на города и тротуары и думает вместо этого о цивилизации в ее лучшем и самом ценном проявлении.

Во введении к изданию «Смерти и жизни» в серии «Современная библиотека» Джейсон Эпштейн написал, что эта «и особенно последующие книги... — о динамике цивилизации, о том, как формируются, развиваются и поддерживаются жизнеспособные экономики и общества, и о силах, которые им мешают и губят их»⁴⁹. Последняя опубликованная книга Джейн, «Вперед Средневековье», прямо касается этой темы. Мы все знаем о «настоящем» Средневековье, которое последовало за распадом Римской империи, говорит она в первой главе; это был один из примеров того, чего она боялась, но всего один. «В Северной Америке», например, «мы живем на кладбище утерянных культур аборигенов»⁵⁰, начала она свою грустную лита-

47. *Matter*, p. 13.

48. См. генеалогическую карту Джекобс/Батцнер: Burns, 4:7. Настоящая Сабилла Боден умерла 4 апреля 1825 года.

49. Epstein, «Introduction», *Death and Life*, p. xii.

50. *Вперед Средневековье*, с. 11.

нию. И «что случилось с культурой, носители которой создали изумительные фрески пещеры Ласко семнадцать тысяч лет назад?» Все утеряно. «Как же и почему люди могут так резко отбросить ранее жизнеспособную культуру, что от нее не остается и следов?» Теперь нам угрожают похожие разрушительные силы. Задача этой книги, говорит она нам,

...помочь предотвратить сползание нашей культуры в тупик, поняв то, как случается подобная трагедия, а следовательно и то, как можно защититься от нее, сохранив и развив дальше живую, функционирующую культуру, ценности которой с таким трудом были завоеваны предками.

Джейн обозначила пять опорных столпов культуры, которая, как она считала, «опасно близко подошла к утрате памяти и культурной устойчивости»: семья и общество «подготовлены к распаду»; высшее образование разрушено акцентом на оценках, а не на реальных знаниях; наука и техника оказываются бессильны; правительство оторвано от своих граждан; высококвалифицированные профессии не способны организовать самоконтроль. Довольно мрачно, и легко высмеять: вот ваш уличный торговец ужасом и смертью, плачущий, что конец близок. И потом, книга «Впереди Средневековье» обратилась к тем чертам, какие Джейн уже однажды осудила, сев на своего интеллектуального конька, которого уже загнала до изнеможения. Рецензент по имени Брюс Фишер кратко обобщил: это «не та книга, за которую мы запомним Джейн Джекобс»⁵¹.

Однако, как ясно дала понять Джейн, в книге выражалась и надежда на то, что культура, находящаяся под угрозой, можно «спасти». И вот для чего предназначалась ее книга, в этом причина срочности ее подготовки. Посреди самых мрачных руин будущего, сказала она Адаму Гопнику в *The New Yorker*, люди однажды захотят узнать, «откуда взялись эти руины... Звучит очень тщеславно, но я надеюсь, что написанное мною поможет людям пойти вперед»⁵².

Джейн понимала, что современная цивилизация в ее самых солнечных и лучших проявлениях улыбнулась ей. Она наслаждалась долгой полноценной жизнью, заслужила нема-

51. Bruce Fisher. Среди других жестких рецензий — статья Митико Какутани в *The New York Times*, которая называет книгу «невероятно сырой», и Питера Лоуренса в *Journal of the Society of Architectural Historians*, охарактеризовавшего ее последнюю книгу как, возможно, «самую неоригинальную и самую неубедительную». Джейн, говорит ее сын Джим, беспокоилась, что книга не так сильна, как остальные; она писала ее в большой спешке.

52. Gopnik.

люю долю похвал со всего мира. В себе она примиряла кажущиеся противоположными ипостаси бунтаря, с одной стороны, и столпа общества, хранителя цивилизации — с другой. Она верила, говорит сын Нед, «что цивилизация замечательный феномен» и люди обязаны сохранить ее, «что мы здесь, чтобы действовать с толком, чтобы не соскользнуть назад в Средневековье». Она не была духовной личностью в обычном смысле. И еще, говорит он, «конечно, она испытывала благоговение». Перед великой сосновой рощей Нью-Гемпшира — да, но и перед всем, что создано человечеством — тоже. «Какая потеря», призывает Нед ее дух, видя, как тот исчезает.

«Джекобс начала с тротуаров, — отмечает Алекс Мазер в Канадском журнале *The Walrus*, — а закончила самой западной цивилизацией»⁵³. Но на самом деле через все книги Джейн проходят родственные темы. Попробуйте сделать список, распределив книги по темам — таким, как *города*, или *экономика*, или *дидактические диалоги*, или *мораль*. Я сделал это, составил список книг Джейн и поставил каждую из них в соответствующую категорию. Сначала мой небольшой эксперимент казался глупым и бесплодным — до тех пор, пока в один из поразительных моментов озарения перестал таким казаться: потому что одну из моих категорий я сначала даже не мог назвать: только смутное чувство процветания, роста и безопасности, устойчивая отметка душевной, здоровой *цивилизации*. Когда я пролистал все книги Джейн по очереди, начиная с «Черновики Конституции» и вплоть до «Впереди Средневековье» и потом, для ровного счета, добавив те две книги, которые она так и не закончила, каждая из них (к каким бы другим категориям она ни относилась) идеально подходила к этой одной: каждая в значительной мере была о том, что цивилизации нужно выживать и процветать, что культуре надо быть энергичной, что это нужно человечеству для процветания. История двоюродной бабушки Ханны на Аляске была приключенческой, да — но еще и историей женщины среднего возраста, пытающейся принести свет цивилизации, как она ее видела, в ту часть мира, которая больше всего в нем нуждалась. По поводу Квебека, вставшего против англоговорящей Канады, Джейн пришла к мнению, что две национальные идентичности могут решить свои трения разумно и цивилизованно. Даже маленькая Инка могла показаться олицетворением цивилизации, по крайней мере одним из ее трудолюбивых проявлений. В своих книгах Джейн была знаменосцем тех здоровых, конструктивных сил,

---

53. Mazer.

которые удерживают весь неопрятный беспорядок человечества от утопания в хаосе и невежестве. Если внимательно смотреть и ясно мыслить, была убеждена она, мир можно сделать лучшим местом. В конце «Систем выживания» Армбрустер вытаскивает еще одну бутылку шампанского, хлопает пробкой, наполняет стаканы своих друзей, поднимает собственный и предлагает тост: «За цивилизацию!»⁵⁴

«Впереди Средневековье» для Джейн — глубоко личная книга. В то время как цивилизация и ее шаткие основания могли показаться «большой» темой, в книге она постоянно обращается к малым, к событиям собственной жизни. Это возвращает нас к ее первым работам на Манхэттене; к борьбе ее отца во время Депрессии; к Хиггинсу, маленькому городку в заброшенных складках Аппалачей, горстка жителей которого забыла большую часть того, что когда-то знали их предки.

В этой последней своей книге Джейн приводила свои аргументы не так ловко, как раньше. И все же, если исполнение не удалось, ее безотлагательность взывает к нам. Словно здесь, на пороге смерти, она проливает слезу о мире, который был так добр к ней, но с которым скоро придется проститься. Человеческий мир с его многочисленными культурами, городами, достижениями искусства и науки был дитя цивилизации — и нам предназначалось его возвращать, вести к более здоровой, более яркой, более богатой жизни.

---

54. *Systems*, p. 214.

Слова благодарности

В первую очередь я хочу выразить огромную благодарность членам семьи Батцнеров и Джекобсов за их воспоминания и мысли о Джейн: Кэрол Мэнсон Биер, Декеру Батцнеру и Деборе Суорд, Неду Джекобсу и Мэри Энн Коуд, Бургин Джекобс, покойному Джону Джекобсу, Кате Джекобс, Люсии Джекобс, Джиму Джекобсу, Пат Бромс, Кейтлин Бромс-Джекобс, Джейн и Рили Хендерсонам, Энн Батцнер и покойной Кей Батцнер. Все они неизменно щедро уделяли мне время и часто предоставляли личные документы и другие свидетельства о своей жизни с Джейн.

Спасибо Дэвиду Эберсхофу, Джейсону Эпштейну, Энн Коллинз, Мэри Роув, Макс Аллену, Дэвиду Гурину, Герберту Гансу, Натану Глейзеру, Роберте Брандес Гратц, Карен Рекцух и Алану Литлвуду за их воспоминания о работе или сотрудничестве с Джейн.

Я хотел бы поблагодарить тех, кто помог мне изобразить жизнь Джейн в Скрантоне: Артура Магида — за его замечания о старом родном городе; Луиса Данцико — за то, что привел меня в Центр медицинских искусств в Скрантоне и предоставил архитектурные чертежи офиса доктора Батцнера в 1930-х годах; Джина Харрингтона — за то, что пустил меня в первый дом Джейн на Электрик-стрит; Конни Браун — за то, что показала мне дом Джейн на Монро-авеню; Эстер Кислинг — за ее воспоминания о бизнес-школе Пауэлла; Джима Дилтса и Херба Харвуда — за информацию о реалиях железнодорожных путешествий начала XX века.

За помощь с виргинскими корнями Джейн я хотел бы поблагодарить неутомимых историков, специалистов по генеалогии Бетси Батцнер-Грин и ее мужа, Джеймса К. Грина, особенно за их экскурсию по Фредериксбергу и окрестностям.

Джейн прожила всего лишь около шести месяцев в Хиггинсе в Северной Каролине, но ее пребывание там пришлось на восприимчивый возраст, это был первый настоящий выезд за пределы родного города и встреча с жизнью, очень от-

личающейся от ее собственной. Благодарю тех, кто помог мне ознакомиться с этой стороной жизни Джейн, а также ее и тети Марты деятельности в Общинном центре Хиггинса: Кей Батцнер, ныне усопшую, ее дочь Джейн Хендерсон и мужа Джейн Рили — за их гостеприимство в Северной Каролине и воспоминания о Джейн; Диану Руби Сандерсон из колледжа Уоррена Уилсона — за поиски видеозаписи Общинного центра Хиггинса; персонал Музея Раша Рея исторической ассоциации Янси в Бернсвилле в Северной Каролине. Отдельно мне бы хотелось поблагодарить Энн Батцнер за то, что она показала мне местность и снабдила меня 150-страничной коллекцией вырезок о Хиггинсе из местных изданий, таких как *Burnsville Eagle* и *Asheville Citizen*, церковных публикаций и публикаций местного Общинного центра Хиггинса. Они изначально были частью альбома и шли примерно в хронологическом порядке, но часто там не хватало полной библиографической информации. Я не нарушил этого порядка, когда получил альбом у миссис Батцнер в 2012 году, и в сносках этот источник указан как архив Энн Батцнер.

В Нью-Йорке, где Джейн жила с 1934 по 1968 год, я хочу поблагодарить Кэти Бордонаро и Перла Брауэра за то, что познакомили меня с домами Вест-Виллидж; Кэти Голдман, Джудди Керк Фитцсиммонс, Ребекку Лурье, Юджина Склера, Сару Стюарт и Сэма Холла Каплана за помощь в преодолении временного разрыва с Восточным Гарлемом 1950-х годов. Также спасибо Пьеру Тоначелю за его воспоминания о войнах Вест-Виллидж и за кипу документов, которые он так любезно предоставил (и его брату Дику — за то, что познакомил меня с ним); Эллен Перри Беркли и Рону Шифману за их воспоминания о Джейн в нью-йоркские годы и за доступ к их личной переписке. Я бесконечно благодарен за сердечную теплоту и гостеприимство Робин Хениг и ее мужу Джефу, у которых я часто останавливался в Нью-Йорке. (И еще спасибо, Робин, что сходила со мной на генеральную репетицию оперы о Джекобс и Мозесе!¹) Барбара Гарсон в Уэстбете, Райан и Джейми Уэбб в Бруклине и Джоэл и Патти Шэйндли в Оссининге также были столь любезны приютить меня во время некоторых моих поездок в Нью-Йорк; спасибо вам всем.

Я благодарен этой книге за то, что привела меня в Нью-Йорк, где я жил в детстве и юности. Работая над ней, я обно-

1. Имеется в виду мультимедийная опера «Замечательный порядок» (*A Marvelous Order*), постановка Джошуа Франкела, музыка Джадда Гринштайна на либретто Трейси К. Смит. Впервые на сцене в марте 2016 года. — *Прим. ред.*

вил свои связи с улицами Нью-Йорка и увидел многое из того, что не видел прежде, от Восточного Гарлема до Саннисайда в Квинсе. Учеником стайвесантской средней школы с 1959 по 1962 год я смотрел через Первую авеню на Стайвесант-таун или проходил мимо по пути к линии метро Канарси почти каждый день, и даже ни разу не завернул туда. Книга о Джейн дала мне шанс исправить эту ошибку.

И наконец, Торонто, где Джейн жила с 1968 года до конца жизни: за воспоминания о Джейн и ее жизни в Торонто и за знакомство с различными местами в городе я хочу поблагодарить, помимо членов семьи, о которых я уже говорил, следующих людей: Меган Огилви за мою первую автомобильную экскурсию по городу; Макса Аллена за то, что взял меня в Кингс; Алана Броудбента, Диану и Роберта Браунов, Энн Коллинз, Дэвида Кромби, Джона Даунинга, Клиффа Эслера, Кена Гринберга, Алана Литлвуда, Лиз Рикерт, Джона Сьюэлла, Бобби Спек, Ричарда Уайта, Эба Зайдлера и Марджи Зайдлер. Особую благодарность я хочу выразить Тошико Адильман за ее доброту, готовность оказать помощь, щедрость духа, за предоставленный доступ к некоторым личным документам, а также за то, что познакомила меня с «Саги мусумэ».

Хотя Джейн никогда не жила в Бостоне, он тоже причастен к этой биографии. Архив Джейн Джекобс, который приводил меня в город много раз, находится в библиотеке Бёрнса в Бостонском колледже; мой первый набег на коллекцию Бёрнса случился в конце 2010 года, когда я все еще жил в Кембридже, прежде чем на следующий год переехать в Балтимор. За теплое гостеприимство в Бостоне и окрестностях я хочу поблагодарить Энн и Дика Тоначеля, Роз Уильямс и ее покойного мужа Гэри, Джесси Аристу и Дункана Уэбба.

Благодарю следующих ученых и писателей, которые включили городское планирование, архитектуру или саму Джейн Джекобс в сферу своих интересов: Лизабет Коэн, Пьера Дерошера, Ричарда Флориду, Пола Голдбергера, Роберту Брандес Гратц, Криса Клемекса, Гленну Ланг, Тимоти Меннеля, Джаминна Крида Роуэна, Дирка Шуберта, Дэвида Уорша, Сэнди Зипп и Питера Лоуренса (в чьей первой работе о Джейн Джекобс, вышедшей в конце 1990-х годов, расставлены ориентиры, которые навели меня на перспективные направления, впоследствии мной разработанные). Спасибо Сообществу истории американского города и регионального планирования за их чрезвычайно полезные конференции в Балтиморе и Торонто.

Также я хочу поблагодарить Билла Дедмана за его помощь и поддержку в решительный момент в поисках досье Джейн

в ФБР; Анну-Марию Корли, мою бывшую студентку в MIT на курсах академического письма, за ее переводы некоторых работ Джейн для «Америки» с русского обратно на английский; Артура Магиду за серию зацепок, человеческих и цифровых, вырезки, онлайн-ссылки и отличное чувство юмора; Джейн Энтвисл Шипли за ее помощь в поисках мистера Фрэнка; Нила Клейнмана — за то, что помог получить школьные записи о сестре Джейн Бетти; Хана Хоанга, библиотеку Дуайта Б. Уолдо в Университете Западного Мичигана за материалы Роберта Хемфилла; а также Мартина Першлера — за его просветивший меня вечерний курс в Университете Джонса Хопкинса «Модернизм и постмодернизм в архитектуре».

Фонд Альфреда П. Слоуна предоставил мне существенный грант на эту книгу, позволивший мне следовать зацепкам, исследовать улицы и путешествовать, что было мне в ином случае не по карману, и таким образом помог мне сделать эту книгу лучше: спасибо вам. Вместе с Дороти Вебер, вице-президентом, которая занималась моим заявлением для рассмотрения в фонде Слоуна, я хочу поблагодарить Делию Ди Бирази и Соню Эпштейн за их очень ценную административную поддержку и советы.

Я хочу поблагодарить Майкла Карлайла, моего агента, и весь персонал издательства *Knopf* за то, что помогли книге выйти в свет. Энн Клоуз следила за всем процессом, была проницательным редактором и помогала хорошим взвешенным советом. Мэгги Хиндерс сделала дизайн книги; Кевин Бурк контролировал прохождение в печать; Джессика Перселл отвечала за то, чтобы рассказать о книге миру. Энни Эггерс, Мариса Мелендез и Тодд Портновиц справлялись с многочисленными неблагодарными редакционными делами; они были терпеливы, настойчивы, вежливы и добры.

Моя благодарность и любовь — Рашель, которая дала книге имя; Дэвиду, Гарри, Джесси и Дункану; моему покойному отцу, Чарльзу Канигелу, и моей матери, Беатрис Уолшайн Канигел, которая умерла, когда я заканчивал книгу; и всегда — моей возлюбленной Саре.

Источники

Я использовал рукописи и другие архивные источники в следующих институтах, чей персонал я искренне благодарю за помощь, терпение и профессионализм. В лихорадке охоты за архивными исследованиями легко затерять имена тех людей за стойками и рядом со стеллажами, кто тебе помог. Но я перед ними в большом долгу, перед всеми, кто занимается этой работой. Я пишу это в то время, когда варварские силы на Ближнем Востоке разрушают драгоценные артефакты нашего культурного наследия. Работа в большой библиотеке или архиве напоминает нам обо всем, что в одно мгновение можно потерять навсегда.

Университет Блумсберга, Пенсильвания

Первые исторические материалы о педагогическом колледже, любезно представленные Робертом Данкельбергером, архивистом, Библиотека Андрусса.

Бруклинское историческое общество, Бруклин, Нью-Йорк

Бруклин около 1934 года

Библиотека Бёрнса, Бостонский колледж, Массачусетс

Архив Джейн Джекобс; особая благодарность Жюстин Сандэрэм, которая помогала мне с самого начала в 2010 году и, вместе со своими коллегами, все последующие годы.

Центр пуэрториканских исследований, Хантер-колледж, Нью-Йорк

Архив Элен Лурье

Колумбийское историческое и генеалогическое общество, Блумсберг, Пенсильвания

Блумсберг и Эспи

Колумбийская университетская библиотека редких книг и рукописей, Нью-Йорк

Архив *Columbia University Press*

Архив Герберта Ганса

Архив *Union Settlement*

Архив *Random House*, особенно архив Джейсона Эпштейна; Вох 535 — его документы с 1959 по 1962 год; Вох 1365 — с 1962 по 1984 год

Колумбийский университет, Библиотека архитектуры и изобразительных искусств Авери, Нью-Йорк

Архив Дугласа Хаскелла

Архив Джеймса Марстона Фитча

Федеральное бюро расследований, Вашингтон, округ Колумбия

228-страничное досье на Джейн Джекобс, запрошенное в соответствии с Законом о свободе информации/Законом о неприкосновенности частной жизни.

Г Л А З А , У С Т Р Е М Л Е Н Н Ы Е Н А У Л И Ц У

Общество сохранения исторического наследия в Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк

Лакаванское историческое общество, Скрантон, Пенсильвания

История Скрантона, справочники улиц, архивы газет

Музей современного искусства, Нью-Йорк

Выставка Ле Корбюзье, *An Atlas of Modern Landscapes*, 2013

Национальный архив, Колледж-парк, Мэриленд

Журнал «Америка» по большей части RG 59, P 316

Национальный архив, Сент-Луис, Миссури

Федеральные записи о трудоустройстве Джейн с ее работы в Управлении военной информации и в журнале «Америка», включая заявления о приеме на работу, рейтинги эффективности, детальное описание должностных обязанностей, заявления на отпуск, ссылки на отчеты ФБР, заметки о личной активности, платежные ведомости, доклады и т. д.; всего около 180 страниц.

Нью-Йоркское историческое общество

Архив Питера Фрасса и компании

Выставка *WWII & NYC*, 2013

Городской архив, Нью-Йорк

Архив Голдстоуна

Архив Городской комиссии по планированию

Архивный центр Фонда Рокфеллера, Слип-Холлоу, Нью-Йорк

Архив Чедберна Джилпатрика

Архив Джона Маркла

Центральная средняя школа Скрантона, Пенсильвания

Школьные записи Джейн (Донна Залески, библиотекарь)

Справочная библиотека Торонто

Личные архивы

Тошико Адильман, Эллен Перри Беркли, Энн Батцнер, Декера Батцнера, Энн Коллинз, Дэвида Эберсхофа, Клиффа Эслера, Роберты Брандес Гратц, Бетси Батцнер Грин и Джеймса К. Грина, Дэвида Гурина, Джима Джекобса, Люсии Джекобс и Пьера Тоначеля

Сокращения

Для экономии места в сносках при указании на ряд часто упоминаемых источников используются следующие сокращения.

- Burns — Jane Jacobs Papers, MS1995–29, John J. Burns Library, Boston College.
CollPark — National Archives and Records Administration, College Park, Maryland.
ColumbiaRare — Columbia University Rare Book and Manuscript Library, New York.
ФВ1 — ФБР, досье на Джейн Джекобс.
HaskellPap — Douglas Haskell Papers, Columbia University, Avery Architectural and Fine Arts Library, New York.
Rockefeller — Rockefeller Archive Center, Sleepy Hollow, New York.
StL — National Archives and Records Administration, St. Louis, Missouri.
- Alaska* — Jacobs, Jane, ed., with introduction and commentary. *A Schoolteacher in Old Alaska: The Story of Hannah Breece*. New York: Vintage Books, 1997.
CityWealth — Jacobs, Jane. *Cities and the Wealth of Nations: Principles of Economic Life*. New York: Vintage Books, 1985.
Chaff — Butzner, Jane, ed. *Constitutional Chaff—Rejected Suggestions of the Constitutional Convention of 1787 with Explanatory Argument*. New York: Columbia University Press, 1941.
Ethics — Lawrence, Fred, ed. *Ethics in Making a Living: The Jane Jacobs Conference*. Atlanta: Scholars Press, 1989.
Girl — Jacobs, Jane. *The Girl on the Hat*. Illustrated by Karen Reczuch. Toronto: Oxford University Press, 1989.
KentVillage — Weiner, Vicki, and Anthony Wood. Leticia Kent, oral history interview. Greenwich Village Society for Historic Preservation, October 8, 1997.
LaurenceDiss — Laurence, Peter. «Jane Jacobs, American Architectural Criticism and Urban Design Theory, 1935–1965». Unpublished doctoral dissertation. University of Pennsylvania, 2009.
Matter — Allen, Max, ed. *Ideas That Matter: The Worlds of Jane Jacobs*. Owen Sound, Ont.: Ginger Press, 1997.
Nature — Jacobs, Jane. *The Nature of Economies*. New York: Vintage Books, 2001.
Projects — Zipp, Samuel. *Manhattan Projects: The Rise and Fall of Urban Renewal in Cold War New York*. New York: Oxford University Press, 2010.
Systems — Jacobs, Jane. *Systems of Survival: A Dialogue on the Moral Foundations of Commerce and Politics*. New York: Vintage Books, 1994.
Transatlantic — Klemek, Christopher. *The Transatlantic Collapse of Urban Renewal: Postwar Urbanism from New York to Berlin*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
Wisdom — Hirt, Sonia, ed., with Diane Zahm. *The Urban Wisdom of Jane Jacobs*. New York: Routledge, 2012.
WPA — *The WPA Guide to New York City*. New York: Pantheon, 1982 [1939].
- Впереди Средневековье* — Джекобс, Джейн. *Закат Америки. Впереди Средневековье*, пер. с англ. В. Л. Глазычева. Москва: Европа, 2006.
Смерть и жизнь — Джекобс, Джейн. *Смерть и жизнь больших американских городов*, пер. с англ. Л. Мотылева. Москва: Новое издательство, 2011.

Список литературы

В библиографию не включены «Википедия» и подобные онлайн-ресурсы, обычные газетные статьи, некрологи, брошюры и информационные бюллетени; обычная генеалогическая информация о Батцнерах, Робисонах и Джекобах; газетные вырезки и тому подобное, что касается местной истории. В случае необходимости они по большей части указываются в сносках.

Книга 1997 года *Ideas That Matter* под редакцией Макса Аллена — это особенно богатая выборка информации о Джейн Джекобс, содержащая сотни статей, писем и цитат, взятых из архива Джейн Джекобс, содержащихся в библиотеке Бёрнса в Бостоне, равно как и некоторые исходные материалы. В сносках на эту важнейшую книгу указывается просто номер статьи; за дальнейшей библиографической ссылкой обратитесь к самой книге. Книга *Ideas That Matter* возникла на основе конференции под тем же названием, проведенной в Торонто в 1997 году. То же самое название было использовано для существовавшего недолго журнала, в этом случае название указано полностью.

Что касается собственных работ Джекобс, работы, опубликованные под девичьей фамилией, Джейн Батцнер, приведены под этим именем. На статьи, написанные для «Америки», для русского издания приводится ссылка в тексте и в сносках.

Книги Джейн Джекобс

The Death and Life of Great American Cities. 50th anniversary edition. New York: Modern Library, 2011 [Random House, 1961].

The Economy of Cities. New York: Vintage Books, 1970.

The Question of Separatism: Quebec and the Struggle over Sovereignty. Montreal: Baraka Books, 1980.

Cities and the Wealth of Nations: Principles of Economic Life. New York: Vintage Books, 1985.

The Girl on the Hat. Illustrated by Karen Reczuch. Toronto: Oxford University Press, 1989.

Systems of Survival: A Dialogue on the Moral Foundations of Commerce and Politics. New York: Vintage Books, 1994.

The Nature of Economies. New York: Vintage Books, 2001.

Dark Age Ahead. New York: Vintage Books, 2005.

Jacobs, Jane, ed., with introduction and commentary. *A Schoolteacher in Old Alaska: The Story of Hannah Breece*. New York: Vintage Books, 1997.

Смерть и жизнь больших американских городов, пер. с англ. Л. Мотылева. Москва: Новое издательство, 2011.

Экономика городов. Новосибирск: Культурное наследие, 2008.

Города и богатство наций. Принципы экономической жизни, под общ. ред. О. Н. Лугового. Новосибирск: Культурное наследие, 2009.

Закат Америки. Впереди Средневековье, пер. с англ. В. Л. Глазычева. Москва: Европа, 2006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Избранные статьи (включая неподписанные, автором которых
считается Джейн Джекобс), выступления, доклады*

- «Islands the Boats Pass By». *Harper's Bazaar* (July 1947).
- «Big Double Hospital». *Architectural Forum* (June 1952), unbylined.
- «Self-Selection». *Architectural Forum* (November 1953), unbylined.
- «Hitch-hiking with the Fish». Unpublished article, ca. 1954. Burns, 22:8.
- «Philadelphia's Redevelopment». *Architectural Forum* (July 1955), unbylined.
- «The Missing Link in City Redevelopment». *Architectural Forum* (June 1956).
- «By 1976 What City Pattern?». *Architectural Forum* (September 1956), unbylined.
- «Our „Surplus“ Land». *Architectural Forum* (March 1957), unbylined editorial.
- «New York's Office Boom». *Architectural Forum* (March 1957).
- «Row Houses for Cities». *Architectural Forum* (May 1957).
- «Metropolitan Government». *Architectural Forum* (August 1957).
- «Washington». *Architectural Forum* (January 1958).
- «The City's Threat to Open Land». *Architectural Forum* (January 1958), unbylined.
- «Redevelopment Today». *Architectural Forum* (April 1958), unbylined.
- «Downtown Is for People». In Whyte, *The Exploding Metropolis*, Berkeley: University of California Press, 1993, p. 157–184.
- «Talk Given April 20, 1958, at a dinner panel of the New School Associates». Typescript. Burns.
- «New Heart for Baltimore». *Architectural Forum* (June 1958).
- «What Is a City?». *Architectural Forum* (July 1958), unbylined editorial.
- «Housing for the Independent Age». *Architectural Forum* (August 1958).
- «Modern City Planning: The Victory over Vitality». *Columbia University Forum* (Fall 1961).
- «Remarks at Ceremony at Westbeth, Late 1960s». Annotated typescript. Burns, 42:1.
- «The Citizen in Urban Renewal: Participation or Manipulation?» Typescript. February 21, 1962. Burns.
- Unpublished, untitled two-page essay on civil disobedience, ca. November 1967. Burns.
- «Strategies for Helping Cities». *American Economic Review* (September 1969).
- «Response to Remarks by Mr. Rouse and Mr. Safdie». Typescript. Boston, 1980. Burns.
- «Can Big Plans Solve the Problem of Renewal?» Typescript of lecture, for international congress *Considerations in Urban Redevelopment*, Hamburg, West Germany, 1981. Burns, 13:1.
- «Why TVA Failed». *New York Review of Books* (May 10, 1984).
- «The Responsibilities of Cities». Typescript. Queen's Lecture, Royal Palace, Amsterdam, September 1984. Burns.
- Speech on women as business creators. Typescript. November 1992. Burns, 13:1.
- «Reading, Writing, and Love-Apples». In Ellen Perry Berkeley, *At Grandmother's Table*. Minneapolis: Fairview Press, 2000.
- «Time and Change as Neighbourhood Allies». *Ideas That Matter* 3, no. 2 (n. d.), p. 4–7. Excerpted from address given on receiving 2001 Vincent Scully Prize. Burns, 22:33.
- Introduction to Mark Twain's „The Innocents Abroad“. New York: Modern Library, 2003.
- «The Past, Present and Future of the Office Skyscraper». Lewis Mumford lecture, May 6, 2004. Typescript, in several edited versions, courtesy Anne Collins and David Ebershoff.
- «The Greening of the City». *New York Times* (May 16, 2004).

Вторичные источники

- «Abattoir for Sacred Cows». Brief reviews of „The Death and Life of Great American Cities“, by Charles Abrams, Henry S. Churchill, Leonard K. Eaton, Robert L. Geddes, Percival Goodman, Kevin Lynch, Eugene Raskin, and Catherine Bauer Wurster. *Progressive Architecture* (April 1962).

- Alexander, Don. *Jane Jacobs: Urban Wisdom*. Princeton, N. J.: Films for the Humanities and Sciences, 2006.
- Alexander, Don, and Joe Weadick. Interview with Jane Jacobs. October 2000. Transcript. Burns, 38:1.
- Alexiou, Alice Sparberg. *Jane Jacobs: Urban Visionary*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2006.
- Allen, Max, ed. *Ideas That Matter: The Worlds of Jane Jacobs*. Owen Sound, Ont.: Ginger Press, 1997.
- Amateau, Albert. «Jane Jacobs, Urban Legend, Returns Downtown». *Villager* (New York), May 14–20, 2004.
- . «Jane Jacobs, Activist Who Saved Village, Is Dead at 89». *Villager* (New York), April 26–May 2, 2006.
- «Analysis and Comments on the West Village Plan for Housing». Chairman Ballard Papers, New York City Municipal Archives. Кристофер Клемек предполагает, что «данный материал был подготовлен в рамках Градостроительной комиссии где-то после июня 1963 года» и до июля 1964 года (*The Transatlantic*, p. 291, n. 40).
- Atkinson, Brooks. «Jane Jacobs, Author of Book on Cities, Makes the Most of Living in One». *New York Times*, November 10, 1961.
- Auchincloss, Eve, and Nancy Lynch. «Disturber of the Peace: Jane Jacobs». *Mademoiselle* (October 1962).
- Ballon, Hillary, and Kenneth T. Jackson. *Robert Moses and the Modern City: The Transformation of New York*. New York: W. W. Norton, 2007.
- Barber, John. «Jacobs Embraced as Economic Guru». *Globe and Mail*, October 15, 1997.
- Beaman, Ned. «Rereading: „The Death and Life of Great American Cities“ by Jane Jacobs». *The Guardian*, www.guardian.co.uk, October 14, 2011.
- Bébout, Rick. «Master Builders Meet Citizen Activists». <http://www.rbebout.com/queen/mtc/2ptref.htm>, 2002.
- Berman, Marshall. *All That Is Solid Melts Into Air: The Experience of Modernity*. New York: Simon and Schuster, 1982.
- Blake, Peter. *Form Follows Fiasco: Why Modern Architecture Hasn't Worked*. Boston: Little, Brown, 1976.
- . *No Place Like Utopia: Modern Architecture and the Company We Kept*. New York: Alfred A. Knopf, 1993.
- Bole, William. «Urban Legend». *Boston College Magazine* (Fall 2010), p. 14–22.
- Books and Authors Luncheon, March 19, 1962. Audio. New York City Municipal Archives, wnyc_LT9522.
- Bramwell, Austin. «Cobblestone Conservative». *American Conservative*, October 5, 2011.
- Brand, Stewart. «Vital Cities: An Interview with Jane Jacobs». *Whole Earth* (Winter 1998).
- Bromley, Hank. «The Convention Follies, Part 5: A Conversation with Jane Jacobs». *Artvoice* 11, no. 30 (July 27, 2000).
- The Burning Wound*. Film. McLuhan Associates, 1970.
- Butzner, Jane. «Where the Fur Flies». *Vogue*, November 15, 1935.
- . «Diamonds in the Tough». Typescript manuscript. Burns, 13:1 (статья публиковалась в *Vogue*.)
- . «Leather Shocking Tales». *Vogue*, March 1, 1936.
- . «WANTED: Women to Fill 2,795 Kinds of Jobs». *Washington Post*, October 26, 1942.
- . «Trylon's Steel Helps to Build Big New Nickel Plant in Cuba». *New York Herald Tribune*, December 27, 1942.
- . «Daily's Effort Saves City from „Ghost Town“ Fate». *Editor & Publisher* (1943).
- . «30,000 Unemployed and 7000 Empty Houses in Scranton, Neglected City». *Iron Age*, March 25, 1943.
- Butzner, Jane, ed. *Constitutional Chaff—Rejected Suggestions of the Constitutional Convention of 1787 with Explanatory Argument*. New York: Columbia University Press, 1941.
- Butzner, J. I. «Non-Ferrous Metals». *Iron Age*, January 7, 1943.

- . «Silver Alloy Brazing». *Iron Age*, September 23, 1943.
- Campanella, Thomas J. «Jane Jacobs and the Death and Life of American Planning». In Page, Max, and Timothy Mennel, eds. *Reconsidering Jane Jacobs*. Chicago: American Planning Association, 2011, p. 141–160.
- Caro, Robert. *The Power Broker: Robert Moses and the Fall of New York*. New York: Knopf, 1974.
- Cassegard, Carl. «Jane Jacobs — Some Critical Remarks». The World (and Books) blog, <http://www.carlcassegard.blogspot>, January 31, 2011.
- Cayo, Don. «Some Thoughts on the Matter of Ideas». *Globe and Mail*, October 25, 1997.
- Charley in New Town*. Animated film. Halas & Batchelor Cartoon Film Production. Central Office of Information (U.K.), 1948.
- Chase, Edward T. Review of „The Death and Life of Great American Cities“. *Commonweal*, December 22, 1961.
- Chavez, Roberto, Tia Duer, and Ke Fang. «Urban Economy and Development: Interview of Jane Jacobs». Transcript. World Bank, February 4, 2002.
- Christin, Pierre, and Olivier Balez. *Robert Moses: Master Builder of New York City*. London: Nobrow, 2014.
- Cohen, Lizabeth. «Ed Logue and the Struggle to Save America's Cities». *Research Briefs*. Real Estate Academic Initiative at Harvard University, March 2010.
- Crane, Elise. «The Full-Format American Dream: Amerika as a Key Tool of Cold War Public Diplomacy». *American Diplomacy* (January 2010).
- Cullum, Lee. «Where Trade Began: Jane Jacobs». *Parabola* (Winter 1993).
- Cunningham, James V. «Jane Jacobs Visits Pittsburgh». *New City* (Catholic Council on Working Life), September 15, 1962.
- Crombie, David. «Jane Jacobs: The Toronto Experience». In Goldsmith, Stephen A., and Lynne Elizabeth, eds. *What We See: Advancing the Observations of Jane Jacobs*. Oakland, Calif.: New Village Press, 2010, p. 125–134.
- Daniere, Amrita. «Canadian Urbanism and Jane Jacobs». *Journal of Urban Affairs* 22, no. 4 (2000).
- Darley, Gillian. «Ian Nairn and Jane Jacobs, the Lessons from Britain and America». *Journal of Architecture* 17, no. 2 (2012), p. 733–746.
- Davis, Mike. Review of «The Nature of Economies». *Village Voice*, April 11, 2000.
- De Backer, Mattias. «In Search of a Present-Day Utopia: The Heritage of the Modernists». Polis, European Urban Cultures Studies portal, www.polismaster.edu, May 30, 2012.
- DeLeo, Joseph, and David L. A. Gordon. «Directions for New Urban Neighbourhoods: Learning from St. Lawrence». Case study. Canadian Institute of Planners/Association of Canadian University Planning Programs, n. d.
- Dennis, Nigel. «Under the City Wall». *Sunday Telegraph* (London), May 3, 1970.
- DePalma, Anthony. «At Home with Jane Jacobs, Urban Hero». *New York Times*, November 6, 1997.
- «Deplanning the Planners». *Time*, November 10, 1961.
- Desrochers, Pierre. Review of «The Nature of Economies». *Le Québécois Libre*, April 29, 2000.
- . «The Death and Life of a Reluctant Urban Icon». *Journal of Libertarian Studies* (Fall 2007), p. 115–136.
- Desrochers, Pierre, and Gert-Jan Hospers. «Cities and Economic Development of Nations: An Essay on Jane Jacobs' Contribution to Economic Theory». *Canadian Journal of Regional Science* (Spring 2007), p. 115–130.
- Desrochers, Pierre, and Samuli Leppälä. «Opening Up the „Jacobs Spillovers“ Black Box: Local Diversity, Creativity and the Processes Underlying New Combinations». *Journal of Economic Geography* 11, no. 5 (2011), p. 843–863.
- Diehl, Lorraine B. *Over Here! New York City During World War II*. New York: Harper Collins, 2010.
- Dillon, David. «Jane Jacobs: Eyes on the Street». *Preservation* (January/February 1998), p. 39–43.
- Dorfman, Nancy. Review of «The Economy of Cities». *Journal of Economic Literature* (June 1970), p. 492–493.

- Downing, John. «Jane Jacobs: She Listened to No One». *Toronto Sun*, April 27, 2006.
- Dreir, Peter. «Jane Jacobs's Legacy». *City & Community* (September 2006), p. 227–231.
- Ehrenfelt, Alan. *The Great Inversion and the Future of the American City*. New York: Alfred A. Knopf, 2012.
- Epstein, Jason. «New York: The Prophet». *New York Review of Books*, August 13, 2009, p. 133–135.
- . Introduction. 50th anniversary edition of Jacobs, *The Death and Life of Great American Cities*, 2011.
- . «Jane Jacobs and the Republican Radicals». *New York Review of Books* blog, March 30, 2012.
- Esler, Cliff. Unpublished memoir.
- Farewell Oak Street*. Film. Grant McLean, director. National Film Board of Canada, 1953.
- Fisher, Bruce. «The War for Jane Jacobs». *Artvoice*, June 23, 2010.
- Fisher, Sean M., and Carolyn Hughes. *The Last Tenement: Confronting Community and Urban Renewal in Boston's West End*. Boston: Bostonian Society, 1992.
- Fishman, Robert. *Urban Utopias in the Twentieth Century: Ebenezer Howard, Frank Lloyd Wright, and Le Corbusier*. New York: Basic Books, 1977.
- . «Howard and the Garden». *APA Journal* (Spring 1998), p. 127–128.
- . «Rethinking Public Housing». *Places* 16, no. 2 (2004), p. 26–33.
- . «Revolt of the Urbs». In Ballon, Hillary, and Kenneth T. Jackson. *Robert Moses and the Modern City: The Transformation of New York*. New York: W. W. Norton, 2007, p. 122–129.
- Fitch, James Marston. Review of «The Economy of Cities». *Forum* (July–August 1969), p. 98–99.
- Flint, Anthony. *Wrestling with Moses: How Jane Jacobs Took on New York's Master Builder and Transformed the American City*. New York: Random House, 2009.
- Friedenberg, Edgar Z. «Splitting Up». *New York Review of Books*, November 20, 1980.
- Frigand, Sidney J. «West Village—Lessons in Urban Renewal». *Pratt Planning Papers* (February 1962), p. 3–5.
- Frigand, Sidney, and Peter Lapham. «The Laws of the Asphalt Jungle». Summary memo. Panel discussion. Museum of Modern Art, February 8, 1962. Commissioner Goldstone Papers, New York Municipal Archives.
- Fulford, Robert. «When Jane Jacobs Took On the World». *New York Times Book Review*, February 16, 1992.
- . *Accidental City: The Transformation of Toronto*. Boston: Houghton Mifflin, 1996.
- . «Radical Dreamer: Jane Jacobs on the Streets of Toronto». *Azure* (October–November 1997).
- . Review of «The Nature of Economies». *National Post*, March 28, 2000.
- Gans, Herbert J. *The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York: Free Press, 1962.
- . «City Planning and Urban Realities». Review of «Death and Life». *Commentary*, February 1, 1962.
- . «The Dream of Human Cities». Review of «The Economy of Cities». *New Republic*, June 7, 1969.
- . «Jane Jacobs: Toward an Understanding of „Death and Life of Great American Cities“». *City & Community* (September 2006), p. 213–215.
- Gerard, Warren. «Jane Jacobs Dies at 89». *Toronto Star*, April 25, 2006.
- Gladwell, Malcolm. «Designs for Working». *New Yorker*, December 11, 2000.
- Glaeser, Edward. «What a City Needs». *New Republic*, September 4, 2009.
- Glazer, Nathan. «Why City Planning Is Obsolete». *Architectural Forum* (July 1958).
- . «Letter from East Harlem». *City Journal* (Autumn 1991).
- . *From a Cause to a Style: Modernist Architecture's Encounter with the American City*. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- . «What Happened to the Social Agenda?» *American Scholar* (Spring 2007).
- Goering, John M., and Peter Meiser. «Housing and Urban Redevelopment: Two Case Studies of Community Involvement». *Housing and Society* 5, no. 3 (1978), p. 2–13.

- Goist, Park Dixon. «Lewis Mumford and „Anti-Urbanism“». *Journal of the American Institute of Planners* (September 1969), p. 340–347.
- Goldberger, Paul. «Jane Jacobs: Still a Pioneer». *New York Times Book Review*, April 28, 1996.
- . «For William H. Whyte». Unpublished lecture, January 19, 1999.
- . «Tribute to Jane Jacobs». Lecture. Greenwich Village Historic Preservation Society, October 3, 2006.
- . «Uncommon Sense». *American Scholar* (Autumn 2006).
- . *Why Architecture Matters*. New Haven: Yale University Press, 2009.
- Goldsmith, Stephen A., and Lynne Elizabeth, eds. *What We See: Advancing the Observations of Jane Jacobs*. Oakland, Calif.: New Village Press, 2010.
- Gopnik, Adam. «Cities and Songs». *New Yorker*, May 17, 2004.
- Gordon, David L. A. «Directions for New Urban Neighbourhoods: Learning from St. Lawrence». Case study. Canadian Institute of Planners/Association of Canadian University Planning Programs, n. d.
- Gratz, Roberta Brandes. *The Living City*. New York: Simon and Schuster, 1989.
- . *The Battle for Gotham: New York in the Shadow of Robert Moses and Jane Jacobs*. New York: Nation Books, 2010.
- . «Enough with „Enough with Jane Jacobs“ Already!» *Planetizen*, January 24, 2011.
- Greenberg, Ken. «The Avenger of Cities». *Literary Review of Canada* (May 2004).
- . «Jane, We Miss You Terribly». *Ecoweek* (June 2006).
- . *Walking Home: The Life and Lessons of a City Builder*. Toronto: Vintage Canada, 2011.
- Greene, Betsy Butzner, and Jim Greene. Butzner Family History, unpublished genealogy, January 2012.
- Greene, Laurie. «Regent Park: A Brief History». *Ideas That Matter* 3, no. 1 (n. d.), p. 30–33.
- Hacker, Andrew. «Back to Nature». Review of «The Nature of Economics». *New York Review of Books*, June 15, 2000.
- Hampson, Sarah. «Grand Old Jane». *Toronto Life*, November 1, 1997.
- Harris, Blake. «Cities and Web Economics: Interview with Jane Jacobs». <http://www.digitalcommunities.com>, 2002.
- Harvey, Charlotte Bruce. «A Ruthless Mind». *Boston College Magazine* (Summer 1998), p. 35–42.
- Hill, David R. «Jane Jacobs' Ideas on Big, Diverse Cities: A Review and Commentary». *Journal of the American Planning Association* (Summer 1988), p. 302–314.
- Hirt, Sonia, ed., with Diane Zahm. *The Urban Wisdom of Jane Jacobs*. New York: Routledge, 2012.
- Hock, Jennifer. «Jane Jacobs and the West Village: The Neighborhood Against Urban Renewal». *Journal of the Society of Architectural Historians* 66, no. 1 (March 2007), p. 16–19.
- Hodge, Gerald. Review of «The Economy of Cities». *Journal of the American Institute of Planners* 36, no. 2 (1970), p. 133–134.
- Holden, Alfred. «Pillar of Community». *Taddle Creek* (May 2004).
- . «The Timely Arrival of Citizen Jane». *Toronto Star*, April 30, 2006.
- . «Jane Jacobs, 1916–2006». *Taddle Creek* (Summer 2006).
- Hoppenfeld, Morton, and A. Melamed. Reviews of «The Death and Life of Great American Cities». *Journal of the American Institute of Planners* 28, no. 2 (1962), p. 136–139.
- Hume, Christopher. «Big Ideas: Learning the Lessons of St. Lawrence Neighbourhood». *Toronto Star*, May 3, 2014.
- Husock, Howard. «Urban Iconoclast: Jane Jacobs Revisited». *City Journal* (Winter 1994).
- «Industry Builds Kitimat — First Complete New Town in North America». *Architectural Forum* (July 1954), p. 128–147.
- Isserman, Andrew M. Review of «Cities and the Wealth of Nations». *Journal of the American Planning Association* 51, no. 2 (1985), p. 230–231.
- Jackson, Kenneth T. *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. New York: Oxford University Press, 1985.
- . *WWII & NYC*. New York: New-York Historical Society, 2012.
- Jacobs, John Kedzie. *The Stranger in the Attic: Finding a Lost Brother in His Letters Home*. Self-published, 2013.

- Jacobs, Lucia. Video interview of Jane Jacobs, 1992. Courtesy of Lucia Jacobs.
- Jacobs, Ned. «Changing the World by Saving Place». *Alternatives Journal* (Summer 2002), p. 33–36.
- Jacobs, Robert Hyde Jr. «A Structural Approach to Art Appreciation». *College Art Journal* (Winter 1947–1948), p. 107–115.
- James, Ryan K. «From „Slum Clearance“ to „Revitalisation“: Planning, Expertise and Moral Regulation in Toronto’s Regent Park». *Planning Perspectives* (January 2010), p. 69–86.
- «Jane Jacobs — The Nature of Economies». The Pinocchio Theory, blog, <http://www.shavirro.com>.
- «Jane Jacobs Audio Tour of Toronto’s Annex Neighborhood». Sarah Elton, producer. City of Toronto Office of the Public Realm, CBC/Radio Canada, and Jane’s Walk, 2013.
- «Jane Jacobs Speaks Out». *City* (Toronto) 1, no. 1 (Summer 1969).
- Janeway, Elizabeth, ed. *The Writer’s World*. New York: McGraw-Hill, 1969.
- Kakutani, Michiko. «A Lover of Urban Life Fears Decline and Fall». *New York Times*, June 15, 2004.
- Kaunitz, Rita D. Review of Whyte, «The Exploding Metropolis». *Journal of the American Institute of Planners* 25, no. 3 (1958), p. 159–161.
- Kellerman, Regina M., ed. *The Architecture of the Greenwich Village Waterfront*. New York: New York University Press, 1989.
- Kent, Leticia. «Jane Jacobs: Against Urban Renewal, for Urban Life». *New York Times*, May 25, 1969.
- . «Jane Jacobs». Oral history interview. Greenwich Village Society for Historic Preservation, October 1997.
- Kidder, Paul. «The Urbanist Ethics of Jane Jacobs». *Ethics, Place and Environment* 11, no. 3 (October 2008), p. 253–266.
- Kimmelman, Michael. «An Expert on Cities, at Home in the World». *New York Times*, May 31, 1993.
- Kinkelo, David. «Cities, Nature and Health: The Ecological Landscapes of Jane Jacobs and Rachel Carson». Paper delivered at 5th Round Table on Urban Environmental History, Berlin, July 6, 2008.
- Klemek, Christopher. «Placing Jane Jacobs Within the Transatlantic Urban Conversation». *Journal of the American Planning Association* (Winter 2007), p. 49–67.
- . «Bacon’s Rebellion». *Context* (Spring 2007).
- . «From Political Outsider to Power Broker in Two „Great American Cities“». *Journal of Urban History* (January 2008), p. 309–332.
- . *The Transatlantic Collapse of Urban Renewal: Postwar Urbanism from New York to Berlin*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- Kramer, Jane. «The Ranks and Rungs of Mrs. Jacobs’ Ladder». In Kramer, *Off Washington Square*. New York: Dell, Sloan & Pearce, 1963.
- Krauss, Clifford. «Public Lives: War? Terrorists? No, Here’s What’s Really Scary». *New York Times*, June 29, 2004.
- Krieger, Alex, and William S. Saunders. *Urban Design*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009.
- Kunstler, Jim. Interview, Jane Jacobs, September 6, 2000. *Metropolis* (March 2001).
- Kuttner, Robert. «Green Ideas». Review of «The Nature of Economies». *New York Times*, March 12, 2000.
- Lang, Glenna, and Marjory Wunsch. *Genius of Common Sense: Jane Jacobs and the Story of «The Death and Life of Great American Cities»*. Boston: Godine, 2009.
- Laurence, Peter. «Recontextualizing Jane Jacobs: Jane Jacobs and American Architecture, 1948–1968». Unpublished research thesis document. Harvard Graduate School of Design, 1999. Burns, 39:10.
- . Review of «Dark Age Ahead». *Journal of the Society of Architectural Historians* (March 2005), p. 126–128.
- . «The Death and Life of Urban Design: Jacobs, the Rockefeller Foundation, and the

- New Research in Urbanism, 1955–1965». *Journal of Urban Design* (June 2006), p. 145–172.
- . «Contradictions and Complexities: Jane Jacobs’s and Robert Venturi’s Complexity Theories». *Journal of Architectural Education* (2006), p. 49–60.
- . Review of «Jane Jacobs: Urban Visionary». *Journal of Architectural Education* (2007), p. 52–54.
- . «Jane Jacobs Before „Death and Life“». *Journal of the Society of Architectural Historians* (March 2007), p. 5–15.
- . «Jane Jacobs, American Architectural Criticism and Urban Design Theory, 1935–1965». Unpublished doctoral dissertation. University of Pennsylvania, 2009.
- . «The Unknown Jane Jacobs: Geographer, Propagandist, City Planning Idealist». In Page, Max, and Timothy Mennel, eds. *Reconsidering Jane Jacobs*. Chicago: American Planning Association, 2011, p. 15–36.
- Lawrence, Fred, ed. *Ethics in Making a Living: The Jane Jacobs Conference*. Atlanta: Scholars Press, 1989.
- Leblanc, Dave. «35 Years On, St. Lawrence Template for Urban Housing». *Globe and Mail*, February 8, 2013.
- Lehmann-Haupt, Christopher. «Seeing Humans as Cogs in the Wheel of Nature». *New York Times*, March 2, 2000.
- Littlewood, Alan. Reminiscence in: Allen, Max, ed. *Ideas That Matter: The Worlds of Jane Jacobs*. Owen Sound, Ont.: Ginger Press, 1997, p. 202–204.
- . «Jane Jacobs: Memories». Unpublished typescript, October 2013. Written for the author.
- Logue, Edward J. «The View from the „Village“ Is Not Enough». Typescript. For *Architectural Forum* (March 1962). Burns.
- . «Attack from Hudson Street». *American Scholar* (Spring 1962), p. 343–344.
- Lovewell, Mark. «Micro-Enterprise Rules the Day». *Literary Review of Canada* (May 2004), p. 6–8.
- Lurie, Ellen. «The Dreary Deadlock of Public Housing—How to Break it». *Architectural Forum* (June 1957).
- . «Community Action in East Harlem». In Leonard J. Duhl, *The Urban Condition; People and Policy in the Metropolis*. New York: Simon and Schuster, 1963.
- Mannes, Marya. *The New York I Know*. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1961.
- Manshel, Andrew. «Enough with Jane Jacobs Already». <http://www.wsj.com>, June 29, 2010.
- Martin, Douglas. «Jane Jacobs, Social Critic Who Redefined and Championed Cities, Is Dead at 89». *New York Times*, April 26, 2006.
- Martin, Sandra. «An Urban Legend». *Maclean’s*, October 20, 1997.
- . «Jane Jacobs, Writer, Urban Planner, Activist»: 1916–2006». *Globe and Mail*, April 26, 2006.
- . «Jane Jacobs». In Sandra Martin, *Working the Dead Beat: 50 Lives That Changed Canada*. Toronto: Anansi, 2012.
- Mazer, Alex. «City Limits». *Walrus* (May 2007).
- McCall, Christina. «Let’s Cherish Our Cities». *Chatelaine* (November 1970).
- McCrary, Lewis. «The Death and Life of Great American Cities at 50». *American Conservative*, October 5, 2011.
- McQuade, Walter. «Architecture». *Nation*, March 17, 1962.
- Mehaffy, Michael. «The Power of Jane Jacobs’ „Web Way of Thinking“». *Planetizen*, December 15, 2011.
- Mellon, James G. «Visions of the Livable City: Reflections on the Jacobs-Mumford Debate». *Ethics, Place and Environment* (March 2009), p. 35–48.
- Mendleson, Rachel. «How to Get Big Ideas Off the Ground: Toronto Mayors Edition». *Toronto Star*, October 10, 2014.
- Mennel, Timothy. «Jane Jacobs, Andy Warhol, and the Kind of Problem a Community Is». In Page, Max, and Timothy Mennel, eds. *Reconsidering Jane Jacobs*. Chicago: American Planning Association, 2011, p. 119–128.

- . «A Fight to Forget: Renewal, Robert Moses, Jane Jacobs, and the Stories of Our Cities». *Journal of Urban History* (2011), p. 1–8.
- Mennel, Timothy, Jo Steffens, and Christopher Klemek, eds. *Block by Block: Jane Jacobs and the Future of New York*. New York: Princeton Architectural Press, 2007.
- Miller, Donald L. *Lewis Mumford: A Life*. New York: Grove Press, 1989.
- Mitchell, Joseph. *Up in the Old Hotel*. New York: Vintage, 1993.
- Montgomery, Roger. «Is There Still Life in „The Death and Life?“». *Journal of the American Planning Association* (Summer 1998), p. 269–274.
- Moore, Denny. «Sunshine Spread Between States». *Presbyterian Advance*, September 15, 1932.
- Morris, Jan. *Manhattan '45*. New York: Oxford University Press, 1987.
- Moser, Sarah. «Jane Jacobs' West Village: Then and Now». Unpublished master's thesis. Tufts University, 2011.
- Moses, Robert. «What Happened to Haussmann». *Architectural Forum* (July 1942), p. 57–66.
- Mumford, Lewis. «Revaluations I: Howard's Garden City». *New York Review of Books*, April 8, 1965.
- . *The Urban Prospect*. New York: Harcourt, Brace & World, 1968.
- Nichols, Mary Perot. «Village Housing Plan: Unslumming Without Tears». *Village Voice*, January 30, 1969.
- Nowlan, David M. «Jane Jacobs Among the Economists». In Allen, Max, ed. *Ideas That Matter: The Worlds of Jane Jacobs*. Owen Sound, Ont.: Ginger Press, 1997, p. 111–113.
- Osman, Suleiman. *The Invention of Brownstone Brooklyn: Gentrification and the Search for Authenticity in Postwar New York*. New York: Oxford University Press, 2011.
- «Our Nation's Capital—The City and the Freeway». Transcript. May 23, 1965. Burns. *Our Presbyterian Heritage, 1706–1993*. Council of the Mayland Presbyterian Fellowship (churches in Mitchell, Avery, and Yancey counties, N.C.), 1995.
- Ouroussoff, Nicolai. «Outgrowing Jane Jacobs». *New York Times*, April 30, 2006.
- Page, Max, and Timothy Mennel, eds. *Reconsidering Jane Jacobs*. Chicago: American Planning Association, 2011.
- Pfretzschner, Paul A. «Panning the Planners». *Antioch Review* (Spring 1962), p. 130–136.
- Philpot, Robin. «An Interview with Jane Jacobs», May 2, 2005. In Jacobs, *The Question of Separatism*, 2011 edition.
- Pirenne, Henri. *Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1969 [1925].
- Platt, Rutherford H. «Holly Whyte: Visionary for a Humane Metropolis». *Land Lines* (Lincoln Institute of Land Policy) (January 2003).
- Plummer, Kevin. «Historicist: Marshall McLuhan, Urban Activist». Torontoist, blog, www.torontoist.com, June 4, 2011.
- Pommer, Alfred, and Eleanor Winters. *Exploring the Original West Village*. Charleston, S.C.: History Press, 2011.
- Powell, Michael. «An Urban Theorist Questions the Gospel of St. Jane». New York Times blog, February 19, 2010, cityroom.blogs.nytimes.com.
- Prescott, Orville. Review of «The Death and Life of Great American Cities». *New York Times*, November 3, 1961.
- The Pruitt-Igoe Myth: An Urban History*. Documentary. Chad Freidrichs, director. 2011.
- «Regeneration in the Kings: Directions and Emerging Trends». Urban Development Services, [Toronto] City Planning Division, November 2002.
- «Report of the [New York] City Planning Commission on the Designation of the West Village Area as Appropriate for Urban Renewal and as Master Plan». October 18, 1961, p. 1–14. New York City Municipal Archives.
- Richert, Evan D., and Mark B. Lapping. «Ebenezer Howard and the Garden City». *APA Journal* (Spring 1998), p. 125–127.
- Riggenbach, Jeff. «Jane Jacobs: Libertarian Outsider». Ludwig von Mises Institute of Canada, <http://www.mises.ca/posts/articles/jane-jacobs-libertarian-outsider>, December 13, 2012.
- Rochon, Lisa. «Jane Jacobs at 81». *Metropolis* (April 1998).

- . «Time to Think Big About Jane». *Globe and Mail*, October 17, 2006.
- Roger, Robin. «The Jane Jacobs of the Arctic». *Books in Canada* (November 1995), p. 4–6.
- Rogers, Elizabeth Barlow. «Robert Moses and the Modern City». Review of three museum exhibits devoted to Moses. *Journal of the Society of Architectural Historians* (March 2008), p. 130–133.
- Rosenfelder, Mark. «It's the Cities, Stupid: Jane Jacobs on Cities». <http://www.zompist.com>, ca. 2000.
- Rothstein, Edward. «Jane Jacobs, Foe of Plans and Friend of City Life». *New York Times*, September 25, 2007.
- Row, Arthur T. Review of «The Death and Life of Great American Cities». *Yale Law Journal* (July 1962), p. 1597–1602.
- Rowan, Jamin Creed. «The Redevelopment of „Human and Social Values in Modern City Life“: Jane Jacobs and the Rockefeller Foundation». Rockefeller Archive Center Research Reports Online, 2009.
- . «The New York School of Urban Ecology: The New Yorker, Rachel Carson, and Jane Jacobs». *American Literature* (September 2010), p. 583–610.
- . «The Literary Craft of Jane Jacobs». In Page, Max, and Timothy Mennel, eds. *Reconsidering Jane Jacobs*. Chicago: American Planning Association, 201, p. 43–56.
- . «Sidewalk Narratives, Tenement Narratives: Seeing Urban Renewal Through the Settlement Movement». *Journal of Urban History* no. 10 (2012), p. 1–19.
- Rowe, Mary W. «Background on the Neighbourhood of Regent Park, Toronto». *Ideas That Matter* 3, no. 2 (n. d.), p. 20–22.
- Russell, Paul. «Guest Column—Jane Jacobs: „Toronto“'s Greatest Single Menace is the Spadina Expressway'». *Toronto Life* (June 1969), p. 9–10.
- Ryan, Alan. «Cautionary Tales». *New York Review of Books*, June 24, 1993.
- Rybczynski, Witold. *Makeshift Metropolis: Ideas About Cities*. New York: Scribner, 2010.
- Salisbury, Harrison. «Cities in the Grip of Revolution». Review of Whyte, „The Exploding Metropolis“. *New York Times Book Review*, October 5, 1958.
- Saunders, Doug. «Citizen Jane». *Globe and Mail*, October 11, 1997.
- Schwarz, Benjamin. «Gentrification and Its Discontents». *Atlantic* (June 2010).
- Schubert, Dirk, ed. *Contemporary Perspectives on Jane Jacobs: Reassessing the Impacts of an Urban Visionary*. Burlington, Vt.: Ashgate, 2014.
- Sennett, Richard. «An Urban Anarchist». *New York Review of Books*, January 1, 1970.
- Sewell, John. *Up Against City Hall*. Toronto: James Lewis & Samuel, 1972.
- . *The Shape of the City: Toronto Struggles with Modern Planning*. Toronto: University of Toronto Press, 1993.
- . «Jane Jacobs in Conversation». *Ideas That Matter* 3, no. 3, (n.d), p. 31–33.
- Silver, Nathan. «Jane Jacobs for Example». *Columbia Forum* (Summer 1972), p. 47–49.
- Smith, Michael E., Jason Ur, and Gary M. Feinman. «Jane Jacobs' „Cities First“ Model and Archeological Reality». *International Journal of Urban and Regional Research* 38 (2014), p. 1525–1535.
- Soja, Edward W. «Putting Cities First: Remapping the Origins of Urbanism». In Gary Bridge and Sophie Watson, eds., *Companion to the City*. New York: Blackwell, 2002.
- Solnit, Rebecca. «Three Who Made a Revolution». *Nation*, April 3, 2006.
- Solow, Robert. «Economics of Truth». *New Republic*, May 15, 2000.
- Soren, Richard. «Jane Jacobs on Diane Arbus». Unpublished interview, March 1, 2004. Burns, 43:6.
- Sorkin, Michael. *Twenty Minutes in Manhattan*. New York: North Point Press, 2013.
- Sorkin, Michael, and Robert Campbell. «Two Critics Assess Jane Jacobs and Her Legacy». *Architectural Record* (June 2006).
- Staley, Sam. «Disequilibrium and Time in the Urban Economy: Reassessing the Contributions of Jane Jacobs to Development Theory». *Market Process* 7, no. 1 (Spring 1989), p. 16–21.
- Starr, Roger. *Urban Choices: The City and Its Critics*. Baltimore: Penguin, 1967.
- Steigerwald, Bill. «City Views». Interview with Jane Jacobs. *Reason* (June 2001).

- Stephens, Josh. «50 Years Later, Jacobs Still Leads a Sorority of Dissent». *California Planning & Development Report* 26, no. 23 (December 1, 2011).
- Stern, Robert A. M., Thomas Mellins, and David Fishman. *New York 1960: Architecture and Urbanism Between the Second World War and the Bicentennial*. 2nd edition. New York: Monacelli Press, 1997.
- Taylor, Peter J. «Jane Jacobs (1916–2006): An Appreciation». *Environment and Planning A* 38 (2006), p. 1981–1992.
- . «Extraordinary Cities: Early City-ness and the Origins of Agriculture and States». *International Journal of Urban and Regional Research* online, January 19, 2012.
- . «Post-Childe, Post-Wirth: Respond to Smith, Ur and Feinman». *International Journal of Urban and Regional Research* online, December 12, 2014.
- Teaford, Jon C. «Urban Renewal and Its Aftermath». *Housing Policy Debate* 11, no. 2 (2000), p. 443–465.
- Teleky, Richard. «Editing „Old Ladies“». *Canadian Literature* (Spring 2014).
- Tobin, Anne-Marie. «Urban Planning Guru Jane Jacobs on the Traps We Set for Ourselves». *All About Canoes*, March 27, 2000.
- Tochterman, Brian. «Theorizing Neoliberal Urban Development: A Genealogy from Richard Florida to Jane Jacobs». *Radical History Review* (Winter 2014), p. 65–87.
- Turner, Christopher. «Mother Courage». *Guardian*, September 11, 2009.
- «Urban Design: Condensed Report of an Invitation Conference Sponsored by Faculty and Alumni Association of Graduate School of Design, Harvard University, April 9–10, 1956». *Progressive Architecture* (August 1956), p. 97–112.
- Vaca, Diane. «Jane Jacobs, Rachel Carson, Betty Friedan: One Provocative Evening». <http://www.womenforchange.org>, November 15, 2011.
- Vafidis, Jen. «Jane Jacobs Looks into the Gloom». *Guernica*, December 18, 2012.
- Valpy, Michael. «A Prophet for a Toxic Age». *Literary Review of Canada* (Spring 2004), p. 9–11.
- . «Afraid of the Dark?» Review of «Dark Age Ahead». Blog, <http://www.forum.dallas-metropolis.com>, May 8, 2004.
- Vitulo-Martin, Julia. «West Village Houses a Monument to a 1960s Development Battle». *New York Sun*, August 30, 2007.
- Von Hoffman, Alexander. «High Ambitions: The Past and Future of American Low-Income Housing Policy». *Housing Policy Debate* 7, no. 3 (1996), p. 423–446.
- . «A Study in Contradictions: The Origins and Legacy of the Housing Act of 1949». *Housing Policy Debate* 11, no. 2 (2000), p. 299–326.
- Wachtel, Eleanor. «A Conversation with Jane Jacobs». *Brick 70* (Winter 2002).
- Ware, Caroline F. *Greenwich Village, 1920–1930*. Berkeley: University of California Press, 1963 [1935].
- Warren, David. «Two Ways to Live». Interview with Jane Jacobs. *Idler* (Summer 1993), p. 6–17.
- Warsh, David. *Knowledge and the Wealth of Nations: A Story of Economic Discovery*. New York: W. W. Norton, 2006.
- Weiner, Vicki. «Edith Lyons». Oral history interview. Greenwich Village Society for Historic Preservation, February 19, 1997, and July 3, 1998.
- Weiner, Vicki, and Anthony Wood. «Leticia Kent». Oral history interview. Greenwich Village Society for Historic Preservation, October 8, 1997.
- Wellman, Barry. «Jane Jacobs, the Torontonian». Research Bulletin #30. Centre for Urban and Community Studies, University of Toronto, July 2006.
- «West Village Plan for Housing». Brochure. West Village Committee, 1963. Burns.
- White, E. B. *Here Is New York*. New York: Little Bookroom, 1999 [1949].
- White, Richard. «Jane Jacobs and Toronto, 1968–1978». *Journal of Planning History* 2, no. 10 (2011), p. 114–138.
- Whyte, William H. Jr. New introduction to «The WPA Guide to New York City». New York: Pantheon, 1982 [1939].
- Whyte, William H. Jr., ed. *The Exploding Metropolis*. Berkeley: University of California Press, 1993 [1958].
- Wickens, Stephen. «The Death and Life at 50». *Globe and Mail*, May 7, 2011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Wiles, Will. «Saint Jane». Urbanophile, <http://www.urbanophile.com/2011/03/01/saint-jane-by-will-wiles>.
- Winkler, Allan M. *The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942–1945*. New Haven, CT.: Yale University Press, 1978.
- Wolfe, Alan. «How We Live Now». Review of «Systems of Survival». *New York Times*, July 25, 1993.
- Wurster, Catherine Bauer. «The Social Front of Modern Architecture in the 1930s». *Journal of the Society of Architectural Historians* (March 1965), p. 48–52.
- Zeidler, Eberhard. *Buildings Cities Life: An Autobiography in Architecture*. Toronto: Dundurn, 2013.
- Zipp, Samuel. *Manhattan Projects: The Rise and Fall of Urban Renewal in Cold War New York*. New York: Oxford University Press, 2010.
- . «Living for the City: On Jane Jacobs». *Nation*, April 5, 2010.
- . «Superblock Stories, or Ten Episodes in the History of Public Housing». *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice* (2013), p. 38–73.
- Zukin, Sharon. «Jane Jacobs: The Struggle Continues». *City & Community* (September 2006), p. 223–226.
- . «Reading *The Urban Villagers* as a Cultural Document: Ethnicity, Modernity, and Capital». *City and Community* (March 2007), p. 39–48.
- . *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. New York: Oxford University Press, 2010.
- . «Jane Jacobs». *Architectural Review* (November 2011).

Научное издание

Серия «Интеллектуальная биография»

РОБЕРТ КАНИГЕЛ
ГЛАЗА, УСТРЕМЛЕННЫЕ
НА УЛИЦУ
ЖИЗНЬ ДЖЕЙН ДЖЕКОбС

Главный редактор В. В. Анашвили
Редактор К. Г. Заманская
Художник В. П. Вертинский
Оригинал-макет, верстка С. Д. Зиновьев

Подписано в печать 06.11.2018. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 40,3. Тираж 1000 экз. Изд. № 347

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru. Заказ №

ISBN: 978-5-7749-1409-8

9 785774 914098

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО
РАНХиГС

Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ

ЕГОР ТИМУРОВИЧ ГАЙДАР. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11-15.
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАУ. Государство и экономика.
Опыт экономических реформ.
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАУ. Экономика и власть. Опыт
посткоммунистической трансформации.

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

ЭЛАЙДЖА УОЛД. Как The Beatles уничтожили рок-н-ролл.
ПЬЕР БУРДЬЕ. Экономическая антропология.
ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ. Элементарные формы религиозной жизни:
тотемическая система в Австралии.
АЙВАН МОРРИС. Мир блистательного принца: придворная жизнь
в древней Японии.
ДЭНИЕЛ ХЕДРИК. Власть над народами. Технологии, природа и
западный империализм с 1400 года до наших дней.
ХАЙДЕГГЕР, «Черные тетради» и Россия. Сборник статей.
МАЙКЛ МАНН. Источники социальной власти: в 4 т.
КВЕНТИН СКИННЕР. Истоки политической мысли Нового време-
ни: в 2 т.
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ. Бесславные ублюдки, бешеные псы. Вселен-
ная Квентина Тарантино.
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Конь в кармане: лирическая культурология.
БОРИС ПАРАМОНОВ, ИВАН ТОЛСТОЙ. Бедлам как Вифлеем.
Беседы любителей русского слова.
СТИВ ФУЛЛЕР. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума
внутри и вне академии.
ИЦХАК ГИЛЬБОА. Как принять наилучшее решение? Теория
принятия решений на практике.

Кеннет Померанц. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики.

Пьер Бурдьё. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992).

Нильс Лунинг Прак. Язык архитектуры.

Митчелл Дин. Правительность: власть и правление в современных обществах.

Ян де Фрис. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйства с 1650 года до наших дней.

Джон Урри. Офшоры.

Стейн Ринген. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения.

Энтони Гидденс. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?

Ричард Лахман. Что такое историческая социология?

Доминик Перлер. Теории интенциональности в Средние века. Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв.

Малкольм Булл. Анти-Ницше.

Юрген Каубе. Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох.

Рюдигер Сафрански. Ницше: биография его мысли.

Георгий Старостин. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским.

Максим Кронгауз. Слово за слово: о русском языке и не только.

Александр Мещеряков. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения.

Осмысление природы в японской культуре. Сборник статей.

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ»

Рэй Монк. Людвиг Витгенштейн: долг гения.

Тифен Самойо. Ролан Барт: биография

Рюдигер Сафрански. Гёте: жизнь как искусство.

Бенуа Петерс. Деррида.

Ховард Айленд, Майкл У. Дженнингс. Вальтер Беньямин: критическая жизнь.

В СЕРИИ «ТЕХНОЛОГИИ / ИННОВАЦИИ / ДИЗАЙН»

Адам Гринфилд. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни.

Джон Урри. Как выглядит будущее?

Ричард Болдуин. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация.

Роберто Верганти. Инновации, направляемые дизайном: как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций.

В СЕРИИ «ОЧЕНЬ КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ»

Кен Бинмор. Теория игр.
Эйн-Я Гура, Майкл Машлер. Экскурс в теорию игр. Нетипичные математические сюжеты.
Дэвид Дж. Хэнд. Статистика.
Майкл Аллингем. Теория выбора.
Авинаш Диксит. Микроэкономика.
Парта Дасгупта. Экономика.

В СЕРИИ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК»

Дарон Асемоглу. Введение в теорию современного экономического роста.
Стивен Д. Уильямсон. Макроэкономика.
Жерар Дебре. Теория ценности: аксиоматический анализ экономического равновесия.
Чарльз Джонс, Дитрих Воллрат. Введение в теорию экономического роста.
А. Мас-Колелл, М. Д. Уинстон, Дж. Р. Грин. Микроэкономическая теория: в 2 кн.
Жан Тироль. Теория корпоративных финансов: в 2 кн.
Фумио Хайяши. Эконометрика.
Питер Кеннеди. Путеводитель по эконометрике: в 2 кн.
Уильям Г. Грин. Эконометрический анализ: в 2 кн.
Морис Обстфельд, Кеннет Рогофф. Основы международной макроэкономики.
Джеймс Сток, Марк Уотсон. Введение в эконометрику.
Майкл Уикенс. Макроэкономическая теория: подход динамического общего равновесия.
Карл Уолш. Монетарная теория и монетарная политика.
Э. Колин Кэмерон, Правин К. Триведи. Микроэконометрика: методы и их применения: в 2 кн.
О. Бланшар, С. Фишер. Лекции по макроэкономике.

В СЕРИИ «МИНИСТРЫ ФИНАНСОВ РОССИИ»

Егор Канкрин. Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство.

*В СЕРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»*

Александр Изгоев. Рожденное в революционной смуте.
Алексей Головачев. История железнодорожного дела в России.
Александр Гершенкрон. Экономическая отсталость в исторической перспективе.
Александр Фурсенко. Династия Рокфеллеров. Нефтяные войны (конец XIX — начало XX века).

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

Ричард Лахман. Государства и власть.
Марк Эван Бондс. Абсолютная музыка: история идеи.
Боб Джессоп. Государство: прошлое, настоящее, будущее.
Алекс Месуди. Культурная эволюция.

В СЕРИИ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК»

Р. Дэвидсон, Дж. Г. Мак-Киннон. Теория и методы
эконометрики.
Стивен Ландсбург. Теория цен и ее применение.
Иян Маккай. Право и экономика для континентальной
правовой традиции.
Джон Кохрейн. Ценообразование активов.
Роберт Кутер, Томас Улен. Право и экономика.